

ИНДЕКС 73375 (Роспечать)
51845 (МАП)

Читайте в первом номере 2017 года!
Эксклюзив: воспоминания Елены Рождественской -
первой жены Роберта Рождественского

СЕВЕР

11
+
12

20
16

СЕВЕР

11+12
ноябрь-декабрь
2016
ISSN 0131-8222

В номере:

Марина Воронина. «Семейные ценности»
Русский милиционер в США
С. Пылев. «Пес с золотыми зубами»
Н. Перясов о Михаиле Булгакове

РУССКИЙ СЕВЕР

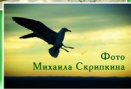

Фото
Михаила Скрипкина

СЕВЕР

Артистический
и издательский
журнал

Читайте журнал «Север»!

Дорогие читатели!
Подписку на журнал «Север»
на 2016 год

можно оформить в любом отделении
почтовой связи

по каталогу «Распечатать»

Почтовый индекс – 73375

Периодичность выходов –

раз в два месяца (6 номеров в год).

Подписная цена на полугодие – 760 р.

Также можно подписаться на журнал
через редакцию:

Цена редакционной подписки
на полгода без почтовых расходов – всего 300 р.

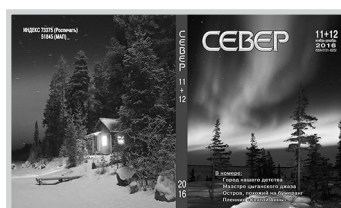
Подписка с доставкой

по «Почте России» - 600 р.

Справки по e-mail: sever@karelia.ru

или по телефону 8(8142) 78-47-36

ПОЭЗИЯ

Олег МОШНИКОВ «К НЕБУ
ВЗДЫБИЛАСЬ ВОЛНА...» (12+) **3**

Андрей ПОПОВ «И Я УЧИЛСЯ
ПОНИМАТЬ И ПЛАКАТЬ...» (12+) **31**

Борис ИЛЮТИК «И ВЫДЕЛЕНА МНЕ
БЫЛА СУДЬБА...» (12+) **33**

Валерий ЧЕРКЕСОВ «ОТЗЫВАЕТСЯ
ПЛАЧЕМ ДУША...» (12+) **167**

ПРОЗА

Марина ВОРОНИНА СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ,
повесть (16+) **5**

Наталья МЕЛЕХИНА МАЗЕГА; ПАРАСИН КРЕСТ;
ЦИРК МАЛИНОВЫЙ;
И ПАДАЛИ ЛИСТЬЯ..., рассказы (12+) **38**

Тимофей ЮРГЕЛОВ НОСТАЛЬДЖИЯ-КАНАЛЬЯ,
рассказ (12+) **64**

Александр ЛОМТЕВ ХРОНИКА УХОДЯЩИХ
ВРЕМЕН, рассказы (12+) **114**

Надежда СЕРЕДИНА ГДЕ МОЙ ОТЕЦ?,
роман (окончание) (16+) **130**

ТАЙНЫ ИСТОРИИ

ГОДЫ ОЛОНЕЦКОЙ СЛУЖ-
БЫ ШТАБ-ОФИЦЕРА
Константин БЕЛОУСОВ КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА
МЫШЕЦКОГО (12+) **28**

ДЕБЮТ В «СЕВЕРЕ»

Владимир МИЩЕНКО «ОЖЕРЕЛЬЕ ИЗ БРЕВЕНЧА-
ТЫХ МОСТОВ...», стихи (12+) **63**

ЛИЧНЫЙ АРХИВ

ИЗ ЗАМЕТОК О МИХАИЛЕ
Николай ПЕРЕЯСЛОВ АФАНАСЬЕВИЧЕ
БУЛГАКОВЕ (12+) **34**

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

«ТАК ПОЛЮБИЛ Я (12+)
ДРЕВНИЕ ДОРОГИ...»:
дорожные мотивы в лирике
Илья НИЧИПОРОВ Н. Рубцова **54**

МОНПАНСЬЕ

ПРО ВОВКУ СИДОРОВА
(Школьные загадки; Дела;
Про слова; Вовкины фанта-
зии; Лиумас Кашрам;

Леонид МЕДВЕДЕВ Остаться с носом; Фами-
льное), рассказы (6+) **58**

С ДРУГОЙ СТОРОНЫ

Вадим ИЗМАЙЛОВ КОМАНДИРОВКА В США (12+) **74**

СЕВЕР

Литературный конкурс журнала «Север» СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА

Екатерина (12+)
ЕВСЕЕВА «ВОДОЮ ТАЛОГО СНЕГА...», стихи **113**

ЛИЧНЫЙ АРХИВ

Михаил (12+)
БУЗИК С НОСТАЛЬГИЕЙ ПО ДЕТСТВУ **169**

ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ

Сергей ПЁС С ЗОЛОТЫМИ ЗУБАМИ
ПЫЛЕВ (документальная повесть) (12+) **202**

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Вадимир ЭТОТ ЛАСКОВЫЙ (12+)
ТРУСОВ «СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР» **230**

Владимир КНИГА О РУССКИХ (12+)
КОРКУНОВ И ДЛЯ РУССКИХ **232**

Вениамин (12+)
СЛЕПКОВ С ДОБРЫМ СЕРДЦЕМ **234**

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2016 ГОД **236**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ **240**

Журнал «СЕВЕР»

идет по подписке во все регионы России.

Журнал поступает в администрации областей и республик Северо-Запада.

Содержание журнала не обязательно отражает точку зрения редакции на затронутые темы.

За точность фактов и цифр ответственность несут авторы.

Редакция пока не имеет возможности платить авторский гонорар. Авторам высылаются журналы с их публикациями.

Редакция оставляет за собой право не вступать в переписку с авторами, произведения которых не будут опубликованы.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При использовании материалов, опубликованных в журнале, просим непременно ссылаться на «СЕВЕР».

Главный редактор **Е.Е. Пиетиляйнен**

 (8142)

гл. редактор **78 47 36**

отв. секретарь. **78 47 36**

отделы: **78 48 05**

прозы,
поэзии,
публицистики

E-mail:

sever@karelia.ru

Для рукописей:

sever-journal@mail.ru

Наша страница в Интернете:

<http://sever-journal.ru>

Адрес редакции: **185035, г. Петрозаводск,**

Пушкинская, 13, журнал «Север»

Адрес издательства: **185035, г. Петрозаводск,**

Пушкинская, 13, «Север»

АУ редакция журнала «СЕВЕР»

Формат 84х100 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 23,4. Уч.-изд. л. 29,66 Заказ 1753. Тираж 1000 экз.
Типография ООО «4+4». 185007, г. Петрозаводск, пр. Лесной, 51. Верстка выполнена в компьютерном центре журнала «Север».

Подписано в печать 19.10.2016: по графику 12.00, факт. 12.00. Дата выхода в свет: 08.11.2016

г. Петрозаводск, «СЕВЕР», 2016 г.

Олег Эдуардович МОШНИКОВ

родился 1 ноября 1964 года в г. Петрозаводске.

Кадровый офицер.

Подполковник внутренней службы в отставке,
но продолжает трудиться в одном из подразделений МЧС.

Публиковался в журналах «Север», «Карелия», «Урал»,
«Уральский следопыт», «День и Ночь», «Юность»,
«Наши современники», «Огни Кузбасса».

Автор трёх сборников стихов и трёх книг прозы.
Лауреат 6-го Международного поэтического конкурса
«Звезда полей-2015» (г. Москва)

в номинации «Басни, сатира, юмор».

Член Союза писателей России.

Олег

МОШНИКОВ

г. Петрозаводск

«К НЕБУ ВЗДЫБИЛАСЬ ВОЛНА...»

ЗВЕЗДОПАД

Зацепит снасть
поток июльских звёзд...

Не дожидаясь клёва на рассвете,
у берега блеснувший звёздный хвост
поднял волну —
тростник тому свидетель.

И развернувший лодочку рыбак
табанит зыбь
кругов, ушедших в берег,
и сердце беспокойное никак
в счастливое спасение не верит...

Доплыть до звёзд,
не дать пойти ко дну,
под толщу бездыханности озёрной! —
Сливается, раздвинув глубину,
ночное небо
с ячеёю чёрной.

И, выбрав сеть,
прорех не сосчитать,
и дышит грудь строкою вдохновенной:
Доплыть до звёзд!..
О чём ещё мечтать
Восторженным Свидетелям Вселенной.

* * *

Звёздный круг над полигоном.
Бьют в мишень слова.
Полон мир морозным звоном.
Ухнула сова.

Алой звёздочки коснулась
Белая финифть:
Неприкаянную юность
Не за что винить.

Отпустить обиды просто,
Тяжко — ворошить.
Строчкой — очередью звёздной —
Циферблат прошит,

Чтоб в тревоге о любимой
Досчитать до ста...
Высока, неповторима
Тишина поста.

Тень совы бежит за мышью,
Снежных крыльев гул...
Я тебя, как прежде, слышу,
Первый караул.

ПЕТРОЗАВОДСК

Храм.
Свечной теплеет воск.
Щит Державы —
Не искал Петрозаводск
Ратной славы,

Не искал... А всё одно
С вех Петровых
Шёл чугунный лом на дно,
Чтобы снова

К небу вздыбилась волна
И упала,
Затопила край война,
Захлестала,

Перебив в концлагерях
«Сброд» не финский...
Крест на кладбище в Песках —
В память близких —

О прощении блажит,
Боже, свете...
Близ часовенка стоит,
В сенцах ветер.

Пряча в тёплую ладонь
Пламя свечки,
Сохраним в душе огонь
Светлый, вечный.

НА СВАЛКЕ

«ЗИЛ» проседает
И стонет под грузом —
Северной тьмой,
Непогодой гоним:
Двигаясь боком,
Скоком и юзом,
Следуют
Странные тени
За ним.

Тени — за кузовом —
Люди и чайки.
Снова в природе
Отбор и навал:

Хищные когти
Впиваются в палки,
Рваные локти
Орудуют в свалке!
Долю бездомным —
Привёз самосвал.

НОЯБРЬ

Будто водит бес,
Будто в стельку пьян...
О коряги лес
Изорвал кафтан.
Жадно воду пьёт.
Голова — в огне.
Колобродил год,
Пряча грудь в рванье.
Всколыхнул волну.
Мокрый рот утёр.
Мягкий мох ему
Кудельки заплёл:
Отдохни, старик...
Буйных листьев мгла
На озерный лик
Бородой легла.

Птицы давно ли
Кружили над морем —
Грузные крылья
Повисли плетью.

Люди давно ли
В прошлой юдоли
С крыльями были,
Были людьми...

Марина
ВОРОНИНА

Городец Нижегородской области

1

Когда бабушка умерла, земля под домом поднялась дыбом. словно дождавшись освобождения от надоевшей насельницы, испод стремительно прорастал всем, что веками таилось в придавленных недрах. Сквозь лопнувшие доски пола пробиралась наверх трава, таща следом комья смёрзшегося грунта, камни, слежавшееся тряпье, корни. Пахло холодом и смертью. Посреди громадной кухни горбатилось нечто монолитное, похожее на спину чудища.

Колоссальная печь, белоснежная от постоянной побелки, испёкшая тысячи шанег и рыбников, с неизменным горшком пшённой каши на теплых кирпичах, теперь раскололась, развалилась надвое. В груде извёстки и кирпичных обломков синела шербатая верхушка огромного валуна.

Дверь в комнату лежала далеко внутри, будто её выбило взрывной волной.

— Мне страшно, — прошептала Елена. Не понимая, куда и как поставить ногу, чтобы не провалиться, нужно ли здесь вообще двигаться, не утянет ли, она ухватила за рукав сестры. — Может, уйдём?

Татьяна не ответила. Внимательно и настороженно, точно минёр или сыщик, смотрела она на разгром. Было и страшно, и грустно, и неожиданно, и холодил восторг возможной схватки с чем-то, уничтожающим сейчас дом. Казалось, если она крикнет «эй, кто-нибудь, что происходит?» — горб чудища шевельнётся. И разлетится всё по сторонам вместе с двумя изумлёнными женщинами. Быть убитой издыхающим жилищем умершей сорок дней назад бабушки — не смешно ли? Прихлопнутой сосновыми половицами, которые они ребятянками, обучаясь хозяйничать, тёрли и намывали — не обидно ли!.. Всё, что творилось вокруг, оставалось вне какого-либо разума, только возмущало и притягивало, как манит ныряльщики глубина.

С осторожностью, боясь не столько свалиться, сколько потревожить чей-то перерыв в раз-

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ

повесть

рушительной работе, Татьяна пробралась в бабушкину спальню. Кровати не было. На оголённых, но пока целых стенах не висело ни фотографий, ни знаменитой метровой косы, напоминавшей девочкам скальп из романов Майна Рида. Диван стоял на месте, даже с ящиками.

— Тяни, — Татьяна указала на него сестре.

— Боюсь...

— Заладила одно и то же, сорока! Тяни, говорю.

В запылённых ящиках отыскиались стеклянный гардеробный номерок с цифрой семь, самодельная фоторамка и крохотная деревянная трубка, прокуренная до дыры. Татьяна понюхала. От трубки терпко несло вевшимся табаком.

Задребезжали оконные стёкла, словно их кто-то потряс. Деревья на улице стояли не шелохнувшись. Из распахнутой дверцы голландки вылетело пыльное облачко. Зев железной печи был забит грунтом, будто ей затыкали рот.

— Уходим. Стул возьми.

— Какой еще? — прошептала Елена.

— Вон, валяется.

За диваном лежал венский стул, с дырочками в отполированном многими задницами круглом сиденье. Схватив его, сестра помчалась обратно и буквально скатилась с задранной горизонтальной коридорной лестницы.

Татьяна ещё постояла на пороге, запоминая картину разгрома. Какая-то неведомая сила уничтожала дом так мощно и яростно, что сомнений не возникало: здесь и сейчас уничтожается память. На некогда жилом, живом и даже знаменитом месте должна остаться только каменная земля. Горб дорастёт до скалы и окончательно задавит его, закроет навсегда.

«Где же ты нагрела, в чём напортчила, Екатерина Алексеевна?» — подумала Татьяна и неожиданно для себя поклонилась в пояс тому, что уже нетерпеливо ожидало её ухода. Стёкла дребезжали всюду, воздух потрескивал, от земли потянуло прелью. Трижды перекрестившись, она повернулась спиной и, с трудом сдерживая желание оглянуться, спустилась на улицу. Забрала у растерянной сестры стул и поспешила в сторону людей и машин.

— Чувство, что там никогда и никто не жил, — осторожно начала Елена. — Но ведь сорок дней! Месяц... Куда всё делось?

— Забрали. Есть кому.

— Старушечьи-то штмотки? У неё даже простенького телевизора не было. Книжки и разговоры за самоваром, и те — шёпотом. Может, бомжи разворовали?

— Спроси что-нибудь полегче...

— Нет, какие тут бомжи? Столько домов брошенных — живи в удовольствие. Я посмотрела — так прямо обезумела: улицы пустых гнилявок! Властям лень даже электричество в них отключить, что уж говорить, чтобы бульдозер прислали.

— Да, страшный город, — поддержала Татьяна.

Они шли по некогда центральной улице своего детства, мимо бывшего кинотеатра, бывшей школы, бывшего дома культуры. Пятиэтажные хрущобы слепо моргали застеклёнными балконами. Общественная баня была ещё жива, действовала, но кусты боярышника с китайками — бывший палисадник, где даже лавочка стояла, — давно усохли, и некому было сжечь в кочегарке кривые обвалившиеся стволы. Длинный бетонный мост зиял дырами, смещёнными плитами, выпавшими перилами и не рухнул пока в бурные волны только потому, что редко кто проходил и проезжал по нему. А когда-то он слыл инженерным достижением, тянулся далеко, километра на полтора, соединяя растёкшееся устье студёного Белого моря.

Женщины несли стул, на них никто не оглядывался. С моря привычно задувал ветер, пахло гниющими водорослями.

— Бомжи не могли, — продолжала практичная Елена. — Да и как бы они сунулись туда, где Борис хозяин, в принципе.

— Значит, сам Борис. Что подходящее — снёс в скупку, в металлолом, пропил. Остальное — на свалку.

— Стал бы он носить, на свалку таскать! А братья его младшие где?

— Померли.

— Камни эти... Слушай, может, подкоп делали? Искали ценности? Как тогда, у прадедушки. А что! Бабуля тот ещё фрукт была.

— Лен, какие глупости ты городишь. Там подвала никогда не было. Дом на сваях стоял, потому что внизу — мерзлота. И с чего ты решила, что — фрукт?

— Ну а как же! Помнишь, у неё народ всякий

топтался? Кто только не сидел за самоваром! Даже парни молодые приходили. И главное, хоть бы раз я кого-то знакомого увидела! Ходят и ходят, шу-шу да шу-шу... Один чаёвник — за дверь, другой — ему на смену. И всё по-тихому, как в больнице. Вот что это было?.. Сомневаюсь, выходила ли сама бабуля куда из дома?

— Скажешь тоже! Конечно, выходила. Забыла? Сколько раз мы после уроков прибегали, а к дверям батожок приставлен — нет никого.

— Ага! — обрадовалась Елена. — Батожок! Вот искушение, скажи! Дом открыт, одна только палочка сторожит.

— И однажды ты эту палочку отодвинула, — засмеялась Татьяна, вспомнив, как нетерпеливая, шустрая семилетняя Ленка, которую все называли «помело», не выдержала и убрала от входной двери сигнальный батожок.

Ужасно труся — то ли неизвестности, то ли внезапного возвращения бабушки, — девочки поднялись по лестнице. Девять гладких, стёртых временем ступеней.

Метров в шестьдесят — оттого полупустая, кухня была привычно строга, тиха и надраена. Блестел на солнце голый пол. Светилась свежей побелкой печь. Поставок с остывшими углями для самовара стоял на чистом железном листе, похожий на стражника в чёрном мундире. Ушастая кадушка с водой покрыта деревянной крышкой, к уху, как обычно, прицеплен медный ковшик. Хозяин кухни — самоварище вместимостью два ведра, начищенный до зеркального блеска, венчал длинный дощатый стол, застеленный клеёнкой в мелкие розовые цветочки. Девочки пару минут постояли в дверях, оглядывая знакомое, хоть и редко посещаемое место. Им нравилось и одновременно не нравилось приходить сюда, где с ними мало разговаривали, но неотступно и строго приглядывали. Каждый раз бабушка учила делать что-то по хозяйству. Как мыть полы, как стирать собственные майки, елозя куском хозяйственного мыла по ребристой цинковой доске. Всё это было скучно, нудно, а заканчивалось традиционным чаепитием и молчаливым чтением книг. Внучки листали то, что принесли с собой, а бабушка Катя — «Приваловские миллионы». Книжка читалась и перечитывалась ею так давно и долго, что разбухши-

ми страницами обрела размеры фолианта. Имелись ли в квартире другие книги, кроме «Приваловских миллионов», они не знали.

До сих пор не понятно, для чего мама упорно посылала их навещать бабушку, а когда девочки жаловались — там скучно, сурово отвечала: терпите. И почему бабушка не противилась их приходу, принимала, кормила, оставляла ночевать. Ведь она никогда не радовалась им, не привечала. Из-за любимчика Бориса? Так он уже в который раз грел очередные нары, семьи давно не существовало. А сентиментальной, умильной старушкой Екатерина Алексеевна никогда не слыха. Хотя и выглядела ею: маленькая, с круглым личиком, в светлом переднике на цветастой юбке, с теплыми ручками без двух пальцев на правой кисти.

Девочки сознавали, что мама с бабушкой друг дружку недолюбливают, мягко говоря, хотя ни та, ни другая никогда про это не произносили ни слова. На их памяти, мама побывала здесь лишь один раз.

Это произошло зимой. Татьяна помнит, что на маме было тяжёлое ватное пальто и отсыревшие от мокрого снега драповые бурки. Раздеться бабушка не предложила. Таня стояла, мама присела у порога на табуретку. О чём шёл разговор — она не поняла. В конце им завернули на дорожку пяток картофельных шанег, только что вынутых из печи. Дома мама выложила еще горячие шаньги на блюдо и воскликнула:

— Хоть режь, но больше всего на свете я люблю её шаньги!..

В квартире, кроме кухни — сосредоточия бабушкиных дней, имелись две комнаты. В узкой, навряд ли вместительной кладовке, жила то ли квартирантка, то ли наперсница, тетя Маша, молчаливая худая старуха в плотном платке старообрядки. Другая — просторная, с окном в полстены, отчего стена казалась стеклянной, как на веранде. От окна перегораживал комнату массивный стол с толстыми резными ножками. Девочки давно подсчитали, что поместиться за ним могли двенадцать человек, но у бабушки стояло всего два стула, один из которых они несли сейчас по городу. Стол явно был пришлым, из другой действительности, и, наверное, таил какие-то секреты. Но им никогда не удавалось хоть бы на маленько приподнять скатерть и рас-

смотреть столешницу, дабы убедиться в наличии других деталей, кроме круглых ножищ. В комнате дети никогда не оставались одни.

Была тут еще массивная этажерка со всякими мелочами, навроде коробок с пуговицами, набором спиц и веретенец, мотками овечьей шерсти, которую бабушка пряла, наверное, всей округе. Если она не пекла пироги, не пила с кем-то чай и не читала «Приваловские миллионы», значит, сидела за прялкой и накручивала на веретено мохнатые нити. Удивительно, но она никогда не связала внучкам и пары рукавиц. Тогда это почему-то не казалось странным или обидным. Даже мысли — не свяжет ли нам бабушка чего? — не возникало.

Всё, что делала баба Катя, как она жила, происходило параллельно их жизни с мамой — касалось опосредованно. Как бы часто Таня с Леной к ней ни забегали, ни оставались ночевать, ни подставляли головы под жёсткий гребешок, которым вычёсывались предполагаемые бабушкой вши, они оставались гостями. Дальними и, как скоро они поняли, бедными родственниками.

Север не располагает к явной нежности отношений. Их же баба Катя являлась исконной карельской поморкой. А те — что прибрежные валуны: сколько волны по ним ни хлещут, какие льды ни громоздятся, стоят себе вмертвую, ни осколочка не отскочит. В суровом краю и люди суровые — известно.

Ни смеха, ни песен не разносилось по огромной кухне. И дети, прибегая, с порога превращались в оловянных солдатиков. Если бы не мамина южная кровь, не врождённая любознательность и способность нафантазировать что угодно, намывая посуду и глядя на свои кривые рожицы в самоварных боках, девочек к бабушке и волоком бы не затащили.

За столом прятался пружинный диванчик с откидывающимися валиками и ящиками понику. У дальней стены — никелированная бабушкина койка, высокая от множества тюфяков под периной. Спала баба Катя практически сидя — такая гора подушек подкладывалась ей под голову. Над постелью — та дурацкая девичья коса. С чьей головы её срезали и почему, никто не объяснял. Икон Екатерина Алексеевна не держала, но, если поминала Господа,

крестилась искалеченной лапой на восток, а укладываясь спать, долго шептала какие-то молитвы, глядя в стену. На стенах висели фотографии отца с матерью и самой Екатерины. И та, грудастая, с полной шеей, увешанная речными жемчугами, Катерина настолько не походила на нынешнюю бормочущую старушонку, что Тане всегда хотелось смеяться.

В тот раз, приоткрыв незвано дверь, девочки увидели то же, что видели всегда, и через минуту уже мчались в свой дом пионеров, где было гораздо интересней и веселее, чем в бабушкином гнезде.

Они расстались с неласковой бабушкой, с продуваемым прибрежным городом, тогда вполне ещё благополучным, на исходе семидесятых, как окончили школу. И возвратились через тридцать лет, получив запоздалое известие, что Екатерина Алексеевна «нечеча отдала Богу душу» и похоронена там-то тогда-то. Тридцать лет они даже не писали ей писем. А тут что-то торкнуло повзрослевших внучек. Спешно собрались и поехали. Успели к сороковому дню, аккуратно чтоб попрощаться, если не с телом, так с духом.

Никто их не встречал, поминок не устраивал. Вместе с бабушкой и город тоже, казалось, вымер. В редких прохожих сестры никого не узнавали, и на них никто не смотрел. Бросив вещи в привокзальной комнате матери и ребёнка, они явились к осиротевшему жилищу.

И увидели то, что увидели: дом уходил в землю вслед за хозяйкой. История, содержание которой, не считая случайных упоминаний, редких деталей, было для потомков вытравлено (нечаянно или нарочно, кто объяснит?), — завершилась.

Очень скоро, через полгода, на ещё живом куске земли, спрятавшем бывшее бабушкино жильё, вырастет супермаркет, скрыв под фундаментом даже очертания, самый намёк на существование здесь некой точки мироздания. Узнав про магазин, сёстры подумают: гроша ломаного жалко дать за его безопасность. Их бы воля — обнесли бы это место оградой, оставили нетронутым, как есть, точно капище.

А пока они вернулись на вокзал и разложили захваченные трофеи.

— Зачем нам номерок? Куда сунем вонючую трубку? Чемодан табачищем пропахнет, — рассматривала их Елена. — Стул тащить через всю страну... Вечно что-нибудь выдумаешь, Танюха.

— Не верещи. Дотащим. Трубка наверняка отцовская. Тот ещё бродяга был, романтик-экспроприатор...

— Не валялась бы в диване чужая — факт. А рамка — кстати. Сунем туда деда!

— Прадеда, хочешь сказать.

— Ну да, Алексея Архиповича Няйтиева.

2

Рамка была стругана из дощечек и пропитана морилкой так качественно, что не расхлябалась и не потеряла глубокого орехового цвета, хотя сроку ей было лет пятьдесят, а то и больше. Сохранились и стекло, и гвоздочки с грубой бечёвкой для цепляния.

Фотокарточка бабушкиного отца хранилась в скудном мамином архиве. В затрёпанной бумажной папке с измахившимися тесёмками, которую дочери разбирали после похорон, лежала пара десятков снимков времён маминой запоздавшей юности. Вот она с одной подругой зимой у берёзы, вот с другой летом у входа в парк. Вот в подвязанных халатах и марлевых беретиках, живописная группа медсестёр и санитарок располагалась в больничной беседке: у ног распласталась горбунья, другие стоят в ряд, по-детски держась за руки. Везде мама самая приметная. И выше всех, и чернявее, и беретик самый кокетливый, и тень улыбки идеально очерченного рта наверняка заставляла трепетать многие суровые мужские сердца. И — никаких снимков предполагаемых родственников, никаких семейных застолий. Кроме старинной фотографии с фирменным оттиском: «Архангельск, 1916 год».

И без надписи на картонном обороте, что это Няйтиев Алексей Архипович, таможенник торгового порта села Сорока, женщины признали бы своего тридцатишестилетнего прадеда. С детства они видели это худое угрюмое лицо над бабушкиной постелью и прекрасно помнили, что из-под окладистой широкой бороды, сильно старившей Алексея Архипыча,

виднелся Георгиевский крест. Здесь Няйтиев запечатлён без креста, с пустыми погонами на гимнастёрке, в фуражке с кокардой. Он сидит нога на ногу, красуясь высокими опойковыми сапогами, и смотрит в камеру строго, надменно и недоверчиво. Дело ль делаешь, мил человек, под чёрной накидкой аппарата?..

Сёстры помнили, что из своей краткосрочной семейной жизни мама чаще всего и, главное, с удовольствием вспоминала именно дружбу с дедом, заменившим ей и свёкра, и отца.

Последние годы старик жил в одиночестве, отослав жену Дарью окончательно к дочери в город. Ни слова, ни понятия «развод» в глухих поморских селениях не существовало, но это был именно развод и, вероятно, такой же суровый, как сам Алексей. В сохранившихся письмах с фронта сына его Изота, погибшего в Румынии в 1945 году, нет и слова приветствия бате. Значит, тот уже тогда жил бобылём, а ведь прожил после Победы ещё пятнадцать лет.

«Нётти» в переводе с карельского значит «красавчик». Фамилии и прозвища попусту не дают. Это всегда метка, по которой угадывалась в человеческом стаде особь. Из-за лопатистой бороды и всегдашней хмурости признать в Алексее Архипыче красавца было затруднительно, но это с какой стороны смотреть и какими мерками мерить. Вероятно, мама смотреть умела. По-любому, во взаимной симпатии нелюдимого старика и залётной украинской красавицы Оксанки, жены его внука, усматривается сродство душ. Вроде того, что свой свояка видит издалека.

Оксанка была единственной, кого он пускал в дом. И она единственная, кто сумел туда войти, когда дед умер.

Дикого нрава лайка, няйтиевский охранник и сообщник, кидалась к двери на малейший шорох, готовая разорвать каждого, кто осмелится потревожить хозяина. В окно видели, что Архипыч помер за столом, окаменев перед миской с тюрей. Неизменный его обед: крошенный в миску с водкой ржаной хлеб и репчатый лук.

— Всё как не у людей, водку и ту ложкой хлебаёт, — рядили по деревне.

Пристрастие деда к адской смеси и тогда удивляло мужиков, возмущало баб, а нынче в такое вообще поверить сложно. Но легенда утверждает: ел тот исключительно тюрю на водке.

Сидел Архипыч сутки, а то и дольше, пока не догадались послать за Ксанкой. Три часа до города тюрхала сельсоветовская телега, три — обратно. Но, получив весть, невестка не мешкала. Как была в медицинском халате и тапочках, так со смены и поехала, только что швабру в закуток убрала.

Ксанка смело, не раздумывая, толкнула плечом тяжелую дверь и скрылась внутри. Уж собака визгу подняла, уж она каталась по полу от счастья, что явился главный человек и освободит их с хозяином от стылых оков смерти. Оксана прицепила пса в дальней кладовке, пообнимала, пошептала и наконец выпустила народ.

Гроб, как заведено у серьёзных людей, давно дожидался на чердаке, обитый чёрным сатином и устланный стружками. Похоронили Няйтиева в тот же день, на закате. Лайка исчезла неведомо куда. Оксана заперла хату и вернулась в больницу.

Дарья с дочерью не спешили ехать в деревню принимать наследство. Не лежала душа войти в пропахший махрой и спиртом дом, откуда они были изгнаны много лет назад. А когда явились, дома уже не было.

— Батюшки святы! — крестилась вдова на груду брёвен.

Рослая, с топорно скроенным, закоричневевшим от времени, но все равно чем-то неуловимо прекрасным, будто деревянная икона, лицом, она стояла перед тем, что когда-то называлось семейным гнездом. Ветер трепал по ногам старого льна юбку, срывал с головы старообрядчески повязанный плат.

Сосновый, длинный, с высоко рубленными окошками, чтобы зимой не заваливало снегом; с острой, опять же от снежной тяги, двускатной крышей, дом строился специально для молодых. Двадцатипятилетний Алексей, счастливо избегнувший русско-японской бойни, вложил в него все заработанные на таможене деньги. Строиться на берегу, как все, не пожелал.

— Не рыбак я, — нехотя объяснял он, почему ставит дом наособь, ближе к тракту, метров за триста от деревни.

И хоть правда не рыбачил Няйтиев, другим прикормом жил, не поверили, видать, мужики.

— Золотишко, баю, прячет, — нащёптывал в уши Федька Евтифеев. — Внутрях плотничать не дозволил, прогнал. Сам-от! А мы чё, видим разе, чё он на отшибе сам-от делает?

— Небось, приворовывает со шнек да карбасов, чё говорить. Сколь с Груманта товара заперещённого ташат.

— И приворовывать не надо, купчишки сами отдадут. Аль забыли, как забрали бот у Шамалуева? На мысе Бережнуха пост таможенный, так он хотел мимо шмыгануть, с норвежским ромом в трюме. Ну и задержали, известно. Ему бы сунуть солдатне бочонок, а он ярится: я-де купец первой гильдии, делиться с захребетниками не желаю, и такое прочее. Всю контрабанду забрали и улов, и бот, да штрафу еще сколько написали. Тронулся-от Шамалуев от такого горя и несправедливости...

Сказка про няйтиевское золото ходила по деревне, а вернее — тишком ползала, дабы Архипыча не озлить, до самой его смерти. И то, что старик презрел вступать в колхоз (без меня сопливьтесь в «Батраке» своем, сказал), но чем-то жил, из каких-то средств покупал ту же водку, только укрепляло подозрение земляков — точно, имеется золотишко!

Подождав Дарью с неделю, мужики не выдержали. Влезли внутрь и вначале скрытно, по ночам, рылись в дедовом подполье, простукивали стены. То ли не нашли ничего и потому рассердились, то ли нашли да следы скрывали — никто же потом не признался, не повинился, — но пришли ватагой днём, с ломami и гвоздодёрами. Разнесли дом, только груда ещё крепких брёвен и самодельная мебелишка, сваленная кучей в стороне, достались Дарье от мужа. Та шум поднимать не стала, по дворам не пошла. Вывезла всё подводой в город — дочери на дрова.

А место до сих пор нетронуто осталось, сгнившими до сухой зелени колышками отмеченное. Растёт в зарослях жёсткой поморской травы берёза, пошевеливает вислыми ветками, будто неустанно отпевает кого-то, горюет, уговаривает.

Дыма без огня не бывает. Няйтиевское золото существовало. Только сам старик об этом слыхом не слыхивал...

— Да, как раз для деда рамка, — решила Елена.
— Не пообедать ли, сестрёнка?

— Дак нет буфета. Кого кормить? Пассажиры мимо нас пулей проскакивают, — зевнула дежурная по вокзалу.

— А мы как же приехали? Не поездом разве? — резонно усомнились вокзальные постояльцы.

— То-то и оно. Кто — сюда — ещё остановят, высадят, а ради тех, кто — отсюда, — не тормозят. Звонишь раз по десять, надоедаешь, что билеты проданы.

— Но почему? Это же узловая станция! Здесь порт. Лесопильный завод, в конце концов. Как могут поезда не останавливаться на таком объекте?

— Вспомнили! Нет давно завода. И порта нет. Пяти морей... Эх, рыбу знатную там коптили — объеденье. Особенно беломорочка хороша была. А песцов каких на зверофермах разводили! Доски за границу продавали!.. Всё было. Только вот кончилось однажды. Раз — и пусто. А вы здешние, что ль? Не похожи.

— Родились тут, да.

— А я сюда соплюшкой после техникума заступила. Думала — повезло, на серьёзное место попала. Грузовые составы на запасных в очередь отправку ждут. Почтово-багажный по два часа оформлялся, столько корреспонденции всякой. С этакой станции да карьеру не сделать? А оно вишь как повернулось... Распродали город чёрт-те кто и кому. Ничего нет. Кроме магазинов. Вы сходите, купите чего поесть. У меня разогреете. А нет — так ресторан где-то там открыт, «Европа» называется.

— А как же мы назад?

— Посадим! Но, чтобы без нервов, лучше автобусом. Если недалече ехать. А так — посадим, куда ж мы денемся! Какая-никакая, а станция пока ещё, — и дежурная рассмеялась, демонстрируя редко стоящие золотые коронки в широком напояженном рту.

«Европой» оказалась бывшая столовая лесозавода. Притемнённый интерьер скрывал огрехи дешёвой отделки. На стекле, защищающем бордовую скатерть, просматривались следы фужеров и пролитых жидкостей.

— Не буду я это есть! — отшвырнула Елена меню. — С ума сойти, сколько стоят у них

«вручную слепленные пельмени с нежнейшим мясом молодых бычков»!.. Хотя бы не так нагло ввали. Купили оптом по акции в магазине, а продают за эксклюзив шеф-повара.

— Выберем что-нибудь нейтральное, — примирительно сказала Татьяна. — У меня же таблетки, всухомятку нельзя.

Солянку, впрочем, подали вполне съедобную и щедро густую. Было два часа пополудни. Серый день за окном отличался от минувшей ночи только слегка поглубевшим небом да шумом проезжающих автомобилей, заглушавшим шум реки на скальных порогах.

В ресторан ввалилась компания весело взведённых молодых ребят, веселящихся, видимо, с утра, с первой похмельной стопки. Громко, точно оглохшие, переговариваясь, они проследовали в дальний угол. Все одноцветно-серые, тощие, с ореолом голодной немытости. Усмотрев в руках одного полуторную бутылку минералки, официантка заверещала:

— Нельзя со своим! Уберите, не стану обслуживать.

— Ты чё, коза! Это газировка.

— Знаю, какая такая газировка! Градусов шестьдесят, не меньше?

— Нюхай, кувырла, — отвинтил крышку долговязый парень в резиновых сапогах. — Чё, убедилась?.. Тащи-ка лучше жрать. Ну и графинчик тоже.

— Два графинчика! — засмеялась компания, с шумом рассаживаясь.

— ...Как думаешь, что это за номерок? — крутила Елена стеклянную бирочку с выжженной чёрной семёркой. Совершенно не типичный предмет для бабушки Кати. Культурной жизнью не увлекалась, в гардеробах не раздевалась. Может, из поликлиники? Случайно же попасть он в диван не мог.

— Или это чья-то память.

— Чья?

— Мамина. Есть история, как они с отцом последний раз ходили на танцы.

— Не помню такую историю.

— Ты крохоткой была, когда она рассказывала. А я уже в третьем классе училась. Запомнила.

— Тебе повезло, — с привычной завистливостью протянула Елена. — Сколько она тебе

всего понарасказала! Я только слушаю и дивлюсь, будто в чужой семье росла.

— Уж куда как повезло... Все дети давно в постелях лежат, а десятилетняя Таня полы в школе моет... Мне думается, этот номерок имеет отношение к тебе.

— Как это?!

— А вот как. Секунду... Девушка, можно вас? — подозвала она официантку. — Принесите, пожалуйста, стакан кефира или молока.

Девушку заказ явно обескуражил. «Вечно эти приезжие что-то удумают», — читалось в недовольном всем на свете взгляде.

— Кефира или молока? — тянула она, пытаясь угадать, кто эти тётки, не опасны ли, не проверка ли какая.

Полная, с коротким ёжиком седых волос, явно смахивает на начальницу. Вопрос — чью? Другую, худую, с уложенной рыжей прической, в серебряных перстнях и браслетах, тоже можно принять за кого угодно.

— Ну да, молока, — подтвердила седая.

— У нас такого нету. Это в магазине надо.

— Тогда молочный коктейль.

— Э... Коктейля тоже нету, — мучилась официантка.

— А мороженое есть?

— Мороженое есть! — моментально взбодрилась та, взяла карандаш на изготовку и гордо перечислила: пломбир, ванильное, фисташковое, с шоколадом, с фруктами, с коньяком!

— Пломбир без ничего.

— Шоколадной крошкой посыпать?

— Без ничего.

— Собираешься мороженым заесть таблетку? — потешалась Елена, глядя, как мчится на кухню освободившаяся от непонятных просьб официантка.

— Подожду, когда растает.

— Надо было с собой кефир захватить.

— У них нельзя со своим, ты же видишь, — махнула Татьяна в сторону парней, уже открыто разливавших «газировку» по ресторанным рюмкам, и сёстры расхохотались. — Так вот про номерок. Мама на сносях была, два месяца оставалось тебя донашивать. И пошли они с папой Борей на танцы...

3

Борис был, конечно, дамский угодник и по женской части большой ловкач. Чем их брал — неизвестно. Сам в точности не понимал, почему женщина — простая или мужняя, красавица или так себе, — соглашалась хоть в кино, хоть в постель через несколько часов общения. Конечно, в разговор с дамами он вкладывался, как мерин в борозду, не жалел ни слов, ни улыбок, ни света в глазах, ни времени, ни обстоятельств. Ареной становилось всё, где он заставлял зацепившую его внимание прекрасную особь. Очередь в аптеке? Пусть. Знакомство на улице? Отлично. Застолье? Ничего проще. Хоть вся семья стеной загороди предмет, но если Боря решил — предмет будет принадлежать ему. Одно слово — вор-домушник.

Включалось в нём что-то при виде женщины. Не желание — больше. Словно он обязан, призван душевно потратиться на Машу-Нюру-Дусю, что-то отдать им, оделить, вернуть. И поэтому в каждую — собирался или нет — влюблялся. Пусть на два часа короткого ухаживания, но влюблялся, как заговорённый. Не для себя опять же, для неё. Загорался влёт, но и затухал легко, выполнив миссию. Освобождал себя для следующего любовного переживания. Покидал арену так, чтобы женщина о нём вспоминала, по возможности, без ненависти и вёдер выпланных слёз. Чему, кстати, невзрачная внешность его весьма способствовала. Понервничав на ветреного кавалера, женщина всегда могла утешиться: «Не очень и нужен такой уродец, получше найдём!»

Кошелев Борис роста был чуть ниже среднего, курносый, тонкогубый, с продавленными, как у матери, светло-серыми глазами, всегда поблёскивавшими презрительным холодком — дескать, ну и мурло вы все, мимо ходящие. Затысины тонких волос преждевременно оголили круглый аккуратненький черепок. При моде на вихры и шевелюры реденькая причёска Бориса не красила, зато придавала солидности.

Он с детства профессионально промышлял домушничеством. В жилища влезал не от стечения обстоятельств, когда нужда припёрла. И не по причине хулиганского куража, которое толкает на проступки и преступления от самого се-

бя не ожидаемым чихом. Нет. Каждая акция продумывалась, планировалась, вдохновенно подготавливалась; вычерчивался маршрут выноса чужого добра, место схрона, схема сбыта. Строго соблюдался принцип: там, где живёшь, не гадить. И потому соседи Кошелевых, зная или подозревая о его воровском промысле, ни разу парня куда надо не сдали. А зачем? Сдашь своего придурка, явится чужой. А так и договориться всегда можно, и защиты попросить, а уж за собственные замки точно не беспокоиться.

Конечно, с бабами он своими профессиональными делами не делился, при знакомстве вором не представлялся. Не потому, что нельзя или стыдно. Подобные чувства он вряд ли испытывал. Не потому также, что опасался бабьих языков или собирался кого-то из них использовать в нужных целях. Ни в коем разе, баба — это десерт жизни, её для другого занятия беречь требуется. Обе пламенные страсти — воровство и любовь, он старался не смешивать, наслаждаясь каждой в чистом виде. Но домушничество, практикуемое с детства, всё-таки наложило отпечаток на его и без того непримечательную внешность. Быть неброским и незаметным в толпе, не опознаваемым случайными свидетелями входило в набор его преступных инструментов наравне с отмычкой. И женщина, вдруг бесследно покинутая пылким обольстителем, скоро благополучно забывала, как он, собственно, выглядел. И, встретив на улице (чего он старался всё же не допускать), узнавала не сразу.

— Что и требовалось доказать, — удовлетворённо хмыкал Борис, когда недавняя пассия смотрела в его сторону припоминаяще, но отчуждённо.

Тогда, через шесть лет после бойни с гитлерюгами, восемнадцатилетний Кошелев ходил в авторитетах. Золотые дни воровской шпаны!

Город, венчающий длинный, самый длинный в мире путь сталинского Канала, всегда был заполнен войсками НКВД. На время военных действий он был набит ими под завязку. Мало того, что усиленно охраняли Беломорско-Балтийский путь, так ещё и орду властей, вывезенных из оккупированной столицы со всеми республиканскими архивами. Фронт давил сверху и снизу. Слева — враждебная Финляндия. Справа — студёное море. Городок поневоле обрёл статус

прифронтовой столицы. Не только воры — невинные пьянчужки самоистребились на это суровое время. Зато потом!..

Когда гитлерюг погнали по Европе, замороженный городок встряхнулся и началось мощное производственное возрождение. Консервированные цеха, доки, платформы, фермы, дороги ударно заработали на восстановление народного хозяйства государства. Укрупнялся торговый порт. Развивалась рыболовная база. Загрохотал деревообрабатывающий завод. Вернулись из эвакуации жители. Привезли назад спрятанных по лесам бывших заключённых, возводивших до войны сталинскую гордость. Канал заработал, а строителей расконвоировали, но разъехаться не позволили, превратив тут же в вольнонаёмный обслуживающий персонал.

Городок естественным порядком наводнился таким количеством разнокалиберной публики, воруя прежде всего, что НКВД поднял руки: сдаёмся! Делайте что хотите, только объекты хозяйствования не трогайте. Иначе стреляем на поражение. К таким, как Борис, вольность пришла небывалая. Преступный оборот настолько убыстрился, что нередко пропавшее платье хозяйка видела уже третьего дня на дамочке, купившей его законным путём «вчера на рынке или даже в магазине». Милиция замучилась составлять протоколы «по факту обнаружения украденных вещей».

И тут беспринципный и осторожный Борис вдруг решает обзавестись статусом законопослушного гражданина: «прогуляться до армии». Концы какие-нибудь отсекал или что почуял, или просто отдохнуть решил — не рассказывал. Но на полном серьёзе отдал три стройбатовских года родной Отчизне.

Биография Кошелева, как и его невзрачная внешность, полна противоречий и несовместимостей. «Особо опасный рецидивист» имел трудовую книжку, где основной профессией значился «плотник». Вписан там ещё «стрелок 1-го класса команды ВОХР», уволенный через полгода за «употребление спиртных напитков на рабочем месте». И это после двадцати лет отсидок в колониях разного режима. Может, книжки были липовые, а может, и нет, но было их числом три.

Подлоги, враньё, скрытность, лихачество, внезапные порывы благородства и доброты, способность красиво обождать и умение хладнокровно убивать перемешались в Кошелеве, как карточная колода. Но одна карта в ней оказалась не краплёной, а потому битой: любовь к Оксанке.

Мама была много старше его — на целых восемь лет, выше на голову. Красавица украинской породы, возле которой любой мозгляк превращался в добра молодца, потому что невозможно быть приближённым и при этом не стать добрым молодцем.

Общее прозвище «каналоармейка» не прилипало к ней, хотя именно каналоармейкой она и являлась. Но об этой части биографии разговор особый. Главное, что на момент встречи с Борисом Оксана уже лет пять жила вольным человеком, восстановленным во всех правах, и единственное, о чём болела её душа, — о нерождённых детях. Чудовищные будни пробиваемого в скалах судоходного канала, не особенно и пригодившегося стране, загубили женское здоровье. Но вдруг столкнулись две личности, мало подходящие друг другу, и выскли две искры: Таню и Лену, сидящих сейчас в убогом ресторане не справившегося со своей миссией города и разглядывавших цифру семь на гардеробном номерке.

— ...О, краля! — толкнул Бориса локтем дружан Костик Воробьёв.

По дощатому тротуару навстречу им шла раскрасневшаяся от мороза молодка. В чёрном суконном пальто, толстом платке, намотанном на голову с воротником вместе, в ботиках на резиновом каблучке. Она спешила, мелко и быстро семена по утопанному снегу, и, боясь поскользнуться, неотрывно смотрела под ноги.

Борис дёрнул дружбана в сторону. Провалившись в сугроб по колени, они пропустили мимо так и не заметившую их кралю.

— Зря! — посмотрел вслед Костик. — Можно было поручкаться. Дорожка узкая, куда бы она делась?

— Не зырь. Не твоё.

— Чё, уже присвоил? Ну, ты и хват. Только где ж ты её отыщешь? Упорхнула птичка.

— Моя забота.

— Валяй, — с досадой согласился Костик.

Спорить с Кошелем, тем более тянуть на себя что тот присмотрел, мало кто решался. Вернувшись со службы, Кошель без просьб и лишних обсуждений вернул лидерство в шайке, спровадив в отставку пришедшего, но жестокого любителя помахать ножом, Гошу Редкина. Пока прежний вожак отсутствовал, спокойная воровская компания постепенно превратилась в разбойничью. Некоторым это нравилось. Но большинству хотелось, как прежде, нормально жить в родном, пусть и периодически обворовываемом ими городе, ходить без оглядки, жениться, кому-то даже работать, в угоду родственникам.

— Гуляй, — холодно посоветовал двадцатитрёхлетний Борис сорокалетнему громиле Гошику, явившись на стрелку в двубортном фарсовом костюме и белой рубаше. — А вы чего варежки разинули? Шагайте следом! — и пошagal развалочкой на бережок проставиться за возвращение.

— Сквитаемся! — пригрозил опозоренный Гошик. Но не успел. На следующий день его увидели висющим на фонаре в центре городка, в петле, сделанной из армейского ремня Кошеля...

Дамочка с тротуара, внезапно задев чужное сердце Бориса, с каждым днём всё глубже в нём отпечатывалась. Казалось, что сердце треснет, столько в нём было теперь этого дурацкого, как у старухи, платка, грубых варежек, чулок цвета жухлых листьев. А ноги? Он вспоминал длинные гладкие икры и поскрипывал зубами.

Отыскать молодку труда не составило. Кошель не поленился один из свободных дней провести, устроившись на валуне вблизи той самой дорожки. Со стороны не светился, но сам видел всё и всех. К вечеру дамочка появилась. Шла, всё так же закутанная, поддерживаемая под локоть каким-то хлыщом. Борис проследил их путь. Сквозь неплотно задёрнутые занавески убедился, что барак, в который они вошли, её квартира.

Когда она размоталась и сняла тяжёлое пальто, голова Бориса чуточку закружилась. Женщина была совершенна, как актриса. Прямая спина, гордо вздёрнутый подбородок, брови вразлёт, крупные белые зубы. В низких лацканах тёмного костюма виднелась потрясающая грудь. Не сама грудь, конечно, а только блузка, но под гладким шёлком, под ленточным бантиком уга-

дывалось роскошество, убедившее парня завоевать эту красотку чего бы ни стоило.

Красотка поправила волосы, чёрными кудрями спускавшиеся на воротник и открывающие крупные уши, с которых не свисало серёг. Прижалась к своему то ли мужу, то ли хахалю, и Борис прыгнул с завалинки. Смотреть дальше было неинтересно.

Первый пункт программы завершён. Барышня отыскалась. Никуда она теперь от него не денется. Завтра можно приступить к пункту два: знакомству. Третий и четвёртый пункты обозначатся по ходу дела. Кто знает, может, ещё придётся свернуть весь план действий. Может, не захочется ничего дальше. Может, краля эта на самом деле — тупая курица, не стоящая его внимания и усилий. Перепихнуться есть с кем и без неё. Так пытался думать Борис, чуя нутром опытного обольстителя, что ничего не свернётся, а, наоборот, развернётся, и финал ещё не начавшейся истории ему не предугадать. Но он обожал опасности, риск, игру и потому еще сильнее пожелал эту женщину.

С самого начала всё пошло не так. Сколько бы Кошелев ни попадался на пути, она его не замечала. Просто-напросто не видела. Он и здоровался, и время спрашивал, и комплименты отпускал, и след в след ходил. Бесполезно. Каждый раз она отвечала что-то невнятно-беглое и безразлично плыла мимо, поскрипывая ботами. Борис растерялся. Быть пустым местом ему ещё не доводилось.

«А чего мы такие фифы? — произносил он монологи, ворочаясь без сна на постели. — Что из себя воображаем? Ну, симпатичная — признаю. Шмотки как надо прилажены. Интересно, где она барахолится? Не шибко санитарки в больницах зашибают, чтобы такие жакетки носить. Поломойка! Из одного барака в другой перепрыгнула, а нос воротит!»

Он вспоминал белую бязевую косынку, повязанную на затылке, закатанные валиком рукава и стонал: «Вот же стервоза!»

В безразмерном халате санитарки, с обтрёпанными завязками на спине, подпоясанная кушаком, Оксана Михайленко казалась соблазнительнее, чем в киношном костюме с бантом. Добавлялось теплое ощущение податливой ласковости «сестрички», и это будоражило.

Практически всё теперь про неё Кошелев знал. Кроме одного — как молодая хохлушечка попала на великую северную стройку. В его среде заказано интересоваться скользкими деталями чужой биографии, но всё равно не понятно. Выходит, девчонка оказалась здесь лет в десять. За какие же грехи? Малолеток на канал не пихали, родичей у неё, похоже, никаких не имеется. Странная ситуация. Плевать. Что он — следовательно?.. Всё в прошлом — взрывы, гранаты, война. Мирная житуха вокруг, воля вольная — пользуйся, коли сила есть! Судя по хахалям, сил в этой санитарочке немерено!

В конце концов, он заставил Оксану с ним познакомиться. Пришлось, правда, в больнице дуриком поваляться, зато уж там она от него не отвертелась! Всё, что мог и не мог, вывернул из себя парень, чтобы увлечь, заинтересовать, понравиться, запомниться. Когда она смеялась, отворачивая к плечу скуластое лицо, его кожа покрывалась мурашками. Когда заглядывала по утрам в палату и громко, сверкая карими глазами, шептала: «Борис, я здесь, выходи», — его сердце ухало, точно по спине ударяли поленом. Выписываясь, он предложил Оксане выйти за него замуж. Попросил, точнее.

— Что? — удивилась та.

— Замуж. Давай вместе жить.

Вытащил из портсигара папиросу, постукал по кулаку, табак высыпался.

— Ты же одинокая, я знаю. — Борис отшвырнул пустую бумажную гильзу. — За мной как за пазухой жить станешь. Я фартовый, так что...

— Шутишь, парень? За кого меня принимаешь? Потравил анекдоты и право заимел — так, что ли? — спрашивала она незнакомым голосом, в котором слышались и гнев, и насмешка, и бог знает что ещё, неприятное и неожиданное, вроде как к стенке припёрли и допытывают. — Я с ним как с человеком, а он!.. Шуруй-ка мимо да не показывайся больше мне на глаза.

— Ты чего? Я серьёзно! Одену...

— Пошёл ты знаешь куда? Оденет он. Я, может, нищая и одинокая, но не настолько, чтобы каждому фраеру в невесты записываться. Вас тут много, я одна. Понял? Иди. Не хочу тебя знать. Фартовый нашёлся...

Но было поздно. Борис закусил удила и решил, хоть сдохни, овладеть гордячкой. Раз за ра-

зом он подступал к ошетилившейся крепости, получал втыки, уходил оплётанный, но не сдавался: Оксанка сделалась его манией. Он уже не мог без неё жить. А упрямая баба этого не понимала. И отбрыкивалась, отмахивалась от навязчивого кавалера, ругалась и насмешничала, пока однажды он не приставил к её горлу нож.

То утро Оксана не забывала никогда.

Закончив суточное дежурство, она не торопясь возвращалась домой. Пахло скорой весной, подталым снегом. Блестели на утреннем солнце насморочные сосульки. В берёзах потренькивали синицы и горестно, как обиженные дети, вскрикивали пролетающие над головой чайки.

Больница была выстроена на отшибе, в конце острова, который так и назвали — Больничный, заменив прежнее пугающее название Собачий. Соединился остров с центром широким, кражистым, поставленным на два заваленных булыжниками быка, мостом. Неистовое течение било в деревянные стояки, размётывало по сторонам густую жёлтую пену. Каждый раз Оксана останавливалась на мосту и заворожённо смотрела вниз на бурлящую реку. Вода словно бы уносила с собой усталость, ненужные мысли и переживания, бодрила для нового дня.

Там и поджидал жертву взбесившийся Борис. Потом он каялся, объяснялся, твердил про отчаяние и дикую любовь, и Оксана верила ему. Так оно и есть, понимала она, не повезло мужику — влюбился смертно и безответно. Но не простила и не собиралась прощать.

Она смотрела на воду, напиваясь её силой, как вдруг платок с головы слетел и к оголившейся шее прижалось лезвие. Не ножа. В серьёзных делах Кошель пользовался более совершенным оружием — отточенным до тонкости бритвы хирургическим скальпелем.

— Я это, — хрипло задышал за спиной Борис. — В общем, так, красавица. Или выходишь за меня, или я тебя сейчас режу. Без вариантов. Соображай.

Оксана Михайленко хорошо знала местные нравы. Вариантов действительно не было. Она представила, как несут волны её порезанное тело в Белое море, и подумала: не хочу, рано. По шее уже сползала струйка крови.

— Выйду. Убери, — как можно спокойнее, скрывая ненависть, произнесла она.

Через месяц произошло чудо: Оксана Михайленко забеременела. Отмороженные на скалах органы ожили под неистовым напором бешеного Бориса. Осенью родилась Татьяна. Через пять лет Елена. За два месяца до рождения второй дочери Кошель справлял прощальную гастроль.

Его шайку наконец накрыли с поличным. Самих при этом не было, но и таракану было понятно: загребут. И он из свидетеля перекалфицируется в обвиняемого, причём главного. А с ворохом статей, которые выложат на стол козырями, чалиться ему предстоит долгонько. И потому — гуляют все! В побег ударяться — себе хуже. Раз уж такая карта выпала — примем. Не сидел ещё, что позорно. Теперь отметится.

Дома он эти дни ночевал редко, отчего свекровь Екатерина Алексеевна ещё недовольней поглядывала на невестку. Она с первых дней была настроена против молодухи. Что такое! На восемь лет старше сына, расконвоированная — да на ней клейма ставить некуда! Ещё и регистрироваться отказалась, цаца.

Что верно, то верно. Оксана так и не согласилась признать вынужденный союз с Борисом семьёй, хотя за детей была ему благодарна. Совместное проживание под воздействием обстоятельств — и хватит с вас. Что хотел — то получил. Если бы свекровь знала, что первенец носит материнскую фамилию, а в графе «отец» в метрике прочерк, — бурю бы устроила нештучную. Но та, не приученная к семейным разговорам, мало что спрашивала и потому думать не могла, что за её спиной может такое твориться. Способность свекрови всё вокруг воспринимать со своей колокольни, не интересуясь подлинной картиной дел, Оксана презирала. Но никогда не высказывалась. С того дня, как её «взяли замуж», она везде и со всеми предпочитала молчать. Заводная, весёлая хохлушка, которую даже лагерь не очень-то обтесал, перестала петь песни и не рассказывала баек. Уже не завивала волос на бумажные папильотки, а гладко зачёсывала назад и наматывала кулей на затылке. Но, похудевшая, с запекшейся в глазах тоской, с мимолётными улыбками, она была красивее и притягательнее прежнего, и Борис ужасно мучился от её нелюбви.

Узнав, что Кошелеву грозят этапы длинные и отлучка продлится неведомо сколько, облегчённо вздохнула:

— Знаешь, Боря... Я не стану тебя ждать.

— Вот как, — сообщение не поразило. Кот из дома — мыши в пляс. Он знал, что когда-нибудь они с Оксанкой расстанутся. Не знал только как. И вот — пришло. Сам ей открыл дорожку.

— Помоги нам съехать от матери. Если не противно возиться, конечно.

— Когда собралась ноги делать?

— Да хоть с завтрашнего утра.

— Уже замену нашла постель греть?

— Успокойся. Долго ещё в хомуте ходить не захочется. Сыта, знаешь ли.

— Я любил тебя, Ксюха.

— Знаю. Если честно, ты был неплохим любовником. Иногда мне даже нравилось... А ты никогда не задумывался, почему я не сбежала, не придушила тебя тёмной ночью?

— Неужто смогла бы?

— Ещё как!..

— Побоялась?

— Нет. Открою на прощание секрет... Я ведь бесплодна, Боря.

Он смотрел, не понимая, где тут юмор, и на всякий случай насторожился.

— Не удивляйся. Я ещё в детстве всё себе на канале отморозила. С кем ни жила, забеременеть не получалось. Профессор один меня смотрел. Сказал — пробуй, девка. Шансов мало, но, может, явится богатырь и сотворит чудо, пробьёт твой смёрзший ком. Так что, спасибо, Боря. Заслужил ты меня, получается. Жаль, что выбрал не лучший способ... Теперь мы разбегаемся. Даю слово: ни отца, ни бабушки детей не лишу. Вырастут — сами определят, кто из нас плох, а кто не очень.

— Значит, кранты всему, что было?

— Ага, кранты, — улыбнулась Оксана. — Иди, Боря, своим путём. Воруй, мотайся по стране, устраняй конкурентов. Наша история кончилась. Умный же, сам понимаешь. Тебе тридцать лет! Найдётся баба, с которой ты станешь счастливым.

— Сучка ты, однако... Но всё правильно говоришь. Трудно с тобой жить. Иногда, кажись, вспорол бы, на куски порезал, но ведь люблю. Так люблю, что землю под тобой целовал бы...

Скоро он перевёз дочь и беременную Ксюху в съёмную конурку. От вещей и денег она отказалась, сказала: не надо ворованного, сама зарабо-

таю, когда обживусь. Накануне суда попросил в последний раз сходить с ним на танцы.

— Живот на носу, отвяжись, — взмолилась Оксана, которой давно надоело смотреть, как петушится и красуется перед народом муженёк.

— Последняя гастроль, Ксюха. Пойдём!

И она пошла.

Борис был большим поклонником культурного отдыха. Посидеть в ресторане, сходить на концерт заезжих артистов, посмеяться над бравурными номерами местной агитбригады — это он любил. Но особенно тепло относился к танцам в клубе. Умел и вальсы, и фокстроты, танцевал красиво, мама здесь ему в подмётки не годилась.

— Ты, Ксюха, пляшешь отлично. Дроби бьёшь — обзавидуешься. А вальсируешь — чисто корова. Посиди лучше — на меня погляди.

И она все вечера сидела в хлопающем деревянном кресле, невольно любуясь, как умело и страстно кружит Борис по залу партнёрш. От неё это и требовалось. Борис пыжился от гордости, что известная всем красавица — его собственность, и сидит как привязанная, и на него смотрит. И смотреть будет до окончания вечера. И никто из мужиков не посмеет не то что рядом присесть, заговорить, пригласить, пока он других краль окучивает, но взглянуть на неё лишний раз поостережётся.

Те, последние их танцы, не заладились. Баянист не пришёл, включили радиолу. Но она скрипела и шипела несмазанной телегой. Народу собралась горстка. Побродив по залу, потрепавшись с теми-этим, Борис решил вернуться домой.

На улице было черно и холодно до ломоты в зубах. Только зимний небосвод полыхал сиянием. Зелёные полосы гасли и заменялись красными, те переливались в перламутровые, вдруг вспыхивали бордовые и медленно менялись опять на зелёные. Казалось, что где-то наверху распахнули огромную топку, в которой горят души грешников.

Они шли по тропе, почти скрытые огромными сугробами. Оксана, как обычно, впереди.

— Всё-таки чем собираешься жить? Как с детьми прокормишься? Тот, кто скоро вылезет, тоже ведь искусственником будет, ты ж безмолочная.

— Не переживай, справлюсь, — усмехнулась

она заботливости мужа. Хотела обернуться и вдруг споткнулась, полетела лицом в снег. Оксана падала и с ужасом понимала, что Борис её убивает. Сквозь треск разрываемой ткани она ощутила жгучий укол скальпеля, затем ещё один, ещё... Она повалилась на свой огромный живот и заплакала. — Ненавижу, ненавижу...

Слёзы его и остановили. Он никогда не видел, чтобы жена плакала. Никогда. Правда, до этого он её и пальцем не трогал, но мало ли поводов погоревать запертой в клетку птичке — может, втихушку и рыдала. Но при нём — никогда.

Оксана примораживалась к снегу, глаза белели, слёзы застывали на щеках ледяными дорожками. Борис очнулся. Взвыл, задрав поволчьи к небу голову. Потом тащил её, волок к дому, падал рядом, захлёбывался соплями и страхом, просил:

— Не умирай! Не умирай!.. Живи как хочешь, с кем хочешь, только не умирай!..

Оксана не умерла. Даже не вызвала на подмогу врачей. Сама руководила, чем обрабатывать, как перевязать порезы. Борис суетился, свекровь испуганно смотрела от дверей. В день суда, когда все ушли из дома, пленница поднялась с постели, одела дочь и навсегда покинула бабушкино пристанище.

— ...Мне думается, что номерок от тех последних танцев, — Татьяна забрала у сестры стеклянную семёрку. Долго на неё смотрела, точно видела в мутном квадратике лежащую под полыхающим небом маму. — Задумав убийство, отец забыл его вернуть в гардероб. А бабушка отыскала, но выбросить не решилась.

— Не привыкла ничего папиного выбрасывать! — усмехнулась Елена.

Они уже давно покинули «Европу». Шли рядышком по заросшим дорожкам, притоптанным на месте бывших дощатых мостовых.

Им никогда не нравился родной город. Может, неприятие впиталось с кровью матери, попавшей сюда насильно и мало приятного здесь видевшей. Но три десятка лет назад, надо отдать должное, это был ещё вполне приличный город. Многолюдные лавки и магазины, таксопарк из новеньких «волг», рестораны на каждой улице, «северные» заработки рекой,

по улицам фланируют командированные морские офицеры с кортиками на золотых поясах. Теперь же плесень убожества покрыла всё, даже берега бурливой реки. Им казалось, что они гуляют по кладбищу.

— Ну, допустим. Номерок, рамка. Но как объяснить стул? — Елена, раздражённая обилием бездомных псов, трусящих по улицам вместо офицеров, жалась к сестре.

— Стул — это бабушка. Он раньше стоял в спальне, у стола, помнишь?

— Помню. Только их было два.

— Один сбежал, — хохотнула Татьяна.

— А второй дождался нас?

— Похоже, что так... Думаю, это были не её стулья. И стол не её.

— Очередная добыча сына?

— Исключено. Прежде всего, Борис воровал и хранил у матери только вещи. Тогда с ними был дефицит и шмотки выгодно расходились. А с мебелью морока, согласись.

— Мебель могла потянуть статью за разбой.

— Вот именно. Покажу тебе одно местечко. Может, помнишь, у поликлиники, рядом с домом бабушки, большую клумбу? Горбатую и ни одного на ней никогда цветочка? Нет? А я помню. Она была похожа на круглую могилу...

4

Почти в цель угодила Татьяна. Могила не могила, но под окаймлённой выщербленными кирпичами клумбой когда-то и впрямь находилось нечто значительное. Во всяком случае, значительное для полумёртвого ныне городка.

Двести лет тому вместо врачей располагались по соседству с бабушкой инженеры, счетоводы, экономисты одного из солиднейших российских производств — двух Сорокских лесозаводов, снабжавших пиломатериалом и Россию, и Европу. А там, где потом бесплодно заскучала клумба, громоздилась чугунная пилорама, отработавшая свой век и поставленная у заводууправления в качестве памятника отцу-основателю заводов — Митрофану Петровичу Беляеву. Тут же темнел свежей бронзой его бюст с лаконичной надписью: «Возд-

вигнут памятник признательными служащими и рабочими в 1909 году».

Сам хозяин на тот момент шесть лет как покоился на Новодевичьем кладбище. И уже четверть века делами заправлял брат его, Сергей Петрович. Чем заслужил, в память каких небывалых поступков заводские добровольно складывались копейка к копейке, чтобы отлить памятник основателю северного лесопильного производства? Не потому же, что, освободившись от бизнеса, Митрофан Беляев стал музыкальным издателем и меценатом. Не за то ведь, что в Лейпциге появилось и существует до сих пор его нотное издательство, публиковавшее исключительно клавиры и партитуры русских композиторов, особенно молодых и малоизвестных — Бородина, Глазунова, Лядова, Скрябина, Римского-Корсакова. И что им до основанной купцом денежной «Премии имени Глинки», которой поощрялись русские музыканты, композиторы и произведения вплоть до бунта семнадцатого года.

Откуда и к чему рабочим сорокских лесопилок было такое знать? Их музыка была иного склада — тревожные, тоскливые песни про белорыбицу, про Бело морюшко студёно, про лебедей да селезней, мечтавших превратиться в красных девушек да добрых молодцев... Да и за двадцать пять лет отсутствия Беляева на заводах помнили о нём одни старики.

Но долетело же до Сороки от него нечто важное и доброе, вдохновившее работяг на памятник. Даже старую пилораму не забыли, уважили, привинтив табличку: «Распилила 1.200.000 брёвен». То, что потом эти же работы сбивали бюст с пьедестала, водружали взамен наскоро слеplенную голову вождя мирового пролетариата, а слова любви к вождю вырезали на обороте той же, беляевской, бронзовой табличке, — история иных чувств.

В тот праздничный для рабочих день 1909 года трёхлетняя Катя Нятиева в ободранном холщовом сарафанчике бегала по Сухому Наволоку, знать не зная, что скоро судьба свяжет её с названными господами. Что ей предстоит стать последней хранительницей разграбленного беляевского особняка и принять на себя все тайны, которые в нём гнездились. Дом, выстроенный хозяином, жил, пока жила она, и сгинул окончательно вместе с нею.

Попала Катя в высокие хоромы пяти лет, с матерью.

Давно уже Дарья Нятиева приходила сюда, за 19 верст от Наволока, стирать бельё. Путь не ближний, в один день не обернёшься. Скоро ли обстираешь хозяев, следом и челядь, если в доме обитали, навскидку, человек тридцать. Работала прачка в углу просторной светлой кухни. В баке на вместительной плите кипятились льняные простыни, шаркало мыло по рёбрам стиральной доски, плюхались в корыта отжатые рубахи с кальсонами. Являлся дворник, грузил тяжёлые корыта на телегу и вёз Дарью на берег полоскать выстиранное. Ни зимы, ни лета её вспухшие красные руки не различали — северные реки всегда холодны. Упахавшись к вечеру с первой стиркой, Дарья валилась на тюфяк без ног-без рук, под бок какой-нибудь другой батрачки. Женская прислуга спала скопом в комнате при кухне, ставшей потом спальней для бабушки.

Сюда и привели Катюшку, когда детям управляющего (Сергей Беляев редко наезжал из столичного Питера на кормящие его заводы, и в барском особняке располагался управляющий с семейством) понадобилась игрушка-подружка, чтоб было кому бегать за улетевшими вдаль мячами. Но сотоварищем по играм юным барчатам девочку назначали нечасто. Чаще она помогала на кухне, полола грядки, нянчилась с грудными детьми, рождавшимися каждую осень.

В островной Сороке повелось дома строить вразнобой, кому где прихочется и как позволит каменистая почва. Улицы выходили короткие да кривые. Богатые жилища соседствовали с бедняцкими, тут же ютились бараки для холостых и сезонных лесозаводчан, стояли продуктовые лавки, конторы.

В досюльные времена жили на прибрежных скалах раскольники, монахи-отшельники, потомки новгородцев, бежавших от царской власти и ставших вольными поморами. Тишина главенствовала в этом краю. Впереди — студёное море, позади — бескрайний лес и топкие болота. Случайному человеку здесь не очутиться, разбойникам промышлять нелюбо и невыгодно. Но алчность купеческая, бездонная мощна государственная преодолевали любые расстояния, непогоды и невзгоды. Всё больше и больше народа являлось на поморские берега. Лес — цен-

нейший, рыбы и зверя морского ловить не пере-ловить. Домишко к домишке — вот и село. Железка до Мурмана пролегла, судоходный канал открылся, свет от речных порогов по проводам побежал — вот тебе уже и город, полный шума, лязга, народа пришлого и насильно завезённого. Грохот непрестанной работы, гудки, свистки, массовые пьянки по воскресеньям, шумные демонстрации в праздники... Не стало Сороки. Исчезла вековая сосредоточенная тишь. Только ныне, когда вычерпаны недра досуха, пропал завод, встал порт, обмелел канал, — затеплилась надежда на возрождение былого покоя беломорского края. Но тогда, в начале двадцатого столетия, освоение его богатств и возможностей ещё набирало силу.

Господский домина — экономностью ли хозяев, нежеланием попусту тратиться: жить-то на ветру вдали от столиц они не планировали, нехваткой ли времени на строительство, — не отличался особой архитектурой. Выстроен был по русскому обычаю, не карельскому. Справа да слева по входу — один чистый, другой чёрный. Шесть широких окон по фасаду. Три — на мезонине, отдельной хаткой возвышающимся над общим домом. Заштукатурен и выкрашен в заморский розовый цвет. Ни колонн тебе, ни парадных подъездов с камердинерами.

80 лет прожила в нём Екатерина Алексеевна. Но странным образом, на «чистой стороне» по-настоящему так и не побывала. Знала лишь внутреннюю лестницу на мезонин, где обычно бумажничал по ночам хмурый мордатый бородач Платон Андреич Аксёнов — бессменный заводской управляющий. Носила ему подносы с кофе-ем, когда вдруг позовет, а никому другому недосуг. Легко взбегала по широким ступеням, выложенным из цельных лесин, удивляясь, зачем такая красивая лестница, когда её никто не видит.

Жизненной территорией, вполне её удовлетворяющей, стала кухня, постепенно пустевшая, лишаемая лишних чанов с водой, полатей для мужиков, длинного стола из струганых досок для общего обеда. На полупустом, пронизанном воздухом и солнечным светом пространстве бывшей барской кухни остались только железная койка в углу, деревянная кадушка, укороченный стол, перестроенная печь и посудник над тумбочкой с продуктами.

Единственную сохранившуюся кадку Таня с Леной наполняли колодезной водой, притаскивая каждую ведер по десять. На дно опускалась серебряная ложка, на деревянное ухо вешался ковшик. Пить ковшиком из кадки категорически запрещалось.

— Испоганите воду, — грозилась бабушка, — заставлю щёлоком мыть!

Для жаждущих припасался жестяной кофейник и кружка, стоявшие отдельно на тумбочке.

Революция в значении свободы от господского гнёта пришла в Сороку поздно. Сбежали обиженные русские господа, тут же явились финские, их сменили английские интервенты. Когда, наконец, карельская беднота осталась сама с собою, ей не позволили долго соображать, как построить жизнь на новый лад. Понаехали с Большой земли комиссары, пропагандисты и специалисты разного рода и быстренько объяснили: снасти, лодки, всё ловецкое оборудование рыбакам снести в колхозы. Кто при царской власти валил лес, сплавлял брёвна и пилил доски — должен вернуться к дежанкам, сплавам и станкам.

Осталась при доме и Екатерина. Собственно, остались все, кто здесь обитал и раньше. Дворники, конюхи, прачки, кухарки, полумойки, горничные, печники; добавилось несколько семей ушедших в революцию заводских активистов. Дом, перегородженный на клетушки-квартиры, стал походить на пчелиный улей. В сотах его копошились жильцы-насекомые, главной заботой которых, при оглушительности лозунгов про власть Советам и землю крестьянам, была — прокормиться. Как удалось отстоять от перегорода «чёрную половину», оставить в прежнем виде кухню и комнату при ней — можно только предположить, сопоставив факты и домыслив детали бабушкиной биографии.

Возможно, в кухне собирались организовать столовую для домовой коммуны, где поварах по-прежнему бы варила-жарила на всю братию? А братии оставалось бы ударно трудиться, перевыполнять план и задыхаться в упряжи социалистических соревнований, мечтая высокими показателями выбиться хотя бы в коренники, если распрячься в принципе нельзя. Не тут-то было! Получив собственные углы в добротном, тёплом, удобном барском

гнезде, жильцы пожелали жить единолично. И не только отказались коммуной столоваться, но даже домкома себе не выбрали.

— Тёмный народ! Одно слово — прислуга! — плюнули на них ответственные товарищи и... забыли про дом.

Или после особенно безутешных переживаний матери, отвыкшей от мужа-бiryюка, не желавшей к нему возвращаться, Екатерина придумала нужное решение? Ей тоже не хотелось ехать в Сухой Наволок, ставший рыболовецким колхозом «Батрак». Отец батрачить отказался, заперся в доме, а им что изволите там делать?..

— Выселят нас, доча, — не переставала тревожиться Дарья, сидя у окна. От бывлой обстановки остались на кухне одна кадушка и огромная стылая плита. Остальное, вплоть до табуреток и кастрюль, растащили новые собственники. Но доча её тоже не простушка. Пока тащили отсюда, она отвоевала сюда этажерку, громоздкий обеденный стол и парочку венских стульев. Правда, стол и не был никому нужен, разве что на дрова: двенадцатиместная мебель не впишлась ни в одну клетушку.

— За что выселят-от?! — нервно гневалась Екатерина, точно это мать выписывала ей ордер на выселение.

— А места, гляди, сколь! Не позволят одним остаться.

— Придумать что-то нать...

Кате Няйтиевой стукнуло к тому времени восемнадцать. Некрасивая, с колючим настроженным взглядом глубоко упрятанных глаз, она всё же была завидной невестой: дебела, мягка, работаща, не голь перекатная. Облигации да прежние деньги — наследство отцово, — конечно, пропали, но осталось наследство матери: речные жемчуга, бисер, кружева да сарафаны. Поморские девки в простом полотне замуж не выходили.

Мужа она отыскала в ближайшей деревне Ендогуба, привела на кухню, прописала — вот их уже и трое. Родила Васятку — четверо. Еще раньше с матерью нанялись в надомницы, сети вязать для колхозов. А где прикажете хранить тюки нитей, верёвок, кучи готовых к отправке многометровых неводов всех мастей?.. Так и отстояла Екатерина барскую кухню от разделов-переделов. Стала жить сама себе хозяйка.

Перед войной, правда, подселили жиличку в утеплённом чулане. Пришли двое в портупеях, привели со шлюзов вольную табельщицу Машу, сказали — временно поживёт, да так она и осталась. Прижилась в удобной комнатёнке одинокая стареющая девушка. Деятельной Катинной жизни не мешала. Ни во что не вмешивалась, советов не давала, лишний раз на люди не показывалась. Пришла со службы, юркнула в дверь и — молчок до утра. Что-то на плитке себе подогреет, поест-попьёт, книжку почитает — будто нет за стенкой никакой Маши. До смерти возле бабушки прожила, а подругой почему-то не стала. Напекут воскресных шанег, позовут жиличку, та выйдет, присядет с торца к столу со своей чашечкой. Угощается молча, слушает бабушкины разглагольствования. Как только в двери появится новый гость, Маша, потом уже баба Маша, прижмёт пустую чашечку к впалой груди и обратно шмыг в конурку.

Первый воскресный самовар выпивался вначале домашними часа за полтора. К полудню к бабушке начинали заглядывать гости. Самовар разжигали снова, и так до глубокого вечера. А вечер на Севере наступает рано. В пять пополудни степенные поморы завершают и дела, и гульбу. Переключаются кто на молитвы, кто на неспешное чтение умных книжек; кто шерсть прядёт, кто пасьянсы раскладывает. За окном чернеет до притухшего угля зимний воздух — страховидно по улицам ходить. В ночь летнюю, серую как мышь, с незатухающим, словно в отсвете пожара, горизонтом, гулять не тоскливо только молодым. От греха подальше — за родимые стены, к иконам. Будет утро, будет и пища.

...Через пять лет ендогубский муж погиб. Соскользнул с мокрых брёвен, когда поднимали на элеватор сплав в лесозаводской бухте. Промахнулся багром, не устоял, а брёвна пёрли друг на друга, как быки на случке, и, пока парень пытался вскарабкаться обратно, сшибли, задавили его насмерть.

— Ох, горе какое, ох, живое дерево погубило!.. — причитала Дарья над покойником.

— Про что ты? — спрашивала сквозь слёзы дочь.

— О том, о самом!.. И-и-и, совы пустоголовые, живёте, ничего округ не чувствуете... Убило его живое дерево! В лесу каждый лешак себе лю-

бимые деревья выбирает. Их трогать никак нельзя. Потому как, ежели срубить такое дерево, так оно за обиду должно человека загубить. Кого задавит, кого на заводе изуечит, на сплаве потопит. А бывает, пол такими досками настелют, так провалится пол и прибьёт-таки человека. Это уж завсегда! Вот наш Пашенька под живое дерево-от и угодил!..

— А в конторе бают, сам виноват.

Денег вдове за потерю кормильца не выплатили. Нарушил сплавщик безопасность труда, с него и спрос.

— А ты, чем начальству попусту досаждать, сама-ко на завод устраивайся, — посоветовал Екатерине пилостав Аникеич, точивший пины со времён купцов Беляевых и авторитет имевший поболее, чем у мастера. Сам управляющий за советами хаживать не гнушался. Но советы советами, а интересы трудового человека Аникеич блюл как свои, если нужда такая возникала. К первым стачечным комитетам руку приложил. Революцию по молодости устраивал, но халтурить ни при царях, ни при Советах никому не позволял. И был он на заводе, как сердцевина в яблоке — выковыряй её, где оно, то яблоко?..

— Находишься, на свою беду, — тёр очки пилостав. — Станут присматриваться, кто такая да почему, да что — как ответишь? Тунеядка рабочему классу?..

Раскинула умом вдова, согласилась: прав старик. Намозолишь глаза начальству — конец домовою покойной жизни. Насильно к общему делу присобачат, если чего хуже не удумают. Теперь-от в Сороке строго. Гимнастёрками набита, как бочка треской солёной. В лес соберёшься — соображай, в какую сторону идти. Там колючка, тут охраняемая узкоколейка. Овчарки вохровские сутками округе покоя не дают, лают и лают, чисто оглашенные. Верно бает пилостав, надо приткнуться к заводу, рабочей карточкой обзавестись. И надежда тебе, и приварок.

Определили её в напарницы готовые пиломатериалы из рамы принимать. Работа не сложная, но главное, не надорваться — уж больно вёрткая. Покудова одну доску из-под пины выхватываешь, другая дуром прёт. Так и носятся всю смену: принять, оттащить, бросить, бегом обратно. Поодаль девки тоже крутятся, не только в штабеля продукцию кладут,

так сортируют ещё: экспорт, не экспорт. Ошибёшься — моли бога, чтобы не тюрьма. А когда правильно всё да ловко, можно и премию к зарплате получить. А то ведь не больно велик заработок — пятая часть от выработки.

Но не вышла судьба Екатерине на лесобирже здоровье угробить. Много, видать, любимых деревьев лешего загублено было! Нашлось и по её душу одно. Полгода не прошло — опять разор в семье.

Пустили в раму бревно, а оно извернулось и такие кренделя выписывать принялось — батюшки святы! То пером по цеху летает, то пулей. Пила в ключья, один навалыщик с пробитой головой под станком издыхает, другие не знают, куда бежать. Сама-от лёгким ушибом отделалась — два пальца на правой руке вышибло.

Поначалу на заводе переполошились, не диверсия ли. Так и этак крутили утихшее бревно — вроде нормальное, штырей железных не понатыкано, не вредительство. Значит, рабочие опять сами виноваты.

— Пилите его заново.

— Можя, лучше выбросить? — заопасались навалыщики.

— Народное добро — выбросить?! А под трибунал не хотите?..

Не спрашивая компенсации за увечье, ушла Екатерина с завода и больше ни с каким производством не связывалась.

— Начальников туча, а денег мала куча, — говорила она, когда заходила речь о лесозаводе, вот-де какой он старый, знаменитый, вся продукция за границу. — Мы уж сами как-нибудь.

А весной 1932 года встретила единственную любовь своей жизни.

Несытое время стесало жир с её тела, никакой дебелости не было и в помине, колючие глаза совсем провалились в почерневшие глазницы и глядели оттуда скорее печально, чем настороженно. Лицо осунулось, деревенская толстощёкость исчезла, отросшие волосы складывались на затылке гребёнкой уже на городской манер. Красавицей не стала, но и суровой поморкой уже не была. Пустые закрома успокоили Екатерину. Чего думами мучиться, если копить нечего и прятать не от кого. Прежняя, она навряд ли обратила бы внимание на Володюшку — продавца комсоставской

лавки, самой богатой из всех сорокских лавок.

Мальчишка! Широкое лицо задрано, круглый подбородок вперёд, нос кверху, полные губы открыты, с дырочкой посередине. И глаза ребялёнка, будто удивляется или радуется чему-то. А может, раздумывает: не придушить ли вон того котёнка, посмотреть, как он умирать будет. На русых волосах не то шапка, не то кепка с толстым мерлушковым козырьком. Таких в Сороке и не носил никто.

— Чего смотришь? — ухмыльнулся парнишка, наливая ей в бидон керосина. — Понравился?

Голос оказался грубым, мужским, треснутым, точно от мороза.

— Понравился, — неожиданно для себя буркнула Катя, не позволявшая себе даже для мужа подобных слов.

— Так пригласи, погуляем.

— Молод ты, погляжу, со мной гулять.

Парень захохотал. Привык, что путаются люди, глядя на него. С виду — шестнадцатый, пацан пацаном, не станешь же метрику каждому совать, доказывая: четвертак мне, братцы, четвертак!

— Тебе со старыми больше нравится? У них же, у старбелей, окромя кошелька, нет ничего. А я вишь какой ладный. Руками охвачу — себя позабудешь!

— Ни с кем мне не нравится!..

Дёрнула Катя бидон и бегом на улицу. А сердце так и молотилось в груди, так и молотилось, точно оторванное. Через день не держала, опять явилась в лавку.

Парень отвечивал махру какому-то солдату. Скопил в сторону вошедшей Екатерины глаза, и у той заныло внутри от предчувствий бед и горя, которыми тот непременно её одарит. Бед, впрочем, не произошло, но горе она проносила в себе до скончания жизненного срока.

Они прожили всего-то два года. В памяти Екатерины остались дни, когда они ночами, благо что белые, гуляли вдоль моря, оставляя далеко позади дом, город, всё на свете. Володюшка, в драповом чёрном пальто, гимнастёрке, косоворотке под нею, в фартовых сапогах на каблуке, в неизменной кепке, прыгал с камня на камень барашком, а она тащилась вслед, не понимая, почему ему нравятся этот ветер, брызги, скользкие от наброшенных прибоем водорослей камни, пустое безмолвие ночи. Хорошо бы лежать

сейчас в постели, прижимаясь друг к дружке, но ему было хорошо стоять в распахнутом пальто перед морем и что-то нащёптывать.

Потом он исчез. Пошёл на работу, и как ветром сдуло, или сквозь землю провалился. До лавки не дошёл, домой не вернулся. Его искали. Не шаромыжник какой пропал — сотрудник воинской части, пусть и вольнонаёмный. Екатерину допрашивали. Бесполезно. Ни слуху ни духу, ни следов, ни зацепок, а она даже не успела узнать, с каких краёв он к ним залетел, какого роду-племени? Некогда было, любовь всё затмила, все вопросы отмела на потом. И осталась у неё «на потом» фотокарточка, сделанная на ходу, в салоне, в тот день, когда они решили жить вместе.

— Зайдём! — и, не интересуясь, хочется ли ей, потащил вовнутрь. Так и запечатлелись: одна в старом ватнике, другой в мятой тужурке, точно работяги с лесоповала.

Остались заставленные продуктами полки в чулане. И остался сын Борька. Вздёрнутым носом, неуловимым выражением глаз, каждой волосинкой на круглой голове напоминавший прибудившегося ангела, похожего в своём чёрном пальто на воронёнка.

Будут ещё у Екатерины Алексеевны и мужья, и сыновья. Первенец Василий с будущей войны вообще героем-орденоносцем вернётся. Но никого она так не любила, как Борьку, взявшего от матери только тонкие сжатые губы. Беспутного, остроязыкого, опасного, ворюгу и бездельника. Что ей за дело — путный, нет ли, если каждой повадкой он напоминал отца. Куртки вечно нараспашку; на стульях если не нога на ногу, так верхом. Однажды ножиком вырезал на круглой спинке венского трофея букву. «Б», конечно же. Уж она ругалась, уж полотенцем стегала его — не портить вещей, не тобой куплены! Смеётся!.. А и то, признаться, много ли в доме купленного было. Считай, ничего. Мебель барская, самовар с перинами и утварь кухонная — с отцом разделены, радио Васятка на уроках смастерил. Ту же крупу-муку-консервы, пока Володюшка был, считай, два года не покупали, да ещё с год после. Чего стулья не поковырять — не пообедем! А буквочка — вот она. Когда Борька стал пропадать из дома и уносил с собой Володюшкино присутствие, мать всегда могла её погладить, и тут же всё возвращалось на места.

Ещё подростком сын приволок тук ворованного шмотья и попросил спрятать. Она спрятала. Велел распродать по знакомым — продала. Так и повелось.

Мало кто знал, что обшитый досками низ дома представляет собой пустоту. Особенно просторно и пусто, хоть пляши, было под кухней, под ногами Екатерины Алексеевны и Бориса. Лиственничные сваи держали беляевскую храмину над каменным пологом плато, будто в воздухе. С чистого входа внутрь попадали прямо с улицы, а с чёрного в кухню, поднимались по крутой коридорной лестнице. Внешне всё выглядело заедино. Жильцы после революции менялись, как погода весной, — туда-сюда. Когда Борька подрос, из старожилов никого уже не оставалось. Не умерли — так посадили, не на фронте погиб — так за Уралом в эвакуации сгинул. Одна лишь Няйтиева, как домово́й, обитала здесь бессменно. И единственная знала все тутошние секреты, утайки, углы и загогулины. Если перепадало мяса раздобыть, в бывший хозяйский ледник, ставший общим холодильником, не несла, держала его под полом, буквально — на улице. Кто догадается? Даже голодная собака не подлезет, не взроет скальной подошвы дома.

Пронырливый Борька и без материных наводок узнал, изучил, приспособил под себя межсвайное пространство. Дружкам не хвалился, понимал ценность никому не ведомой пряталки. Там он стал хранить краденое. Там ховал концы своих преступных делишек.

Еще грохотала война, а в Сороку понавели пленных финнов отстраивать пустынную местность, чтобы было где жить и плодиться многочисленной рабочей массе, добровольно и не очень наводняющей портовые молы, лесопилку, железнодорожное хозяйство, водорослевые и витаминные цеха — объекты стратегические и на людей обжористые. Особняк Беляева уходил всё дальше с глаз, пропадая среди высоких, похожих на корабли, бревенчатых двухэтажек с четырёхметровыми потолками и блестящими пастями окон. Центр с исполкомом, судом, военкоматом, милицией и прочими служивыми конторами сместился за реку. Вокруг столетнего жилища всё как-то успокоилось, бывшая престижность растворилась в наступившей тишине.

Огляделась Екатерина Алексеевна. Зады до-

мов, сарайки, берёзовая поросль, зарастающие травой грядки, по которым всё реже проплывал транспорт, окружали её. И тоже наконец успокоилась. Почти сорок лет переживала: не явился бы кто проверить закут, о котором не подозревал даже Борька. А теперь что? Скрылся с глаз беляевский особняк, облез, облупился. Нет его. Всё кончилось.

Случилось это осенью 1923 года, незадолго до поездки Кати за женихом в Ендогобу. Закрывая истопленную печь, мать усмотрела в глубине непрогоревшую головёшку. Экономная на дрова, не стала её доставать и выкидывать, а решила разбить кочергой в уголья. Колотила-колотила да и сшибла в дымоходе кирпич. Тот рухнул в печь, взметнув искры и пепел.

— Что наделалось, — запричитала Дарья, — прохудилась труба-от, чтоб ей пусто было! Теперича заменять, а чем?

Беда! Где в голодный ущербный год достанешь хороший печной кирпич?!

— Полазай под домом, — велела мать, — поищи, может, кладка какая отыщется — разберём.

И верно — нашла Екатерина кладку. В дальнем углу, где уже не только в рост или на коленки не встанешь, а вовсе лёжа пробираться нужно, нашла она красно-кирпичную стеночку. Подлезла, постукала. Ага, пусто. Можно разобрать, ещё и в запас немножко останется. До конца жизни не знала Екатерина Алексеевна, на горе или на радость разобрала она ту стеночку. Никаких ужасных последствий вроде не произошло. Страшной смертью никто не погибал. Богачества так и так не прибыло. Мужья у юбки её не задерживались? Так особо и не горевала. Сколько получалось — от них брала, зная, что не замедлит другой следом явиться. И свободой бабской не изнывалась, и поколоченной не бывала — что ещё нужно простой поморке? Авсё же... Если бы не взяла она тогда те перстенёчки, может, повеселее бы жизнь сложилась?..

Обнаружилось, что кирпичи сцеплены не раствором, а просто глиной. Катя живо отколотила верхний рядок, следующий, следующий и добралась до последнего. Подняла свечу... и отпрянула в ужасе. Тот, кто там лежал, ещё не превратился в скелет. Это ещё было тело, высохшее, как старые сапоги.

— Спаси и помилуй! — выдохнула девка и то-

ропливо полезла назад, ранясь разбросанными осколками.

Но что-то неведомое уже привело её в чувство, успокоило, и, собравшись с духом, она вернулась. Не переставая шептать «свят, свят, свят», осветила Катя свечой жуткую находку.

За кирпичами лежала женщина. Длинные волосы прилипли к истлевшему сарафану, голые ступни торчали из-за подола. На чёрных костях пальцев, сложенных на груди, замёрзли массивные перстни. Сквозь слежавшуюся пыль сверкнули на пламя свечи красные и голубые искорки драгоценных камней.

Екатерина оставила женщину там, где нашла. Приволокла земли, засыпала тело, вместо кирпичей заложила булыжниками, а булыжники — дёрном — не приведи господь, кто на банную каменку подходящих камней искать надумает? Закут с покойницей навсегда пропал из глаз.

Матери Екатерина сказала, что перстни лежали в кладке, завёрнутые в тряпицу.

— Неужли беляевские? — ахала и гадала мать, боязливо трогая почерневшее золото.

— Так мало здесь Беляевы бывали, — наводила дочь на возможную отгадку зловещего тайника. — Аксёнов постарался, как думаешь?

— Платон Андреич? Про что баешь, не разберу?

— Баю, украл управляющий золотишко да зарыл под домом.

— Бог с тобой, — шептала мать. — Он хоть и самодурничал, не зря толсторожей скотиной прозывался, а дела честно вёл. Не мог хозяев обокрасть и других не мог. Верно, своё сокровище зарыл, когда выселяли их отсель, от обысков прятал, а обратно забрать не получилось.

— А ничего тут страшного не происходило раньше? — выводила Катя.

— В дому-от? Завсегда спокойно жили. Передавали по ушам одну байку, так ведь правда ли — кто знает?.. Старшая дочь аксёновская больно уж некрасива с лица была, свататься никто не хотел. Решили, раз такое дело, пусть в девках грехи за весь род отмаливает, перед Господом поклоны бьёт. Молельну ей богатую справили. Хитро была устроена та молельня: весь дом обойди, каждую комнатку прощупай, а где девица с образами, не найдёшь.

— Зачем?

— А чтобы молиться не мешали. Так она, дева-

от, взяла и забрюхатела. Видать, не хотелось за всех поклоны отбивать. Когда стреховодничала, с кем — поди знай. Дух святой постарался — и всё тут!.. Увёз её отец долой с глаз людских, — сказывала мать. — Куда-то в скиты, к отшельникам. Не знаю, чего уж там с нею сделалось... Долго шептались про тую дочь, да всё равно потом забыли. А золото... Семейное, не иначе. Чего делать с им будем?

— Чего делать! Наше оно теперича, наше, — твердила Катя. — Жить на эти кольца будем.

— А придёт кто за ним?

— Не придёт... — вздохнула Екатерина, — а ежели чего — знать ничего не знаем. Поняла ли? — и упрятала драгоценности глубоко в сундук.

Долгие годы перстни кормили Няйтиевых. Екатерина продавала их редко и осторожно, по штучке, то заезжему скупщику, то зажиточному земляку, справлявшему приданое дочери. Когда односельчане разворошили отцовский дом, она поняла, что слухи о няйтиевском золоте всё же просочились. Только не с той стороны сиверко дул. Думали, Алексей Архипович прежней службой обогатился. А то, что бабы сами не лыком шиты, — кто ж догадается?..

Много молилась она, чтобы простил батя, по её вине миром обогатившийся. Но особенно уж совестью не мучилась. Знала за собой счастливую черту — не брать в голову и душу лишних переживаний. О чём мучиться, если всё вокруг и без её грехов летит вверх тормашками! Не убила никого, не обворовала. Покойницу не потревожила, наоборот — упокоила землёй, непогребённую. А перстенёчки поверху лежали, так-то. Но каждый раз, когда Борис нырнул под дом, сердце её сжималось — не добрался бы ушлый проныра до засыпанных булыжников.

Екатерина Алексеевна старалась забыть, что таится в замурованном закуте под кухней. Боялась только, не явится ли кто неведомый, знающий про подпольное то богатство? Ни-че-го, успокаивала себя. Если и был кто, давно при такой жизни в прах истлел. Но Ксанка, которую привёл сын, не на шутку вновь её растревожила. Иногда так взглянет пришедшая девка на свекровь чёрными своими глазищами, что зашевелится внутри забытый ужас, заколет грудь холодом. Не она ли — неведомая посланница?.. И что свекровь заметила: нет её поблизости — Ксан-

ка веселится, смеётся. Но стоит в дверь войти, замолкнет и глядит, будто выпрашивает: признавайся, ядрена твоя душа, признавайся!..

Сёстры собирались к отъезду. Сто обещаний и заверений взяли с дежурной, что скорый Мурманск—Москва обязательно, кровь из носу, тормознёт на станции ради них.

Елена укладывала в чемодан собранные на берегах камешки, пытаясь определить, какого они племени. Медно-коричневый, конечно, гранит. Два белых: тусклый — это мрамор, а светящийся, будто внутри лампочка, наверное, кварц. Серый осколок в слюдяных брызгах тоже гранит. Чёрно-белый с гранатовыми каплями похож на корунд, надо по атласу уточнить. А где подобрался этот, похожий на сглаженный кусочек асфальта?..

Она не была знатоком камней и минералов, но была их давней поклонницей. Любила рассматривать, греть в руках тысячелетние куски земли, песка, глины, прессованную пыль ракушек. Брала камень, закрывала глаза и наслаждалась горячим покалыванием в ладонях. В любом месте — на море, в городах, парках, за границей, в калмыцкой степи, Елена пыталась отыскать «горячий» камень. Подбирала приглянувшиеся, сжимала в кулачке и ждала — откликнется или нет. Когда мутило что-то, ныло внутри, Елена доставала коллекцию и принималась её перебирать, гладить, рассматривать. И камни забирали муть без остатка. Иногда достаточно было полистать атлас минералов, насмотреться на картинки, чтобы успокоиться. Тяга к окаменелостям иногда тревожила. И когда нынче на мокром беломорском берегу нагнулась за красным скольшем гранита, даже сердце ёкнуло: моё! Подняла — и мурашки побежали от самой шеи.

Чуть не каждый увиденный в эти два дня валун, полотнища скал, мокнувшие в холодной воде россыпи взорванных пород по сторонам мостов подключались к тону её крови от одного взгляда на них. Было понятно как дважды два: нужно оставаться. Жить здесь, сидеть на скалах и глядеть, как стремительное течение шумит порогами, взрывается в небо жёлтыми брызгами. И ничего больше. Ни людей, ни забот — только она и камни, и вода, и серое небо над головой. То, что никогда не признавалось

за родину, искренне не любилось и не вспоминалось, превращалось в единственную точку на карте мира, где нужно жить и умереть. Но, вместо того чтоб остаться, Елена уезжала отсюда навсегда.

— Ладно! — грустно бодрилась она. — Заберу с собой по кусочкам, по камешку... Зачем ты его обёртываешь? — отвлеклась на Татьяну, пыхтевшую над бабушкиным стулом.

— Кто нас пустит в вагон с голой мебелью! Хотя какую-то видимость багажа ему придать...

— Кстати, там вырезано чего или нет?

— Вырезано. Буква «Б», если не ошибаюсь. Затёрлась совсем.

— Кто бы сомневался, что — «Б»! Одного себя и любил Борис Владимирович. Где он теперь, жив ли?

— А я разве не говорила? Борис Владимирович мирно доживает денёчки в доме престарелых, километров двадцать отсюда.

— Навестим старца? Время есть. Хотя я устала жутко после кладбища...

— А ему это нужно? За всю жизнь не соизволил нас разыскать, увидеть, познакомиться. Зачем же тревожить человека.

— Ну почему? Однажды соизволил. Помнишь, мама рассказывала?

— О, да. «Покажи пацанку!» — кричал под окном, а у самого руки в наручниках...

— Тебе его жалко?

— С какого перепугу? Если я хотя бы знала, кто он такой, как жил — не только же по тюрьмам таскался, страдал ли от чего — может, и пожалела бы. А так... Смешно думать про него. Пахан округи, дьяволу брательник, а кончает свои дни в престарелом приюте. И не приставай с дурацкими вопросами! Любишь ты всё идеализировать!

Елена засмеялась.

— Идеализировать? Странное слово... Наверное, ты права. Плюнуть и растереть!

— Вот именно... Всё собрала? Тогда пойдём. Ноги гудьмя гудят.

Час назад они вернулись с кладбища, где с трудом отыскивали расплзшуюся бабушкину могилу, готовую в скором времени совсем сровняться с землей.

И через много поколений сорочане продолжали хоронить близких по традициям гражданской

войны и интервенции: наспех, где придется да как получится. Могила притыкалась к дорогам, прятались в глубине лесных полян, группами и поодиночке сырели в низинах. Надгробия смотрели на все стороны света. Хаос и запустение хозяйничали в местах последнего прибежища местных жителей. Редкие ухоженные захоронения только усиливали ощущение бедлама там, где его, казалось, невозможно представить.

Сёстры подсыпали на холмик земли найденным обломком лопаты, положили сверху венки и вернулись к поджидавшему такси.

«Не были тридцать лет, и ещё тридцать можно не показываться», — думала Татьяна, глядя на мелькавшее за стеклом убожище: брошенные финские дома с пустыми глазницами, перепачканные угольной пылью улицы, сгоревшие остановки... Как старшая, она отлично помнила, с каким облегчением и радостью покидали они этот край, пребывавший тогда ещё в очень приличном состоянии. — Жить здесь не полезно для здоровья и психики. И вообще, кому мы тут нужны, зачем? Нам кто нужен?..

...В поезде ей приснился сон. Будто идёт она по дороге в абсолютной пустоте. Ни неба, ни земли, только лента щебёнки под ногами. Вдруг, нарастая и нарастая, завывала пустота, заставляя оглянуться. С трудом, пересиливая себя, Татьяна поворачивает голову и видит,

как бабушкин дом с диким грохотом вздымается на дыбы. Разлетаются в сторону доски, стёкла, кирпичи, из самой середины поднимается столб пыли, похожий на тело, обёрнутое в балахон.

— Бабушка! — в страхе закричала она.

— Здесь я, — слышится шёпот.

Смотрит Татьяна — у вагонной полки стоит баба Катя. В знакомой трикотажной кофте с большими карманами, в фартуке, с зачёсанной налево седой прядью.

— А мама волосы зачёсывала направо, — говорит ей Татьяна и чувствует, как корёжит бабушку упоминание невестки.

— Разве? — скалится бабушка.

— Я точно знаю — направо... Исчезни, бабушка! Тебя же не было никогда! Вас всех не было!

— Были!

«Не были... не были... не были...» — стучали колёса, закатывая в рельсы тонкую чёрную тень.

Марина Борисовна ВОРОНИНА —

профессиональный журналист,

член Союза журналистов России.

Родилась и училась в Карелии (Беломорск),

живёт и работает в Нижнем Новгороде.

Публиковалась во многих областных изданиях,

а также в Москве и Праге.

Константин
БЕЛОУСОВ

г. Петрозаводск

ГОДЫ ОЛОНЕЦКОЙ СЛУЖБЫ

ШТАБ-ОФИЦЕРА КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА МЫШЕЦКОГО

Документы свидетельствуют, что на территории Олонецкой губернии штаб-офицерство Корпуса жандармов было создано в 1827 году и существовало вплоть до 1867 года, когда в соответствии с утвержденным императором Положением были образованы губернские жандармские управления (ГЖУ). Олонецкое штаб-офицерство (собственно штаб-офицер и жандармская команда) входило в состав первого жандармского округа. В первый округ с центром в Санкт-Петербурге входили Архангельская, Вологодская, Лифляндская, Новгородская, Олонецкая, Псковская, Смоленская губернии, Великое княжество Финляндское.

Вопрос о том, кто первым возглавил Олонецкое штаб-офицерство, остается до настоящего времени открытым. Известно, что в январе 1832 года состоявший по артиллерии подполковник Воронин изъявил желание перейти в Корпус жандармов. Наведение справок о кандидате дало положительный результат: в ответе Инспекторского департамента Главного штаба на запрос Третьего отделения он характеризовался положительно. Указывалось, что Воронин зачислен в юнкера в 1815 году, с 31 марта 1816 года – портупей-юнкер лейб-гвардии артиллерийской бригады. Произведен в прапорщики 22 марта 1817 года и направлен во 2-ю конно-артиллерийскую роту. Капитан с 1828 года; с 5 октября 1831 года – подполковник. Переведен служить в 3-ю гренадерскую бригаду. Всего в службе 16 лет и 9 месяцев. Был в походе против польских мятежников и участвовал в сражении 12 и 13 февраля 1831 года.

Он был прикомандирован к Корпусу «для испытания по службе», граф А. Х. Бенкендорф просил государя назначить подполковника Воронина на должность штаб-офицера в Олонецкую губернию¹. Однако документов, подтверждающих его службу в Петрозаводске, в нашем распоряжении нет.

Князь Александр Алексеевич Мышецкий вступил в военную службу в 1813 году после окончания Морского кадетского корпуса, когда был произведен в гардемарины. С 1816 года – мичман, а в 1821-м – лейтенант флота, находился «...в походах в Балтийском и Немецком морях и выслужил три шестимесячных с 18-тью днями кампании»².

М. Ю. Лебединский, изучавший историю этого княжеского рода, добавляет, что Александр Мышецкий в 1817–1818 годах «на фрегате «Патрикий» перешел из Кронштадта в Кадикс, на испанском транспорте вернулся обратно в Кронштадт. В 1819 году находился на Лодейнопольской верфи; в 1820 году – командир шлюпа «Ладога». В 1822–1825 годах ходил в Финском заливе и Балтийском море на шлюпе «Мирный», на фрегате «Диана» и на брандвахте-фрегате «Быстрый». В 1829-м уволен капитан-лейтенантом для определения по статской службе.

В 1833 году переведен в Корпус жандармов и назначен «за адъютанта к олонецкому жандармскому штаб-офицеру»³, где и прослужил до 1839 года, когда в июне был переведен на штаб-офицерскую должность в Омск. За время службы в Омске неоднократно поощрялся, поручения генерал-губернатора Западной Сибири и начальника 8-го Округа

жандармов исполнял «весьма успешно». Так, например, по поручению начальника 8-го Округа выезжал в командировку в Томскую губернию, где находился с марта по сентябрь 1842 года. Он успешно провел следствие по жалобе крестьянки Матрены Сартаковой «о безвинном будто бы наказании мужа ее Ивана Сартакова кнутом и ссылки в каторжную работу...». Весной 1843 года в Тобольской губернии он успешно расследовал причины крестьянских волнений и способствовал их локализации.

В приказе по Корпусу жандармов № 55 от 08.04.1840 года ему было объявлено Высочайшее благоволение «за отлично-усердную и полезную службу». В июне 1843 года за отличие по службе произведен в подполковники, а в декабре того же года по собственному желанию перемещен на должность штаб-офицера в Олонецкую губернию.

За время службы в Олонецкой губернии проявил особую исполнительность, не просто моментально реагируя на любую депешу, поступившую из Третьего отделения либо штаба Корпуса жандармов, но и информируя их по любому, даже малозначительному, поводу.

Сам А. А. Мышецкий точно определил доминанту своего служебного поведения, написав «...в проявление толков я вникаю с особой заботливостью...».

Он регулярно сообщает о том, что в губернии не распространяется литература, напечатанная «...в Лондоне изменником Герценом», что в ожидании коронации чиновники ждут высоких чинов и денежных наград, а простой люд – прощения податей и недоимок, в целом же обстановка остается спокойной и контролируемой.

Вероятно, наиболее трудным и памятным в Олонецкой губернии для князя Мышецкого стал 1863 год. В феврале этого года Третье отделение своим письмом уведомило начальника ОГЖУ о том, что «из Петербурга разосланы в разные губернии печатные воззвания на русском языке, имеющие целью склонить русских в пользу возмущившихся поляков и отклонить офицеров и солдат нашей армии от исполнения служебного долга». В апреле Третье отделение сообщило, что «...получено сведение, что в Петрозаводске существует областной революционный комитет и что этот город избран одним из главных мест для начатия предполагаемого партизанского ведения бунта. Кроме того, ...к раскольникам Олонецкой губернии отправлены возмутительные воззвания». В ответном рапорте князь Мышецкий сообщает, что «...некоторыми служащими почтой получают... воззвания на русском языке, имеющие целью склонить русских в пользу возмущившихся поляков». Через неделю он дополняет картину новыми сведениями: «...поляки, находящиеся в

Петрозаводске, воодушевлены восстанием, их во всех присутственных местах немало, в батальоне солдаты наполовину поляки, к ним примкнули... евреи, горцы, недовольные правительством, офицеры, исключая 4-х, все поляки рьяные, они имеют связь с присланными под надзор полиции из Западных губерний истовыми поляками...» В апреле-мае, судя по рапортам начальника ОГЖУ, ситуация накаляется до предела – распространяются слухи о том, что подожгут город, взорвут пороховой погреб, в котором хранится 1800 пудов пороха. Злоумышленники вот они, рядом: «Ген и Михайлис есть агенты национального польского комитета ...у них имеются разные квитанции и также возмутительные воззвания... все эти бумаги на случай внезапного обыска хранятся от Гена у вице-губернатора, Михайлиса – у председателя Судебной палаты...»

Стремясь обезопасить себя, Мышецкий «на всякий случай» докладывает в Третье отделение о том, что «...сведения мною получаются только из низших слоев, часто по-своему перетолкованные, за которые ручаться и ответственности на себя принять не могу...», в то же время он предлагает «принять скорые и энергичные меры, которых в самой губернии не предстоит, и никаких средств нет...». Весь жандармский аппарат губернии был ориентирован на борьбу с польской угрозой, в итоге все благополучно завершилось, так как новых сведений о планах и фактах действий «раскольников» получено не было.

Чрезмерная бдительность Александра Мышецкого, проявленная в 1863 году, имеет еще одно объяснение – ранее, в январе 1856 года, произошло событие, которое биограф князя зафиксировал так: «ошибочно просил капитана Г. Д. Щербачева передать по начальству рапорт о преступно-равнодушном отношении губернатора Петрозаводска⁴ к шпионской деятельности английского офицера».

Суть произошедшего в том, что в столицу Олонецкой губернии прибыл Георгий Дмитриевич Щербачев – адъютант инспектора российской артиллерии барона Н. И. Корфа. Он должен был контролировать сроки выполнения работ на Александровском чугунолитейном заводе по отливке пушек для нужд армии. А. А. Мышецкий принял его за офицера, приехавшего специально для расследования дела об «английском шпионаже» на этом предприятии. Он сделал Щербачеву подробный доклад, стремясь опередить губернатора, которого подозревал в сговоре со «шпионами» и сообщал об этом ранее в Третье отделение. Узнав, что миссия этого офицера заключается совсем в другом, он «...очень сконфузился, извинился и уехал»⁵.

Шпионско-губернаторский конфуз не отразился

на службе князя Мышецкого, в Олонецкой губернии он прослужил в общей сложности двадцать три года, получил чин полковника и только в 1866 году передал дела новому штаб-офицеру майору Киприану Фаустиновичу Кретковскому, которому суждено было позднее возглавить Олонецкое ГЖУ.

За время службы князь А. А. Мышецкий был награжден орденом Св. Станислава 2-й ст. с Императорской короной; орденом Св. Анны 2-й ст. с Императорской короной; орденом Св. Владимира 4-й ст.

Оставив жандармскую службу, А. А. Мышецкий проживал в г. Петрозаводске. Умер в августе 1870 года, о чем сообщила газета «Олонецкие губернские ведомости» в разделе «Частные объявления»: «3-го августа, в 11 часов пополудни, скончался проживавший в г. Петрозаводске отставной генерал-майор князь Александр Алексеевич Мышецкий». Он был похоронен на Троицком кладбище.

Заметим, что служебный путь и деятельность А. А. Мышецкого являются типичными для жандармского офицера той эпохи.

Особую привязанность князя Александра Мышецкого к Олонецкой губернии можно, вероятно, объяснить тем, что по одной из версий именно здесь существовала и угасла одна из ветвей этого княжеского рода⁶.

Примечание

¹ Чукарев А. Г. Тайная полиция России. 1825 – 1855 гг. – М., 2005., С. 151.

² Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. 19, оп. 1, д. 1/3, л. 63.

³ НА РК. Ф. 19, оп. 1, д. 1/3, л. 62; М. Ю. Лебединский указывает, что А. А. Мышецкий служил в Олонецкой губернии с 1842 по 1866 г. См.: Хроника князей Мышецких (от предков Рюрика до наших дней).

Версия 1998 года [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/HISTORY/LEBEDINSKIJ/myshec.txt> (дата обращения: 09.04.2015).

⁴ Правильно, конечно, губернатор Олонецкой губернии (**К.Б.**).

⁵ Фирсов В. Шпионаж на Александровском заводе // Сивер № 5+6, 2003, С. 213; воспоминания Г. Д. Щербакова об этом см.: «Русский архив», 1891.

⁶ Владения данной ветви находились в Олонецкой губернии (Обонежская пятна Новгородских земель). Во время Смуты князь Борис Александрович Мышецкий переселился с семьей в Олонецкий край. Его потомками были известные деятели раскольнического движения – Андрей Денисович (Денисов) (в 1703 – 1730 гг.), а затем его брат Семён (в 1730 – 1741 гг.) возглавляли Выгорецкую старообрядческую пустынь. Они были главными вождями раскола в первой половине XVIII века. Сын Семена, Емельян, был под именем Омелька Второго воеводы против царских войск. После поимки он был казнен в середине 18-го века. С его смертью ветвь угасла. Подробнее см.: Князья Мышецкие (потомки князя Александра Борисовича) [Электронный ресурс].

http://rusgenealog.ru/index.php?id=gen&table&table_id=gen_rk_305 (дата обращения: 09.04.2015); Лебединский М.Ю. Хроника князей Мышецких (от предков Рюрика до наших дней). Версия 1998 года [Электронный ресурс]. <http://lib.ru/HISTORY/LEBEDINSKIJ/myshec.txt> (дата обращения: 09.04.2015).

Константин Федорович БЕЛОУСОВ

родился в 1957 году в Вологде.

С 1983 года живет и работает в Петрозаводске.

Окончил исторический факультет

Ленинградского государственного университета имени А.А. Жданова.

С 1986 по 2002 год — в органах безопасности СССР и России.

Подполковник.

Преподает в ПетрГУ на юридическом факультете.

Более 20 лет профессионально занимается

историей отечественных спецслужб.

Автор 15 научных публикаций, один из авторов и научный редактор книги «Органы безопасности Карелии. 1918–2008.

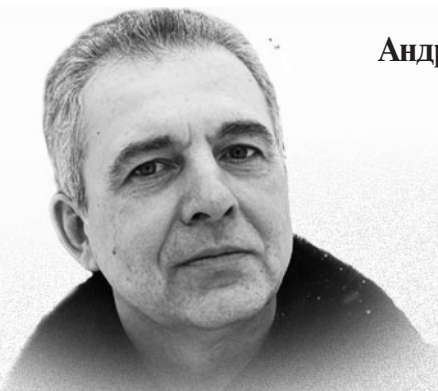
Исторические очерки. Воспоминания. Биографии» (Петрозаводск, 2008).

Соавтор книги «Судьба страны. Судьба чекистов.

Из истории органов безопасности

Республики Карелия» (Петрозаводск, 2012).

Андрей Гельевич ПОПОВ*родился в 1959 году в Воркуте.**Окончил Сыктывкарский государственный университет, филологический факультет.**Публиковался в журналах «Наш современник», «Юность», «Север», «Арион», «Родная Ладога» и др.**Стихи переводились на венгерский язык.**Автор десяти сборников стихотворений.**Лауреат премии правительства Коми в области литературы им. И.А. Куратова,**Южно-Уральской премии,**Международной литературной премии имени С. Есенина «О, Русь, взмахни крылами» и др.**Член Союза писателей России.***Андрей ПОПОВ***г. Сыктывкар*

«И Я УЧИЛСЯ ПОНИМАТЬ И ПЛАКАТЬ...»

ВИФЛЕЕМСКАЯ ЗВЕЗДА

Наверно, скатилась в чащобы травы,
Исчезла в провале.

Звезду потеряли из виду волхвы —
Звезду потеряли.

За нею прошли они ночи и дни —
Огромные дали.
Но в город вошли, всюду светят огни —
Звезду потеряли.

И рынок шумит и привычно поёт
О хлебе и стали.
Что в городе Ирода ищет народ?
Звезду потеряли...

Душа моя, где мы? С собой не в ладу —
Пьём дым на вокзале...
Зачем потеряли из виду звезду —
Звезду потеряли.

СМЕРТЕЛЬНАЯ ЗАБОТА

Помогая медлительным срокам природы,
Землероб неразумный вытягивал всходы,
Чтоб быстрее росли — ожидал урожая...
А они засыхали, труды отвергая.

Мы неспешность поступков порою не ценим,
Душу тянем, как злак, на высокие цели —
Вырастай поскорее, душа, для полёта...
Как бы ей не засохнуть от нашей заботы.

ПРИВЫЧКИ ДЕКАБРЯ

Посетуют о жизни декабри,
Что нет любви среди зимы и снега...
А смерть придёт и спрячется внутри
В гостеприимном сердце человека.

У нас такие зимние края,
Что человеку кто-то близкий нужен.
Смерть говорит: — Согрей, любовь моя...
И сердце прячет смерть от зимней стужи.

ТИХИЙ СВЕТ

Я в зимний день без всякой цели вышел,
И был я рад, что снова одинок,
И свет дневной всё тише был и тише...
Храни вас Бог.

Я шёл без цели, но небесным знакам
Необратимо подступает срок —
И я учился понимать и плакать...
Храни вас Бог.

НЕБЕСНОЕ ВРЕМЯ

...до скончания неба он не пробудится...
Иов. 14, 12

Иссыхают озёрные воды,
Иссякают ручей и река.
Укрепляют небесные своды,
Как колонны и стены, века.

Небо

времени держат опоры —
Уходящие дни и года...
Разрушаются скалы и горы,
Исчезают в песок города.

Человек, как планета, остынет...
Где укроет его тишина?
До скончания неба отныне
Не сумеет воспрянуть от сна.

Человек будет спать, представляя,
Что не зря появился на свет,
Что не зря — ни конца и ни края
По небесному времени нет.

ВОРКУТИНСКИЙ ВОПРОС

Я родился в краю гагар,
Куропаток и белых сов,
И сюда никакой Макар
Не гонял телят и коров.

И в судьбе моей падал снег,
Снова падал — как будто впрок.
Я смотрел на него, как зэк,
У которого долгий срок.

Я смотрел на него в упор,
С ним легко соглашаясь в том,
Что не я выбирал простор,
Что не я выбирал роддом.

Кто же выбрал? Какая цель?
Непонятно. Туман и тьма.
Но зато впереди метель,
Но зато впереди зима.

* * *

Иисус направился в город, называемый Наин.
Шли с ним ученики.
Приблизился к городским воротам.
И выносили покойного — умер единственный сын
У матери и вдовы. И было народа без счёта.

Мать уже по обычаю надорвала одежды ткань,
Сердце она надорвала от муки без всяких правил.
Пожалел Господь её:
— Юноша! Тебе говорю, встань!
Мёртвый, поднявшись, сел, заговорил — и Бога восславил.

Не знаю точно, восславил ли.
Знаю, вернулся домой.
Знаю, объятые страхом восславили Бога люди...
Сын мой единственный на кладбище Гатчины.
Всеблагой!
Это город под Питером. Пройди там, как время будет.

Там ходит летом автобус.
Часовня есть. Не глухомань.
Не надо идти мелкошесем, чтоб не попасть в болотце.
Боже, скажи Ты сыну:
— Юноша! Тебе говорю, встань!
Пройди там, как время будет.
И сын мой домой вернётся.

Борис Евгеньевич ИЛЬЮТИК

родился в 1951 году в пос. Надвоицы
Сегежского района Карельской АССР.

Вырос в г. Беломорске.

Окончил Петрозаводский техникум
железнодорожного транспорта.

Публиковался в коллективных сборниках:

«Попытка» (1991),

«Беломорье — моё вдохновение» (2004),

«Удержавшиеся над бездной...» (2007),

в журнале «Север»,

литературно-краеведческом альманахе «Сиверко».

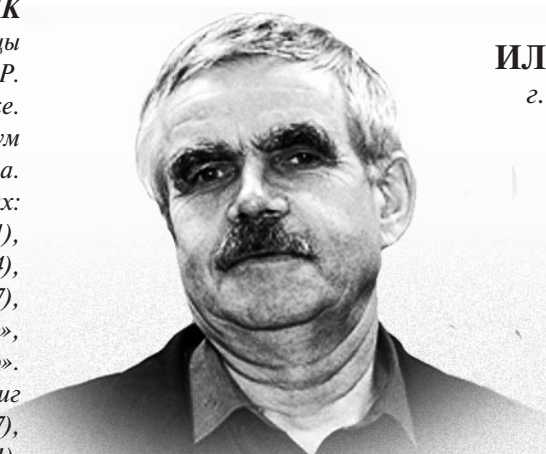
Автор поэтических книг

«И нам бы так уметь...» (2007),

«По жизни с обнажённым нервом» (2011).

**Борис
ИЛЬЮТИК**

г. Беломорск

У БРАТСКОЙ МОГИЛЫ

В час, когда листвы горящей стая
начинает хоровод водить,
словно хочет осень золотая
всех погибших щедро наградить.
И в сентябрьский, ветреный, холодный
день, с дождём пожаловавший к нам,
листья эти яркие подобны
боевым героическим орденам.
Их не зря она позолотила,
чувству долга своему верна,
и они ложатся на могилу —
золотые, словно ордена.

**«И ВЫДЕЛЕНА МНЕ
БЫЛА СУДЬБА...»**

* * *

Нагружен воз. Теперь найти раба,
чтоб вёз его с рождения до смерти.
И выделена мне была судьба
стать тем рабом в житейской круговерти.

А крест? Ну как же в жизни без креста!
Был выбран он и взвален мне на плечи,
и — где с ним жить — назначены места
и даже — с кем, когда, какие встречи.

И я, с крестом, стараюсь, воз тащу
и от грехов своих не отрекаюсь,
на власть ропщу, на Бога не ропщу
и каюсь, каюсь, каюсь, каюсь, каюсь.

КАРТОШКА 43-го ГОДА

Осень, холод — землю ковыряем,
как же нам её не ковырять:
мы картошку в поле добываем —
просто больше негде добывать.
Мы спешим, друг друга подгоняем —
мамка умирающая ждёт,
плохо будет, если опоздаем,
и она одна, без нас, помрёт...
Больше чем полвека пролетело
с той поры, но помним день и час,
как картошку перед смертью ела
мама и благодарила нас.

* * *

Помнится, при первом прочтении романа Булгакова «Мастер и Маргарита» я искренне хотел над сценкой, описывающей, как Бегемот и Коровьев пытались попасть в ресторан Дома Грибоедова, у входа в который сидела «гражданка в белых носочках и белом же беретике с хвостиком», потребовавшая у неразлучной парочки писательские удостоверения.

« – Прелесть моя... – начал нежно Коровьев.

– Я не прелесть, – перебила его гражданка.

– О, как это жалко, – разочарованно сказал Коровьев и продолжал: – Ну, что ж, если вам не угодно быть прелестью, что было бы весьма приятно, можете не быть ею...»

Потом, много позже, читая уже не булгаковское «евангелие от Воланда», а настоящее – от Матфея и других Апостолов, – я понял, что гражданка в белых носках является практически единственным персонажем романа, не подпавшим под власть нечистой силы. Ведь по Священному Писанию «прелесть» – это, во-первых, «самопрельщение» (1 Сол., 2, 3), а во-вторых, «обманывание и обольщение других» (Мтф., 27, 64; 4, 14), поэтому, заявив представителю свиты Воланда (Дьявола) своё твердое «Я не прелесть», гражданка в белых носках и белом берете (а белый цвет – это символ чистоты и святости) выка-

зала именно православное отношение к слову «прелесть», вызвав тем нескрываемую досаду Коровьева («О, как жалко...»), бесовская роль которого как раз и опирается на склонность людей к самообольщениям и соблазнам.

* * *

Думая как-то об умершем писателе Петре Проскурине, я полез в первый номер журнала «Слово» за 2001 год и перечитал опубликованный там его рассказ «Мужчины белых ночей», в котором главный герой мучительно размышляет над тем, что произошло за последние годы с Россией и что можно в этой ситуации сделать для её спасения. «Я больше ничему не верю, – говорит он, ведя мысленный разговор со своим погибшим другом, – ни в народ, ни в совесть, ни в Бога. Русский человек оскотинился до маразма. Слепой кутёнок, тычется из стороны в сторону, и ни шага вперёд. Сам себе выбирает палачей, сам подставляет горло... души, режь, володей телом, я – тварь бессловесная, плесень на земле. Появилась и бесследно исчезла...»

Я много думаю над тем, что же можно противопоставить наблюдаемому ныне в стране нашествию цинизма и безнравственности, чем остановить разгул криминала и беззакония. Я понимаю, что причиной всего этого и вправду является наше собственное бездействие, однако когда я перечи-

тал в рассказе Проскурина то место, где его герой взрывает лесной дом отдыха вместе с «оттягивающимся» там губернатором и громадным числом obsługi в виде поваров, слуг и девочек для сауны, то я почувствовал в душе определённое сопротивление. Да, мне хочется, чтобы русский народ наконец-то очнулся от духовной спячки и сказал «нет» торжеству беззакония, но только не таким способом. Ведь на эту тему уже написано множество романов Анатолием Афанасьевым, но когда его герои начинают бороться с бандитами **ТЕМИ ЖЕ МЕТОДАМИ**, которыми те терроризируют облюбованные ими городки, то они фактически тут же превращаются в **ИХ ЖЕ ПОДОБИЯ**. Иными словами – ни в коем случае нельзя уподобляться тому, против кого ты воюешь, ведь дьявол-то как раз и любит менять всё и всех местами и запутывать. Не случайно же в финальной сцене рассказа появляются интонации, очень сильно напоминающие интонации булгаковского романа «Мастер и Маргарита» – в том месте, где Воланд допрашивает **кота** Бегемота и Коровьева о причинах пожара в Доме Грибоедова:

«Оба, и Коровьев, и Бегемот, развели руками, подняли глаза к небу, а Бегемот вскричал:

– Не постигаю! Сидели мирно, совершенно тихо, закусывали...

– И вдруг – трах, трах! – подхватил Коровьев, – выстрелы! Обезумев от страха, мы с Бегемотом кинулись бежать на бульвар, преследователи за нами, мы кинулись к Тимирязеву!

– Но чувство долга, – вступил Бегемот, – побороло наш постыдный страх, и мы вернулись!

– Ах, вы вернулись? – сказал Воланд. – Ну, конечно, тогда здание сгорело **дотла**.

– **Дотла!** – горестно подтвердил Коровьев. – То есть буквально, мессир, **дотла**, как вы изволили метко выразиться. Одни **головешки!** <...> Ничего невозможно было унести из зала, пламя ударило мне в лицо. Я побежал в кладовку, спас сёмгу. Я побежал в кухню, спас халат. Я считаю, мессир, я сделал всё, что мог...

– Ах, если так, то, конечно, придётся строить новое здание.

– Оно будет построено, мессир, – отозвался Коровьев...»

А вот, для сравнения, разговор главного героя рассказа Проскурина – капитана Никонова (как раз и устроившего взрыв и пожар лесного притона) – со своим шефом:

«– ... Что там у вас происходит? Ты, Никонов, не тяни **кота** за хвост!

– Не хотел тревожить вас среди ночи, шеф, пожар, – сказал Никонов. – Большой дом уже догорает, чу-

деса... Словно языком слизнуло. Озеро из белого, молочного окрасилось розовым...

– К чёрту! – откровенно теряя контроль над собой, сорвался Валериан Денисович. – Ты пьян, что ли? Ах, негодяй...

– Шеф, мое дело охрана, а что там внутри случилось, никто не знает, – сказал Никонов. – Но дом действительно догорает. Какой-то чудовищно мгновенный пожар...

– Ты думаешь, сгорит всё **дотла?** – опечалился Валериан Денисович и даже вздохнул.

– Абсолютно всё, такой огонь ничего не пощадит, может, только какую **черепушку...**»

Я думаю, в литературе не бывает случайных совпадений, и даже если сам Проскурин никаких постмодернистских перемигиваний между двумя этими текстами и не устраивал, то существуют некие тайные законы искусства, по которым темы (или даже сцены), имеющие между собой, так сказать, *перекличку внутреннего характера*, непременно окажутся близкими друг другу и по своей стилистике, и по использованным образам, и по задействованным в этой сцене деталям. Отсюда, помимо общего сходства двух этих эпизодов между собой, и там, и там имеют место образ **КОТА** (в фразе «не тяни кота за хвост» – у Проскурина, и в образе кота Бегемота – у Булгакова); упоминание **НЕЧИСТИ** (в выражении «к чёрту!» – в тексте у Проскурина, и в образах беса Коровьева и князя тьмы Воланда – у Булгакова); а также сгорающие в обоих случаях **дотла** здания, от которых не остаётся ничего, кроме «головешек» (у Булгакова) да «черепушек» (у Проскурина), а также ряд других сходных моментов. Думаю, что всё это не может не подтолкнуть нас к мысли о том, что за обеими этими сценами стоит одна и та же сила – помните? – «что хочет зла, но вечно совершает благо». И в этом – таится ключ к пониманию заблуждений обоих авторов. Я говорю «заблуждений», потому что не может сила, жаждущая творить **ЗЛО**, принести людям хотя бы какое-нибудь минимальное **ДОБРО**. А потому и путь, указанный Петром Проскуриным в рассказе «Мужчины белых ночей», не в состоянии принести с собой ничего, кроме новой крови и горя, тогда как Россию сегодня если что и спасёт, то только – любовь и молитва...

* * *

Несколько лет тому назад в правлении Союза писателей России состоялось обсуждение новой повести (ещё живого тогда) Валентина Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана», опубликованной в одном из номеров журнала «Наш современник». Патриоти-

ческие литературные и читательские круги давно ждали слово Валентина Григорьевича, выступавшего последнее время и редко, и какими-то небольшими произведениями – публицистическими статьями или рассказиками. И вот наконец-то – полновесная художественная повесть.

Первое, чего нельзя не заметить в новом произведении Распутина, – это откровенной сюжетной переклички с нашумевшим не так давно фильмом Станислава Говорухина «Ворошиловский стрелок», в котором трое отморожков насилуют чистую и невинную школьницу, а затем преспокойно откупаются от суда и продолжают на глазах у всего городка свои циничные пиршества. Видя бездействие и бессилие нашего правосудия, дед оскорбленной девушки покупает на черном рынке снайперскую винтовку и сам выносит приговор подонкам.

Примерно то же происходит и в повести Валентина Распутина, только здесь за поруганную честь дочери мстит мать, которая изготавливает из ружья обрез и, видя, как суд собирается отпустить насильника на свободу, осуществляет над ним заслуженную кару. Однако, как это всегда и бывает у Распутина, повесть его растекается гораздо шире обозначенного сюжета и заставляет думать не только о сути произошедшего с героиней, но и о том, что происходит со всем русским народом. Ведь если в фильме Говорухина всё чётко поделено на «чёрное» и «белое», то в повести Распутина всё уже далеко не так просто и однозначно. Да, его Светка подверглась грубому насилию со стороны азербайджанского торговца, но ведь незадолго до этого она сама бросила школу и, окончив какие-то курсы, пыталась устроиться работать на рынок. Она ведь и со своим насильником поехала с той целью, чтобы он её устроил на работу к своему брату. И что – она или её мать не понимали, что рано или поздно ей придется лечь под кого-нибудь из хозяев, как это делают многие работающие на наших рынках женщины, боящиеся потерять своё место на лотке или в палатке? Однако до тех пор, пока беда не коснётся кого-нибудь из нас *ЛИЧНО*, никто не стреляет... В том-то и заключается принципиальная разница между фильмом Говорухина и повестью Распутина, что насилие в «Ворошиловском стрелке» носит, так сказать, *РАЗОВЫЙ* характер – обладание девушкой необходимо пьяным подонкам только сейчас, *В ДАННЫЙ МОМЕНТ*, и после удовлетворения своих животных потребностей она им становится абсолютно без надобности, тогда как изнасиловавший Светку торговец в повести «Дочь Ивана, мать Ивана» и не думает её утром отпускать, требуя, чтобы она родила ему сына, и вообще относясь к ней уже

как к *СВОЕЙ СОБСТВЕННОСТИ*. Это и есть, наверное, самая характерная черта, которую подметил в сегодняшних «хозяевах жизни» В.Г. Распутин: всё, к чему прикасается грязная лапа торговца, превращается в его *СОБСТВЕННОСТЬ* – рынок, женщина, власть, Россия...

Надо заметить, что в повести Валентина Григорьевича вообще очень много символики. Символично уже само её название – «Дочь Ивана, мать Ивана», восходящее к тому же принципу, который мы видим и в приводимом евангелистом Матфеем родословии Иисуса Христа: «Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его», – и так далее. Стремление вписать героев своего повествования в хронологию *БОЛЬШОЙ ИСТОРИИ* – черта, характерная как для авторов Библии, так и для древнерусских летописцев, и, давая своей повести название «Дочь Ивана, мать Ивана», Валентин Распутин как раз и пытается показать этим неразрывную цепь продолжения человеческого рода, непрерывный процесс бытия и одновременно с этим – роль своей героини в этом процессе.

Затем: необычайно жаркий весенний день в повести Распутина не может не напомнить нам собой другой необычайно жаркий весенний день, описанный в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» – и эта перекличка, подчеркивание этой *НЕОБЫКНОВЕННОЙ* жары, её акцентирование обоими писателями кажется отнюдь не случайностью, так как *ЖАР* – это не что иное, как символ *АДА*, и авторы как бы сразу настраивают нас на то, что впереди нас ожидает встреча с представителями именно этого inferнального места. И действительно – то, что случается далее, ничем иным, как бесовщиной, назвать нельзя, причем это касается не только событий романа Булгакова, но и того, что совершается в повести Распутина. Разве надругательство над *ЧИСТОТОЙ* – это не есть дело рук беса?..

Самое страшное в повести Валентина Распутина – то, что мы должны быть чуть ли не благодарны насильнику Светланы, так как только прямое надругательство над девочкой оказалось способным разбудить в её матери (да и в нас самих) чувство протеста против засилья чужеземцев в России и поправки ими всех основ нашей жизни. Если бы этого не случилось, все так бы и продолжали спать, терпя воцарение чужаков...

* * *

Прочитал журнал «Наш современник» с поэмой Юрия Кузнецова «Сошествие в ад», многие эпизоды которой подарили мне настоящее эстетиче-

ческое наслаждение, как, например, строки: «То не птенец выпадал из гнезда родового, / то не мертвец поднимался из сна гробового – / это разбойник явился – ни ночь и ни день, / пала в долину его теловидная тень. / Глянул Господь на него и промолвил сурово: / – Встань и держись Моего обещанья и слова, / да не побойся грядущих судеб и утрат. / Рай недалек. Но дорога пойдет через Ад», или же такие, как: «Руки разбойник простёр, как моряк с корабля, / и возгласил первозданное слово: – Земля! – / Молвил Сын Божий, как истина ветхая днями: / – Это подобье. Земля у тебя под ногтями. / Глянул разбойник на грязные ногти свои / и зарыдал, и взалкал чистоты и любви...»

Однако рядом с чисто поэтической красотой и стройностью поэма Ю. Кузнецова то и дело срысывается в самую что ни на есть откровенную ересь, выдавая в авторе закоренелого материалиста, не понимающего, что перед Богом находится не сам разбойник, а только его ДУША, и, стало быть, откуда же у нематериальной сущности может быть «земля под ногтями»?..

Аналогичное недоумение вызывают сцены, в которых Господь ходит по Аду и задаёт всем встречным вопрос: «Где Сатана?» – как будто бы с Богом можно играть в прятки, спрятавшись от Него за сундуком или печкой! Здесь в поэте снова говорит материалист, не признающий Господне-го ВСЕВЕДЕНИЯ и того факта, что Ему не надо никого ни о чём спрашивать, ибо Ему ведомо не только то, кто где находится, но и, как говорится в молитвах, «и вся несодеянная нами» открыта.

Весьма пародийно, на мой взгляд, выглядит картина возвращения головы Иоанну Крестителю, на-

поминающая аналогичную сценку с возвращением оторванной котом Бегемотом головы конферансье Жоржу Бенгальскому, происходящую в романе Булгакова «Мастер и Маргарита». Помните? – «Кот, прицелившись поаккуратнее, нахлобучил голову на шею, и она точно села на своё место, как будто никуда и не отлучалась. И главное, даже шрама на шее никакого не осталось. Кот лапами обмахнул фрак Бенгальского и пластрон, и с них исчезли следы крови...» Почти то же самое происходит и в поэме Кузнецова, где Господь встречает идущего с головой под мышкой (!) Иоанна и спрашивает его (опять – спрашивает; опять, **ЗНАЯ ВСЁ**, зачем-то задает ему нелепый, да ещё и с явной долей иронии, вопрос): «Иоанн, что случилось с тобой? / Голову ты обронил, как скупец – золотой». (Как будто бы Он не знает, что Иоанн лишился головы из-за проповеди Его же пришествия! Получается, что Господь просто пытается красоваться перед сопровождающим Его по Аду Юрием Кузнецовым Своим остроумием...) Выслушав ответ Предтечи о том, как его обезглавили по требованию Саломеи (при этом рассказ сопровождается такими подробностями, как сообщение о том, что блудница «обстрекала» голову пророка менструацией, из-за чего теперь та не пристаёт к костяку), Христос делает почти то же, что и кот Бегемот в романе Булгакова, а именно: «Глянул на голову Бог и во имя Своё / взял и поставил на прежнее место её. / И приросла голова, и, ни мало ни много, / встретились вровень два взора: пророка и Бога...»

Николай Владимирович ПЕРЕЯСЛОВ родился в 1954 г.

Окончил заочное отделение Литературного института им. А.М. Горького по жанру критики и литературоведения.

Автор пятнадцати книг стихов, прозы и критики, также множества публикаций в периодике.

Лауреат литературных премий им. А.П. Платонова, А.Н. Толстого и Большой литературной премии России.

Член редакционного совета журналов: «Всерусский собор» (С.-Пб), «Донбасс» (Донецк), «Север» (Петрозаводск), альманаха «День поэзии», всеславянской газеты «Небесный Всадник» и других изданий.

Печатался в литературных журналах России, Украины, Беларуси, Казахстана, США, Германии, Болгарии, Китая и других стран.

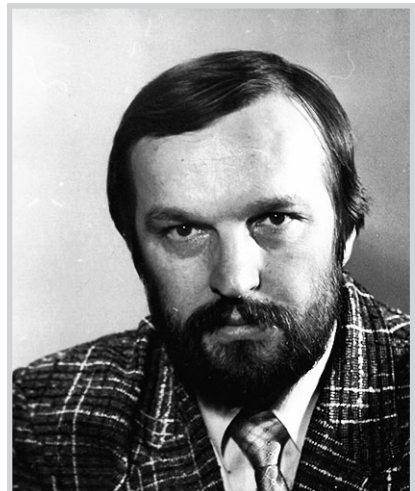
Член Международной федерации журналистов,

Международной ассоциации писателей

и публицистов, Союза журналистов Москвы и Союза писателей России.

Секретарь правления Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Наталья МЕЛЕХИНА

г. Вологда

рассказ

Дашка твёрдо решила побывать в гостях у Мазеги. Ещё совсем недавно она даже не подозревала, что под землёй Паутинки скрывается целое Колодезное царство.

Дашке почти исполнилось шесть лет, и она знала поимённо всех своих соседей по деревне. В каждой из двенадцати изб жила-была бабушка, а у трёх бабушек даже были и дедушки. Ещё в деревне водились овцы, свинки, корова Звёздка (её держали Дашкины родители), собаки Умка, Пальма, Каштанка и Травка и много кошек — Мусек, Муток, Васек и Барсиков.

В домах обитали домовые. Их Дашка представляла как Кузю и Мафанию из известного мультфильма. В полях за Паутинкой поселились полевые. В Дашкином воображении это были существа, похожие на мышек-полёвок, причём они носили кафтанчики, сплетённые из сухой травы. Лесами вокруг Паутинки правил грозный Хозяин Леса. Его истинного обличья никто не знал. Но Дашка не раз слышала его голос: Хозяин Леса шумел и стонал при сильном ветре, что-то шуршал и нащёптывал при слабом, а зимой в ясные и солнечные дни предпочитал отмалчиваться.

Старший брат, семнадцатилетний Игнаха, объяснял часто болеющей Дашке, что в сильный мороз Хозяин Леса бережёт горло, чтобы не простудиться, поэтому не разговаривает, и непременно советовал сестрёнке поступать по примеру старших.

— Так давай, Игнаха, ему мёду сне-сём? И варенья малинового, чтоб не болел, — заботилась сердобольная Дашка.

— Ты что! — махал руками Игнат. — Нам ли ему подарки носить! У него одних пчелиных роёв знаешь сколько! Помнишь, мы с отцом мёд приносили в сотах из дупла? Это всё из кладовых Хозяина Леса.

Но всё же тайком от взрослых Дашка как-то летом отнесла упаковку аспирина, украденную из аптечки, в ближайший перелесок, начинающийся сразу за огородом. Она положила таблетки под ло-

пух. «Ты, Хозяин Леса, их на зиму спрячь!» — посоветовала она. Вокруг качались деревья, и Дашке казалась, что это Хозяин Леса трясёт волосами-ветвями, согласно кивая.

Дашкин отец — дядя Гриша — в тот же день зашёл в перелесок за боровиками и аспирин под лопухом случайно обнаружил. Он осторожно поинтересовался у своей дочери, откуда он там. «Ума не приложу! — важно развела руками Дашка. — Но ты, папа, таблеточки не забирай. Это Хозяину Леса». Дядя Гриша только расхохотался, вспомнив Игнаткины наставления сестре.

В Паутинке водился даже свой собственный Минотавр. Благодаря чудесам телевидения он переехал в вологодскую деревушку напрямик из античной Греции. Как-то вечером Дашка со своей родной бабушкой Маней пошла в гости к двоюродной бабушке Мане на посиделки. Там собрались все старушки деревни. Разговор за рукоделием, кружевами да вязанием у них затянулся, и любимую передачу «Спокойной ночи, малыши!» Дашке пришлось посмотреть в гостях. После недолгой беседы Хрюши, Степашки и дяди Володи показывали мультфильм про то, как Тесей и его спутники, юноши и девушки, попали в лабиринт царя Миноса. Прекрасные и печальные пленники, беззащитные перед чудовищем, блуждали в каменных коридорах. Дашка тут же представила себя Тесеем, который обязательно всех спасёт.

После посиделок Дашка с родной бабушкой Маней возвращались домой по неосвещённой задремавшей деревне. Была поздняя осень. Рано темнело. Старая и малая брели медленно. Дашка-Тесей всё ещё вела за собой спасённых юношей и девушек через непроглядную тьму подземелья, и вдруг раздался громкий, похожий на бычий рёв и кто-то ка-ак выпрыгнул из темноты!

Оказалось, что это двоюродный Дашкин брат Димка пришёл в гости к бабуле с ночёвкой. Не застав её дома, отправился на посиделки и, заметив возвращавшихся бабушку и сестру, решил созоровать. Спрятался за любимой Дмитриевой берёзой. Её так называли, потому что когда-то это дерево посадил Дашкин и Димкин прадед — тоже Дмитрий. Тихо сидел за именным деревом, а потом как выпрыгнул со свирепым боевым кличем к бабуш-

ке и сестре! Но они не оценили. Бабушка сильно ругалась. Причём особенно рассердилась на внука из-за того, что Дашка не заплакала.

«Ты зайкой её мог сделать! И меня вместе с ней! Посмотри, ребёнок окаменел весь!» — выговаривала бабуля. А четырнадцатилетний, по деревенским меркам уже совсем взрослый, Димка извинялся и сам по-детски чуть не плакал. «Ну не ругайся, бабуль... Да у нас сеструха такая, ее вообще фиг чем испугаешь! Да она и не плачет у нас никогда. Орёт только, когда чего ей надо», — оправдывался он и обнимал Дашку за плечи.

Дашка же с тех пор верила, что за Дмитриевой берёзой прятался никакой не брат, а настоящий Минотавр. Чудовище точно живёт в их деревне, выходит бродить по ночам и может всех обидеть: и маму, и папу, и бабушку, и братьев, и остальных. Как именно обидеть — было непонятно. Возможно, закружить, увести от дома и там напасть в темноте и тишине, растоптать, забодать и съесть. «Я вырасту и убью его», — решила Дашка-Тесей. Но пока приходилось терпеть его присутствие. На всякий случай она попросила Димку и Игнаху сделать ей лук и стрелы и ещё короткий меч, как у Тесея. Братья без лишних уговоров изготовили для неё оружие. Им было не впервой. Они постоянно мастерили для сестрёнки какие-нибудь игрушки: тачанки, бульдозеры, а однажды сделали деревянный трактор такого размера, что пятилетняя Дашка могла свободно сидеть в нем за рулём. К «бамперу» крепились верёвка. Братья впрягались в неё и таскали трактор по деревенской улице. Дашка рулила: передние колёса, позаимствованные от детского велосипеда, соединённые с «баранкой», поворачивали и вправо, и влево, и братья особенно гордились, что им удалось установить «передний привод».

Получив оружие, Дашка регулярно тренировалась, тайком оттачивая навыки стрельбы на бабушкиных курицах и овцах, а искусство фехтования — на старом репейнике.

Кроме Минотавра, в речке и на Дамбе жили водяные и русалки, но их Дашка убивать не собиралась, потому что никакой опасности для тех, кто умеет плавать, они не представляли, а плавала Дашка, воспитанная братьями, как рыбка. В крайнем случае можно было пнуть водяного в живот. Живот у него, как известно, из

мыльного пузыря, а от пинка смешно лопаются с брызгами и бульком. Игнаха хвастался, что он так много-много водяных лопнул как-то раз с папой на рыбалке. А русалки в основном селились не в речке Паутинке, а за Комёлой, в пионерском лагере «Орлёнок». Игнаха часто их ловил, но домой пока ни одну не принёс. Папа Гриша так сказал. Дашка сама слышала.

Как-то летом Игнат вернулся домой под утро, Дашка уже не спала, но и не вставала и сквозь дрему слышала, как отец спрашивает: «Где был?» Игнат: «Так на рыбалке, пап». А папа Гриша ему и говорит: «Знаю я твою рыбалку. Русалок в «Орлёнке» ловил. А на сенокосе сегодня опять целый день носом клевать будешь?»

В ответ Игнаха пропел частушку:

*— Меня батя мой не любит,
Сапоги мне не купил.
Сапоги мне не купил,
Чтоб русалок не ловил!*

И оба они — и отец, и брат — рассмеялись похожим однозвучным смехом.

Дашка потом просила Игната поймать ей маленькую русалочку. «Она у меня будет в банке трёхлитровой жить. Ты не бойся! Я сама буду ухаживать», — обещала Дашка брату. Но тот сказал, что русалки хитрые и никак не ловятся. «Врёт!» — поняла Дашка. Чтоб у Игнахи да не ловились! Все в семье знают, что он родился в рубашке, и даже когда все остальные мужики приходили из лесу или с реки с пустыми руками, Игнат приносил дичь и рыбу. Дашка показательно надулась, но в тот же вечер Игнаха принёс ей взамен русалочки махонького живого карасика, и этот карасик по кличке Федя целый год потом жил у Дашки в банке, подрос, отъелся, но потом Дашка всё же выпустила Федю на волю обратно в пруд.

Был в Паутинке и Бог. Всё время был, даже когда Паутинки не было и весь мир, по словам бабушки, покрывали изначальные воды. Дашка представляла их как непомерно разлившуюся по весне Дамбу. Потом-то воды схлынули, потому что Бог разделил сушу и твердь, и именно тогда, наверное, и образовались Дамба и Комёла, а посередине между ними сразу же «выросла» деревня Паутинка.

Бог обитал везде и во всём, и Дашка это точно

знала: Он трепетал в листиках, тёк ручьями, благоухал цветами, жил в иконах, в небе, на луне и звёздах, на земле и даже в самой Дашке, хотя не понятно, как Он, такой огромный, помещался в ней, такой маленькой. Дашка спрашивала об этом у мамы и бабушки, но они неизменно отвечали, что этого людям знать не дано, потому что они все грешные, особенно которые взрослые.

Посещал Паутинку и Спаситель. Об этом даже стихи сочинили, и бабушка их Дашке не раз читала:

*Удручённый ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.*

Дашка представляла, как Господь, не касаясь ногами земли, летом — не приминая стопами трав, зимой — по снежному морю, аки по суху, обходит окрестные поля и леса, благословляет Паутинку и всех в ней живущих. О том, как жил Христос, бабушка каждый вечер рассказывала Дашке перед сном, но только не про распятие, потому что на этой сцене Дашка неизменно горько и долго о Нём плакала. Рассказ про восхождение на Крест полагалось торжественно озвучить только один раз в год — на Страстной неделе, и то Дашка долго крепилась и крестилась, прежде чем его выслушать. Каждый год бабушка спрашивала: «Так, может, не рассказывать, деточка?» Дашка отвечала: «Нет, бабуля, мы же с Ним должны побыть немного». В конце плакали обе.

Но, оказывается, в Паутинке жил ещё кое-кто, а Дашка до сих пор об этом не знала. Двоюродная бабушка Маня вчера на посиделках сказала Дашке, что в колодце сидит какой-то Мазега.

— Там сидит Мазега, Даша! Ты в колодец не заглядывай никогда! Вообще, к колодцу лучше не подходи. А то откроешь крышку, посмотришь вниз — тут-то Мазега тебя и схватит, и к себе в колодезное царство уволочёт!

«Застукала меня тетя Маня, когда я вчера в колодец глядела», — поняла Дашка. А вслух пообещала, что не будет ни подходить, ни заглядывать. Она всегда знала, что нужно сказать взрослым, чтобы те успокоились.

В Паутинке царила зима, колодец стоял обле-

денелый — и сруб, и скамеечки для вёдер покрылись толстой коркой наледи. Дашке нравилось, сняв варежку, голой ладонью гладить этот блестящий ледяной панцирь. Она знала сказку про Морозко и трудолюбивую падчерицу, уронившую в воду веретено, но о Мазеге в этой сказке ничего не говорилось.

«Какой же он из себя?» — размышляла Дашка в этот вечер перед сном. Мазега казался ей совсем молодым и красивым, высоким, чернобровым и черноволосым, как её многочисленные родные и двоюродные братья. Они тоже, бывает, летом во время купанья на Дамбе ловили Дашку на берегу и тащили на самую глубину, а там делали вид, что собираются утопить. Никакой глубины Дашка не боялась, убежать от братьев, а потом кататься в воде на их спинах ей очень нравилось. Всегда было очень весело, а братья потом ещё и хвалили, какая она смелая и как хорошо ныряет и плавает — лучше их всех.

Наверное, скучал Мазега там, в колодце, совсем один. Дашка представляла его восседающим на троне посреди пустынного ледяного зала, как во дворце Снежной королевы. Трон, конечно же, был отлит из застывшей воды, и голову Мазеги венчала лучистая корона. Дашка думала, думала о юном князе Колодезного Царства и заснула. В её сне Мазегу вёл по ледяным лабиринтам безжалостный Минотавр. Мазега почему-то шёл за ним покорно, как овца на убой. Пора было его спасать.

Проснувшись поутру, Дашка обнаружила, что дома никого из взрослых нет. Папа и Игнаха ушли на работу. Дашка выглянула в окно и увидела, что мама таскает из сарая сено для коровы Звёздки. А бабушка, наверное, в своей избе заканчивает обряды.

Пока никто не видит, надо сбегать до колодца! Вот только одеваться некогда, а то мама сейчас вернётся — и тогда вся затея бездарно пропала! Опять будут шпионить всей деревней, чтобы Дашка к колодцу не совалась.

Дашка в чём была — во фланелевой пижамке и с босыми ногами — выскочила на улицу. Только захватила деревянный меч, спрятанный под диваном. Она рассудила, что сбегает быстро, объяснит Мазеге, что её могут застукать, скорее познакомится, расскажет про Минотавра, пригласит Мазегу поиграть — и сразу домой!

Замёрзнуть за это время не должна! А если Минотавр, то она его — мечом!

Снег немного обжигал ступни, но это было даже весело, если быстро-быстро переставлять ноги. И следы на тропинке оставались смешные, будто огнем оплавленные. Дашка открыла крышку колодца и позвала:

— Мазега, вылезай! Не бойся меня! Я Дашка. Я тебя не обижу. Днём Минотавра тут нет! А ночью ты его бойся! Не ходи за ним! У меня много братьев. Давай знакомиться!

Мазега почему-то молчал. Наверное, как Хозяин Леса, боялся застудить горло. И тогда Дашка решила спеть ему песенку собственного сочинения. Она запела прямо в колодец, отстукивая ритм деревянным мечом по льду:

*— Выходи, Мазега!
Вокруг столько снега!
У нас тут зимушка-зима!
Избы все — как терема,
Будем вместе гулять!
Будем весело играть!*

Как раз в это самое время дядя Гриша, Дашкин отец, возвращался домой после смены на животноводческой ферме. Сначала он решил, что ему показалось, будто в деревне далеко и звонко по морозному воздуху разносится песенка, спетая детским голосом, подозрительно похожим на Дашкин. Дядя Гриша прислушался, охнул и резво понёсся к своему дому. У колодца он и увидел Дашку, которая придумала для Мазеги уже целую серенаду, но Колодезный Князь то ли был зазнайкой, то ли невероятным боякой — даже нос из воды не казал! Мог бы хоть рукой помахать!

Дядя Гриша на бегу стаскивал с себя фуфайку.

— Даша, отойди от колодца! — ещё издали крикнул он, а подбежав, подхватил дочь на руки, завернул в телогрейку. — Ты что тут делаешь? Без одежды! Ты же простудишься! Мама где? А бабушка?

— Папа, что ты кричишь? Всё испортил, — важно сообщила ему Дашка (она всегда разговаривала с отцом степенно и важно, копируя его собственную манеру). От мороза она уже посинела до того самого оттенка, что и наледь на колодце. — Уж тебя-то Мазега точно испугался. Теперь ни за что ко мне не вылезет.

Её трясло от озноба, но она крепилась, чтобы отец не заметил этой дрожи и не испугался ещё сильнее.

К вечеру вся деревня знала про Дашкины колодезные приключения. По такому случаю все старушки и три дедушки собрались на посиделки в дом к Дашкиным родителям. Рассевшись по скамьям и стульям, бабули занялись рукоделием, а деды у печки закурили. По кухне поплыли клубы дыма. Старушки за пяльцами и спицами погрузились в сизое табачное море и оттуда ворчали, что Дашкины мама и папа не следят за ней должным образом, что братья не воспитывают её как надо.

Двоюродная бабушка Маня ругала ещё и саму себя за рассказ о Мазеге: сманила дитя на озорование! Её успокаивала родная бабушка Маня:

— Да полно тебе! Полно! Это же наша Дашка! Ей и не такое в голову взбредёт! Очень уж беготливая.

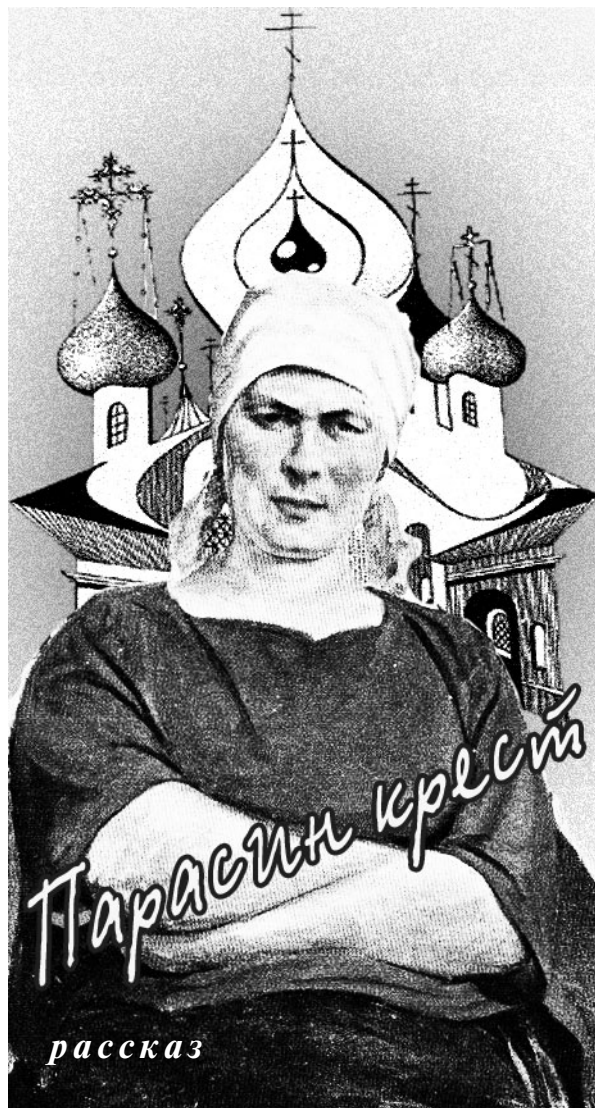
— Растёт одна, без ровесников, не с кем играть, братья всё большие. Вот и озорует, как мальчишка. Что за девка? Хуже парней, — поддержала строгая соседка бабушка Лена.

— Хотя бы детский сад был, — подал от шестика голос дедушка Толя. — А так что ж, конечно... Где уследить... Это ж надо! С мечом к Мазеге! — и сквозь хриплый кашель расхохотался: — Ну, пацанка!

— Ох-ох, была раньше большой деревня, а теперь что? Одни мы, старики, остались. Одни-одинёшеньки посередь лесов, — вертела веретено бабушка Фая.

Дашка, густо намазанная медвежьим жиром для профилактики простуды, лежала на печке. Оттуда она наблюдала за бабушками и дедушками и думала: «Что они такое говорят? Как это мы — одни-одинёшеньки? Вовсе мы не одни! Нас так много в Паутинке живет! Кого у нас тут только нет! Минотавра бы только прогнать... Он у нас тут лишний».

Она задремала, и сквозь клубы табачного дыма в красном углу под иконами подмигивал Дашке огонёк-маячок лампадки, а на полотах перебирал, пересчитывал луковицы старый домовый, подвыпивший бражки. Иногда он сбивался со счёту и тогда хрипло, как дедушка Толя, кашлял и на чём свет ругал и Минотавра, и зазнайку Мазегу за компанию.

На поминках у старой доярки¹ Евпраксии Фёдоровны было шумно и весело.

Сначала-то, конечно, и грустили, и плакали. На сороковины батюшка Димитрий отслужил панихиду в церкви. После службы сельская паства проторила путь на кладбище через высокие февральские сугробы. Будто чёрные овцы на белых пажитях, разбрелись сельчане меж родных могил. Намёрзлись, наплакались, наглогались водки вперемешку с вьюгой, а за поминальным столом оттаяли, раскраснелись, как после хорошей бани, отмылись от скорби морозом и жаром.

Скончалась бабушка Парася в почтенном возрасте, оставив после себя двух дочерей, двух сынов и множество внуков и правнуков. На сороковой день почтить её память собрались не только родные, но и все, кто работал с ней на ферме. Славилась Парася на всю округу своим лёгким и весёлым нравом. И как только односельчане пропустили по чарке-другой за упокой души, как только начали поминать её по обычаю, так уже и не смогли удержаться от улыбок, а то и смеха. Ну не было никакой возможности, поминая Парасю, остаться серьёзными! Или пришлось бы молчать о ней вовсе, что тоже как-то не по-людски. Молодой и от природы смешливый отец Дмитрий хорошо знал покойную и только потому не препятствовал, хоть, рассуждая по-христиански, грешно на поминках улыбаться. Сам он всеми силами пытался остаться сдержанным, оттого из бороды у него иногда доносились странные звуки, напоминавшие перекипевший самовар.

Вспомнили, как после войны десятилетняя Парася доила коров за свою матушку-дойрку, за знаменитую на весь колхоз героиню соцтруда тётку Павлу. Ещё в сорок втором Павла Никаноровна осталась двадцатисемилетней вдовой с пятью детьми и работала круглые сутки на свою ораву.

— Что греха-то таить — при таких-то нагрузках матерям нашим без чекушки-то и не выжить бы было. Простите уж, отец Дмитрий! Пьянка — грех, знаем, — старый пастух и скотник дед Иасим покосился на батюшку и продолжил свой рассказ: — Но без чекушки тогда — как без лекарства. Павла-то Никаноровна притомилась после ночного покоса, днём-то для своего подворья косить не давали. И на утренней дойке уснула она в сене, а Парася за неё доит. А тут возьми да и приедь председатель. Принесла ж его нелёгкая в этакую рань! У Павлы-то Никаноровны чекушка была узупрятана² за кормушками. Идёт председатель, а Парася испугалась, что он винцо-то увидит. И нет чтобы бутылку за кормушкой оставить! Схватила её по ребячьей глупости и в посыпку-то³ и вылила. В бачок прямо. А бутылку в навозный жёлоб сунула. Так сильно забоялась, что матери трудодни спишут. Го-

лодно жили-то, а на трудодни зерна давали. Председатель тогда был Николай Иванович. Подошёл он поглядеть. Видит, девчушка надывается, бачок с посыпкой поднять не может, — и подсобил. Взял эту посыпку с винцом-то — и в кормушку! «Молодец, — говорит, — Парася. Матери помогаешь». И мимо прошёл. А бурёнка посыпку-то всю и съела. Потом лежит, как колода, осоловела. Тогда ведь не щас скотину кормили: на ногах держатся — дак и ладно. Вот чекушки-то и хватило, чтоб её с копыт свалить. Другие доярки шутят: «Что, Парася, корова-то частушки не поёт ещё?» А Парася отвечает: «Молчит рогатая. Боится, что ей трудодни за пьянку спишут».

Вспомнили и как Парася, сама став матерью, старшую дочь Нину таскала с собой в поле, потому что не с кем было ребёнка дома оставить. Детских садов в те времена на селе не водилось, а взрослые — все, кто мог на ногах стоять, — выходили на работу. Пока мать сено в копны складывала, поймала Нинка в поле кузнечика и спрашивает, мол, кто это такой, а Парася отмахнулась от дочки — успеть ей надо было до дождя, тучи надвигались, — и не глядя ответила: «Карл Маркс, не иначе». Дождь хлынул, спрятались все деревенские от ливня в сенном сарае, видят, Нинка что-то в кулачке держит, не выпускает. Спрашивают, что там у тебя? А Нинка — в ответ: «Кырлу-Мырлу поймала!» Мужики хохочут: «Какой он из себя-то?» А Нинка: «Зелёный да шибко прыгает». Мужикам и того смешней: «Да точно зелёный-то? Кырлы-Мырлы все красные. Может, Николай Ивановича словила?» Кличка у председателя тогда была «Зелёный» за то, что курил он много, так что кожа на его руках от табака стала зеленовато-жёлтого неестественного цвета. И хромал он так, что при ходьбе будто подпрыгивал, как кузнечик, потому что на войне под Ленинградом ранение в бедро получил и левая нога с тех пор у него не сгибалась.

На этом рассказе Нина Ивановна, дочь Параси, уже и сама ставшая бабушкой и тоже в прошлом доярка, вдруг перестала промокать глаза чистой тряпочкой и впервые за весь день улыбнулась. «Вот смешно вам! — сказала она собравшимся за столом. — А мать меня

дома-то потом учила нигде боле про этого Кырлу-Мырлу не поминать. Напугалась уж после-то. Да хорошо хоть — все свои были, люди добрые, никто не донёс. Такая уж у нас мама была — острая на язык. Тятя — царство небесное — и то ей говаривал: «Твоим языком, Парася, хоть бройся вместо бритвы». А сам до того молчаливый был, до того неругливый⁴, кроткий! От матери дак нам и того поболее на орехи доставалось!»

— Да, — согласно закивал дед Иасим. — Хорошо, что не тридцатые годы. Да и после-то строго было по партийной линии, — махнул он рукой.

— С этой партийной линией мать всю жизнь два имени носила, — отозвался Панко, младший сын Параси. — Все её тёткой Парасей звали, а в паспорте записана Октябрина. На кресте-то мы, конечно, Евпраксия записали. Да и дата рождения: мать говорила, что в августе родилась, а записано — десятого ноября. А уж в котором году — она и вовсе вспомнить не могла: не то за год до войны, не то за два. У них же у всех, у древних стариков, только две даты: до войны да после.

И тут все стали вспоминать путанные, похожие на легенды и мифы рассказы старших односельчан. Мол, когда стали рушить церкви и арестовывать священников, последний на всю округу батюшка, отец Константин, старенький-престаренький, остался жить в глухой деревушке Чудиново. И туда к нему носили тайком крестить младенцев. Из Чудинова ещё до войны кого раскулачили, а кого просто выселили в большие деревни. Политически вредного старика бросили доживать одного, думали, и сам с голоду помрёт на безлюдье. Однако народ батюшку всё равно навещал и кормил как мог, даже в самые голодные годы. Друг от друга таились, а к отцу Константину всё хаживали.

На этом месте воспоминаний вдруг по-савомарному вздохнул отец Дмитрий: «Как в последние времена. Греха люди не стеснялись, а добра — стыдились».

Отец Константин, видимо, не был уверен, что времена последние, и нарочно имена детям выбирал по святцам самые заковыристые. Так что сразу было понятно, кто у него кре-

щён, а кто — нет. Он так и пояснял стыдящейся пастве, наказывал запомнить: «Когда снова церкви возрождать начнут, так чтобы будущий батюшка знал, кого из вас я крестил уже». Под старость отец Константин ослеп и не мог оставить записок преемнику, но что преемник у него появится, нисколько не сомневался.

Как выдавалась свободная пора от полевых работ, родители приходили записывать ребятишек и в сельсовет тоже. Называли имена, данные батюшкой, но председатель сельсовета только ругался и крестильными именами не записывал, а давал свои — социалистические. Вот так и Евпраксия стала Октябриной.

— У Евпраксии именины есть в августе, наверное, отец Константин в августе и крестил. Ну а в ноябре, должно быть, регистрировали, вот и дали имя — Октябрина, — предположил батюшка Дмитрий.

Сбылись надежды отца Константина — преемник у него появился. В большом селе Пожарища уцелел храм. В советские времена там работал маслозавод, и поэтому церковь Покрова Богородицы дожидая и до наших дней. Три года назад всем миром её восстановили, освятили. К удивлению отца Дмитрия, старые прихожане в округе почти все оказались крещёнными, но почему-то носили очень уж редкие имена.

На поминках у бабушки Параси долго перечисляли: тётку Маневу записали Энгельсиной, а тётку Виринею — Гертрудой, деда Авдия — Владленом, деда Гервасия — Эрленом, деда Иасима — Силеном... Впрочем, идейно правильные имена среди сельчан так и не прижились, оставшись только на бумаге. «Наши имена из Чудинова — вот и чудные», — шутили местные жители, когда приезжие удивлялись здешней ономастике.

— А из правления-то колхоза кто был на похоронах у Параси? — спросила престарелая Евлафия Сергеевна, почти ровесница покойной. На похороны к подруге она не попала, так как в то время лечилась в глазной больнице.

— Нет, тётка Евлафья, никого не было, венки лишь прислали от профсоюза, — поджав губы, пояснила Нина Ивановна, дочь Параси.

— Вот так вот всю жизнь отработаешь, как

бабуля, а на похороны пришлют три пластмассовых цветка, — хмыкнула молодая доярка Наталия, внучка Параси.

— Так нонешнему руководству тока бы деньги, — «утетила» Евлафья Сергеевна. — В наше время не за деньги работали.

— Да и где оно, наше руководство? В Москве сидит, наверное, и коров-то ни разу в жизни не видало, — поддержал тему Иван, внук Параси, известный на весь район искусный тракторист и большой любитель потолковать о политике. — Как тогда — так и сейчас: всё за нас решают в Белокаменной. И какие имена носить, и скока денег нам платить... Ничего не меняется. Продали нас Москве, а Москва — Америке продалась.

— А председатель нашей Парасе и в ножки кланялся, — ни с того ни с сего вставил свои пять копеек дед Иасим.

— Как это? — удивилась Наталия.

— Шутишь, дед, — махнул рукой на него Панко.

— Ничего не шучу. Всё всерьёз.

— Разве что Зелёный, Николай Иванович, лишку выпил да в ноги матери с перепою бухнулся, — не поверил упрямый Панко.

— Да сиди! — отмахнулся дед Иасим, как от назойливой мухи. — Какой тебе Николай Иванович! В девяностые это было, старый-то председатель к тому времени уж помер давно... В ножки кланялся Полиевкт Ильич, который нас москвичам продал.

— Кланялся, кланялся — сама видала, глаза у меня тогда зоркие ишшо были, — закивала головой Евлафья Сергеевна.

— Вырубили у нас свет в колхозе за долги. А нонешние доярки чай не мы! Нет у них привычки руками доить, — продолжил рассказ дед Иасим, будто его и не перебивали.

— Да что ты, бабушка! У нас вон на «шестисотнике»⁵ — шестьсот голов стоит, куда там руками! — хмыкнула Наталия, немного обидевшись за молодое поколение.

— Цыть! — пригрозил дочери пальцем Панко, уже изрядно принявший на грудь. — Вперёд деда не лезь — пусть расскажет, как бабке твоей председатель кланялся!

— Так вот свет, говорю, вырубили, дойку-то электрическую не включить, — вновь загово-

рил дед Иасим. — А ведь и верно — шестьсот голов! Шутка ли! Бабы с ног валились, но доить не успевали. Коровы орут на всю деревню, молоко вымя подпирает. Ну чисто светопреставление! Бригадирша Олёна и побежала по домам нас, старую гвардию, созывать. Все мы и вышли на большие помочи⁶ — коров доить: Парася, Евлафия, Тонька — все пенсионеры... Даже и я коров за титьки подёргал, — дед Иасим явно хотел отпустить солёную парнечью⁷ шуточку, но, оглянувшись на молодого батюшку, застыдился. — Долго доили-то. Сильно руки потом болели. Ну и Олёна в благодарность налила нам всем молока. Мы-то под молоко принесли бутылки пластмассовые с-под лимонада, а Парася — бидончик. Зимой дело было. Тихая такая ночь, светлая. И без электричества светло, как днём, в деревне. Идём домой по дороге. Глядь! «Нива» председательская! А мы — с молоком! Накажут за воровство и нас, и Олёне попадёт. Тогда ведь даже охрану на ферму нанимали, чтобы посыпку да молоко не тырили. Все ведь после дойки таскали тайком при советской власти, это при демократах в родном колхозе и молока не возьми!

Ну мы-то, кто с бутылками был, в кювет, в сугроб и сиганули. Да смешно-то нам эдак сделалось — ни дать ни взять, как ребятишкам. Что стар, что мал — всё без ума! Ну а Парасе куда с бидоном? Разольёт молоко. Да и ноги у неё уж до того больные были, как у всех баб-доярок, до того опухлые, что те брёвна! Не успела она спрятаться.

Мы сидим в сугробе, снегом давимся, чтоб не хохотать, а Парася посреди дороги застыла как вкопанная, даже на обочину не отвернула со страху-то. «Нива» останавливается, председатель выходит, спрашивает:

«Ты что это, тётка Парася, дорогу не уступаешь? Откуда ты идёшь, такая заполошная?» А она: «Так с фермы, Полиевкт Ильич, коров вот доили, света нет, так на помочи вышли. «А был с тобой кто?» — председатель допрашивает. Парася — что те партизанка! С такой бабой хоть в разведку ходить. «Нет, — говорит, — Полиевкт Ильич, никого со мной не было». И твёрдо так стоит посреди дороги на «брёвнах» своих, а у самой бидон в руках так дро-

жит, что аж крышка брякала. Ну а мы не знаем, как и не хихикнуть-то в своем сугробе. Помолчал Полиевкт Ильич сколько-то да в ноги ей и поклонился. Говорит: «Передай мой поклон тем, кого с тобой не было. В «Ниву» забирайся — домой отвезу. Да не дрожи так! Молоко-то прольёшь!»

Стала она в «Ниву» садиться — и вот ведь наша Парася! На прощанье гордо так рукой нам помахала! Будто президент на параде! Тут уж вылезли мы из кювета, давай от снега отряхиваться, да до того хохотали!

Закончил свой рассказ дед Иасим. Подивились все небывалому случаю, выпили за помин души, закусили — потекли поминки своим чередом. Завершилось застолье затемно. Гости расходились поодиночке и семьями. Отец Димитрий заспешил домой: сегодня они с матушкой решили на ночь искупать сына-первенца у устья русской печи, чтоб здоровым рос и крепко спал по ночам.

Дом деревенского священника по традиции находился рядом с храмом. Отец Димитрий перестал загребать валенками снег, остановился на пригорке, оглянулся назад, на деревню, оставшуюся за спиной, и тут вспомнилось ему, как однажды летом на этом самом месте он повстречался с бабкой Парасей.

В храме тогда уже велись службы, но реставрация пока еще не завершилась полностью, и местные жители кто чем мог помогали в работах. Кроме того, оказалось, что ещё в советские годы при ликвидации церкви многие семьи разобрали по домам и утаили от властей церковную утварь и иконы. И крестьяне потихоньку всё, что смогли сохранить, возвращали в храм. Подношение Евпраксии трудно было забыть.

В тот летний день отец Димитрий вот так же стоял на пригорке и вдруг увидел бабку Парасю. Согнувшись в три погибели и отчаянно пыхтя, она тащила на своей спине большой храмовый крест из внутреннего убранства — тот, перед которым ставят канонный стол.

— Да неужто и крест сохранили?! — ахнул тогда отец Димитрий, от неожиданности даже забыв поздороваться с постоянной прихожанкой. Он поспешил навстречу Парасе, чтобы помочь пожилой женщине с её ношей.

— Денёчек добрый, батюшка! Сохранили, — ответила бабка... — Как не сохранить! Ещё отец матери моей велел спрятать. Батюшка, да ты не помогай, то исть ты не мешай мне, не мешай! Я уж сама донесу! Я ить двужильная! Дай Богу послужить!

— Во славу Божью! — отпрянул молодой священник, понимая важность момента.

И так она и тащила крест до самой церкви, пыхтя и отдуваясь, как маленький толстоногий буксир, а отец Димитрий послушной овечкой плёлся за бабулей следом...

Вот у этого самого креста и ставили сегодня свечи за покойную рабу Божью Евпраксию.

Отец Димитрий шумно вздохнул полной грудью и перекрестился на заснеженный храм. Он множество раз за день проходил мимо вверенной ему церкви, но так и не смог привыкнуть к её величию. Вот и сейчас батюшка застыл как заледенелый, обыденно, по привычке залюбовался.

Когда-то давным-давно вся деревенская община, в которой насчитывалась без малого тысяча жителей, собирала деньги на строительство храма. Но не в деньгах дело! Всякий крестьянин ещё и почитал за великую честь босыми ногами месить глину для раствора, подавать кирпичи, корить бревна, да хоть бы просто убирать мусор за строителями. И спустя века казалось, будто церковь вся-вся — от фундамента до верха креста над главным куполом — была отлита из единого целикового замеса любви и веры.

Теперь в громадине храма, рассчитанного на тысячу прихожан, собиралось лишь несколько десятков последних христиан. И гулко звучал голос отца Димитрия под высоченными сводами, и отзывалось многоголосьем эхо так, что казалось, будто те, кто эту церковь строил, подпевают на литургиях своим потомкам.

За прошедший вьюжный день метель так много нанесла снега под самые стены, что волны сугробов со всех сторон омывали прочную кирпичную кладку и разбивались о неё, подобно водам потопа. Храм вырастал из снежных заносов, возвышался каменной тушей над маленькой фигуркой отца Димитрия, и как-то разом канули в прошлое голоса гостей на поминках, будто захлебнулись в

снегу, и стёрлись все имена под белым покровом. Неизвестные деревенские архитекторы так задумали пропорции храма, что, несмотря на весь его огромный вес, казалось, будто не касался он земли. Крестами, как мачтами, храм протыкал облака и плыл, плыл через время и пространство, правил путь на незримые для людей маяки и тянул за собой вверх, к небу, вереницу огоньков из окон заснеженных изб.

Примечание

¹ «На поминках у старой доярки» (для сравнения литературная норма — «на поминках старой доярки»). Особенность вологодского говора. Предлог «у» в народной речи подчёркивает, что односельчане приходят как бы к самому покойному, а не просто к его семье.

² Узупрятана (*диалектн.*) — спрятана.

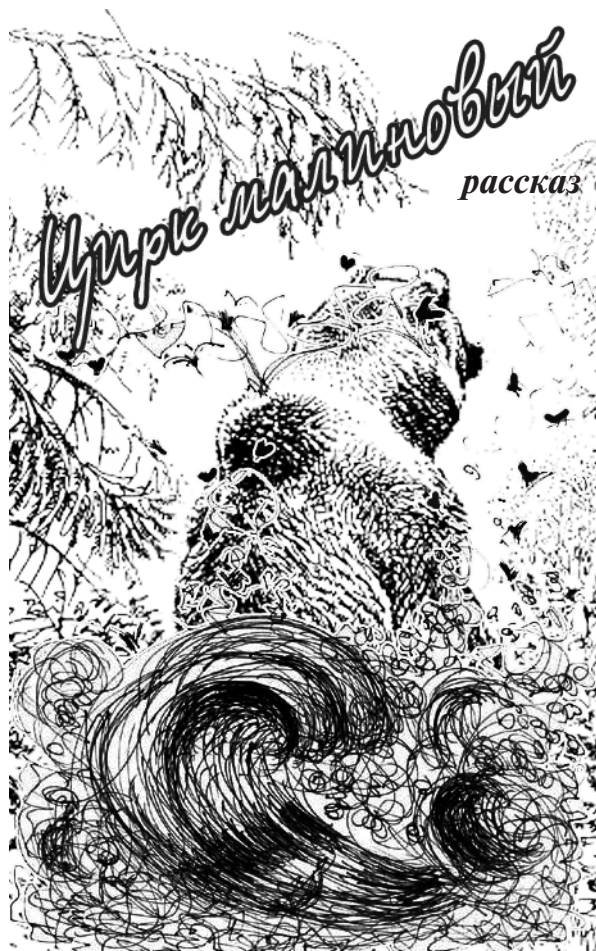
³ Посыпка — так вологодские колхозники называют зерновой комбикорм.

⁴ Не ругливый (*диалектн.*) — миролюбивый.

⁵ «Шестисотник» — ферма, рассчитанная на шестьсот голов крупного рогатого скота.

⁶ Большие помочи (*диалектн.*) — деревенский обычай, согласно которому на помощь односельчанам выходит и стар и млад.

⁷ Парнечья (*диалектн.*) — мужская.

Гриша приехал к малиннику на мопеде. Это неожиданное средство передвижения по лесной просеке он выбрал из-за младшего сынишки.

Шестилетний Игнатка не отпускал отца ни на шаг. Между ним и главой семейства существовала вечная игра в «прятки-догоняшки»: Игнатка тщательно следил, чтобы отец не ушел без него в лес, отец столь же тщательно скрывал от малыша свои планы.

Мальчишку совершенно не волновало, что поход походу рознь. На лёгкие лесные прогулки Гриша и сам с удовольствием водил не только троих сыновей, но и многочисленных племянников. И грибы с детворой собирал, и на тяге вальдшнепов выслушивал, и пескарей ловил. Но, в отличие от других деревенских ребят, Игнатке этого было мало. Худышке-пацанёнку хо-

телось и кабанов гонять, и на лабазах медведя поджидать, и за пятьдесят километров шлёпать по болоту за клюквой. Отцовские объяснения, что мал ещё и трудно будет, Игнатка пропускал мимо ушей. Не помогали и обещания, что в следующий раз они обязательно отправятся в лес вместе. Если Гриша не брал Игнатку с собой, малец устраивал жуткие истерики и с рёвом бежал за отцом по пятам до тех пор, пока не поймут мать, бабка или старшие братья.

Чтобы уберечь мальчонку от лишних расстройств, Гриша стремился уйти из дома так рано и тихо, чтобы младший сын не проснулся. Сообщая жене, что пойдёт на охоту, по грибы-ягоды или на рыбалку, Гриша тщательно осматривался — не услышал ли сын. Сборы превращались в секретную операцию. В обстановке строжайшей тайны жена и тёща готовили для Гриши бутерброды и наливали в термос чаю — только бы младший не уследил! Глава семейства собирал рюкзак и готовил оружие или удочки столь же осмотрительно, стараясь не привлечь внимание. Но часто в самый последний момент, когда Гриша уже стоял в дверях с рюкзаком за плечами, раздавался топот маленьких ножек и крик:

— Папа, папа, ты куда? Возьми меня с собой!

Гриша уважал в Игнатке эту беззаветную и страстную преданность лесу. Отец понимал, что сам же и передал сыну эту любовь вместе с генами нескольких поколений крестьянского рода: Гришин отец Александр был знатным охотником, и дед Яков тоже, и так до седьмого колена, до пращура Ильи. Уже сейчас Игнатка настолько походил в повадках и привычках на родимого батюшку, что у Гриши по-отцовски сладко ёкало сердце. Лес был для Игнатки любимой школой, а отец — преподавателем лесной науки. Причем сынишка оказался не просто талантливым учеником, у Игнатки был дар от Бога понимать и чувствовать каждую травинку и зверушку, дерево и птицу. Вместе с отцом они удили окуней и уклейку, учились вытаскивать налимов из-под камней и находить в иле вьюнков, сидели в засидке на уток, собирали для матери огромные букеты из васильков и ромашек. Пили воду из хрустальных лесных луж через пористые стебли гигля, как через коктейльную трубочку. Мастерили шалаши для ночёвки, а сколько перевидали зверей

и птиц! Наблюдали, как ондатра мастерит столик из осоки, как выдра рыбачит, как белка лущит еловую шишку... Ну и как Игнатке после всех этих чудес остаться дома с мамкой да бабкой, когда отец в одиночку — без него! — отправлялся навстречу новым приключениям? Конечно, юный следопыт вёл за батей непрекращающуюся слежку.

Вот и вчера о походе на дальний малинник Гриша сообщил жене Таньке шёпотом, предварительно убедившись, что Игнатки нет рядом. Добираться до малинника предстояло по просеке. Три года назад мимо деревни проложили стратегически важную линию высоковольтных передач. Просеку сделали очень широкой, и до сих пор вдоль высоченных бетонных столбов сохранилась хорошо утрамбованная тракторная дорога. Путь был не сложным, но долгим — около пятнадцати километров. На дальнем малиннике росла любимая Танькина ягода — белая малина. За ней-то и собрался Гриша.

Он встал рано утром, но жара уже сейчас чувствовалась в избе. К полудню день обещал превратиться в настоящее пекло. Гриша наскоро выпил с Танькой чаю, поддел на плечо котомку с водой да хлебом, взял в руки ведро для ягод — и тут из комнаты выбежал Игнатка, полностью одетый и с пол-литровой банкой в руке.

— Папа, я с тобой за малиной! — решительно заявил он.

Танька охнула, всплеснув руками:

— Матерь Божья! Да как ты узнал-то, чадо? Уж мы так сторожились!

— А я видал, как бабушка с вечера ведро для папы мыла! Значит, с утра он с этим ведром за малиной пойдет! — важно сообщил Игнатка и продемонстрировал банку. — А я банку ещё вчера помыл. В неё буду малину собирать и в ведро сыпать.

— Шерлок Холмс, — хмыкнул отец и присел перед сыном на корточки, чтобы сравняться с ним в росте и говорить как мужчина с мужчиной. — Игнат, пятнадцать километров пешком. Как пойдёшь? Ноги у тебя не доросли до таких дорог.

— А ты, папа, меня на шее вези, — не сдавался мальчишка, и голубые пуговицы-глазёнки блестели отвагой. — Сначала я сам пойду, а если ножки заболят, на тебе поеду.

— Ну, хорошо, туда на мне доедешь. А обратно?

Устанешь ведь ещё сильней, а я тебя всю дорогу нести не смогу. У меня ведь ещё и малина будет.

— Я потихоньку. Пошагаю, пошагаю и дойду, — пообещал Игнатка.

Понял Гриша, что от попутчика ему не отвяжется, и задумался. По невыносимой жаре тащить с собой ребёнка так далеко было опасно.

— Вот что, Танюш, придётся, видно, мне пострелёнка с собой взять. Поеду-ка я до малинника на мопеде. Дорога ведь там до сих пор ровная, авось нигде не застрянем.

— Гриша, да как же на мопеде-то по лесу?! — подивилась Танька.

— Да проедем как-нибудь. Если что и завал где встретим, мопед оставим, а на обратном пути заберём, — успокоил Гриша и велел Игнатке: — Давай, ягодник, пей чай, а я пока мопед заправлю. Банку свою давай, сейчас мы на неё ручку из проволоки приладим, будет как ведёрко у тебя, а то без ручки худо посудину с собой на малинник брать. Ягоды можно просыпать. И не ныть! А то сразу домой одного пешком отправлю.

Мальчик согласно кивнул, беспокоясь, как бы отец не передумал.

— Ох, ну и репей ты, Игнатка, — вздохнула Татьяна и повела сына завтракать.

Прогулка на мопеде оказалась лёгкой и приятной. Дорога была хоть и лесной, но очень уж широкой, поэтому даже за три года не осилил её вездесущий ивняк, не размыли дожди и сильные ветра не смогли завалить сучьями и ветхими деревьями. Местами, где работала тяжёлая техника, даже встречались участки, слегка подсыпанные песком вперемешку с гравием. На малинник отец и сын успели приехать до большой жары, причём прокатились с прохладным ветерком, к большому удовольствию Игнатки.

Кусты с ягодами располагались в некотором отдалении от дорожной ленты, на небольшой поляне, куда во время строительства высоковольтной линии бульдозерами сгребали вырубленные деревья, кусты и сучья. На этих завалах вперемешку с княжицей и черёмухой росла малина трёх сортов: мелкая и сладкая до приторности, крупная и влажная с соком, похожим на малиновую воду, и, наконец, самая драгоценная — белая, нежная и душистая, как мёд.

На одном из завалов высотой чуть ниже роста взрослого мужчины Гриша нашёл целое «месторождение» белой малины: два толстых еловых ствола лежали крест-накрест друг на друге, а вокруг клонились к коричневым сухим ветвям изумрудные плети живого ягодника. Кусты вырастали из больших куч прелой хвои и перегнивающей древесины. Малина, белая, крупная, матово блестящая, будто каждая ягодка светила сама по себе, изнутри, а снаружи мелкие росинки, ещё не успевшие высохнуть, янтарными искрами вспыхивали на солнце.

— Ну, вот тебе, Игнатка, и фронт работ, — рассмеялся Гриша. Подхватил сына на руки и посадил на перекрестье еловых стволов. Мальчишка тут же устроился поудобнее, как птенец в гнезде.

— Я капитан на корабле! — обрадовался Игнатка и приложил ко лбу ладонь козырьком, высматривая воображаемые необитаемые острова.

— Ты малину собирай, капитан, — напутствовал отец. — Да смотри: пять горстей — в банку, две ягоды — в рот. Не объешься, как в прошлом году, а то, помнишь, как голова у тебя болела? Тут тебе, Игнатка, малины не на одну банку хватит. И крапивы нет. Не обожжешься. А как насобираешь — зови, приду, чтоб в ведро высыпать.

Гриша отошёл от сына чуть подальше и принялся собирать лесной урожай. В такие моменты он погружался в некое подобие медитации. Только руки работают, мысли в голове сначала ещё шевелятся лениво — надо бы и сенокос завершать, и в отпуск в колхозе попроситься, и Игнатка в этом году в первый класс пойдет... Но потом куда-то все раздумья улетают, и нет уже их, и остается только пряный ягодный дух да шум листвы, да Игнатка бормочет: «Один, два, три...» Мальчик тренировался в арифметике: как отец велел, отсчитывал пять горстей в банку, две ягоды — в рот. Он и правда сильно объелся малиной прошлым летом и не хотел повторения печального опыта в этом году.

Гриша работал споро, сынишка от отца не отставал, и вскоре они уже насобирали половину семилитрового ведра. Рвали только белую ягоду, для красной у них была запасена трехлитровая тарка, но это только на тот случай, если время и желание останется, главное

— принести Татьяне редкой и драгоценной белой малины.

Вдруг Гриша услышал шум со стороны дороги: будто бы кто-то скрёб железными спицами по металлу. «Неужели кто-то пришёл на малинник да мопед решил угнать?! Как с мальчишкой домой пойду?» — подумалось Грише. Он велел Игнатке оставаться на месте и, оставив у елового завала ведро, запинаясь в переплетении малиновых ветвей, поспешил на просеку. А когда, наконец, выбежал на дорогу, то окаменел от изумления: у мопеда возился некрупный, молодой ещё совсем медведь. Зверь уронил неведомую «железяку» на землю и проверял её на прочность. Игривый мишук ещё совсем недавно был медвежонком и не утратил детского любопытства, он хотел разобраться с незнакомым предметом и понять его предназначение. Когтистой лапой, отдалённо похожей на ладонь человека, он даже неловко крутанул ручку газа, и надо же так совпасть, что в это же время задняя лапа со всего медвежьего маха съездила по стартеру! Мопед с хорошо отрегулированным зажиганием коротко взревел, и в тон ему по-детски обиженно заревел испуганный косолапый. Он прыснул в сторону малинника с проворностью, приличествующей скорее зайцу, чем хозяину леса. Мопед заглох. Гриша едва успел прийти в себя от изумления, как в лесу раздался истошный Игнаткин крик.

«Господи, спаси! У меня же там Игнатка! Медведь на сына напал!» — Гриша бросился напролом, не чуя под собой ног, к еловому завалу. Ему навстречу выскочил плачущий сынишка, ткнулся в отцовские колени.

— Игнатка, медведь?! — Гриша подхватил малыша на руки.

— Папа, осы! — захлёбываясь в рыданиях, объяснил мальчишка. Под глазом у него набухла опухоль от укуса. — Ты ушёл, я с елок спрыгнул. Смотрю: за тополем — пень, длинный такой, а на нём гнёздышко... Я думал, птенчиков посмотреть... А там — осы! И в спину укусили — прямо через рубашку! И летели за мной!

— Игнатка, так ведь птичье-то гнездо на осиное совсем не похоже! Ты что же это перепутал, ты ж у меня лесной житель! — Гриша так обрадовался, что виной Игнаткиных слёз стал

вовсе не медведь, а всего лишь осиные укусы, что начал радостно целовать сына и тискать его, как щеночка.

— Папа, ты что? Ты же меня задавишь! — отбрыкивался Игнатка, от удивления он даже перестал плакать.

— Главное, не медведь, а укусы заживут. Это даже полезно, — успокоил Гриша. — Бог с ней, с малиной, сколько насобирали — столько и ладно. Давай-ка, сынок, домой поедем.

Он отвёл сынишку к мопеду, осмотрел укусы, достал из мешка бутылку с водой, умыл Игнатку и дал ему напиться. Оставив ребенка на дороге, Гриша вернулся за ведром с малиной. Он знал, что напуганный медведь к ревущему «чуду-юду» уже не вернётся, а вот брать мальчишку с собой на малинник больше не хотелось. Всё равно косолапый топтался где-то рядом, и кто знает, что на уме у зверя... Вокруг елового завала рассерженно вились потревоженные Игнаткой осы, одна из них спикировала на Гришину щеку и пребольно тяпнула. «Досталось отцу на орехи за проказы сына!» — Гриша был счастлив, что медведь не выскочил к Игнатке, и от укуса ему вдруг стало ещё веселей: схватил ведро и ринулся бегом из осиного царства!

С неполным ведром белой малины, да ещё и покусанные, отец с сыном вернулись домой. Гриша рассказал домашним и про медведя, и про ос, и про ягодное богатство. Танька и тёща испуганно охали и крестились, старшие сыновья жалели, что не пошли с отцом, а Игнатка, как узнал, кто мопед на просеке заводил, чуть не заплакал: «Папа, что же это ты мне медведя не показал! Ведь он на мопеде, как в цирке, катался! Поехали завтра обратно — может, мишук опять за малиной придёт!» Захохотала вся семья, а Гриша, когда насмеялся до колик, только и смог сказать:

— Ну, Игнатка, я-то думал, ты со мной в лес больше и не сунешься, а тебе ещё и медведя на мопеде поймай! Цирк с тобой малиновый!

Мои племянники Кирилл и Егор никогда в жизни не были на концерте живой музыки. Егор уже учится в школе, а Кирюха только готовится пойти в первый класс. Они растут в небольшом посёлке Палкино. Разумеется, в этом посёлке нет ни филармонии, ни театра, только сельский клуб, где дискотеки и прочие мероприятия типа Дня деревни проходят под музыку из магнитофона.

Мои мальчишки так и думали: музыка извлекается из магнитофона, компьютера или телевизора. Они не знали, что на самом деле во всех этих сложных железяках хранится не сама музыка, а музыкальные консервы. Самая задушевная песня в записи теряет алхимический пятый элемент, нечто такое важное, что можно услышать лишь в живом исполнении. Это всё равно что сорвать яблоки, созревшие в саду отчего дома, на деревьях, посаженных

ещё родителями твоих родителей, снять плоды с веток на закате жаркого дня, когда горячий яблочный дух обжигает лёгкие, поддерживать в руках весёлые ярко-красные колобки, у которых под кожицей струится яблочная кровь. А потом почистить с них кожуру, растереть в пюре, прокипятить, провести стерилизацию и пастеризацию, добавить стабилизатор «Е» с внушительным порядковым номером, усилитель и улучшитель вкуса, консервант, какой-нибудь бензоат натрия, краситель и ароматизатор под названием «Яблочный дух» и назвать получившееся химическое соединение «Повидло».

Лишь один человек в окружении Егора и Кирилла знал, откуда берётся живая музыка. Это мой друг Артём. Мы вместе играем в рок-группе, но обязанности у нас разные: я пишу тексты для песен, Артём — музыку. Он живёт в том же самом посёлке Палкино, что и мои мальчишки, а я приезжаю в соседнюю деревню Паутинку в гости к моим родителям.

Надо сказать, что мои племянники всегда относились к Артёму с большим подозрением. Он не вписывался в круг их повседневных понятий и привычных явлений. Вот, скажем, если Егору и Кирюшке являлся поздним вечером на глухой дороге бородатый пьяный мужик с большим топором, то тут — понятное дело! — бояться нечего. Это сосед дядя Коля идет дрова колоть, чтобы баню топить. Если уса́тый угрюмый старик несёт за плечами ружьё — тоже ничего страшного. Это дедушка Ваня в лес пошёл на охоту. А что носит Артём в своём чёрном матерчатом чехле? Что там у него лежит? Непонятно. Подозрительно. А значит, непросительно. И, встречая Артёма, мальчишки начинали его обзывать. Они сами мне в этом и признались:

- Не дружи с ним! Мы Артёма всегда ругаем.
- А за что? — интересуюсь я.
- Он плохой, — уверенно отвечают племянники.
- Почему?
- Так мы же его ругаем! Значит, плохой! Так надо! — и Егор с Кирюшкой посмотрели на меня так, будто объясняли очевидные вещи маленькому ребёнку.

Тут я не могу не признать, что логика в их

рассуждениях, несомненно, присутствует. В их возрасте слово имеет такую же силу, что и дело. Если сказать про кого-то, что он плохой, то этот кто-то обязательно превратится в плохого. Злой волшебник произносит заклинание: «Абра-кадабра! Куфыры-чуфыры! Будешь жабой». И добрый молодец тотчас послушно отращивает перепончатые лапы и пищит возмущённо: «Ква-кватит! Верни всё обратно, старый пенёк!» Слово опять равняется делу: злой волшебник после этих слов, конечно, тут же превращается в ветхую корягу — и всё! Круг замкнулся! Придётся жабьему молодцу всю жизнь сидеть у замшелого пенёка и комаров ловить своим не в меру длинным языком. Вот именно поэтому детей нельзя называть плохими словами. Скажешь про Ванечку «лентяй», он на всю жизнь так и останется лентяем: и в четыре года им будет, и в сорок четыре.

И всё-таки однажды мои племянники помирились с Артёмом.

Стояла ранняя осень — рыжая, солнечная, нежная, как котёнок. Моя мама потребовала внуков Егора и Кирилла в гости на выходные, и я отправилась за ними из Паутинки в Палкино. С Артёмом мы договорились, что в посёлке встретимся, он поможет мне доставить Егора и Кирюшку к месту назначения, а заодно прихватит с собой гитару, и мы вдвоём поработаем над нашей новой песней.

Племянникам предстояло непростое путешествие, поэтому на протяжении всего маршрута из Палкина в Паутинку они запланировали несколько привалов: в магазине — купить соку и «сникерсов», у животноводческой фермы — посмотреть на гуляющих в загоне коров, в лесу — пособирать листья, в поле — поиграть в «догоняшки». Присутствие Артёма добавляло прогулке пикантности. Мальчишки косились на него, и на их круглых румяных лицах, в их глазах, по-братски одинаково голубых, отражалась сложная внутренняя борьба. С одной стороны, «плохого» привычно хотелось поругать, с другой — нельзя же обзывать человека, который тащит сумку с твоими игрушками, а также с твоим соком, печеньем и рулетом. Егор и Кирюшка подчёркнуто разговаривали только со мной, но зато очень интенсивно, так что к тому моменту, когда мы добра-

лись до леса, я чувствовала себя энциклопедией «Почемучка».

В лесу мне стал понятен смысл выражения «ветер поёт». Он действительно пел. Легко и ласково касался шуршащих осиновых листьев, пианиссимо¹ скатывался по шершавым стволам тополей и затихал на подстилке из мха. И солнце устроило лазурную купель между серых, уже готовящихся к дождям облаков, окунало в неё верхушки деревьев, покрывая их золотом и светом. И листва отзывалась ветру шорохом — каждый листочек на свой манер пел одну и ту же осеннюю песенку, голоса их сливались в единый хор, вот только музыки — музыки им не хватало. Дети начали бегать по тропке, собирать листья и кидать ими друг в друга. Артём остановился, опустил на землю сумку с игрушками и продуктами, снял из-за спины чехол, достал гитару, быстро настроил и заиграл только что появившуюся на свет импровизацию...

Он стал похож на лесного эльфа, понимающего язык деревьев и трав. Он будто разговаривал с ними о том, что скоро холодные ливни обрушатся на рощи и чащи, обнажатся древесные чертоги, застынет в стволах и ветвях бесцветная кровь, а потом выпадет снег и ударят морозы, и ледяным, сияющим, болезненно-белым станет весь мир. Но пока светило и грело последнее в этом году тёплое солнце, листья спешили станцевать, падая с ветвей, торопились спеть, пока Артём играл для них осеннюю пьесу.

Егор и Кирюшка, услышав музыку, сначала даже не поверили, что она по-настоящему вдруг зазвучала откуда-то посреди леса, в котором явно нет ни компьютера, ни магнитофона, ни телевизора.

— Что это?! Что это?! — подбежали они ко мне и выглядели напуганными.

— Это Артём играет для листиков, — объяснила я. — Слышите, как листики шуршат? Это они поют. Видите, как листики падают? Это они танцуют.

Егор и Кирюшка замерли, будто зачарованные, прижались ко мне и всё смотрели, как паль-

¹ Пианиссимо — очень тихо.

цы Артёма бегают по грифу и из гитары чудесным образом рождается на свет, летит к солнцу живая музыка. Терпения мальчишкам, разумеется, хватило ненадолго: потом они и сами начали кружиться на тропке, подражая парящим на ветру листьям.

— Пусть играет! Играй ещё! — велели они Артёму, и Артём играл до тех пор, пока пальцы у него не замёрзли и не устали. Только тогда мы отправились домой и пришли к бабушке и дедушке, совсем как в школьных упражнениях по русскому языку, «усталые, но довольные».

С тех пор Егор и Кирюшка при встрече уважительно протягивают Артёму свои широко раскрытые мягкие ладошки. Они ещё не знают, что когда-то в языке воинских жестов это значило: «У меня нет оружия. Я пришел с миром». Но они генетически, как и положено маленьким мужчинам, чувствуют силу этого знака. Егор и Кирюшка лелеют мечту научиться играть на гитаре. Пальчики у них ещё маленькие, поэтому пока они приноровились играть в четыре руки: Артём ставит на грифе аккорды, а мальчишки по очереди отбивают ритм по струнам. В репертуар этого трио включена композиция группы «Кино» «Пачка сигарет»,

а также «Границы ключ» «Гражданской обороны» и ещё несколько важных и нужных каждому пацану песен.

Недавно мама Кирюшки и Егора (её зовут Маша) удивлённо рассказала мне:

— Раньше ругали Артёма, теперь дружат с ним! Каждый раз, как идём в Паутинку через лес, рассказывают мне, что Артём тут в лесу играл на гитаре и листочки для него танцевали. Вот сочинители!

— Не сочинители — чистая правда! — и я поведала Маше историю великого осеннего примирения.

Сдается мне, что Егор и Кирюшка не только маме, но и своим детям будут рассказывать, как в золотом лесу Артём играл для них на гитаре, как они танцевали и летели, и парили, и кружили, и пели, и падали, падали листья...

Наталья Михайловна МЕЛЕХИНА.

Журналист, прозаик, критик.

Родилась в дер. Полтинино (Вологодская обл.).

*Окончила факультет филологии, теории и истории
изобразительного искусства Вологодского педуниверситета.*

Автор нескольких книг прозы.

Публиковалась в журналах «Знамя», «Соль», «Север».

Участник фестиваля «Плюсовая поэзия» (2011).

Финалист конкурса короткого рассказа

«Сестра таланта» (Петрозаводск).

Лауреат конкурса «Северная звезда-2012» в номинации «Проза».

Живёт в Вологде.

Илья НИЧИПОРОВ

г. Москва

В воспоминаниях о Н. Рубцове нередко в разных вариациях звучали раздумья о внутреннем «странничестве», которое было присуще его творческой натуре: «Рубцов любил внезапность знакомств и расставания. Он возникал в местах, где его не ждали, и срывался с мест, где в нем нуждались. Вот эта противоречивость скитальческой души и носила его, вела по Руси»¹. Скитальческие переживания художественно выразились в сквозных для его лирики образах путевого пространства, семантически многоплановых дорожных мотивах, создающих особый ракурс поэтического мировидения.

В ранних поэтических опытах 1950-х гг. («Два пути», «Да, умру я!», «Уж сколько лет слоняюсь по планете!..» и др.) дорожные мотивы ассоциируются с неоромантическими устремлениями лирического «я», вызывают противопоставление тракта, истоптанного «на телегах, в седлах и пешком», – и узкой лесной тропы, манящей к себе ге-

роя, уводящей «в сторону далеко» и приближающей к чудесному измерению бытия: «Хоть на ней бывает одиноко, // Но порой влечет меня туда»². Собственная стезя на «заплеванном шаре земном» подчас увидена в трагическом свете, в виде нещадно затапываемого пути («Жалкий след мой // будет затаптан // башмаками других бродяг»), и в то же время для лирического героя-скитальца прорисованные в зримых поэтических образах земные дороги размыкаются в таинственную, «мерцающую» перспективу («... может быть, навеки // Людный тракт окутается мглой»), знаменуют встречу со стихийными силами души и природы, с «бездомным ветром», «шляющимся над землей»:

*И путь укрыт от взора моего,
Иду, бреду туманами седыми;
Не знаю сам, куда и для чего?*

<...>

... Бродить и петь про тонкую рябину,
 Чтоб голос мой услышала она:
 Ты не одна томишься на чужбине
 И одинокой быть обречена!..

В «дорожных» отражениях проступают у Рубцова автобиографические, исповедальные мотивы. В отрывистых, ритмически надрывных строках стихотворения «Детство» (1967) пунктирно выведенная лирическая автобиография предстает в интерьере «пограничных» пространств, обрамлена многими нежеланными отъездами, переездами, паромными переправами. Оскудение осиротевшего домашнего мира («Взялись в жилье // И сумерки, и сырость...»), подмененного «детдомом на берегу», образно ассоциируется с общенародной бедой, «военной морозкой» и перерастает в трагедийную картину преисполненного разлуками существования:

Еще прошло
 Немного быстрых лет,
 И стало грустно вновь:
 Мы уезжали!
 Тогда нас всей
 Деревней провожали,
 Туман покрыл
 Разлуки нашей след...

«Дорожное» мироощущение входит у Рубцова и в контекст интимной лирики. В стихотворении «Листвой пропащей...» песенно звучащий лейтмотив («Листвой пропащей, // знобящей мглой // Заносит буря неясный путь») ассоциируется с драмой самозабвенного бегства от томительной душевной неустроенности, с долгожданным обретением дорогого воспоминания и, как следствие, озарением, казалось, безвозвратно погрузившегося во мрак пути: «И вдруг я вспомню твое лицо, // Игру заката во мгле вечерней, // В лучах заката твое кольцо». А в «Прощальной песне» (1966) лирический сюжет неминуемого для героя ухода из обжитого деревенского пространства, его «измена» семейным привязанностям раскрываются в пронзительном обращении к близкой душе, в парадоксальном сочетании предчувствия будущего расставания и воспоминаний о разрыве, уже совершившемся. Ночные тропы, пароходы, «знобящие причалы» оборачиваются для лирического «я» не только странствиями во внешнем мире, но и блужданиями в лабиринтах собственной души:

Ты не знаешь, как ночью по тропам
 За спиною, куда ни пойду,
 Чей-то злой, настигающий топот
 Все мне слышится, словно в бреду.

Сквозной в поэтическом мире Рубцова сюжет скитаний, основанный на исповедальном самораскрытии героя, достигает сверхличностного масштаба, вступает во взаимодействие с фольклорными мотивами и порождает оригинальные формы «ролевой» лирики. Стихотворения «Подорожники», «Дорожная элегия», образный мир которых щедро расцвечен фольклорным колоритом («Пролегла дороженька до Устюга // Через город Тотьму и леса...»), примечательны множественностью субъектов лирического переживания. Это и одушевляемые подорожники – молчаливые и вдумчивые свидетели человеческих драм, и «бродяги и острожники», доверившие дорогам свои плач и смех, и, наконец, сам лирический герой, для которого «дорожная мука», родные северные ландшафты служат как вмещищем душевной боли, «осторожного» одиночества, так и целительным приобщением к метафизическому измерению, коллективному переживанию, укорененному в недрах прапамяти: «Разве что от кустика до кустика // По следам давно усопших душ // Я пойду, чтоб думами до Устюга // Погружаться в сказочную глушь».

Эволюция «дорожной» темы связана у Рубцова с ее эпическим расширением, открытием горизонта бытийных обобщений. В стихотворении «Идет процессия» в центр бытовой зарисовки деревенских похорон выступает образ скорбной «дороги в полверсты», являющей единство микро- и макрокосма и таинственно вмещающей многообразные «ласки мира» и «бури века». Коллизии «дорожного» сюжета стихотворения «Неизвестный» высвечивают драму бесприютной судьбы героя, что «шел против снега во мраке», был ославлен людской молвой («Бродяга. Наверное, вор...»), и приобретают экзистенциальный смысл: «Он шел. Но угрюмо и грозно // Белели снега впереди! // Он вышел на берег морозной, // Безжизненной, страшной реки!»

Дорожные мотивы пронизывают пейзажную образность лирики Рубцова, подчас придавая ей «драматургическую» динамику. В стихотворении «По дороге из дома» одушевленная стихия ветра («О ветер, ветер! Как стонет в уши! // Как выражает живую душу!») вступает в диалогическое соприкосновение с лирическим «я», выражает его дерзно-

венный «дорожный» дух, прорыв за грань привычного домашнего мира: «Безжизнен, скучен и ровен путь. // Но стонет ветер! Не отдохнуть...» В дорожных пейзажных зарисовках достигается пересечение звездных, природно-космических – и земных, рукотворных путей («В тусклом свете блестя, гололедица // Предо мной обозначила путь...», «Гололедица», 1969). Эмпирическая картина житейских перепутей, исповедь утомленной души, которая «давно... блуждать устала», преломляются в сфере творческого воображения лирического «я», в «дорожном» ракурсе его мировидения («И путь без солнца, путь без веры // Гонимых снегом журавлей...»), сопрягающем явленное и сокровенное, время и вечность, родное и вселенское³: «Как будто вечен час прощальный, // Как будто время ни при чем...» («В минуты музыки», 1966).

Страннические переживания лирического «я» и иных героев оказывают у Рубцова решающее воздействие на эмоциональный фон, интонационные рисунки его поэзии. Стихотворение «Поезд» (1969) построено на развернутой метафоре безудержно – «с грохотом и воем... с лязганьем и свистом», «с полным напряженьем // Мощных сил, уму непостижимых» – мчащихся человеческой жизни и истории. В мифопоэтической образности произведения стихия дороги приобретает сказочные черты, высветляя в лирическом «я» непознанные им самим глубины («На разъезде где-то, у сарая, // Подхватил меня, понес меня, как леший!.. // Я, как есть, загадка мироздания»), приводя к отчаянному прозрению зыбкой грани между стремительно меняющейся жизнью и небытием, что лишь в малой степени смягчается робкой надеждой, сквозящей в безответном финальном вопрошании:

*Перед самым, может быть, крушеньем
Я кричу кому-то: «До свиданья!..»
Но довольно! Быстрое движенье
Все смелее в мире год от году,
И какое может быть крушенье,
Если столько в поезде народу?*

Восприятие мироздания в пространстве бесконечных «древних дорог», проложенных и в «пыли веков», и в тайных недрах человеческой души, обуславливает расширение масштаба лирического переживания. В стихотворении «Старая дорога» (1966) «голубые вечности глаза», облака-«пилигримы», плывущие «как мысли», приоткрывают тайны небесного мира и в то же время вступают в соприкосновение с душой, чуткой к путевому измерению бытия и истории:

*Душа, как лист, звенит, переключаясь
Со всей звенящей солнечной листвою,
Переключаясь с теми, кто прошел,
Переключаясь с теми, кто проходит...*

Дорожные мотивы, неотделимые в поэзии Рубцова от исповедального самовыражения, настраивают и на постижение многовековых путей истории и культуры. В стихотворении «Шумит Катунь» (1967) лирическое чувство сливается в гармоничную мелодию с немолчным «напевом былинным» древней сибирской реки («Как я подолгу слушал этот шум...»), вследствие чего «долгота» индивидуального эстетического переживания оказывается равновеликой «темному зеву» столетий, непрерывному течению земной истории навстречу вечности:

*Катунь, Катунь – свирепая река!
Поет она таинственные мифы
О том, как шли воинственные скифы, –
Они топтали эти берега!*

*И Чингисхана сумрачная тень
Над целым миром солнце затмевала,
И черный дым летел за перевалы
К стоянкам светлых русских деревень...*

Атмосферой скитальчества, которой проникнут поэтический мир Рубцова, насыщены интуиции о перепутьях родной культуры – как в стихотворении «Я люблю судьбу свою...» (1970), где трагедийный путь лирического «я» («Над мною смерть нависнет, – // Голова, как спелый плод, // Отлетит от веток жизни»), судьбы поэтов прошлого увидены в пространстве онтологической бесприютности:

*Вон Есенин –
на ветру!
Блок стоит чуть-чуть в тумане.
Словно лишний на пиру
Скромно Хлебников шаманит.*

Поэтическое вживание в далекие исторические эпохи сопряжено у Рубцова с ролевыми перевоплощениями лирического героя. В притчевом стихотворении «Русский огонек» (1965) он выступает в образе одинокого странника, затерянного «в бескрайнем мертвом поле», но обретающего утраченный путь в общении с хозяйкой избы, а через нее – со многими незнакомыми

прежде, но близкими душами, чьи судьбы запечатлелись в «сиротском смысле семейных фотографий». Косвенная ретроспекция жизни рассказчицы воскрешает личную и историческую память, становится противовесом блужданию личности и целых поколений «в поле бездорожном». Тайновидцем, всадником, скачущим «по холмам задремавшей отчизны... по следам миновавших времен», предстает лирическое «я» в стихотворении «Я буду скакать...» (1963), где категория пути выходит на онтологический уровень, ассоциируется с путешествием в пространстве и времени, на грани яви и сновидческой реальности, предпринимаемым ради того, чтобы в тайновидении ощутить себя на перекрестке многих родственных судеб:

*Я буду скакать, не нарушив ночное дыханье
И тайные сны неподвижных больших деревень.
Никто меж полей не услышит глухое скаканье,
Никто не окликнет мелькнувшую легкую тень.*

*И только, страдая, израненный бывший десантник
Расскажет в бреду удивленной старухе своей,
Что ночью промчался
какой-то таинственный всадник,
Неведомый отрок, и скрылся в тумане полей...*

Итак, дорожные мотивы составляют один из смысловых центров поэтического мира Рубцова. Развиваясь на почве традиционной неоромантической образности, эти мотивы наполняются ав-

тобиографическими ассоциациями, обнаруживают свою значимость в интимно-исповедальной, пейзажной, «ролевой» лирике, дорастают до уровня эпических обобщений и представляют художественную картину мира в меняющихся ракурсах, в призме беспокойно-страннического лирического чувства.

Примечание

¹ Романов А. Искры памяти // Рубцов Н.М. Стихотворения, письма, воспоминания современников. М., Изд-во Эксмо, 2002. С.304.

² Здесь и далее тексты Н.Рубцова приведены по изданию: Рубцов Н.М. Стихотворения, письма, воспоминания современников. М., Изд-во Эксмо, 2002.

³ Ничипоров И.Б. «Русский огонек». Родное и вселенское в поэтическом мире Н.Рубцова // Духовные начала русской словесности. Материалы VI Международ. науч. конф. «Духовные начала русского искусства и образования» («Никитские чтения»). Великий Новгород, НовГУ, 2006. Вып.2. С.180 – 186 (Электронный доступ: <http://portal-slovo.ru/philology/37233.php>).

Илья Борисович НИЧИПОРОВ

родился в 1977 году в Москве.

*Профессор кафедры истории новейшей русской литературы
и современного литературного процесса.*

*Доктор филологических наук,
автор более 200 научных, научно-популярных
и учебно-методических работ по истории
русской литературы и литературной критики,
в том числе монографий «Поэзия темна, в словах невыразима...»*

Творчество И.А.Бунина и модернизм» (М., 2003),

*«Авторская песня в русской поэзии 1950 – 1970-х гг.:
творческие индивидуальности, жанрово-стилевые поиски,
литературные связи» (М., 2006).*

В журнале «Север» публикуется впервые.

Про Вовку Сидорова

рассказы

Леонид МЕДВЕДЕВ

г. Курск

Школьные загадки

А Вовка Сидоров из нашего класса ну тупит! Загадки тут мне попались интересные, про школьные дела, а отгадки должны быть в рифму. Я, конечно, всё отгадал сразу, а потом Вовку решил проверить на сообразительность.

— Вот, — говорю, — отгадай в рифму загадку: «Меж двумя звонками срок называется...?»

А он мне мгновенно:

— Перемена!

— Ну, правильно, «перемена» подходит, но отгадка в рифму должна быть, — это я Вовку просвещаю.

— Ага, — он отвечает, — сам сказал, что правильно, а потом начинаешь...

— Ладно уж, давай я тебе другую загадку загадаю, только ты подумай, прежде чем ответ скажешь, — и продолжаю: — «Физкультурник нам сказал: «Всем зайти в спортивный ...».

— Магазин! — выкрикивает Вовка.

— Какой тебе магазин, зачем, где ты его увидел? — это я ему.

— Как зачем? Кроссовки новые купить надо, а то у моих подошва уже отстаёт на левой ноге, — заявляет он, — а магазин «Спорттовары» прям напротив школы. Ты тоже его сто раз видел.

Ну что ему здесь докажешь!

— А вот эту загадку ты сможешь отгадать в рифму? — читаю я дальше: «Школы не простые здания, в школах получают ...?»

— По голове, — тут же выдаёт Вовка. — Вот вчера я у Ленки Петровой почти что и не трогал бант, а она меня книжкой по голове — бац-бац!

Тогда я ему ещё одну загадку задаю: «А сегодня я опять получил оценку...?»

— Тройку, — кричит он, — тройку я опять получил по математике.

Ну Вовка тупит, ну тупит!

Хотя... Смотрю я, рожица у него хитрая-прехитрая. Может, это он меня разыграл? Сегодня же 1 апреля!

Дела

А после уроков мне Вовка Сидоров позвонил: — Можно я к тебе приду? — спрашивает. — Дело есть.

А какое дело, не говорит. Ну я, конечно, заинтересовался, что там за дело.

— Приходи, — отвечаю.

Приходит, значит, Вовка и сразу про дело:

— Дай списать задание по математике. Ты уже всё порешал?

Мне-то думалось, что он и вправду по делу, а тут...

Ну я, конечно, не то что Вовка в математике, но вот задача почему-то никак пока не решается.

— Знаешь, — говорю, — у меня сейчас настроение не математическое, другие мысли в голове, так что сам соображай.

И ведь сообразил.

— Давай, — говорит, — Ленке Петровой позвоним, она, наверное, уже всё сделала.

Ну я вроде тоже согласился.

Набирает он номер. Там отвечают:

— Да?

— Привет, Ленка, у меня такой вопрос. Ты всё уже решила? — изрекает Вовка нарочито грубым голосом.

— Давайте не будем фамильярничать, — раздаётся из трубки Ленкин голос, — не Ленка, а Елена Александровна. А если вы насчёт договора, то там есть ещё нюансы...

— Ну ты, Ленка, даёшь, — удивляется Вовка, — какие такие нюансы, мы же договорились с тобой без всяких фокусов, а теперь ты что-то не туда загибаешь. Ишь ты, Елена Александровна! Давай лучше диктуй свои решения.

— Нет у меня пока окончательного решения. Подождите, вы кто такой, я что-то не пойму, не Николай Степанович?

— Ты что, Ленка, из-за другого голоса меня не узнала? Я же Вовка Сидоров, — заговорил он обыкновенно.

— А я мама Лены, а её нет дома, — с заметной растерянностью прозвучало в трубке.

— Говорит, что она её мама, а голос такой же, — глядя на меня, изумлённо сообщает Вовка.

Дела-а...

Про слова

Летом Вовку родители на дачу отправили. К бабушке с дедом. В городе с ребятами, конечно, интересней, но летом всё равно друзья поразъехались и Вовку вот на дачу везут. Едет Вовка и от нечего делать начинает размышлять. А ехать надо было через деревню. «Деревня-деревня», — крутится у него в голове. Она так отчего называется? Похоже, от деревьев (деревьев много). А может, оттого, что деревянная? Хотя тут и кирпичные дома попадают, но они все новые, а «деревня» название старое. Дальше дорога. «Дорога, — думается Вовке, — что это значит? Может, потому, что дорогая? Сейчас по деньгам дорогая, а раньше простая дорога была дорога людям единственной возможностью куда-то поехать. Теперь-то есть и самолёты, и поезда для таких случаев».

Приехали на дачу. А Вовка уже во вкус вошёл разбираться в словах. «Дача — это то, что дано, — соображает он. — Окна на дачном домике (или окошки) — это же от слова «око», глаз. Сразу понятно — домик на мир смотрит. Печка внутри, конечно, от слова «печь». Ну, пироги там или ещё что-нибудь печёное. А может, наоборот, «печёное» — от печки? Нет, наверное, всё же печка от печёного, ведь печка у людей позже появилась, чем возможность печь. На кострах древние люди пекли, а уж потом научились печки делать».

«Пол в домике обозначает то, что под ногами положено, — рассуждает Вовка. — Огород — то, что огорожено, сад — то, что посажено, а забор от слова «забирать», то есть чтобы ничего с огорода и из сада никто не забрал без спросу». Сорняки — каждому понятно и без разъяснения.

Вот так Вовка взялся вникать в сущность слов. Может, он не всегда был прав в своих предположениях, но ведь всё равно интересно.

Вовкины фантазии

Вчера Вовка Сидоров гулял по городу, по сторонам смотрел и всё удивлялся виденному-написанному. Дело же в том, что во многих местах буквы отпали и забавно от этого получилось, а он сообразить не смог или, может, не захотел. Вот, например, на стене дома читает Вовка: «...лица Петровой». «Может, это про Ленку Петрову?» — думает. Глядит, а ни одного лица не видно. Ни Ленкиного, ни какого другого. Дальше на магазине слово «метр ...» написано. А что за метр, не поймёт. Сама надпись уж точно не метр ни в высоту, ни в ширину.

Потом сел он в автобус, а там стрелка-указатель возле водителя. И надпись «... нетушитель». Очень смешная, и не сразу догадаешься, к кому или к чему она относится. А над окном в автобусе написано «... апасный выход». Вовка тоже считает, что действительно опасно выходить не из двери, а из окна. Он даже не заметил, что слово «опасный» должно с «о» начинаться. Если бы он отличником

был, как Ленка Петрова, наверное, призадумался бы над этим.

Ну, а самое интересное настало вечером, когда рекламу световую включили. «... ухни», — читает он на рекламном щите. «Надо себе ухнуть», — решает Вовка. И ухнул: «У-у-ух!» Глядь, прохожие оглядываются, мол, что это с мальчиком случилось. Дальше светится: «Лучшие ...умки». А Вовка-то умный, он знает, что Умка — это белый медвежонок. «Вот куда бы сходить с ребятами, — делает он вывод, — на медвежат посмотреть, поиграть с ними». И ещё видно было такое название «...веточный магазин». Получается, там ветки продают. И кому же они нужны, эти ветки? Можно и бесплатно их сколько хочешь наломать. Хотя тогда природе урон будет нанесён. Из-за этого, наверное, и построили веточный магазин.

А сегодня Вовка нам про всё это рассказывал. Ну, а я ему: «Тормоз ты, Сидоров, ясно же — буквы кое-где отскочили или не светятся, мне, например, всё понятно и без твоих фантазий». А вам?

Лиумас Кашрам

«Опять в школе задали стих учить», — горюет Вовка Сидоров.

Не то чтобы это ему в тягость, тут другое. Когда он читает стихи, то зачастую мысли у него возникают, что, мол, я тоже так бы смог.

Взять хоть такие строчки:

*Наша Таня громко плачет —
Уронила в речку мячик.*

Ну что здесь сложного? Каждый, ну, может, не каждый, но он, Вовка Сидоров, запросто сумел бы подобное сочинить.

Или эти стихи:

*Таблица умножения
Достойна уважения.*

Тут-то чего непонятного? И он не хуже может придумать за милую душу. Подумаешь, классики!

А как вам понравится такой стих:

*Во саду ли, в огороде
Вырос Сидоров Володя.*

Ну чем хуже классиков! «А ещё, — рассуждает Вовка, — это моё, Вовкино, произведение». Надо теперь, чтобы все в классе узнали про эти стихи. Но не поверят же в его авторство! Ещё дразниться начнут. Ага, надо придумать себе псевдоним. Почти у всех знаменитых писателей псевдонимы были. А какой? Ну, ясное дело, хороший и со смыслом. Поинтересней, чем Корней Чуковский. Например, Лиумас Кашрам или там Отраб Яинга, чтобы как бы имя и фамилия были. И сказать ребятам: «Вот тоже классик, а вы его и не знаете». Вот так. Пусть попробуют догадаться, что к чему!

Остаться с носом

Сегодня у нас физкультура была. Второй сурок. Так на перемене Вовка Сидоров с Лёхой Ивановым поспорили: кто дальше прыгнет на уроке. Прыжки в длину должны быть.

Ну все в классе, конечно, про этот спор узнали, какой там секрет, а Ленка Петрова даже достала из парты большое красное яблоко.

— Приз это, — молвит, — победителю.

Тут сразу и болельщики появились. И у Иванова, и у Сидорова. Интересно занятие прошло, но всё же Лёха Вовку на сантиметр опередил.

После урока Ленка вручила ему своё яблоко. Тот доволен, смеётся:

— А ты, Сидоров, с носом остался.

Вовке, понятно, обидно, он даже нос свой потрогал, а потом вдруг сообщил, что сказать:

— Я с носом, а ты, значит, без носа?

Теперь уже Лёха растерялся — за нос схватился. Вроде на месте. Стоит в недоумении — оба, выходит, с носами.

Тогда Ленка Петрова вмешалась. Она у нас отличница, всё знает.

— Ваши носы, — говорит, — ни при чём, выражение «остаться с носом» означает «остаться при своих интересах, не иметь успеха». И дошло оно до нас из далёкой старины, а слово «нос» в нём имеет другое значение. Вот кто его назовёт?

— Нос он и есть нос, — произносит Вовка Сидоров. — Тот, что у человека на лице, а у собаки на морде.

— Правильно, — поддерживают ребята.

— А ещё нос у лодки есть и ещё много у чего, — сказал кто-то.

— Нет, здесь в другом смысле это слово употреблялось, —

продолжает Ленка. — Знаете слово «воз»? Это то, что везут. А «нос» — это то, что несут. Сейчас за всякие справки деньги надо платить, а в давние времена за услуги несли что-то вроде подарков. И если у тебя нос, то есть то, что ты принёс, не брали, значит, дело твоё не решится. Так что остаться с носом (с принесёнными подарками) означало неуспешность в деле. А со временем выражение «остаться с носом» хоть и осталось в употреблении, но его происхождение подзабылось.

Интересно. А мы и не знали. И нос друг другу в подходящем случае, желая поддразнить, показывали, приставляя к своему большим пальцами растопыренную ладонь, а то и две.

Фамильное

— Сидор, — кричу я Вовке Сидорову на переменке, — у тебя вся спина белая.

Это я так пошутил, хотя сегодня и не 1 апреля.

— Что ты меня всё Сидором зовёшь? — почему-то обиделся он.

— Я не один такой, все тебя Сидором зовут, потому что твоя фамилия Сидоров, — отвечаю.

— Ты вот тоже Волков, — говорит он, — а никто тебя волком не зовёт. Все — Димкой!

— Не знаю, почему так, а ты возьми и сам разберись со своей фамилией.

— Да надо бы, — раздумчиво произнёс Вовка, — а заодно и выяснить бы, почему нас с Ленкой Петровой и Лёхой Ивановым иногда однофамильцами зовут.

И, знаете, выяснил он немало. Оказалось, что «однофамильцы» — это штука, относящаяся к наиболее типичным русским фамилиям: Иванов, Петров и Сидоров, а Сидор есть имя и так же называют заплечный мешок типа рюкзака, но этот сидор с маленькой буквы пишется. Правда, сейчас это слово редко употребляется.

И теперь, когда Вовку зовут Сидором, он уточняет:

— А с какой буквы я Сидор, с большой или с маленькой?

И если кто скажет, что с маленькой, тотчас же услышит:

— А в лоб хочешь?

Леонид Фёдорович МЕДВЕДЕВ

родился в 1938 г.

*Окончил Иркутское военное авиатехучилище,
позднее — инженерный вуз.*

*Автор одиннадцати книг поэзии и прозы,
в том числе книжки пародий «Такие пироги»
(серия «Библиотека «Крокодила»).*

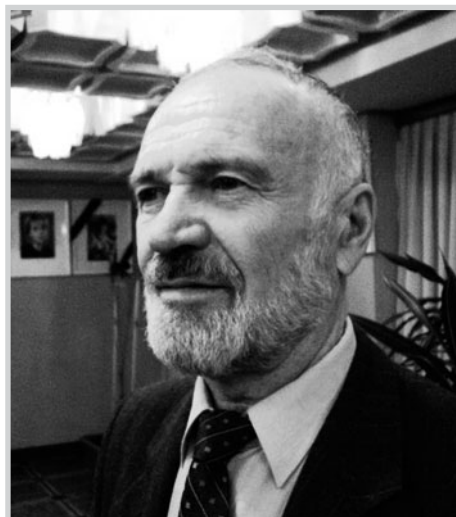
*Печатался в центральных печатных изданиях
«Литературная газета», «Крокодил», «Воин России»,
«Мурзилка», «Весёлые картинки», «Костёр» и др.*

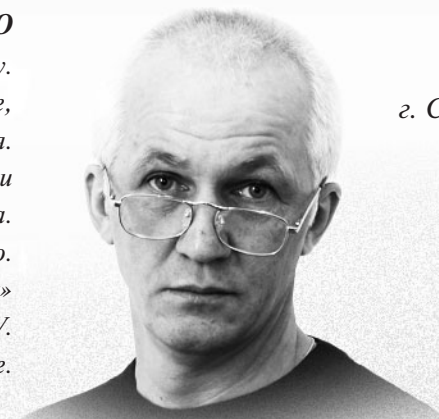
Награждён медалью А.С. Грибоедова.

Член Союза писателей России.

Живёт в Курске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

Владимир МИЩЕНКО*родился в 1955 году.**Детство и юность провёл в Беломорске,
на берегу Белого моря.**Окончил факультет журналистики
Ленинградского государственного университета.**Работал на радио.**Первый сборник стихов «Времена года»
вышел в 2012 году в издательстве ПетрГУ.**В журнале «Север» публикуется впервые.***Владимир
МИЩЕНКО***г. Санкт-Петербург*

«ОЖЕРЕЛЬЕ ИЗ БРЕВЕНЧАТЫХ МОСТОВ...»

БЕЛОМОРЬЕ

Жертвам, здесь упокоившимся.

Камни, скалы, топкие болота,
Непролазные, дремучие леса —
Смешаны здесь листьев позолота
И зари кровавая роса.

От мошки здесь скрыться невозможно,
Хоть прекрасны здешние места,
И назвать вполне их было б можно
Раем, что за пазухой Христа...

Распластался у родимого порога
Двух столетий памятный финал:
Государева на юг легла дорога,
А на север — Беломорканал.

РОДИНА

В синем небе журавли кружатся,
Распростёртыми не двигая крылами,
Будет ли им так же вспоминаться
То, о чём грустим порою сами:

Берег речки, сызмальства знакомой,
Ожерелье из бревенчатых мостов
И рябина стройная у дома
С гривою пылающих листов

ДЕД МОРОЗ

Говорят, зима настала,
И опять, такое встарь
С ним уже не раз бывало,
Носом хлупает январь.

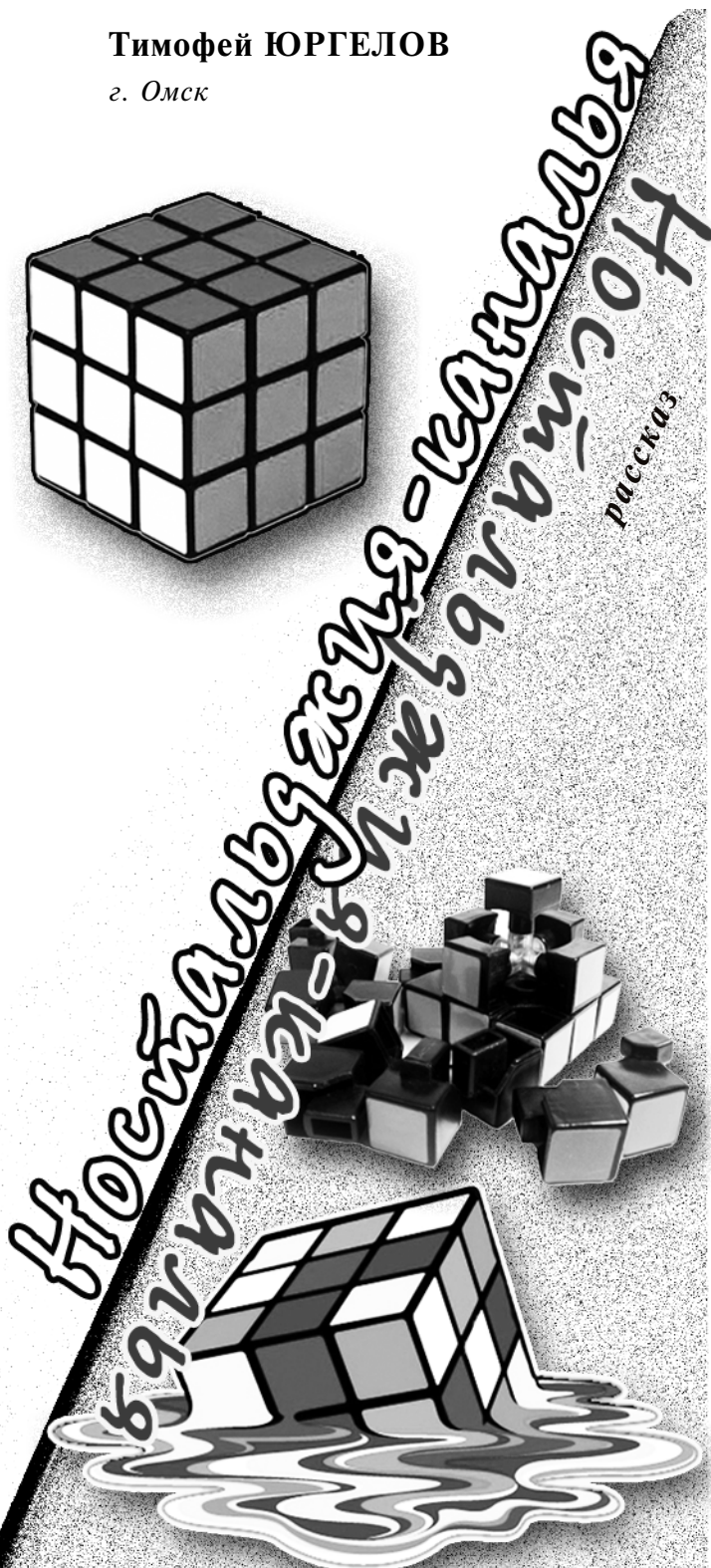
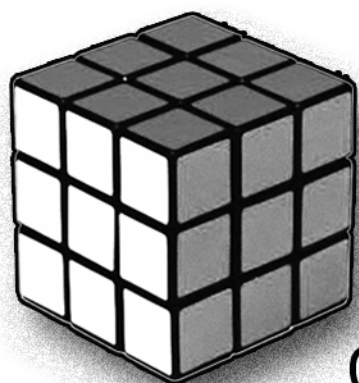
Шупаю стекло ладошкой,
Я к нему почти прирос:
— Ты когда моё окошко
Разрисуешь, Дед Мороз?

Или в этот зимний вечер
Я тебя напрасно жду?
Но донёс полночный ветер:
— Да иду уже, иду!

А ещё я помню только,
Как сказала мама: «Спать!»
И когда узоров столько
Он успел нарисовать?

Тимофей ЮРГЕЛОВ

г. Омск

рассказ

Под Рождество выпал снег — впервые за два года. Все знакомые ирландцы при встрече ёжились: «Вери кольд!» — «Ной! — убеждал он. — В Сибири холоднее: там минус тридцать» («There are thirty degrees below zero in Siberia...»). — «О-е, вери-вери кольд», — соглашались аборигены и ещё выше поднимали плечи.

Все пастбища, холмы, газоны перед бело-жёлто-серыми особняками покрыла слепящая гладь. Было странно видеть зелёный буковый лес под шапками снега. Мелкая речка, переливаясь на сизых перекатах, огибала белые островки с торчащей из них почерневшей травой. Воздух был, как эта сизая вода из речки, — обжигал отвыкшее горло. Серые развалины замка на горизонте уменьшились и стали ажурнее: казалось, снегопад за сутки обглодал их больше, чем ветер и дождь за сотни лет. Узкая дорога, петлявшая между пологими холмами, слепила снежным накатом, который не спешил таять. Спортивный велосипед на трубках выскальзывал из-под седока как живой — он несколько раз соскочил на ноги, но в конце концов всё же упал. Сел и снова больно хлопнулся плечом о лёд, не успев тронуться с места. Редкие машины, обгонявшие одинокого велосипедиста, старались объезжать его подале, и крались они осторожнее, чем обычно. С пастбищ исчез весь скот — видимо, его убрали в хлев. Только в одном месте ему встретились жмущиеся друг к другу чёрные овцы с побелевшими спинами.

Игорь жадно впивался глазами в этот странный пейзаж, но видел совсем другое: пургу, висящие в молочной пустоте розоватые берёзовые перелески, жёлтый тростник вокруг заметённых озёр, бурые метёлки бурьяна, серое низкое небо, вросшие в снеговые барханы чёрные избушки. К горлу подкатывал готовый разорвать его ком. Здесь, в чужой стране, он давно привык жить в этих снах наяву. И постоянно, даже когда вроде ничто не напоминало о родине, в мозгу звучала рефреном фраза: «Хочу домой...»

Раньше он смеялся над рассказами о ностальгии и не очень-то верил в тоску по родине. О чём тут можно тосковать? Что это вообще такое — тоска по родным пенатам? Неужели современный человек может быть подвержен

этому выдуманному чувству? И вот теперь угодил в ловушку собственной гордости.

На работе царила предрождественская лихорадка. Все: рестораны, монастыри, госпитали и даже Ирландская армия (не ИРА) — требовали к Рождеству индеек: «зэ мо — зэ бете» (*чем больше, тем лучше*). Тимми, маленький, пухлый средний менеджер, сновал между офисом и разделочным цехом с пачками заказов. Сначала с озабоченным видом, который Игорь не раз наблюдал у занятых делом ирландцев, потом с весёлыми шутками о том, как много денег они заработают благодаря его ордерам, и в конце — просто отдуваясь и вытирая якобы пот со лба, словно это не они, а Тимми таскал и резал двухпудовых индеек.

В небольшую комнату согнали «генералов»¹ со всего планта². Они с Пориком, Джоном, Бобби и Пи Джи³ разделявали индюков, а Джимми, Джеймс и Дарен натягивали на них целлофановые мешки, взвешивали и клеили этикетки, выползавшие из «лейбл-машин». Фрозен Брайан («замороженный» Брайан работал в морозильнике) подвозил на погрузчике всё новые партии коробок с птицей. Сначала нарастал вой электрокара, затем раздавался предупреждающий гудок, всплеск разрезной завесы из тяжёлого пластика — и в цех въезжала башня до самого потолка. Брайан опускал поддон, слышался лязг железных вил о бетонный пол, и погрузчик пятился задом, издавая жалобное попискивание. Несколько человек сразу подбегали к коробкам, срывали полиэтилен, в который они были замотаны для устойчивости, выхватывали индюков и бросали их на нержавеющей столы.

На лицах рабочих было то же деловое ожесточение, что у Тимми. Стерильно белое помещение напоминало босховский ад. В углу валялись пустые коробки, мешки с отходами, скомканный целлофан. На столах и на полу были разбросаны части расчлнённых индеек; к стенам, фартукам бучеров⁴ и даже к потолку налипли ошметки мяса, по серому полу текла кровавая река. Сток забился, и там стояла буряя вонючая лужа. Некогда было даже очистить решётку — изредка кто-нибудь бросался к ней со щёткой, как на амбразуру, однако это не могло спасти их от затопления. Гремел чёр-

ный «панасоник», и после каждой песни местное радио включало заставку «Джингл беллс».

Несмотря на погруженность в работу, то и дело кто-нибудь начинал подпевать и даже приплясывать на месте. Любая заминка в работе вызывала шутки и крики со всех сторон, которые из-за их скорострельности он плохо понимал, но привычно улыбался, так как и его заражали смех и предчувствие чужого праздника. Поднимет голову, криво усмехнётся — и снова перед глазами заснеженный город, заиндевелые троллейбусы, сумрачные ёлки с огромными уродливыми игрушками...

К концу рабочего дня руки гудели, от «Джингл беллс» уже мутило, в голове стоял туман. И тут он расслышал сентиментальные переборы «Hotel California». Усталость отступила, сладкий напев наполнил его тягучей тоской — сама собой, неведь откуда выплыла мысль: «Возьму отпуск, съезжу домой». Сначала — как утешение в этом метании от тоски к веселью: она вспыхнула как раз на перепаде настроения — и лица далёких близких стали реальнее забрызганной кровью белой стены.

Закончили работу поздно.

По дороге домой Игорь толкал велосипед, удерживая его за сиденье, и смотрел по сторонам... На огромные, словно витрины, окна иллюминированных золотым бисером особняков за низкими каменными заборами. Там в таинственной глубине мерцали серебристыми, тёмно-красными и синими шарами дорогие ёлки. В креслах у каминов сидели какие-то люди. На подоконниках горели белые канделябры, входные двери украшали хвойные венки с бордовыми лентами, почти перед каждым домом под занесённой снегом пальмой сиял электрический Санта в человеческий рост. В голове всё ещё звучал мотив «Eagles». И вдруг из этой смеси тоски, ожидания праздника и предстоящего одиночества рождественских каникул родилось твёрдое намерение: уеду домой. «Всё равно здесь работы не будет. Завтра же подойду к Стэну, попрошу отпуск. Билеты сейчас дорогие — да и черт с ним, не дороже денег. Хочу домой! Только надо всё побыстрее сделать, пока не начались их долбаные хolidэйз».

На следующий день была такая же горячка, как накануне. Игорь всё ждал, когда появится

Стэн, «биг босс» компании. Но Стэн не казал носа в их цех, — наверно, чтобы не видеть того бедлама, с которым постоянно боролся. Ходить же наверх, к нему в офис, было не принято. И вот после обеда, когда они с Пориком и Дареном пошли в соседний цех, где хранилась охлаждёнка, переклеивать на залежалых индюках старые этикетки на новые — трук⁵ с индейскими курами задерживался, а Ирландия требовала всё новых птичьих жертв, — в холодильнике заглянул Стэн. Он только сверкнул очками и тут же попытался скрыться.

— Сорри, Стэн!.. — погнался Игорь за ним. — Ай'м соу сорри... Куд ай аск ю? (*Могу я просить тебя?*)

— О, ноу проблем. — Стэн остановился вполоборота к нему и расплылся в мягкой улыбке, которая никак не вязалась с его репутацией жёсткого босса.

Ирландцы при виде Стэна тут же улетучились. Если они о чём-то просили его, то только через супервайзера Пэша. Лишь обнаглевший русский мог заговорить с боссом вот так, запанибрата, да ещё просить о чём-то небожителя.

Теперь, казалось, Стэн и сам испытывал неловкость. Может быть, из-за своего малого роста, а может, это было обычное лицемерие перед иностранцем. Стараясь держаться как можно увереннее, так как из всех углов за ним наблюдали, Игорь, заложив руки за спину, спросил, может ли он взять отпуск на время рождественских каникул. Стэн задумался, глаза под очками опустили куда-то в сторону.

— Ноу проблем, — снова улыбнулся Стэн и попытался улизнуть, но Игорь не дал.

— С какого числа? И как насчет денег для моего отпуска? (*What date from?.. How about money on my holiday?*)

— Ай'л тел ю... (*Я дам знать.*) — И всё же выскользнул из железной хватки русского.

«Ну вот и всё... — замер Игорь в растерянности от своего скоропалительного решения и легкой победы. Перед ним разверзлась пустота перспективы, которую нужно было чем-то заполнить, а он стоял перед ней, опустив руки. — Что надо сделать-то?.. Ну, во-первых, заказать билет». Он направился в драйвер-офис, где был телефон.

Там, положив ноги на столы, сидели водилы и курили. Дым стоял коромыслом, в этом дыму

маячил супервайзер Пэш, собиравший ордера у драйверов и раскладывавший их на своём столе.

Игорь поздоровался с теми, кого ещё не видел, и спросил у Пэша разрешения позвонить — гул голосов смолк.

Пэш, как всегда в разговоре с русским, сдвинул брови и уставился на него, делая вид, что не понимает. «Вот ирландская собака, всё же прекрасно понял — хочет, чтобы я объяснил, куда буду звонить. Ладно...» Он сказал, что Стэн даёт отпуск и ему нужно (буквально — он нуждается) заказать билет на самолёт.

— О-о-у! — преувеличенно вытянулось лицо Патрика, и он махнул бумажками в сторону чёрного телефона и жёлтого справочника, тут же потеряв интерес к русскому. Волшебное слово «Стэн» открывало все двери.

В представительстве «Аэрофлота» сказали, что он должен получить еще ретерн-визу в Форин-офисе (то есть возвратную визу в Министерстве иностранных дел), чтобы после отпуска его пустили назад в Ирландию. «У-у, ирландские обезьяны! Вечно чинят всякие препоны!»

— Пэш! — закричал он, положив трубку. — Кэн ай гоу ту Дублин фор виза тумороу? (*Могу я съездить в Дублин за визой завтра?*)

Пэш опять сделал строгое лицо: работы неспорот, а он в Дублин собрался — кто будет снабжать Ирландию индюками? Но раз Стэн разрешил, значит, «ю кэн».

— Завтра идет трук в Дублин?

— Обратись к Джону.

Джон, долговязый, огненно-рыжий драйвер, сидел тут же и что-то писал в своих бумажках.

— Джон, хау эбаут ту лифт ми... (*Джон, как насчет подбросить меня...*)

— Ноу проблем... — он слышал их разговор — все тут его слышали и, кажется, только этим и были заняты.

— Вот тайм? (*Во сколько?*)

Джон что-то прикинул в уме и ответил:

— Файф о клок. (*В пять.*)

— Бефо зе меридиум? (*Утра?*)

— Шу. (*Самой собой.*)

— Ит-с соу кайнд оф ю.

— Нот эт ол.

На следующее утро они уже мчались по про-

сыпающемуся снежному графству Голуэй в сторону восточного побережья. Да, на восток, всё время на восток, и это лишь первый шаг по дороге к дому!

В машине снова дилингал «Джингл беллс», но сейчас это не раздражало. Джон включил в кабине печку — было тепло и радостно.

— Вери кольд, — поёжился рыжий верзила.

— О-е. — «Как же вы задолбали со своим верикольдом!» — но не было злобы.

Джон протяжно рыгнул и извинился: «Экскьюз ми». Он был всегда подчёркнуто галантен и неразговорчив, этот Джон. По крайней мере, он всегда просил прощения, когда рыгал, в отличие от других айришей.

— Вен гоинг ту кам бэк? (*Когда назад?*)

— Ай доноу... Мэйби ин ту ауэс. (*Не знаю... Может, через пару часов.*)

— ОК. Ай'л бэк бай трэйн. (*О'кей. Вернусь на поезде.*) — «Бай ваш долбаный ирландский трэйн».

Форин-офис находился за Сант-Стивенс-Грин, если идти со стороны Лиффи. Грин был сейчас уайт⁶. «Поссать хоть напоследок на ирландскую землю». — Залез в куртину каких-то декоративных кустов: попробовал вывести на снегу по-английски «fuck», но на «с» и «к» не хватило мочи. «Fu» — тоже неплохо, подумал он каверзно.

В отделении для гастарбайтеров набилось полно китайцев или вьетнамцев, было несколько негров да пара русских. От них он узнал, что надо оплатить визу, занял очередь за каким-то индусом и побрёл искать банк, ругаясь про себя. «Вот сволочи, даже тут стараются выцыганить трудовые муньки!» После обеда получил вожделенную зелёную наклейку в паспорт и с лёгким сердцем вышел на морозец из душной конуры.

Зашёл в агентство, купил билет на самолет. Чернявая ирландка с крючковатым носом и глазами навывкате нашла то, что нужно: утренний рейс из Шеннона. Шеннон так Шеннон — добираться даже ближе. Правда, придётся с вечера туда приехать, зато прилетит домой тридцатого и отоспится перед праздником. Жене решил не звонить — сделает сюрприз на Новый год.

Надо же ещё купить какие-то подарки ей,

детям, родителям, сестре и племяннице: сейчас у них тут распродажи, хотя Берни говорит, что это наддувало и настоящие распродажи начнутся после Нового года. Но тем не менее не явишься же с пустыми руками. Ну, друзьям хватит по бутылке виски из дьюти-фри, отцу — коньяк французский, брату жены — тоже какую-нибудь дрянь. А вот ради дам придётся расстаться. Тут где-то торговый центр рядом с Сант-Стивенс-Грин и улица магазинов.

Народу везде — пушкой не прошибёшь: все с пакетами, все «делают шопинг». А кто работает, блин, русские, что ли? Хотя он — русский и тоже болтается без дела. Накупил всякой ерунды и детям, и матери с сестрой. Везде просил: «Кэн ю гив ми э дискаунт?» — скидку давали не везде. «У, жадная ирландская морда! Чтобы у тебя индюк сгорел в духовке на Кристмас!» А жене решил подарить что-нибудь особенное. Вышел на улицу с двумя бумажными пакетами, направился по Графтон-стрит в сторону Тринити-колледж.

Увидел магазин нижнего женского белья. Вот что-нибудь такое... Двери разъехались — и он сразу почувствовал неладное: в магазине было пусто, ни одного покупателя, только три шоп-эссистента⁷ возле мраморной конторки в позе трёх граций под двумя голубками, во всю стену, в одних трусах. Заметив Игоря, все трое с улыбками, крадучись, направились в его сторону, сложив руки в замок у самого лона:

— А ю окей?

Боковым зрением уже читал этикетки: везде трёхзначные цифры перед точкой. «Ай-м нот окей! Ай-м даже совсем не окей... За такой цена моя покупай дублинка мой жена, а не только красные трусы из трёх ниточек и спаренный тюбетейка для сиамских близнецов. Понимай вы это, ледис, три большой белый женщин». Но вслух только: «Йес...» И пяťся к двери: «Ит воз мистейк. Сорри⁸...» А они наступают, изголодавшись по покупателям, — может, это даже какие-нибудь нимфоманки шопинга? «А ю интрестид ин линжер⁹?» (Он остановился перед витриной с женскими торсами в трусах и лифчиках.) Пехапс ви кэн хелп ю...¹⁰» Пехапс-пехапс — перепихапс бы вас всех, да мне некогда. «Сим-сим, откройся» — но сим-сим не открывался. Это западня!

Здесь, наверно, какой-нибудь дёти-клуб¹¹ внизу — всех заработанных за год денег не хватит, чтобы потом рассчитаться. А девки неплохие, краше обычных ирландок. Можно было и задержаться: не ровён час эксклюзивный показ на себе своих моделей устроят — если бы не поезд. Наконец двери раскрылись, — Игорь, не глядя, пятился мимо них и выскочил на улицу, оставив трёх разочарованных граций с их же драгоценными «грациями» и «тюбетейками». Купил линжери¹² якобы от Calvin Klein в каком-то узком проулке в десять раз дешевле.

По улице, сияющей рождественскими огнями, вплетёнными в траурные венки и гирлянды, с Санта-Клаусами и хлевами, с хором в красных колпачках и каким-то антиглобалистом, толкающим речь в окружении глобалистов, вышел на берег Лиффи. «И, гуляя вдоль по Лиффи, видел разные там лифы! — продекламировал он под впечатлением от элитного магазина. — Хреновый из меня поэт...» Тогда была мода носить под майкой бюстгалтеры бретельками наружу. Сейчас бретельки спрятаны под шарфами и куртками. «Замёрзли, суки!» — шёл и радовался. Здесь, наверно, шлялся этот бездельник, рогатый Одиссей?.. На двухэтажном бусе доехал до Хьюстон-трэйн-стейшн. Уже в сумерках его несло в тёплом вагоне с лёгким покачиванием среди заснеженных пустошей, с островами чёрного вереска. Когда ж, зелёный край, ты скроешься за паром голубым!

На следующий день, в канун Рождества, заказов было мало: очевидно, христианский мир подготовился к индюшачьей гекатомбе. На работу вышла едва ли половина всего штата. Они с Пориком выполняли редкие заказы, в промежутках наводили порядок в загаженном цехе. Как всегда, играла музыка, вдруг бархатный баритон запел: «From Russia with Love»¹³.

И тут же, переделав слова, Игорь стал подпевать: «To Russia with love I'm flying from you...»¹⁴ Порик остановился и задумчиво прислушался. В этот момент в цех вошел Пэш с маленьким жёлтым конвертом, в каких выдавали зарплату. Нахмурился, словно подумал: что этот русский себе позволяет, — но затем, поняв соль, расщёл в улыбке и показал большой палец.

— Игор! Зис ис фо ю (*это тебе*), — протянул конверт.

— Сенк ю эвэ соу муч!

Тот развернулся и махнул рукой: нот эт ол. В конверте с отпускными было больше, чем он ожидал. Про себя отметил, что уже без внутреннего сопротивления произносит на ирландский манер: «фок», «муни», «хау муч», «Руша»... «С волками жить, по-волчьи выть!» — Хотя в последнем случае так даже привычнее, и какая-то нежность слышится: Ру-у-уша...

Разошлись рано, после обеда уже никого не было: сочельник, «кристмас ив». Закончив уборку, Игорь уехал последним. По дороге завернул в поб, там тоже было пусто: во дворе — ни одной машины, в зале — ни одного посетителя. За стойкой протирала стаканы сама Ниф, владелица заведения, — видимо, собиралась закрываться, однако дружелюбно улыбнулась: «Мерри кристмас». — «Мерри кристмас ту ю ту-у-у. Вери кольд!..» — Он сам первый поёжился и заказал «Гиннесс», желая пресечь разговоры о погоде. Пока Ниф готовила ему пиво, несколько раз доливая и отстаивая, она тараторила только о ней, проклятой. «Чёрт меня дёрнул первым начать про верикольд. Ответил бы ей про то, как холодно в Сибири, и на этом бы разговор закончился», — думал Игорь.

Взял бокал, сел за дальним столиком, чтобы больше ничего не слышать. Начал пробираться губами через плотную, как сливочный крем, шапку к живительной влаге. Заказал еще пинту. Ниф закончила протирать посуду и что-то переставляла у себя за стойкой, поглядывая на него. Когда поднимал глаза, она тут же улыбалась. «О, лицемеры! — думал он. — Видно, нужно идти ставить своего индюка, а тут сидит этот русский и пиво дует». Не стал дольше мучить её, пожелал ещё раз весёлого Рождества и вышел из побы — с полным животом жидкости, с колкой отрыжкой и острой тоской, которая сейчас, в преддверии чужого праздника, стала просто невыносимой: впереди его ожидала неделя полного одиночества. Даже пивной хмель не смог её разогнать, напротив, она вытеснила лёгкую эйфорию. «Это потому что пиво заказал... Надо брать виски — тогда было бы всё по-другому», — думал он, садясь на велосипед. Вспомнил, что дома его ждёт бутылка порто.

Было уже темно, на улице — ни души. Ни одной машины не встретил он по дороге. Только уютные домики, разбросанные по холмам, сияющие, как елочные игрушки или те, выставленные в витринах, рождественские вертепы. В небе полно ртутных брызг и освещённый на три четверти шар луны, теневая половина видна так же отчётливо, — казалось, со всеми морями и горными цепями. И словно чёрные дыры в этой рождественской декорации лес и силуэты древних церквей и замка. Вдруг он увидел бегущего по заснеженному пологому склону ему наперерез белого зайца — вернее, сначала его тень, а потом — зайца. Не кролика, которых здесь несметное множество, а настоящего «нашего русского» зайца, несущегося размашистым галопом, который ни с чем нельзя было спутать. Он то сжимался как пружина, то вытягивался в одну линию. «Ишь ты, за несколько дней успел выбелиться!» Игорь вспомнил, как однажды подстрелил русака на таком галопе в то мгновение, когда тот оторвался от земли: дробь пробилла сердце — и он как летел вытянутый в струнку, так и начал крутиться подобно пропеллеру: перевернулся раз пять. «Обязательно съезжу на охоту, когда буду дома».

Однако заяц не собирался останавливаться или менять направление, а так и продолжал бежать мимо чёрных кустов Игорю наперерез. Скорее всего, он не видел едущего за забором велосипедиста. В Игоре пробудился охотничий азарт: он не смотрел больше по сторонам, — следил только за увеличивающимся зайцем, пригнув голову к рулю. Тот был уже так близко, что Игорь мог разглядеть в лунном свете точки глаз и чёрные кончики прижатых к спине ушей — зверёк не был испуган, он просто летел во весь мах по каким-то своим заячьим делам. По ту сторону каменного забора росли кусты. Заяц обогнал велосипед и скрылся за ними. В них он и ляжет, подумал Игорь: через забор же он не перепрыгнет... И вдруг впереди мелькнули сваренные из труб ворота, через которые загоняли скот. И тут же из-под ворот на дорогу, чуть ли не под колеса, вылетел заяц. Он инстинктивно надавил на педали... Но косой повернул голову — Игорь заметил этот полуоборот и глядящий назад выпуклый глаз, — заяц подпрыгнул, согнулся в три погибели и врезал так задними ла-

пами по асфальту, что сразу отлетел метров на пять вперед, и потом прыгнул вбок, и скрылся за такими же воротами с другой стороны дороги. Игорь весело засвистел улепётывающему по полю зайцу: «Ай, красава!» Настроение у него заметно улучшилось.

Дома он прибавил огня в камине — пока был на работе, чтобы сэкономить солярку в цистерне, прикручивал вентиль и оставлял слабый язычок пламени, поэтому в каменном домике, где он жил, было ненамного теплее, чем на улице. Сел поближе к камину, откупорил бутылку портвейна, налил в стакан и стал греть в руках, чуть не сунув их в топку. Не сводил глаз с синей дуги горелки. Ещё раз увидел в этом сиянии летящего через поле зайца, а потом этот прыжок, от которого даже сейчас захватывало дух. Начал согреваться и отпил глоток вина, ароматное тепло, словно Вифлеемская звезда, выпустило лучи из желудка во все стороны. «Скоро и я совершу такой же прыжок в пространстве и окажусь на другом конце света», — стал думать о предстоящем полёте. Представил, какое лицо будет у жены, как побегут к нему дети... Или не побегут?... Успели уже отвыкнуть и будут стесняться. Ну, старшая, может, и побегит. Что будет говорить матушка — потом придут друзья... Он налил себе ещё вина... «А ведь плохая примета — заяц через дорогу...»

Это был аэробус Илюшин (тогда им ещё решали летать над Европой), совершавший по дороге с Кубы дозаправку в Шенноне. Когда он прошёл через бизнес-класс, не отгороженный на этот раз от эконома шторкой, то вдруг почувствовал, что попал в другой мир. Точнее, вернулся в знакомый ему мир: самолёт перевозил русских туристов. В салоне пахло перегаром и колбасными отрывками, табачным дымом и туалетом, — как в советском поезде, подумал Игорь с удовольствием. Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!

Его место находилось рядом с двумя кубинцами, которых можно было узнать не только по серой коже, но и бедной, выцветшей одежде. Оба устали в чёрный иллюминатор и не отрывали от него глаз. Вокруг же происходило красочное движение, которому не помешал даже взлёт. Бортпроводники дремали в задних

креслах — или делали вид, что спят, чтобы не пришлось усаживать бродящих пассажиров в ядовитых майках, тропических рубашках и цветастых бриджах. Через пару рядов впереди — мордатая компания, выставив сумку в проход, резалась на ней в карты. Ещё две компании пили, потчуют друг друга из пакетов дьюти-фри французскими коньяками, которые наливали в пластиковые стаканы и закусывали колбасой. Все это сопровождалось шумными перемещениями по салону, тостами, взрывами хохота и чоканьем. Курить ходили в хвост. Видимо, ребята подружились ещё на Острове Свободы. Не было, кажется, ни одного ряда кресел, где бы не двигались головы с жирными загривками и пергидрольными начёсами. По узким проходам туда-сюда сновали толстяки, с трудом расхаживавшие друг с другом. При каждом застревании животами начиналось братание, переходящее в возлияние. Один низкорослый толстяк в чёрной футболке с воющими на луну волками на пузе останавливался перед каждым креслом и грозно вглядывался в пассажира. Дольше всего он сверлил европейского вида пару, оба в экологических ветровках и очках — Игорь прозвал их про себя «скандинавы», вероятно, за светлые волосы. Непонятно, как они попали в этот вертеп: что им было нужно на Кубе и что нужно в Москве? Возможно, совершали круиз по руинам коммунизма. В своих креслах они сидели вытянувшись, лишь искоса поглядывая на происходящее вокруг броуновское движение. Когда же к ним подошёл этот хряк с волками, они вцепились в подлокотники и стали изучать карманы передних кресел с торчащими из них буклетами. «О, европейская земля, уже ты за шеломом!» — думал со злорадством Игорь.

Самолёт из Москвы до его родного города был ещё хуже, чем предыдущий: он весь дребезжал и ходил ходуном. Под протёртыми до дыр чехлами сквозили вытертые серые сиденья, грязь въелась в пожелтевший пластик на дециметр, ящики для сумок не закрывались и крышки качались над головами, как опахала. Пассажир впереди читал газету, Игорь безотчётно вглядывался и не мог понять, на каком она языке. «Ба, да это на русском!» —

осенило его: латинских букв больше не будет — наконец он дома. «Дома — вашу мать! Прилизанная, лицемерная Гейропа с её улыбками, запахом духов в сортирах, с предупредительными двухметровыми полицейскими, приторной филантропией на каждом шагу осталась далеко позади — здравствуй, настоящая жизнь без прикрас. «Да, она мне нравится, хоть и не красавица. Простая, грязноватая, суровая родина — ну, здравствуй! Как ты тут без меня?..»

В самолёте внутренних линий уже не аплодировали при приземлении. Игорь едва дождался своего бегемота на роликах, пока тот доедет по эллипсу карусели — нетерпение чуть не разорвало горло. А вокруг — настоящая зима с колким морозцем, перехватывающим дыхание, с сугробами по колено! «Это вам не ваш вери-кольд, гребаные айриши, это самый что ни на есть фокин рашен фрозен!» И всюду — спускался ли он по трапу, курил ли у выдачи багажа — с наслаждением вслушивался в русскую речь. «Ну, вот и всё: я дома. Через пару часов на тачке я окончательно буду дома. Жена завизжит от неожиданности и бросится на шею, дети будут распаковывать подарки, мать — глядеть и утирать слезы». Волны счастья одна за другой накатывали и накрывали его с головой.

На выходе из аэровокзала столпилась очередь, из всех дверей была открыта одна. На стуле перед ней сидел милиционер с автоматом на коленях в засаленном бушлате и шапке на затылке. В глаза сразу бросилась синяя в наколках рука, лежавшая на облезлом цевье, из нагрудного кармана торчала рация. Землистое лицо, но не как у кубинцев от холода, а скорее от палёной водки, — налитые брыла, отвисшая челюсть и мутные глаза, которые нагло оживились, как только встретились с его глазами. Мент тут же перевёл их на другого пассажира — вспыхнувшее в сердце беспокойство погасло. «Чёрт! Где они такие хари находят? Нет, всё-таки лучше ирландский полицаи, чем этот мент-урка». Люди шли мимо и показывали милиционеру паспорта, на которые тот почти не обращал внимания, — над свалившейся колтунами шапкой была приклеена к стеклянной двери бумажка «Внимание! Предъяви паспорт!». «Зачем паспорт при выходе? — подумал Игорь. — Ах да, у них же тут антитеррористи-

ческая операция». Мутные глаза скользили по очереди — и вдруг снова зацепились за него и также поехали скользить дальше, а рука потянулась к тангенте на лацкане. Игорь подкатил чемодан на роликах и раскрыл заграничный паспорт. И тут урка с автоматом вцепился глазами в его докет. Игорь подумал: «Чёрт, надо было показать внутренний пасс», — но уже беспрепятственно миновал последний кордон. Перетащил через пороги чемодан и покатил с легким сердцем по пустой площади в сторону перегоревших выезд бетонных блоков.

Нужно было пройти мимо кирпичного, с железными ставнями здания, чуть больше трансформаторной будки. Вдруг от его стены отделилась мышинная фигура, перечёркнутая чем-то древесно-воронёным у пояса, — вероятно, АКС, — голова мента склонилась набок и что-то отвечала в висющую, как аксельбант, тангенту. Игорь шёл, не глядя на него, но уже всё понял. Как-то сразу почувствовал себя голым на этой белой площади, в новой «мытой» дублёнке, с огромным бегомотом на привязи, с лэптопом через плечо. Такое же уркаганское, серое лицо, только худое, с дряблыми брылами, дохнуло перегаром.

— Предъявите паспорт, — сказал страж закона, глядя мимо мутными зелёно-коричневыми, словно слепленными из козюлек, глазками.

— Зачем? — Внутри у Игоря что-то оборвалось и полетело в пропасть.

— Проверка документов, — сказал милиционер, и тут же из-за угла показался ещё один, такой же серый, с землисто-пунцовым лицом, похожим на красную, пышущую энергией картофелину.

— У меня только что проверили на выходе из вокзала.

— Я откуда знаю: проверили или нет — у нас антитеррор!

Игорь достал снова свой паспорт, мент почти выдернул его из руки и не глядя засунул в карман. Мелькнула мысль: «А, ерунда — другой куплю...»

— Пройдёмте...

— Вы паспорт проверьте, — попробовал он заикнуться.

— Пошли, чё, препираться будем? — зашипел сбоку второй милиционер, тоже перечёркнутый автоматом.

— Да пожалуйста... — Мятная слабость потекла от сердца к рукам и ногам, перехватила горло.

Завели в обшарпанную комнату с несколькими столами. Воняло здесь табаком и кислятиной. Откуда-то появилось ещё несколько мышинных фигур, среди них белёсый старший лейтенант с белыми волосками на раздвоенном кончике носа. Все терпеливо смотрели на Игоря, лейтенант пощипывал волоски на носу, в пощипывании этом читался приговор. Сесть не предложили, — может, все-таки скоро отпустят... Он стоял по одну сторону стола, старлей — по другую.

Первый мент протянул паспорт лейтенанту, тот раскрыл и сравнил с Игорем.

— А наш российский паспорт у вас есть? — «Ща! Я вам ещё внутренний пасс отдам!..»

— А это что, не российский?

— Ладно... — опустил руку с паспортом. — Валюта есть? — «Ну правильно — чего церемониться — сразу быка за рога!..»

— Есть немного... — Он где-то читал или слышал, что лучше в разговоре с представителями закона говорить правду, но не всю.

— Покажите.

Чёрт, она же у него вся в трусах: несколько прищипленных к резинке женских «следиков», которыми снабдила его перед отъездом жена. Бросило в жар, стало страшно неловко: как же он будет при незнакомых людях расстегивать штаны и доставать из трусов деньги — словно куркуль какой-нибудь. А не достанешь — обыщут: и что тогда?.. Странное чувство: тебя грабят — а тебе стыдно, что деньги в трусах зашиты... И всё равно еще теплилась надежда, что это всего лишь проверка. Начал расстегивать джинсы — и остановился...

— Может, не надо?..

— Надо, Вася, надо!.. — проговорил с блатной интонацией краснолицый.

— Зачем?

— Должны мы проверить: поддельные они у вас или нет?

— А как вы определите?

— Отправим на экспертизу.

«Нет, не проверка — грабят: отправят — себе в карман!.. Эксперты, вашу мать!..»

Дикое отчаяние забило в сердце, выдавило остатки стыда: «Всё, плакали мои трудовые денежки...» Прошиб жгучий пот; глупо, преда-

тельски задрожали руки, когда расстёгивал английские булавки, выворачивал следики и доставал зелёные, розовые, голубые пачки... Лучше было спуститься в подвал того бутика с тремя грациями и просадить всё там... Его действия, однако, не вызвали в присутствующих никакой реакции: все отнеслись с пониманием. В процессе появления денег главный вёл допрос: откуда прибыли, чем занимались за границей, сколько получали...

— Вы не беспокойтесь, мы вам расписку дадим, что валюта изъята на экспертизу... — Может, это все-таки обычная проверка? — проклятая надежда, о которой писал ещё Солженицын, лишаящая зэка сил к сопротивлению.

— Я их в банке купил — у меня чеки имеются... — последняя попытка схватиться за соломинку их совести. Достал из бумажника чеки — старлей без энтузиазма развернул один из них и возвратил Игорю. Чеки вернул, а юро, баксы и стёрлинги выложил возле себя на столе тремя стопками — и не побрезговал из чужих трусов взять! Деньги не пахнут...

— В каком, в российском банке?

— Да почему в российском? В ирландском...

— Не-е, чужим банкам мы не доверяем!..

«Ага! Своим, значит, доверяете — ну-ну...»

— Откуда мы знаем, что тут написано?

«Товарищ старший лейтенант, вы же в школе, наверно, английский учили: «Who is on duty today?»¹⁵ Всех матери старались устроить в класс с английским языком: вдруг в жизни пригодится...»

— Давайте я вам переведу...

— Отведите его в комнату для досмотра.

Нет, он был не прав: это — проверка-ограбление, такой отечественный жанр — заодно и проверить ...

— Какого досмотра?! Я же вам всё показал...

— Может, у вас еще что запрещённое есть?..

Игорь оглянулся: деньги, чемодан, laptop сиротливо прощались, словно с приговорённым... Ещё где-то он слышал или читал, что следует грабителям отдавать всё ценное, чтобы не лишиться здоровья или даже жизни.

В другой комнате с одним облезлым столом два суровых стража порядка предложили выложить всё из карманов. Того, с серыми морщинами, что преградил ему путь на площади, сра-

зу привлекло портмоне. Опытными руками стал извлекать и раскладывать на столе разные бумажки, тщательно расправляя и читая их. Рубли пересчитал и сложил отдельной стопкой. И вдруг — он совсем забыл про него — достал старый бейджик с какой-то вшивой презентации, полученный обходным путём, где было сказано, что Игорь — член некоего занюханного союза журналистов, о котором сам он ни слухом ни духом... Просто валялся в бумажнике на всякий случай — и вот этот великий случай настал... В распростёртом на лопатках борце вспыхнула надежда на победу. У него в пересохшем горле даже что-то перевернулось:

— Я, кстати, являюсь спецкором регионального информагентства... (Какого агентства — куда его несло?! — но инстинкт подсказывал, что так круче.) У меня много друзей среди московских журналистов...

Господа, это было время, когда журналистов еще называли четвертой властью! Бдительный страж взглянул внимательными козюльками и с липовым бейджиком ушёл в соседнюю комнату. Его подручный перестал потрошить пачку сигарет, в которой искал, наверно, поддельную валюту. Неужели сработало?..

Первый вернулся без бейджика и велел складывать всё в карманы. Они вывели Игоря назад в большую комнату. Валюты на столе не было (уже, видимо, отправили — оперативники!), но компьютер лежал на прежнем месте. Щуплый сержант что-то торопливо запихивал в пасть его чемодана. В руках у старлея был бейджик, он искоса, пощипывая волоски на носу, взглянул на Игоря.

— Так кем вы работали за границей?

— Дженерал оперэтив.

— Это что такое?

— Ну... Дженерал значит генеральный, а оперэтив... э-э, операционист. Что-то вроде главного пресс-атташе одной большой компании... А так являюсь действующим спецкором госинформагентства, у меня много влиятельных друзей среди московских журналистов на ведущих телеканалах...

Старлей похлопал бейджиком по круглому ногтю большого узловатого пальца, вставил его в паспорт и протянул Игорю.

— Хорошо... — произнёс он задумчиво.

В сердце Игоря заиграл большой симфонический оркестр «Оду к радости». Милиционер выдвинул ящик стола и выложил перед ним все три пачки вражеских купюр. (Игорь оценил их высоту: нет, еще не успели провести «экспертизу» — все вроде на месте.) С внутренним сопротивлением придвинул к нему:

— Забирайте...

Пока он распахивал хрусты по карманам, лейтенант испытующе смотрел в лицо, — очевидно, придумывая завершающую фразу.

— Ну, хоть компьютер ваш покажите, что ли, — с доброй, примирительной улыбкой попросил старлей.

— А это — пожалуйста...

«Смотрите, товарищ лейтенант, и вы, товарищи менты, смотрите, — он раскрыл перед ними лэптоп. — Можете даже нажать вот эту кнопку: он работает без рЕзетки — вы такого никогда не видели, разве что в американских фильмах. Ну всё, сеанс окончен: прикоснулись к красивой жизни и хОрэ...»

В расстёгнутой дублёнке, весь в мыле, с лэптопом через плечо и бегемотом на привязи, не веря своему счастью, он, как тот заяц, чуть не угодивший под колеса его велосипеда, вдруг вырвался на простор площади. Подстёгиваемый безудержным ликованием, уже в сумерках Игорь почти бежал по направлению к автобусной остановке: лица бомбил, крутящих ключами возле

помятых «шестёрок», не внушали ничего, кроме любви к общественному транспорту...

И уже сидя на драном сиденье автобуса и глядя в темноту окна: «Ну, здравствуй, родина-мать!.. Вот я и дома, теперь уже точно — дома...»

Из чемодана исчезли две бутылки виски и линжери, поэтому жена осталась без подарка. «Товарищ сержант, досматривавший бегемота, неужели вы думаете, что эта субтильная тряпка налезет на вашу суженую? Или вы для себя брали?...» Хотя, может быть, он возводит напраслину на честных блюстителей закона: бельё просто выпало в спешке под стол и никто не заметил...

Примечание

- ¹ От «дженерал оператив» — англ. разнорабочий.
- ² Refrigerating plant — хладокомбинат.
- ³ Сокращенное от «Патрик Джеральд».
- ⁴ Бучер — мясник.
- ⁵ Трук — грузовик, здесь — фура-рефрижератор.
- ⁶ Белый.
- ⁷ Продавец.
- ⁸ Это ошибка. Простите.
- ⁹ Интересуетесь бельём?
- ¹⁰ Наверно, мы можем вам помочь...
- ¹¹ Здесь: стриптиз-клуб.
- ¹² Бельё.
- ¹³ «Из России с любовью».
- ¹⁴ «В Россию с любовью я лечу от вас».
- ¹⁵ Кто сегодня дежурный?

Тимофей ЮРГЕЛОВ —

прозаик, драматург, поэт.

Лауреат национальной премии «Заветная мечта» (2009),

победитель Омской лаборатории современной драматургии (2012),

вошёл в шорт-лист

Конкурса конкурсов «Новая пьеса»

на «Золотой маске» (2013) и др.

Живёт в Омске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

Вадим ИЗМАЙЛОВ*г. Петрозаводск*

Тысячу раз брался я писать о своей поездке в США, но только вопрос знакомой, адвоката, стоит ли ехать в США изучать их правовую систему, подвиг меня довести начатое до конца. Сколько мог, я убедил её воспользоваться случаем и своими глазами увидеть, как люди, удивительно похожие на нас, россиян, и бывшие не в лучших, чем в России, условиях, смогли организовать совсем другое общество, выработать вовсе не похожее на отечественное мировоззрение. А что касается правовой системы, то поразительным образом совместить и применить на практике обывательскую, бытовую философию с высокими достижениями мировой юридической мысли.

Итак, я, простой российский милиционер, благодаря рекомендации некоммерческой организации «Проект «Гармония» в 2002 году получил приглашение посетить США в рамках проекта «Открытый мир». Меня включили в одну из восьми делегаций, отобранных по всей России из учителей, врачей, юристов, работников культуры, защиты окружающей среды, муниципальных служащих. Группы специалистов по четыре человека каждая распределялись по разным штатам США, где им предстояло окунуться в сферу профессиональной деятельнос-

ти американских коллег. В отличие от других, юристов набралось аж две группы. Тут и помощник судьи Высшего Арбитражного суда РФ, мировой судья, прокурорские работники, юрисконсульты известных российских и международных корпораций, учёный-юрист из аппарата Администрации Президента РФ. Было от чего милиционеру потеряться в компании «сильных мира сего». Общим составом мы отправлялись в Вашингтон, откуда после вводных экскурсий делегациям предстояло вылететь в места основного пребывания.

Нас встречает Вашингтон

Американская земля обдала нас горячим влажным ветром, на котором до горизонта, сколько хватало глаз, развевались звёздно-полосатые национальные флаги. «Русские»?! Таможенные полицейские, улыбаясь, раздвинули перед нами заградительный барьер. Проходите, проходите смело! Спешно забравшись в автобус, где прохлада кондиционеров избавила нас от непривычного обжигающего воздуха, едем в отель.

В холле отеля, ослепев от длительных перелётов, смены часовых поясов и удущья местного кли-

мата, мы вяло слушали первые уроки «демократии», озираясь на ожидавший нас шведский стол. Увы, американская кухня разочаровала, добавив к дискомфорту чувство перебитого голода. Раздираемые любопытством, мы тем не менее к вечеру выбрались из отеля на экскурсию. Жаркий влажный климат быстро изматывал, но сознание возможности пройтись по американской земле, может быть единственный раз в жизни, удваивало силы.

Вечерний Вашингтон куда многолюдней дневной американской столицы. Улицы и кафе кишат туристами и отдыхающими служащими. Скамейки парков, лужайки и ступени государственных учреждений оккупированы ужасными бомжами, кидающимися на прохожих с требованиями денег и проклятиями. На крыльце министерства финансов США вплотную к Белому дому спал нищий. Его покой оберегал полицейский. «Он тут ночует часто, законов США и округа Колумбия не нарушает, утром тихонько уйдёт», – объяснил страж порядка.

Стоит ветхая палатка и напротив самого Белого дома. Многие годы там живёт пожилая женщина, выражая так протест против всех президентов США. Однажды, устав от репортёров, она подала жалобу в суд, по решению которого снимать её жилище репортёрам запретили, и палатка пенсионерки никогда не попадает в теле- и фотосюжеты о Белом доме. Вблизи же выставлен полицейский пост, охраняющий право женщины свободно выражать свою волю.

Свернув из центра, мы окунаемся в безлюдье. Подворотни уводят нас в какой-то парк, на окраине которого одинокий прохожий из местных советует не ходить за ограду: там сборища наркоманов и молодёжных банд. И это в миле от Белого дома! Возвращаемся в центр мимо станций метро, у входа в которые стоят метровые фигуры слонов и ослов, символов двух основных политических партий в США, с нарисованными на боках схемами метрополитена.

Умеренное дорожное движение прерывается воем полицейских и пожарных машин, как в голливудских фильмах. Мчатся такси, водители сплошь чернокожие и индусы. Культура вождения завидна: водители пропустят пешехода где угодно, иди хоть на красный свет. Кто-то забредает в пивной бар и восторженно сообщает остальным, что нашёл там нашу «Балтику». Хочется сфотографировать всё на память, но запас плёнки иссяк, и мы заходим в полуподвальную лавку возле Белого дома. Хозяин не глядя скидывает цену при условии платы наличными и отказа от чека.

Надолго нас не хватает. Мы добредаем до отеля, где без сил, опять же из любопытства, спускаемся в

бассейн. Вода вровень с тротуаром, через стеклянную стену мы переглядываемся с прохожими. Вскоре служащая мексиканка вежливо, но твёрдо объявляет о закрытии бассейна. Стоило торопиться: двери помещения закрывались автоматически замком с таймером.

В номере, перед тем как упасть на уютные кровати, мы заглядываем по углам. Шикарно и практично, внимания стоили и томики Библии в тумбочках. Перелистав пару страниц, мы забываемся.

Утро дарит дивным светом... Подъём ни свет ни заря, всюду надо успеть, а в Штатах время – деньги. Бизнес-традиции суровы: опоздание на пять минут компрометирует репутацию, на десять минут – представляете письменные извинения с указанием уважительных причин опоздания, на пятнадцать – получаете иск в суд с требованием оплаты работы ожидавшего персонала. Гиды сетуют, что российские делегации хлопотны именно из-за неорганизованности. Ну да мы не подводили.

Бегом в ресторан на плотный американский завтрак с неизменными хлопьями с молоком, ветчиной и яичницей, блинчиками, фруктами, соками и кофе. Всего много, обжорно, но... невкусно. Жуём, глядя на зарядку потеющих постояльцев в спортзале; нас разделяет лишь стеклянная стена.

Мчимся в Библиотеку Конгресса США, принимающую организацию, мимо Ботанического сада, одного из крупнейших в мире, знаменитого отеля Уотергейт, Колонны Линкольна, на полутораэтаметровую вершину которой до недавнего времени можно было подняться только по лестнице и только мужчинам, мемориалов Бенджамена Франклина и Авраама Линкольна. Вашингтон сразу понравился всем, скромный и уютный город, умело обставленный достопримечательностями.

Библиотека встретила плотной охраной у входа. Сразу после 11 сентября 2001 года подъезды всех федеральных зданий оборудовали металлодетекторами, рентгеновскими аппаратами, на входе несколько полицейских и сотрудников службы безопасности, жесткий «фейс-контроль». Охране позволено досмотреть любого вплоть до нижнего белья, независимо от пола. Досматривали тут же, при всех¹. Когда сняли штаны с нашего гида, было забавно, но смотреть на досмотр женщины, работника Высшего Арбитражного суда РФ, было уже не смешно, её заставили снимать даже чулки. Не знаю почему, но эта маленькая скромная женщина ещё не раз вызывала подозрение охраны федеральных зданий и аэропортов.

В залах Библиотеки нас встретили служащие Конгресса, чьи должности нас поразили: лоббисты. Изучая в своё время устройство Армии США,

я удивлялся, как оригинально в Штатах превращают человеческие пороки в достоинства системы. Вот и тогда мы познакомились с тем, как неизбежное стремление определённых групп повлиять на законодательную власть было публично признано, узаконено и поставлено в управляемые, контролируемые рамки. Выслушав лекцию и получив наставления на предстоящее знакомство с разными сферами жизни в конкретных штатах, мы отправились осматривать город при дневном свете.

Мне запомнился памятник погибшим в корейскую и вьетнамскую войны возле Мемориала А.Линкольну. На гранитных плитах высечены имена десятков тысяч солдат. Завидно, как чтят американцы своих павших граждан, а мы не то что имён, даже количества убитых и раненых в Чечне не знаем, а озвученные цифры потерь вызывают сомнение. Тропа к памятнику не зарастает, много здесь туристов, родственников и однополчан павших, это видно по запискам, которые они приклеивают возле имён на камнях.

Недалеке сувенирный киоск, доходы которого идут на уход за парком и помощь ветеранам. Любитель военной истории, я заметил лоток с военной атрибутикой США. На жилетке седого продавца был значок чрезвычайно популярной в США общественной организации «POW.MIA»². Он ветеран Вьетнама, деньги от продажи идут в фонд организации. Рад встрече с русским, подал руку, узнав, что я бывший военный, был в Чечне. Интересуется, есть ли подобный мемориал воинам – афганцам и «чеченцам» в России, и есть ли аналогичная их «POW.MIA» организация в России. К сожалению, мне нечего ответить.

Предложил бесплатно сфотографироваться в офицерской шляпе времён Гражданской войны (для всех пять долларов). Я купил знак участника боевых действий военнослужащего США. Серебряной фузеей на голубом эмалевом фоне в дубовом венке, одним из самых почётных знаков в Армии США, награждается каждый, побывавший в бою, пусть просто пролежавший под обстрелом. Ветеран объяснил, что без знака не стать ни полковником, ни даже дивизионным сержантом. Он уверен, что такой знак могут носить и я. На память подарил знак участника вьетнамской войны для ВМФ США. Тепло прощаясь, ветеран вдруг отдал мне честь, я ответил ему тем же, нарушив российские уставы³. С тех пор я всегда высматриваю того ветерана и его палатку, когда по телевидению показывают Мемориал А.Линкольна.

Находим рядом полицейский патруль. Запуганные гидами тем, что к полицейским лучше не

подходить, всё же пытаемся с ними сфотографироваться. Иду на них, поднимая руку, как школьник: «Офицер! Позвольте обратиться?» Патрульные в восторге, они с удовольствием соглашались. Исподволь оглядел их амуницию: на поясе навешано много нужного в работе, но пояса свисают от тяжести, выпуская наружу рубашки и оголяя спины, придавая офицерам не самый опрятный вид. Один интересуется, кто мы. Представляюсь, говорю, откуда приехал. Слово «Карелия» ничего патрульному не говорит, но, услышав, что это на границе с Финляндией, он внезапно смеётся и кричит мне: «Врёшь! Ты не полицейский, ты – пингвин!» Шутка всем нравится, с чувством юмора у янки всё в порядке. С географией хуже, объясняю, что пингины живут не на Севере, а на Юге (в Антарктиде). Пингины? На Юге? Смеются ещё больше.

Гейнзвилл

Основным пунктом пребывания нашей группы юристов был городок Гейнзвилл, штат Флорида (с ударением на первом слоге, как оказалось). В Соединённых Штатах девять городов с таким названием. Город назвали в честь генерала федеральной армии, пришедшего с войсками пару столетий назад в эти места, чтобы очистить их от индейцев. Гордое и непокорное племя семинолов активно сопротивлялось пришельцам, но было физически истреблено. События известного романа «Оцеола, вождь семинолов» происходили именно в данной местности и связаны с именем жестокого генерала Гейнзвилла.

Позже, во второй половине XIX столетия, через форт пролегла железная дорога, нёсшая в те времена немалое оживление станциям, превращая захудалые деревушки в процветающие города. Во времена Гражданской войны Гейнзвилл служил важным стратегическим пунктом армии Конфедерации. Здесь находились главные склады и арсеналы армии Юга, пролегла последняя линия обороны южан. К сожалению, раненые в большинстве умирали в скопище госпиталей от недостатка медицинского обслуживания, от сурового субтропического климата и малярии, разносимой мириадами москитов с окрестных болот.

В спокойные времена в городе основали Университет штата Флорида. Он входит в число 50 сильнейших университетов мира и в десятку лучших вузов США. Университет расположился в тихом уютном населённом пункте, в знаменитой «одноэтажной Америке». Тысяч не то 40, не то 60 коренного населения ежегодно развлекались таким

же количеством студентов, отчего численность городка оценивалась примерно за 100 000. Поразительно, но ни в мэрии, ни в полиции не знали даже примерную численность населения города. В период летних каникул город пустел, а с началом семестра, как шутили полицейские, в Гейнзвилле появлялось 40 000 наркодилеров.

Раскинувшийся на большой площади Гейнзвилл устроился среди болот и сосново-пальмовых лесов. Последнее чудно было видеть российскому взору: родные и банальные сосны по-братски соседствовали с недюжими пальмами, которые, словно заботливые слуги, обмахивали матовые стволы густыми раскидистыми листьями, защищая от жары и сметая вредителей. Топкие флоридские болота сохранили свой первозданный вид. В заболоченных ручьях, протекавших в городских парках, до сих пор водятся аллигаторы. Лишь отсутствие москитов создавало иллюзию мелиорации. На самом деле специальная техника по ночам обильно орошала местность репеллентами.

Рептилии придают городу определённый колорит. Они и сувенирному делу служат, туристов привлекают, и даже медикам работы подбрасывают. Парковые тропинки, идущие вровень с водой, уставлены удивительными табличками: «Аллигаторов с рук не кормить». И нигде «Осторожно, аллигаторы»! Кто-то додумался сосчитать нападения аллигаторов на человека с начала XX века, к нашему приезду накопилось 99 случаев. И при нас произошло сотое нападение!

Служащий парка, убиравший прибрежный участок, полез в воду за упавшим инструментом, да ненароком попал рукой в пасть аллигатора, почивавшего в мутной воде. Инстинктивно рептилия сомкнула челюсти и рванула в воду... Пострадавшему ампутировали предплечье, а аллигатора локализовали в участке воды и прикончили. Для города случившееся было поистине печальной сенсацией, затмившей иные мировые новости.

Как и подавляющее большинство западных городов, Гейнзвилл с российской точки зрения городом назвать было трудно. Да, население соответствует, но планировка!.. Состоящие из нескольких самоуправляемых микрорайонов-коммун, соединённых друг с другом многокилометровыми шоссе с удалёнными административными центрами, американские города не шли ни в какое сравнение с российскими. Пролетая над Атлантой, столицей штата Джорджия, мы любовались группой небоскрёбов, административным центром, откуда, как паутина, тянулись дороги к обширным одноэтажным районам, «одноэтажной Америке». По сравнению с площадью меньшего

из них, фешенебельный центр выглядел как спичечный коробок на фоне обеденного стола. Одним городом всё это скопление с российской точки зрения было назвать трудно. Таков и Гейнзвилл, только без небоскрёбов. При известном удобстве это вынуждало принимать некоторые дополнительные усилия. Так, городок охраняют 18 пожарных частей (3 на 200-тысячный Петрозаводск) и, по меньшей мере, пять полицейских участков. Как и везде, три суда: округа, штата и федеральный, тюрьма и... аэропорт. А дорожная сеть города вынуждает местных автовладельцев едва ли не ежедневно пользоваться картой дорог.

К слову, о дорогах. Многие идут вровень с болотистой равниной, едва возвышаясь над водой. Машины шли подчас словно по воде. На асфальте – ни трещинки, ни промоин. Конструкция дорог удивляла продуманностью. К примеру, ширина полос и радиус поворотов идеально рассчитаны на тот вид транспорта и ту скорость, которую предписывали знаки. Разделительные полосы всех дорог вымощены металлическими выступами с люминесцентными отражателями. Вмонтированные через метр, они создают вибрацию при выезде за пределы своей полосы, служа дополнительным сигналом опасности водителям. Уже в Вашингтоне мы заметили, что даже усыпанные паутиной трещин уличные трассы идеально отремонтированы и ровны. Количество же дорог, казалось, гораздо больше числа машин в этой стране.

Разношёрстное население городка кроме коренных американцев до второго поколения представляют переселенцы первого поколения, в том числе и русские. Говорю русские, поскольку раз ты из бывшего СССР – значит, русский. Так и живут «русскими» азербайджанцы, украинцы, армяне, казахи, евреи и, разумеется, сами русские. Приезжие быстро и с охотой втягиваются в неспешное русло местной жизни и без особых хлопот находят себе применение. По крайней мере, не слышно о случаях попрошайничества или безработицы среди мигрантов из России.

В Гейнзвилле принимала нас группа американских граждан, оказывавших содействие программе «Открытый мир». Организаторами встречи стали Наташа и Стив Калишманы, местные адвокаты. Наташа – эмигрантка из России, бывшая помощница прокурора Одессы. Раскрепощённая, утончённая и чуть циничная, она производит неизгладимое впечатление на собеседника. Лицо её мне чем-то напоминало портреты Анны Ахматовой. Приехав в США, она не доволь-

становалась ролью домохозяйки, но с жаром взялась за изучение английского языка, окончила школу права и успешно практиковала в качестве семейного адвоката. У Стива и Наташи в Америке родилась дочь.

Близкие друзья Калишманов – семейство бывших одесситов, муж с женой, их дочь с молодым мужем и маленьким сыном. Они эмигрировали уже с «незалежной» Украины. Работу нашли быстро. На родине их мало что держало, ибо бывший офицер КГБ после развала Союза выбрал в качестве новой родины Украину. Ничего, кроме притеснений и оскорблений в адрес «москаля», он не слышал. Россия же граждан «иностранных государств» на службе в ФСБ не восстанавливала.

В качестве принимающих нас семей выступали и коренные американцы, в основном пенсионеры и состоятельные специалисты. Из-за отсутствия свободного времени с некоторыми мы так и не увиделись, жившие у них члены делегации встречали их лишь перед сном, доставленные по домам после дневной программы визита.

Лично я попал в почтенную семью Патрисии и Карла Эшли. Пятидесятилетняя пара инженера, специалиста по охране окружающей среды, и врача-терапевта полна жизненной энергии и находит удовольствие и способ послужить своему отечеству, принимая иностранные делегации. Как могли, они способствовали «экспорту» демократии и очень этим гордились. Карл имеет давние американские корни, а Патрисия – дочь эмигранта из Германии, внучка одного из ближайших соратников Карла Маркса, в детстве она слышала много рассказов от деда о легендарном философе-социалисте.

У обоих были дети, кажется, три дочери у Патрисии и два сына у Карла. Все они были от прежних браков. Карл не общался со своими сыновьями, старший был слишком занят своей работой, а младший вопреки мнению отца женился на женщине, которая была гораздо его старше, и усыновил троих её детей. Характерами свёкр с невесткой не сошлись. Дочери Патрисии жили также в разных концах США. Лишь младшая, двадцатилетняя студентка Университета Флориды, жила неподалёку. Раз в неделю она виделась с матерью, когда по субботам приходила убирать дом Эшли за 20 долларов в час.

Именно с рассказов этих людей, посвятивших нам своё время и внимание, началось наше основное знакомство с Америкой и, в частности, с её правовой системой.

Юридическое сообщество

Стив и Наташа часто упоминали термины «advocate», «lawyer», «defender», «адвокат судьи», «адвокат прокурора» и пр. Такой винегрет российскому юристу без комментариев было не осилить.

Чтобы называться юристом, «lawyer», сначала надо окончить двухлетнюю юридическую школу при университете, «law school». Затем, после годичной интернатуры (практики), сдать экзамен в лицензионной комиссии ассоциации адвокатов. Прошедшему испытание выдаётся лицензия на право самостоятельной юридической практики, такой юрист становится «advocate» и зачисляется в ассоциацию адвокатов округа или штата. Вышел из ассоциации – потерял лицензию.

Без лицензии ни один «lawyer» не вправе дать даже юридический совет. Лицензиат, по сути дела, является адвокатом в нашем, российском, понимании, вдобавок он имеет права нотариуса, юрисконсультанта. Если в ходе интернатуры юрист специализировался на уголовном праве, а после получения лицензии выступает адвокатом по уголовным делам, то его ещё называют защитником, «defender». Несколько лет практики позволяют адвокату баллотироваться в судьи или прокуроры.

Ассоциация адвокатов – это общественная профессиональная организация всех юристов округа, в том числе прокуроров и судей. Адвокат обеспечивает защиту не конкретного лица или охраняемых законом интересов общества и государства, а права как всеобщей категории, производной сущности от Конституции США. В этом смысле все юристы выполняют одну работу, служат одной цели, поэтому считается, что судья или прокурор это специальная должность, а профессия у всех юристов одна – адвокат.

Открытие было сколь простое, столь и поразительное, ибо на уровне мировоззрения, внутреннего понимания природы вещей юристы осознают, что являются коллегами, товарищами и выполняют общую для всех задачу. Поэтому правила ассоциации обязательны даже для судей. Общегражданские ценности, переплетаясь с юридическими нормами, рожают весьма удивительные плоды.

К примеру, американцы активно участвуют в общественной жизни, то есть занимаются какой-то неоплачиваемой работой. Многие хотя бы раз в неделю после работы или в выходной день спешат в клуб, в общественную приёмную, в больницу, детский приют, чтобы пару часов словом или делом помочь нуждающимся. Уклонение от общественной жизни считается дурным тоном и может испортить имидж любого человека в глазах общества, о поли-

тической карьере тогда и вовсе не может быть речи.

Ассоциации адвокатов по-своему интерпретировали эту традицию общества. Каждый адвокат должен хотя бы четыре часа в год бесплатно оказывать юридическую помощь⁴. Ну, а если это судья или прокурор, то приветствуются бесплатные публичные лекции, консультации студентов, публикации статей и пр.

«Штрафных» санкций к пассивным членам ассоциации нет, как не существует писаного правила об участии в общественной жизни. Но в офисе ассоциации висит стенд, на котором напротив каждой фамилии указано, что он сделал за год за плату, а что – по зову сердца. В конце года на общем собрании отстающим «ставят на вид», на лобном месте вывешивают позорящий плакат и пр. Лицензии не лишают, но помимо «промывки» мозгов портится карьера: в прокуроры или судьи такому адвокату дорога заказана, а апелляция такого адвоката в суде к недостаткам оппонента немедленно будет парирована ответом в духе «на себя посмотрите!». Пара проигранных процессов насторожит любого клиента, и тогда – конец практике.

Наташа призналась, что неизменно числится в списках «отстающих». Однако, по её убеждению, к ней относятся предвзято по причине российского происхождения. С исконно русским упорством она отстаивала свою позицию: безвозмездное участие в проекте «Открытый мир», организация программы посещения США иностранными юристами, их проживание в её собственном доме, досуг и методическое обеспечение – чем это не общественная работа. Работа, да ещё какая, к тому же для неё это немалые расходы. Но по каким-то причинам с ней не спешат соглашаться.

Федеральный суд округа

— All right⁵! Его Честь достопочтенный судья! – с такого громкого объявления началось знакомство с американской судебной властью. В зал судебного заседания с пафосом вошёл в традиционной судейской мантии темнокожий представительный мужчина средних лет, весь вид которого выдавал его профессию.

Первоначальная строгость и некоторая надменность вмиг сменились непринуждённостью. Судья поприветствовал нас, снял мантию и радушно вышел к нашей аудитории. Фигуру судьи заслонял не отходивший ни на шаг судебный маршал, неодобрительно оглядевший группу и недвусмысленно распахнувший полы пиджака, чтобы каждый увидел рукоятку большого пистолета за поясом.

Как и при всех предыдущих и последующих

встречах, судья общался с нами как мессия, словно наверняка знал, что нам неведомы даже азы американской демократии и права, снисходительно растолковывая нам функции правосудия. Сначала нас это забавляло, затем корбило, под конец – злило.

В чём мы действительно были дилетантами, так это в институте присяжных: Большое жюри (Grande Jury) и суд присяжных (Trial Jury). Аналога Большому жюри в России нет, в его задачу входит вынесение решения о том, стоит ли дело того, чтобы передать его в суд (что в России возлагается на прокурора). И если у нас в стране прокуратура до недавних пор фактически совмещала функции расследования, надзора, обвинения, то американские «просекьюторы» занимаются исключительно расследованием и поддержкой обвинения в суде. По окончании расследования прокурор передаёт дело Большому жюри, по ряду дел решение о передаче дела в суд принимает помощник судьи, сопровождающий материал с момента предъявления обвинения лицу. Если обвиняемый в полном объёме согласен с обвинением, то дело передаётся в суд немедленно без всяких согласований. Решение о передаче уголовного дела в суд в компетенцию американского прокурора не входит.

Большое жюри – закрытое мероприятие. В присутствии 16-23 присяжных прокурор без свидетелей, судьи и адвокатов подозреваемого представляет собравшимся собранные доказательства. Составы Большого жюри и суда присяжных разные. Любой избиратель, может быть выбран присяжным. Статус присяжного не ограничивается законом. Требование Конституции США «Все равны перед законом» трактуется буквально. Судебной практике известны случаи, когда присяжными были судьи из состава суда, где слушалось дело, местные полицейские, участвовавшие в разоблачении преступника, священники, принимавшие исповедь обвиняемого, друзья и родственники потерпевшего, жертвы аналогичных преступлений и т.д.

Понимается американцами это так, что, когда человек отправляет свои профессиональные обязанности, он связан сводом профессиональных и корпоративных норм. Индивидуальное же мнение удаётся выразить не всем и не всегда. Статус присяжного даёт гражданину возможность рассуждать свободно от корпоративных предрассудков, создавать новые прецеденты и менять законы. Тем самым наиболее полно соблюдаются права граждан на свободу слова, мысли, избирать и быть избранными, участвовать в управлении государством, ведь вердикт присяжных это фактически закон, а законы и создаются, чтобы управлять.

Права присяжных гораздо шире, нежели в рос-

сийском правосудии. Вердикт присяжных не только определяет виновность-невиновность обвиняемого, но и может содержать новую квалификацию деяния. На наших глазах присяжным предстояло определить, имело ли место умышленное убийство 11-месячного ребёнка сожителем его матери либо подсудимый имел умысел на причинение ему телесных повреждений с целью заставить его не плакать (сожитель непутёвой молодой мамыши с силой тряхнул ребёнка, чтобы он замолчал, пока его подруга ходила в магазин за детским питанием, в результате у малыша оказалась сломана шея). Вердикта мы не дождались: вопрос занял у присяжных много времени, а ограничивать его никто не вправе. На памяти принимавшего нас судьи самый большой срок обсуждения вердикта присяжными занял пять недель.

Совещание присяжных для американцев имеет магическое значение. Их изолируют от внешнего мира, снабжают всем необходимым, поселяют под охраной с одной целью: не зная мнения общественности, исходя лишь из внутренних убеждений, вынести решение. Дороговизна и трудоёмкость содержания присяжных привели к тому, что по незначительным делам присяжные ходят в суд как на работу, а перед уходом после очередного совещания домой предупреждаются судьёй о воздержании от просмотра СМИ и обсуждения судебного разбирательства с кем бы то ни было.

Общение с присяжными своего рода искусство, попробуйте-ка публично убедить в своей точке зрения двенадцать незнакомых людей строго оговорёнными методами. Зал судебных заседаний оборудован системой представления доказательств: магнитофоны, компьютеры, диапроекторы и... столы, доски с мелом и указки. Суд без наглядного представления и обсуждения доказательств просто невыносим. Даже если в деле имеется микроскопический волосок, его изображение выведут присяжным на большой экран, и только после его публичной демонстрации судья принимает решение о принятии предмета в качестве доказательства. Активно внедряется реконструкция событий с помощью кинематографа или компьютерной графики. Если запустить туда наших прокуроров, скучно и нудно зачитывающих вслух обвинительное заключение без демонстрации доказательств, их попросту вытолкают на улицу как провинившихся школьников.

Много мудрого и в конструкции здания суда. Планировка судебного зала непременно предусматривает отдельный вход в зал суда для судьи, отдельные помещения для свидетелей, которые не сидят, как в России, в общем коридоре, не сго-

вариваются и не подслушивают, что собираются сказать другие. Несколько служебных выходов позволяют скрытно ввести и вывести свидетеля, личность которого охраняется правосудием. Как и в России, в США судья, прокурор и адвокат не могут общаться до суда по делу. Американцы, поняв когда-то, что общения не избежать, узаконили эти встречи, создав совещательные комнаты в суде, где только и возможны переговоры, но обязательно участие трёх участников. Узнать, был ли кто-нибудь в совещательной комнате, труда не составляет: перед входом сидят два клерка, потенциальные свидетели, а сам вход и комната круглосуточно находятся под видеонаблюдением, как и все помещения суда. По требованию сторон запись представляется в суд. Это только в России прокуроры и адвокаты бегают в кабинет судьи «чайку попить» за полчаса до суда.

Статус судьи не пустые слова: даже в быту граждане обращаются к судье «Ваша честь» или «Достопочтенный судья». Апартаменты судьи поражают воображение: роскошные мебель, отделка, удобства и оргтехника – всё призвано не только облегчить работу судьи, но и подчеркнуть его особое положение.

Наше внимание привлекла небольшая трибуна по правую руку от судейского стола. Принимавший нас судья пояснил, что это место помощника судьи. Им является специалист в области права, своего рода адвокат судьи. Исторически судьи в США избирались, назначались лишь федеральные судьи – президентом, а судьи штатов – губернаторами. Но и назначению предшествовали выборы, сначала двух кандидатов, затем президентом или губернатором – одного из этих двух. Выбирали уважаемых людей – основными критериями судьи считались жизненный опыт, нравственность и порядочность, – но редко имевших юридическое образование, а то и вовсе неграмотных. Традиция была так сильна, что даже во второй половине XX века встречались малообразованные судьи.

Чтобы судить, не зная прецедентов, судья-непрофессионал находил партнёра из опытных адвокатов, который подсказывал судье, чем руководствоваться при рассмотрении дел. В целом система оправдала себя. Прогресс расширил функции помощника: в суде он фиксирует и обрабатывает на компьютере поступающие от сторон сведения. Состязательный процесс предполагает возможное изменение обстановки до неузнаваемости, и судья не всегда в состоянии с ходу вспомнить содержание необходимого закона, а запомнить все прецеденты не в состоянии никто. Поэтому вполне нормальным считается, если судья прервёт заседание

и попросит помощника отыскать тот или иной прецедент, мнение авторитетных юристов, а то и просто дать совет, что делать? А ещё он сопровождает уголовные и гражданские дела задолго до судебного разбирательства, лично с ним консультируются все участники процесса.

Судебные заседания фиксируются видеозаписью. Нельзя не признать, что в мире, где суд порой является инструментом разрешения споров между влиятельными силами, всегда найдётся желающий оказать давление на суд. Обойти закон опытному судье труда не составит. Один философ заявлял: «Пусть меня судит самый пристрастный судья, но пусть суд будет публичным», – подразумевая, что на виду у всех судья связан общественным мнением. В тех же США суды, подконтрольные мафии 20-30-х гг. XX века, в присутствии публики и при участии присяжных выносили заранее оговорённые с боссами мафии вердикты. Но одно дело, когда судью обсуждают в запуганном мафией городе. Другое дело, когда твой поступок может стать достоянием широкой общественности. Тогда вступают в действие совсем другие социальные и общественные законы, и отреагировать на неправомерные действия суда для властей – дело чести. Лучшего способа, чем видеозапись, для этого, пожалуй, не найти. Как ни странно, законы запрещают вести в судах фотографирование, отчего весьма популярна профессия судебного художника (а видеозапись как доказательство в суде считается непрерывным фотографированием!).

В США в прямом эфире транслируются слушания Верховного суда, во многих штатах специальные кабельные каналы транслируют заседания своих Верховных судов. Видеозаписи судебных заседаний составляют целые архивы, но помогают оперативно разрешить любое недоразумение, относящееся к спору сторон в суде и, безусловно, к поведению в заседании судьи. Трансляция судебных заседаний в России произвела бы настоящий переворот.

Мы стали свидетелями одного судебного слушания. Приговорённый к уплате штрафа и возмещению вреда осуждённый упорно игнорировал судебное решение. В зале судья, прокурор со своим адвокатом, общественный защитник и судебный маршал, притащивший беднягу к судье. На вопрос, почему не платит, отвечает просто: денег нет, пятеро детей, сам болею, кто на работу возьмёт такую развалину с судимостью? «Вопросы», – обращается судья к залу. В тишине постановляет со всякого дохода половину удерживать, и – молотком по столу. Следующий! Минуты две от силы. Нагрузка у такого судьи не менее

120 дел в месяц против 20 дел у российского судьи. Специализации по гражданским, уголовным делам американские судьи не знают. Раз в два года судьи переводятся с одной отрасли права на другую, с ДТП на бэрглери⁶, с бэрглери на разводы, с разводов на хозяйственные споры.

Интересно, как судьи у них находят нестандартные решения, ведь нелегко проводить всякий раз аналогию с прецедентами. Сначала, отвечает судья, трудно, потом само как по маслу идёт. Нашли в Штатах даже весьма экзотический метод наказания виновного в совершении преступления, опираясь на здравый смысл и Конституцию. Одно дело об убийстве закончилось оправданием обвиняемого в Верховном суде США. Суд установил, что из двух мужчин, бывших в изолированном помещении, один умер насильственной смертью, доказательств совершения убийства вторым не нашли, признаков присутствия третьих лиц также не обнаружили. Подозреваемый в убийстве был оправдан судами всех инстанций из-за отсутствия прямых доказательств. Однако, исходя из «банальной эрудиции», Генеральная прокуратура США рассудила, что коль убитый погиб от руки неизвестного, а присутствовавший при этом оправданный человек не вмешался, то он нарушил тем самым требование Конституции США, согласно которому каждый имеет право на защиту права на жизнь граждан. Мер по защите не принял, о случившемся в компетентные органы не сообщил, соответственно, несёт материальную и моральную ответственность за гибель человека. Генеральный атторней США предъявил ему гражданский иск в Верховный суд США о возмещении материального вреда за потерю кормильца и морального ущерба семье убитого, который суд сразу удовлетворил. Сумма иска составила несколько миллионов долларов США, и хотя ответчик оказался состоятельным, решение суда превратило его в «социальный ноль», весь дом его и хозяйство пошли с молотка. Американские судьи с гордостью заявляют, что создали систему, при которой преступник, оправданный в уголовном суде, может понести ответственность в гражданском, что порой куда хуже, чем понести уголовное наказание.

Юридическая школа

Довольно экзотичной оказалась система юридического образования в США. Узок, по российским меркам, заложенный в эту систему кругозор, однако же в кратчайшие сроки позволяет она готовить вполне достойных служителей закона.

Расположенная невдалеке от Гейнзвилла юридическая школа при Университете Флориды одна из

10 крупнейших в Штатах и существует более 90 лет. Ежегодно обучаются в ней 1300 студентов, где проходят общеобразовательную и специальную подготовку. В школу принимаются выпускники четырехлетних колледжей (т.к. есть ещё в США двух- и трехлетние). Срок обучения в юридической школе – 3 года, из которых собственно учёба занимает 2 года и один год – интернатура. За знаниями в школу приходит не только молодёжь, немало среди студентов зрелых людей, а то и вовсе пожилых.

Учатся в школе и иностранцы. Среди постоянных учащихся школы молодёжь из Коста-Рики, Франции, Германии, Польши, ЮАР. Были организованы опытные программы обучения грузинских студентов и группы российской молодёжи из города-побратима Новороссийска.

Упор делается на преподавание теории права, основ государства и права, изучение ряда федеральных законов и некоторых разделов международного права и т.д. Составителей учебных программ не смущает, что студенты не отличаются «многознанием». Американские выпускники знают право «по верхам», более того, в программы умышленно заложено изучение считанных отраслей права. Американцы практичны: сколько ни учи отрасли права, на практике юристу пригодятся три-четыре, остальные забудутся, к тому же право в современном мире стремительно обновляется и изменяется, так зачем тратить деньги на заведомо непригодную в будущем информацию.

Образование чувствительно к рынку, но не схемы оплаты и выживания денег из студентов здесь процветают. Мониторинг юридических услуг позволяет своевременно включать в программу обучения специализированные курсы по наиболее востребованным отраслям права: на время нашего посещения таковыми являлись, к примеру, авторское и муниципальное право. Спецкурсы может посещать без ущерба для репутации практикующий юрист, желающий расширить сферу познаний и деятельности.

Методика обучения максимально приближена к реальным условиям будущей деятельности. Большинство занятий т.н. «полевые», аналог практических и лабораторных работ в российских учебных заведениях. Даже лекции зачастую читаются в специальной учебной аудитории, полностью устроенной как зал судебного заседания. Устраиваются учебные судебные процессы с участием настоящих судей и прокуроров. В корпусах оборудованы учебные кабинеты адвокатов, куда приходят за бесплатными юридическими советами малоимущие горожане, а также тюремные комнаты для свиданий с адвокатами, в которых студенты консультируют настоящих

правонарушителей, ежедневно доставляемых полицией. С самого начала студенты учатся выступать публично, причём каждое выступление или встреча с клиентом записываются на видеоплёнку в специально оборудованной телестудии, а затем разбираются индивидуально и в группе с участием педагога-юриста и психолога. Поощряется посещение студентами судов, полиции, безвозмездная практика у действующих адвокатов.

К выпуску слушатели уже морально готовы к юридической практике, хоть по количеству знаний они, по признанию директора школы, «полные нули». Но через год после интернатуры выпускники – уже члены коллегии адвокатов, самостоятельно практикуют на хорошем уровне. Новичка от зрелого юриста разделяют 4-5 лет.

Самым необычным для нас, не имеющим аналогов в российской образовательной и научной системе, стало то, что в США действует общее правило: alma mater своих выпускников на работу не берёт! В родном учебном заведении нельзя вести научную работу, защищать диссертацию, даже просто преподавать. Выпускник Университета Флориды едет получать докторскую степень, скажем, в Йельский университет, после чего доктор наук вынужден искать научную кафедру «на стороне»: дорога и в Гейнсвилл, и в Йель ему заказана. Так американцы препятствуют стагнации и протекционизму в научной и методической мысли. Исключения редки и возможны лишь с согласия специальных комиссий и одобрения научной общественности.

Выпускников юридических школ в американские спецслужбы не берут. Оказалось, что кроме муниципальной полиции и полиции штатов, для работы в которых достаточно окончить любой колледж и полицейскую академию, в спецслужбы берут лишь выпускников университетов. Оконченный факультет играет ту роль, что разные направления деятельности в правоохранительных органах требуют различных специалистов. На практике успешным агентом (наиболее распространённое название должности в большинстве правоохранительных органов в США, что-то вроде российского оперуполномоченного) в области радиационной безопасности становится скорее дипломированный физик, прошедший спецподготовку, чем юрист. Считается, что физика, химика или биолога легче научить правилам сбора и фиксации информации, обращению с оружием и спецтехникой, чем юристу познать круг научных вопросов. Подход диаметрально противоположный российской практике. Это же стимулирует и развитие судебной практики: без стереотипов и шаблонов проще найти свежие решения. А специалисту в узкой области знаний легче входить

в контакт со средой, представляющей оперативный интерес...

Забыв о запрете на «политнекорректные» вопросы, кто-то из группы спросил, как в школе дела с дискриминацией. Ректор признался, что всего пять лет назад студентов в школу привозили разные автобусы для белых и темнокожих. При равных баллах вне конкурса поступали белые, число мест для темнокожих было ограничено. Приток студентов из Азии и падение образовательного уровня белых поставили школу в тупик: в каких автобусах возить китайцев, японцев, корейцев, афганцев и индусов и кем заполнять аудитории после провальных вступительных экзаменов белых абитуриентов? Попечительский совет отменил все ограничения.

Полицейская академия

Настраиваясь на встречу с Полицейской академией, мы со смехом вспоминали одноимённую комедию. В действительности академия оказалась незамысловатым учебным центром для кандидатов на службу в полицию, а название «академия» в Штатах издавна принято давать специальным учебным заведениям, будь то курсы парикмахеров и визажистов (Академия красоты) или ускоренные курсы рисования (Академия изящных искусств). Так что чего-то экстраординарного ожидать не приходилось. Однако пытливый и практичный американский ум и в рядовом учреждении обнаружил незаурядные организационные способности.

Академия в округе Санта-Фе (полиция округа Алачуа, город Гейнзвилл, никто не разберёт их с административным делением) является подразделением более крупного Института общественной безопасности. Под одной крышей собрались профессионалы в области правопорядка: полицейские и пожарные, сотрудники органов по охране окружающей среды и таможенники, – собирали проблемную информацию и с помощью современных методик вырабатывали способы укрепления законности и правоохраны. Институт без заказа местных властей самостоятельно проводит мониторинг ситуации по соответствующему профилю и также, в текущем режиме, выдает необходимые решения. Как это непохоже на авральность отечественной системы, когда всё к сроку, к решению совещания, коллегии, и только в соответствии с планами руководства...

Начальник местной пожарной охраны ничуть не ломает голову над динамикой роста пожаров. С завидной регулярностью он, равно как и его коллеги в полиции, лесо- и водоохране и пр., получает аналитическую информацию по своему направлению

и рекомендации по действиям. Аналогичные сведения направляются учредителям, т.е. местным властям и контролирующим органам. Там уже смотрят, что им надо дополнительно предпринять, а что недорабатывают подчинённые правоохранительные органы. Не последними узнают об исследованиях спецов местные жители, до которых отчёты доводятся через СМИ. «Замылить» ситуацию при такой системе невозможно, как невозможно бездействовать или делать то, что произвольно хочется тот или иной начальник. Главное, что дело движется и каждый доллар – прозрачный. Увидел я и ещё одно преимущество: нет надобности отдельным подразделениям содержать своих аналитиков, собирать каждый раз совещания и коллегии, ждать конца квартала как Апокалипсиса; всё дешевле и для нервов безопасней.

Но институт – не массивное здание с многочисленным штатом. На удивление, нас встретил узкий круг профессионалов, в основном отслуживших приличные сроки в полиции. Объёмные помещения им без нужды, ибо в век современных технологий основное их оружие – компьютер, а он-то места много не занимает.

На небольшой площади умещаются основной корпус со скромным плацем да несколько одноэтажных щитовых домиков, служащих казармами-общежитиями для курсантов и учебными классами. Здесь же находится стрельбище. Как и почти везде во Флориде, территория слабо мелiorирована, отчего при ходьбе по ровнёрным газонам из-под ног обильно сочится вода.

После слов приветствия офицер академии, невысокий полноватый мужчина с академической бородкой в строгом костюме, внезапно повёл нас в спортзал. В первой комнате располагался обычный тренажёрный зал, оклеенный знакомыми до боли плакатами с изображениями знаменитых культуристов. Наш гид, обладатель пивного брюшка, немало нас удивил, выжав штангу весом в полтораста килограммов и отжав ногами двести. Во второй – обвешанный матами бойцовский зал, где тренировались двое курсантов в пластиковой защите, вооружённые резиновыми дубинками.

Вежливо поблагодарив гида, ему намекнули, что как юристов нас в первую голову интересует правовая, методическая и материальная база, а не очевидная превосходная физподготовка американских полицейских. Добряк несколько разочарованно кивнул, но, провожая нас обратно через тренажёрный зал, всё же заметил, что офицеры академии обязаны тренироваться в нём шесть часов в неделю, причём не менее чем за два посещения, за этим следит специальный офицер. Бегать заставлять не

принято, ибо в Штатах утренняя пробежка едва ли не святое дело для большинства мужчин и женщин.

Был разгар занятий; основной корпус и вся территория непривычно пустынно. Ни дежурных или дневальных в коридорах, ни одинокого курильщика, удравшего с занятий. Тишина наводила на мысль, что учебный центр давненько пустует. О живых курсантах говорили лишь стенды с фотографиями занятий, классов, групповые снимки выпускников. Но нет: из некоторых аудиторий доносились голоса преподавателей.

Гид пригласил нас в небольшой одноэтажный корпус, в длинном учебном классе которого занималась многочисленная группа будущих стражей закона. У входа ожидал строгого вида, по-военному подтянутый офицер. Представился: помощник начальника академии, руководитель учебных и научных программ института. Мы вошли внутрь здания в разгар занятий, и при входе преподаватель-женщина скомандовала: «Встать! Смирно!» Примерно рота курсантов в светло-бежевой униформе с яркими нашивками встала, прижав ладони к боковым частям бёдер, отчаянно сводя руки в локтях назад.

Чувствовали мы себя неловко. Курсанты пожирали нас глазами, а на мою долю приходилось больше всего внимания, всё-таки живой русский милиционер. Во взглядах молодёжи много было интереса, были в глазах и превосходство над русскими, и уже пробудившиеся профессиональные амбиции. Моё майорское звание на них оказало магическое воздействие, отчего я, зная, что по должности – ровня американскому сержанту-сыщику, смущался ещё больше. Бодрое начало церемонии прервалось самым неожиданным образом.

Старший офицер приказал курсантам задавать вопросы. Долго никто не решался, и команду пришлось повторять два раза. Поднялась пара рук, малорослому коренастому курсанту преподаватель разрешил говорить первому. С нескрываемым ехидством курсант спросил персонально меня, какая полиция лучше, русская или американская. Ответил я ему как есть: мы разные страны, разные народы, для каждой страны хороша своя правоохранительная система, сравнить их в категории «лучше-хуже» едва ли возможно. Гнев и разочарование вмиг затуманили взоры аудитории. Старший офицер скрипнул зубами, а затем резко и грубо сообщил, что мы отрываем курсантов от занятий, нам ещё многое надо увидеть, и попросил всех на выход. Злые взгляды жгли мне спину.

Абсолютно все сошлись во мнении, что американцы дико разозлились, ожидали-то услышать себе любимым хвалу. Да я бы с удовольствием

признал их лучшими, если б и в самом деле мы не были столь различны.

Мимо прошагал помощник начальника академии, обиженно глядя под ноги. Махнув рукой в сторону пустыря, он приказал следовать за ним. За бараками располагался огневой полигон. Удивительней всего, что рядом пролегалo оживлённое шоссе, но, видимо, планировка и конструкция стрельбища гарантировали высокую безопасность. Стрелять тут можно было лишь с коротких дистанций, метров до тридцати.

Ожидали нас бойцы группы «S.W.A.T.» во главе с их лейтенантом Джимми Люмбаргером. Два стола были завалены стрелковым оружием, винтовками, пистолетами-пулемётами, снайперскими винтовками и ручными гранатами. После непродолжительного рассказа о применении экспонатов нам разрешили поупражняться в стрельбе из гражданского варианта армейской автоматической винтовки М-16 и полицейского 9-мм пистолета-пулемёта.

В ожидании своей очереди я разговорился с подошедшим начальником академии, пожилым подтянутым седым офицером в чёрном мундире с двумя серебряными звёздами на погонах: генерал. Непривычно было видеть немолодого офицера полиции, тем более зная, какие требования к здоровью и физической подготовке предъявляют к полицейским в США. Начальник академии посетовал: прежде в полицию брали лишь после армии, недавно это ограничение сняли, новобранцы пошли не те. Слабая дисциплина, физическая подготовка. При том, что количество учебных часов на все дисциплины оставалось прежним, качество обучения снизилось. Вчерашнего солдата надо было лишь выучить правилам применения оружия, а тут ещё экономия бюджета вынудила сократить учебные стрельбы, теперь выпускники, ранее не служившие в армии, хотя и знакомы с оружием, но действуют неуверенно, надеясь лишь на расход боеприпасов, а не на точность стрельбы.

Что касается оружия, то, в отличие от России, где от «лесов до полярных морей» нет ничего лучше пистолета Макарова, едва ли не каждый полицейский участок решает, как ему вооружаться в зависимости от местных законов и финансов. В здешней местности привычно было видеть австрийский пистолет «Глок» из композитных материалов, массивный с виду, но легче ПМ из-за отказа от металлических деталей, с магазином на 15 патронов и тремя запасными обоймами. Всего 60 патронов на смену против 16 у российского стража порядка.

В багажнике каждой полицейской машины лежал целый арсенал: помповые ружья, М-16, пистолеты и револьверы, свето-шумовые и газо-дымовые гра-

наты, запас боеприпасов и пр. Считалось, что все офицеры должны владеть тем оружием, которое состоит на вооружении полицейского участка. Разумно. Вдруг случится заменить раненого товарища в перестрелке или кончатся патроны и тебе предложат другой вид оружия?

За разговором дошла очередь стрелять и до меня. Непривычного вида М-16 легла в руки неловко и чуждо. К её прицелу надо либо привыкать после родного АКМ, либо начинать учиться только с этого вида оружия. Легка в стрельбе, но с дистанции 20 метров удивительно слабая кучность. 9-мм пистолет-пулемёт «Кехлер-Кох», напротив, прост в использовании, резв при стрельбе, до чего ладно легли пули! Такое оружие не останавливает, оно создано убивать.

Ухожу с рубежа огня с промоченными ногами: вода безжалостно сочилась сквозь мягкий болотистый грунт. Спросил начальника академии, почему на тренировках стреляют с таких близких дистанций. Анализ перестрелок показал, что самая распространённая дистанция боя 5-10 метров, реже до 20. Стреляли и с больших расстояний, но эффективность и интенсивность огня с обеих сторон падала в разы. Упор не столько на меткость, сколько на молниеносную подготовку к стрельбе и опережение противника при первом выстреле, это залог победы в огневом поединке. Доктрина существенно отличается от принципа подготовки российских стражей порядка, обучаемых преимущественно неторопливой прицельной стрельбе с предельных дистанций выстрела.

Беседу, протекавшую под оглушительную пальбу российских законников, прервал стрёкот полицейского вертолёт. Двухместная стрелкоза с мощным прожектором и тепловизором на носу приземлилась посреди травянистого плаца. Для чего полиции вертолёт, нет нужды пояснять. На их счету десятки обнаруженных угонщиков автомашин, убежавших с места преступлений правонарушителей, несчётное количество нарушителей ПДД.

Пилоты, бывшие армейские лётчики, по возрасту не подходили на службу в полицию, не годились они и в полицейскую академию, без окончания которой закон запрещал выдачу лицензии. Для них сделали исключение, распространив статус офицеров полиции. Но был ограничен их статус полицейских на земле в свободное время. Они не имеют права на арест, обыск, на участие в расследованиях и пр.

На земле чаще приходится пользоваться автомобилями. Налогоплательщики ждут от своих офицеров полиции умения быстро прибыть к месту происшествия и догнать преступников. От кандидатов в полицейские академии в США требуют

наличия водительских прав, хотя бывают и исключения. Их «форды» и «шевроле» (самые популярные марки американских машин, используемые в полиции) оснащены форсированными двигателями, усиленными подвесками, АВС, противовесями и прочими «наворотами». Напичканы они бортовыми компьютерами, навигаторами, рациями, факсами (!), арсеналом стрелкового оружия. В США правоохранительные органы эксплуатируют не серийные автомобили, а созданные на их базе модели, пригодные к работе в нестандартных условиях. Техника требует от экипажей особых навыков. Во многих академиях преподают курс «полицейского вождения». На полигонах, повторяющих городские улицы и участки хайвеев (highway – скоростное шоссе), курсанты учатся обгонять и прижимать машины, разворачиваться на месте в противоположном направлении с продолжением движения, двигаться на задней скорости и т.д.

К концу экскурсии начальник академии и его помощник предложили нам побывать в роли членов патрульных экипажей. Оказалось, руководитель научных программ был ещё и преподавателем вождения, заядлым автогонщиком, чемпионом различных соревнований. Нас привезли на автодром, где, сидя на пассажирских сиденьях личного «форда» этого офицера, мы по очереди получили свою дозу адреналина, въезжая на скорости 60 миль/ч⁷ в крутой поворот под прямым углом перед стеной здания, разворачиваясь на месте с сохранением скорости, с объездом бетонных столбов и многими другими трюками, подвластными, казалось бы, только опытным каскадёрам. И это, как пояснил нам офицер, была не специально оборудованная машина, на которой такие штуки «может проделать даже обезьяна». Мы лишь ошалело улыбались друг другу, вылезая из машины на раскалённый автодром, пропахший горелыми крышками.

После вождения я расспросил начальника академии о нашивках на его рубашке. Выяснилось, что, в отличие от военнослужащих, для полиции не существует федеральных наград. Каждый штат, округ, город или лично шериф вправе вводить свои медали, памятные знаки, знаки отличия и пр. В одних местах эта практика широко применяется, и к концу службы офицерам некуда крепить планки, в иных местах за всю службу не заработать ни одной. Как повезёт. Учреждают награды и за особые, «штучные» заслуги. Офицер показал на одну планку и пояснил, что это медаль губернатора штата, которую он учредил за поимку печально знаменитого маньяка, убийцы студентов.

Осторожно, почти извиняясь, офицеры спросили моё звание. Ответ заставил их изумиться. Такой мо-

лодой и майор? Строгий научный руководитель, он же автогонщик, вскинул глаза, оказалось, он тоже майор и зарабатывал свой чин пятнадцать лет. Переглянувшись, они пообещали подарить мне позолоченные кленовые листья (знаки отличия майора).

Наша встреча с академией, казалось бы, и окончилась. Мы окунулись в другие заботы. Но в день отъезда уже в аэропорту меня разыскал майор и вручил пару кленовых листочков и национальный флаг, кстати, единственное изделие, на котором я нашёл бирочку «Made in USA». Прижав руку к бэйджу, майор посетовал, что охотно подарил бы на память и его, но правила запрещают передавать его другим лицам, а утрата считается бесчестьем.

Мы обменялись рукопожатиями, сфотографировались на память на фоне звёздно-полосатого триколора. Майор собрался уходить, но, задумавшись, задержался. Посмотрев себе под ноги, он поднял глаза и вдруг с глубокой улыбкой и уважением произнёс: «А ты хорошо тогда ответил там, курсантам в академии». После чего отдал честь и твёрдым шагом удалился.

В тюрьме

Лишить человека свободы в Америке в чём-то гораздо проще, чем в России. По крайней мере, заработать сутки ареста труда не составит. Другое дело, американцы практичны, и сажать в казённый дом просто так, чтобы нарушитель проедал налоги, никто не станет, так что здесь властвует не только закон, но и расчёт.

Изоляция, по мнению американцев, мера серьёзная. В отличие от отечественной доктрины, рассматривающей лишение свободы как меру наказания и метод коррекции, американцы откровенно признают, что задача лишения свободы в ограждении общества от нарушителя. Элементы возмездия и исправительного воздействия американцами признаются, но приоритет остаётся за изоляцией. Американская правовая система устроена так, что за решётку попадают, как правило, не поддающиеся исправлению: помимо лишения свободы, видов которого в Америке не счесть, американская Фемида использует гораздо более широкий арсенал санкций, чем это практикуется в России.

Над глухим коробом здания, окутанного по периметру «колючкой», с вышками по углам, высилась яркая надпись – «Alachua County Sheriff's Office. Department of the Jail» (Департамент мест заключённых. Управление шерифа округа Алачуа). Необычными для нас были национальные флаги на площади перед тюрьмой и на крыше главного корпуса. Место для пенитенциарного учреждения подобра-

но со смыслом, прямо на выезде из аэропорта, видно, с целью профилактики: «кто с дурной мыслью прилетел, тому билет к нам заказан».

Цветастые клумбы, ухоженные аллеи, автостоянка, уютные скамейки для посетителей. Стеклопанельная дверь-вертушка впускает в просторный вестибюль. На стенах стенды с правилами посещения тюрьмы, выписками из законов, краткой историей учреждения, и внушительных размеров макет тюрьмы в разрезе. В глубине коридора стеклянная вахта, «стакан», по обе стороны которого внутрь тюрьмы ведут коридоры. На вахте дежурят два офицера, женщины, афроамериканки. Завидев нас, одна из них поспешила вызвать начальника. Как только она встала, нашему удивлению не было предела. Габариты офицера не поддавались никакому описанию, и оставалось лишь догадываться, как женщина необычайной полноты была принята на службу в полицию.

В вестибюле наша делегация была не одинока. Несколько женщин афроамериканок с детьми записывались на посещение мужей-заключённых. Белый мужчина в кресле под пальмочкой листал журналы. Только униформа администрации отрезвляла и не давала забыть, что всё это не сценка заказа номеров в мотеле, а тюрьма.

За вахтой лязгнул затвор электронного замка, и навстречу нам вышел статный майор в тёмно-зелёной униформе. Представился: директор тюрьмы.

Директор... тюрьмы. Хм...

Директор вежливо, но настойчиво порекомендовал всем не разбредаться и не подходить близко к заключённым, и, не дай бог, не давать им ничего, если вдруг попросят, ну денег, например. Можно фотографировать, но лица персонала тюрьмы не должны попадать в объектив; следить за этим никто не будет, но если кому-то покажется, что его сфотографируют, то, увы, от нас могут потребовать выдать плёнку. Завидев на мне форму, майор вежливо осведомился, кто такой? Услышав ответ, не среагировал, лишь тихонько дал указание габаритной дежурной пригласить свободных от дежурства офицеров.

Подшли к тамбуру. Минута на открывание дверей, минута на закрытие, ещё минута – открылись двери, ведущие внутрь основного корпуса. Весь тамбур застеклён. Ширина не позволяет вытянуть руку с пистолетом, развернуться с автоматическим оружием, стёкла держат выстрел «калашникова», акустика специально требует тишины, крикнешь – режет слух, выстрелишь – наверняка оглохнешь.

Ещё один тамбур, и по коридорам забежали осуждённые, бесконвойные, по-нашему. Дирек-

тор повёл нас к «истокам», к участку приёма осуждённых и задержанных.

Поясню, в какую тюрьму мы приехали. В английском языке есть два слова «jail» (камера) и «prison» (тюрьма), означающие место лишения свободы. Как правило, тюрьма, prison, в Америке – это учреждение, где отбывают наказание осуждённые к лишению свободы, что-то вроде наших колоний и тюрем. Есть тюрьмы федеральные, штатов и округов, и даже частные.

Если же учреждение изоляции обеспечивает текущую работу полиции: краткосрочные задержания (по аналогии с российскими изоляторами временного содержания и камерами административно задержанных), заключение под стражу в качестве меры пресечения (наподобие наших следственных изоляторов) или краткосрочное заключение по приговору суда, оно называется «jail». Мы переводим «тюрьма», хотя и отдельные камеры, в которых непосредственно содержатся задержанные в полицейских участках и заключённые внутри тюрьмы, также называются «jail».

Место нашего посещения как раз называлось «jail». Гейнсвилл городок небольшой и своим полицейским участкам собственные камеры создать, видимо, не в состоянии. Каждый задержанный доставляется сразу сюда. Если суд выносит приказ об аресте (arrest warrant), то содержание под стражей продолжается: в тюрьме есть специальная комната, в ней всё как в настоящем суде, только на месте судьи – телевизор с видеокамерой. Судья заседает в своём кабинете, задержанный и адвокат – в судебной комнате, а правосудие вершится благодаря телекоммуникационным системам.

Тут же отбывают наказание за преступления против местных законов и ряда законов штата. Тюрьма разделена на три сектора: краткосрочного ареста, ареста до суда и собственно тюрьму, место отбывания наказания по приговору суда. Дёшево и сердито: знай переводи нарушителя из камеры в камеру, из сектора в сектор.

Вот мы в зоне приёма задержанных. Знакомый алгоритм работы: краткий досмотр и снятие антропометрических данных. Но какова технологичность процесса! За неполные десять минут задержанный оставляет на «вечную память» отсканированные отпечатки обеих рук, ног, рисунок ушной раковины, фото- и видеоизображения в анфас, профиль, в движении, данные роста, веса, размера головы, одежды и обуви, снимок сетчатки глаза и т.п. И всё это на мизерной площади делается одним сотрудником, правда, на суперсовременном оборудовании. Файлы сохраняются в компьютере и передаются в Информационный центр правоох-

ранительных органов штата, а развитие информационных технологии позволяют практически сразу использовать данные любыми полицейскими агентствами США.

Камеры небольшие, едва достаточные для четырёх человек. Внутри камер кирпич выкрашен в мягкий голубой цвет, двери из сверхпрочного пуленепробиваемого стекла. Как-то устроено, что в коридоре приглушённо слышно, что говорят в камере, оттого там стоит постоянный гомон. Описывать поведение заключённых, увидевших в дверях камер женщин из нашей делегации, не берусь, сам не видел, знаю с их слов, представить, полагаю, несложно. Говорят, особенно бурно реагировали афроамериканцы.

Персонал тюрьмы к этому делу привык, на брань ноль внимания, тем паче что выведенные из камер заключённые немедленно превращаются в смиренных овечек. А не в меру «буйным» для профилактики могут и «браслеты» надеть, да такие, которые в России только по фильмам знают: цепи по рукам и ногам да всё к цепи на поясе приковано, не то чтобы рукой взмахнуть – не согнуться, штаны не снять по нужде, передвигаться можно лишь мелкими шажками. Вот и вся воспитательная работа, и никаких душевных бесед или штрафных изоляторов.

Что до удобств и благ, то, безусловно, они есть, включая тренажёрные залы и интернет-аудитории. Еда на убой, фруктов пруд пруди. Однако проводить аналогии с российской зоной не стоит: еда хоть и на убой, но недорогая, те же фрукты в Америке дешёвы, а за день до конечного срока реализации распродают почти задаром, тем и кормят арестантов. В тренажёрах забота о здоровье заключённых сочетается с заботой о бюджете: здоровый заключённый реже болеет, а купить один тренажёр для сотни человек дешевле, чем их лечить, к тому же в спортзале пар выпускается, меньше дурных мыслей в головах зреет.

На память пришёл пример практичности по-русски. Офицер Управления исполнения наказаний как-то посетовал, мол, его коллеги убедили начальство увеличить расходы на лечение и профилактику туберкулёза в колониях Карелии. Через год смертность от туберкулёза начала снижаться; тут же урезали расходы, умирать-то стали меньше. На довод офицера, что расходы снижать нельзя, ведь заключённые снова начнут умирать, резонно возразили: начнут умирать, опять дадим деньги, не вопрос.

Для меня экскурсия по тюрьме прервалась на участке приёма заключённых. В течение недолгого рассказа директора тюрьмы прибывшие по его команде офицеры безмолвно разглядывали меня, томительно переминаясь с ноги на ногу. Что-

то невидимое сдерживало их желание заговорить со мной. Позже загадка разрешилась: причиной было... моё звание. В равном со мною звании – майор – был лишь директор тюрьмы, единственный на всю тюрьму капитан да несколько лейтенантов и мечтать не могли подойти и запросто заговорить со старшим по званию. Откуда им было знать, что система чинопроизводства в России и США столь различна, что по американским меркам я бы имел чин сержанта полиции. А вот о субординации и дисциплине поведение американских офицеров говорило само за себя: без разрешения начальника нельзя обращаться к старшему по званию, даже если он иностранец. Если такие порядки царят в провинциальной полиции, можно лишь догадываться о дисциплине в регулярной армии США.

Пообщаться с офицерами тюрьмы округа мне так и не удалось.

– Сэр, – сержант-надзиратель обратился к майору. – Сэр, за одним из русских по фамилии Измайлов приехали, его ждут в офисе шерифа.

Директор едва заметным движением показал мне, что я могу следовать за сержантом. Офицеры расстроено переводили взгляд с меня на директора, видимо надеясь, что майор задержит меня. Но чуда не случилось.

Сержант взял меня под конвой и, бодро вышагивая, повёл к выходу. И хотя сержант шёл впереди меня, а не сзади, как ведут заключённого, всем своим видом он показывал, кто здесь хозяин. Стоило ли спорить? В тесноте тамбура, пока двери открывались со скоростью черепахи, сержант начал бесцеремонно разглагольствовать. Перед моим носом то и дело со свистом пронеслась связка ключей, которую мой «гид» раскручивал на пальце. Почему-то мои погоны заинтересовали его особенно. Наконец он самодовольно спросил:

– Лейтенант?!

– Нет, майор.

Произошло чудо: сутулый сержант уронил ключи, вытянулся как струна, оглушительно щёлкнул кабелями и звонко, по-армейски, но в то же время почти умоляюще выкрикнул:

– Простите, сэр! Сэр, я не хотел вас обидеть! Я... Я... Сержант Ричард Твипп, сэр! Я слишком давно служил в армии и уже забыл русские знаки различия, я спутал ваши погоны с погонями младшего лейтенанта! Сэр, не говорите никому об этом...

От такого поворота дел я и сам сначала растерялся. За шесть лет в армии сцен подобострастия перед начальством я насмотрелся. Но чтобы в струнку тянулись перед незнакомым иностранным офицером!..

До расставания с сержантом я боялся, не случится бы с ним сердечный приступ. Уже не страх перед старшим по чину, но обида за себя, что так неумело высунулся, да ещё перед русским, снедала сержанта изнутри. Беспреданно извиняясь, он объяснял причину ошибки. В период объединения обеих Германий он служил в Западной части в Американской группе войск. Его часть получила приказ занять военную базу, с которой уходили русские; накануне встречи с русскими солдат заставили вызубрить знаки различия российской армии. Давно это было, позабыл. За рассказом мы пришли к выходу, где Карл Эшли уже стучал пальцем по часам: нас ждут в полиции, опаздывать нельзя, это Америка.

Сержант пристыженно прощался, а мне захотелось сфотографироваться с ним на память. Карлу мысль понравилась, а сержанта она вновь повергла в трепет:

– Сэр! Офицер хочет сфотографироваться с сержантом?! Это честь для меня!

Обменявшись на прощание электронными адресами, мы тепло расстались. Пока машина Карла мчалась по аллее к шоссе, на крыльце тюрьмы всё стоял и махал нам вслед сержант Твипп.

Как я был сержантом полиции США

Удовольствию поработать в местной полиции я обязан мистеру Карлу Эшли. Член городского клуба, он воспользовался приглашением на собрание местного шерифа, Стивена Оэрлика, к которому обратился с просьбой посодействовать российскому гостю.

Всё оказалось проще простого. Законы позволяют налогоплательщику в ряде случаев контролировать работу бюджетных организаций, в том числе полиции, а поскольку финансовые законы США устроены так, что на пребывание нашей делегации выделены облагаемые налогами средства, то я, как официальный налогоплательщик, мог удовлетворить своё любопытство, воспользовавшись таким правом на законных основаниях. Я получил на руки анкету-заявление на участие в «Drug Raid» (полицейская операция по борьбе с наркотиками) с инструкцией, в которой обязывался безоговорочно подчиняться дежурному офицеру полиции и не проявлять самостоятельности, и бланк-расписку, поясняющую, что рейд «опасен для жизни и здоровья» и полиция не гарантирует участнику безопасность, в связи с чем предлагалось письменно отказаться от претензий к полиции в будущем. Заявление и расписку я заполнил в присутствии адвоката, мистера Си.Р. Паркера, и направил их по факсу шерифу. Через пару дней

Карла уведомили, что ФБР и миграционная служба дали положительное резюме, и предложили мне прибыть со сменной одеждой в Управление шерифа округа Алачуа в указанное время.

Прервав тюремную экскурсию, я прибыл в окружную полицию. Сержант Джек Джекобс встретил меня поначалу недружелюбно. Быстро я понял, зачем просили взять меня сменную одежду: Досмотреть меня оснований у полиции не было, а в раздевалке сержант без лишних хлопот смог оглядеть меня с головы до ног. После короткого теста на знание языка Джек представил меня капитану. Фантастического роста и комплекции афроамериканец протянул руку, способную затмить солнце. Сославшись на занятость, капитан вежливо предоставил нас с Джеком самим себе.

Явно настроенный ко мне как к обузе, Джек, соблюдая формальную вежливость, повёл меня на экскурсию по зданию. Даже пройдя в течение дня по управлению не один раз, я так и не смог запомнить расположение кабинетов, входы и выходы. Способствовал тому и большой ремонт, который я застал, разветвлённые коридоры были заставлены мебелью, инструментами и стройматериалами.

Каждую свободную минуту я использовал для расспросов Джека о полицейской работе, всё, что видел, сравнивал с российской действительностью. О всей полиции сказать не могу, но тактика выявления и раскрытия наркопреступлений и в Америке, и в России одинаковы. Благодаря этому Джек вскоре раскрепостился, и мы понимали друг друга с полуслова.

Ожидая увидеть оснащённые по последнему слову техники рабочие кабинеты офицеров полиции, но всё оказалось гораздо прозаичней. Скромные, а у некоторых офицеров прямо-таки крохотные кабинеты с необходимым набором оргтехники, какие имеют многие сотрудники правоохранительных органов в России в наши дни. Только больше сентиментальности и патетики: на стенках и полочках фотографии членов семьи, непременно детей, друзей, памятные знаки и сувениры. В кабинетах офицеры занимаются делами, которые посторонний глаз видеть не должен. А для общения с гражданами, бесед и допросов, совещаний оборудованы рабочие места в специальных залах, которые мы привыкли видеть в полицейских боевиках. Стоят в огромном зале столы вплотную один к другому, телефоны, компьютеры, муравейник, одним словом. Суэта, поговорить с человеком откровенно трудно, но невозможно оказать физическое или психическое давление на задержанного или сговориться с ним, вокруг масса свидетелей.

На складе полицейской спецтехники Джек пока-

зал мне обычную бейсболку со скрытой видеокamerой величиной с булавочную головку. Мечта оперативника. Остальные их приспособления в сравнении с российскими аналогами можно описать так: если наш прибор умещается в чемодан, то такой же у них – размером с борсетку, наш прибор с борсетку – у них величиной с пачку сигарет, а наш – с пачку сигарет, у них – с авторучку. А так всё то же самое.

Проводить аналогии между нашей милицией и американской полицией – значит сравнивать несравнимое. В США существование полиции как института исполнительной власти основано на конституционном праве граждан защищать свои права и законные интересы, в т.ч. вооружённым путём. Полиция учреждается муниципальными властями и никому, кроме мэра, не подчиняется, а выборные шерифы подчиняются только закону. Учреждают свою полицию и штаты, но каждый полицейский орган правомочен только в рамках своей территории и местных законов. Полиция штата, к примеру, не имеет права расследовать правонарушения против местных законов. Если сравнивать с основой наших правоохранительных органов, которые учреждены как способ конституционной гарантии со стороны государства безопасности граждан, то станет ясно, что инициатива охраны порядка в США исходят снизу, а у нас – сверху.

Доктриной американской правоохранительной системы является восстановление закона. В России цель всех спецслужб – достижение численных показателей выявляемости и раскрываемости преступлений. Когда одного офицера полиции я спросил, сколько выявлено наркопреступлений, на меня посмотрели как на инопланетянина. Зачем мне это знать? Летом 40 000 студентов уезжают по домам, город пустеет, наркотики исчезают. Полиция вздыхает свободно. У нас бы вся милиция стояла на ушах и бегала с мыльной пеной в поисках преступлений.

В США есть два способа организации полиции: управления полицией и шерифы. Управления учреждаются в основном мэрами в больших городах, например, Чикаго, Бостоне, Нью-Йорке, Лос-Анджелесе. Мэр назначает начальника полиции из авторитетных граждан. Начальник подчиняется исключительно мэру, он набирает состав управления, и принцип его руководства чем-то схож с централизованным управлением органами власти в России.

Небольшие муниципалитеты обычно избирают должностных лиц, в т.ч. шерифа. Баллотироваться в шерифы может любой гражданин, став шерифом, он приобретёт статус офицера полиции. Шериф формирует свой штат, официально его сотрудники называются помощники шерифа, это для

нас они все полицейские. Формально шериф не подчиняется никому, хотя контроль за его деятельностью осуществляют специальные попечительские советы, прокуратура и СМИ. В прошлом шериф набирал себе помощников из добровольцев, отчего поныне личный состав управлений шерифов имеет статус «помощников шерифа» от рядового патрульного до заместителей.

Обе системы имеют больше общего, чем различий. Начальник полицейского управления и шериф – должности представительные. Их заместители: ассистенты (assistant, помощники, консультанты) и исполнительные офицеры (executive officer, подобие инспекторов). Непосредственно полицейской работой занимаются специальные офицеры – капитаны. Если в российской милиции начальник руководит сотрудниками через заместителей начальника по криминальной милиции, общественной безопасности, БЭП и т.д., то в Америке командир один – капитан. Чтобы стать капитаном, непременно надо пройти все ступени служебной лестницы, начиная с патрульного, поработать детективом (причём обязательно пройти через убойный отдел), аналитиком, тыловиком, кадровиком... Капитан – это суперпрофессионал. Ниже стоят лейтенанты (начальники отделов, групп), затем сержанты (детективы по особо важным делам, старшие патруля). Как и для остальных силовых структур в США, для полиции характерно тождество понятий должность-звание.

Заранее зная их организацию, я поспешил разъяснить сержанту Джекобсу, чтоб мое звание его не смущало, что по американским меркам я старший оперуполномоченный по особо важным делам – сержант полиции. Удивление его сменилось вздохом радости и облегчения. Майор для муниципальной полиции величина космическая. При их представлениях о субординации, сержанту командовать майором в рейде – событие из ряда вон.

Чуть позже один ветеран нью-йоркской полиции рассказал, что капитаны инструктируют ежедневно патрульных и детективов, а по окончании патрулирования «снимают» информацию с патрульных, организуют подведение итогов с детективами и следователями. Как будто бы всё это делается и у нас, но американцы всё же берут организацией труда, результат не заставляет себя ждать. Патрульные и детективы работают обычно в паре. С напарником работать веселее, но есть и другая сторона медали: федеральные законы обязывают должностных лиц общаться с гражданами в присутствии другого чиновника. И профилактика коррупции: двоих купить сложнее.

Так как патрульные и детективы формально в од-

ном звании – офицер полиции (нет у них рядовых) и каждый детектив в прошлом патрульный, то и найти им общий язык труда не составляет. Патрульные охотнее обращают внимание на ориентировки детективов, ищут информаторов. Это их шанс выбиться в детективы и получить повышение. В том же Нью-Йорке капитаны, со слов бывшего полицейского, примечали наиболее одарённых патрульных, давали им целевые задания, привлекали к расследованиям, готовили к переводу в детективы. Залогом продвижения по службе становятся исключительно личные данные и опыт практической работы. Но даже при выдающихся способностях «взлететь» по служебной лестнице невозможно: отслужи на каждой ступеньке минимально установленный срок. Так, после академии обязательна служба патрульным не менее 5 лет.

Вообще же, полицейским может стать каждый молодой, несудимый, физически здоровый человек после окончания колледжа. Шесть месяцев в полицейской академии (самый обычный Учебный центр, какой есть при каждом ГУВД или МВД субъекта Федерации в России) – и ты «С.О.Р.», commission officer of policy (кадровый офицер полиции, официальный термин). Других учебных заведений для полиции не существует. И если в российских правоохранительных органах офицером без диплома вуза не стать, то можно сказать, что в Америке повышают не за количество знаний и наличие «корочек», а за профессиональный уровень и реальные заслуги.

Правда, некоторые полицейские учреждения практикуют курсы повышения квалификации или обучающие семинары, иногда платные. Курсы могут быть и заочными. В свободное время можно посещать курсы детективов, следователей и других специалистов. Затем слушатели зачисляются в резерв на замещение вакантных должностей. После открытия вакансий желающие сдают экзамен. Комиссия отбирает двух лучших кандидатов, одного из которых начальник или шериф выбирает единолично. Если нет достойной пары претенденту на вакансию, приглашают желающих из соседних участков и даже штатов. Цель – найти лучшего из лучших, избегая любых подозрений в фаворитизме. Руководящий состав, кроме выборных шерифов и назначаемых заместителей, подбирается так же. Так американцы гармонично сочетают демократические принципы и единоначалие. Карьеризму и блату препятствует установленная выслуга лет в каждой должности, ранее которой никто не вправе рассчитывать на повышение. Наиболее честолобивые размещают в Интернете на специальных полицейских сайтах свои резюме, надеясь получить приглашение на службу в другую местность.

Примечательно, что в Америке отсутствует единая полицейская униформа. Власти одевают полицию по своему усмотрению. Принятые стандарты формы призваны обеспечить узнаваемость полиции по всей Америке. Говорят и цвета формы: серо-синий с чёрной отделкой обычно у полиции больших городов, чёрный – у полиции городов поменьше, зелёный – у муниципальной, кремовый – у труперов (trooper, что-то среднее между российской транспортной милицией, ГИБДД и транспортной инспекцией) и т.д.

Полиция по доходам стоит внизу социальной лестницы общества, и быть полицейским не очень-то престижно. Знакомых нам окладов в полиции нет. Руководители полиции сами определяют годовое содержание личного состава, исходя из выделяемого бюджета. Потому доходы полицейских в разных уголках страны могут разительно отличаться. В посещаемом нами округе есть «вилка» от \$ 36 000 до \$ 48 000 в год. Вот и вся разница между рядовым патрульным и шерифом. При 27% подоходного налога на руки выдается не так уж и много. От откровенной бедности офицеров спасает обязательное социальное страхование за счёт бюджета, иначе социальные выплаты сделали бы службу попросту убыточной.

Парадокс системы в том, что низкие заработки препятствуют текучке кадров: банки с удовольствием кредитуют полицейских, их невысокие, но стабильные доходы позволяют при низкой процентной ставке покупать офицерам уже с пятилетним стажем недорогие дома в рассрочку на 20-30 лет, как раз до пенсии. Попробуй брось службу – лишишься жилья, машины и т.д. С другой стороны, редкая работа позволит людям со средними способностями и образованием, а их большинство в полиции, заработать себе достаток и обеспеченную старость. Это немалый стимул к выбору и продолжению работы. После службы принято на выходное пособие покупать недвижимость для перепродажи или сдачи в аренду. Три-четыре сделки, и ветераны полиции получают неплохую прибавку к пенсии.

Имидж службы поддерживается и искусственно. 11 сентября 2001 года по стечению обстоятельств немало способствовало повышению престижа полиции. В каждой сувенирной лавке полно гипсовых фигурок полицейских: и с национальным флагом, и спасающих детей, и тушащих с пожарным огонь... Но нигде не видно шуточных или уничижительных фигурок наподобие сувенирных гаишников в наших магазинах.

Автономность правоохранительных органов ничуть не мешает их взаимодействию. Достаточно телефонного звонка, факса, чтобы офицерам

одного участка помогли соседи, и никаких тебе рабочих встреч, совещаний, планов взаимодействия. «Палки», т.е. значимые для статистики выявленные преступления, делить незачем, поводов для противостояния нет. Просто позвонил и договорился. Российская пословица «лучше всего правоохранительные органы борются друг с другом» не для Америки.

Как раз капитану позвонил таможенный лейтенант. На имя студента университета Флориды поступило письмо из Югославии с таблетками стероидов. Суд немедленно выдал таможен приказ об аресте адресата (по российским законам – настоящий правовой беспредел!). Но не хватало людей для его задержания. От управления шерифа отправили Джека и с ним меня, отправили патрули от всех местных участков, которых оказывается три и все независимые. Арестовали быстро и без проволок. Задержанному зачитали права и досмотрели без понятых и добровольной выдачи.

Оказалось, в правовом государстве права зачитывают всего один раз, протоколов об этом не составляют. Объясняют просто: во-первых, граждане страны знают права человека из школьного курса Конституции США, во-вторых, в стрессовой ситуации, такой, как арест или иное следственное действие, память подводит, без толку права повторять, в-третьих, каждому предоставляется право на защиту, которая и занимается обеспечением прав граждан. Почему всё-таки не доводят права под роспись? Кому надо, всё равно заявят, что пустой бланк дали подписать. Главное, нарушитель – твой же соотечественник, гражданин твоей же державы, и ограничивать его в гражданских правах даже как бы и непатриотично.

Решительно следят за соблюдением законности полицейскими прокуратура и суды. В окружном суде Гейнзвилла ежедневно рассматривалось 7-8 дел в отношении офицеров полиции по обвинению их в превышении полномочий или злоупотребления ими. Свидетелем прокурорского расследования стал и я.

За полгода до моего посещения США сержант Джекобс арестовал семейную пару сбытчиков кокаина. После недолгих препирательств женщина согласилась сотрудничать со следствием, но её сожитель категорически отказался от общения и всё отрицал. Наконец за неделю до передачи дела в суд он обратился с заявлением к помощнику судьи о том, что был информатором Джекобса, помог разоблачить свою жену, злостную сбытчицу, но неблагодарный Джекобс его же и арестовал. Специальный прокурор возбудил прокурорское расследование.

В маленьком уютном домике с блёклой вывеской «Drug Crime Attorney» (Прокурор по делам о наркопреступлениях) в тихом живописном районе местные детективы заручались ходатайствами на судебные решения и проходили процедуры прокурорских расследований. В открытой, раскрепощённой обстановке, после присяги на Библии, под стрёкот стенографистки (и никаких протоколов!), Джек сухо отверг все обвинения. Прокурор и его адвокат (есть такие должности в системе правовых органов США) извинились за возникшие подозрения и оправдывались за вынужденные неудобства. Пять минут на всё про всё.

Демократичность обстановки и отношений неслыханны. В ожидании приёма секретарь прокурора выносила ожидавшим посетителям прохладительные напитки и закуски, всё бесплатно. А перед началом допроса прокурор предложил мне самому заварить кофе-чай и взять угощение. К моим услугам был целый бар с кофеваркой и иными кухонными приспособлениями, холодильник и шкаф с продуктами. Всё это казалось похожим на розыгрыш. Джек подталкивал под руку, мол, тут так принято, не надо стесняться, но воспитание не позволило... Оставалось фантазировать, как российские следователи и опера дискутируют с прокурорами, расхаживая по их кабинетам с кружкой кофе и бисквитом.

Несмотря на то что штатовские сыщики работают точь-в-точь как наши, антинаркотическая политика, организация труда и техническое оснащение при внешней схожести сравнению не поддаются. Описал Джек отношение к крупным наркодельцам: практика идёт по пути их освобождения после ареста под залог. Как только назначается сумма залога, включаются все механизмы отслеживания денежных потоков. К моменту перечисления денег на залоговый счёт правоохранные органы успевают вычислить банковские счета преступников, их покровителей и сообщников. Выпущенные под огромный залог, дилеры поголовно бегут из Штатов. Так, крупная «рыба» на вполне законных основаниях откупается от правосудия, в тюрьму попадают дилеры низшего или среднего уровня.

Детективы злятся на суды, но признают, что пути в Америку злодеям уже нет, там их ждёт пожизненное заключение, а финансовый провал обесценивает их положение в криминальной среде. С падением очередного «короля» рассыпается его «империя». Поимка наркобарона часто влечёт разгром всей его сети и без участия полиции.

Ближе к вечеру Джек предупредил, что предстоит задержание наркодилера средней руки. Мне довелось стать свидетелем подготовки и проведения не масштабной, но блестящей по планированию и ор-

ганизации спецоперации. В ту пору подобного в российских правоохранительных органах видеть не доводилось. Из разговора с коллегами я понял, что сейчас назначен инструктаж с участниками операции. Джек предупредил, что нас ожидает группа S.W.A.T., полицейский спецназ.

Большое помещение со встроенными шкафами, креплениями на стенах и потолке, складной мебелью, тренажёрами, спортивным инвентарём, мультимедийным оборудованием служило одновременно и конференц- и спортзалом. Джека ждали десятка полтора великолепно экипированных спецназовцев и обедавшие с нами до того детективы. В стороне подчеркнуто обособленно стояли уже знакомый мне лейтенант Джимми Люмбаргер и невысокий плотный человек лет сорока с бейджем на груди. Оказалось, он-то и есть командир S.W.A.T., капитан. При моём появлении зал сильно оживился, были очевидны интерес и враждебность: на такие мероприятия чужакам хода нет, тем более что личности участников акций держатся в секрете.

Джек быстро меня представил, после чего в аудитории началось волнение. Капитан гаркнул на группу, зал утих, и рыжий детектив приступил к докладу. После летних каникул студент мексиканец привёз от брата партию кокаина, решив заработать на учёбу и отдых. А заодно нелегально приобрёл у родственника пистолет полицейского образца, запрещённый к гражданскому обороту. К нему внедрили агента, девушку, которая уже провела несколько контрольных закупок наркотика (control buying). В последний раз, когда она посещала дом дельца, он был полон гостей, которым хозяин демонстрировал своё оружие, хвалясь, что откроет огонь по любому копу, если тому вздумается войти в его дом.

Изложив суть дела, детектив пустил по рядам фотографии фигуранта и его связей, и всех, кто мог бы находиться в доме, а также фото дома. Пока спецназ изучал снимки, сыщик накидал на доске внутренний план дома, первый и второй этажи. Бегло дал характеристику жилого квартала, соседей, строения, конструкции дверей и окон и пр. Описал, где и что может лежать. Затем довёл свой план: провести очередную закупку кокаина и ворваться в дом на плечах закупщика. Схема, известная и у нас в России. Вопросы, возражения?

Демократично и деловито. По очереди спецназовцы задавали вопросы, делали дополнения, делились соображениями. Очередь дошла до лейтенанта и капитана. Выступили и они, подводя итог дискуссии. Оба обратились с вопросом к Джеку, что там с таблицей, что делать в случае сопротивления? Джек передал лейтенанту какую-то сводку, сообщив: «Код 24». Что за загадочные цифры?

Джек попросил лейтенанта показать мне таблицу и дать пояснения. Было время, когда применение оружия порождало массу проблем, всегда находились причины поставить под сомнение целесообразность и законность действий стрелка. Анализ применения оружия установил, когда это признается законным и необходимым. Так родилась балльная таблица. В ней разным обстоятельствам дела были присвоены баллы, сумма которых указывала на правомерность и необходимость применения оружия. При сумме баллов 24 и выше применение оружия было бесспорно правомерным. Высокие баллы имели сведения о наличии санкции суда на арест и обыск фигуранта, наличии у него оружия, намерения его применить, известные факты сопротивления властям. Учитывались криминальный опыт и стаж, физическая форма подозреваемого и т.п. Была и нижняя шкала, при которой применение оружия запрещалось. Таблица прилагалась к материалам уголовного дела.

На этом инструктаж не окончился. План операции подлежал голосованию. Голосовали по очереди, высказывали аргументы, сомнения, предложения. После голосования, т.е. принятия принципиального решения, стали обсуждать детали, кому что делать, какое снаряжение и оружие брать. Здесь произошёл курьёзный случай, незамеченный присутствующими, но приметный для меня. Молодой сотрудник положил ноги на стол перед собой и громко с места выступал. К нему тихонько подошёл капитан и стал сосредоточенно и строго смотреть на парня, пока тот не перехватил взгляд. Парень в смущении убрал ноги, капитан удовлетворённо молча отошёл.

Тут только я заметил маленькую, хрупкую с виду молодую женщину, Бриджит. Она, офицер спецназа, как оказалось, и была той самой закупщицей, сумевшей внедриться в доверие к наркодилеру под легендой наркоманки. Лишь когда она встала, под тесной футболкой показалась стройная натренированная фигура, указывающая на нерядовые физические возможности этой «железной леди».

Подготовка к реализации окончилась общей молитвой. Я повернулся к выходу, полагая, что все обсуждения завершены, но Джек одёрнул меня. Сухо извинившись, он пошёл к внезапно скучившимся товарищам, протянувшим руки в центр группы или положившим их на плечи впереди стоявших. Все опустили на одно колено, склонили головы, правую руку прижали к груди. Остался стоять один офицер, вытянувший руку, на которой лежали ладони ближайших коллег, внештатный капеллан. Торжественно стал он произносить молитву. Я бестолково переминался с ноги на ногу, когда решил вдруг помолиться шёпотом, благо знал некоторые пра-

вославные молитвы. Сказывалась непривычка публично выражать свою религиозность. Полицейские хором произнесли «аминь».

Джек объявил вслед, что сбор назначен на восемь вечера. Спецназ выходил, бурно обсуждая, кто какое оружие возьмёт. На стоянке машин Джека ожидал офицер. Багажник его автомобиля, припаркованного вплотную к трассе, был набит оружием. Я ошалело уставился на груды автоматов и винтовок. Джек с минуту поколебался и выбрал многозарядный дробовик. Затем отнёс ружьё в свой джип и предложил показать мне центр службы 911, пока позволяло время.

Центр управления был выбран не случайно. Здесь работала жена Джека. Следовательно полиции перешла на более спокойную работу в службу 911 после рождения детей. Весьма привлекательная, даже красивая женщина с признаками латиноамериканского происхождения встретила нас с искренней радостью, которую она не могла выразить в полной мере из-за непрекращающихся вызовов. Судя по петлицам – лейтенант. А муж сержант.

Моё внимание привлекли огромные мониторы с информацией об обстановке в районе. Электронная карта выдавала точку вызова, всевозможные сведения, ближайшие патрули, пожарные депо, аварийные службы, кратчайшие маршруты следования от них к точке вызова. Компьютер автоматически связывал диспетчеров с необходимыми специалистами, подсказывал необходимые действия. Это было поразительно. Вместе работали полицейские, пожарные, медики.

Семейная пара повела меня по зданию. Крепостай. Построенное в зоне ураганов и океанских тайфунов, сооружение представляет собой почти герметичное железобетонное убежище с многометровыми стенами. Мощный компьютер принимает спутниковую информацию о погоде и может автоматически закрывать металлические ставни на окнах, включать принудительную систему вентиляции, запускать автономное питание, открывать артезианскую скважину под землёй. Под землёй таился этаж – близнец надземного – для замены верхнего собрата в экстренных ситуациях. В центре здания расположен зал управления округом, место работы местных властей в случае стихийных и иных чрезвычайных бедствий, он же – резервный центр управления для губернатора штата. И это всё было не просто банальным кабинетом со столами, картами и компьютерами, но и отелом средней руки с жилыми помещениями и возможностью длительной работы в автономном режиме. Крыша и стоянка перед центром могли принять вертолёт.

Парочка смущённо обнялась, стесняясь чужого присутствия. Получив задание позаботиться о детях утром, Джек отправился со мной в управление, где спецназ тренировался и выбирал оружие. Бойцы находились в полицейском автобусе, сиротливо стоявшем на задворках управления. Сиденья его и проход были в полметра высотой завалены... оружием. Первый и, наверное, последний раз в жизни видел я, как люди ходили, спотыкаясь, вытаскивая провалившиеся ноги, между винтовок и автоматов, разгребая завалы в поисках подходящего образца.

Ещё раньше, когда мы с Джеком в самом начале нашей встречи выходили из машины, он бросил на сиденье пистолет в кобуре. Тогда поразило меня отношение служащих полиции к табельному оружию, но вопрос застрял у меня в горле. Теперь нескромно спросил, неужели же всё это не охраняется и как можно оставлять без охраны стволы? В ответ я услышал смех. Комментарий можно свести к отечественному анекдоту: «Водителю такси, нашедшему в своей машине оставленные пассажирами секретные документы, предлагается повеситься самому».

Спецназовцы, обвешанные снаряжением, в касках, масках, фосфоресцирующих очках напоминали воинов из фантастического блокбастера. Чёрно-зелёная форма на фоне тропической ночи превращала их в зомби, сверкающих пустыми глазницами. Спрятавшись в маленьком микроавтобусе, они несколько раз выскакивали в колонну по два из откидывающейся дверцы, после того как автобус предварительно разогнался и резко тормозил перед чёрным входом в управление.

С дикими криками: «Лежать! Стоять! И... мать!» – команда S.W.A.T. с невероятной скоростью врывалась в здание, уверенно рассыпаясь внутри, влетая поочередно во внутренние помещения. Поразительно, как, выпрыгивая из ещё движущегося автомобиля через узкую дверцу, спецназовцы, не мешая друг другу, проникали в дверной проём. Зрелище напоминало бы показное выступление, если бы не знать, что вот они, эти самые парни, простые лица которых я видел два часа назад, вскоре пойдут на захват реально вооружённого преступника, решившего открывать огонь по тем, кто служит закону.

Мои наблюдения прервал Джек, положив руку на плечо. Сзади стоял и капитан. Пора идти. Из багажника своего «Форда-экспедишн» Джек извлёк дробовик и два бронежилета, один протянул мне. Помогая мне надеть бронежилет, капитан объявил, что старший в зоне действий он, я должен следовать его указаниям и идти за ним след

в след. Джек выполнял роль координатора. Его рация была настроена на диктофон Бриджит, который служил радиозакладкой и действовал в пределах полумили.

Динамик сухо потрескивал от морозящего дождя, передавая плеск шагов Бриджит по лужам. Спецназ из своей машины переспрашивал, как дела? «Any activity», – знакомо отвечал Джек. Нет движений. Ну совсем как у нас в России.

Слышно было, как Бриджит постучалась в дом фигуранта, сообщила, что в окнах горит свет, внутри тени и голоса. Минуты три никто не открывал, а после щелчка замка Бриджит искусно, как вразправдашняя наркоманка или отличница театральных курсов, униженно запричитала, запросила кокаин. Хозяин настойчиво отказывал, нет у него и всё, больше не приходи. Ну не закрывай дверь, ну пожалуйста... Бриджит играла натурально, наяву виделось, как она картинно хватает дилера за руку, падает на колени, заискивает... Ты, только ты можешь спасти меня сегодня...

Ясно. До Джека доходит, что осторожный мучачо рвёт с клиентами после двух-трёх закупок и другого случая не будет, доказательств достаточно, ждать больше нечего, решение за капитаном. Рвущая плоть команда босса разрезала дремоту ожидания: «Everybody!!! GO-O!!!» S.W.A.T. внёс, буквально вломил селевым бурлящим потоком Бриджит и наркодилера внутрь дома. «Мы в доме, босс! Объект закреплён (знакомо, боже, как знакомо!)! Проверяем территорию!» – отчитался по рации лейтенант Джимми Люмбаргер.

Капитан с Джеком облегчённо вздохнули, «форд» въехал в тёмный квартал со скученными мрачными двухэтажными домиками. У дома фигуранта скопилась стайка подростков, несколько девушек растерянно метались, кто-то кричал, плакал, звал полицию. Из некоторых домов высывались хозяева, отовсюду спрашивали, что случилось, кто это в масках и с оружием? Джек пояснил мне, что это район муниципальной застройки, дома и квартиры в нём сдаются малообеспеченным людям, следят за собственностью не ахти как внимательно, обстановка и нравы тут соответствующие.

Капитан выпрыгнул с места, указав мне спрятаться за машиной. Прикрикнул на молодёжь, чтобы шла по домам. Через полминуты прислал спецназовца, который сообщил мне, что всё безопасно и капитан приглашает меня войти и осмотреться. Джек всё это время с дробовиком на изготовку ждал на углу ближайшего дома. И это был не полицейский боевик.

У входа в дом толпились бойцы S.W.A.T. «Good

job!» – хлопали они друг друга поднятыми вверх ладонями. «Хорошо сработано!» – оставалось присоединиться мне к общему удовлетворению. Лейтенант Люмбаргер, до этого флегматично относившийся к моему присутствию, глазами выразил заинтересованность в моей реакции на их не показательные, а боевые действия. Можно ли было ему отказать в искреннем и неподдельном восхищении? Почти счастливый и довольный, лейтенант с частью бойцов отбыл.

Следуя за пригласившим меня бойцом, я вошёл в старый дом. У входа, распластанный на полу, лежал в пластиковых наручниках массивный, с явными признаками излишнего веса (пишу политкорректно, по-американски, читатель пусть понимает как знает) мексиканец. Пыхтя, он просил, чтобы его перевернули на спину, задыхаясь. Почти пинком боец спецназа исполнил просьбу. Обливаясь потом, источая резкий запах пота и страха, мексиканец жалобно причитал что-то про ошибку. В ответ его довольно грубо пару раз тряхнули и отволокли на водяную кровать в центре комнаты. Там уже лежала его стройная сожительница. Едва оказавшись рядом, они начали тараторить по-испански. Трижды рывкнув, чтобы они заткнулись, полицейские оттащили девушку в угол комнаты, а злодею затянули потуже наручники. Давя на жалость, мексиканец подобострастно ублажал полицейских лестью и градом оправданий. Мне показалось, что я в России, вот только по превратности случая окружающие меня люди разыгрывают сцену и назло говорят по-английски и по-испански.

Внутри старый дом оказался просторным. Первый этаж – большая комната с кухней и совмещённым санузлом. Лестница вела на подобие балкона, чего-то вроде этажа-комнаты. Там же на втором этаже располагалась небольшая гардеробная комната. Кухня была едва прибрана, а ванная с туалетом вызвали однозначную ассоциацию с бомжатником. Слой ржавчины и слизи на трубах и ванной, грязных осадков и паутины по углам помещения... Джек пояснил, что вот это и называется муниципальным жильём. 300 долларов в месяц. М-да...

Тем временем рыжий детектив, бывший в доме до меня, извлёк из кармана клочок бумаги и обратился к мексиканцу, мол, буду тебе права читать. Я оглянулся, беспомощно выглядывая понятых по привычке. Но рыжий дежурно бубнил права.

– Ясно? – закончил он.

– Нет...

– Не-е-ет?! Чего тебе не ясно?! – потянулись к нему спецназовцы.

– Да ясно, ясно, чего вы, парни! Это ж шутка была!..

Затем рыжий ткнул мексиканцу в лицо листок, «search warrant», санкция суда на обыск, а затем и «arrest warrant», приказ об аресте. Мексиканец понял, что свет его надежд окончательно потух, и беспомощно, со вздохом отчаяния, завалился на водяной матрас. Стоя над поверженным противником, рыжий объявил ему, что сейчас начнётся обыск. Но арестованный уже впал в прострацию и никак не реагировал на предложение добровольно выдать имеющиеся в доме наркотики и оружие. Три детектива и спецназовец как муравьи расползлись по помещению.

Ничего нового в тактике обыска для себя я не увидел, кроме как способ фиксации его результатов. Обнаруженный сразу же в кухонном шкафу пистолет вплотную сфотографировали на цифровую камеру, зафиксировали затвор в крайнем заднем положении и вдели через казённый и ствол пластиковое кольцо с зажимом с биркой «evidence», доказательство. Пистолет положили в пакет и отметили в многостраничной анкете галочкой. Анкета эта, как мне кратко пояснили, аналог нашего протокола обыска, среди множества позиций ты выбираешь нужную и ставишь отметку, собранные воедино, эти показания дают картину обыска, писать ничего не надо.

Джек вдруг спросил меня громко, чтобы все слышали, хочу ли я вернуться в Штаты. Я чувствую подвох, отвечаю, что есть ещё дома дела. «Тогда не трогай ничего, НИЧЕГО НЕ ТРОГАЙ РУКАМИ! Любой отпечаток пальцев, и ты – минимум свидетель, а это вызов в суд». Остаток времени я проходил, держа руки в карманах.

Вскоре под мойкой нашёлся пресс, которым из порошка кокаина выдавливали таблетки. Стенки и дно механизма были покрыты слоем наркотика. К мексиканцу уже несколько раз обращались с вопросом, есть ли в доме наркотики, но он лишь, безразлично глядя в потолок, отрицательно вертел головой. Обыск шёл уже второй час. Джек начал нервничать, должны быть наркотики, должны, он вчера получил партию, никуда не ходил, никого не принимал, куда он мог их спрятать? От досады полицейские переворачивали кровати, матрасы, вытряхивали шкафы. Жандармский обыск в квартире большевика-подпольщика, как на лубяных картинках из пионерских учебников истории.

Покуда мы с Джеком бесчинствовали наверху, снизу прогремел голос сержанта-бодибилдера, который накануне был в прокуратуре, где оправдывался Джек:

– Еду с дежурства, смотрю, бегают испуганная

молодёжь, все кричат: «Там! Там!» Надо, думаю, заехать посмотреть, сообщил диспетчеру, чтобы вызвала патрули, а мне говорят, там обыск. Вот и подумал, обыск на моём участке, а я не в курсе? – внизу у входа стоял невероятного физического сложения полицейский. Даже габаритный пистолет и громоздкая рация у него на поясе смотрелись игрушечно. Скрестив ручищи на груди, он изучал арестованного.

Джек кратко изложил ему суть дела. Понимая, что кивнув головой, сержант попытался присесть на обую тумбочку у входа. Ему мешала коробка из-под обуви, лежавшая у самой двери. Все входящие ногами отпихивали её в разные стороны. Культурист случайно задел её ногой, крышка отлетела в сторону.

– Парни, а вы не это ищете? – поднял сержант коробку на всеобщее обозрение. Внутри лежали двадцать четыре пластиковых пакетика, плотно набитые кокаином. Было забавно и досадно, потратили два часа на поиски, пинали коробку все кому не лень, и никто не догадался открыть! Я несколько не злорадствовал. Тем более что был с ними и так же отчасти нёс ответственность за промах.

Джек принёс из машины ящик, где лежали всевозможные анкеты-протоколы, пакеты для вещдоков и маленькая лаборатория с тестами для наркотиков. Принимал вещдоки и заполнял протокол один из оставшихся на месте спецназовцев. Он позвал меня и, высыпав на стеклянную пластинку порошок, капнул в него реактивом. Смесь окрасилась в синий цвет. Кокаин, заключил он и пометил что-то в протоколе. «А если нет?» – поинтересовался я. Спецназовец на минуту взглянул на меня, потом повторил манипуляции и облегчённо выдохнул – кокаин.

Неужели этого хватит, чтобы осудить человека, нужна ведь экспертиза? Мне объяснили систему доказывания. Во-первых, мини-тесты имеют высокую степень надёжности, разработаны известными фирмами с мировым именем и опытом. Во-вторых, если фигурант будет возражать против их использования, назначат экспертизу, её проведут в лаборатории L.E.D. (оказывается, туда попадают далеко не все вещдоки!). Вот только если исследование подтвердит тесты, подлецу кранты. Здесь не любят, когда выкручиваются. Засудят по полной программе и обяжут оплатить стоимость экспертизы.

Часы показывали за полночь, мне следовало возвращаться. Джек и остальные полицейские с явной неохотой провожали меня. Им хотелось ещё пообщаться, вместе поработать. Подсозна-

тельно они уже воспринимали меня как коллегу, а в разгар работы домой не уходят. Их лица выражали это двоякое чувство. Но завтра они будут отсыпаться, а мне предстояло целый день провести на ногах. Всерьёз предложили устроить в мою честь вечеринку на следующий день, но я вынужден был отказаться.

По дороге в дом Эшли я спросил у Джека, что грозит мексиканцу. Наркотики – это преступление против штата, три года тюрьмы, а пистолет – подсудность федерального суда, восемь лет. Джек удовлетворённо отметил, что за последние полгода это самая крупная партия наркотиков в округе, граммов сорок кокаина, не считая того, что налипло на пресс. Кроме того, пистолет явно полицейский, из мерзавца душу вынут, но установят, в каком полицейском подразделении он был похищен или утерян. Скоро оружие найдёт бывшего хозяина.

Во втором часу ночи полицейский джип остановился на полянке перед домом Эшли. Разбуженный Карл искренне поблагодарил Джека и сфотографировал нас вместе на память.

«Сексуальные домогательства»

(история с Анной)

Проводив взглядом арестованного студента, получателя злополучных стероидов из Югославии, которого вели полицейские соседнего округа в машину, Джек с полной серьёзностью, словно не он, а я был коренным местным жителем, спросил меня:

– У нас проблема. Время обеда, подумай, где тут можно перекусить?..

В один из дней ливень прервал программу, и членов группы развезли по домам раньше времени. Я вошёл в дом Эшли. Извиняясь перед хозяевами за мокрые следы, попытался просочиться в свою комнату, чтобы быстрее сбросить с себя набухшую от воды одежду. На пороге комнаты меня застал вопрос Патрисии, ужинал ли я. В другой раз соврал бы, чтобы не доставлять хозяевам хлопот, но не спавший в Америке аппетит больно ткнул в пустое нутро, и я заявил: «Нет!»

– А мы ничего не готовили! – супруги Эшли разочарованно переглянулись, похоже, вопрос был дежурный, а ответ обязывал нарушить планы семьи на вечер: оба уютно устроились перед телевизором.

Только я ругнулся в адрес Америки и её кухни, как супруги известили меня, что мы едем в ресторан на мой выбор. Китайский, японский,

итальянский, мексиканский, – перечисляли Эшли. «Хочу в русский!» Поняли шутку, не обиделись. Едем в мексиканский.

В названиях мексиканских блюд я ничего не понял и доверил свой выбор очаровательной официантке. Понимающе улыбаясь, она справилась, местный ли я? «Нет». – «Вы не из Флориды?» – «Нет же, мисс!» Патрисия метнула ревнивый взгляд на официантку. Допрос на английском языке продолжался. «Сэр живёт в Штатах или гость Америки?» – «Мне острого нельзя», – пытаюсь торпедировать её «программу». Не сработало. «Сэр – русский?» Да что, у меня на лбу написано или она наш разговор подслушивала? Она, тем же тоном, на английском:

– И я русская. Из Перми, студентка Пермского университета, здесь учусь и в ресторане подрабатываю. Полгода здесь, ни слова по-русски. Смотрю, мужик заходит, как почувствовала – наш... Схватила меню и к вашему столику.

Немая сцена, как в «Ревизоре». Всё подстроено? Мы растерянно переглядываемся с Карлом и Патрисией. Та же девушка по-русски:

– Меня зовут Аня!!!

Всеобщее изумление, ликование, приветствия, поздравления...

Аня попросила остаться после ужина и провести с ней вечер. Отпустив пару шуток, супруги Эшли отбыли домой, восторгаясь сюжетом. Уходя, Патрисия разрешила вернуться домой за полночь и даже пообещала «прикрыть» с утра перед делегацией. Эшли уехали, а мне в ожидании конца Аниной смены оставалось тянуть мексиканское пиво, разглядывать несвежий ресторанчик и его клиентов да перебрасываться фразой-другой с Аней, когда она пробегала мимо столика. Персонал ресторана загадочно поглядывал в мою сторону, я улыбался, мне отвечали, казалось, не совсем искренне.

Кончилась смена. Скоро, кинув коллегам «bay-bay», Аня выскочила ко мне на крыльцо. Небесный водопад и одинокое шоссе смывали романтику южной ночи. Свидание не задавалось. Выбраться бы из-под ливня... Но оказалось, надо срочно бежать.

– Они полицию хотят вызвать, – виновато заговорила Аня. – Там, в ресторане, они думают, что ты маньяк, хочешь меня соблазнить и убить в кустах. Зря не веришь. По закону штата, посетитель, два раза обратившийся к официантке не в связи с заказом, может быть обвинён в сексуальных домогательствах. От шести месяцев тюрьмы. Администратор и девчонки зашикали на меня, мол, звони в полицию. Администратор успела набрать

911. Я им объясняю, он земляк, я первая с ним заговорила, а они...

Сексуальные домогательства – дело частного обвинения, стоило Ане крикнуть в телефон, что никаких заявлений она писать не будет, что к ней всего лишь приехал соотечественник, к тому же полицейский, на том конце повесили трубку. Администратор была вне себя, но отступилась, излив на Аню желчь за распущенность её нравов.

К чему-то вспомнилось, что с утра у нас по плану экскурсия в местную тюрьму. Пойдут наши делегаты в камеры заглядывать, а там – я, «сексуальный домогатель»...

И вправду, лучше убраться отсюда поскорей. Аня забежала обратно в ресторанчик и вызвонила американского бойфренда, мол, ради меня среди ночи куда хочешь приедет. Через пять минут роскошный лимузин отвёз нас в круглосуточное студенческое кафе, где мы намерены были просохнуть и пообщаться. Но «звонок другу» имел непредвиденные последствия.

Бойфренд, здоровенный, лет двадцати, детина, стриженный ёжиком, с длинным именем, которое кончалось словом «second» (названный, как отец, так и будем называть его, «Второй»), деловито закрыл машину и пошёл в кафе за нами. Анин намёк на бестактность был перебит требованием позвонить в полицию:

– Он же маньяк! Ты только посмотри на него! – детина тыкал в меня увесистой лапой-ладонью. – Он пойдёт провожать тебя ночью и задушит в придорожных кустах.

– Да вы что, сговорились?! – оторопела Аня. – Он вообще полицейский!

Я сунул Второму под нос удостоверение. Молочник оробел, но уходить вовсе не собирался. Нагло подсев к столу, он впился в меня глазами.

– Забей, – вздохнула Анна. – Он упёртый. Давай лучше говорить по-русски, пусть побесится.

Но радоваться было рано:

– Говорите по-английски, вызову полицию, – пригрозил Второй.

– Козёл! Ничего не поделаешь, – Аня вздохнула. – Ты иностранец, считай – никто. Он запросто наговорит глупостей, и тебя арестуют.

Таким необычным было это свидание: двое русских в американском кафе болтают по-английски под надзором мускулистого громилы, поглаживающего кнопки «911» на сотовом телефоне. Наша с Аней болтовня то и дело прерывалась безумными вопросами Второго вроде «будут ли русские помогать Америке воевать с терроризмом?», «есть ли в России маньяки?», «курят ли русские марихуану?».

– А вот наши студенты курят. Все! Я не курю! Я спортом занимаюсь, – и Второй зарделся в раскатиистой до ушей улыбке. Нехороший был у него смех. Ставлю один к десяти, он в американский футбол играл, этим в их армии даже автоматы не дают.

Оставалось получать удовольствие от созерцания «их» мира. Вот, например, заказываешь кофе. Приносят целый кофейник. Литр! Вполне сносный кофе. И подогреватель ставят на стол. Возражаю, мол, заказывал чашку. В меню-то «чашка кофе – доллар», – а ну как «разведут» сейчас на десятку.

Официантка:

– Сэр, всё правильно: чашка, кофе, сахар с сахарином, без, сливки по вкусу, шоколадная конфета к кофе. С вас доллар.

Неужели такое бывает? Аня согласно кивает, есть в штатовском общепите приятные правила.

Ночь, ливень, глаза Второго как хватка бульдога. Хочу спать, но надо допить дармовой кофе, осталось всего пол-литра...

Снова озираюсь: в большом зале чистого кафе светло и уютно. Совсем не пахнет едой, свежо. Автоматы с напитками и гамбургерами, игровые автоматы вдоль стен. Хочешь, заказывай, хочешь, сам покупай еду навынос или развлекайся. Занят каждый столик. Вот рядом сидит бородастый-волосатый студент с фолиантом, конспектирует. Через стол стайка студенток живо расписывает любовные похождения, машут руками, хохочут. Влюблённые молча поедают друг дружку глазами. Попробуй поцелуйся, могут за «аморалочку» под дождик из кафе выпроводить, а то и в полицию сдать. Шахматисты, музыканты в наушниках, кого только нет...

Договорились до политики, значит, пора по домам. Каждому надо выспаться. Второй уводит Анну, но она требует от него довести меня до дома. Дитина паркуется к самым дверям дома Эшли. Прощаюсь. Новый день подарит новую необычную встречу с Аниным миром...

– Время обеда, подумай, где тут можно перекусить? – спрашивает Джек.

Он с трудом верит в мой рассказ, смеётся от души. В машину садятся ещё два детектива, им Джек с ходу пересказывает историю. Меня хлопают по плечу, говорят, мол, здорово бы влип, девчонка-то хоть стоящая? Расписываю Аню в лучших красках. Детективы переглядываются и... командируют рыжего худощего коллегу занимать столик в мексиканском ресторане, да чтоб попросил Аню обслуживать столик. Через двад-

цать минут рыжий звонит: столик занят, обслуживает Аня, «ка-кая дэвушка»!

У входа на кассе восседает толстенная низкорослая тётушка в велосипедных обтягивающих шортах, кажется, она и есть администратор. Зал забит, время обеда. План «разгрома» этого заведения родился экспромтом:

– Мэм! – наклоняюсь я через стойку кассы и делаю знак детективам, чтобы оставались пока со мной. – Мэм! Вы администратор?

Мексиканка самодовольно кивает, сквозь векищёлочки озирает нашу команду. Она узнала меня, но ничем себя не выдаёт, надеется, что сегодня-то я от неё не уйду. Нарочито громко, чтобы слышно было посетителям, обращаюсь к ней:

– Это вы вчера хотели вызвать полицию, чтобы обвинить меня в сексуальных домогательствах за разговоры с той официанткой?

Голова мексиканки заваливается набок, она меняется в лице, картинно изображая изумление. Зал медленно оборачивается на нас. Тут главное не дать ей опомниться:

– Мэм, сегодня я намерен пообедать у вас и хочу, чтобы мой столик обслуживала та же самая официантка, Аня. Поболтаю с ней немного. А чтобы вас не затруднять, я пришёл с полицией. Джентльмены, покажите ей ваши значки.

Ура! Парни с полуслова оценили мою задумку и не подвели. На глазах ошарашенных посетителей к лицу администраторши протянулись три золотых значка офицеров полиции.

Нокаут! Чистая победа! Гробовая тишина в зале. У нас с детективами тихая истерика. Мексиканка заметалась, словно загнанная крыса, шипя, выдвигая распоряжения. Крикнули Аню. Её выход:

– Санта, – глотая смех, Аня ангельским голоском изобразила саму невинность, – а джентльмены уже сделали заказ.

– Так что же ты стоишь?!!! Джентльмены проголодались, у них мало времени, их ждёт тяжёлая работа!.. – визжала Санта вслед убегающей на кухню Анне, сама же, опрокидывая клиентов со стульев, прокладывала своим животом, словно ледоколом, путь к столику. Обслуживание было по высшему разряду.

Вот, собственно, почти и конец анекдоту. На высоком старте детективы сошли с дистанции: разыграв мексиканку, что не запрещено законом, они ни в какую не согласились говорить с Аней «не в связи с заказом». Закон есть закон, а они всё-таки «при исполнении». Их искусственно безразличные взгляды и нас с Аней заразили пессимизмом. Всё ограничилось обедом. Стоит, пожа-

луй, отметить, что сержант Джекобс не дал мне потратить и цента за обед, посчитав едва ли не личным оскорблением мою попытку расплатиться по счёту.

Адвокат «дьявола»

Говорят, мир тесен. И когда здесь, в Петрозаводске, я встретил Пола Миллера, библиотекаря из Чикаго, то был крайне рад рассказать ему о своих похождениях в США.

– О, Флорида, – протянул Пол. – Лет пять-шесть назад там поймали маньяка, убившего пять студентов, он буквально разрезал их на кусочки. Расследование еле двигалось: мало было желающих защищать такого монстра. Много раз собирался написать об этом статью, но всё никак не мог выбраться из Чикаго. Кажется, маньяка защищал...

– Паркер. Сэр Си. Ричард Паркер⁸, – подсказал я. – Я разговаривал с мистером Паркером, как с вами...

Эту историю на разные лады мне рассказывали несколько человек, из которых только один, начальник местной полицейской академии, в бытность детективом был участником расследования. Лет за пять до нашего приезда в Гейнсвилле был совершен ряд убийств, потрясших Соединённые Штаты. То тут, то там в городе находили изуродованные и старательно расчленённые тела студентов Университета Флориды. Было очевидно – орудовал маньяк. Преступника бросили искать значительные силы полиции и местного исцеления.

Его застigli в комнате университетского общежития над очередной жертвой. Вскоре он дал показания. Прокуратура была готова передать дело в суд, но для судебного слушания требовалось участие адвоката. Обвинение было обязано предоставить бесплатного адвоката, но где ж его взять, если все адвокаты штата дружно отказались от участия в деле?

Хотя формально только суд мог признать человека виновным, сомнений в том, кто совершил убийства, не было, в том числе и у юристов. Гражданская позиция оказалась сильнее профессионального интереса. Впрочем, не обошлось и без «корыстных» мотивов: защитнику был гарантирован ярлык «адвоката дьявола», а это конец профессиональной репутации, а следом и карьеры...

Всё происходило на юге Штатов, где со времён Конфедерации высоко ценятся долг, честь, поря-

дочность и деловая репутация. Адвокаты-южане сами к себе относились как к обычным гражданам, являющимся специалистами в узкой области знаний. Это отрезвляет, ибо позволяет адвокату охватывать не только рамки юридического факта и процедуру его расследования, но и последствия, причём такие, как предстоящую жизнь среди людей, близкие которого погибли от руки защищаемого ими убийцы, и жизнь в обществе с убийцей, которого они в состоянии оправдать. Всё важно для адвоката: и имидж хорошего юриста, и авторитет у коллег, и гонорар, но где гарантия, что, выйдя из зала суда или после краткосрочного заключения маньяк не вернётся, чтобы забрать жизнь и душу близких защитнику людей?

На таком фоне истекали последние сутки содержания маньяка под арестом. Ни обращения, ни увещевания в коллегии адвокатов не возымели воздействия, власти штата сбились с ног, приглашая адвокатов по всей стране. Всё было тщетно. И вдруг как гром среди ясного неба: директор Службы публичной защиты заявил о намерении защищать обвиняемого.

В тот же вечер местное юридическое сообщество едва ли не в полном составе нагрянуло в офис мр. С.Р. Паркера. Царила паника: вразумляли потерей репутации и обструкцией.

Наконец издёрганый Паркер собрался с мыслями:

– Джентльмены! Есть ли сомнения в том, что убийства совершал подзащитный? Едва ли: слишком очевидны улики. «Виновен» или «невиновен», скажут присяжные, но все наперёд знают вердикт. Джентльмены, я, как и вы, нахожу, что защита здесь скорее элемент процедуры, чем практическая необходимость. Но мы знаем, что без защиты его наверняка освободят из-под ареста, формально обвиняемый должен будет находиться в городе, пока не найдут защитника и не назначат судебные слушания. В городе, джентльмены, а значит – на свободе. В городе, в котором совершено уже столько убийств! Кто из вас гарантирует, что он смиренно будет дожидаться суда? А не вводим ли мы в искушение тех горожан, чьи близкие были растерзаны злодеем? Формально он ещё не признан виновным, и любое покушение на него юридически будет расценено как преступление. Так-то мы ценим своих сограждан?

Мы защищаем закон и сограждан! Я, директор Службы публичной защиты округа, нанят жителями этого округа, которые содержат меня, платят налоги и ожидают защиты их прав. Предстоящая работа есть выполнение моего долга и служит достижению названных целей: сколько бы мы с ва-

ми ни были убеждены в виновности обвиняемого, закон требует признать его вину в суде, и суд должен состояться. Но нет суда без защиты, а само наличие и деятельность суда есть следствие переданных судебной власти полномочий народа. Следовательно, отсутствие защиты лишает народ права на принятие законного решения с целью установить истину, восстановить справедливость и оградить сообщество впредь от опасности. И не мне, нанятому местным населением «бесплатному адвокату», становиться препятствием на пути гражданской воли. Пусть свершится правосудие...

Смятение – первое чувство слушателей – сменилось восторгом и гордостью. Последние слова Паркера утонули в буре оваций. Хозяина вынесли из офиса на руках, а на следующий день ему рукоплескал весь город. Суд состоялся. Но Паркер добился своего: обсуждение было крайне взвешенным, а не брезгливым и высокомерным, приговор же выносился как суровая необходимость, а не выношенная и злорадная месть⁹.

Встреча с Р. Паркером состоялась благодаря моему хозяину Карлу Эшли, который, улаживая вопрос посещения управления шерифа, получил на моё имя разрешение на участие в «drug raid». Документ, состоящий из собственно разрешения и инструкции для участника рейда, должен был быть заверен адвокатом. Как ни уважал меня Карл, но платить за меня адвокату, видимо, в его планы не входило. Однако, как официально зарегистрированный налогоплательщик, я имел право на бесплатного адвоката, которого каждый нуждающийся и мог найти в Службе публичной защиты.

Прибыв в назначенное время в офис Службы, я нашёл его расположенным на одном из верхних этажей старого технического здания. Десяток кабинетов, нуждавшихся в основательном ремонте, старая мебель, кипы пыльных бумаг на столах, в коробках, на полу, стеллажах, гудящая устаревшая оргтехника... Удивительным был персонал: молодёжь студенческого возраста и женщины средних лет.

Нас встретил невысокий бородатый философ с потухшей трубкой в зубах. Вдумчивость, сострадание и вместе с тем непримиримость к сознательному греху во взгляде обещали встречу не с неудачником, не способным добиться лучшей юридической карьеры, но с человеком, убеждённым в том, что скромный пост его – лучший способ выполнить свой гражданский долг, реализуя свои профессиональные возможности. При этом директор Службы увлекался наукой, отстаивая и углубляя теорию биологической предрасположенности к преступлению, популярной в США.

Его служба родилась, когда Флориду стали наполнять приезжие с толстыми кошельками, пенсионеры, скупавшие недвижимость, и отдыхающие гангстеры, которым «деньги жгли ляжки». Чужие деньги притягивали жуликов и бандитов всех мастей. Прокуратура и суды задыхались от работы, а адвокаты задирали гонорары. Наконец часовая ставка защитника разорила бюджет, арестованных нарушителей пришлось выпускать до суда. Необеспеченность правом на защиту превращалась в правовую беспомощность властей. Тогда и решили: бюджетная служба публичной защиты выгодна во всех отношениях. Невысокая оплата и непопулярные дела профессионалов не привлекали, но вчерашние выпускники юридической школы охотно брались за работу ради практики. Средний срок работы персонала в Службе не превышал 1-3 лет. Ричард Паркер оказался блестящим администратором и педагогом в постоянно меняющемся коллективе.

Неимущему задержанному полиция немедленно вызывала адвоката из Службы. Обращались в неё и по имущественным спорам, под залог будущих выплат и компенсаций, благодаря чему несостоятельный человек, отвергнутый дорогим адвокатом, мог ввязаться в перспективную судебную тяжбу, а дотационная Служба выходила из судебного спора с финансовой прибылью.

Таллахаси

Столица штата Флорида – немногочисленный городок Таллахаси. Езды от Гейнсвилла до Таллахаси по шестиполосному шоссе часов пять. Минивен покрывает в час 130-140 миль, но скорость не ощущается. Шоссе свободно, изредка нас обгоняли огромные трейлеры, за рулём одного мы заметили немолодую женщину.

На трассе выстроены никем не охраняемые аккуратные здания с туалетами, навесами со скамьями, столиками, автоматами для продажи напитков и прессы. Возле них установлены ящики с объявлением: услуги бесплатные, но организаторы просят посетителей жертвовать на нужды детей-инвалидов. Принято жертвовать доллар.

В Таллахаси нас встречают пустынные улицы, площадь перед правительственными зданиями радуется уходом. У входа в здание местного Конгресса уже привычно для нас дежурит целая бригада охраны в гражданских костюмах и полицейской униформе.

В вестибюле здания небольшая молитвенная комната, всякий желающий может здесь помолиться и даже зарегистрировать брак. Налево от входа расположена резиденция губернатора

штата. Губернатор здесь не простой – родной брат Джорджа Буша. Увидеть его не удалось, говорят, был вызван к брату на «ковёр».

Тем временем нам показывали, что такое Конгресс штата Флорида. Не так давно штат принял новую Конституцию, но состав Конгресса остался прежний: верхняя палата – Сенат и нижняя – Палата представителей.

Депутатов Палаты представителей 120, их избирают на два года по одному от 100 000 избирателей. Переизбираться в Палату можно 3 раза. Чтобы сохранить преемственность в работе и не начинать работу каждый раз с «нуля», состав депутатов меняется по 40 человек ежегодно. Во главе – спикер, он избирается из числа депутатов на 2 года, после чего навсегда лишается права избираться в законодательный орган штата. Сенат скромнее – 40 депутатов, срок полномочий – 4 года. Переизбираться можно лишь один раз. Во главе Сената – президент из числа сенаторов.

Конгрессмена можно отозвать в случае совершения им уголовного преступления. Решение об отзыве принимает губернатор штата либо сам законодательный орган. По общему в США правилу депутаты законодательных органов штатов не имеют иммунитета и народного избранника можно арестовать прямо на рабочем месте.

Ежегодно Конгрессом обсуждается в среднем 2000 законопроектов, не считая различных слушаний по исполнению тех или иных нормативных актов, экстренным вопросам... Не более чем один из десяти проектов становится законом.

Обе палаты поразили как удобствами и комфортом, так и открытостью: балконы для общности с числом мест, как в театре. Присутствующая публика права выступления не имеет, но в перерывах депутаты повсеместно общаются с избирателями.

Конгрессмены сами ищут встреч с народом. В Палате представителей над залом заседания предусмотрена оборудованная студия, в которой могут работать журналисты любой телекомпании. Заседания палат по наиболее важным проблемам транслируются в прямом эфире ведущими телеканалами штата. В обеих палатах над президиумом вывешены огромные электронные табло, на которых во время голосования высвечиваются фамилии всех депутатов и их ответы «да» или «нет». Голосуют только за себя, а не за «того парня», как в России. Хотя закон не требует, депутаты никогда не скрывают результатов голосования, таковы моральные и этические нормы в политической среде.

Заглядываем в кабинет президента Сената. Ра-

бочее место одного из первых лиц штата украшает сувенир с атрибутикой пожарной охраны: президент начал свой трудовой путь рядовым пожарным, в честь этого и получил от коллег подарок. На месте мы его не застали, как и губернатора, президент находился в командировке в Вашингтоне.

В здании Конгресса работает администрация штата. Не путать с администрациями российских губернаторов и правительствами субъектов Федерации. Здесь это некий организационно-информационный орган, в задачу которого входит информирование Конгресса и губернатора об исполнении их решений и наоборот – уведомление исполнителей о решениях законодателей и техническая организация работы. Исполнителями по преимуществу являются не министры и министерства (каких в штате попросту нет), а отдельные департаменты штата (полиция, департамент охраны окружающей среды, образования, здравоохранения и т.д.) и различные негосударственные организации, по контракту выполняющие решения Конгресса или губернатора.

Далее офис Службы генерального атторнея штата. Функции атторнея заметно отличаются от функций отечественных прокуроров, прямой аналогии нет. Атторней, скорее, главный адвокат и юрисконсульт властей и населения штата. Лицо это выборное. По Конституции штата им может стать любое лицо, раньше так и было. Но опыт показал, что это место должен занимать опытный юрист. Срок полномочий атторнея – 4 года, но можно дважды переизбираться.

Генеральный атторней возглавляет Law Enforcement Department (L.E.D.), Правоохранительный департамент. Важнейшим направлением работы департамента является защита прав жертв преступлений. Ни атторней как должностное лицо, ни департамент как организация не поддерживают публичного обвинения, за исключением случаев апелляции в Верховный суд штата. Атторней и L.E.D. имеют свой бюджет. В пределах бюджета и обеспечиваются права жертв.

Основные направления деятельности атторнея и его департамента: domestic violence, домашнее насилие, victim's rights, права жертв преступлений и investigations, расследования. Каждым направлением заняты соответствующий отдел.

Последние годы защита от домашнего насилия достигла в США такого уровня, что для защиты членов семьи от неуравновешенных родственников полиция при очевидных признаках насилия (крики о помощи из дома, рыдания, громкий плач, звуки побоев и пр.) может проникать в жилище без судебного постановления.

К атторнею вправе обратиться любое пострадавшее от преступления лицо с ходатайством о защите его прав. Уполномоченный офицер L.E.D. в сжатый срок рассматривает жалобу. Проверяет, нарушался ли закон штата либо федеральные или местные законы (за них штат ответственности не несёт), получала ли жертва компенсацию от виновных или иных лиц, не было ли лицо каким-либо образом заинтересовано в совершении правонарушения или спровоцировало его совершение, какие условия и обстоятельства способствовали его совершению, как реагировали учреждения штата, как обеспечивал закон права жертвы и пр. Так, шансы автовладельца получить компенсацию за автомобильную кражу ничтожны, если, несмотря на объявления на всех автостоянках «Закрывайте ваши автомобили во избежание краж и угонов», рекомендации страховой компании и полиции, он всюду оставлял машину открытой.

В США доминирует концепция, согласно которой полную гарантию безопасности органами правопорядка обеспечить невозможно, но можно минимизировать угрозу путём создания каких-либо условий, осложняющих совершение преступления, например снижением виктимности населения. Если вы проигнорировали рекомендации L.E.D.: не ходить по значным местам в одиночку, не садиться в машину к незнакомцам и т.д. – и в результате подверглись насилию, то едва ли это вызовет сочувствие и понимание у атторнея и его офицеров.

Ключевым моментом в работе атторнея и L.E.D. как раз и является то, что при разборе отдельных случаев проводится анализ системы обеспечения безопасности, в т.ч. состояния законодательства, работы учреждений штата и т.п., вычисляются «белые» пятна в законодательстве, недоработки органов власти, должностных лиц, разрабатываются механизмы их устранения. Прелесть системы в том, что защиту может получить лицо, пострадавшее вследствие пробела в праве, т.е. если будет доказано, что в отношении лица были совершены очевидно несправедливые действия, каким-то образом не являвшиеся ни гражданским деликтом, ни уголовным преступлением. Непрерывно информируются заинтересованные должностные лица, органы, депутаты, губернатор... Печальна судьба проигнорировавшего информацию атторнея.

Сведения о несовершенстве закона публикуются в СМИ и передаются в Конгресс. Так иницируют законодательную инициативу в Конгрессе, а заодно ориентируют избирателей на контроль

над тем, как депутаты будут реагировать на информацию о нарушении прав граждан. В США этот механизм работает безукоризненно, изменения в закон штата принимаются в считанные дни. Если вдруг оказывается, что вопрос не в компетенции штата, в Вашингтон отправляются целые делегации от законодательного органа штата штурмовать Конгресс США. Костями ложатся, а добиваются изменений федерального законодательства, иначе не выдать депутатам переизбрания как своих ушей.

Настоящим открытием для меня как сотрудника правоохранительных органов было то, что под эгидой L.E.D. действует специализированная правоохранительная структура, не имеющая аналогов в России. Под одной крышей она объединяет экспертно-криминалистические службы, информационно-справочные учёты, аналитические службы, базу хранения вещественных доказательств, службы кадров и профессиональной подготовки личного состава правоохранительных органов. Тем самым полицейские участки освобождаются от необходимости содержать своих экспертов, учётные и аналитические подразделения, службы кадров, воспитательной работы, профессиональной и боевой подготовки. Высокие технологии и совершенные коммуникации позволяют L.E.D. получать и передавать обслуживаемым учреждениям сведения с высокой скоростью и точностью. Мало того, само наличие такого органа делает получаемые им результаты более объективными.

Эксперт L.E.D. не служит в полиции, и полицейским объективно труднее воздействовать на него с тем, чтобы повлиять на экспертное заключение, чем если бы он был их коллегой. Труднее и адвокату поставить под сомнение выводы эксперта по той же причине. Распределение материалов экспертам на исследование производит компьютер, а ряд исследований производится вообще без участия человека. Поражал технический уровень работы: высокотехнологичное оборудование позволяло эксперту лишь загружать в него объект исследования и снимать готовое заключение через заданное время. В одном из корпусов нашим глазам предстала полностью автоматизированная лаборатория, заставленная приборами-роботами, выполнявшими одновременно несколько сотен экспертиз.

Нас сразу же заинтересовала правовая основа работы криминалистов L.E.D. Тут обнаружилась весьма продуманная и совершенная система. Объект, поступивший с места преступления, получает номер и передаётся эксперту, который не

имеет понятия о происхождении вещдока, что исключает необъективность исследования. Эта система сохраняет тайну личности экспертов, исключая возможность их устранения, шантажа или подкупа. В противоположность российской практике, где эксперт связан вопросом исследования, американскому эксперту вопросы могут и не задавать, он исследует объект «на полную катушку», выдавая о нём всё, что только можно узнать, используя наличные технические возможности.

Здесь формируются коллекции образцов для сравнительного исследования. Закон штата позволяет собирать генетический материал у лиц, совершивших особо тяжкие преступления против личности (насильников, убийц, грабителей и пр.). Проводят сложнейшие судебно-медицинские исследования. Великолепно оснащённые передвижные лаборатории позволяют выполнить огромный спектр исследований прямо на месте преступления. Специальное оборудование способно обнаружить даже зарытое на метр в грунт тело, проводить глубоководные работы, идентифицировать человека по всем имеющимся учётам...

Восхищал отдел комплектования подразделений правоохранительных органов. Начальнику полиции, пожарной охраны, директору тюрьмы достаточно сообщить, какими бы они хотели видеть своих офицеров, и специалисты отдела, изучив линию обслуживания, предполагаемый объём работ, режим трудовой деятельности, территорию или объект обслуживания, на основе научных методик выведут квалификационные требования к кандидатам на службу и действующим сотрудникам. Соответствие требованиям – необходимое условие для получения лицензии на работу.

Раз в три года каждый полицейский и пожарный должны получать новую лицензию. За 2-3 месяца до окончания срока действия предыдущей лицензии офицер получает уведомление о необходимости пройти тесты с указанием времени и места их сдачи. Приём тестов ведут незнакомые офицеру специалисты L.E.D. У таких за бутылку пива тройку за кросс не получишь. В случае несдачи тестов и при желании продолжить службу с офицером обговаривается срок пересдачи, не превышающий 6 месяцев. Если лицензия не продлевается, офицер подлежит немедленному увольнению. Для всех желающих поддержать или повысить квалификацию организуют обучающие семинары, курсы по специальностям.

В информационный центр L.E.D. стекается информация из всех правоохранительных органов штата, включая суды, как в электронном, так и в письменном виде. Благодаря системе любой

детектив в штате, не выходя из кабинета, может собрать на фигуранта досье, связавшись по сети с L.E.D. Описывать систему учётов нет смысла, т.к. правоохранительным органам США неведома наша «битва за показатели», а разнородное законодательство не позволяет унифицировать составы правонарушений и, соответственно, вести однообразную статистику. Информационный центр снабжает обзорами первых лиц штата, Конгресс, иных заинтересованных должностных лиц, СМИ, по заказу полицейского участка оценит оперативную обстановку, даст прогноз и возможные пути решения проблем, порекомендует варианты реорганизации, технического переоснащения, переподготовки кадров и т.д., выдаст по запросу информацию любому налогоплательщику.

В сравнении с их специалистами образ российского аналитика откровенно тусклый: аналитиками L.E.D. становятся седовласые профессионалы-полицейские, отдавшие многие годы оперативной и следственной работе, интеллектуалы с большим багажом знаний. От них требуются знания психологии, социологии¹⁰, политологии, криминалистики, менеджмента, поощряются их постоянные консультации и советы с учёными, юристами-теоретиками, действующими законодателями.

Верховный суд штата

Председатель Верховного суда¹¹ штата Флорида встретил нас без особых торжеств. Старики на вид, он поразил нас ясным сознанием, великолепной памятью и гибкостью в рассуждениях. Верховный суд – вершина карьеры судьи, и попадают в него в довольно зрелом возрасте. Крепкие люди судьи, если в этом возрасте они способны сдавать все необходимые тесты и отправлять правосудие!

Собственно, председателем судья не был. Как в Древней Руси князь был старшим среди равных ему дружинников, так и в системе американской Фемиды председатель является неким старейшиной с правом авторитетного, влиятельного, но абсолютно равного по силе всем другим голосам судей. Его председательская роль в основном проявляется в сношениях суда с иными организациями и ветвями власти, когда председатель выступает в качестве полномочного представителя всего состава суда. Никакими особыми полномочиями как судья он не отличается и организационно-распорядительными функциями по отношению к судьям не наделён.

Зал Верховного суда отделан мрамором и фресками, в окнах витражи, колонны уносят взор к сводчатому куполу, озаряющему присутствующих. Тут только я обратил внимание, насколько устройство судебного зала схоже с устройством церкви; характерно, что допуск к тому или иному месту в зале может зависеть от статуса человека. Но если в российском суде эта формальность соблюдается только во время заседания, то в США и в пустом зале никому, кроме судьи, не дано сесть на его место. Выйти за ограждение, отделяющее зрительный зал, означает выказать неуважение к суду, что даёт право судье тут же вынести приказ об аресте нарушителя.

От мыслей о высоких материях на землю нас спустили напутственные слова председателя, который, как и многие до него, принялся преподавать нам курс демократического и правового «ликбеза». Без него мы, конечно, понятия не имели, что такое суд и зачем обществу закон. Раздосадованные земляки стали забрасывать председателя колючими вопросами из теории и практики, на которые он с достоинством отвечал, натываясь на... глухое непонимание российских коллег. Оно и понятно, воспитанные в зажатых условиях «демократического централизма», наши юристы даже на уровне фантазии не способны были представить, что правосудие может иметь подобные масштабы свободы и систему самоконтроля.

Так, например, выяснилось, что апелляционные инстанции вправе отклонять жалобы сторон без объяснения причин, причём отклоняется подавляющее большинство жалоб, а суды вправе отменять или изменять собственные решения по своей инициативе при определённых обстоятельствах (судья может... передумать, осознать, что ошибся!). В суде возможны переквалификация, возбуждение уголовного дела, судебное следствие, предъявление новых обвинений. Судьи могут лично выезжать на место преступления или что-нибудь в этом роде. «Правовой беспредел»!

Во Флориде были созданы первые в мире суды по наркотикам. Любое уголовное дело, если даже хоть одно из обвинений связано с наркотиками, рассматривается «Drug courts», судами по наркотикам. Практика идёт по пути назначения проба-ции¹² при первой судимости, кроме дел крупных наркодилеров. Последующие аресты, как правило, заканчиваются тюремным заключением. В тридцати штатах трудились над созданием аналогичной судебной системы. Часто приезжали за опытом зарубежные делегации, для которых ор-

ганизовывали обучающие семинары. Тут надо сказать, что в США действуют и другие специальные суды, например, суды по делам несовершеннолетних, где судьи обязаны быть не только юристами, но и педагогами, и психологами.

Noel Desmond

Нейвил Десмонд. Вообще-то, «по паспорту» Него звали Ноэл. Но, видно, в честь службы в морской пехоте, особо близкой к ВМФ, по-английски NAVY, «нейви», он подкорректировал своё имя. Получилось что-то вроде прозвища. Мы познакомились в небольшом курортном местечке High Springs, в 140 милях от Гейнсвилла, куда на следующий же день по прибытии во Флориду нас повезли американцы. Всё началось с прогулки на катере, которым владел Ноэл.

Мы быстро сошлись с этим малоразговорчивым, но поразительно доброжелательным, чувствительным человеком. У него были глаза, которые помнятся всю жизнь. Скрытые за тёмными очками, они всё равно выдавали глубокую печаль и необъятную любовь и добродетель.

— Я родом из этих мест, — рассказывал Ноэл. — Пятьдесят лет назад здесь ещё жили индейцы-семинолы. Мы, белые мальчики, играли с ровесниками из них, хотя это было небезопасно. С ними надо было держать ухо востро, внешне дружелюбные, при любой возможности они старались насолить нам. Мне было лет десять, когда они столкнули меня в какую-то яму на болоте и убежали. Яма выходила в нору самки аллигатора и была набита молодыми голодными рептилиями. Выбраться мне удалось дня через три, с тех пор не умею бояться, могу есть змей и лягушек. Эта яма спасла мне жизнь во Вьетнаме.

Сын эмигрантов-итальянцев, он учился в католической школе со строгими порядками. Знает латынь и наизусть Священное Писание. Родители видели в нём приходского католического священника, но он выбрал другую судьбу. В 14 лет он отправился в Корпус морской пехоты США. Не то юнгой, не то сыном полка, воспитанником, есть такой малоизвестный институт военной службы и подготовки молодёжи. В 18 лет был призван в ВМФ и два года ходил матросом на кораблях 6-го флота США, который тогда курсировал вокруг Европы. Стоянки часто бывали в портах Франции и Италии.

После общения с французами он вынес и сохранил крайне пренебрежительное и почти брезгливое отношение к этой стране и её народу. Говорит, за все жертвы, что США понесли для осво-

бождения Франции, она отплатила им чёрной неблагодарностью. Он служил ещё с теми, кто воевал во Франции в 1944–1945 гг. Ветераны рассказывали легенды о трусости и бездарности французской армии. Мол, русские хоть и с помощью ленд-лиза, но сами нацистов из России выгнали и страну восстановили. А французы едва с помощью союзников себе родину вернули, на их деньги поднялись. Зато упорно отказывают освободителям в заслуженной славе, считая их чуть ли не новыми оккупантами.

В разгар вьетнамской войны добровольцем вернулся в морскую пехоту, стал снайпером, прошёл подготовку по борьбе с «герильей», народной партизанской войной. Ходил в одиночные рейды, подолгу жил в джунглях в тылу противника. По окончании годичного контракта подписал второй, потом ещё и ещё. Зачем? Отвечает: «Crazy»¹³. За четыре с небольшим года снайпер Десмонд уничтожил более 200 солдат и офицеров вьетконговской армии. Его жертвами были и советские военные советники. Затем тяжёлое ранение, после которого он очнулся на плавучем госпитале в Тихом океане. Война не отпускала, бредил ею, рвался назад, но... вмешалась любовь. Молоденькая медсестра из его палаты прониклась героем, уговорила демобилизоваться и начать новую жизнь.

Они уехали в Нью-Йорк и поженились. Ноэл поступил в полицию, стал серьёзно заниматься карате. Получил чёрный пояс, привил любовь к карате жене и детям. Верой и правдой отслужив 25 лет в городской полиции, Ноэл вышел в отставку. Служил Ноэл с честью и достоинством: терял на парников, был ранен пулей в кисть навывлет, участвовал в дюжине перестрелок, лично раскрыл сотни преступлений. Сменявшиеся капитаны участка, в котором служил Ноэл, как один уговаривали его перейти в детективы, сразу в отдел убийств, что для патрульного считалось завидным повышением, но Ноэлу нравились улицы...

На пенсии Ноэл перебрался на родину, во Флориду. На выходное пособие купил дом в Майями. Спустя пару лет после косметического ремонта продал его с прибылью. Затем несколько раз повторил подобные операции с недвижимостью. На доходы обзавёлся небогатым, но просторным домом в Гейнсвилле. Приобрёл небольшую яхту. Стал организовывать досуг туристам: рыбалка, прогулки на яхте, экскурсии по рекам и Мексиканскому заливу. Не бросил и торговлю недвижимостью, переключился на сделки с землёй. Увлёкся коллекционированием холодного и огнестрельного оружия. Стал нештатным инструктором

S.W.A.T.-team, воспитал нескольких чёрных поясов по карате. Один из них позже сделал чёрным поясом его собственную дочь.

Раненный в душу на войне, этот человек снял розовые очки и называл вещи своими именами. При этом он избежал участи многих ветеранов вооружённых конфликтов стать циником. Так, проезжая однажды мимо стадиона, где шла тренировка команды футболистов¹⁴, он кивком головы кинул о них: «Organized violence» (организованное насилие)! Шли бы, говорит, лучше книжки читали да учились, мышцы вместо мозгов...

В другой раз, находясь в гостях, он в ответ на удивлённую реакцию американцев на мои откровения о нарушениях закона правоохранительными органами России одёрнул их, мол, хватит прикидываться, у нас и похлеще творится. Ноэлу намекнули, что знать об этом русскому нежелательно, а говоря о нарушениях прав человека в Америке, он заблуждается. Стыдно, ответил Ноэл, обманывать других и глупо – себя, хватит жить в выдуманной Америке. Если американцы не знают, что полиция берёт взятки, а задержанного могут избить и выбить показания, то они не видят очевидного, уж он-то 25 лет в полиции отслужил.

Окружной прокурор

Узнав, что мы посещали окружного прокурора, сержант Джекобс с оттенком зависти пристыдил: «Большой человек, \$ 150 000 годового дохода!»

В офис «большого человека» мы нагрянули сразу из суда. Раздосадованным сомнениями присяжных по делу об убийстве младенца, прокурор метал гром и молнии в помощников, и наше появление было для него совсем некстати. Предусмотрев на наше посещение в своем графике полчаса, несчастный прокурор не знал, что русские станут его «троянским конём» и раньше чем через два часа не уйдут. Любезности ему не помогли, сгубили дело очередные рассказы о правосудии, вызвавшие у наших юристов приступы тошноты и негодования. В самом деле, трижды за день выслушать лекцию об основах права российским юристам стоило немалой выдержки...

Прокурор слишком боготворил Америку, он неосмотрительно настаивал на превосходстве своей правовой системы, чем ещё больше закручивал пружину бесплодного спора.

Прокуратура в США занята исключительно расследованиями и обвинением. Только прокурорский следователь вправе вести расследование, его юрисдикция в рамках дела обязывает подчи-

няться ему все учреждения независимо от принадлежности штату, округу или федерации. Общий надзор как правовой институт американцам неизвестен. В самом деле, развитая правовая, в частности судебная система, и широкие возможности граждан и организаций по защите своих прав, обилие контролирующих федеральных агентств исключают не только необходимость существования дополнительного органа надзора за законностью, но даже проведение столь привычных нам проверок и инспекций вышестоящими инстанциями. Окружной прокурор здраво заметил: «Законность – она или есть, или её нет, а процессуальные нарушения, допущенные следователем, будьте уверены, «вылезут» на суде».

Примечательно было, что именно наши прокурорские и судебские работники более всего напирали на окружного прокурора, выражали неприятие американской доктрины. Явственно следовало, как океан формальностей дорог сердцу российского юриста, избавленного от труда вникать в суть события и человеческих отношений. До них ли, когда надо по пустяковому делу дюжину постановлений вынести в сжатые сроки. Размышлять так, как призывали отечественные юристы Плевако, Кони, Спасский? Слютяйство и выпендрёж...

Адвокат и юрисконсульт гражданской фирмы, напротив, мгновенно принимали доводы американца, урезонивая судебных и прокурорских работников, чем злили их не на шутку.

Если свести воедино линию «противодействия» американцев нашим доводам, нашей логике, то она заключалась в ёмком и непритязательном вопросе «зачем?». Об «зачем» с грохотом и хрустом разбивались незыблемые образцы российского мышления, устои мировоззрения.

– Как, разве американские следователи не выносят постановления о возбуждении уголовного дела и принятии его к производству по подследственности?

– Зачем? Если есть явные признаки преступления, то неужели без постановления вы не станете искать преступника? А раз в законе указана юрисдикция правоохранительных органов, то зачем дублировать закон постановлениями его исполнителей? Спор о подследственности решает судья мгновенно. Если есть очевидная необходимость произвести следственное действие, то от наличия или отсутствия постановления необходимость этого действия не увеличится и не уменьшится и едва ли скажется на законности, если не нарушает конституционных прав граждан.

Добыча доказательств есть способ установле-

ния истины по делу. Обязав добывать доказательства лишь посредством вынесения постановлений, вы существенно ограничиваете или исключаете возможность их получения иными участниками уголовного процесса. Какие они равноправные участники, какая состязательность, когда через постановления монополизирована воля следователя на получение доказательств?

К примеру, американская Фемида исповедует презумпцию виновности дееспособного вменяемого лица, деяние которого доказано. Бремя доказывания невинности лежит на обвиняемом. Зачем лишать его права доказывания невинности, передавая полномочия следователю? Это же игра в одни ворота!

– Как?! Вы не ставите перед экспертами вопросы, не знакомите их с правами и обязанностями под роспись, а они в экспертных заключениях не расписывают подробно методику исследования? Беззаконие!

– Зачем? Предмет, направляемый в экспертно-криминалистическое учреждение, в безусловном порядке подвергается целому комплексу исследований. Эксперты вытянут из объекта все возможные следы, всё, на что способны криминалистическая техника и специалисты. Следователь живой человек и, концентрируясь на очевидных версиях, вполне способен упустить из виду какие-то вопросы, задать которые позже будет невозможно, так как следы будут уничтожены. Эксперт такого себе не позволит.

Эксперты при приёме на работу подвергаются тщательной проверке и обучаются. Раз в три года они сдают экзамены на новую лицензию. Изучают они и права, и обязанности. Постоянно наставлять их как школяров нет нужды. Допустимо наставлять непрофессионального эксперта, в силу специфики редкого и своеобразного дела привлечённого к следствию. Но доля таких экспертов столь мала, что подгонять под них систему – абсурд.

Зачем расписывать процесс экспертизы? Есть стандарты и универсальные требования к криминалистическому оборудованию, которое к тому же проходит сертификацию. Есть научные данные и методики, лежащие в основе криминалистических исследований. Как из известных исходных данных эксперт получил тот или иной результат, узнать несложно. Всё известно и доступно. Но, с другой стороны, используемые знания столь безграничны, что уже сегодня юридическое сообщество попросту не осилит массива информации. Посему важен результат, вывод исследования. Или вот как быть, если эксперт обслуживает прибор, исследу-

ющий более сотни объектов одновременно? Все образцы относятся к разным делам. Перед загрузкой образцов сто следователей станут читать ему права и обязанности по очереди?

Есть настолько сложные приборы, что эксперта-криминалиста учат лишь обслуживанию техники. Методику их работы люди знают только в общих чертах, а зачастую и эти сведения составляют ноу-хау фирмы-изготовителя. Вот и получается, что для участников уголовного процесса подробная методика будет китайской грамотой, но тщательное изучение и анализ поспособствуют поиску противодействия криминалистам со стороны преступников.

– Вы ещё скажите, что следователю ничего не будет за оправдательный приговор, – бросили прокурору российские делегаты.

Тут страж американской законности наконец смекнул, что лучший аргумент в споре с русскими – молчание, и с убитым видом выслушивал, что следователя стоит примерно наказывать на подведении итогов за оправдания и отправленные на дополнительное расследование материалы.

– А доследов у нас не бывает! – не выдержал окружной прокурор. – Оправдание, и всё!

Баста! – решила публика! Прокурор ничего не понимает, а времени едва на шопинг осталось...

Американцы

В Америке все не то чтобы ненастоящее, но непостоянное. Тут и вера в прогресс, и нежелание приковывать себя к быту, страсть к переменам, привычка переезжать. Феномен Америки не в географии, а в американцах.

На самом деле, представления об американцах, распространённые в России, далеки от истины и порой нелепы, равно как и их представления о нас. Немало удивило меня вполне адекватное представление американцев о политических, экономических и технических преобразованиях в России. Далеко не все соотечественники знают о происходящем на родине столько, сколько они, живя за тысячи километров. Приходится гадать, откуда такая осведомлённость.

Но вот парадокс: для американцев русские – это хмельные бородастые мужики в ватниках с бутылкой самогона в кармане. Медведи на улицах, снег и прочее. Простейший вопрос, как же мог этот мужик создать космический корабль, атомную станцию, наконец освоить шестую часть суши, ставит их в тупик. Ну неужели мы, наша делегация, похожи на ваших «русских»? Молчат, перелмываются.

Искренне верят американцы во всеобщую на Земле к ним ненависть и зависть. В полемике о перспективе ближневосточной войны вспомнили про 11 сентября 2001 года. Американцы не верили, что в России об этом известно. От того, что в России народ страдал, они терялись, а многие отвечали, мол, это русские специально так говорят, чтобы о них лучше думали. Про теракты в России они вообще не догадывались, их СМИ об этом молчат.

В целом американцы мало знают о земном шаре. Они наивно верят, что все открытия сделаны американцами, и с трудом осознают, что до создания США на Земле уже была жизнь. Возник как-то между американцами спор, какая система мер в Европе. Участвовали вполне взрослые люди. Подсказал – метрическая – застыли от удивления. И от того, что метрическая, и от того, что русский это знал. А может, спросили, ты знаешь, на чём машины в Европе ездят? Бензин, – сказал им. – Солярка, газ. Зашумели: это что, как у нас в Америке, что ли?!

Справедливости ради надо отметить, что относится это больше к молодёжи. Старшие поколения более развиты. Но ведь и в России дела обстоят примерно так же.

Почти никто из американцев, с кем приходилось общаться, не только сам не знал иностранных языков, но и не смог припомнить такого знатока среди знакомых. Хотя в ряде городов США желательно знать два языка. В основном это английский и испанский на границе с Мексикой, французский – на канадской границе. Полиглоты встречаются, как правило, среди эмигрантов в первом-втором поколении. Они знают английский наравне с языком первой родины. Коренные американцы отшучиваются, зачем языки учить, с долларами все по-английски заговорят. Учить языки нерационально. Время и деньги потратишь, а используешь – вряд ли.

Наивность губительна для всех, для богатых особенно, им дороже платить. В излюбленных американцами разговорах про Ирак я говорил им о перспективе партизанской и диверсионной войны, о будущих ежедневных убийствах их солдат, заложников и пр. Брови вверх: но мы несём им демократию! Мы, говорю, тоже её несли в Афганистан и Чечню, уж поверьте горькому уроку. Плохой пример, говорили. Не смогут мирные иракцы поднять оружие против солдат-освободителей. К официальной причине войны, нефти, американцы относились скептически. Рядом богатейшие запасы нефти в Канаде и Венесуэле, их добыча и транспортировка на порядок дешевле. Корень агрессии не только и не столько в нефти.

Чуть позже, уже в период оккупации Ирака, когда там ежедневно на минах подрывались армейские машины с экипажами, знакомый американец прислал мне по Интернету статью австралийского журналиста с заголовком «To Kill an American», «Убить американца». Журналист с негодованием комментировал призыв Аль-Каиды убивать американцев где бы то ни было. Среди аргументов в духе «американцы – это сборная солянка», «смесь наций, это не раса, а мировоззрение, вера, гражданская позиция», был и такой: «американцы – это все те, кто помогал мирному афганскому народу бороться с кровавой советской оккупацией, кто помогал им оружием, словом или делом». Тут же: «нет понятия «мирный мусульманин». Вот были мирные немцы в гитлеровской Германии, почему они не предотвратили войну? Все они, мирные, на одно лицо». И заключение: «давайте мы все, американцы, высыпем мусульманам!» Мой корреспондент резюмировал: «Ты, Вадим, наш, американец».

Задал ему вопрос: если я без визы в Штаты пожалую, то мои «соотечественники» меня встретят как брата либо с трапа в ближайшую тюрьму проведут? Песни красивые, да только я всё-таки русский и для себя, и для вас.

Попросил разрешить дилемму: какая разница между «мирными афганцами» и «мирными мусульманами», если все афганцы мусульмане, а «мирный мусульманин», по его логике, это замаскированный террорист? И почему американцы должны помогать «мирным афганцам» против русских, а русские должны помогать американцам против «мирных мусульман»?

Насчёт «кровавой оккупации» Афганистана попросил я его сравнить статистику: за 10 лет войны во Вьетнаме США потеряли в пять раз больше убитыми и в десять раз больше ранеными, чем СССР за тот же срок в Афганистане. При такой интенсивности боевых действий в густонаселённом Вьетнаме американцы мирного населения перебили в десятки раз больше. Зато, когда наши войска были в Афганистане, мир не знал героя «666», а с приходом США в Кабул в 1999 году наркотрафик растёт ужасающими темпами.

Ответ не заставил себя ждать. Мне сообщили, что я мыслю примитивно и немасштабно. Вьетнам просили не трогать, там простые американские парни умирали за Родину (где родина и где Вьетнам!). Дважды аргументированно пробовал я дискутировать с оппонентом. Тщетно, на самые изощрённые доводы приходил стандартный, словно заученный ответ. С тех пор общаться мы почти прекратили.

Кстати, об их армии. На вопрос, кем стремятся стать молодые люди, многие отвечали: предел мечтаний молодого американца – стать офицером армии США. Военных боготворят. Родителей солдат и офицеров на дому и на работе посещают высокие чины Пентагона, властей всех уровней. Матерей солдат – участников вооружённых конфликтов – публично и помпезно награждают памятными медалями и сувенирами, их портреты печатают СМИ, плакаты с портретами героев, павших и живых, украшают улицы городов и холлы учреждений. Демобилизованный, veteran, почти как национальный герой. Он пожизненно получает право пользоваться услугами клиник для ветеранов, где практикуют военные врачи.

В мэрии Гейнсвилла одна женщина показала нам медаль, вручённую ей группой в составе помощника губернатора штата, представителя Пентагона в штате Флорида (генерала!) и мэра. Генерал дал интервью местной прессе, где от лица военного ведомства благодарил женщину за сына.

Патриотизм американских граждан вызывает противоречивые чувства, с одной стороны, восхищение, с другой – тревогу. Я как-то без злого умысла сказал американцам, что хоть у них всё и прекрасно, но вот в более бедной Финляндии города симпатичнее, улицы куда чище, а соцобеспечение – в пример Америке. Договорить не дали: одна женщина, до того бывшая приветливой, вмиг изменилась в лице и крикнула, мол, ну убирайся в свою Финляндию. Сравнений с собой они не переносят, считая себя исключительной нацией.

Раз застал я Карла Эшли в ярости. Кто-то из европейских лидеров, кажется, президент Франции, в СМИ назвал Джорджа Буша фашистом и сравнил с Гитлером за подготовку к войне в Ираке. Как он мог! Согласился с ним: до Гитлера ему далеко, Буш пока только Югославию бомбил, а Гитлер четыре континента кровью залил. Эрудированный Карл иронии не понял, принял сказанное за поддержку.

Занимательно они ведут диалог. В следственной тактике есть такие методы, когда следователь, расслабив собеседника, задаёт вопрос «не в тему». Сбитый с толку, человек теряется, оговаривается, сознаётся. Точно так американцы беседуют, как допросы ведут. Не то от чрезмерного любопытства, не то от глубоких познаний психоанализа, популярного в США. Беседуешь о семье, перебивают, поможет ли Россия войне с Ираком. Ты про Ирак, тебе – про работу. Сообразительного иностранца срезают вопросом: если в вашей стране есть такие умные, почему живёте хуже нас?

Своё превосходство американцы подчёркивают и в архитектуре, и в машиностроении. Штатовские небоскрёбы хорошо описаны, известны и их крупногабаритные автомобили. С удивлением обнаружил массу незнакомых моделей, каких не видел ни в одном каталоге. Многие машины производят только для США. Все авто как игрушки, блестят и сияют. Популярны японские и американские: тойота, хонда, инфинити, акура, лексус, шевроле, додж, бьюик, крайслер, форд. Из европейцев: мерседес, BMW, Audi, фольксваген, Volvo, Saab. Немало корейских хюндаев, KIA и дэу. Крайне непристительно иметь французский или итальянский автомобиль.

Удивительно, как автомобили «проявляют» имперские взгляды американцев. Например, престижно иметь пикап, едва ли нужный горожанину. Несмотря на расход топлива, налоги и стоимость страховки, моден объёмный двигатель. Но сквозь нелогичные доводы о долговечности таких машин (зачем, их меняют раз в 3-7 лет?!) просматривается вера американцев в незыблемость их державы (она вечна, как мотор ролс-ройса) и неисчерпаемость их ресурсов (что символизирует бешеный расход бензина).

Народ они подтянутый, спортивный. Ожидал увидеть ожиревшие тела, но не то прятали их от нас, не то глядели не туда, но полных людей немного.

Впрочем, на здоровье американцев не может не оказывать влияние их продовольствие. Чудо американского общепита сродни советским столовкам: «через пять минут не помню, ел я или нет». Пища буквально растворяется в желудке, отчего появлялось ощущение, словно недоел, и пережёвывало все «прелести» Штатов, мысленно возвращая к русской кухне, борщу и пельменям. Инстинкты обмануть нельзя, возможно поэтому непотомственные американцы не в состоянии адаптироваться ни к генетически изменённым продуктам, ни к продуктам, напичканным вкусовыми добавками. Незаглушаемое чувство голода вновь и вновь влечёт их на улице к «Макдоналдсу», а дома – к холодильнику.

В одной из пиццерий, где платят только за вход 5-7 долларов, я решил наесться. Съел четыре пиццы и выпил литр чая со льдом. Кто бывал в Европе, может сравнить. В сети «Пицца Хата» не одолеть семейную пиццу вдвоём, а вот в Америке одному четыре – пожалуйста. Может, оно и к лучшему – в животе не чувствуется веса, в жарком климате помогает, – но тоскливо. Когда в ресторане «Белый лев» на берегу Атлантики нас угостили свежими морепродуктами, то сразу почувствовался вкус натуральной пищи. Рыбу, крабов

и моллюсков в океане американцы модифицировать, слава богу, ещё не научились.

Кое-что удалось понять, ознакомившись с их фармацевтической индустрией. Замкнутый круг, существующий из-за запрета на покупку лекарства без рецепта врача, сдерживает фармпроизводство. И ограниченное число больных, и пропаганда здорового образа жизни, и дороговизна лечения обращений к медицине не повышают. Вот и мечутся фармакологи в поисках составов, которые несли бы оздоровительные свойства, но лекарствами по закону не являлись бы, что делает их продажу неограниченной.

Биодобавки, речь идёт о них, товар особый. Американцы народ привередливый, абы что употреблять не станут. Значит, надо «создать» проблему, а потом указать единственный способ её преодоления (как это по-русски!). Так родился миф об ожирении нации, и способ избавления – БАДы и курсы шейпинга. Пока весь мир, и мы в России, над их весом смеёмся, их БАДы все на «ура» раскупают и потребляют. Наши женщины наперегонки учатся у американских тренеров по шейпингу и аэробике, а наши денежки текут за океан.

Такого повального занятия спортом, как в Финляндии, в Штатах не заметно, хотя спортзалы и бассейны, по отзывам, не вмещают всех желающих. Крепких и подтянутых людей в Штатах гораздо больше, чем в России. Во многих профессиях существуют жёсткие требования к физической форме служащих. Один американец посетовал: его жену, подполковника, начальника военного госпиталя, уволили без пенсии за то, что размер талии 40-летней женщины был больше допустимого на 1,5 дюйма (ок. 3,7 см).

Женщинам же однозначную характеристику дать трудно. Будучи стройней российских дам, американки разного возраста имеют свои неожиданные особенности. Почти не пользуясь косметикой в молодости, они чрезмерно злоупотребляют ею в зрелом возрасте.

Что роднит всех американцев, это ослепительно белая улыбка. Никакие цены на услуги стоматологов не отбивают охоту американцев иметь ровные здоровые зубы. И сколько бы вы ни старались выглядеть американцем, изучая их язык и культуру, ваши зубы немедленно выдадут ваше инородное происхождение.

Очевидцем знаменитой эмансипации стать не пришлось. Нас пугали: не уступать женщинам места, чтобы не оскорблять. Зря. Американцы довольно обходительны с дамами и ничем не уступают в галантности другим нациям. Они достаточно воспитаны, приветливы и обладают чувством

такта. Часто принимают их простодушие, любопытство и манеру выражать бурные эмоции за невоспитанность. Все южане экспрессивны, а значительная часть США лежит в широтах Средиземноморья и Северной Африки. Правда, в проявлении ими чувств есть что-то показное, словно настоящее, наигнанное, но это не притворство, а своего рода компенсация за недостаток информационного ресурса в общении. Если в России больше выговариваются, то американцы слова заменяют эмоциями, жестами и мимикой.

Любопытство обусловлено изоляцией США и врождённым рационализмом; узнав что-то новое, они немедленно ищут способ практического применения информации, а уж глубина познания достойна наивысших похвал. Мы, россияне, останавливаемся на границе простейшего и скорейшего использования знаний. Американец же будет «рыть землю», пока не найдёт оптимального соотношения «цена-качество» в использовании сведений. Показав американцу своё превосходство в чём-то, не витайте в облаках, вы приобрели опасного и решительного конкурента. Малообразованность компенсируется умением искать информацию, а главное, талантом выделять ключевые, главные моменты. Развитию высоких информационных технологий способствовал президент Д. Буш-старший, который приравнял книги к движимому имуществу, облагаемому налогом, отучив сразу целые поколения читать.

В двух словах передать стереотип мышления американца невозможно. Зная мало, зачастую умея ничтожно мало, американцы поразительно легко приспосабливаются к быстро меняющейся обстановке. Как это контрастирует с российским многознанием, всеумием и... топорным решением сложных проблем. На фоне их «гения» ноухау российского изобретателя заключается в лозунге Кота Матроскина: «Ура! Заработала!» А что «заработала»? Зачем? Нужно ли, чтобы работало? Это неважно... Американцы без зазрения совести перенимают чужой опыт, безжалостно отсекая всё нерациональное, соблюдая баланс между практичностью и комфортом, и объявляют изобретение своим, «искренне сочиняют чужое».

Америка до сих пор хранит тайны своего открытия, если уж говорить о том, что было «до США». В предпоследний день нас вывели на экскурсию в старейший на территории США город Сент-Августин на Атлантическом побережье. Стоянка кораблей пиратов и купцов в местной бухте была основана ещё в начале XV века, а основательный каменный форт, дошедший до наших дней, был построен задолго до открытия Америки Колум-

бом. Зная срок строительства крепостей, нужду в огромном числе рабочих и то, что стройки санкционировались обычно монархами или их наместниками, можно уверенно говорить, что Америка была открыта и осваивалась европейцами намного раньше, чем официально утверждается.

Между Севером и Югом со времён Гражданской войны сохранились «особые» отношения. Как юристу, мне было интересно узнать, что честно-му слову на Юге верят даже в суде. Это следствие особого отношения южан к понятиям честь и достоинство. Юридические сделки не так подробны, как на Севере, многое оговаривается на словах. Есть даже формы устного договора при двух свидетелях.

До недавнего времени на Юге законодательно существовали привилегии для белых. Признаков расизма мы не заметили, но в представительных учреждениях белые составляют подавляющее большинство. Вспомогательный персонал и неквалифицированные рабочие – почти сплошь темнокожие или латиноамериканцы. Надо было видеть лицо темнокожего пожарного, когда я пожал ему руку. Слово для него это была большая честь. За обеденным столом в пожарном депо он сидел особняком с краю. После обеда белые пожарные остались общаться, а он молча удалился.

Неоднозначны оказались отношения американцев с законом. Патрисия призналась, что в Новороссийске видела, как водители беспрекословно останавливаются по требованию сотрудника ГАИ. В США, с её слов, а жила она во многих штатах, остановить машину полицейскому стоит немалого труда. А в южных штатах, где движение без регистрационных номеров узаконено, полиция даже не пытается никого тормозить. Идентифицировать номер подчас невозможно, подчас разрешены номера, на которых может быть изображено... да всё что угодно, от чёрного квадрата до фотографии любимой девушки. Причины неуважения к дорожной полиции банальны: любые проблемы с законом оставляют след в истории налогоплательщика, и водители стараются скрыться от патруля.

Когда шериф округа Алачуа попытался ввести европейский опыт – техосмотры, автовладельцы объявили акцию гражданского неповиновения. Техосмотр бойкотировали. Шериф подал иск в суд на... округ. Да, в США это возможно. Но проиграл. А округ подал в суд на шерифа, требуя возместить два миллиона налогов, затраченных на станцию ТО. Насилу мирно договорились.

Стоит упомянуть наших соотечественников. Знакомство с ними, как и встреча с любым иным

иммигрантом за рубежом, непростое дело. Заграница словно выхолащивает людей, очищает их от известных всем привычек и образов поведения и мышления. Как вернувшийся с войны ветеран имеет новую систему ценностей, так и иммигрант воспринимает действительность и даже прошлое новыми категориями. Вот почему как для кого, а по мне для общения с иммигрантом надо запастись выдержкой и собираться с мыслями.

Супруги Эшли рассказали нам о том, что пару лет назад в округе проводили что-то вроде переписи населения в целях оптимизации налогообложения и социального обеспечения. По результатам выяснилось, что в округе проживают 600 семей, выходцев из СССР и СНГ, считающих русский язык родным. По законам и традициям США такое сообщество имеет право на самоуправление, свою школу, детские сады, церковь. Они вправе требовать русскоговорящих учителей, квоты на рабочие места, льготные ссуды на строительство, льготного кредитования корпоративного бизнеса, места в выборных органах власти. Нужна малость, эмигранты должны объединиться. Эмигрантская держава учитывает эти тонкости, и в анкетах переписи звучало предложение узнать о соотечественниках и получить информацию от властей о том, как устроить жизнь диаспоры. Только русские независимо друг от друга ответили на эти вопросы «Нет!». Дело неслыханное для США, новость стала сенсацией, и несколько дней «русский феномен» горячо обсуждался в СМИ по всей стране. К русским семьям специально обратились власти, но эмигранты пояснили, что они приехали быть... американцами и полагают, что так они быстрее адаптируются.

Американцы были жутко разочарованы. Опыт державы переселенцев показал, что хорошие плоды дают лишь сплочённые сообщества, хранящие свой язык, традиции, веру прежней родины. Переселенцы, подобные русским, уже во втором поколении теряются в толпе, дети этих семей в значительной степени подвержены психическим расстройствам, отставанию в развитии, стрессам, девиантному поведению, самоубийствам. Не верить не было оснований, ибо в своё время русская эмигрантская среда в Финляндии переживала схожие беды. В итоге, заключили Эшли, авторитет русских и России в глазах местного населения резко упал.

Увы, чуть позже наша делегация предоставила новый повод для пренебрежения. В разгар спора между членами делегации по какому-то юридическому вопросу я высказал свое мнение. Внезапно повисла тишина, и дебатировавшие до то-

го уважаемые судьи, прокуроры, адвокаты и юрисконсульты сообщая возмутились тем, что «менты подают голос». Американцы были в тихом ужасе, ибо, во-первых, немыслимо в присутствии иностранцев оскорбить соотечественника, во-вторых, в их правовой системе полиция тоже хоть и находится внизу, но является её неотъемлемым элементом, от повседневной работы которой, собственно, зависят и прокуратура, и суд, которые не могут не считаться с мнением полицейского. Извинений от земляков не последовало, а ржа поступка убавила симпатий к русским в глазах американцев.

Перед отъездом американцы организовали для нас проводы, совпавшие по времени с матчем местной сборной по американскому футболу с гостями из Алабамы. Наша делегация, отдыхавшая на балконе дома Калишманов, была закидана яйцами и бутылками местной молодёжью. Ссылки на «пьяную выходку» молодёжи мы приняли, но, судя по крикам хулиганов, поступок молодчиков спровоцировала услышанная ими русская речь.

В США увидел я уникальные отношения человека к религии. Никто в Америке не делает ничего без молитвы. Обязательный атрибут всех отелей – Holly Bible, Священное Писание, в прикроватных тумбочках. Разобраться, кто в Америке католик, протестант, евангелист, адвентист, баптист и пр., не в силах, по-моему, и религиовед. Едва ли не каждый проповедник, каждый приход трактует христианское учение по-своему. Но, поразительно, приступая к делу, американцы, невзирая на догматические различия, вместе молятся, а в некоторых коллективах есть что-то вроде внештатных священников. Проникновенны молитвы полицейского спецназа перед задержанием вооружённого наркодилера или пожарных перед выездом на вызов, свидетелем которых мне посчастливилось стать в США. Все равны перед Небом, объясняют американцы, может, поэтому им и помогает Бог?..

Примечание

¹ Российские законы допускают подобные досмотры только сотрудниками правоохранительных органов одного пола с досматриваемым и, конечно же, без какой бы то ни было публичности.

² «Prisoner of War» – узник войны, официальный термин для военнопленных в США.

³ В армии США воинскую честь в виде прикладывания руки к голове допускается отдавать

без головного убора военнослужащими и ветеранами, т.е. уволенными в запас (кроме ВМФ). По российским воинским уставам честь отдаётся только действующими военнослужащими в форменной одежде при надетом головном уборе.

⁴ Оплата американских адвокатов почасовая, с момента назначенного времени встречи до фактического расставания с клиентом.

⁵ Аналог российского: «Встать, суд идёт».

⁶ Кража со взломом, традиционно тяжкое преступление в англо-саксонской системе права.

⁷ 1 сухопутная миля = 1652 м. Практичные американцы упрощают расчёт до 1500 м.

⁸ С. Richard Parker, Public Defender, 35 N. Main Street P.O. Box 2820 Gainesville, FL 32602

⁹ Ко всему повествованию о защитниках уместнее всего будет привести мнение выдающегося российского юриста А.Ф.Кони: «Защита есть общественное служение, говорят одни. Уголовный защитник... вооруженный знанием и глубокой честностью, умеренный в приёмах, бескорыстный в материальном отношении, независимый в убеждениях, стойкий в своей солидарности с товарищами... Он не слуга своего клиента и не пособник ему в стремлении уйти от заслуженной кары правосудия. Он друг, он советник человека, который, по его искреннему убеждению, невиновен вовсе или вовсе не так и не в том виновен, как в чём его обвиняют. Не будучи слугой клиента, он, однако, в своём общественном служении – слуга государства и может быть назначен на защиту такого обвиняемого, в помощь которому по собственному желанию он бы не пришёл».

¹⁰ На Западе криминалистика не имеет статуса самостоятельной научной дисциплины и является разделом социологии.

¹¹ Senior Judge – дословно «главный, старший судья», в отличие от российской системы, имеет полномочия обычного судьи, отличается представительскими функциями, председательствует на собраниях судей. Он «старший» среди равных. И не он распределяет дела судьям, за него это делает компьютер.

¹² Вид наказания. По содержанию это смесь исправработ, отдачи на поруки под залог или рекомендацию и выполнения иных установленных судом обязательств (излечение, обучение, ограничение посещать злочные места и пр.).

¹³ Сумасшедший, безумный (англ.)

¹⁴ Американский футбол – скорее разновидность регби, весьма жестокая игра, допускающая в борьбе за мяч фактически групповое избиение игроков команды противника, не имеет ничего общего с европейским футболом, который называется в Америке spooker.

Вадим Валерьевич ИЗМАЙЛОВ

родился в 1972 г. в Пятигорске.

Окончил военное училище, Санкт-Петербургский университет МВД России.

С 1999 г. проходит службу в правоохранительных органах в подразделениях по борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

В настоящее время – заместитель начальника Управления – начальник отдела Управления по контролю за оборотом наркотиков МВД по Республике Карелия, полковник полиции.

Преподаёт на кафедре уголовно-правовых дисциплин Северного института Всероссийского государственного юридического университета (РПА Минюста РФ),

автор более 15 научных статей в области криминологии.

В журнале «Север» публикуется с 1998 года.

Екатерина Владимировна ВСЕЕВА

родилась 5 июня 1984 года в г. Сортавале.

Окончила исторический факультет

Петрозаводского государственного университета.

Работала в школе пос. Мелиоративный

учителем истории и обществознания,

сейчас — в Национальном архиве секретарём.

Публиковалась по итогам поэтических конкурсов

«Моя Карелия» (2000 г.)

и «Северная лира» (2002).

В журнале «Север» публикуется впервые.

**Екатерина
ВСЕЕВА**
г. Петрозаводск

«ВОДОЮ ТАЛОГО СНЕГА...»

ГЛАЗА

Большие глаза — поэта,
Большие глаза — пророка,
Большие глаза — для света,
Для Бога и для порока.

В большие глаза — как в небо,
В заливы морские с разбега,
Чтоб захлебнуться — о, нега —
Водою талого снега.

Лазоревой краски — всполох,
И птичьей надежды — перья,
И васильков — целый ворох —
Большие глаза, как у зверя.

* * *

Который день молчу
Вся растревожена,
Душевному параличу
Предрасположена.
Забиться и забыть —
Пусть память выкипит.
Спасительная нить,
Быть может, выведет
Туда, где нет тебя,
Чудовищ Борхеса,
И только поезда
Вокруг проносятся.
Я сохраню тебя
В душе нехоженой,
А уходя скажу:
«Любите ёжика!»

НЕ ОТПУСКАЙ

Не отпускай. И пусть я без крыла,
Но я могу взлететь и раствориться, —
Как в океане крошечная птица
Дорогой к югу мчится до конца.
И если стану я тебе мила
И я готова буду обручиться —
Не отпускай, а то могу влюбиться
В того, кого вчера я прогнала.
Не потому, что буду не верна —
Я всей душой готова поручиться,
А потому, что я не буду биться,
Когда однажды стану не нужна.

ВДОХНОВЕНИЕ

Воскресенье начиналось совсем обычно. За окном — утренний зимний сумрак, снег и царапанье голубиных когтей по карнизу. За стеной — малолетний сосед по случаю выходного дня и отсутствия родителей врубил что-то рэповое. Кострыкин повалялся в постели, выкурил сигарету и поплёлся умыться и чистить зубы. Поедая яичницу, Кострыкин привычно думал: «Зачем живём? К чему стремимся? В чём смысл жизни?» С чашкой чаю он присел на подоконник, выглянул в окно своей замызганной хрущобы. В свете разгорающегося дня во дворе скучали заснеженные машины, качели с пушистой шапкой на сиденьях, ранние прохожие семенили по ещё не расчищенным дорожкам. Голуби, спугнутые с карниза, перелетели к другим окнам, с надеждой поглядывая на Кострыкина. «Всё то же, — думал Кострыкин, — зима, неуют, холод... Как же всё это надоело!» Вдруг чашка застыла в его руке, он замер и закатил глаза. Потом поставил чашку на подоконник, вскочил, подбежал к телефонному столику и схватил блокнот. Снова на секунду замер и быстро принялся писать:

*На улице — февраль,
И то же — на душе.
Несветлая пора
Наскучила уже...*

Кострыкин вдруг почувствовал необычайный прилив радости. «На улице — февраль, — шептал он медленно и выразительно, — и то же — на душе...» Ну ведь здорово же? Конечно, здорово. Радость ощущалась так явственно, что ему хотелось запеть, закружиться по комнате. Однако Кострыкин вовремя вспомнил, что ему не то чтобы уже почти сорок, а всё же далеко за тридцать, и скакать в трусах по комнате как-то несолидно.

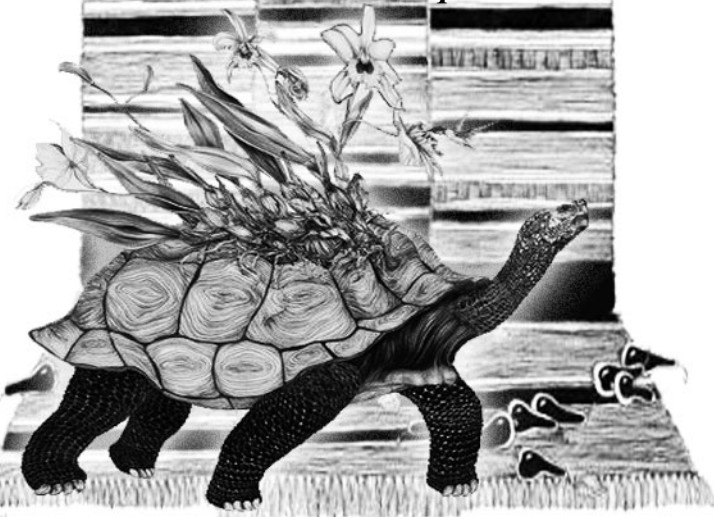
В общем, совершенно обыденно начавшийся день заиграл новыми красками, пообещал что-то новое, что, может быть, круто изменит жизнь...

Александр ЛОМТЕВ

г. Саров Нижегородской области

ХРОНИКА УХОДЯЩИХ ВРЕМЁН

рассказы

Не натягивая штанов, он принялся ходить по квартире, пытаясь войти в мелькнувшее состояние вдохновения, принялся бормотать строчку за строчкой, подыскивать рифмы, не выпуская из поля зрения блокнота с первыми строчками. Азарт и вдохновение постепенно таяли, но не таяло, а, пожалуй, и разгоралось жгучее желание написать шедевр.

Однако день перетёк за полдень, а дело дальше не сдвигалось, как Кострыкин ни тужился. Но он так сильно хотел вновь испытать это сладкое чувство озарения, вдохновения, что готов был мучиться ещё хоть целый час. Да что час — день! И муки творчества поначалу даже показались приятными, ведь муки эти обещали счастливый просверк в сознании. Просверк, который позволит прибавить к первым четырём строчкам ещё четыре, ещё, ещё, а там, глядишь, и вылетит дело в полную поэму! Загрязился Кострыкину лавровый венок, творческое выступление в городской библиотеке, и даже где-то в самом мозжечке шевельнулся крохотный червячок и заскрипел: «Нобелевская пр-емия...»

Конечно, работал-то Кострыкин рубщиком мяса, ножом и топориком орудовал мастерски, можно сказать, виртуозно, что и позволило ему безбедно пережить страшные девяностые. Но мясо мясом, а душа душой! Недаром играл когда-то Кострыкин в школьном театре и лучше всех в классе декламировал стихи. Вот оно когда проявилось — неосознанное призвание души! Вот так живёшь, живёшь, а талант в тебе растёт, растёт, силу набирает и вдруг — раз!словно зелёный побег сквозь грубый асфальт — к солнцу, вот он я!

Кострыкину стало страшно, а вдруг росток этот так и не сможет пробить заскорузлый асфальт его мясницкой души! Он ещё быстрее забегал по квартире, бормоча совсем уж какую-то несусразицу.

«Нужно расслабиться, — решил он, — отвлечься, не зацикливаться...» Кострыкин быстренько оделся и, стараясь не расплескать в себе ещё теплящееся утреннее состояние, отправился к школьному другу Володьке, благо жил тот в соседней хрущобе...

Володька прочитал строчки на вырванном из

блокнота листочке и сразу всё понял, поставил диагноз и задумался всего на секунду.

— Нужно расслабиться, то есть выпить, — уверенно выдал решение Володька и достал из сливного бачка в туалете спрятанную от жены бутылку.

Выпили. Поговорили о юбилейном Гоголе. Выпили еще. Поговорили о Пушкине. Бутылки, как всегда, не хватило, и Кострыкин сбежал. Обсудили проблему: писал Александр Сергеевич срамные стихи или не писал? Решили, что мог и написать. Но мог и не писать. Потом Володька, желая блеснуть познаниями, выудил из памяти интересный факт:

— Между прочим, песню, которую Никита Михалков поет в фильме «Жестокий романс», написал индийский йог Рабиндранат Тагор. Представляешь, индийский йог для наших цыган песни писал!

— Он не йог, — возразил Кострыкин, покопавшись в памяти.

— Йог, — настаивал Володька, — это в книжке «Двенадцать стульев» написано! Сам читал.

— Да нет! — окончательно вспомнил Кострыкин. — Это был сын Рабиндраната Тагора! Сын. И не в «Двенадцати стульях», а в «Золотом телёнке».

— Ну, если сын — йог, — логично предположил Володька, — то и отец йог, у них там по-другому никак нельзя, там же кастеты. То есть тьфу — касты! Уж если ты слесарь, то и детям, и внукам, и правнукам — только в слесаря!

Стихи прочитали несколько раз, Володька совершенно не сомневался — талант! Явно! Однозначно! На этот раз в магазин побежал Володька...

Бегали ли еще, что обсуждали, когда и как Кострыкин возвратился домой, он не запомнил. Воскресенье закатилось стремительно...

В понедельник Кострыкин хмуро рубил мясо и мучительно вспоминал, что же это такое было в воскресенье? Что это так обрадовало и взвинтило его? К Володьке идти не было никакой возможности, у того вернулась из поездки в родительскую деревню жена Люська. А она очень не одобряла, когда Володька с Кострыкиным выпивали больше одной бутылки...

На листочек с четырьмя строчками Кострыкин наткнулся в апреле, когда убирал в шкаф зим-

нюю куртку. Он прочитал написанное, помолчал, потом мелко-мелко порвал листочек и выбросил его в форточку. К обрывкам метнулись были обманутые голуби, но тут же опомнились. «Голубей баснями не кормят», — ухмыльнулся Кострыкин. В душе его сладко плавилась печаль. Он знал, что не напишет больше ни одной стихотворной строчки...

ДРУЗЬЯ

Утром главный бухгалтер общества с ограниченной ответственностью Сидоров вскочил как оглашенный: проспал! Так не хотелось вставать, но бухгалтер по-быстренькому собрался, обжигаясь и давясь, залил в себя стакан горячего чая под бутерброд с копчёной колбаской и совсем уж побежал на работу, но тут жена из спальни крикнула:

— У тебя халтура, что ли? Ты надолго?

— Какая халтура! — удивился Сидоров. — Планёрка через десять минут, опаздываю!

— У вас уже и по воскресеньям планёрки? Совсем уж с ума сошли...

— Как по воскресеньям, сегодня разве не понедельник?

— Пить надо меньше! — буркнула из спальни жена, хотя прекрасно знала, что ни вчера, ни позавчера, да и уж недели полторы Сидоров не прикасался, поскольку писал квартальный...

В общем, бухгалтер разделся и снова спать завалился. И приснился ему странный сон. Словами описать трудно — одни чувства. В последнее время частенько стало ему сниться что-то непонятное. Иногда бывает: во сне прямо буря в душе, «Гамлет», а проснёшься — чего волновался-то? Непонятно... Вот и сегодня приснилась мысль (вот уже странно — мысль приснилась!): сколько хороших людей ушло и никогда не вернётся. Кто умер, кто уехал, с кем-то рассорился.

Уже проснувшись и лёжа с открытыми глазами, бухгалтер принялся вызывать в памяти одного за другим всех хороших людей, с которыми сталкивала его жизнь. Во-первых, конечно, родители. Ну, между собой ссорились они жутко.

Особенно в последнее время, когда отец, уйдя на пенсию, запил. Но ведь его-то любили. Да к тому же разве виноваты они в том, как сложилась их судьба. Из-за него же и не развелись. Человеком вырастили. С умилением бухгалтер вспоминал, как отец для него, шестилетнего, из обычных досок смастерил настоящие лыжи. На покупные денег не было — так сам сделал, и даже концы смог загнуть. И мать отца не бросила, когда тот тяжело заболел, тянула его, беспомощного, до последнего. Может, и умерла раньше времени из-за того... Бабушка с дедушкой... Дед — фронтовик... Учительница математики, прямо классическая, как из анекдота — Мариванна. Он один из всего класса, наверное, понял тогда её слова о математике: это целая страна, а циферки — живые, и у каждой своя жизнь. Один плюс два равняется три. Ну, как семья — двое сошлись и в результате вот он — третий, будущий главный бухгалтер большого предприятия, хоть и ООО. Потом — Миша. Вытащил его из полыньи. Мог и побояться, но не побоялся. И хоть был старше, а подружились. Очень. А вот судьба развела. Сел Миша за фарцовку, а отсидев, в город не вернулся и пропал из виду. А за что сидел человек? Купил подешевле, продал подороже — вся страна сейчас так живёт. А жизнь человеку поломали... Бухгалтер лежал в постели, слушал, как поднявшаяся жена гремит кастрюльками на кухне, и всё вспоминал, вспоминал, и печаль масляно плавала в душе, подступала к глазам солёным, щекалола в носу...

И вот что ещё грустно — с годами новые друзья появляются всё реже, всё реже с по-настоящему хорошими людьми сталкиваешься... Или сам хуже становишься? Или строже? Или видеть перестаёшь? Вот от этого так печально и стало во сне, так тоскливо — хоть плачь. А главное — что делать? Жизнь так устроена, и ничего ты с ней не поделаешь... Судьба людей сводит и разводит, и делает с людьми всё что хочет, как в греческих трагедиях...

После обеда Сидоров нашёл в недрах письменного стола коробку со старыми блокнотами и долго листал заскорузлые от долгого недвижимого лежания в темноте книжечки. По книжечкам, по записям выходило, что друзей у бухгалтера было немало. И на «А», и на «Б», и на «В» — почти на

все буквы. И подходил Сидоров с этими книжечками к телефону, и маялся у телефона, и снова листал блокнотики...

Но так никому и не позвонил...

ОТВЕТСЕК

Зав партийным отделом Симаков голоса не повышал, говорил ровно, словно учительница первого класса, диктуя изложение. Но как раз это спокойствие больше всего и угнетало. Колька опускал голову всё ниже и ниже. А после того как Симаков предложил наконец коллективу рассмотреть вопрос об увольнении, на пол закапали слезы.

— Ну, ладно, ладно, — поспешил успокоить молодого корреспондента редактор. — Вы, Пётр Петрович, не перебарщивайте... Человек один раз оступился. А вы уж...

Небольшой коллектив редакции сочувственно загудел...

Конечно, наказания Николай заслуживал, заслуживал... Но всё же большая вина лежала на этом старом безобразнике ответсеке Михалыче. Это Михалычу принесли в редакцию бутылку самогона «благодарные читатели». Это он не только не проследил, чтобы молодой корреспондент не перебрал, но ещё и потащил мальчишку с собой в кафе «Дорожное», чтобы добавить к ядрёному самогону явно разбавленного пивка. Ещё хуже того, по пути он захватил метранпажа, и тот на следующее утро сделал в вёрстке столько ошибок, что редактор читал гранки и хватался за голову.

Пока коллектив перемывал косточки проштрафившимся, редактор решал: увольнять Михалыча или не увольнять. По-хорошему, нужно было бы уволить. Разлагает коллектив, собственную газету, не стесняясь, вслед за несознательными гражданами называет «районной болтушкой», анекдоты сомнительные рассказывает, узнают в райкоме...

Но уволить было невозможно. Ну кого найдёшь на место ответственного секретаря в маленькую районную газетку, в глухой район-

ный центр на самой окраине области... Вот даже корреспондентом пришлось взять мальчишку, едва окончившего десятилетку... Не-е-ет, увольнять никак нельзя...

— Ну, хорошо, хорошо, — прервал обвинительные речи зама редактор. — С Колей всё ясно. Всё ясно... Думаю, на первый раз можно ограничиться выговором... без нанесения... Тьфу, занесения... Теперь обсудим поведение Ивана Михайловича.

Симаков привычно глотнул из гранёного стакана желтоватой стоялой воды и принялся за Михалыча.

Слушая тяжкую обвинительную речь зама, Михалыч все ниже и ниже опускал лысоватую голову. Всему коллективу стало ясно, насколько глубоко раскаивается ответсек в содеянном. Да и что уж такого особенного. Никто же не забыл, как однажды выгружали из редакционного узика самого редактора в состоянии нестояния, когда он вернулся из командировки в дальний колхоз... Не пил в редакции только Симаков. Из-за язвы. А Симаков всё бубнил и бубнил, Михалыч клонился долу, сутулил плечи и горестно покачивал головой.

Редактор взгляделся в провинившегося, не дай бог слезу сейчас пустит, а ведь не мальчик, неудобно...

— Ну, что скажешь коллективу, Михалыч? — остановив зама, обратился он наконец к явно деморализованному ответсеку. — Что думаешь о своём поведении?

Михалыч медленно выпрямился. И все увидели, что на лице его не видно ни малейшего раскаяния. Михалыч торжественно прокашлялся и сказал:

— Мне уж пятьдесят с лишним. Я в редакции тридцать лет и редакцию ещё ни разу не подвёл. Не подвёл? Не подвёл. Пью? Да, пью. Пил. И пить буду! А за мальчишку и метранпажа наказывайте...

Уволили Михалыча года через три. И редактор долго мучился, пытаясь найти на место ответсека дельного человека. Нашёл и потом часто убивался в узком кругу коллег:

— Да, Михалыч пил. Но он водку пил, а этот — кровь мою пьёт...

БАБА МАНЯ

Рано утром баба Маня наскоро одевалась, пила чай с баранками и быстро, как могла, пробиралась к театру, к тому месту оцепления, от которого особенно хорошо была видна большая яркая афиша «Норд-Ост». Тут она начинала ходить с иконкой в руках вдоль оцепления, вздыхая и роняя слёзы. Рано или поздно на неё обращал внимание какой-нибудь журналист, спрашивал, кто она и отчего горюет. И вот уже через несколько минут она рассказывала в камеру, как её единственная дочка, кровинушка, с внуком отправилась на спектакль и вот теперь сидят они там под дулами злых чеченцев, а она тут горюет и покоя не знает...

Бабу Маню жалели, успокаивали, давали ей горячий кофе с холодными пирожками или подсохшими бутербродами, а иногда стыдливо совали и деньги. А она вспоминала, как хорошо было при советской власти, и расписывала журналистам свои старческие беды.

Поздно вечером усталая, едва держащаяся на ногах, она убредала домой и засыпала со счастливой улыбкой на устах. А с утра вновь спешила к театру, к всеобщему вниманию и сочувствию — рассказывать про дочку и внука, которые в заложниках...

Дочка у бабы Мани была. Была и внучка. Только жили они далеко — на Дальнем Востоке, и в Москву не приезжали много лет. Когда дочка вышла замуж, баба Маня, тогда ещё крепкая властная женщина, схоронившая двух мужей, отказалась принять дочкиного мужа, а тем более прописать его в своей московской огромными трудами нажитой квартире. Те помаялись-помаялись, да и уехали на Дальний Восток к родне мужа, где и осели. Но ни писать, ни звонить с тех пор дочка матери не стала.

Когда соседки спрашивали бабу Маню о дочке, та сурово поджимала губы: родную мать продала, на мужика променяла! Где-то в глубине души, глубоко-глубоко, на самом доннышке чувство неправоты трепыхалось заморённым птенчиком, но баба Маня сжимала губы, и птенчик пугался и замирал.

Звёздный час бабы Мани быстро кончился. Театр штурмовали, террористов поубивали, и бабе Мане некуда стало приходиться. Одиночество навалилось с новой силой. Вечерами она пила чай с баранками, листала альбом с фотографиями, на которых была и ещё маленькая и уже взрослая дочь, но не было внучки, и незаметно для себя плакала...

ЗВОНОК С ТОГО СВЕТА

Светка влетела в комнату и заорала: — Я гениальную пьесу придумала! Напишу — и денег заработаю, и прославлюсь!

Денег и славы в этом помещении хотелось (кому тайно, кому явно) всем. Редакция «Городского вестника» платила ровно столько, чтобы творческому человеку лень было искать другую работу. А слава... какая может быть слава у провинциального журналиста, кропающего опусы в газетку тиражом пять тысяч экземпляров.

Светка была из дарований, в школе писала стихи, в институт поэтому поступать не стала, а сразу устроилась в газету — набираться житейского опыта, точить перо и в свободное от журналистики время отдавать всю себя настоящей литературе.

— Ну, в общем, это пьеса. — Светка встала в центре комнаты и принялась рассказывать «фабулу». — Значит, название «Звонок с Того Света». Действующие лица. Изольда — мятущаяся девушка семнадцати лет. Пишет стихи, рисует, ищет смысл жизни: буддизм, православие, язычество — гремучая смесь в голове.

— Как у тебя, — язвительно буркнул из-за компьютера желчный Сергеич, безуспешно делающий вид, что Светка мешает ему закончить срочный материал. Материал не шёл со вчерашнего дня — словно в стенку упёрся.

— Василий — молодой человек, — не взглянув в сторону ворчуна, слегка возвысила голос Светка, — девятнадцать лет, из «ботаников», начитанный, но простой. Клавдия Степановна — мама мятущейся девушки. Её муж — человек без име-

руге и там, у подруги, они, пользуясь отсутствием мужей, принялись «квасить». Когда усидели почти полную бутылку мартини — звонок на сотовый. Светка смотрит: высвечивается «Кобра»! Ну, Светка, как замороженная, берёт трубку и еле-еле находит силы спросить «Да?». А в трубке — голос мужа. И тут у нетрезвой Светки совсем крыша поехала, решила она, что и муж уже на Том Свете. Ну, она спрашивает: «Ты где?» А он: «Где-где — под землёй». Она: «Как ты туда попал?» Он: «Как-как — по лесенке». Светка за сердце хватается и чуть в обморок не падает. Но тут подруга перехватывает сотовый и всё проясняется: из погреба муж звонил. Из свекровино. Полез проверять, что и как, ну и обнаружил там сотовый, который свекровь перед смертью забыла. Аккумулятор ещё не сдох, стал он смотреть список абонентов, увидел имя — «Злыдня», вот и решил позвонить, проверить, кого это так покойная матушка назвала...

А фильм по Светкиному произведению действительно сняли и даже назвали его «Звонки с Того Света», и даже показали его по центральному телевидению. Славы это, правда, Светке большой не принесло. Все видевшие его оценили интеллигентно коротко — «говно»! Светка кричала, что сценарий порезали и переврали без её ведома. Но с другой стороны, и такая слава — слава...

ПАМЯТЬ

Девяносто один год — не шутка. Но он решил дойти до этой деревушки. Он брёл по каменной тропе, внимательно глядя под ноги, и выискивал место поровнее, прежде чем поставить ногу. Узкое ущелье не давало солнцу напрямую калить рыжие каменистые стены, но всё равно было жарко. Очень жарко. Рудольф неторопливо шёл по тропе, временами впадал в задумчивость, и ему казалось, что он вернулся в прошлое. Вот сейчас его окликнет идущий по пятам Ганс и кинет ему флягу с тепловатой водой. Конечно, тогда, весной сорок первого, он не плёлся вот так среди этого дикого нагромождения камней, а

быстро шагал, перескакивая булыжники и озёрки пересыхающего, пропадающего в камнях ручья. И всё время ждал выстрелов.

Это был очередной карательный рейд, но греки не боялись их. Они очень хорошо знали каменные лабиринты своего ущелья и после каждого короткого ожесточённого боя ускользали, не дав опомниться. До самого исхода с Крита им так и не удалось выбить греков с ближайших гор.

Но в тот день удалось захватить связного. Так решил Ганс, что этот испуганный подросток — партизанский связной. Ему прострелили ногу, и после допроса, чтобы не тащить раненого по жаре через ущелье, Ганс приказал пристрелить мальчишку. И его пристрелили.

Рудольф, чтобы отвлечься, принялся вспомнить прочитанное в путеводителе.

О рощицах шелковиц и инжира, растущих вокруг источников, о соснах и медоносных цветах, о пастушьих домиках митато, построенных из грубого камня даже без скрепляющего раствора, о горных козах кри-кри, о старых арочных домиках с мансардами в маленькой деревушке...

Деревушку они сожгли ещё раньше. До того, как пристрелили мальчишку. К развалинам этой деревушки ему и нужно было добраться.

Зачем? Он и сам не знал...

Он шёл и медленно думал о том, как тут жили люди. Пасли стада овец, строили водяные мельницы, охотились, рожали детей... А в праздники жарили ароматное мясо и запивали его огненной цикудьёй. Пели и танцевали. И тут пришёл он, Рудольф. И Ганс. И другие рудольфы и гансы... И расстреляли того мальчишку. Зачем? Почему? Для какой высшей цели? И что изменила эта смерть? Что-то изменила...

Рудольф добрёл наконец до деревушки. И ничего не узнал. Но воспоминания нахлынули на него с такой силой, что он невольно осел на ближайший валун.

Ганса застрелил снайпер через месяц после того карательного рейда, и он сам рассказал об этом невесте Ганса потом, уже после войны. Сегодня ему было особенно жалко и Ганса, и того греческого мальчишку, и он никак не мог понять — кого больше. Как же так, столько лет прошло, а сердце всё болит и болит. И ничего не изменить. И всё продолжает-

ся — где-то другие рудольфы и гансы стреляют в других мальчишек.

Рудольф вдруг затрясся и зарыдал.

Непонятно откуда, словно прямо из скалы, к нему подбежали греки-инструкторы. Он на плохом английском объяснил, что с ним всё в порядке, что просто он воевал тут когда-то против них, греков. Он не знал, что толкало его, но всё рассказывал и рассказывал, захлёбываясь слезами, и про карательные рейды, и про сожжение деревушки, и про расстрелянного парнишку. Греки повернулись и ушли. И Рудольфу показалось, что он остался один на целой планете и что это горячее ущелье — его личный ад.

Но греки вернулись. Они принесли с собой бутылку цикудьи, хлеб и миску с оливковым маслом. Они напивали цикудью в маленькие стаканчики и себе, и Рудольфу, пили, ломали хлеб, макали его в масло, снова пили и плакали вместе с Рудольфом.

Проходившие мимо туристы с изумлением разглядывали трёх плачущих мужчин. Одного очень пожилого и двух молодых. А те пили и плакали, пили и плакали...

Н А Т А Н Ц Ы

Наконец-то — пятница! Родители вернулись с работы — скоро ехать! Папа подогнал к подъезду машину, и все быстро перенесли сумки и пакеты в багажник. Тут и свежие батоны — бабушка любит к чаю, и карамельки — и ей, и девочкам, опять же к чаю, селёдка маринованная в плоских круглых банках и пара позвякивающих «Столичных» — это деду; конечно, гостинцы двоюродным, крёстной, тётушкам... Как сейчас хорошо в деревне — стадо гонят из лугов, ласточки с криками гоняются в синевом небе, гуси гогочут с пруда; как раз к приезду бабушка испечёт пирогов, папа будет есть их с парным молоком, остальные — с холодным, из погреба. Солнце еще не коснулось верхушек берёз, когда жёлтый ВАЗ бодро выехал с широкого шоссе на узкую, но всё же асфальтовую дорогу, плавными дугами уходящую в поля...

Васька снова припёрся в клуб пьяным, и тут же едва не случилась драка. Ваське показалось, что на его Таньку слишком откровенно зырит Серый. Но как-то удалось ссору погасить, и все скакали под модную ныне французскую дерганую мелодию; и Васька, показывая силу, подбрасывал и ловил свою Таньку, а та визжала и довольно поглядывала на подруг — такого сильного и красивого парня не было ни у кого в селе. Парни выходили из клуба, звякали в кустах сирени бутылками и возвращались с красными щеками и влажными глазами.

— Вы хоть закусывайте, — советовал парням завклубом Захарыч. — А то опять безобразить начнёте, опять милицию вызывать придётся.

— Мы закусываем, закусываем, Захарыч, ты не волнуйся.

Машину вдруг повело, колёса зашуршали по обочине и подняли облако рыжей пыли. Папа вышел из машины, посмотрел, чертыхнулся. Гвоздя поймали. Сбросил пиджак, засучил рукава рубашки и полез в багажник за домкратом и запаской. Девочки выбрались на волю и принялись бегать по лугу в косых лучах солнца, пробивающихся сквозь зелёный гребень лесопосадки. Засветло теперь, пожалуй, не доберемся, подумала мама, и необъяснимая тревога вдруг тронула её сердце...

Стемнело. Отсюда, сверху, с крыльца клуба село виднелось теперь строчками уличных фонарей да окон на чёрном бархате — где оранжевых, где телевизорно-голубых. Захарыч гремел замком, не слушая уговоров ненагулявшейся молодёжи. Отмахивался, завтра, мол, суббота, вот завтра и не закрою хоть до утра, а сегодня я, мол, еще и в бане не был.

Васька вспомнил, что в райцентре в пятницу клуб не закрывается и за полночь. Но до райцентра километров пятнадцать — не пёхом же топать. Тут Серый и решил показать себя: щас будет вам такси! И действительно, через десять минут в темноте показались фары и к крыльцу клуба притархтел колёсный тракторишка с прицепом. Серый высунулся из кабинки: такси подано, дамы и сэры! Компания со смехом погрузилась в прицеп, и трактор, вихляя по дороге, утонул в темноте...

Солнце село, в свете фар метались ночные мотыльки, но дорога была хорошо известна и они ехали быстро. Машина плавно мчалась в черноте, выхватывая фарами то придорожный куст, то ночную птицу, вспархивающую с тёплого асфальта. Папа злился на неожиданную задержку. Мало того что проткнули колесо, так ещё и запаска оказалась ненакаченной, пришлось потеть с ручным насосом. В деревне, наверное, уже волнуются, дед, небось, стоит на крыльце, высматривает огни на дороге. Девочки уснули, а мама смотрела в лобовое стекло и хотела, но никак не могла задремать.

Серый видел фары легковушки, несущейся по асфальтке, но решил, что проскочит. А водитель жёлтого ВАЗа на тусклые фары на полевой дороге даже не обратил внимания. Трактор вылетел перед ним как чёрт из табакерки, и он даже не пытался тормозить. Легковушка влетела прямо под прицеп. Низкая рама прицепа просто срезала верх машины, смяв и водителя, и пассажиров в кровавый фарш. Задние колёса прицепа подбросило, и люди из него с воплями посыпались как горох. Потом всё стихло, только невидимые кузнечики звенели, потом к прицепу из темноты вышли все выпавшие — никто всерьёз не пострадал. Серый выбрался из кабины, и все сгрудились вокруг смятого ВАЗа. Кого-то вырвало. Васька сказал:

— Ну чего тут теперь глазеть, поехали дальше. Они погрузились на прицеп, и трактор тронулся в сторону райцентра. В райцентровском клубе Ваську и Серого, конечно же, побили, они сходили к знакомому, купили самогонки и уже под утро всей компанией отправились домой. Возвращались другой дорогой.

Серого посадили на три года, Васька отделался условным. На обочине у поворота на просёлок появился памятник с фотографией, явно сделанной на каком-то семейном торжестве, может быть, на дне рождения. На фотографии мужчина средних лет, его жена, улыбающаяся красивая женщина, и три девочки-погодки.

БЕЗ ТЕЛЕВИЗОРА

Иванов поехал за грибами и заблудился. Напрасно жена с тестем сигналили ему из машины, оставленной у кромки леса, до самой темноты; напрасно светили дальним светом фар в ночную лесную гущу. Напрасно отряд МЧС с добровольцами из соседних деревень прочёсывали тайгу, стреляли из сигнального пистолета и запускали ракеты. Иванов — сугубо городской человек, лысый кандидат-физик — сгинул бесследно...

Иванов несколько суток шёл по тайге, питаясь сырыми грибами, кислыми ягодами и орехами; брёл то в одну, то в другую сторону, не находя ни дороги, ни малой тропки. Сначала он пытался вспомнить что-то о мхе на деревьях, Полярной звезде, солнце и часах, но потом просто шёл и шёл. Ночью забирался на ближайшее дерево и дремал, вздрагивая от каждого шороха и лесного крика. Ему повезло: в конце концов, он набрёл на старую охотничью избушку. В избушке было всё — и печка, и заготовленные для неё дрова, и продукты, и даже спички. Иванов понял, что выживет. Он быстро отдохнул, немного отъелся и успокоился. Куда идти, как выбираться из тайги, он не знал, и решил ждать. На ближайшей поляне приготовил огромную кучу сушняка с травой для дыма, выложил из веток английское SOS и стал ждать.

Сначала ему было хорошо, он даже радовался неожиданному приключению и представлял себя новым Робинзоном Крузо. Слушал птичек, загорал на поляне и ловил рыбёшку в ручье. Но через некоторое время почувствовал сосущую под ложечкой тоску. Он вдруг понял, что ему отчаянно не хватает многих вещей, которые были у него в городе. Кофе. Туалетной бумаги. Тостера. Интернета. Соседа с нардами. Шума машин за окном и даже ночной сигнализации. Электричества. Газет. Обеденного перерыва и разговора с коллегами о футболе и начальстве. Инны из соседнего отдела. Даже жены.

Но больше всего ему не хватало телевизора.

Не хватало душики Регины Дубовицкой, Петросяна, «Ментовских войн» не хватало и... В общем, со всем можно было ещё как-то мириться, но когда солнце падало за край тайги и избушку окутывала тьма, почти не разгоняемая огарком стеариновой свечки, на Иванова накатывала страшная депрессия. Порой, задумавшись, он вдруг вставал с лежанки и начинал искать пульт, раздражаясь и сердясь (куда же я его засунул?!), пока не осознавал, что нет не только никакого пульта, но и самого телевизора. У него началась самая настоящая ломка. Это было мучительно: приходила ночь, и он не знал, куда себя деть. Ощущал тяжкую бессмысленность своего бытия. Мысли, не занятые Региной Дубовицкой и Шифриным, приводили его к таким вопросам, которые терзали душу и не давали покоя. А ведь мысль — не телевизор, её не выключишь нажатием кнопочки пульта. И, наконец, он понял, как правильно была устроена его жизнь в городе, осознал, что зря ругают наше телевидение, ведь оно спасает нас от сумасшествия, спасает от неразрешимого, а потому опаснейшего для цивилизации вопроса: в чём смысл жизни?! Становилось всё хуже — бессонница, галлюцинации и бред...

Его нашли через полтора месяца. Он оброс, оборвался, сильно похудел, но физически был совершенно здоров. Чего нельзя было сказать о его психическом состоянии. Он не узнавал близких, плакал, разговаривал сам с собой, вёл себя очень беспокойно, куда-то рвался. Врачи и спасатели ломали голову — отчего человек сошёл с ума, если у него всё было для нормального выживания? Что же делать — его определили в психиатрическую лечебницу.

Его помыли, постригли, одели в больничную пижаму и стали лечить. В первый же вечер в общем холле он сел перед телевизором и успокоился. Он смотрел все передачи подряд и улыбался, он был беспредельно счастлив...

ФИЛОСОФИЯ

Старший научный сотрудник Иванов и младший научный сотрудник Сидоров стояли на лестничной площадке второго этажа родного НИИ и курили, коротая время до недалекого обеда за перекуром. Все приличные люди из НИИ давно разбежались, и многие завели свои дела. Сидоров не сбежал потому, что по молодости искренне верил в торжество науки и мечтал сделаться великим ученым. А Иванов и сам не знал, отчего сидел на нищенской зарплате при отсутствии всяких перспектив. Наверное, он был философом. Вот и теперь на заплёванной лестничной клетке он внушал молодому коллеге, что жизнь складывается так, как она складывается, и никак иначе.

— Такова реальность нашей действительности. Если глобально, в космическом, так сказать, смысле, человек практически ничем не отличается от яблока.

— Ну, это уж явное преувеличение, — неуверенно возразил Сидоров старшему товарищу.

— Ни капли преувеличения, — Иванов картинно отвёл руку с дымящейся сигаретой. — Яблоко может родить только яблоко, так же как и человек рождает лишь себе подобного. Яблоко не знает, с какой целью оно существует, и человек не знает...

— А сознание?

— Сознание... Наличие сознания ничего не меняет. Сознание лишь фиксирует процесс, но никак на него по большому счету не влияет. Человек то же беспомощное яблоко на тонкой ветке судьбы. Ты можешь сказать, а как же развитие цивилизации, техника, философская мысль... Да ведь и яблоко было когда-то кислым, зелёным жёстким дичком. Теперь масса различных сортов. Но все эти сорта по своей сущности — всё то же банальное яблоко! И человек со всей его философией, цивилизацией и техникой — всё тот же банальный человек. Ни одно изобретение, ни один философский изыск не сделал человека как вид принципиально другим. Мало того, когда жизнь становится легче, человек, по-моему, становится хуже. Лиши яблоко ухода садовода, и оно тут же снова превра-

тится в кислый дичок. То же самое и с человеком: когда в Нью-Йорке несколько лет назад произошла авария и сутки не было электричества, это стало для миллионов людей катастрофой. В большинстве случаев, правда, катастрофой смешной. Людей лишили телевизоров, и в результате через девять месяцев случился всплеск рождаемости. Но если бы электричества лишилась вся планета, люди вернулись бы в лучшем случае в средневековое состояние.

— Но ведь это ужасно!

— А что же в этом ужасного? Только то, что нам хочется чувствовать себя чем-то большим, чем одно из яблок планеты? Но мыслящее яблоко всё же лучше, чем яблоко немыслящее. Виси себе на ветке и любуйся красотами мира — сентябрьскими звездопадами, вечерними августовскими закатами, морским прибоем, приносящим из неведомых глубин запах водорослей, и грусти о своей бренности и неразгаданности бытия. Такова действительность нашей реальности... — Иванов задумался, потом передёрнул плечами. — М-да... Всё-таки ты прав — это ужасно!

Минут через двадцать они сидели в институтской столовке, хлебали борщ и спорили: Арнольд Шварценеггер — стоящий актёр или дешёвка...

Р а й

Я возвращался из Рая весь в слезах. Слезы текли по щекам, попадали в уши и щекали их, подушка вся промокла. Я уж и не помню, когда так рыдал. Должно быть, в тот раз, в двенадцать лет, когда от чумки погиб Джек. Фотографии остроухого раздвинувшего пасть в улыбке Джека, сделанные фотоаппаратом «Смена-7», до сих пор лежат где-то в коробке из-под ботинок, пожелтевшие, с изображением словно в тумане... Даже когда умерла бабушка, я плакал не так горько...

В общем-то, Рай мне понравился — много света, очень много. Откуда исходил этот мягкий, сильный, но не ослепляющий свет, играющий

иногда нежными разноцветными, словно северное сияние, сполохами, было непонятно. Вокруг разливалось сухое нежное тепло, а воздух сочился изумительным запахом, в котором было абсолютно всё, что тешит душу — запах океанского бриза, еловой хвои, антоновских яблок, тронутых ранним морозом, цветочного мёда, убежавшего и чуть подгоревшего молока, цветущей липы, щенка, поцелуя... В Раю нет горизонта — в бесконечность уходит белое пушистое пространство, на котором из серебристого низкого тумана растут стройные кудрявые зелёные деревца все в цвету. Каждое дерево на своём участке, вроде бы и не огороженном, но каким-то образом отделённом от других, и под каждым деревом — человек. Причём никто не уходил от «своего» дерева и не общался с другими. Я не видел ясно их лиц, но как-то понимал, что все они разного возраста, разного цвета кожи, роста... Все чем-то непонятным мне занимались, но опять же непонятно отчего я знал, что им очень хорошо. Да и мне было необычайно легко. И душа моя переполнялась светом и силой. Эйфория, нирвана, абсолют... все эти определения не передают и малой доли того блаженства, в которое я впал. Я вдруг понял, отчего многие, рассказывая о полёте в загробную жизнь во время клинической смерти, утверждали, что не хотели возвращаться. Я плавал и плавал в этих потоках света, вдыхал эти неземные земные запахи и наполнялся радостью, поскольку понял, что смерти нет, что всё бесконечно, всё правильно, всё справедливо и гармонично, пока... Пока не обнаружил страшную вещь, заставившую меня задохнуться от горя: под одним из деревьев играла моя дочка! Имени её я не помнил; вернее, Там имени и не было, просто это была моя дочка. Моя пятилетняя дочка, которой вечером я читал сказки и пел песенки. Я чувствовал, что ей хорошо, она улыбалась, играла со мной, прыгала и смеялась. Но меня охватил ужас. Она ничего не понимает! И хорошо — не надо её пугать. Мне нужно было во что бы то ни стало вернуть её. Я играл с ней и, играя, потихоньку уводил от деревца, но в какой-то момент она останавливалась и убегала обратно. Я вёл её за руку, но рука выскальзывала из моей ладони и дочка возвращалась под своё дерево, а если я пытался унести её на руках, она впадала в такой ужас, в такую панику, что мне приходилось отпускать её, и она

возвращалась под своё деревце. Отчего-то я знал, что времени у меня всё меньше и меньше, и я чувствовал, что вернуть её мне не удастся.

Я запаниковал, сжал зубы, схватил дочку под мышку и опрометью бросился прочь от дерева, стараясь не обращать внимания на то, как она всё сильнее бьётся и рвётся, как она кричит, как крик переходит в хрип и совершенно невообразимый вой; вой этот становился всё тоньше и выше, и не было сил выдерживать его. Я остановился, повернул извивающееся тельце к себе и похолодел: в руках у меня дёргалась и ломалась лохматая, краснолицая, клыкастая обезьянка, она визжала и царапала мои руки длинными когтями. Я бросил её и вдруг провалился в туман, потеряв под ногами опору...

За окном выла сигнализацией чья-то машина. Рай уплывал из памяти, уплывал свет, истончался райский запах, гасла неясная музыка небесных сфер. Уплывали стройные деревца с человеческими фигурками под ними. Уходило чувство реальности Рая... Только невыразимая печаль продолжала сосать сердце, и слёзы ручьём лились из глаз.

Стараясь не потревожить жену, я встал с постели, перевернул подушку мокрым вниз, зашёл в ванную, сполоснул лицо ледяной водой и немного успокоился. Только потом с бьющимся сердцем потихоньку заглянул в детскую. Сын, отвернувшись к стенке, тихо посапывал в сладкой утренней дреме. Дочка лежала на спине и, обняв лохматую плюшевую собаку, улыбалась во сне.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Старая фотография. Крым. Евпатория. Детский санаторий. Так бывает. Вдруг неведь откуда выскользнет старая, казалось бы, уже безвозвратно потерянная фотография, и запнёшься, остановишься, впадёшь в лёгкий ступор. Забудешь на время, что искал и для чего полез в эти коробки... Это я?! Это я. А это Наташка, а это Колька, а имена этих детей память уже потеряла...

Синее море оказалось вовсе не синим. Скорее — зелёным. И пахло не солью. И не йодом. А чем-то, для чего не придумано ещё точного названия; какой-то романтической тухлецей, но и без названия этот запах будоражил и навевал сладкую тоску. Примерно такую же, какую приносит терпкий, горький запах мелкого коричневого шлака, рассыпанного между железнодорожными шпалами, — так пахнет расставание, надежда на дальнейшее путешествие со счастливым возвращением, надежда на будущее счастье, которое наступит после того, как отстучат по стыкам рельсов вагонные колёса и поезд привезёт тебя туда, куда ты по-настоящему всю жизнь стремишься... И прибой шумел, и кричали чайки, и ракушки светлой полосой белели после шторма, и белый пароход дымил трубой почти на самом горизонте... И всё впервые. И первая любовь...

Наташка, украиночка: щёчки пухленькие, с ямочками, губки — вишенки, глаза — черешни, тёмные, влажные и зовущие... Смешливая. Ох, и дрались же мы из-за неё отчаянно с нечаянным другом Колькой из Днепропетровска. Дружили и дрались. На снимке она стоит между нами, но руку положила на Колькино плечо. Вид у меня безмятежный, почти весёлый, но как же мне было обидно...

В тот день одна девочка из нашего отряда впадала в истерический припадок. Мы бродили по пляжу, собирали красивые камушки, облизанные прибоем монпансье бутылочных стёклышек и ракушки, и кто-то её задел, уже не помню чем. Она кричала, брызгала слюной и страшно кусала себя за руку. А дети, пока не подросли воспитатели, смеялись над ней и дразнили. И Колька кричал ей: «Фас! Фас! Укуси себя за нос!» Тогда мы первый и единственный раз подрались не из-за Наташки. Нас обоих наказали, и мы как-то незаметно помирились. А Наташка обиделась, что я заступился «за припадочную», ведь она смеялась вместе со всеми. Девочку положили в изолятор, а после обеда пришёл фотограф делать общий снимок «на память».

Нас поставили «группой», и Наташка положила руку на Колькино плечо; фотограф покомандовал, пощёлкал затвором, и наши лица навеки отпечатались в серебре негатива... И навеки Наташкина рука застыла не на моём плече.

Жизнь завертела, закружила, развела... Только эта фотография да тоска о чём-то без-

возвратно потерянном — вот и всё, что осталось от того солнечного времени в жестокой памяти. А в зачерствевшей, заскорузлой от долгого употребления душе до сих пор нет-нет да и заплещется то детское евпаторийское море, омывая её житейские раны и трещины; хотя на фотографии моря нет.

РАЗГОВОР

Тут Ира встала из-за стола с таким видом, ... что все замолчали. Она оперлась кулаками о стол, оглядела семью и медленно, но чётко с ударением произнесла...

...Собака была стара. Бабушка тоже была совсем старенькой. И хотя в человеческом летоисчислении бабушка была куда как старше собаки, биологически они были практически ровесниками. К тому же собака заболела. Дина почти неделю отказывалась от еды, целыми днями лежала на боку и время от времени стонала. В доме серой вуалью висела грусть. Дина прожила в семье долгую жизнь — от едва вставшего на кривоватые лапки щенка до старой-престарой собаки. Однажды сильные и стройные лапы отказались носить отяжелевшее тело, и овчарку стали выносить во двор на руках. Когда у нее появились судороги, Ира вызвала ветеринара. Вечером ветеринар смотрел безразличную ко всему Дину, а вся семья столпилась в дверях и смотрела, как доктор мял собачьи лапы, поднимал безвольную по-прежнему остроухую голову, слушал сердце.

— Ну что, сердце в порядке, ничего особенно не нарушено... Ну, питание мягкое улучшенное, ну, витамины... Ещё поживёт... Но в общем-то всё это мало что даст — старость есть старость...

Потом ветеринар ушёл, на пороге снова повторив это слово — «старость».

Сидели за кухонным столом, нетронутые тарелки белели на клеёнке, в выпуклом боку чайника поблёскивала кухонная лампочка.

— Придётся её усыпить, — муж Витечка произнёс эти слова вроде бы и через силу, но твёрдо, как о деле решённом.

— Ни за что! — вскопчила из-за стола Настёна. — Как можно!

Младший, Колюня, тихо заплакал. Бабушка отвернулась к окну.

— Да вы поймите, она же мучается, страдает! — Витечка сердился, поскольку получалось, что все вот такие сердобольные, а он такой вот жестокий. — Это не тот случай, когда нужно быть добренькими. Вы поймите, от старости лекарства ещё не придумали. Так зачем эта агония, эти стоны, мучение...

— Но ведь врач же сказал — ничего не нарушено, что витамины, питание, — Ира, соглашаясь в глубине души с мужем, не могла сказать этого Колюне и Настёне. — Может, ещё ничего...

— Да, может, обойдётся, — тихо подала голос бабушка, не отворачиваясь от окна.

— Ну что — «ничего», — всё сильнее раздражался Витечка, — что «ничего»? Вы что, не понимаете? Мне не меньше вашего Дину жалко, именно поэтому я и предлагаю прекратить её мучения. А тебе нового щенка купим, — обратился он к Колюне.

Колюня продолжал тихо плакать.

— Папа, как ты можешь, — Настёна тоже едва не разрыдалась, — нам не нужен новый щенок, нам нужна Дина!

— Ну, попробовать-то можно, — примирительно сказала Ирина. — Куплю витамины...

— Да какие витамины — от старости? — упрямо перебил жену Витечка. — И перестань ныть, Коля. Ты мужчина или нет! Да поймите вы простую вещь, Дина состарилась! А смерть штука неизбежная! Вы только представьте себе, сколько ей по человеческим меркам. Если бы она была человеком, ей же сейчас было бы за восемьдесят! Она всё равно умрёт, только промучается бесполезно! Не ясно, что ли?

Тут Ира увидела, как подбородок бабушки мелко задрожал и она ещё сильнее отвернулась в сторону окна, словно вглядываясь во что-то за тёмным стеклом.

— Витя! — глазами показала мужу на бабушку, и тот осёкся. Над столом повисла гнетущая тишина...

И тут Ира, с резким скрипом отодвинув табурет, встала из-за стола с таким видом, что все невольно посмотрели на неё, даже бабушка обернулась от окна. Ира оперлась кулаками о стол, оглядела семью и медленно, но чётко, глядя на бабушку, с ударением произнесла:

— В этой семье ни-кто ни-ког-да без моего разрешения не умрёт!

Все как-то сразу вздохнули и успокоились, а собака и бабушка смотрели на неё такими глазами, что она и сама поверила своим словам...

ВРЕМЯ ПОДУМАТЬ

Станция называлась красиво — Семь колодезей. Романтично. Но они приехали слишком поздно и сразу поняли, что дальше не уехать и до Казантипа сегодня никак не добраться. И Сергей снова пожалел, что соблазнился этой поездкой. Ещё один вечер пришлось сидеть на спальных мешках, расстеленных прямо на газоне среди чахлах кустов за древним вокзалом, слушать бряканье гитары и самозабвенное завывание активно наслаждавшихся «дикой жизнью» спутников. Костёр в сквере не разожжёшь, ужинали какой-то консервированной чепухой.

«Чёрт, — вздыхалось Сергею. — Хотел убежать от тоскливых мыслей, а тут, наоборот, только и делаешь, что думаешь да вспоминаешь!» С того дня, как они расстались с Наташкой, прошло два месяца. И вот ведь удивительная штука, расстались по его, Сергея, инициативе, а вместо облегчения — последние дни прошли в сплошных ссорах, навалилась на душу страшная тоска. Из-за этого он и поддался уговорам рвануть на пару недель в Крым, на тот самый Казантип. Рванул...

В темноте лаяли с подвывом собаки, какая-то ночная птица нервно вскрикивала совсем рядом, над головами с тихим шорохом пролетали довольно большие летучие мыши, заставляя повизгивать женскую часть группы. Пахло чем-то южным, пряным вперемешку с хлорным туалетом. Поднялся ветер и начал скрипеть старыми кривыми стволами акаций, нагоняя унынье. Едва начнёшь задрёмывать, как взвояет над ухом электричка или протарахтит за сквером грузовик. Спал или не спал — Сергей так и не понял.

Утром все встали хмурыми, и Светлана, студентка медицинского, будущий психиатр, выставила диагноз:

— Утренняя дисфория!

— Вроде не пили, — попытался кто-то пошу-

тить, но никто не улыбнулся. Действительно — дисфория...

До Казантипа добирались сначала на старом, вконец растрюханном пазике, потом — пешком. Жара и рюкзаки давили к земле, и пот прокладывал тёмные дорожки по побелевшим от пыли лицам. «Чёрт, чёрт, чёрт! — ругался Сергей. — Купился на эту ерундовую романтику». И вспоминал, как Наташка всё уговаривала его пойти в байдарочный поход с однокурсниками и напевала: «Долго будет Карелия сниться...» Но так и не уговорила. А что, если бы уговорила, подумалось вдруг ему, может быть, что-то изменилось? Нет, вряд ли...

И почему так бывает на свете — любят человека друг друга, точно любят, а жить вместе не могут. Вот почему, спрашивается...

— Эй, Серёга, ты далеко?! — услышал вдруг он и остановился.

Оказывается, уже пришли на место, группа побросала рюкзаки и расселась отдыхать, а он в задумчивости брёл дальше, пока его не окликнули.

Тут только он заметил, что вокруг с одной стороны — желтовато-белая степь на полгоризонта, а в другую половину горизонта упирается синее-синее море. «Ну да, красиво, — подумал Сергей, — но не до такой же степени, чтобы переть тридцатикилограммовый рюкзак по этой жарнице, давиться холодными консервами и спать в тонком спальнике почти на голой земле...» А Наташу вот всё тянуло на такую романтику. Да смотри ты «Клуб кинопутешествий» — всё то же самое, только под попой диван, а не кочка, и комары не жрут...

Под ивняком прямо на прибрежном пляже выросли разноцветные домики палаток, заплясал под котелком костерок из сушёного плавника. Народ полез купаться — брызги, визги, смех. Сергей прихватил спальник и осмотрелся. Бухта широким полукругом охватывала часть Азова, на концах её торчали невысокие каменистые мыски. Далеко справа темнел пирсами рыбацкий посёлок, белела на рейде яхта, в глубине бухты то появлялись, то скрывались за пологими волнами тёмные скорлупки баркасов. Сергей пошёл в противоположную от посёлка сторону, набрёл на небольшой желтоватый выступ из ракушечника, слегка выдающийся в море, взобрался на него и, бросив спальник, с наслаждением растя-

нул. Лёгкий ветерок навевал сон, но, несмотря на бессонную ночь, задремать почему-то не удавалось. Сергей лежал, смотрел на море, на яхту, которая подняла парус и начала медленно уходить к горизонту, слушал неназойливый плеск волны, втягивал в себя йодный острый воздух. Нет, всё-таки хорошо. Что сейчас делает Наташа? А что, если бы она лежала сейчас рядом на этом спальном мешке, о чем бы они стали говорить? Неужели ссорились бы?

Стало жарко, и Сергей забрёл в воду. Песок очень полого уходил вглубь, и пришлось порядочно отойти от берега, прежде чем вода поднялась по грудь. Пока шёл, почувствовал, что по ногам что-то легонько постукивает. Склонился к прозрачной воде и сквозь голубовато-зелёную дымку увидел облако креветок. Рачки двигались в одном направлении, и некоторые наткнулись на его ноги. Эх, жалко, маску не взял, мелькнуло в голове.

Поплавав, полежав на воде, Сергей вновь выбрался на ракушечник и растянулся на спальнике. День тянулся долго, его никто не трогал, крикнули только раз, чтобы шёл обедать, но он не пошёл. Хорошие всё же ребята, подумал Сергей, понимают...

Всё пройдёт, убеждал он себя и начинал верить в это; всё пройдёт, появится другая Наташа, лучше прежней, которая будет подходить ему, а он будет подходить ей. Ну, пусть её будут звать Ира или Таня, а может быть, вообще Эльвира. Не в этом суть. Безднадёжных ситуаций не бывает. Просто должно пройти время. Время лечит, не зря говорят.

И никто ни под кого не должен подстраиваться. Твоя жизнь — это твоя жизнь. Другой не будет, а Наташ сколько угодно. Тоска вроде бы потихоньку уходила.

Вдруг оказалось, что солнце, так долго висевшее в зените, скатилось к самым скалам на дальнем мысе. Оно увеличилось и из белого стало жёлтым. Потом на глазах стало менять форму — из круглого становилось похожим на яйцо, на красное пасхальное яйцо. И море играло красками, густея, наливаясь то бирюзой, то фиолетовым, рябя красноватыми бликами. Увидь он это на картине, ни за что не поверил бы, что такое бывает в реальности.

А солнце тем временем перевалило мыс и уходило в море, превратившись в апельсино-

вую дольку, очень похожую на тот большой алый леденец, который отец однажды ему, ребёнку, привёз в гостинец из Прибалтики. И тут случилось совсем уж невероятное, словно подстроенное неведомым режиссёром. Из-за мыса показалось несколько — один за другим — парусов. Виндсёрфингисты стояли на досках легко и свободно, а за досками струился рябящий красным след. И в этом следе мелькали спины дельфинов! Боже! Какая же красота! Сергей во все глаза смотрел на эту невероятную картину до тех пор, пока паруса не скрылись за пирсами посёлка.

Он вновь перевёл взгляд на убывающую солнечную дольку и вспомнил, как отец рассказывал, что именно в такие минуты, если повезёт, можно увидеть зелёный луч. Явление очень редкое и, как говорят, приносящее удачу в жизни. Главное, смотреть внимательно, ведь луч этот горит всего одну секунду. И Сергей принялся до слёз в глазах всматриваться в тающий краешек солнца, боясь сморгнуть. Солнце кануло в чёткую линию горизонта, разделяющую тёмно-синее и оранжевое, но луч не появился, не мелькнул. Еще минуту Сергей в надежде смотрел на горизонт, но нет...

Ветер стих, из посёлка послышался далёкий крик петухов и неслышный раньше лай собак. Быстро темнело. Сергей вернулся к палаткам, лежал на спальнике, расстеленном прямо на песке у костра, слушал и не слушал всё те же разговоры и те же песни, перекачивал с ладони на ладонь горячую, пачкавшую пальцы картофелину и ни о чём не думал. Или ему казалось, что не думал. В душе-то всё время что-то шевелилось.

А когда стемнело и погас костёр, небо обметало такой звёздной пылью, какой Сергей не видел, пожалуй, с детства. Млечный Путь был густ и висел косо, не так, как в средней полосе. Казалось, поднимись на скалу на мыске, протяни руку — и коснёшься этой серебряной пыли, и окажется она на ощупь холодноватой, как лёд.

Сергей лежал, задрёмывал, и ему вдруг стало хорошо и покойно. И впереди ещё целых две недели этого спокойствия. А мыслей бояться не надо. Наоборот, нужно думать и думать. И что-нибудь придумается. Обязательно придумается. Иначе быть не может...

З У Ъ

Старую плитку убрали заранее. Когда её отключили и сдвинули с места, Екатерине Александровне сделалось несколько даже неловко. У неё, чистоплотной домовитой хозяйки, за плитой оказался, надо сказать, необъяснимый бардак. Как это всё туда попало?! Ну, пыль-паутина — ладно, ни веником, ни пылесосом туда не проберёшься, вот и скопилось. Но там оказалась ещё масса разнообразного мусора: несколько монет ещё советских времён, спичечный коробок, оловянный солдатик, почерневшая вилка, салфетка, большая красная пуговица (не помнила Екатерина Александровна этой пуговицы, хоть убей, не было в этом доме вещей с такими пуговицами). Приклеилось к линолеуму до последней степени проржавленное лезвие бритвы «Нева» (отец брился такими когда-то). Новогодняя открытка (надпись выпцвела и едва просматривалась). Комочек бумаги.

Нет, не просто комочек, Екатерина Александровна развернула его и увидела, что это записка, в записку эту был завернут зуб. Детский молочный. «Первый молочный Катенинкин зубик...» — прочитала Екатерина Александровна едва заметную карандашную строчку и присела на табурет.

Зуб шатался, цеплялся за язык и побаливал. Мешал, в общем. Пока родители у себя в комнате рассуждали, кому из них удобнее вести дочь к дантисту, бабушка взяла чёрную толстую нитку, сделала петельку и, накинув её на больной зуб, другой конец нити привязала к ручке кухонной двери. Посадив внучку на колени и прижав её голову к груди, позвала сына. Катин папа открыл дверь, зуб вылетел изо рта и с костяным звуком стукнулся о косяк.

Все принялись рассматривать зуб. Мама проворчала что-то про антисанитарию и заставила Катю прополоскать рот раствором марганцовки. Вечером бабушка на обрывке тетрадного листа написала записку и, завернув в него молочный зуб, научила Катю:

— Скажи: «Дедушка Домовой, возьми зубик репьяной, а верни костяной...» И кинь за плитку. И зубки у тебя будут хорошие.

Катя так и сделала...

...Зубки у неё и правда получились на загляденье. Сколько лет пролетело! Папа теперь уже старше бабушки. Екатерина Александровна ещё раз прочитала бабушкины каракули: «Первый молочный Катенинкин зубик, на паску 1983 год». Она поднялась, пошла в комнату и, сняв с полки шкатулку с колечками-серёжками, аккуратно положила туда и зубик, и записку. Потом долго стояла у окна и плакала...

□

Александр ЛОМТЕВ

родился в 1956 г. в с. Суворово Нижегородской обл.

Писатель, журналист, график.

Автор книг «Путешествие с ангелом», «Ундервуд»,

«Книга памяти Нижегородской области (Том о локальных конфликтах)»,

«Дорога длиной в век» и т.д.

Лауреат премии «Имперская культура» Союза писателей России,

финалист Бунинской премии 2008 г.,

лауреат премий Союза журналистов России,

«Патриот России», «Золотой гонг» и др.

Живёт в г. Сарове.

Надежда СЕРЕДИНА

г. Москва

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Новый день — новая жизнь. Прожить один день всё равно что прожить вечность. И бывают счастливые минуты, когда кажется, будто то, чего хочется больше всего, обязательно исполнится. Алёша звонил Марине, но она ничего не поняла... «Люблю... Не оставляй меня...» А вообще-то, как раз поняла. Как много хорошего может быть в жизни, но этого так сложно достигнуть. Однако именно сегодня Марина почему-то решила: всё будет хорошо.

— Тра-ля-ля!.. Это значит, что у меня хорошее настроение — настройка — строение — троеение — трон — он. Случайно получилось. И правильно.

— Ты что там говоришь? — спросила Алла Павловна дочь.

— Объявили вопросы билетов для экзаменов.

— И ты этому радуешься?.. — мать покачала головой. — Университетская программа, университетские преподаватели в школе. Нужно много заниматься!

Марине с некоторых пор стало казаться, что Земля — это космический корабль и, как только все узнают, что они инопланетяне, путешествующие по галактике, сразу на Земле всё изменится — люди перестанут делать друг другу зло. Она рассказала это Алёше — ему понравилось. У него глаза добрые, как будто он ей брат. И ему можно доверять, хотя мама и говорит, что никогда не надо выкладывать о себе слишком много. Но ведь это так приятно — кому-то верить, доверяться, быть как будто наедине с самой собой. Марина записывала новости пережитого дня в свой дневник. Это занятие ей нравилось — словно монтировала кино. Она научилась видеть себя со стороны и теперь себя вчерашнюю сравнивала с сегодняшней.

ГДЕ МОЙ ОТЕЦ?..

роман

Окончание. Начало в ж. «Север» №9-10 2016 г.

«Что со мной происходит? — спрашивала мысленно Марина. — Он не тот. Это понятно. Разные мы очень. Мне так грустно и больно. Даже, может быть, не справлюсь со своими чувствами. Но так я не хочу... Всё нужно делать в подходящую минуту: решиться и уйти. Куда уйти?»

Маринка позвонила Наташе.

— Зачем придумывать то, чего нет? — говорит подруга.

— Мне грустно и больно.

— Ты ведь не барышня-крестьянка и не Татьяна из «Евгения Онегина». И Тригорское давно стало музеем, — в голосе Наташи усмешка.

— Да. Хорошо было им, барышням... Пушкин прискачет на коне, стихи читает, в альбомы пишет, — Маринка вздохнула.

— Влюбляет всех в себя...

— Наташ, зачем заставляла Жанка нас учить письмо Татьяны к Онегину? Он же её не любил...

Наташа поправила:

— Он ведь полюбил.

Марина — обречённо:

— Когда было уже поздно. Тоже грустная история, как «Чайка».

Поговорила с Наташей, но грусть не рассеялась. Она опять открыла свой девичий дневник и хотела писать, но зазвонил телефон, Марина обрадовалась, думала, это Алёша.

— Добрый день, — сказал чужой мужской голос.

— Да? Добрый день... — поправилась: — Добрый вечер, — Марина сама не заметила, как наступил вечер.

— У вас телефонной карточки нет?

— Это не телефонная станция.

— Это я. Гарик.

— И что?

— Мне срочно надо позвонить в Америку, а у меня кончилась карточка, — Гарик был взволнован. — Не можете мне сказать ваш пин-код?

— Нет, не могу. У меня мобильник, а карточка нет, — Марина в недоумении.

— Мобильник-могильник... — не к месту зарифмовал Гарик.

— Что?

— Извините...

— Пожалуйста, — Марина как будто даже растерялась.

— У меня в Америке любимая девушка, — вырвалось у Гарика.

— Очень интересно. А зачем тогда вы сюда приехали?

— Я не знал.

— Что не знал? — Марина напряглась.

— Что я люблю её.

— Как это?! — выдохнула девушка. — Любил и не знал?!

Повисла пауза.

— Извини, там война началась! — будто оправдывался Гарик. — Она живёт в Манхэттене. Понимаешь?!

— Извини, у меня нет карточки... Я бы сказала тебе свой пин-код... Честно, я...

Но он, не слушая её объяснений, отключился.

Гарик смотрел телевизор и сходил с ума перед экраном. В Америке взлетели на воздух самые крупные небоскрёбы. Казалось, рухнула сама Америка.

— Анастасия, ты телевизор смотришь? — позвонил Гарик журналистке.

— Нет. У меня срочная статья. Завтра сдать надо...

Равнодушный голос Анастасии подхлестнул Гарика:

— Война! Началась война! — почти прокричал он в трубку. — Два небоскрёба взорваны! Ну, журналисты здесь?!

— А ты где?

— На Америку напали! — орал он.

Анастасия — после паузы:

— Кто же на неё может напасть? Это она всем угрожает.

— В Нью-Йорке взорваны небоскрёбы! — выпалил Гарик.

— Небоскрёбы? — она будто озадачилась. — Я ведь никогда не видела небоскрёбов! Почему ты так волнуешься? У тебя что там, небоскрёб свой? В Штатах происходит опасное разрушение национальных культур, — выплеснула она услышанные недавно слова редактора.

— Ты была в Америке?

— Нет.

— Я не была, но я скажу... Да?! — Гарик взвился.

— Штаты добились взлёта экономики только своей, а на остальных им наплевать! — из уст Анастасии это звучало как обвинительная речь. — У них нет культуры! Они...

Гарик торопливо перебил её:

— Скажи, пожалуйста, у тебя есть телефонная карточка? У меня кончилась. Ты бы смогла мне назвать свой пин-код, и я бы позвонил. А завтра я тебе куплю новую карточку, хорошо?

— Я не звоню в Америку, — холодно ответила журналистка.

Но Гарик как будто не услышал:

— Мне нужно позвонить. У меня там девушка! Понимаешь? Мне нужен пин-код твоей телефонной карточки!

— У меня нет карточки.

— Манхэттен захвачен террористами! — почти кричал Гарик. — Она живёт в этом районе. Мы жили вместе... Нет. Я думал, мы расстались навсегда, что между нами уже всё кончено. А я... я её люблю.

— Ты же приехал невесту искать... русскую?! — успела напомнить Анастасия.

И связь оборвалась. Гарик стал листать записную книжку. Тигран Зайцев... Дозвонился Гарик до Тиграна не сразу, у того постоянно занято.

— Тигран, ты смотришь телевизор? Война началась!

— Американцы сами это сделали... — спокойно возразил Тигран.

— Ты что говоришь! Это же символ Америки — близнецы-небоскрёбы! — кричал Гарик. — У меня там девушка!

— Ну... Девушка не жена. У меня знаешь сколько девушек...

— Жена! — выпалил Гарик..

— Ты же говорил, что ты не женат?.. — Тигран будто напрягся, подбирая слова. — И потом, знаешь... не люблю я небоскрёбы и небожителей. Я не ньюйоркец.

— Тигран, ты понимаешь, что началась Третья мировая война?! Включи Первый канал.

На том конце повисла пауза.

— Включил, — отозвался наконец Тигран.

Гарика это молчание убивало.

— Ну, Манхэттен видишь? Я там ходил по улицам, как ты здесь. Понимаешь?

— А в Чечне не ходил по улицам? — Тигран начал раздражаться. — Что ты раскричался? У нас тут свои войны!

— Если в Америке война — война будет везде!

— Врёшь, парень. У тебя там баба осталась, вот у тебя и душа горит. Это террористическая

вспышка. Это не война, — твёрдо сказал Тигран. — Паникёр! Успокойся, добрый молодец, ложись себе спать, утро вечера мудренее...

Гарик действительно похож на добра молодца из народных сказок. Удался и ростом, и волос русский, и косая сажень в плечах. Вот борода рыжая, не совсем народная, всё портит, из образа выпадает. Но нужна ему эта борода зачем-то, ни за что её не сбреет.

— ...Пять миллионов в Америке русских! А ты говоришь «не коснётся»! — примирительно ответил Гарик.

Тигран зевнул:

— Ну... Их туда никто не гнал.

— Самолёт «Бостон — Нью-Йорк». Слышишь? У меня в Бостоне друг. Вы тут не видите большой политики!

— Это война бедных против богатых. Когда есть что кушать, собака не звереет.

Бросил трубку.

По телевизору повторили контактный телефон посольства США в Москве.

Гарик попробовал набрать этот номер. Занято, занято... Короткие гудки. Наконец соединилось.

— Введите пин-код, — проинформировал автоответчик.

Куда позвонить?

— Справочное? Алло! Девушка! Не бросайте трубку! Скажите телефон горячей линии. Не знаете? А кто знает? Вы не знаете, кто знает? Мне нужно позвонить в американское посольство! Алло! Что? Вас не интересует, что мне вводить? А у меня карточки нет и счета нет.

Гарик нервно сжимал трубку, но там только гудки.

Когда компьютер даёт сбой, надо выпить чашечку кофе, а что делать, если сбой дают все? Плеснул воды в чайник и стал ждать, пока вода закипит. Открыл крышку и смотрел, как вода забелелась, потом пошли мелкие-мелкие пузырьки, потом — крупнее.

— Алло! Девушка, это опять я. Не бросайте трубку! У меня подруга в Нью-Йорке, я её люблю, вы же должны понимать. Почему? Потому что вас тоже кто-то любит. Не любит? Не бросайте трубку! Пожалуйста, дайте мне ФСБ. Да. Три пятёрки и три шестёрки? Спасибо. Вас обязательно кто-нибудь полюбит!

Гарик не спал всю ночь, в памяти возникал брат. У него был брат-близнец, который умер на третий день после рождения. Он этого мира не познал, и мир его не принял. Ушёл. Но почему-то в самые сложные моменты своей жизни Гарик вспоминал брата-близнеца, точнее, даже вспоминал не его, а о нём. Фотографии не было. Похорон, наверно, тоже. Ребёнка из роддома не отдали, или мать не добились, чтобы забрать, или родственники пожалели роженницу, чтобы не травмировать её похоронами?.. Никто не говорил об этом, и второго ребёнка, брата, как бы не было никогда. Но для Гарика брат был, жил в его душе, и даже мысленно он иногда обращался к нему как к ровеснику.

Пока Гарик с матерью были в Америке, квартиру, где они до отъезда жили, отдали учительнице, которая стояла в очереди на жилплощадь двадцать шесть лет. Мать Гарика, худощавая, невысокая, темноволосая, активная не по возрасту, скорее подходит на роль жены, а не матери своего сына. Она ещё сохранила энергичность, молодость и какую-то особенную лёгкость на подъём. На родине приветливо встретили их только друзья, а весь остальной город казался чужим. Выручили деньги, которые привезли из Америки, хоть и трудно было матери припрятывать их от Гарика. Домик купили в сорока километрах от города, в Журавлино.

Вот Гарик натолкнулся на телефон Фёдора Фёдоровича. Позвонил, напугал Наину.

II

Наина включила телевизор: по всем программам показывали ужасы террора. Руины, жертвы, близкие погибших — всё на экране вызывало жалость и сострадание. Женщина была одна. Она прислушивалась к телефону — с утра ждала звонка. Стол напротив лоджии. Её место там, где удобно смотреть телевизор, место мужа — сбоку. За телевизором — бар. Наина отпустила домработницу пораньше, но та, желая угодить, суегилась и разрушала внутренний комфорт дома. Неумение держать дистанцию — главная причина, по которой Наина часто меняла прислугу. Они, эти приходящие домработницы-учительницы или пенсионерки, влезали в личную жизнь хозяйки, и их приходилось увольнять. На-

ина сидела в кресле в прихожей, на возвышении двух ступенек, рассматривала себя в зеркало. И вот мелодично заиграл телефон.

— Слушаю вас, Анастасия, — Наина прижала трубку к уху.

Терпеливо выслушала и с достоинством ответила:

— Да! Фёдор Фёдорович получил ваше письмо, — Наина хотела понять как можно больше, угадать, прошло ли между ними то, что было раньше. — Он попросил меня известить вас, но у меня не было времени... Да... Нет... Сам он сейчас очень занят и не очень здоров. И он, как я знаю, с журналистами встречаться не любит. Да? Нет... — она выдержала паузу. — Ваши интервью его могут интересовать примерно так же, как сплетни соседок у подъездов. Это абсолютно чуждый ему жанр!

Анастасия не ответила на колкость.

— Вы думаете, что у него лёгкий хлеб? — Наина выразительно вздохнула. — Какое у него знание литературы! Какой безупречный литературный вкус! А его талант остается незамеченным! До свидания... Фёдор Фёдорович на даче.

* * *

Возможно, кому-то покажется, что Фёдор Фёдорович — фигура не столь значительная. Однако же он спонсировал издания книг, давал храмам на строительство, а иногда от него зависело, какая школа сколько получит средств на ремонт. Он знал, кто из влиятельных людей увлекается девочками. Он был нужным и полезным для очень многих важных особ, но заботился, чтобы об этой теневой стороне его жизни не знали. Газета, в которой работала Анастасия, тоже была обязана заботе Фёдора Фёдоровича. Анастасия долго не догадывалась об этом.

Фёдор Фёдорович устроил себе небольшой отдых и уехал подальше от цивилизации. Телевизор есть и на даче, так что к новостям в любой момент можно подключиться. Надо побережь нервы от лишней эмоциональной нагрузки. «Инфаркты, инсульты — хорошо бы как-нибудь без этого обойтись», — думал он. Вечером Фёдор Фёдорович уже был в гостях у своего простодушного деревенского соседа Митроши. Деревня бодрила, окрыляла, вливала свежие силы нас-

только, что Фёдору казалось, будто на природе под ногами у него не земля, а облака.

— Я убежал сюда, — доставал Фёдор городские гостинцы для Митроши. — Совсем не могу дышать в городе.

— Зачем же жить там, где нечем дышать? — дивился простой и добрый Митроша дачному соседу.

— Хочу ходить по лесам и долам с Рыжхой! — Фёдор размечтался. — К тому же наконец-то её удалось сосватать. Жизнь продолжается!

— В собаке? — Митроша снова подивился, как в городе уважают животных. — А я собаку в дом не пушу! Нет! Мне бабушка всегда говорила: грех это. Дом — для человека жильё. Не всякий человек угол имеет, а мы собаку — под образ Божий.

— Давай выпьем с тобой за мир! — предложил Фёдор, блаженно улыбаясь.

— За мир во всём мире! Чего они там в Америке не поделили? Вроде бы у них там всё есть, — выпил деревенский сосед половину стакана и отставил его.

— Я от жены сбежал... Ревнивая она у меня. Не поверишь, я сколько раз ходил на почту понапрасну спрашивать «до востребования». А она всё равно перехватила. Влюбился я «как безусый мальчуган». Вот прочти от неё письмо — украл его у жены. Ха-ха!

— Это не мне письмецо-то, — отстранился Митроша от городского гостя. — Чужое письмо читать — как в дверную щель подглядывать.

— Я ходил на почту — не писала. Я бросил ходить. И вдруг — вот! Вот оно! Роковое письмо. Я и ответ написал, — признался Фёдор. — Вот! Послушай: «Не могу сказать, что полностью разделяю восторг ваш... Я-то знаю!.. Твой и не твой... Прости, дорогая».

— Федя, ты что ж, тут жить будешь? Выгнала? — хмелея, осмелел сосед.

— Я сам ушёл! Приеду — скажу ей: «Дорогая, прости меня! Я виноват!» Вот... Сослала в деревню, «в глушь, в Саратов». А у меня, кроме головного и спинного, есть ещё и желудочный мозг.

— Желудочный?! — рассмеялся с прокуреным хрипом Митроша.

— Желудочный мозг — это мощное скопление нейронов и нервных пучков! Они подчиняют себе и голову, и позвоночник.

— Желудочный мозг?! Ха-ха! — хрипло хохот-

нул Митроша. — Это, значит, как у нас бабы говорят: «Путь к сердцу мужика лежит через желудок».

— В сердце мужчины есть перегородки для разных женщин, — подмигнул многоопытный Фёдор Фёдорович.

— К любовнице, значит, малый желудочек? А к жене — большой? Ха-ха-ха... — лукаво подмигнул Митроша.

— К жене и детям — одна любовь, — городской гость, хмелея, разоткровенничался. — Это нельзя сопоставлять с тем, что испытываешь с другой женщиной. Мы, мужики, полигамные звери...

— Давай выпьем за этих самых зверей, чтоб не перевелись, — предложил Митроша.

Открыли новую бутылку — Фёдору хотелось показать свою щедрость.

Митроша решил показать свою осведомлённость:

— Что там говорят-то в Москве про Америку? Кто бомбит?

— Никто её не бомбит! — неожиданно рубанул Фёдор.

— Что? Брешет телевизор? — захмелевший Митроша хлопал глазами.

— Нам с тобой что? Сидим в деревне, водочку пьём, огурчиком закусываем. Что тебе в деревне до Америки? — Фёдор в подтверждение своих слов смачно захрустел огурцом.

— В деревне, — будто обиделся Митроша. — Сам Михайло Ломоносов в лаптях в Москву пришёл из деревни! — он поднялся и засобирался домой. — Я всю жизнь затемно вставал и шёл работать! Вы разве в городе так работаете, как мы тут? А?! Скажи честно!

— Скажу. И в городе есть трудоголики. Это болезнь такая сейчас... — в голосе Фёдора Фёдоровича послышалось назидание. — Поляков Павел Палыч как начнет рассказывать о работе...

Но Митроша уже вышел из домика, в знак протеста сильно шарахнув дверью.

III

На работу Павел Павлович Поляков приходил к половине восьмого, раньше секретарши. В деревне отец его и дед вставали рано, а мать — ещё раньше. «Солнышко нас не дожидается», — часто говаривала ему мать.

Теперь в его хозяйстве — люди, которые управляют другими людьми. К восьми к Полякову являются руководители предприятий-должников. Являются с утра пораньше, пока он добр и никто не успел его рассердить.

— Как дела? — спрашивает Поляков, прищуром глаз оценивая посетителя.

— Хуже нет! — отвечает посетитель. — Надеемся только на вашу помощь!

— Чем я тебе помогу? Ты вот сделай экскаватор маленький, который работает в стеснённых условиях. Я у тебя триста таких возьму. У тебя люди работают?

— Только числятся. По полгода дома сидят.

— Собери их, думающих мозгов! Скажи им: «Вот вам целевая задача — построить маленький экскаватор». День и ночь будут работать!

— Люди есть. Денег нет, — просителю было так тяжело сидеть на стуле, что хотелось вскочить и убежать.

— Бездонной кадки водою не наполнишь. До свидания, — встал Поляков, по телефону дал распоряжение секретарше: «Следующего приглашай!»

За время, пока посетители менялись, выпил стакан минеральной воды.

— Пришёл просить вас подождать с долгом, — сказал новый проситель, глядя на шесть телефонных аппаратов, кресла в новой коже, кондиционер.

— А у тебя трикотажная фабрика есть! Моя жена туда бегала ещё при советской власти. Свитерочки брала.

— Были хорошие тогда времена...

— Сделай майки с эмблемой города, с красивой вышивкой. А ты потом на майке другой бизнес сделаешь! — Павел сощурил цепкий глаз-гарпун. — Вы элементарного сувенира своего не сделаете!

— Деньги на всё нужны! — оправдывается проситель.

— Надо самим всё в своем городе производить! Телевизор наш — допотопный, с ручным управлением у моей тётки. А где наш телевизор с дистанционкой?

Его перебил телефонный звонок.

— Проявлять инициативу надо! — Великий путешественник вернулся к разговору. — Никто нам не даст денег: ни на местах, ни верховная, ни федеральная власти. Берите кредиты.

— А с процентами как?! Это же грабёж!

— Не заниматься революционными делами надо, а работать! — наставляет Павел Павлович.

— Да, — проситель вздыхает.

— Власть нужна народу! Да смотри, пей, да не напивайся; люби, да не влюбляйся; играй, да не отыгрывайся. Приди через недельку, — чуть смягчается Поляков на прощание.

Так проходило время до обеда. А обедать Поляков любил в семейном кругу. В этом кругу была уже и сноха Оля. Когда сын познакомил его с этой девушкой, отец долго со свадьбой тянуть не стал. Понял: Оля для семьи находка. Он сразу и свадьбу сыграл, и в дом её взял, под свою крышу. Он любил делать подарки Оле, но ей больше нравилось самой ходить по магазинам, выбирать, делать покупки. Поляков шёл и думал: подарить невестке что-нибудь или просто дать деньги — пусть сама выберет.

Теперь ей хотелось ходить по магазинам, дорогим в том числе, и покупать красивые вещи — всё, на что глаз ляжет. А вечером — продемонстрировать свёкру какой-нибудь дезодорант-антиперспирант и разрекламированный крем, который придает коже мягкость, упругость и нежный аромат. Она показывала покупки Полякову — ему это было приятно.

А тётя Алла не любила разговаривать с Олей о покупках. Вот даже у неё — и то в семье не всё хорошо. Оля удивилась: тётя Алла делает вид, что ничего не произошло. И она больше никогда с тётей Аллой об этом не говорила.

Оле нравятся старинные арки — их сводчатые карнизы таят в себе что-то древнее, мистическое и уводящее в глубины прошлого. Но под ногами — сырость и грязь. Осень ещё не вступила в свои права, а только борется с летом, и всюду обрывки бумаги, склянки, рухлядь, что-то грязное и ненужное. Настроение таило в себе и ослепительную яркость солнца, и грязь, и что-то смутное, переменчивое.

Оля неторопливо возвращалась в свой новый дом. Хотелось рассказать кому-нибудь о пережитом... Маме бы она сразу всё выложила. А здесь... Кому рассказывать?

— Хорошо вам сейчас жить, — зашёл свёкор в

её комнату. — А как мы жили?! Разве сравнить! Вы на всём готовом сейчас.

Оля промолчала, хотя почувствовала упрёк. Мать никогда её не упрекала и бабушка тоже. Если они говорили о трудных годах, то с желанием, чтобы на судьбу Оли такого не выпало.

— А я пошёл в школу после войны. Единственно, с чем пошёл, — пол-карандаша. Это был такой химический карандаш. Шёл три километра. «Что, овца, пришёл?» — надо мной сразу начал смеяться Ванька-косой. Мы сцепились подраться. Пришла учительница. Разняла нас. «Кто ты? — спрашивает меня учительница. — Как твоя фамилия?» — «Поляков». — «Ты куда пришёл? — спросила учительница. — А ты знаешь, что в школе драться нельзя?» Учительница вырвала из тетради и дала два листка. И у меня было пол-карандаша... Знаешь, такой был, химический?

— Нет, не знаю, — безразлично призналась Оля.

— А учились просто, — продолжал свёкор, присев в кресло. — «Дети, скажите, сколько будет, если сложить одну вторую и одну вторую?» — спросила нас учительница. «Целая!» — не удержался я и вскочил. Учительница написала на доске числа дробью. Поставила между ними знак сложения. И после «получится» написала, что будет одна четвёртая. «Получится одна четвёртая», — оглянулась со строгим взглядом на меня. «Ну и овца!» — вскочил Ванька-косой и прямо при учительнице отвесил щелбан. Вышли на улицу. Подрались. «Дед, если половина и половина, сколько будет?» — пришёл домой, прикрывая синяк. Дед сложил две половинки яблока и показал.

Старику нравилось, когда его слушают, а Оля сквозь голос и слова видела всю его жизнь. Он это ценил.

— Приходилось с самого раннего возраста проявлять инициативу. А такого, чтобы сел, а кто-то тебе принёс-дал, такого не было.

Оля снова почувствовала лёгкий укор, но пересилила себя, сделала вид, что не заметила. Часы в доме, как куранты, громко пробили.

— Мы ходили на работу — нам ещё десяти лет не было, — глухо звучал голос Павла Павловича. — У отца было большое хозяйство. Коровы, лошади... Лошадей ночью пасли. Но я в то время вообще не слышал, кто такой Тургенев. Мы же в оккупации глубокой были... Уезжали на это время из деревни целыми семьями. Жили в лесу.

— Немцев боялись? — зачем-то спросила Оля.

— На нашем хуторе немцы нас конфетами угощали. Игрушки дарили разные. Это же западная Белоруссия. Если говорить честно, бросали цветы им. А потом, года через два, началось партизанское движение. Вот тогда начали жечь деревни.

Девушка — о своём, девичьем:

— А первая любовь у вас была?

— Была, а как же... — кивнул Павел Павлович, откинувшись на спинку кресла. — Валея её звали. — («А Оля ведь похожа на Валею», — мелькнуло у Полякова в голове.) — Течёт Горынь с Карпат мимо дома... Она чудная была, изумительно чистая, река буйного нрава. Могла разливаться в любое время года. Вода вспучивается и всё затопляет. Событие — кто переплывёт реку! — улыбнулся, скрестились складки морщинками в уголках глаз. — Рыба была! Во! Самодельными крючками вытаскивали... Вот, помню, Валея на табурете в избе... Уже ж темно, вечер! Она сидит, ревет: «Я одна не пойду. Волки там!» Я вёл её на другой конец хутора, — Павел Павлович помолодел глазами, расправил плечи. — А потом мы так привязались: и в школу — вместе, и на танцы ходили вместе. Я любитель был ходить на танцы. В любое время дня и ночи! Где танцы — я не мог пропустить.

Оля улыбнулась его воспоминаниям, спросила:

— А Валея?

— Родители хотели нас поженить...

— Вы её любили?

— Я, Оленька, очень физику любил. Я сразу определил, что моя жизнь будет связана с тем, где электричество. Армия, а после армии — распределение. Оказался здесь, на Дону. Какие огромные просторы земли! Чёрные! Во мне заговорила крестьянская душа. «Вот, — думаю, — моему бы отцу такую землю!» Если не было бы революций, у нас было бы всё! Работай! Зарабатывай! Покупай что хочешь... Можно, конечно, иметь один автомобиль, а можно иметь четыре автомобиля. Сегодня хочу — на белом еду, а завтра — на красном. Послезавтра — на чёрном.

В дверь позвонили. Павел Павлович поднялся из кресла и пошёл открывать.

— Жду вас, Марк Яковлевич. Жду, — встретил хозяин адвоката Асляка. — Вот видишь, Оля, и поговорить нам нет времени. Сначала

стоит вопрос «на что жить?» А потом — «когда жить?» А жить-то уже некогда. Вот в войну люди жили, спешили жить, не откладывали на потом. Жили каждый час. Война, конечно, плохо! Но её уроки ни с чем нельзя сравнить!

Адвокат удивлялся двойственности Полякова: два разных Полякова. Он видел его с разными людьми: с секретаршей, с ответственными посетителями — один язык, с Олей — как будто безграмотный, и речь неправильная, словно в детство впадает.

— В Америке игрушки китайские. И у нас тоже начали подражать, — продолжал Павел Павлович. — К Японии, может, и не приблизимся, но игрушку-то свою сделать можно?!

— Никогда мы не приблизимся! — тихо добавил Асяк. — Вот убили судью...

Но его никто не услышал — словно он, как рыба, только открывал рот. Марк Яковлевич наблюдал, как новый русский путешественник Поляков купается в роскоши, владеет богатством, которое десять лет назад было народным. Великий путешественник любил говорить сам, а слушать не любил. И Марк Яковлевич, решив свой вопрос, ушёл, нужно было ещё купить подарок Алле — угадать, угодить.

IV

Сегодня у Аллы Таракановой день рождения. Гости — люди нужные, с положением и, главное, с деньгами. Всё новые иномарки у дома. Алла в дорогом костюме. Была она продавщицей в сельпо, а сегодня — директор международного торгового центра. Социальная революция.

— С днём рождения, Алла Павловна! — поздравила Анастасия, вручая розы.

— Цветы, насыщенные положительной энергетикой, лучший подарок, — Алла широко улыбнулась. — Спасибо.

Хозяйка пригласила Анастасию, чтобы в прессе было отмечено, как она провела свой праздник.

Кошка, крадучись, входит, изгибается тёмной дугой и тянется к цветам.

— У вас чёрная кошка? — удивилась Анастасия.

— Это крысоловка, она умная и мужественная.

Вдруг Анастасия вспомнила вчерашний сон: вокруг Аллы прыгает множество крыс и крысолов (у крысолова было человеческое лицо).

Праздник в разгаре. Не первый раз уже принимали тост за именинницу.

— Я доверяю только тем, кто мне доверяет! — сияет Алла.

— О! Алла! Моя любовь на первом курсе! Кровь моя как пламя горит, когда вновь тебя я вижу! А остывает, словно воск, если ты уходишь, — продекламировал Тигран.

Шум, смех, музыка — всё смешалось в доме Таракановой.

Алла вышла на улицу. Перестройка природы.

«Он мне руку вот так положил... — вспомнила давние слова дочки. — Вот так...» И вновь возникла в воображении картина, как её в ту пору семилетняя дочь ручкой коснулась между своих ножек. Тогда Алла сочла слова дочки бессмыслицей, а руку мужа — случайным жестом. «Но сейчас почему всё это вновь вспомнилось? Я отсекала прошлое. А оно возвращается. Это ужасно». Она опять слышала голоса из давно прожитых лет. Всё это гасило радость праздника.

Возбуждённый шёпот:

— Я хочу тебя внутрь себя забрать, чтобы ты никуда не делась, — вдруг перед ней возник Тигран.

— У тебя, как у кота, глаза зажигаются, когда ты меня ищешь, — она стояла, сложив руки, будто две стрелки часов соединились.

— Надо веселиться. Гости ждут. Они хотят, чтобы ты излучала счастье!

— Я устала, Тигран.

— Дай руку, я сейчас сделаю так, что у тебя вновь будет сила.

...Когда они вернулись через полчаса, Марк, опьянев, начал говорить о загадочно-дерзком убийстве судьи, но, заметив, что Алла не в том настроении, стал делать ей комплименты:

— Золотая черепашка. Ты символ богатства. Ясным утром — синий стриж, и я молчу, и ты молчишь... Реализм без берегов...

Но вдруг Марку показалось, что сдержанно-страстная Алла вот-вот сорвётся и скажет ему всё. Ему почудилось, что она знает, но молчит и про судью, и про Мариночку... Молчит, словно держит камень за пазухой, ждёт момента, когда удар будет смертельным.

Но Алла говорила о другом:

— Я устала от попрошайек. Это жалкие люди, — с брезгливостью сказала Алла. — За один месяц

больше ста заявлений о помощи! Но я не могу помочь всем! Эта толпа нищих достаёт меня каждый день. Жуткая гримаса голодных!

— Да, когда человек попрошайничает, он перестаёт принадлежать самому себе, — подошла Анастасия.

— А кому же он принадлежит? — усмехнулся Марк.

— Их называют убогие... — Алла помедлила, подбирая слова. — У Бога... они. Вот матушка Светлана нищими не брезгует...

— В деревне одна тень у человека, в городе — две... — сказал ни с того ни с сего Марк.

— Нищие совесть пробуждают, — заметила Анастасия, внимательно наблюдая за Асляком и его женой.

— На фиг она мне нужна со своими нищими! — неожиданно выкрикнула Алла.

— Если слово «фиг» обозначает не фиговое дерево, то это грубое, просторечное слово. Лангуст поедает более слабых сородичей, — подошёл Гарик с фужером в левой руке. — Плавают они хвостом вперёд, как ракеты, — смеясь, играл правой ладонью, как плавником.

— Хватит о грустном! Торт несут.

Выключили люстру, горели только свечи на столе. Хрусталь отражал игру пламени. Серебро отсвечивало. Всё сияло. Гости ели, пили, болтали что кому на ум придёт, что за разум зайдёт. Пьяные голоса разрушали границы приличия.

— Ангел без крыльев! — бросил насмешливо Асляк, он часто выигрывал на судах тем, что уничтожал противника долгим гипнотизирующим взглядом. Так же уставился он на Анастасию — словно знает о ней больше, чем она о себе.

— Опрокинула она вас, Асляк! — засмеялся подвыпивший Гарик.

— У меня не такие дела проходили, — Марк продолжал пожирать журналистку глазами.

Но Асляк думал о своём, в душе у него не было праздника. Сегодняшнее решение судьи предвиделось. «Я никого защищать не буду. Я только слушаю. Защищаться вы должны сами», — эта фраза судьи крутилась в его голове, как ключ к победе. И, когда адвокат взглядом искал глаза обвиняемых, они смотрели то в окно, то на народных заседателей, то на судью, то на китайскую розу.

— Адвокат Асляк! У-у, как вы изуверски из-

воротливы! — прошептал ему на ухо Гарик, возвращая Марка на праздник.

— Депрессивное состояние снижает интеллектуальность, — отшучивался Асляк.

— Нашли жениха к её свадебному платью, — рассмеялся Гарик, зачем-то разминая пальцы. — Любовь — самое сильное оружие.

— Сейчас девушки сами себя замуж выдают.

— Провинциальные чиновники безошибочно улавливали линию Кремля, — доставал Асляка Гарик. — Капитал идёт по трупам. Лакеи капитала...

— А вы знаете, кто такие выкресты? — уколол его, напомнив древнюю историю, Асляк.

— Вы были при власти, а вам показалось, что вы сама власть, — с вызовом рассмеялся Гарик и положил свою руку на плечо Асляку: — Спуститесь с неба на землю.

— Я никогда и не был на небе, — адвокат имел большой опыт и давнюю практику, отвечал без замедления, и зал судебного заседания был для него как подиум.

Асляк приходил незаметно, «шпион» — говорила о нём жена. Несмотря на то что он поселился в самом чистом районе города, ему всё не нравилось, везде мерещилась пыль, грязь. Надевал длинный халат, напоминающий поддир. Вспомнил, как защищал в советском суде четверть века назад сегодняшнего раввина. Тогда, несмотря ни на какие веские обвинения, удалось уменьшить срок вдвое.

— Я, может быть, тоже хочу стать иудеем, — вдруг заявил Гарик, всё ещё разминая фаланги пальцев.

— Ты не можешь, — осадил его Асляк.

— Могу! — почти выкрикнул Гарик. — Гиюр никому не запрещён!

— Что это — гиюр? — спросила стоявшая поблизости Анастасия, не сдержав любопытства.

— Принятие иудаизма, — объяснил Гарик, считая, что она на его стороне.

Марк криво улыбнулся:

— Зачем тебе шестьсот тринадцать заповедей Ветхого Завета? Зачем подвергаться неприязненному отношению?

— Везде неродной, — огорчился Гарик. — Правда твоя, правда и моя, а где она? Тогда я окрещусь.

— С еврейским народом «выкресты» теряют связь, — многозначительно сказал Асляк.

V

Гарик всю перестройку был в Америке и перестроился сам по-своему: американца из него не вышло, а русское из него ушло. С тех пор как Гарик познакомился с раввином, узнал много интересного. Долгие годы раввин провёл в американской ешиве (школе). Диплом ешиве и опыт отсидки в советской тюрьме обеспечили ему особое отношение людей.

— На волка — поклёп, а зайцы кобылу съели, — злю хохотнул Гарик.

— У евреев, гордых своим еврейством, есть принципы, — с пафосом сказал Асляк.

— Не только соседи, даже мужья не идентифицируют своих жён как евреек, — смеялся Гарик.

Он услышал голос, который больше всего его донимал там, в Америке, голос, который превращался в эхо: «Три вещи правят миром: любовь, голод и страх смерти».

Асляк хотел отойти, но Гарик взял его под руку. Марку пришлось продолжить разговор:

— С того времени, как разрушен Иерусалим, Коэн в праздник благословляет народ, он первым читает тору, но он не исповедует, как священник.

— А исповедует кто? — спросил Гарик.

— Нет у нас исповеди. Есть просто беседа. Исповедаться можно только в храме Иерусалима. А храм разрушенный восстановить надо.

— Национальность у вас и есть вероисповедание? — Гарик пристально глядел в хитрые глаза адвоката.

— Нерелигиозных евреев не считают евреями, — ответил Асляк.

— А много среди судей евреев? — доставал его Гарик.

— «Опьяневшие от гнева девицы из эскорт-услуг проучили свою подругу...» — адвокат начал читать заметку в газете, вынутой из кармана. — Опять убийство. Вирус какой-то...

Но тут подошли дамы и увели их танцевать.

Танцевали уже более свободно, даже развязно. Обнимали женщин ниже талии. Шептали на ухо что-то, после чего те прикрывали глаза и тихонько смеялись.

Праздник продолжался. Водки, вина и шампанского было припасено на неделю. Затеяли шашлыки. Потрескивали дрова в камине, разгорались угли.

На следующий день после праздника работать Алле Павловне не хотелось. Медленно тянулось время.

Тигран Зайцев пришёл к Алле не раньше и не позже назначенного — минута в минуту.

— Сегодня мы ускорим рассасывание жидкости в тканях, — приступает Тигран к массажу.

— Ускорьте, — расслабилась Алла.

— Возьмём ваш суставчик, — смеяая и растягивая ткани, он лечил её. — Как вы сегодня спали?

— Совсем не спала, — она усмехнулась. — В независимом одиночестве. И в голову всё лезла свекровь... Мне так одиноко...

— Одиночество подобает только богам, — Тигран глубже захватывает её мышцу.

— Двадцать лет моя свекровь была дочерью врага народа. Отец её — латышский стрелок. Комбат.

— «Комбат, батяня, батяня комбат», — запел популярную песенку Тигран.

— В тридцать седьмом батяни не стало, — Алла вздохнула. — Где теперь батяня-отец?..

— Зачем же вспоминать только плохое?

— Реабилитировали через двадцать лет после смерти. Мать свекрови была секретаршей. Её с работы уволили. Голодали... — Алла умолкла и прикрыла глаза.

Но Тигран нарушил молчание:

— Я для вас специально достал индийскую мазь. Что чувствуешь?

Она будто не услышала его, спросила вместо ответа:

— Ты боишься бедности, Тигран?

— Блаженны нищие... В прошлом веке на Руси нищих странниц бабушки-дворянки за свой стол сажали.

— До швейцара! Дальше не пускать! — вскрикнула Алла старческим хрипучим голосом. — Они сейчас работать не хотят! Дедушка после войны прикручивал подошвы проволокой и шёл на работу! У бабушки пальта не было, в ватнике ходила.

Тигран мысленно удивился, как это у Аллы Таракановой — лидера движения — вырвалось «пальта».

— ...Всю войну свекровь работала на оборонном заводе. Два выходных в год. Седьмое

ноября и Первое мая. Потом стала шофёром. Представляешь?..

Массаж окончен. Сегодня у Аллы Павловны Таракановой день расписан по минутам.

Пришел Руков, отодвинул от себя сердоливое деревце:

— Я вам подарочек принёс.

Часы действительно были редкостные.

— Антиквариат? — приятно улыбнулась Алла, сразу оценила. — Спасибо, что не забываете. Жалко, свекрови нет. Для неё это был бы подарок! Она ведь жила прошлым. Прямо спать боюсь лечь, снится один и тот же сон: свекровь меня прижимает и говорит: «Не жди! Не жди... Не ходи к нему. Не ходи». А я громко, навзрыд плачу и просыпаюсь в слезах.

— Я вот тут бумаги вам принёс, это будет интересно. Просмотрите, я через недельку зайду.

Проводила депутата до двери сама Тараканова. Ручку он ей жал и смотрел, как у неё суживаются в уголках глаза, словно их натягивают. Но больше напряжение ничем не выдаёт — не женщина, а дьявол в юбке.

— Кто ещё есть? — Алла Павловна спросила секретаршу.

— Общество «Милосердие», с просьбой. Деньги просят... Пускать?

— Кто? Эти? Я помню, что они говорили!

— Не пускать?

— Пусти.

— Работать надо, а не ходить побираться, милости просить! — встретила Алла двух женщин, не вставая из-за стола.

— Алла Павловна, мы же не для себя просим, — сказала матушка Светлана.

— Вы мне там испортили всё! — Алла не сдержалась. — Чуть конференцию не сорвали!

— Но вы такие дорогие подарки раздавали, — матушка стушевалась, — а мы просим варежки для детей...

— Всем не надаёшься! Весь день мне с утра испортили! Вы побудьте в моей шкуре.

Женщины не уходили.

— У вас все девочки такие модные... Эти подарки, туристические путёвки в Турцию... А каждый раздет, разут. Мы бы на эти деньги купили носочки и варежки детям. Голодные...

— Вы что, голодные пришли? Вас что, двоих

накормить? — отталкивающая холодная улыбка.

— Мы не голодные! Мы не для себя просить ходим!

— Вы что, с мужьями не наругались — сюда пришли?! — взвизгнула Тараканова.

* * *

День закончился. Алла лежала в постели, но уснуть не могла. Холодно. И больно от того, что всё рухнуло. Дочь — соперница? Голоса, голоса... Каждое их слово было согрето пламенем чувств особой любви дочери и матери. А теперь... Даже общие фотографии хотелось порвать. Поле памяти засорено и осквернено.

Марк не любил фотографироваться. Колдуньи не фотографируются. Изображение шамана опасно, ведь он может убить на расстоянии. Дочь вспыхивает как порох, выплескивает своё настроение по всякому поводу. «Отравить вас обоих, что ли?!» — Алла вспомнила сцену из фильма, разыгранную между дочерью и матерью. У них до этого не дошло. Как же жить! О! Люди! Тараканова посоветовала Марку обратиться к психологу. Он не признался. Ему легче было свою любовь принимать за игру. Марк, Марк!.. Дочки-падчерицы так близко от отчимов и так далеко от родных отцов. Нервы! Кровеносные сосуды могут закупориться даже от испуга. Если утром согнуть в коленках ноги, приподнять их и одновременно растирать вокруг желудка и по животу куском фланели... Дочь в ответе за грехи своей матери?..

* * *

Алла Павловна знает, что Марина любит стихи. В стихах — всё лучшее, задушевное, неприкосновенное. Здесь поиск себя. Становление души. Только вера и любовь. Его прикосновений, духа, мужского, похотливого, здесь нет.

Алла вошла в ванную. Вода хлынула, будто с радостью вырываясь из крана. Потом еле добралась до постели... И вот она почти заснула, а он входит без стука и говорит:

— Он любил её.

— Кто? — Алла с трудом шевелит губами.

— Он учил её любить.

— Кого?

- Он научил её любить себя.
- А я?!
- В любви она искала отцовства.
- Нет!!! Это нельзя смешивать! Нет!!!
- Нежные ткани по нежнейшим ценам не желаете?
- При чём тут деньги?!
- Дети наши свободные и красивые, как элины. Она ручонками обхватывает его шею...

Теперь он от неё убегает, а карманы ему мешают. Вывернутые наизнанку карманы торчат, как уши. Она догоняет его на улице. Остренько привлечь внимание. Поэкономнее отделаться. Механическое заводное пианино, мёртвая натура...

Ещё не успела проснуться, а мысли выстреливают какими-то странными словами.

Но вот пришёл Тигран.

— Кто интеллигент? — спросила Алла.

— Интеллигент — это человек, который соответствует тем требованиям, которые предъявляет к другим. Я не интеллигент, — говорил Тигран. — А ты просто выковыриваешь изюм из булок. Вот твоё занятие.

— А твоё?

— Что ты чувствуешь, когда видишь своё лицо в газетах? — рассмеялся Тигран. — Это же для тебя своего рода витрина.

— Я смотрю на себя глазами профессионала, когда вижу лицо на витрине, — выдала Алла.

— У нас с тобой какая-то нерукоотворная схватка... — голос Тиграна.

— А ты какой-то неудобный осьминог. И пахнет от тебя не то рыбой, не то грибами, — это Алла.

— Осьминог-самка рождает один раз. И умирает. Из двухсот тысяч личинок выживает одна. Один осьминог.

Она хотела встать, но кто-то навалился на неё и шептал: «Не жди! Не жди!» Алла рванулась, сбросила тяжесть. И сознание вернулось, осветило всё вокруг, кошмар исчез — она окончательно проснулась. Тиграна рядом не было. Чтобы освободиться от тяжести сна, приняла холодный душ. Потом позвонила Фёдору Фёдоровичу. Но он был какой-то странный, не поговорил, не пошутил, не отвлёк её от переживаний.

VI

Фёдор Фёдорович положил телефонную трубку и вернулся на кухню. Он вдохнул запах грибного супа! Как он любил этот лесной дух! В нём тайга, молодость. Как много тогда было силы, каким светлым казалось будущее! А иногда в лесу, в тайге, питаться приходилось одними грибами. И этот грибной запах, как страсть охотника, как призыв к жизни, будоражил его.

— Что у тебя с этой журналисткой? — спросила Наина. — Я понимаю, на какое-то время новое чувство любопытно... — завела трудный разговор жена.

— Прости, Наина! Меня вогнали врачи в состояние какой-то прострации. Таблетки, уколы, вливания сердечные.

— Сердечные вливания? Ха! — грибной суп она сегодня варила сама. И вернулось к ней то состояние: и молодость, и ревность.

— Люблю грибной супчик, — он старался рассеять её мрачное настроение.

Жена возмущённо глянула на мужа:

— Уж если это чувство атрофировано, его вновь не обретёшь. С кем ты только не развлекался?!

— Мы не спим с тобой пятнадцать лет! — буркнул он.

— Но ведь ты говоришь, что тебе не надо?! — теперь она гневно уставилась на него.

Он молчал, опустив ложку в суп.

— Я устаю! Федя! Я болею! — кричала Наина. — У меня куча дел! Я ложусь спать после полуночи, когда ты уже спишь. Как тебе не стыдно, Федя!

— А ты разбуди меня. Ведь будила же раньше! — напомнил муж.

— Будить больного человека?! Федя! Я же о тебе забочусь! — Наина обожглась — суп с огня, и у неё проступили слезы. Она отбросила ложку и ушла.

Фёдор Фёдорович хотел зайти в комнату жены, но она закрылась — это была её излюбленная военная тактика.

К двери жалась собака. Они вместе глядели на дверь. Глаза собаки были грустные, словно больные. Она залаяла, но он погрозил ей пальцем и легонько оттолкнул от двери. Собака замолчала, но не ушла.

— Никакого счастья ты мне не дал! — доноси-лось из-за двери. — Ты только эксплуатировал меня! Я рожала тебе детей! Я воспитывала их. Ты погубил меня, а теперь преклоняешься перед какой-то девчонкой. Она превращает пожилого человека в мальчика на побегушках! На моих глазах!

— Выходи, Наина! Хватит мучить друг друга. Пора любить... — Фёдор примирительно кашлянул.

— Всех мы встречали радостно и доброжелательно. Ты не можешь меня ни в чём упрекнуть.

— Родная, пожалуйста. Пожалей. У меня болит сердце.

— Ты её обольщаешь своими литературными связями... Твой друг из «Нового мира» обещал её напечатать? Но кто она? Почему они у тебя все такие ничтожные, что их можно запросто везде валить, бросать, бить? — когда Наина бранилась, она не давала ему возразить, перебить было невозможно, и в этом была её сила.

Он не слушал, просто молчал и ждал, когда она выговорится. И вот через полчаса стало тихо.

— Можно я скажу? — спросил он спокойно, чтобы не раздражать. — Ты всегда говорила, что, если я разойдусь с тобой, ты покончишь жизнь самоубийством. Но ведь мы живём. Ведь мы вместе. Давай будем добрее. Прости меня.

Жена вышла злобно-довольная, будто в победном сиянии, и направилась к телефону. Собака бежала следом за хозяйкой и лизала ей руку. Наина демонстративно уселась в кресло у телефона.

— Здравствуйте... Вы Анастасия? Очень приятно, — сказала Наина, маскируя раздражение подчёркнутой вежливостью. — Да. Я жена Фёдора Фёдоровича. Он просил позвонить вам и передать, чтобы вы ему больше не звонили, — женщина перенесла трубку к другому уху и мстительно посмотрела на мужа.

Фёдор Фёдорович подошёл поближе, но боялся перечить Наине, чтобы не выслушивать ещё один часовой скандал. Она приложила телефонную трубку к его уху. Он плюхнулся, словно упал, в соседнее кресло. Наина шустро вернула трубку себе:

— Я бы, конечно, не стала говорить вам, — (это «вам» у неё вышло уважительно, словно писала с большой буквы), — если бы не просьба Феди, моего мужа. Вы мне можете ничего не говорить, я всё знаю. Он уничтожает женщин. Помните, что я вам сказала! Сейчас я спрошу, есть ли у него время для разговора с вами, — передала ему трубку, скомандовала: — Говори.

Фёдор Фёдорович очумело смотрел на жену.

— Зачем тебе надо унижить другую женщину? — он прервал телефонную связь.

— Мне надо унижить другую женщину?! — снова не на шутку заводилась жена. — Ну и нахал! Скольких растоптал твой папа! Вы живёте за счёт женщин! Вы женские вампиры!

— Папа никогда их не унижал. А кто не ошибается? — пытался спокойно возразить Фёдор. Наина сверкнула глазами:

— Он только и делал, что ошибался. У него было четыре жены! И все — по ошибке?

— Папа мой умер! — Фёдор положил руку на сердце и закрыл глаза. — Анастасию не трожь, пожалуйста.

Наина пошла на кухню.

VII

Анастасия шла по крутому спуску к реке. Свежее утро холодит, радует, как новый день новой жизни. И всё вокруг в каком-то восторге, словно пришло время любить. Но почему-то солёные губы...

Навстречу в гору поднимался ветхий старик в одежде царя и девица. Ветер развеивал его седые волосы. Анастасия удивлённо вглядывалась в странного пришельца. Царь был очень стар. Ависага шла с ним рядом и несла его чёрный плащ, прислуживала царю. Но вдруг подул сильный ветер, поднялся столбом, закружил всё, и никого не стало: ни старика, ни девицы...

Анастасия ходила от киоска к киоску, прохаживаясь женщины и девушки казались ей наложницами. Лимоны, пиво, соки, минеральные воды... По кольцевому шоссе выстроились машины. Вот шесть огромных рефрижераторов замерли. И вдруг, взревев, одновременно двинулись.

Анастасия ждала Фёдора Фёдоровича, но его всё не было.

А Фёдор Фёдорович тем временем встретил-ся по дороге со своим старым другом. Хотелось пропустить по маленькой, но пересилил старую привычку. Он сказал, что его ждёт женщина. Друг улыбнулся. Нет, не усмехнулся, не посмеялся, он улыбнулся по-доброму, с пониманием: вот, мол, и на закатном горизонте звёздочка сверкнёт... Фёдор Фёдорович опаздывал уже на десять минут. Трамвай остановился на другой стороне дороги. И вдруг он увидел её. Она стояла около трамвая. Хотел перейти, но поток машин мешал ему, и зелёный свет никак не загорался. Он видел, что Анастасия стояла в раздумье и вдруг быстро села в трамвай... Трамвай не трогался.

Фёдор Фёдорович кинулся бежать наперерез машинам. Он бежал, спешил, задыхался и махал перед собой рукой, словно разгоняя машины. Старик метался в потоке машин. — «Она уйдет, если я не догоню, — думал он. — Наедине со мной ей хорошо». Он это знал... «Она их, а не меня стыдится. Я сделаю для нее всё. Чего ты хочешь?» — спрошу я и выполню все её желания. — На плёсы! Турция! Италия! Париж! Что? Чего ты больше всего хочешь?»

Вагоновожатый, увидев бегущего старика, ждал. Он вспомнил отца. Вдруг над дорогой взвился смертельный вихрь. Завизжали, застонали тормоза. «Volkswagen» выскочил на встречное движение. Старика ударило, подбросило на капот. Швырнуло на мостовую. Дорога замерла. Красный, жёлтый, зелёный...

Трамвайный вагон судорожно задрожал и стал медленно двигаться вниз под железобетонный мост автостреды.

— Откройте! — кинулась Анастасия к двустворчатой двери. — Остановите!

— Куда?! — приблизил к ней сморщенное лицо пьяненький мужичок, болтаясь на ступеньках. — Всё! Едем на наш берег. Прытко бегают — так часто падают.

— Остановите! — растопыренными пальцами она давила на узкое стекло двери. — Выпустите меня!

— Нет уж, — успокаивал болтающийся во

хмелю пассажир. — Не спеши, коза, все волки твои будут.

— Выпустите меня! Откройте!

— Как же выпустить?! Не мельтеши, а то и шапки с головы ухватить не успеешь.

Она нажала кнопку над дверью.

— Это же общий вагон! — издевательски хохотал пьяный. — Прицеп, обоз, мотаня...

Она затихла: перед глазами возник зелёный паук — время опять перестало течь плавно.

Две ночи к Анастасии приходит одно и то же сновидение: она и Павлик бегут, бегут, а Фёдор Фёдорович их догоняет и кричит из последних сил, что они бегут не туда, что там они попадут в паутину, что там номенклатурный капитализм. Старик бежит, спотыкается, руку выставил вперёд.

А в эту ночь Анастасии приснился ещё более странный сон. Будто подходит Фёдор Фёдорович к маленькому деревянному сарайчику. Вынимает связку ключей и отмычку. Открывает. Входит. И вдруг высунул голову и машет рукой Анастасии. А в сарайчике — банька с паутиной по углам. Раздевается Фёдор Фёдорович. И пауком лезет наверх. Над тазиком цинковым завис, трёт, раскручивает что-то. И паутина вокруг тазика обвилась, зелёная, и будто ветром её сдувает. «Уж не сон ли это?» — пытается разобраться Анастасия и хочет проснуться. Открывает глаза, а над нею — Фёдор Фёдорович.

— Для тебя и для него, — тычет корявым пальцем в них.

Анастасия оглядывается. В чёрном проёме двери стоит Павлик в милицеской пилотке и курит.

Старик спрашивает:

— Что? Арест? Наручники принёс?

И сын падает на зелёную паутину.

«Кто поверит мне, если я начну рассказывать, — холодеет от страха Анастасия. — Надо отсюда скорее уйти». А зелёная паутина, как водоросли, вяжет ноги.

— Я вас когда-то уважала, — шепчет Анастасия.

— А теперь? — смеётся старик-паук.

— А теперь... Я вас больше не уважаю.

— Тихо! — приложил к губам корявый палец, как паук косиножку. — Я так богат, что, боюсь,

это сон. Я всю жизнь не мог никуда скрыться от бедности.

— Если ты знаешь, что это сон, что ты не паук, то зачем же ты стараешься удержать эту пустую видимость?

— Не бойся. Сновидения крылаты...

— Сон ограничен областью сна. Отпустите меня!

— Не кричи! Ты без меня пропадёшь! — паук смеётся хриплым смехом старика и хочет когрявой косиной зацепить её. И вот срывается и падает. И зелёная паутина вьётся, вьётся, затягивает в кокон.

Ночное небо до краёв наполнилось звёздами. Огни города празднично освещали всё на земле. И только в колодце стен сгрудилась мгла среди кирпича и бетона, как среди горных расщелин. В глубине извилистых улиц мигают машины. Алла стоит на балконе шестого этажа. Ей хочется улететь к звёздам, ей кажется, что свет их ближе, чем свет окон светящегося бара. Улететь. Пусть ищут. Только маму жалко... Девушка оглянулась на дверь балкона. Прислушалась. Там слышен был только телевизор. А тут, на балконе, — машины шуршат шинами и светит круглая луна, как окно иллюминатора. Может быть, мы летим и Земля — это космический корабль?.. И куда мы летим? Говорят, что Земля тоже была солнцем, а потом остыла. Холодно.

— Аллочка! Детка! — раздался голос за дверью.

Это голос дяди Андрея.

Девушка промолчала.

— Ты так красиво танцуешь... Приди, потанцуй, почитай мне стихи, Аллочка. Я буду тебя слушать... про лёгкое дыхание. У нас с тобой так красиво начиналось... Что ты испугалась, глупышка?

У девушки перехватило дыхание, голос прозвучал как чужой:

— Это не стихи... Это новелла Ивана Бунина!

— Аллочка, ты так танцуешь! Пожалуйста! Я хочу видеть танец живота. Когда я был молодой, так не танцевали. У нас, знаешь, был шейк и твист. У тебя есть такая полоска загорелая, между брюками и блузкой. — Он приблизился к двери балкона: «О, огонь моих чресл!..» — стучал в стекло, словно в бреду.

Она отходит дальше, дальше...

И просыпается, переходит из безвременья сна в реальную жизнь. Мелькнула отчётливо одна мысль: зачем они ей — Тигран, Фёдор? Что в них? Разве нельзя жить без мужчин?

VIII

Вечерело. Всё ярче полная луна в городском мутно-зелёном небе. Остаться одному не было сил. Тигран купил бутылку коньяку и направился к Полякову. Он с удивлением поймал себя на любовном волнении. Но почему он волнуется по поводу этой сорокалетней женщины, которая дала ему денег?

Фёдор Фёдорович встретил Тиграна приветливо, с любопытным ожиданием. Жена была на даче, и можно было устроить мальчишник на всю ночь.

— Ты видел фанаторийский сосуд? — спросил вдруг Фёдор Фёдорович. — Какие полнотелые танцовщицы его украшают, заметил? В лунном свете рамадана... По случаю отъезда Наины выпьем! А ты знаешь, что пять килограммов золота жених дарил невесте на свадьбу? Это их вдовья доля была.

— Укрощение строптивой вспомнил? — Когда Тигран улыбается, он похож на армянина.

— Съездить бы куда-нибудь за хорошим настроением! Пойдем, Тигран, на охоту! На тигров! — Поляков-мечтатель улыбался.

— Надоело в тихой гавани сидеть... Красный флаг поднять! — Тигран, дурачась, чеканит слова.

— А почему красный? — Фёдор Фёдорович плеснул себе и гостю ещё коньяку.

— У арабов красный флаг предупреждает своих о шторме. Значит, не плавать!

Учителю приятно, когда ученик к нему возвращается. Может, в этом возвращении и есть благодарность?..

— Старик и девочка... Танец на шаре! — Тигран пьянел, распахивать душу хотелось шире и шире. — Она нам, мужикам, всё это простить не может.

— Кто? — опьяневший Поляков поднял бровь.

— Алка.

— А-а... Так в этом деле Асяк — чистый Рубенс, вакханалист, — засмеялся по-стариковски Фёдор. — Я был с Асяком в бане... Ха-ха! У него на левой ноге — копыто. Ха-ха!

— Сексуальное недомогание у него, — брезгливо наморщив нос, Тигран хохотнул.

Фёдор придвинулся поближе и нехорошо ухмыльнулся:

— Кофе, булочку и семнадцать лет дурочку. Ты мне сказки про гусей-лебедей не сказывай! Ты чётко, чёрт возьми, скажи! Что это «всё»? Скажи как мужик мужику.

— Возьму и женюсь! — вдруг уронил голову на руки Тигран.

Лунный вытянуто-кошачий глаз заглянул в окно.

— Ну, Алла! Ну, Тараканова! Ну, молодец! Такого Тиграна приватизировала! — Фёдор одобрительно похлопал гостя по плечу.

Тигран встал, подошёл к окну. Закурил. Луна не даёт света, только отражает его. Слепая планета. Тени теней...

— Алла Павловна, берегись! Сосватал-таки! — потирал руки Фёдор Фёдорович. — Вот вам и авантурные «Розы» Дали.

— «Кровоточивые розы», — поправил Тигран. Репродукция этой картины висела у него над кроватью.

Фёдор прикрыл глаза, он изрядно опьянел, потому откинулся на спинку кресла. Ему в этой жизни нравилось решать проблемы глобальные, судьбоносные. Это только кажется, что большие политики правят миром, на самом деле маленькие люди правят большими политиками. Вот как бы ещё уладить с Аллой и Мариной...

«Какая девочка, какая девочка! Услышать бы её голосок — и ничего в жизни не надо. Марина! Это я, твой дядя Федя. Нет... Что?! Как я могу!!! Могу лишь только мечтать прикоснуться к твоим изумительным пальчикам... Нет! Нет! Прости, дорогая. Не буду! Я старый болтун. Но мне никто не запретит играть с тобой мысленно...»

IX

Марина так увлеклась записыванием в дневник своих мыслей и переживаний, что уже не могла без этого. Раньше дневник

начинался вместе с началом нового учебного года, теперь странички делились на события.

«Сегодня сомневаюсь во всём. Думается, что мне только кажется, а на самом деле всё по-другому. Мысли путаются. Опять неизвестность. Думать, думать и не находить выхода...

Время показывает и в то же время подсказывает новый путь, первый у меня и самостоятельный. Но почему такая неопределённость? Проходить мимо Алёши и казаться равнодушной? Чехов в рассказе «О любви» говорит, что любить надо просто, ни о чём не думая и не задавая вопросов. А без вопросов у меня не получается, многое непонятно, невозможно разобраться одной. Наверное, Алёше надоело или просто всё прошло».

Марина положила на диван подушку и легла, подсунув тёплую ладонь под щеку. «Вот только со мной что-то не всё в порядке. Мало того, что людям кажется, будто я вот-вот заплачу, но и те, которые на меня смотрят, кажется, сами вот-вот заплачут...»

«Настроение... странное. Про всё забыла. Вспомнила про уроки, но уже поздно.

Поднялась. Попробовала читать — не получилось. Нарисовала небольшую картинку: тёмное ночное небо, две звезды — одна побольше, как бы поближе, другая поменьше, между ними — свет, Млечный путь. Только два цвета: жёлтый и чёрный.

Пусть бы мне кто-нибудь рассказал, что со мной происходит, что вокруг, а то ведь сама ничего не могу понять...»

На следующий день Марина напряжённо разглядывала людей на противоположной стороне проспекта.

— Хочу его увидеть, — Марина позвонила Наташе.

— Позвони ему и скажи.

— Я не могу... — Маринка вздохнула.

— Но как будто всё изменилось у вас. А почему ты не можешь?

— Как будто что-то опять под угрозой. Но везде своё «но».

— Что «но»? Марина, что ты опять напридумывала? — Наташа теряла терпение.

— Когда он меня видит, весь меняется... Даже не знаю, как объяснить... Взгляд, наверное,

другой. Кажется, я только недавно поняла, что это значит. Сначала подозревала, что кто-то от скуки даже прикалывается. Но всё не так. По себе чувствую.

— Начитались психологии, а чувствовать не могут, — Наташа поддела.

— Надо знать, когда можно рассказать о своих проблемах, а когда не надо, когда это выводит, надоедает, — рассуждал в трубке Маринкин голос.

— Ну погадай!

Странная это вещь — гадание. Сбудется — не сбудется? И «голос дрожит», и «настроения нет».

Пауза.

Наконец отозвалась Марина:

— Он не позвонит.

— На улице, наверно, очень холодно... — предположила Наташа.

— Не очень.

— А может быть, он «болеет»?

— Он ужасный человек! Я не могу так жить! — Марина возбуждённо звенела в трубке. — Так пусть он найдёт меня на этой земле и пусть себя настоящего обретёт, сильного и нежного! Пусть перестанет притворяться безразличным, ведь чувства его сильны!

— Ты стала невозможной! — не выдержала Наташа. — Хочешь — давай встретимся у фонтана.

Марина к фонтану не пошла. Открыла свой девичий дневник — быть наедине с чистым листом бумаги — как быть на исповеди. Ей стало это уже необходимо, словно воздух.

«Меня должны волновать её проблемы, а мои её — ни в коем случае. Я же не знаю главного. Ужасное настроение. Хочу сейчас поговорить только с одним человеком, с одним. Хочется гулять, пока не станет холодно. Пошла в читальный зал, писала доклад к уроку. Читала, а между строчками видела... совсем другое. Алёшу, и невозможно было долго сидеть, что-то мешает, мысли не слушаются. Из библиотеки пошла в противоположную сторону от дома. Увидела Алёшу. Станный взгляд, недоверчивый какой-то».

И вдруг к ним домой пришла очень худенькая женщина в очках. Мама познакомила Ма-

рину с Ираидой. Та сказала, что проведёт несколько занятий по психологии. Это стоит дорого и далеко не каждой девочке доступны эти знания и умения. Марине не хотелось заниматься, поэтому она попросила Ираиду перенести занятие.

Она опять позвонила Наташе на мобильный. Та уже вышла прогуляться.

— Ты у фонтана?

— А что, Марин? Надумала?

— Я не смогу прожить без него ни дня...

— Без кого?

— Без Алёши.

— Да их тут знаешь сколько! — в телефоне слышны были чужие голоса. — Вот, кажется, и он... Я говорила ему, чтобы он тебе позвонил.

— Лучшего, наверно, я и ожидать не могла. До сих пор не верится, и голова кругом. Короче, мы помирились. Я рада! — Маринка воодушевилась. — Не люблю обижаться, тем более на людей, которые мне очень нравятся. И всё хорошо. Я так счастлива!

X

Ираида решила создать психологическую картину новых русских. И она нашла способ, как войти в такую семью. Составила список из ста человек, посмотрела, кто может ей пригодиться. В этом списке была Анастасия, через неё вошла в круг пишущих людей, которые знали больше того, что им разрешалось публиковать.

Через Анастасию Ираиде удалось узнать и о дочери Аллы Павловны. Теперь её пригласили дать десять уроков по психологии для Марины. Сама идея была приемлемой. Ираида начала обдумывать план занятий. Тренинги. Беседы. О психологии она могла говорить с кем угодно. Важно завоевать доверие девочки. А еще важнее стать нужным человеком в доме Таракановой. Ираида знала уже многих, и психологическая картина жизни женщины высшего света была ей виднее.

Но сегодня Ираида встретится с историком, ей необходимо пояснение к статье «Наследственная деформация социальных структур России». Нужно встретиться также с Анастасией, да ещё урок с дочкой Таракановой.

— Если подсознание быстрее и точнее выдаёт нужную информацию, то что же тогда сознание, философия, история, медицина? — спросила она историка Петра Никитича.

— «Блаженны нищие духом», — снисходительно улыбнулся Пётр Никитич.

— В чём же ваша идея? — с неженским интересом спрашивала она.

— Идея? Создание государства на государственной основе. В монархии было больше государственности, чем у нас теперь И Гарик, может быть, прав. Ему виднее было из-за океана. У нас ведь не государство, а общество.

— «Блаженны нищие духом, ибо им откроется Царствие небесное». Нищий духом — это тот, кто живёт подсознанием и не имеет дерзости проверять своим сознанием законы мироздания, — рассуждала Ираида.

Пётр Никитич удивлённо поднял бровь:

— А почему вас, собственно, интересует социальная деформация типов поведения людей? Какова ваша идея?

— Исследование, психологическое исследование — это моя профессия, — не без гордости сказала Ираида. — А исследование генезиса социальных структур и формирование под их влиянием массовидных типов личности позволяет понять глубинные причины нашего сегодняшнего кризиса. И что вы на это скажете?

— Какие законы заставляют людей гнуться, терять свое достоинство? Не люблю лакеев, — историк пренебрежительно поморщился, — извините меня, товарищи лакеи.

— Я не лакейка! — вспыхнула Ираида, приняв на свой счёт.

— Когда говорят о насаждаемой в сталинские времена «психологии винтиков», то сразу же возникает вопрос: почему вообще концепты тоталитарной системы были реализованы на русском субстрате? Не потому ли, что основные элементы социальной системы обладали некоторыми заранее заданными свойствами?

— Какими? — она быстро записывала в блокнот.

— К ранним детерминантам нашей истории надо обращаться! И сравнивать их с такими же исходными детерминантами развитых западных демократий. Западноевропейская цивилизация формировалась на основе древнегре-

ческой философии демократических полисов, городов-республик, отношений феодалов и вассалов, независимости католической церкви от светской власти.

— Это тоже условная независимость, — возразила Ираида как психолог.

— ...Проявления инакомыслия в протестантском реформаторстве были совсем другого рода. Русскую историю формировали византийская теократия... и... — Пётр Никитич подыскивал верные слова. — Византийская теократия и татарская автократия...

— Византийская теократия и татарская аристократия, — тут же перефразировала Ираида, улыбаясь.

Историк продолжал:

— Психология служилого дворянства... Изучали... Это всего лишь дворовые люди, лакеи (как вы говорите), которым князья дарили уголья. А массы крестьянства с их вековой традицией терпения и послушания! Прошлое прорастает в будущее. Авторитарические, монархические, суеверные традиции, неразвитость личного начала обеспечивали покорность... И мы видим эти дикие ростки сейчас.

— Революция — это насильственная деформация личности... — выразила свою точку зрения Ираида. — Инерциальность нравственных особенностей личности и инвариантность социальных структур стоят на пути всяких перемен.

— Но в замедленности, может, и скрыто спасение? — улыбнулся историк. — Ускорение эволюции — быть может, это губительно для мозга, как атомная цепная реакция. Неконтролируемое сознание — это просто сумасшествие.

Ираида слушала, не всё понимая, но надеясь на точность диктофона. Плёнка закончилась, она закруглила беседу. Ираида привыкла работать с диктофоном, хотя и писала в блокнот кое-что. Она ушла от историка, попросив назначить время для нового разговора.

Вторая встреча в тот же день была с Анастасией. На всякий случай Ираида ей позвонила, чтобы подтвердить договорённость. Но телефон, дважды издав гудки, вдруг отключился — вероятно, Анастасия передумала.

XI

Анастасия посмотрела на высветившийся номер на сотовом телефоне и вырубила его.

На кладбище среди молодых изумрудно-зелёных сосен вырыта могила. Земля — сажа газовая на палитре золочёной хвои.

Стоят, дожидаясь, два чёрных джипа и белый «Москвич» вдалеке.

Человек в гробу совершал последний путь. До зияющей черноты могилы — несколько шагов.

Старший сын Фёдора Фёдоровича Валера, шупленький, маленького роста, шёл сзади, он очень был похож на отца и странно выделялся в похоронной процессии.

Анастасия хотела подойти, когда закончат прощаться. Но дерзкая решительность журналиста покинула её. На минуту она замерла, чтобы не делать последнего шага, но тут что-то поднялось изнутри, и она осмелела. Не по своей воле, а вело что-то. Тот, кто ещё был открыт для последнего прощального слова, ждал её.

— Я прошу вас... — перед ней вырос Павлик, — я прошу вас не подходить к гробу, — голос его срывался в угрожающий шёпот. — Здесь моя мать. Уходите. Здесь не надо вам быть. Это не плёсы.

— Я понимаю. У меня тоже месяц назад умер отец, — тихо ответила Анастасия.

«Но почему он живой никому не был нужен?» — хотела спросить она сына, невестку, жену. Какой тяжкий ком! Боль сдавила горло. Зачем говорить о том, что все знают?

Вот он отошёл, вот встал рядом с братом. И брат, и Павлик, и женщина повернулись и посмотрели на Анастасию. Официозность похорон рухнула.

Захлёбывающийся женский вскрик разорвал тишину.

Бабы заголосили.

Анастасия не могла уйти. Смерть, запутавшаяся в колючих иголках сосен, отнимала силу, гасила волю. Земля под ней шевельнулась и стала опускаться.

— ...У богатого чёрт качает детей.

Анастасия очнулась — перед ней стояла нищенка, старуха не старуха, женщина без возраста. В глубоких глазницах — темнота, уста-

лость и озлобленность. Нищенка во всём чёрном, сторбившаяся и тощая, пугающая, как смерть, подошла, потом нагнулась, что-то подняла возле её ног. Завернула в мятую газету, сунула в замусоленную котомку.

— Бабушка, сколько вам лет? — спросила Анастасия, чтобы стряхнуть с себя наваждение могильного леса.

— У живых не спрашивают. Больше своего времени никто не проживёт, — нищенка подошла ещё ближе и заглянула в лицо, словно хотела узнать. — А помрём — так люди скажут, сколько нам было лет. У тебя имя-то есть?

Анастасия удивилась, зачем этой странной женщине её имя.

— Что молчишь? Забыла, как тебя зовут? Имя-то ты своё знаешь? Как мать тебя звала?

— Аннушка, — соврала журналистка. — А вас?

— А меня Маруська, — и вдруг рассмеялась, по-детски прикрывая рукой рот.

— Мария, вот возьмите немного денег, — Анастасия торопливо полезла в сумочку.

— Мне от тебя ничего не надо, сестра. Ты ведь беднее меня.

Нищенка говорила, говорила, подошла к чёрному джипу и стала креститься на него.

Анастасия смотрела на неё и ничего не понимала, вдруг обернулась — к ней подходила высокая женщина.

— Вы что, не понимаете, что вам здесь не место! — плотная женщина смотрела рыбьим взглядом. — Не будем интермедии разыгрывать.

— Жизнь не игра. Я вас не знаю...

— Я Иоланта! — победно ухмыльнулась, эта улыбка на кладбище отдавала чем-то ещё более мрачным, чем пустые глаза старухи.

— Иоланта? Жена старшего сына?

— На хаяву хотела прожить?! Подцепила старика. Не так просто ты ведь ему прислуживала?! Уходи!

— Я не могу уйти так, — прошептала Анастасия, глядя в окаменевшие рыбы глаза. — Меня здесь никто не знает. Не будь жестокой.

— Если вы подойдёте к гробу, мой муж за себя не ручается.

— Он спас мне жизнь. Я любила его! — Анастасии хотелось кричать.

— Любила? Убила! Да! Это твоё био убило его! Ависага-целительница! — и она как-то не-

естественно, страшно рассмеялась. — «И ска-
зали ему слуги его: и будет тепло господину
нашему царю».

Напряжёнno смотрел на них Павлик. Огля-
нулся и опустил голову ещё ниже старший сын.
Между сыновьями, повиснув на их руках, очень
полная, совсем безвольная, плакала их мать.

— Трудно идти против рожна! — неожиданно
явилась чёрная нищенка Мария. — Смейтесь!
Смерть голову откусит — всех поравняет! —
она зловеще-костлявой рукой раскручивала
засаленную котомку с чем-то тяжелым на дне.
— Чешуя у тебя на глазах! Вот ты никого и не
видишь.

Когда все покинули кладбище, Анастасия
упала на колени на свежий холм. Страшные
страдания сокрушили её, она плакала от
собственной беспомощности и какой-то ещё
не совсем понятной вины перед всеми.

Вдруг кто-то тронул её за плечо.

— Время — деньги. Едем! — перед ней стоял
водитель белого «Москвича». — Ты просила
подождать. Замёрзнешь. Поехали.

— Спасибо. Простите меня. — Анастасия вы-
нула все деньги, что были с собой, и протяну-
ла ему. — Вот.

— Многовато за похороны. Я возьму на бен-
зин, а остальное себе оставь. Спонсора похо-
ронила? Деньги не трать. Как тебя зовут-то?

— Ависага, — и печально улыбнулась, словно
осиял ей свет с неба.

— Как?! — взглянул на молодую женщину
настороженно. — Что-то не слыхал, чтобы рус-
скую так звали.

Нищенка стояла недалеко от машины и за-
пихивала гвоздики в котомку:

— Знать, будем мы и на том свете на бар слу-
жить: они будут в котле кипеть, а мы дрова
подкладывать! — и рассмеялась зловеще, как
смерть.

— Эй, Маруся, садись! — махнул ей водитель.
— И тебя вывезу!

— Господи! — истошно закричала нищая. —
Господи Иисусе! Прииди! Очисти ны от вся-
кия скверны! — и пошла от машины в сторону.

— Вы знаете её? — удивилась Анастасия.

— Её все знают. Маруся — богомолка. Гово-
рят, юродивая она. Но предсказывает, проро-
чит, дар такой у неё от Бога.

Водитель выжал сцепление, включил пер-
вую передачу, дал газу — машина тронулась.
Молодые сосны низко опускали ветви, засло-
няя собой и холмики, и кресты, и чёрных по-
минальных ворон, и старуху, сжившуюся с
кладбищенской нищетой. Машина мчится по
загородному шоссе, как электричка: быстро
унося из одного мира в другой.

XII

Гарика всё чаще видели по электричкам. Он
стал похож на юродивого, который несёт
невесту что и даже пророчествует. Но насмеш-
ки людей его нисколько не смущали: он поз-
навал жизнь сполна, как она есть. Он любил
этот народ в электричках, но люди его не по-
нимали и относились к нему с едкой насмеш-
кой. Теперь он стал подобен не американцу, а
Иванушке-дурачку, только какого-то нового
склада. Спина его словно искривилась, волос
стал грязно-пепельный, и косая сажень в пле-
чах поуменилась, борода превратилась в
бородищу. Стали его видеть пьяненьким. Ди-
вились знакомые и не верили, ведь был-то
чистый американец, с акцентом говорил.
Мать его, Алису Исааковну, по-прежнему
приглашали старые знакомые, она всё ещё
продолжала чувствовать себя американкой.
Чем дольше Гарик жил на Журавлино, тем
привычнее его рыжая борода становилась для
мужиков и баб. Но близко он ни с кем не со-
шёлся. Он бережно хранил вид на жительство
в Штатах, хотя вряд ли для кого-то здесь это
представляло ценность. Его легче было бы
признать ненормальным, чем принять за ре-
альность то, что он говорил.

Когда рассказывал о причудах русских мо-
нархистов в Америке, Гарик привлекал любо-
пытные глаза к своей рыжей бороде.

Он первым прыгнул в вагон электрички.
Уселся и сразу обрёл собеседника.

— С шестого класса политинформацию я сам
проводил, — Гарик выставил перед собой вы-
сокие американские ботинки. — Один. Учи-
тельница только давала тему. Я сегодня видел
кошмарный сон...

— У меня своя политика! — сказал мужик,
щурясь, поправил кепку.

— Я застрелял на монархизме! В Америке меня публиковал один монархический журнал...

— Дай тебе бабу, и ты про свою политику забудешь, с какой буквы она начинается, — перебил мужик в кепке.

— Политика — это жизнь! — возмутился Гарик. — У меня была женщина! Я даже хотел жениться! Но нельзя смешивать политику с женщинами.

— Я говорю: тебе бабу надо! А ты... Женщины!!! — мужик надвинул кепку на глаза и стал похож на Ленина. Мужик, как и миллионы советских граждан, работал на заводе, был простым советским работягой. Но вдруг заводы начали останавливаться, и простых советских работяг выгоняли на улицу, невзирая ни на семьи, ни на трудовой стаж.

— Надо думать сначала о политике, а потом о женщине.

— А меня выкинули с завода, до пенсии не дали доработать четыре года! Политика! А жрать что? Чем бабу с детьми кормить?

Вошли контролёры с двух концов вагона. Стали сходиться к середине, не пропуская никого к выходу.

— Предъявите билетики! — подходит контролёр к Гарику. — Ваш билет!

— У меня нет билета, я эмигрант, — громко говорит Гарик. — Извините! Я недавно вернулся из Нью-Йорка.

— Я тоже вчера из Парижа! — грубо обрывает его контролёр. — Билет давай! Есть билет, спрашиваю?!

— У меня нет билета. Я ещё не устроился на работу...

— Ходи пешком! Ногами работай! Я тебя что? Водить должен?! — гневно смотрит в его рыжую бороду контролёр. — Выходи или плати штраф!

— Я же объясняю вам, что я из Нью-Йорка...

— Не надо мне ничего объяснять! Живи в Америке! Зачем сюда приехал?!

— Жениться.

— Как? — рассмеялся контролёр. — Там что, в Нью-Йорке, баб нет?

— Такой, как мне нужна, нет.

— Важная птица! Ты билет купи! Бабу ему! Если сюда приехал, то плати здесь, как положено!

— Да бросьте его! — вмешивается сосед в кепочке. — У него с головой не всё в порядке... Что с него взять?

— Ньюйоркер! — Контролёр крутит пальцем у виска и отходит от Гарика. — Доездили... Если не выйдешь на следующей остановке, вернёмся, сдадим ментам.

Гарик нервно оглядывается и молчит. Контролёр выходит, а ньюйоркер едет дальше. Вот он рассуждает уже о камнях, которые благоприятствуют людям, рождённым под знаком Льва. Он уверяет, что у него есть алмаз двенадцатигранный бледно-жёлтый. Хотя камень не ярко окрашен и не прозрачен, он ему дал индивидуальное название:

— Мой алмаз похож на розу.

Все смеются.

— Это не из тех, что вставлен в скипетр русских царей? — улыбается сосед в кепочке.

— Вы знаете, каким был трон великих моголов?

— Не знаем, — отвечает за всех мужик.

— Украшение на балдахине — алмаз в девяносто карат, а кругом — рубины и изумруды. Оно находилось перед троном и перед глазами властелина моголов! Это великий талисман.

Электричка остановилась, ньюйоркер выскочил и бежит. Народ в электричке замер. Человек в кепочке прильнул к стеклу и кричит:

— Стой! Стой! Куда?!

Гарик падает, ударяется головой о рельс и не шевелится.

Пассажиры замерли.

Электричка трогается.

И тут же в окнах начинают мелькать вагоны встречного поезда, товарняк шёл на полном ходу.

— Огради мя, Господи, силою Честного животворящего твоего креста и сохрани мя от всякого зла, — под колёсный стук произносит мужик в кепке и крестится.

XIII

Время для Аллы Тарakanовой перестало двигаться по прямой — теперь оно стало вращаться по спирали. Ждать, когда повзрослеет дочь, бессмысленно, — дочь не перестанет быть дочерью. Время не даёт ясности. Оно ха-

отично. Всё смешалось: прошлое, настоящее, будущее.

— Ты меня не хотела! — рассердилась Марина на маму.

— Я тебя любила больше, чем твоего отца, — упрекнула она дочь.

— Я тебе всегда мешала!

— Возможно.

— Я виновата?

— Я тебя люблю сильнее всех... Это правда. Мне нужно ехать в командировку... В Испанию. Я хочу быть за тебя спокойной...

Алла боялась этих прямых разговоров с дочкой. И вот, вернувшись после месячной командировки, она увидела всю ситуацию другими глазами.

Она поговорила с Ираидой, и та ей тоже кое-что объяснила.

Нужно было принимать решение. Больше так продолжаться не могло. Утром они вышли из дома вместе: Алла, Марк и Марина. Алла чувствовала особую решительность.

Марк шёл рядом. Потом они остановились, словно все чего-то ждали.

— Извинись перед Мариной! — Алла смотрела на Марка в упор.

Дочь теперь стояла за её спиной.

— Что?! — Марк кривил губы в усмешке. — Что такое?!

— Я должна знать, что ты к ней не придёшь, когда я уеду. Извинись!

— За что?!

— Ты знаешь!

— Это твои фантазии!

Марк, как Крошка Цахес, становился маленьким и безобразным.

— Марина! — мать повернулась и смотрела дочери в лицо. — Было или не было? Ответь!

— Ты знаешь! — Марина опустила голову.

Алла, задыхаясь от ненависти, ударила его по лицу. Стёрла с лица его кривую улыбку, сдёрнула маску. Так спускают курок на дуэли. Удар — выстрел. «Эх ты, Крошка Цахес! В глазах твоих — испуг, а в моих — сила. Ты слаб и ничтожен, насильник! Ты жалок, соблазнитель! Ты отвратителен, растлитель! Ты смешон! Я сорвала маску, которой ты прикрывался!» В это мгновение её сила была в его страхе. Она повернулась, чтобы уйти. И вдруг! Боль! Удар... Удар в спину?

Уйти! И дочь увести!

Дома Алла Павловна сняла кофточку и попросила дочку посмотреть, что там у неё на спине. Запёкшаяся кровь, словно вонзили иглу... Телефон, телевизор, свет — всё переставало иметь значение.

— Марина, ты выйдешь замуж, у тебя будут свои дети... Тогда ты меня поймёшь. Марина, это я виновата...

— Пусть все сохраняют спокойствие... Я замуж выходить не буду! Уехать бы...

— Куда? Ты хочешь уехать? А я? Куда?

Дочь ушла, а Алла Павловна не находила себе места. Как выдержать такое испытание? Как выдержать? Всё — обман! Жизнь — ловушка. Сколько бы ни было денег, от зла жизни откупиться невозможно... Деньги как будто притягивают зло. Деньги — магнит. Ничего вечного нет. Нет и святого. Всё — игра! Все друг друга мягко ругают. Всё вокруг — сдержанный шик. Кто она? Женщина-львица с крыльями ангела? Что за напиток в её сосуде между крыльев? Фанагорийский сосуд. Полнотелые танцовщицы. «Я Морской Пегас. Самка покидает самца после спаривания. Ты Морской Пегас. Я не удерживаю и не тороплю». Алле хочется расслабиться, пьёт вино, но алкоголь не действует. С кем об этом можно поговорить? Ираида? Психолог? Надо посоветоваться с Тиграном.

— Я ведь как-то давно писала стихи... Говорили, неплохие, — позвонила она Зайцеву. — Когда ездить начала, увидела, как люди в других странах живут — я другим человеком захотела стать. В двадцать два года Есенин объехал всю Европу. Всю! И Францию, и Германию, и Бельгию, и Италию. Четыре месяца был в США с Дункан. Потом — Кавказ. И — смерть.

— Где ты ещё хочешь побывать? — сдержанно спросил Тигран, чувствуя, что с Аллой что-то случилось.

— Я слышу голоса людей, которых нет, — призналась она. — Я никуда не могу от себя скрыться... от этого. У меня проблемы с дочерью. Она стала убегать из дома... Почему? Ведь в доме всё для неё... Почему она не доверяет мне? Если не мне, то кому она может довериться?!

— На Востоке культ собственных детей. Мы ведь Восток, да? Никогда не хлопнут мальчишку, что бы он ни натворил. Марину избаловали. Ты зря так волнуешься, в её годы всё быстро забывается. Новые впечатления вытесняют старые.

— У меня единственная дочь... Она — это я в будущем... — Алла как будто даже всхлипнула.

— Эх вы, телепузики! — попытался шутить Тигран. — Адреналиновый шок? От страха мерещится чёрная рука? Вот она сжимает сердце. Мне приехать?

— Я сама должна решить... Если я не решу сама, то всё повторится... Тигран, — Алла перешла на шёпот, — он пришёл... Я тебе позволю позже.

И вот явился Марк. В доме были Алла и домработница.

— Уходи, — сказала ему Алла как-то очень спокойно. — Уходи!

— Ты же видишь, я собираю вещи, — он говорил ровно, будто ничего не произошло. — Сейчас приедет машина.

Однако его расширенные зрачки выдавали страх. Руки не дрожали, а как-то поджались, словно лапки у паука.

Алла стояла у двери, теперь ей бежать не хотелось. Куда бежать? В чужой дом? На улицу? Смотрела, как он вил жгуты вокруг пачек книг и собирал чемоданы.

— Крошка Цахес!

— Что?! — он обернулся, его чёрные зрачки расширились.

— Паук.

— Пощади! Ты же знаешь, — внутри у него всё дрожало. — На меня завели уголовное дело!

— Я на тебя уголовное дело заводила, — холодно ответила Алла.

— Ты же знаешь, я деньги... Для вас... Я... — Асляк не мог слов связать.

— Это не деньги, это взятки, — Тараканова с вызовом смотрела в его неподвижные зрачки. — С меня ты тоже взятку взял! Ты взял мою дочь! Уходи! И быстрее...

— Мне могут влить срок... — его глаза нервно забегали.

— За взятки или за изнасилование?

Наконец Марк совладал с волнением:

— Доходы твои складываются по щучьему

велению, по твоему хотению. Кто эти щучки? Ты меняешь их как перчатки! Но даже в перчатках оставляешь следы! Декларация — липа! Издан журнал-газета. За какие средства? Продажа дома за сорок пять тысяч долларов!

Тараканова ухмыльнулась:

— Ты всё сказал?

— Купила диссертацию! Умная... стала! — он смеялся ей в лицо. — Рвёшься на выборы в Думу? Попасть в Федеральный список захотелось?

— Я уже попала! Список заверен Центральной избирательной комиссией!

— Кто твой новый кукловод?

— Не ты!

XIV

Акция «Здоровье» проходила в концертном зале. Анастасия немного опоздала, села на приставной стульчик сбоку. Рядом — журналистка Евгения из газеты, которая как раз и занимается вопросами благотворительности. Они кивнули друг другу. «Общественное здоровье у нас на уровне Зимбабве», — говорила докладчица.

— А что у зимбабвцев со здоровьем? — усмехнулась Анастасия.

Докладчица говорила об общественном здоровье нации.

— А что такое общественное здоровье? — не удержалась Анастасия и перебралась репликой с соседкой.

— Это наше с вами здоровье.

— А с чего бы вы сами начали борьбу за здоровье зимбабвцев?

— С укрепления духа... — прогнозировала Евгения.

— Как это? Опять — «в здоровом теле — здоровый дух»? А наших нуворишей иностранцы рисуют с такими рожами, извините, упитанными лицами, что позавидуют не только зимбабвцы.

— Откормленное лицо — это не показатель здоровья, — заверила Евгения. — У нас только десять процентов нормальных родов!

Наконец выступления закончились, пообещали интересный концерт, попросили не расходиться.

Вышли в фойе второго этажа. Всюду возле стен и окон — торговые столики. На столиках

— чистая питьевая вода, очистительные фильтры, биодобавки «Сибирского здоровья». Тут же и косметологи со своей продукцией. Вокруг — большое скопление людей.

— А вот и столик от Аллы Тарakanовой, — Евгения направилась к левому краю. — Странно! Среди парафармацевтов и косметологов — лекарство. Это что, аптечный киоск?

— Мы бесплатно раздаём лекарства. Это благотворительная акция, столик от Аллы Тарakanовой, — объяснили девушки, симпатичные и улыбчивые.

— Давать всегда приятнее, чем брать, — пошла женщина в чёрном.

Бедных людей было мало, поэтому женщина в платке как-то сильно выделялась.

— А это что, пиар-акция? — насмешливо определила Евгения, получив с подарком листовку. — Мечты Тарakanовой о местечке в Госдуме? Основателя международного салона сантехники? Две её попытки пробиться в законодательный орган страны закончились неудачей. Вот начало третьего раунда!

Анастасия пыталась разгадать слова Евгении. Что же здесь происходит? Гуманитарная акция была похожа на предвыборную кампанию.

— Смотрите, как Тараканова популяризирует чистоту своих душевных помыслов! Тараканова успела побывать в трёх... или в четырёх партиях! Вы знаете об этом?

— И в каких же? Просветите, — добывала информацию Анастасия.

— «Единство» — раз! — Евгения загнула лакированный ноготок. — «Единая Россия» — два! В апреле переметнулась в партию «Возрождение России» — три! А теперь уже в «Партии жизни» спикера Совета Федерации. Он поинтереснее, не правда ли?

— Это что-то уже гоголевское из «Мёртвых душ»... Где же ныне живущие писатели? Какой материал пропадает! — иронизировала Анастасия.

Она отошла от коллеги, хотелось услышать беспристрастное суждение.

— Я верю людям, — сказала одна пожилая дама, похожая на учительницу начальных классов.

— Верить проще, чем не верить, — возразила другая женщина в чёрном.

— Это как же? — «учительница» поправила очки.

— Ты думаешь, что все хорошие — и тебе поэтому тоже хорошо. А это вредно — верить всем, — отвечала собеседница.

— Хочешь продавать лекарства по льготной цене — открой аптеку, очередь стоять будет в эту чудо-аптеку, — заметила «учительница».

— Вот газета... — вторая развернула свёрнутый лист. — Здесь восемь фотографий Аллы Тарakanовой. Политическая кукла, меняющая политическую маску в зависимости от сезона и моды.

Анастасия вышла. Она шла по улице, хотелось переключиться на что-нибудь новое, светлое, чистое...

— Тётя, — показал на неё пальцем малыш и улыбнулся ей, словно матери.

— Ты в школу идёшь? — Анастасия встрепнулась от пронзившей забытой радости.

— Да, — малыш смотрел на неё ясными ангельскими глазами.

Мама и бабушка рядом с ним тоже улыбались.

— А сколько тебе лет? — Анастасия и сама теперь не сдержала улыбку.

— Три с половиной.

— Да?! Хочешь в школу? Пойдём со мной, — позвала журналистка.

Малыш протянул ручку.

Анастасия взяла его ладошку, и ей стало так светло и радостно.

— В школу он пойдёт с удовольствием! — счастливо улыбались женщины — мама и бабушка.

— Как тебя зовут? — спросила Анастасия.

— Человек, — сказал малыш.

Анастасия от счастья чуть не взлетела.

— Здорово! Человек! Какой ты взрослый и хороший, человек!..

И вспомнила... Берёзка распустилась в ночь, когда она родила. Гибкие ветки в изумрудных серёжках. Весенняя зелень радостно блестела на солнце... Муж стоял, прислонившись спиной к дереву. Анастасия подняла ребёнка. Муж махал руками, словно хотел взлететь к окну. Анастасия поднимала ребёнка выше и покачивала им, как куклой. Вдруг муж сполз, соскольз-

нул спиной по белому стволу березы... Она как-то рассказала это дочке Аллы Таракановой... И та смеялась... Чему смеялась девчонка?

XV

Марина звонит Алёше, хочется с ним просто поговорить. Второй раз звонит, слушает длинные пустые гудки. Ушёл куда-то. А он ей так нужен сейчас. Куда он ушёл без неё, сегодня же воскресенье?! Может быть, кататься на роликах? Марина звонит ему в третий раз... Пустота в холодной телефонной трубке. Ролики? Марина быстро кидает их в рюкзачок и бежит на остановку.

Застава, где жил Андрей Платонов, которого так любит Жанка. Мост через железнодорожное полотно. Политехнический. Автовокзал. Марина отвыкла ездить на общественном транспорте. Здесь куча народу, все о чём-то разговаривают, шум, как в школе на перемене. И толкаются, как на базаре в очереди. Бурчат старики, смеются парни, все как будто в одном большом доме и друг друга знают. Памятник погибшим солдатам. Вечный огонь. Сюда они приезжали на День Победы, возлагали цветы. Дальше город кончается. Вот и областную больницу проехали. Спорткомплекс «Олимпик» находится недалеко от центра, если ехать на джипе, но если добираться автобусом — это всё равно что на краю земли. И вот за окнами замелькал лес, минут двадцать ехали вдоль лесной полосы и наконец остановились.

Марина выскочила с радостным чувством, что её здесь действительно ждёт Алёша. Около кафе было много народу, так что трудно было бы его найти.

Она зашла в кафе. Сидела и ждала Алешу. На неё бросали любопытствующие взгляды парни, но, видя, что она в каких-то проблемах, никто даже не заговорил. Было уже часов пять, надо возвращаться, но идти обратно в таком настроении не хотелось.

Марина вышла из кафе, и так захотелось в лес, смешаться с деревьями, уйти от шума в тихий птичий мир. Кругом гуляли парочки, мамочки с детьми, студенты на велосипедах, тинейджеры на роликах. Быстро надела ролики, защиту и помчалась.

Последние дни осени. Много иностранцев попадалось по пути. Африканцы, вьетнамцы, и всякие другие с кожей цвета персика, апельсина и киви. В миллионном городе, расположенном между Москвой и Чёрным морем, обучается очень много иностранных студентов. Город зелёный, молодёжный, много университетов и институтов, он привлекает иностранцев своим расположением на реке Воронеж, природой и довольно мягким климатом.

Марина, следуя за иностранцами по беговой дорожке, то обгоняя их, то отставая, углубилась далеко в парк. Здесь уже и кататься на роликах было не очень удобно, но за каждым поворотом она надеялась увидеть Алёшу. Вот трое персиковых парней и три русских девушки хохотали, шутили, и это веселье притягивало Марину. Марине понравился один из них, он так заразительно смеялся, что она невольно загляделась на него. Волосы под хиппи. Лёгкая, как у девушки, походка. Она даже встретила с ним глазами — что-то поразило её. И то ли зависть к девушке, которая рядом с этим парнем, то ли ещё какое чувство возникло в ней, и она притормозила. Иностранец смотрел на неё и улыбался. Он напомнил ей Алёшу. Марина наконец ответила ему улыбкой. Ей захотелось тоже веселиться в этой компании.

— Как ты хорошо делаешь! — первым заговорил парень.

— Правда?! — обрадовалась Марина, словно выиграла приз на международном кроссе.

Но через несколько секунд она уже перегнала их и гнала-гнала дальше. Потом развернулась, проехала обратно — им навстречу.

Из обрывков разговора Марина поняла, что красивый парень — перуанец, а зовут его Анхелес. И что его любят друзья и девушки за его лёгкость, беззаботность. Перуанец ещё не потерял свой акцент и ломал русские слова. А другого его земляка зовут Лаваро. Марина увлеклась другой жизнью, которая была рядом. Так невольно втягиваешься в быт людей, которые оказываются рядом в поезде. Третий был испанец, звали его Марио. Вместе с иностранцами был один русский.

Марина умчалась далеко вперед, уже не бо-

ясь леса, а радуясь спасительному куполу живой природы.

И вдруг, возвращаясь по беговой дорожке, она услышала крик:

— Россия — для русских!

— Ты хочешь русскую?! На! Получай! Получай!

— У нас в Перу много жить и работать русский!

— Ты хочешь капусту?!

— Мы из тебя сделаем капусту!

Вдруг Марина увидела страшную картину.

Человек двадцать подростков окружили кого-то. Она по крикам поняла, что это та знакомая компания, в которой был перуанец.

— Это ошибка! — метался перуанец, пытаюсь остановить всех словами, драться он не умел. — Зачем такой ошибка?

— Ты откуда?

— Мы получить диплом. Мы сразу уехать будем! — встал между скинхедами и иностранцами Анхелес.

— Россия, вперед! — звучал молодой голос, как военный клич.

— Почему я не могу? Мне предложить после подготовительного курса Екатеринбург. Почему не могу здесь?

И тут пошли в ход железные пруты, которые Марина вначале не заметила.

Ей показалось, что это она уже где-то видела. Марина вспомнила сцену из Толстого... Как избивали розгами до смерти провинившегося солдата...

И вдруг, словно солдаты по команде, хулиганы убежали в страшный тёмный лес. Анхелес лежал в крови, как в красной луже.

Теперь, когда хулиганы исчезли, прохожие стали подходить ближе. Над юношей склонился старик, седой, сгорбленный, в очках. Старик сказал, что перуанца два раза ударили ножом в бедренную артерию, поэтому много крови, и что, помимо ножевых ранений, у него разбита голова.

Пока ехала машина скорой помощи, перуанец лежал без сознания и даже не стонал, а на лице, показалось Марине, была улыбка. Рядом — окровавленный нож. «Умрёт», — сказал старик. У Марины мурашки побежали по спине. Скорая помощь ехала, кажется, целую веч-

ность. Жанна Владимировна на уроках рассказывала, что учителям и врачам платят так мало, что это составляет лишь половину прожиточного минимума. Но ведь когда умирает человек, при чём тут зарплата?!

Взволнованная увиденным, Марина попыталась взять себя в руки и дальше поехать на роликах, но тут же упала, разбила коленку. Она переобулась и пошла. Ей было жутковато от мысли, что напавшие на перуанца могут бродить где-то поблизости.

Марина вышла из страшного осеннего леса и брела по улице, вдруг видит — прямо на проезжей части толпа народа.

— Куда люди идут? — спросила Марина прохожих.

— Крестный ход, — это женщина ей ответила. — К мощам святым идём. За грехи прощения просить.

— А я могу с вами идти? — разглядывала Марина хоругви и икону.

— Это надо у батюшки благословение попросить, — приостановилась женщина в длинной чёрной юбке, лет тридцати, высокая и яркая, как испанская цыганка. — Ты давно исповедовалась?

— Давно, — сказала Марина и тут же спохватилась: — Я ещё не исповедовалась.

— Ни разу? — испанскими глазами женщина посмотрела на Марину. — Как твоё имя?

— Марина. А вас как зовут?

— Мария, — женщина сделала паузу, словно хотела что-то добавить к своему имени, но передумала. — Исповедуешься в первом храме, как дойдём.

— А на исповеди что надо говорить?

— Имя своё. А потом батюшке скажешь: «Я вся из грехов».

— И всё? — Марина удивилась. — Есть же какие-то правила...

— Я сказала так, когда пришла первый раз на исповедь, — «испанка» ободряюще улыбнулась. — И расплакалась.

— А священник?

— Батюшка сказал: «Крепись, Мария». Исповедовалась и почувствовала лёгкость. Нет греха.

— Нет греха? — Марина уже двигалась со всеми, как будто давно собиралась в этот путь.

«Испанка» шла рядом.

— Греха нет, — говорила она. — Но те, кто делает грех, когда делает вещи, подобные природе разврата, — те опять должны каяться.

Подошла другая женщина и дала листок. На бумаге — эмблема: три листочка на веточке и четвёртый — кружок с изображением земного шара. Марина взглянула, она это уже видела — дома всё завалено: «Дорогие друзья! Передавая вам лекарства, мы надеемся на то, что вы здоровы. ... Дорогие земляки! Региональное общественное движение «Единство женщин»... К России с любовью... Одним из главных компонентов счастья является... В рамках программы «Борьба с бедностью»... Статистические данные свидетельствуют: третья часть населения находится за чертой бедности. Их средств едва хватает на коммунальные платежи и скудное питание.

Марина скомкала этот лист бумаги и бросила под ноги тем, кто шёл за ней. Ей показалось, что она бежала, бежала, а вот теперь, когда догнала, увидела — впереди длинная дорога. И бежать не надо, а надо спокойно, терпеливо двигаться вперед.

Зачем она шла — не ответила бы никому и даже сама себе, только ясно чувствовала, что ей это надо — смешаться с толпой простых людей.

— Благо сошло в нашу среду ко всем вещам всякой природы, — поучала какая-то женщина, тоже в длинной юбке. — Благо надо направить к корню, к Богу.

— Вы верите в Бога? — Марина заглянула ей в глаза.

— Все существа, все создания, все творения пребывают друг в друге и друг с другом. Бог в нас во всех.

— Это что значит? — спросила Марина, не могла же она слепо верить, как эта женщина.

Прошли мимо автозаправки, кафе.

— Все пребывают друг в друге. И мы снова разрешимся в нашем собственном корне. Уж недалеко осталось. Крепись.

Марине мешали идти мысли и переживания. Она словно спотыкалась о них.

— ...Зло — это закон естественного отбора, — звучал голос Марии. — Может быть, для искусства или религий это плохо, но это природная форма бытия. Добро — это понятие привнесённое, культурное, чисто человеческое. — (Мари-

на припомнила, что об этом часто говорил ей отчим). — Добро — это порождение нашего духа и разума. Добро слабее, как слабее всякий домашний цветок в сравнении с луговым...

Марина оглянулась.

— ...Материя породила страсть, не имеющую подобия. Чистая любовь только к Богу и только у Бога. А зло у Сатаны, — продолжала паломница.

— Это из древнегреческой трагедии, — вымученно улыбнулась Марина.

— Страсть произошла от чрезмерности! — наставляла женщина. — Мария Магдалина первой увидела Иисуса воскресшим. А ведь она самая грешная была. Между воскресением и вознесением это было. Она первой увидела его после смерти живым.

Марина спросила:

— А что такое любовь?

Мария строго посмотрела на неё:

— Любовь — это грех. Когда возникает смятение во всём теле, трудно успокоиться. Грех приносит смятение. Спаситель любил Марию Магдалину больше, чем своих учеников. И она уверовала у него.

— Она поверила в него, когда он был жив?

— Мой мир, приобретёшь его себе, — паломница ласково улыбнулась и сказала уверенно: — Иди с нами, девочка. Тебе надо. Сын человека внутри нас! Он всех предупредит, когда время придёт. «Блаженна ты, ибо ты не дрогнула при виде меня», — сказал Иисус Марии Магдалине. Она не понимала, а веровала.

— Если бы мне явился Иисус, и я бы уверовала, — шепнула Марина.

— Не сомневайся, — «испанка» Мария тронула её ладонь, — ибо его благодать будет со всеми нами и послужит защитой нам. Восхвалим его величие, ибо он приготовил нас и сделал нас людьми.

Шествие остановилось, присоединились ещё новые люди. Народу стало в два раза больше. Паломники одеты бедно. Стопанная обувь и выношенная одежда объединяли их, они были похожи на беженцев, на пустынных, которых много лет водят по пустым дорогам.

— Сестра, ты знаешь, что Спаситель любил Марию больше, чем прочих женщин? — женщина шла, а её юбка почти касалась дороги. —

И просили Марию: «Скажи нам слова Спасителя, которые ты вспоминаешь, которые знаешь ты, не мы, и которые мы и не слышали».

— Душа или ум — что главнее? — спросила Марина.

— Дух — это в нас дыхание Божие. А между ними ум.

— Между ними? — Марина пыталась понять, но ей не удавалось уловить чего-то главного, без чего все рассыпалось.

— Мы созерцаем видение Бога не духом и не душой, а тем, что между ними.

Марина улыбнулась, ей показалось, что она попала в какое-то другое время... В давнее прошлое...

— Лукавство овладело тобой. Ты схвачена. Не суди! Будь то вещи земные, будь то небесные. Узы забвения временны, — быстро говорила женщина, испанские глаза сверкали.

Прошли уже много. Два раза отдыхали под деревьями вблизи дороги.

И вот дошли до первого храма. Остановились. Крестились и радовались.

Марина зашла в храм со всеми. Запах ладана, пламя свечей. Это особое состояние открытости, связанности с миром, единение с людьми ей было ново. Она поставила свечу пред иконой Казанской Божьей Матери.

Вот старушка сгорбилась, трясётся сухая рука на клюке.

Прихожане сложили руки на груди крестом, подходили к батюшке причаститься. От причастия они шли благодатные. На короткое время, пока идут со скрещёнными руками, они спокойны, так бунтовщики сами себя ведут к смирению.

Вот служба закончилась. Люди стали расходиться на ночлег. У многих тут оказались знакомые.

— А вы что, компот не пьёте? — у стены на узкой скамеечке сидит пожилая женщина. — Ноги болят. Я-то вот боюсь встать пойти попить: встанешь — место займут.

— А ночевать где? — Марина спросила старушку.

— Бывало, на пол ляжешь и спишь. Обувь у всех нищенская. Шли босиком, а спали косяком.

Рядом женщина стелет половичок на церковный пол и ложится. Ничего не говорит. Сумку — под голову.

На следующий день пришли в другой храм.

Женщина в чёрном монашеском одеянии прошла за деревянную дверь церкви, и слышно было: «Вот тут одна женщина хочет остаться ночевать».

— А вы что хотите? — вернулась монахиня, подошла к двум девушкам.

— Мы принесли вещи, — одна из девушек держала в руках большой полиэтиленовый пакет.

Марина смотрела и не понимала — к чему это? Девушки, вещи, монашки... Как во сне.

— Хорошие? Может, их и носить нельзя?

Девушки молчали.

— Принесут, что только выбросить, — ворчала монахиня.

— Мы отбирали, — будто оправдывались.

— А потом они тут валяются...

Девушки сконфузились. Пакет тянул руки.

— Куда же мы теперь это денем?

— А я не знаю куда. Я в выражениях не стесняюсь, а то нанесут сюда всякого...

— Мы специально везли, — от огорчения голос девушки стал громким и обиженным. — Вы же даже не посмотрели!

— Сестра?! — подошла вторая монахиня в широких чёрных одеждах, пожилая. — Ты так работу свою потеряешь. Возьми у них вещи.

— А Варвара не берёт, — первая поджала губы. Пожилая всеми своими широкими длинными юбками развернулась к девушкам:

— Простите нас, пожалуйста.

— Что вы?! — голос у девушки дрогнул.

— Простите её, пожалуйста.

Девушки, обескураженные, хотели выйти, а им навстречу — нищенка.

— Грядет с облаками. Узрит его всякое око. Возрыдают, — перекрестилась на святые образа нищая странница.

В храме свечи дышат, светом отсвечивают в образах. Ладаном пахнет. Стоят прихожане, молятся.

— Соучастник в скорби и в терпении, — трубным простуженным голосом заголосила странница. — И семь золотых светильников. Начало и конец. Господи, помилуй.

Марина стояла, поражённая увиденной новой жизнью. Всё здесь было незнакомое. Нет ни печки, ни молочной речки, ни яблоньки. Куда девице спрятаться?

— Что вы тут стоите! — подошла работница церкви с плоским лицом. — Вы мне мешаете.

Ночевала Марина в гостинице для паломников. Раньше там больница размещалась. Рядом на коечке устроилась старушка паломница, тут же и другие. Коечки больничные в гостинице. И тумбочки рядом. Женщины, негромко переговариваясь, укладывались спать.

— ...Люди людьми живут. Люди у людей учатся, — сказала нищенка. — Хоть луковичку, а на канонник положи и никогда нищим не отказывай. Хоть луковку дай. Луком обманывать, обвешивать нельзя — это большой грех. Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилуй!

— ...Хожу грехи замаливаю и сыну здоровья прошу. Может, Бог даст, увижу во сне средства от болезни. «Ложусь я, раба Божья Мария, спать на Сионских горах во святой Церкви, кладу три ангела в головы: одного — подслушивать, другого — подглядывать, третьего — подсказывать. Поведай, Никола милостивый, зелье в потребу. Слава Отцу и Сыну и Святому духу во веки веков. Аминь».

— Аминь, — тоже шепнула Марина.

— «...Побеждающему дам вкушать сокровенную манну. И дам ему звезду утреннюю. Последние дела твои больше первых. О раскаянных грехах не сожалей», — читал кто-то из угла.

— ...А моего сына убили в Чечне... — откровенничала другая у окна.

У самой двери расположилась нищая, которая говорила шутками-прибаутками, словно юродивая:

— ...Родила детей Устюша — не думала. Народила семерых — пригорюнилась. Ой, да чем же их кормить-поить? Ой, да как же уму-разуму учить?

— ...Ты ботики-то свои к батарее поставь в коридоре, а то, небось, пахнуть начнут, — учила Марину соседка.

— ...Я знаю, как люди пахнут. Сына-то когда своего нашла, а его размораживать нельзя. Сыновья Дракона его убили...

— ...Ты сыми одежду-то свою, девонька, я тебе принесу от настоятельницы другую.

— ...Спаси вас, люди добрыя. Благодарствую

тебе, единоутробная сестра. А сына-то моего нету. Не одно окно открыто, не одна дверь распахнута, стены взломаны, и хлынет поток...

Другая перебила:

— Ты лучше молитву вслух читай «Отче наш». Знаешь?

— А как же! Когда я в монастыре жила, меня настоятельница не отпускала. Я молила, молила батюшку, чтобы благословил в Оптину. За сына хочу молиться. Как истерзало его сборище сатанинское. Он умер там, где престол сатаны. Никто не знает глубин сатанинских.

— Так ты монашка?

— Нет. Паломница. Вот сподобилась... Там святости такой нет, как здесь. Много работают. Работы я не боюсь. Но там много мирского. Отче наш... «Глава Его и волосы белы, как белая волна, как снег. Очи Его — как пламень огненный. Ноги — подобны халколивану, как раскалённые в печи. Голос — как шум вод многих. Он держит в деснице своей семь звезд. Из уст Его выходит острый с обеих сторон меч».

— Ох! Странница, — вздохнула так тяжело. — Господь в помощь тебе.

— Спасибо, матушка. А в лице Его — как солнце, сияющее в силе своей. И сказал он мне: «Не бойся. Имею ключи ада и смерти».

— А рая? — вырвалось у Марины.

— «Побеждающему дам вкушать от древа жизни».

— Тихо. Уже легли люди-то, — одёрнул голос.

— Она спит — под неё хоть вар подливай — не встанет, — про бабулю это, что с головой укрылась.

— А всё ж ей почти девяносто.

— Мне хоть за деньги — до ста лет жить не хочу.

— Почему?

— Организм устал. Да и что за жизнь пошла. Детсад был разгладенье. Порушили. Нашего — не нашего — ничего не пожалели.

— У нас богатые — самодовольные и агрессивные.

— А бедные? — это Марина спросила.

— Озлобленные и унылые. А глаза и у тех и других одинаково безрадостные.

— Я бы так не сказала... Все люди разные, а добрый человек или злой, не зависит от богатства! — Марина попыталась вступить.

— Вот ты из богатого дома, а тебе нет там

счастья. Ты хорошо сделала, дочка, что с народом пошла. В народе сила, на народе и смерть красна.

Утром на исповеди Марина стояла среди народа.

— Называйте ваши имена, сёстры и братья, — произнёс батюшка.

Она шагнула к священнику, чуть опустила голову, начала исповедоваться, но дыхание прерывалось, словно она бежала — бежала и остановилась. Она заплакала.

После беседы со священником Марина укрепилась в желании сохранить беременность.

XVI

Когда Марина не пришла ночевать домой в первую ночь, Алла волновалась, но по знакомым не звонила. Когда дочь снова не пришла ночевать, мать уже не думала ни о своей репутации, ни о том, что люди подумают, — обзвонила всех, кого могла знать её Марина. Когда та не пришла в третью ночь, Алла потеряла силы и слегла, как в тяжёлой болезни. И позвонила начальнику милиции.

Поиск теперь вели профессионалы.

Алла доставала вещи дочери и разглядывала их, пролистывала книги, которые читала Марина, словно надеясь найти подсказку. Нашла припрятанный дневник. И мать как будто заново стала открывать для себя дочь. Дневник, словно компас, вёл её к дочери.

...Зазвонил телефон. Алла, не выпуская из рук тетрадки, прижала трубку к уху. Это звонил Тигран. Алла выслушала его, но не пригласила. Ей казалось, будто и он виновен, что Марина исчезла. Мать опять углубилась в жизнь дочери, которую теперь восстанавливала по строкам и страницам.

«...Мама смогла со мной поговорить. Она рассказала, что хотел от меня Асяк. Зачем он на мне дрыгался. Мама даже спрятала его часы, точнее мои, которые он мне подарил. Да ну его, этого Асяка. Дурак. Больше ничего».

«Ничего, зато почему-то всю следующую неделю каждый день будут идти эти мультики».

«...В сквере, на траве возле скамейки, валялась

кукла, одна рука у неё была оторвана. Эта кукла похожа на ту, с которой играла ещё мама. Кукла эта не модная, но очень дорога бабушке, она из другого времени, не такая, как у всех. Стало скучно и тоскливо сидеть около этой куклы. Кто же её так долго берёт и теперь вот выбросил? Подняла. У куклы — дырка в животе, кричать «Ма!...» не будет. У неё треснул гуттаперчевый шов на ноге. Глаза закрыты капроновыми ресницами. На голове — лысина. Кукла, кукла... Руки-ноги её разбросаны так, будто она, танцуя, куда-то спешит. Куда ты спешишь, кукла?»

Вдруг под руку попался незапечатанный конверт. Алла с любопытством прочла адрес — это ей, А.П.Таракановой. Обратного адреса на конверте не было. Почерк дочери. Алла разволновалась.

«Письмо маме, которое я ей никогда не отправлю».

Ты боишься, что я перестану любить тебя... Но сама делаешь всё, чтобы это произошло. Родителей не выбирают. И любить я буду... Любить — не значит простить. Простить — значит поверить. Но поверить я не смогу тебе никогда... Извини, и не надо оправдываться... Ты была единственным человеком, которому доверяла всё. Я знала, что ты единственная, кому я нужна, кому не безразлична моя жизнь. Хотя это и теперь... Но ты была для меня самой лучшей. Может быть, я изменилась, но ты перестала быть такой...»

— Я была самой лучшей для неё, — сказала Алла вслух, улыбаясь и плача, оглянулась и подумала: «Хорошо, что нет Марка, сказал бы, что я схожу с ума».

Алла выпила стакан холодной воды. Посмотрела в окно: картина та же. Окна чужих домов, антенны, крыши. Где же искать её? Миллионный город — как стог сена. Человек не иголка, но как его найти, если он прячется? Опять села в кресло, открыла дневник.

«Не могу я молчать, но и сказать ничего не могу. Разве не хочется в детстве побольше понять, узнать? Кажется, как интересно... А оказывается, всё только для того, чтобы защитить себя, защитить от этого мира. Это не просто слова. Жизнь не верит словам, поэтому люди часто ошибаются. Простить ли? Библия учит,

что надо прощать. Именно уметь, ведь это так сложно. Простить — значит поверить. Все хотят подготовиться к жизни. Какая глупость! В нашем городе это как странная болезнь. Ольга постоянно в своём репертуаре. Даже мама. Вчера, когда дверца хлопнула, показалось так плохо. Одна. Мало друзей, очень мало. Что же за законы! Если не такой, как они, — не нужен, не подходишь — будь один. ...Как мама могла целый год даже не догадываться, что существует Лёша? Как могла думать только о себе? Просто она ничего не почувствовала, после этого перестала быть моим другом».

* * *

Когда Тигран рассказал Алле о Марине, она не поверила, что её дочь беременна. Что за глупости! Она ребёнок! Девочка! Зачем ей беременеть? Нынешняя молодежь знает больше родителей об отношениях мужчины и женщины. Столько рекламы, столько книг и брошюр, как избежать этого... Труднее всего было приучить себя к мысли, что Марина не ребёнок, что она вправе иметь свою жизнь и даже своего ребёнка. Не надо волноваться за неё, а надо дать ей свободу. Но как не волноваться? Как заставить сердце не биться?!

И Алла решила всё расставить по своим местам.

Алла Павловна подала на развод. Когда она сказала об этом мужу, то Марк заговорил с ней не о разводе, а о лекарствах, которые она раздавала от имени благотворительной организации.

— Смотри, как бы тебе за эти игры с лекарствами не пришили уголовное дело! — сказал Марк, желая и предупредить, и отомстить ей одновременно, он был странный человек: у него каким-то странным образом добро переходило во зло, а зло — в добро. — Передаю тебе документы... Изучи хорошо и подстели себе соломки...

— Что это?

— Это то, что я, как юрист, знаю, а ты, как кукла, знать не желаешь. Твои кукловоды подставили тебя.

— Нет!

— Вот читай! Первое: «Без плана реализа-

ции, утверждённого Минздравом, ввоз и распределение лекарственных средств, медоборудования, медизделий запрещены». Какой же план реализации у тебя? Молчишь? Второе. «Реализация лекарственных средств частными лицами, учреждениями, не имеющими лицензию, является уголовно наказуемым деянием».

— Что ты меня пугаешь?

— Я тебя не пугаю... Я, может быть, ещё люблю тебя, кукла.

— Я лечу людей, я им помогаю! Какая неблагодарность!

— Ты лечила аспирином? А он не с подмоченной репутацией? Вот, дарю тебе «Российскую газету».

Алла быстро читала: «Лекарственный бизнес по своей мощи, своим прибылям уступает, наверное, только нефтяному. Лекарства первого и второго сорта... Уценка, пересортица в фармацевтической сфере исключены...»

— Ты мне больше не муж. Всё! Ты — никто! Уходи!

— А ты не боишься потерять своего домашнего адвоката?

— И знай, что я тебя не боюсь!

— Не боишься?!

— И не думай запугивать меня или мою дочь! Он ушёл.

* * *

Через неделю был развод.

Алла пришла первой, Асяк опоздал. Торопился, словно бежал откуда-то. Зашли в кабинет. Их разводила женщина в строгом костюме.

— Садитесь! — сказала она.

— Я спешу! — остался стоять Асяк.

Документы были почти готовы, Алла договаривалась об этом заранее. Оставалась только формальность — два-три вопроса и подписи.

— Подпишитесь! — из-за стола поднялась другая женщина с фиолетовыми волосами.

— Быстрее! Я тороплюсь! — Асяк подошёл к столу и взялся медленно, скрупулёзно читать.

Женщины переглянулись, каким-то шестым чувством понимая друг друга.

— Здесь, пожалуйста, — с подчёркнутой вежливостью попросила работница, указывая

пальчиком на строку, где необходимо поставить подпись.

И вдруг Асяк посмотрел в упор в лицо работницы и произнёс тоном прокурора:

— Шесть миллионов триста девяносто один.

Работница подумала, что с ней шутят, и принуждённо рассмеялась.

Но его прокурорская маска не дрогнула:

— Шестьдесят шесть миллионов триста девяносто семь, — и добавил: — Долларов!

— Что?! — спросила работница, всё ещё пытающаяся понять шутку загадочного мужчины.

— Восемьсот сорок пять, шесть тысяч пятьсот сорок восемь, девятьсот девяносто девять триста сорок восемь пять...

Женщина в костюме рассмеялась:

— Чего смеётесь?! Плакать будете! — пророческим голосом сказал Асяк.

Смех оборвался. Стало тихо.

— Распишись! — громко и резко сказала Алла. Он расписался.

— Вы свободны, — старалась в тон Алле говорить работница.

Асяк вышел.

— Что с ним?! — с ужасом глядела на Аллу женщина с сиреневыми волосами. — Как вы с ним жили?!

— Сексуальное недомогание.

— Что?

— Сексуальное недомогание, — повторила Алла. — Так говорит один провинциальный писатель. А провинция — это не так уж плохо, не правда ли? Но все хорошие писатели почему-то едут в Париж, в Ниццу, в Нью-Йорк... Спасибо, что обошлось без лишних формальностей.

— Осторожнее с ним... — попросила с материнской мягкостью женщина. — Он, мне кажется, опасен.

Женщины обменялись взглядами, в которых было понимание какой-то общей женской судьбы. И Алла вышла, оставив на столе подарок и конверт с деньгами. Она хотела пойти сразу домой, обнять дочь. Но это сделать было невозможно. Мир рухнул. Всё распалось, как цепная реакция. Что с Мариной? Алла села в машину. Но куда ехать? Кто и где теперь ждёт её? Кто поймёт?

XVII

Гонит ветер облака по хмурому небу. Горизонт ступенчатый — серые, как асфальт, крыши домов. Марина раскладывает пасьянс и смотрит на очертания облаков. Вот это облако похоже на парусник, а это — на детскую коляску.

Марина ждала роды уже вторую неделю. И вот началось. А в доме нет никого. Она смешала карты и отбросила.

Началось? Что это? Боль? Боль стихла. И опять! Что это? Опять! Началось? Боль повторяется через полчаса.

Схватки сменяют одна другую, время между ними сокращается.

Открыла кран горячей воды в ванной (в воде, говорят, рожать легче). Марина изучила лекции по родам в воде. Читала, читала... И вот! Ужас! Горячей воды нет. Открутила синий кран. Полилась холодная вода. «Что же делать? Ванны не будет. Если позвонить в роддом? Нет! Нужна будет медицинская карта. Нельзя в роддом. Главное, чтобы никто не пришёл. Нет! Не хочу. Никого не хочу. Главное — не жалеть себя. Закрывает кран холодной воды, кинула на дно ванны фланелевое голубое детское одеяло и села. Индейцы скакали на коне и рожали».

Она открыла брошюру, где подробно даны советы тем, кто собирается рожать. Дышите глубже.

— Дышу.

Следите за дыханием.

— Слежу.

«Уплыть я не могу...» Посмотрела на себя в зеркале. Бывает, что женщины думают о другом. Нет, о другом думать сейчас нельзя. Надо рожать! Индейцы спускались с лошади, рожали и скакали дальше. «Нет. В роддом не поеду!»

«Надо работать. Методично!» Схватка за схваткой выталкивали ребенка вниз. Живот опустился. Внизу стало тепло и мокро. Воды пошли? Вот она... Потуга. Сильная, очень сильная... «О! Господи! Помогите мне! Господи! У меня никого нет. Маме я не нужна. У неё Марк, у неё Тигран... Я никому не нужна. Помогите, Господи! Если всё будет хорошо — уйду в монастырь». Страх сжимает горло. Что кричать, когда рядом никого нет?! Рожали же в

поле русские бабы... «А! А-а-а!! А-а-а-а! А-а-а-а! А!!! Мама!»

Началось... Она слышит, чувствует, понимает, как он выходит. Дышать надо ровно. Не орать. Все произойдёт само. Мама рассказывала, если бы она орала, я бы задохнулась.

Она подставила руку. Вот головка. Достала. Держать ребёнка! Держать! «Да ты в рубашке родился!»

Мальчик.

Может быть, надо было позвонить в скорую?

Теперь вот выйдет послед. И всё. Это уже без боли, но ощутимо, словно выползает что-то.

Всё хорошо! Теперь перейти в комнату и лечь. Мальчик! Марина сама разрешила пуповину заранее приготовленными ножницами, обработанными в спирте. Перевязала пуповину на себе и на ребенке. Смазала йодом. «Всё. И к маме ты уже не привязан, мой малыш». Головка сына дрожала на её руке. «Вот. Родился. И я сразу беру. Просто, да?!» Захлёстывали слёзы радостного ошеломления. Но расслабляться нельзя, когда одна.

Всё хорошо! Всё хорошо. Нормально. Индейцы на коне рожают. Господи, да никакие мы не индейцы, мы просто коровы. Вот и родила. Просто. Как в хлеву. Грязь-то вокруг какую развела! Убрать надо, вдруг кто войдёт...

К груди приложить, чтобы не орал. На! Со сёт... И чего все бояться?! Это же так просто!

Марина позвонила Наташе. Теперь надо дожидаться, чтобы подружка пришла. Ждать и ни о чём не думать.

Когда заставляешь себя не думать о том, что происходит сейчас и здесь, то мысли приходят откуда-то сами, раздвигают горизонт и становятся легче.

Мы осознаём свою жизнь в трёх измерениях: главное — это детство, какое бы оно ни было, оно всегда счастливое. В нашей уникальной памяти сохранилось лучшее из детства. Эта способность — хранить в памяти лучшее — благодать, и даётся она всем. В этом великое таинство сопричастности человека природе и Богу.

Надо уснуть. Через сон настоящее уходит в прошлое. А о прошлом легче думать. Прошлое — безобидно. Из прошлого возвращаются только картинки — красивые картинки детства. Уснул...

Много лет назад была Марина маленькая девочка-капризница. У нее яркий, как пион, бант и малиновое капроновое платье. Новый год — праздник из праздников. Утро.

— Все подарки от Деда Мороза?! — в восхищении просыпается и кричит Марина-девочка, целует бабушку и лисичкой пробирается под ёлочку.

— Да, Мариночка.

— А ты, бабуля, видела этого Мороза? — блестят между ёлочных шаров весёлые глазки. — Видела?!

— Видела, видела, — кивает счастливая бабушка. — Были и Дед Мороз, и Снегурочка.

— Бабушка, а гуси-лебеди Ванюшу назад принесут? — волнует девочку вечерняя сказка.

— Нет.

— Никогда?

— Вот сестричка побежит, будет искать братца...

— А если не найдёт? — перебивает взволнованно внучка.

— Найдёт, — уверена бабушка.

— Бабушка! — Марина откусывает румяный бочок от пирожка. — А если не найдёт сестричка Иванушку?

— Кушай, кушай, это всё для тебя, чтобы съела! Вкусно?

— А где мой любимый йогурт? — Марина отложила пирожок. — А если не найдёт сестрица своего братца Иванушку?!

— Всё найдём! — бабушка достала из холодильника йогурт. — Гуси-лебеди прилетели и улетели, а мы тут будем жить! Без лебедей нам хорошо! Налетели! Кто к нам ни прилетал — все вылетали ни с чем!

* * *

Пока жила в квартире родственников Наташи, которые уехали на год работать за океан, Марина больше всего боялась, что её найдёт отчим. Она волновалась, что не сможет сопротивляться, если скажут, что нужно сделать аборт. Марина почти не выходила из квартиры. Наташка приносила продукты, веселила как могла. Теперь страх у Марины прошёл.

Наташка и деловая, и веселая! Наташка,

доброй души человек, влетела в квартиру! Марина приподнялась — ребёнок на груди, как на картине Рубенса. Наташка от такой картины чуть с ума не сошла.

— Я уже всё! — устало улыбалась Марина.

— Кто?

— Мальчик.

— Мальчик! Господи! — она кинулась с поцелуями. — Да как ты тут одна?!

— Я дверь не закрыла.

— Боялась? Я же просила тебя! Позови меня сразу! — дружески упрекала подруга. — Молодчина! Лежи, не шевелись, я сейчас врача вызову.

— Зачем?! Уже всё... Ты лучше быстрее убери всё, а то ещё кто-нибудь придет.

— Марина, а как назвала?

— Сергей.

— Хорошее имя, — Наташа светилась. — Счастливая?

— Счастливая, что никто не мешал!

— Алёша уже знает?

— Нет, — шепнула Марина.

— Вызвать врача надо. Вдруг есть эти... трещины или разрывы?..

— Не хочу в роддом, — отмахнулась Марина.

— Хорошо, ты только не волнуйся. Я позвоню Иоланте — это моя знакомая гинеколог, она придёт, скажет всё, — положила руку на лоб Марины. — Что-то ты горячая...

Пришла врач.

— Срочно в больницу! — сухо и строго сказала Иоланта. — Я позвоню заведующей, чтобы приняли без лишних формальностей. Вызывайте машину! Где телефон? — взяла телефон и начала звонить.

— Наташ, — Марина поманила подругу.

Наташа подошла, нагнулась, почтительно оглядываясь на врача.

— Алёшке скажи, что я в больнице, — дрогнувшим голосом сказала Марина, слёзы блеснули, словно в глазах льдинка растаяла.

— Хорошо, хорошо! Ты только не волнуйся! — Наташа поправила простыню. — Конечно! Ты что! Да он сразу прибежит!

— Собирайся! — сказала врач, прервав беседу.

В палате роддома было четыре кровати.

— Кто у тебя? — спросила женщина Марину, словно старую знакомую.

— Мальчик.

— Сын? Рада? — женщине было лет сорок, и, видимо, от нервозности ей нужно было непрерывно говорить.

— Рада, — Марина села на свободную кровать.

— Счастлив твой муж, что родился мальчик? — спросила опять женщина.

— А ваш счастлив?

— Помирились вчера вечером... Правда, прощение всё равно я просила. Вот погода хорошая. Детей больше, чем у всех друзей. И дома телепузики.

— Сколько?

— Двенадцать лет девочке. С меня ростом. Красится. Маникюр делает. Первого ребёнка просто не заметили, потому что слишком рано родили. Студентами были.

— Зато теперь хорошо — дочка взрослая, — утешила Марина.

— На всём участке врач ходит и рассказывает: «У нас один здоровый ребёнок». Он очень хотел, очень доволен, очень ждал сына. Вот он счастлив! А вообще, счастье — его же нельзя измерить... Счастье, оно неуловимо. Бывает — настроение — встал — и счастье. На следующий день встал — хмурая погода, и уже счастья нет. Когда мы можем в субботу вместе позавтракать — это счастье. Папа нам готовит завтрак. Мы ему приносим просвиручку. Со вторым ребёнком какие-то другие ощущения. Страшно было, когда роды начались?

— Нет, — Марина смотрела в окно.

— А у меня от первой схватки до родовых потуг прошла целая вечность! — женщина вздохнула. — Утро, день, вечер, ночь... Я думала, до утра не доживу.

Марина закрыла глаза. И она будто плывёт. Стены — берега. Она лежала в оцепенении, слыша голоса, а никого не видя.

Вдруг дверь палаты раскрылась и въехала лодка-каталка, остановилась.

— Вы можете сами перелечь на кровать? — спросила медсестра женщину на каталке.

— Да, — ответила та.

Но не смогла даже сесть, чтобы потом опустить ноги и встать, как будто она сорок дней не видела людей, не ела, не пила.

Медсестра поближе подтолкнула каталку. Подсунула руку под поясницу и помогла перебраться на подушку и белую простыню.

Улыбнулась женщина совсем беспомощно и увидела, что все ей улыбаются в ответ.

Не надо вспоминать плохое. В каждом дне есть что-нибудь хорошее: какой-нибудь миг — пусть даже небольшой, едва заметный всплеск радости. Миг, ослепительный, счастливый. Нужно только вспомнить этот счастливый миг. Надо только отыскать его в хаосе памяти и держаться за него!

Справа у окна на кровати женщина; слева — кровать, женщина и дверь. В дверь выплыла каталка.

В палату проникал плач детей: этот звук новорождённых то освежал, как журчащий ручей, то пугал и заставлял вздрагивать, как истошный вопль ночной кошки.

Хотелось говорить, чтоб выбраться из власти этих звуков.

Марина услышала голос и повернула голову к окну, словно её только что разбудили. Серые ветки по ту сторону окна. А по эту — красавица с русой косой, сказка сказкой.

— У меня мальчик, — женщина лет сорока едва шевелила губами, улыбаться было трудно, словно губы слиплись. — Три килограмма.

— Как я поняла, это северная сторона, и солнышка здесь не будет, — отозвалась Марина. — Так что можем поменяться, если кто хочет у окошка.

— Сегодня среда?

— Да.

— Кто-то термометр прицепил, — подошла к окну. — Как дома.

Крик новорождённых слышен из конца коридора.

— Везут!

Марине дали ребёнка первой — того, кто громче всех орал.

— Всех перекричал. — Подала медсестра ребёнка. — Боится — умрёт с голоду. Богатырь! Корми скорей! Сегодня вас переведут в отдельную палату, — было в голосе заискивание и укор, что у неё будет не как у всех.

Марина промолчала. Главное, чтобы ребёнку было хорошо. Чтобы всё было, как в сказке. Человек прожил на земле ещё только один

день. Но как уже настрадался! Он только что впервые увидел свою маму. После родов вместо глазок у него были слипшиеся щёлочки, и мама в них не помещалась.

Сорокалетней мамочке ребёнка не принесли — в этом роддоме в первый день не положено ни кормить, ни смотреть, ни общаться маме с новорождённым.

В роддоме ни минуты покоя.

Вот санитарка втащила швабру. Прошуршала под кроватью, под тумбочкой. Запахло хлоркой.

— Вот руки болят, — пожаловалась молодому на свою старость. — Лопух бы привязать. Кого же вы родили-то себе?

— Мы родили трёх богатырей! Илью Муромца, Добрыню Никитича и... Как его, третьего-то, звали?

— Ох, девки, — выпрямилась санитарка с уставшим лицом. — Было мне видение. Видела ангела Божия. Вошёл ко мне и сказал: «Скоро всем вам конец света. И всё обратится в тление».

— Ну, бабушка, утешили, поздравили нас. Гуси-лебеди!

— А что ж?! Сколько же грех наш Бог терпеть будет?! Детки вот родились, как птицы небесные чистые, а помирать — все в грехах.

— Бабушка, — позвала Марина. — Возьмите вот фрукты, и вот...

— А тебе как же?!

— Мне ещё принесёт. Алёша Попович... Съем кислое яблочко, принесут сладенькое.

— Дай бог здоровьица! Дай бог всем счастья. Спасибо, красавица. О Господи! Услышь нас, омывших нас от грехов кровию.

XVIII

Марину перевели в другую палату — кто-то позаботился о ней. Теперь окно выходит на южную сторону и трамваи не гремят в пять утра. Марина не любила больницы, всё белое и зашторенное, замедленное, словно жизнь останавливается. Но роддом — это другое. Ночь. Марина поняла, что там со всеми, в общей палате, было спокойнее. Когда все спят, то это дыхание как-то успокаивает и усыпляет. А в отдельной платной палате сон разрывается

от любого звука и потом трудно вновь уснуть. «Вот и позади роды. А где мой сын? Почему они у меня его отняли? Я хочу посмотреть на него... Я хочу...» И слёзы потекли из её глаз. Боль с паузами. Схватка за схваткой. «Забыть! Надо забыть эту боль. Я хочу увидеть своего сына... Сейчас...»

«Холодно. Темно. Одиноко. И среди этого холода взгляд — тёплый, светлый, спокойный. Как хорошо знать, что тебя любят. Всё хорошо... А кто это проходит мимо? И я не могу его остановить».

Боль в пояснице. Сейчас она разольётся по всему телу до ступней. Когда можешь не кричать, это не боль. Схватки — это боль, борьба за новую жизнь. Потуги... Боль... Когда кричишь — легче. Боль криком отгоняешь. Когда кричишь, то будто ты не одна мучаешься, а и те, кто тебя слышит.

А где-то весна бурная, радостно-страстная. Заполыхали нежно-розовым абрикосы, выпустили свои медовые бутоны, а тут возьми да высунь свой красный нос мороз, вернулся, посмеялся над весёлой весной, выморозил, истерзал, измучил, за одну ночь убил. Падают, падают лепестки под чёрные корни деревьев, словно не было в природе зачатия. Побил мороз.

Схватки за новую жизнь. Схватки отторжения плоти от плоти. Новая жизнь отторгается от старой, породившей её. Новое оставляет старое, разрывает связи и связки, вырывается на свободу. Всё живое рождается с болью? Мёртвое не болит. Разрыв — это боль, разрыв — это новая жизнь, разрыв — выход в новую жизнь.

Под утро Марина заснула и вдруг слышит — к двери приближается детский крик.

— Как спали, барышня? Твой отец приходил.

— Где мой отец?

— Ушёл. Позаботился. Денег не пожалел, добрый, видать, тебя любит, — вошла нянечка с ребёнком на руках. — Лежи, лежи, дочка. Не вставай. Открывай сиську. Корми сына.

— Спасибо, — счастливо улыбнулась Марина и протянула руки к сыну, как к солнцу.

Первое кормление — это чудо, это сказка, это мука. Сосок выскальзывает у ребёнка из губ. Он сосит, сосёт и опять сосит, и засыпает.

Нянечка уносит малыша. Кормление закончено.

Через час в палату к Марине зашла врач:

— Хотите, чтобы ребёнок был с вами?

— Да! — обрадовалась Марина. — А можно?

— Теперь у нас всё можно, времена переменялись.

Поставили рядом детскую кроватку. Нянечка заправила её. И принесла сына.

— Если нужно будет перепеленать, сами не делайте этого, позовите кого-нибудь, — сказала врач. — Вот кнопка. Вызовите медсестру или нянечку.

Марина лежала и не сводила глаз с малыша. Смотреть на ребёнка, оказывается, самое большое счастье.

* * *

А к роддому подъехала Алла Павловна. Она не сразу вышла из машины: «Почему Марина в такой ответственный момент не доверилась мне? — пыталась она понять тайные пружины дочери, которую так любила. — Теперь я знаю... В её лице я просто соперница... И не просто соперница, а мать-соперница. Какой кошмар! Как жить?! Как я войду к ней в палату? Я и радоваться-то не могу. Всю жизнь не радовалась, а преодолевала тот испуг на балконе шестого этажа».

Вдруг Алла увидела, как мимо её затемнённых окон пробежал красивый белокурый молодой человек с цветами. Она залюбовалась им, какой-то луч счастья озарял его.

...И вот Марина услышала шаги — сердце радостно замерло. Она положила ребёнка в кроватку. В палату вошёл Алёша. Счастливый, удивлённый, стремительный, он почти подбежал к ней. И словно облака в небе рассеялись, и залил палату солнечный свет.

— Тихо, — она повисла у него на шее. — Тихо... Он только что уснул.

Нагнулся над малышом. Затаил дыхание. И огромное, непередаваемое счастье наполняло его сердце.

— Хочешь, я останусь на ночь? — тихо отошёл он от детской кроватки.

— Да ты что?! — Марина села на кровати, она

устала от забот и счастливой радости в этот день. — А можно?

— Для тебя всё можно...

— А мама?

— Я мужик! Я и решаю. Она меня уважает, как я решу, так и будет! Если ты захочешь жить у нас...

— А моя мама?

— Ты знаешь, я, кажется, видел её машину...

— Где?

— Здесь...

— Правда?

— Хочешь, я спущусь и поговорю с ней сам?

— А она меня простила?

— За что?! Да ты ей такого внука подарила! Да она с ума сойдёт от счастья!

— Правда?

— Ты мне веришь?

— Да.

И тут Алла Павловна не выдержала и, пере-
силавая слёзы, окончательно распахнула
дверь, бросилась к дочери.

— Мариночке нельзя волноваться! — рядом в
сиянии счастья стоял тот молодой человек, ко-
торого Алла видела через затемнённые окна.

— Мама, это Алёша... Мой муж.

— Да. Мне очень приятно, — прошептала
Алла.

— Я муж ваш... Не ваш... — смущался Алёша.
Марина смеялась и плакала.

Алёша обнял их обеих:

— Не плакать! Сегодня нельзя плакать!

— Мы... от счастья, — вытирала слёзы Алла.

— От счастья надо улыбаться. Вот как я.

Марина улыбнулась. Какое счастье! Ни тре-
воги, ни страха, когда все рядом.

А за окном весна. Небо чистое, ясное, бирю-
зовое. Голая ветка словно порозовела. И вни-
зу, там, где солнце, снега уже нет.

Надежда Митрофановна СЕРЕДИНА

Прозаик, публицист.

Окончила Воронежский государственный педагогический университет

и Высшие литературные курсы

при Московском литературном институте им. М. Горького.

Публиковалась в журналах «Москва», «Роман-газета. XXI век»,

«Мир женщины», «Подъём» и др.

Автор 25 книг, среди которых «Подростки», «Тайна личной жизни»,

«Чёрная птица на белой сирени», «Пленницы грехопадений».

Отмечена премией журнала «Мир женщины» (2001)

за лучший рассказ, лауреат областной премии им. И. Бунина (2002),

призёр 6-го Международного конкурса им. М. Волошина (2008).

Главный редактор газеты «Художественная литература и жизнь».

Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Валерий Николаевич ЧЕРКЕСОВ

*родился в 1947 году в городе Благовещенске
Амурской области.*

Автор восемнадцати книг поэзии и прозы.

*Печатался в журналах «Наши современники», «Москва»,
«Дружба народов», «Знамя», «Молодая гвардия»,
«Роман-журнал. XXI век», «Нева» и других.*

*Лауреат Всероссийской литературно-театральной
премии «Хрустальная роза Виктора Розова».*

Член Союза писателей России с 1991 года.

Собственный корреспондент «Литературной газеты».

**Валерий
ЧЕРКЕСОВ**
г. Белгород

НА РОДИНЕ

Александру Герасимову

1

Высокая осока,
А озеро — осколок
Предутреннего неба.
Я столько лет здесь не был!
А вот и воробьи.
Они галдят и спорят,
Они меня не помнят,
Они меня не знают...
Родимые мои!

2

Лишь боярышник остался,
Где белел когда-то дом...
Что ж я столько лет скитался
И зачем?.. Бурьян кругом.
Суетливая сорока,
Не кричи ты, ради бога.
Без упрёков — в горле ком.

3

Не приеду — не уеду,
Не приду и не уйду...
И вообще — меня здесь нету!
Ветер тронет лебеду,
Старый тополь раскачает,
Волны по реке погонит...
Здесь меня никто не знает
И, наверное, не вспомнит.

**«ОТЗЫВАЕТСЯ
ПЯЧЕМ ДУША...»**

* * *

Облака надвигались, над белым холмом кучковались,
превращались в лохматые тучи, на кручи дождём
неожиданным, резким, шумя и шурша, проливались
этим неповторимым, дарованным Господом днём.

Без громов и без молний хлестали и пенились струи,
чистотой омывая деревья, траву и цветы.
И подумалось: право, ну что разглагольствовать всею
о божественном? Вот снизошло с высоты.

ДВОЕ

Наверное, эти выходящие из леса старик и старуха
собирали грибы,
а в небесах кто-то стучит тупо и глухо,
словно кантует гробы,
прежде чем распределить их по назначению:
кому — какой.
А двое бредут по прохладе осенней
рука с рукой.
Им дела нет до забот Всевышнего —
каждому по заслугам воздать.
В кузовках опята, грузди и рыжики, —
будет с чем зимовать.

* * *

Памяти мамы

Пахнет полынь бедою,
ну а ромашка — радостью.
Как же они уживаются
на железнодорожном откосе?
Вдыхаю пьянящий запах,
доволен нечаянной малостью,
словно я молод и весел,
не сед, не печален я вовсе;
словно рассвет встречаю,
а не закат провожаю,
словно в доме белёном
ждёт не дожждётся родня.
Вот переезд миную
и на тропе повстречаю
соседку, она, наверно,
и не узнает меня.
Взойду на крыльцо, минуту
стоять буду до онемения,
конечно же, мама почувствует,
что возвратился сынок,
не зря же она спозаранку
блинов напекла и варенье
брусничное приготовила,
и высветлила порог.
Сейчас вот дверь откроется...
Пусть сон этот длится и длится!..

* * *

Печален день и листьев лёгкий звон.
Ступаю по натопанной тропинке,
И, серебрясь, кружатся паутинки,
И эхо — как протяжный тихий стон.
И каждая травинка говорит
О сущности земной, о смысле вечном
И о пути далёком бесконечном —
До высохших кладбищенских раkit.

* * *

— Это время разлада, распада!..
Ну чего, словно режут, кричишь?
За кладбищенской ветхой оградой —
умиротворённая тишь.
И пророчества, и витийства —
да не стоят они ни гроша
здесь, где шороху ивовых листьев
отзывается плачем душа.

* * *

...Старинная игра в слова.

С. Куняев

Для кого-то — игра, для кого-то — судьба,
а для кого-то и смерть...
Надо такие найти слова,
надо смель и уметь
их говорить, чтобы даже слепой
сердцем увидел — вот
над безразличной безумной толпой
Слово, как солнце, встаёт.

СТАРАЯ ЦЕРКОВЬ В РЯЗАНИ

Ступеньки гранитные в небо вели,
Теперь опускаются в недра земли.

И свет заревой об оконца,
Как алая бабочка, бьётся.

И свечи горят. И святые глядят,
Молчанием истины мне говорят.

Михаил БУЗИК

г. Санкт-Петербург

**С НОСТАЛЬГИЕЙ
ПО ДЕТСТВУ**

Часть первая
От Камчатки до Померани

От эмбриона до младенца

Некоторые учёные мужи пытаются убедить нас, обычных смертных, что возраст человека, а значит, и продолжительность жизни следует отсчитывать не с момента рождения, а от момента зачатия. Иные идут ещё дальше – жизнь человека длится не от первого крика младенца и до последнего вздоха умирающего, а простирается гораздо шире. Может быть, может быть... Кто знает, вполне возможно, что мы бессмертны и нет у нас ни начала, ни конца...

Но если иметь в виду наше конкретное, земное существование, возможно, эти учёные (про религиозных деятелей вообще молчу!) стараются доказать неверный отсчёт продолжительности жизни исключительно из гуманистических соображений? В случае победы этой идеи пришлось бы автоматически вводить всеобщий, тотальный запрет на проведение аборт, так как из всего этого вытекает, что аборт – это безусловное убийство. Впрочем, все мировые религии так и считают.

Но данная идея не является темой моих мемуарных записей, а упомянул я об этом лишь для того, чтобы подчеркнуть бесправное положение человеческих эмбрионов на нашей планете и, в частности, в канувшем в Лету Советском Союзе, в котором мне

повезло не только родиться, но и прожить сорок два года из моих более чем шестидесяти.

Итак, я стартовал в эту жизнь – иначе говоря, начал свое эмбриональное развитие – в Ленинграде, где проживали мои прабабушка, дедушка и две бабушки, многочисленные родные и двоюродные дяди, тёти, вскоре после того, как, вернувшись с фронта после победоносно завершившейся войны, папа в декабре 1948 года сочетался законным браком с моей мамой в загсе Дзержинского района. Случилось так, что обе мои бабушки и единственный на тот момент дедушка проживали в одном доме – №26 по Литейному проспекту, только в разных парадных и на разных этажах.

Развивался я нормально, так как мама регулярно посещала женскую консультацию и выполняла все рекомендации врача-гинеколога. В заживляющем глубокие блокадные раны городе к рождению детей относились очень трепетно, и моего появления на свет родные и близкие ждали с нетерпением. Но, как говорится, «всё было хорошо, пока не вмешался генеральный штаб». А вмешался он в моё безмятежное эмбриональное развитие тем, что в начале лета 1949 года принял решение направить моего папу, в то время гвардии лейтенанта Бузика Юрия Владимировича, для дальнейшего прохождения действительной военной службы в Дальневосточный военный округ, а точнее – на Камчатку.

Мой мудрый дедушка предложил решение, которое было единогласно поддержано обеими бабушками: маме остаться в Ленинграде, родить первенца в хорошем роддоме, с нормальными, квалифицированными врачами, дожидаться, пока ребёнок немного окрепнет, и уже потом отправляться к папе на Камчатку. Меня такое предложение бабушки очень даже устраивало, о чём я сообщил маме одобрительными ударами обеих пяток по стенке её живота.

Но моих родителей как моё мнение, так и мнение их собственных родителей мало интересовало. Они заявили, что у них, мол, любовь! Они не хотят надолго разлучаться и потому поедут на Камчатку вместе. Ну, и эмбрион (то есть я) поедет вместе с ними. При полном отсутствии малейшего проявления в семье (в широком смысле) принципов демократического централизма, проигнорировав предупреждения старших членов семьи о грозящей мне смертельной опасности вследствие низкой квалификации работников службы родовспоможения в далёкой стране гейзеров и действующих вулканов, мои родители отправились на Камчатку.

Таким образом, мне суждено было родиться не в героическом Ленинграде, а на заснеженной Камчатке.

Зенитно-артиллерийский полк, где служил папа, дислоцировался вблизи села Елизово.

Елизово, расположенное в тридцати двух километрах от Петропавловска-Камчатского, возникло около 1848 года как село Старый Острог. С 1897 по 1924 год посёлок назывался Завойко, а в 1924 году был переименован в Елизово – в честь командира партизанского отряда Георгия Матвеевича Елизова, погибшего на Камчатке в 1922 году. Удивительно, что в постперестроечный период Елизово, в отличие от Ленинграда, Свердловска, Горького, Калинин, Куйбышева и многих других городов России, сохранило своё название.

Ныне любознательные граждане могут прочитать в Интернете, что город Елизово и окрестности – один из наиболее благоприятных климатических районов Камчатки и что там с давних пор развито выращивание овощей и ягод, а в последние десятилетия успешно выращиваются плодовые культуры (яблоня, вишня, слива и другие). Хорошо бы авторов этих строк, утверждающих, что именно «с давних пор», отправить в Елизово конца сороковых – начала пятидесятих годов 20-го века, где из всех фруктов и ягод была только одна картошка, да и та большей частью сушёная.

Накануне моего рождения в Елизовском районе разыгралась сильная метель и единственную дорогу в областной центр замело. Добраться в Петропавловск-Камчатский, где был ближайший роддом,

стало невозможно. А схватки уже начались и не собирались прекращаться. Я настойчиво, несмотря на непогоду, рвался на свет!

Пришлось родителям расплачиваться за то, что не послушали советов старших товарищей. Папа начал искать решение проблемы и вскоре нашёл. Через особиста зенитно-артиллерийского полка он связался с особистом дислоцировавшегося поблизости 53-го смешанного авиационного корпуса, где имелся лазарет. За литр спирта договорились, что в лазарет маму примут, но только пеленки, постельное бельё и прочее необходимо привезти с собой. На каком-то гусеничном вездеходе через глубокие сугробы, под гнусное завывание пурги, маму доставили в лазарет – в лапы войсковых костоправов. Повезло дважды: во-первых, успели вовремя, а во-вторых, роды прошли без осложнений.

Таким образом, родился я ранним утром 25 октября 1949 года нормально доношенным, с живым весом 3600 граммов, в лазарете 53-го смешанного авиационного корпуса, в селе Елизово Елизовского района Камчатской области Хабаровского края в семье офицера Советской армии гвардии старшего лейтенанта Бузика Юрия Владимировича и домохозяйки Бузик (Соколовой) Маргариты Евгеньевны. И хотя в 1975 году село Елизово стало городом, по советским, а затем и по российским законам по месту рождения я так и остался пожизненно сельским парнем.

Кстати, в послевоенной истории СССР и России 1949 год был самым эффективным по количеству рождений: 3 миллиона 89 тысяч человек (30,5 рождений на 1000 человек населения). Только в 1954 году количество рождений ещё раз превысило 3 миллиона (3 млн 48 тыс.), но 1949 год превзойти не удалось до сих пор. И вероятность того, что это когда-нибудь произойдет, ничтожно мала.

Итак, одним из 3 миллионов 89 тысяч новорождённых стал я. Новоиспечённый отец, узнавший по телефону радостную весть, успел это дело отметить по старой русской традиции, а также раздобыть где-то по случаю бутылку молока для мамы первенца, поймать какого-то потенциального самоубийцу на мотоцикле (благо, к утру пурга стихла) и направился в лазарет. Правда, вылезая из коляски мотоцикла, уронил, видимо от счастья, молочную бутылку, и она разбилась. Молодая мать осталась без молока.

Начались суровые будни. В комнате, где проживали мои замечательные молодые родители, было постоянно холодно. Пеленать меня им приходилось под одеялом, при свете фонарика или на ощупь. Может быть, именно с тех пор я так боюсь щекотки?

Полуостров Камчатка район сейсмоопасный, и землетрясения там такое же частое явление, как

летом гроза или зимой пурга. Во время землетрясений, с началом которых начинал раскачиваться абажур под потолком и дребезжала на кухонной полке посуда, мама отработанными до автоматизма движениями быстро заворачивала меня в тёплое одеяло и выбегала на улицу, чтобы в случае обрушения ветхого от старости дома нас случайно не завалило или не покалечило бы какой-нибудь утыканной ржавыми гвоздями доской или куском штукатурки.

Видимо, назло родителям, пожизненно лишившим меня права называться коренным ленинградцем, я выжил. И даже подрос. Несмотря на суровые условия. И не только климатические, но и материальные. Фруктов, например, на Камчатке никто не видел, их туда в то время просто не завозили. Когда мама чистила картошку, я всегда выпрашивал одну и грыз её прямо сырую – как яблоко. Сами же яблоки первый раз я увидел только в трёхлетнем возрасте, когда родители впервые привезли меня в Ленинград, в отпуск.

«Розовое детство»

Первые два с половиной года моей жизни были вполне счастливыми: мама была здорова и практически всегда находилась рядом, надёжно защищая меня от всех жизненных невзгод и природных катаклизмов.

Родители, чтобы скрасить моё одинокое существование, а также для профилактики эгоизма решили сделать меня окончательно счастливым, для чего задумали по случаю «купить» мне сестричку. Или братика. Ну, чтобы абсолютно всем, включая кота Борьку, жилось веселей. С самого начала всё пошло не так, как должно было. Схватки неожиданно начались преждевременно, едва прошли семь месяцев маминой беременности.

А на календаре, как назло, было 1 мая, и вся страна от Камчатки до Бреста активно праздновала Международный день солидарности трудящихся, и потому всем было ни до чего остального. В героическом Бресте наш многонациональный народ ещё только собирался на праздничную демонстрацию, когда маму, в этот раз вполне благополучно, доставили в больницу районного центра села Елизаово. Но персонал родильного отделения уже настолько «на-солидаризировался» с трудящимися всего прогрессивного человечества, что там уже никого не ждали. От слова – «совсем». Изрядно пьяненькая акушерка, не удосужившись даже вымыть руки, явно не стерильные после длительного застолья, неохотно занялась родовспоможением.

Результат: из двоих родившихся детей, мальчика

и девочки, один ребёнок, мальчик, после полученной в результате безграмотных действий пьяной бабы родовой травмы головы, умер на второй день своей жизни. А мама получила шикарный «букет» болезней: крупозное воспаление лёгких, общее заражение крови и тромбофлебит глубоких вен... Всё, что называется, в одном флаконе. Около трёх месяцев она находилась на границе между жизнью и смертью. А мне было всего два с половиной года, а папа – командир батареи, в которой семьдесят пять человек личного состава. А две бабушки и дедушка – в далёком Ленинграде.

Правда, в гарнизоне существовали детские ясли, но ходить туда я категорически отказывался. Я всё время плакал и звал маму, которая в это время отчаянно боролась с атаковавшими её болезнями. Спасением в этой сложной ситуации стала возможность взять в дом ординарца, который (спасибо товарищу Сталину!) был положен командирам подразделений и частей от командира батареи (роты) и выше. Папа воспользовался этим обстоятельством, и в нашем доме поселился ефрейтор Захарчук.

На плечи ординарца легли не только хлопоты по уходу за мной, но и все домашние обязанности: топить печи, готовить пищу, убирать в квартире. А папа, порой забывая даже поесть, метался между больницей, батареей и домом. Иногда Захарчуку приходилось буквально заставлять его поесть. К счастью, протрезвевшим после Первомай врачам удалось спасти жизнь новорождённой девочке, которую назвали Татьяной, а потом пошла на поправку и мама. После её выписки из больницы Захарчук вернулся в казарму, и жизнь семьи пошла своим чередом.

Мама много времени проводила с сестрёнкой, и я порой чувствовал себя одиоко. Единственным существом, которое скрашивало моё одиночество, был кот Борька, который любил прикорнуть у меня в ногах, а когда не пребывал в объятиях Морфея или не играл со мной – отработывал кормёжку и постой, исправно охотясь на больших серых крыс, в изобилии проживавших в тесном соседстве с нашей семьёй.

Потом папе дали отпуск, и мы отправились в Ленинград. Сначала теплоходом до Владивостока, потом самолётом уже до Ленинграда. В дороге заболела Таня. Родившись семимесячной, массой чуть более полутора килограммов, она была очень слаба и подхватила двустороннее воспаление лёгких.

В Ленинграде сестрёнку сразу же показали врачу, и тот направил её в детскую больницу. Одну. А поскольку она ещё находилась на грудном вскармливании, то маме несколько раз в день на больных ногах нужно было ходить в больницу и кормить её.

Видя мамины мучения, дедушка, надев украшенную орденами и медалями полковничью форму, спешно отправился в это злодейское лечебное учреждение и добился, чтобы маму положили вместе с Татьяной, а также чтобы лечащим врачом у неё стал известный профессор-педиатр. Татьяну лечили долго. Так долго, что, пока она лежала в больнице, отпуск у папы окончился и он один вернулся на Камчатку. Служба! А мы с мамой остались в Ленинграде, у дедушки и бабушек.

Где-то в самом начале весны взрослые вдруг посуровели, заохали, заахали. Со второго на пятый этаж прибежала бабушка Наташа. Женщины что-то тихо обсуждали и плакали.

Уже много позже я узнал, что в тот мартовский день скончался И.В. Сталин.

А тогда я беззаботно сидел на подоконнике и с пятого этажа смотрел вниз, где по Литейному проспекту проезжали различные машины, автобусы, троллейбусы и трамваи. Смотреть на них я мог как угодно долго. Пока не позовут взрослые. С высоты разнообразный городской транспорт казался маленьким, почти игрушечным. Особенно любопытно было наблюдать за искрами, которые иногда снопами вылетали из-под токоприёмников трамваев и напоминали мне бенгальский огонь. Это было красиво и в моём сознании связывалось с Новым годом.

Татьяна поправлялась медленно и окончательно окрепла только летом. Тогда мама взяла билет на боковую полку в плацкартном вагоне (других не было) до Владивостока (конечной станции Транссибирской магистрали), и мы отправились на Камчатку. Во Владивостоке сели на теплоход, который прежде назывался «Кордильера», но после того, как СССР освободил его от немецко-фашистского рабства, было переименован в «Русь». Путешествие было длительным. Даже сейчас, при современных судах, оно занимает от пяти до семи суток, а тогда мы шли морем более недели. Погода в море была штормовая. Маму укачало, а Татьяна и по суше-то ходила ещё неуверенно. Потому они обе всё время лежали. Пришлось мне взять заботу о них на себя. Мама дала мне маленькую алюминиевую кастрюльку, и я отправился на камбуз за манной кашей для сестрёнки. Кок, большой и грозный, в белоснежном колпаке, строго глядя сверху вниз, спросил меня, почему мама сама не придёт за едой, и я ему объяснил, что маме плохо от качки, и тогда кашу мне выдали и в дальнейшем уже ни о чём не спрашивали.

В Петропавловске-Камчатском нас встречал папа. Но больше всего мне запомнился военный духовой оркестр, которым по тамошней традиции провожали и встречали каждый теплоход с материка. Я стоял на палубе, держась за леер, и смотрел вниз, где

на причале одетые в красивую военную форму музыканты исполняли военные марши. Больше всех мне понравился дирижёр. Я сразу понял, что он – самый главный. Только одно мне было не ясно: как ему удаётся одним только резким движением руки извлекать глухой, но короткий по продолжительности звук из воздуха? И этим он буквально очаровал меня. Большой барабан, в который колотил один из музыкантов, извлекая тот самый громкий и загадочный звук, я как-то и не заметил...

Знакомство со спиртным

Мне не было и пяти, когда я впервые попробовал спиртное. А дело было так. В суровые послевоенные годы Камчатский полуостров обеспечивался продовольствием главным образом морским транспортом. Понятно, что каждый килограмм груза требовал дополнительных транспортных затрат. При поставках спиртного снабженцы рассуждали просто: зачем возить на полуостров водку, если дешевле возить спирт, который потребители сами смогут разбавить водой до нужной кондиции. А посему водки в магазинах не было. Только чистый спирт.

И вот как-то раз офицеры и члены их семей весело гуляли по какому-то поводу. Компания уже спела не одну разудалую песню, когда я подошёл к маме и сообщил, что хочу пить.

Вставать из-за стола очень не хотелось, потому мама отправила сына на кухню: «Иди попей сам! Там на кухне в кружке вода». И я послушно отправился на кухню, взял со стола кружку. Правда, хлебнуть, к счастью, успел совсем немного. Первый же глоток обжёг горло, перехватил дыхание. Силился позвать на помощь, но не мог. По щекам не текли – водопадом лились слёзы. Судорожно глотая воздух, наконец-то обрёл голос и истошно завопил. На крик прибежали испуганные взрослые. Одни начали разбираться, кто оставил на столе кружку с неразведённым спиртом, другие оказывали первую помощь ребёнку, получившему не только физическую, но и моральную травму, кто-то отпаивал водой, а кто-то, видимо с учётом богатого личного опыта, предлагал закусить. Видя, что опасность миновала, они, на нервной, наверное, почве, даже развеселились. Всем стало весело. Кроме меня. И чем громче смеялись взрослые, тем сильнее я плакал. Мне казалось, они специально подсунули эту страшную огненную воду, а теперь, когда мне так плохо, смеются.

Этот случай стал одним из наиболее ярких воспоминаний, относящихся к периоду «розового детства».

Прощание с Камчаткой

В 1954 году пятилетний срок папиной службы на Камчатке полностью истёк, и мы стали собираться на материк. Сборы были недолгими, так как вещей у нас было немного. Вся неказистая, даже по тем временам, мебель была снабжена инвентарными номерами и принадлежала не нам, а воинской части. Только детские кровати были нашими, но и они, по доброй камчатской традиции, как переходящий приз передавались друзьям-сослуживцам из рук в руки.

В Авачинскую бухту, где был морской порт, нас привёз армейский грузовик. Мы с мамой и Таней сидели в кабине, и я внимательно смотрел на дорогу, в стороне от которой хорошо была видна Авачинская сопка, над заснеженной вершиной которой поднимался дым. В кабине было тепло, приятно пахло бензином, и я был непомерно горд от того, что еду в кабине настоящей военной машины.

Поскольку двух папиных рук для перетаскивания наших вещей было явно недостаточно, нас провожали два солдата с батареи, которой командовал папа. Они помогли нам подняться по крутому трапу на теплоход и занесли вещи в каюту. Наступила минута прощания. Папа что-то говорил солдатам, жал им руки. Я, глядя снизу вверх, вдруг увидел, что оба солдата, эти взрослые дяди, к тому же ещё и военные, плачут. Это ещё один эпизод, который запал в мою детскую память на всю оставшуюся жизнь, хотя значение его я смог оценить намного позже.

Из Владивостока мы летели самолётом военно-транспортной авиации до Куйбышева. Там жили несколько дней. А в итоге оказались в Луге, небольшом городке Ленинградской области в ста тридцати километрах от Ленинграда. В Луге папа прослужил что-то около года на 33-м артиллерийском полигоне, пока не получил назначение в Эстонию. Лужский период в моей памяти просматривается смутно. Помню только, что там я болел воспалением лёгких и ко мне регулярно приходила медицинская сестра – делала уколы, которые я мужественно переносил и даже не плакал.

Эстония

Мотострелковый полк, где зенитно-артиллерийской батареей стал командовать папа, располагался в закрытом военном городке неподалёку от мызы Вана-Нурси (хутор из нескольких хозяйств, где жили угрюмые и неприветливые эстонцы).

В Эстонии у меня появились первые обязаннос-

ти в семье: хлеб в наш военный городок привозили на хлебном автофургоне. И не каждый день. Поэтому, гуляя на улице, мы не забывали посматривать на дорогу, ведущую в наш городок от шоссе. Как только появлялась приметная старенькая полуторка, мы с криками: «Хлебка, хлебка!», обгоняя друг друга, мчались к магазину и занимали очередь. На наши крики мамы выходили из домов и ускоренным шагом шли к магазину, где принимали очередь от своих чад. Я терпеливо ждал, когда мама купит хлеб и другие продукты, и по мере своих сил помогал отнести их домой.

Семьи офицерского состава жили в деревянных одноэтажных домиках, где с каждой из сторон была одна квартира, включающая две комнаты и кухню. Почему-то в народе эти домики назывались «финскими». Все удобства были на улице, отопление печное, дровами, а пищу готовили на керогазе или керосинке. Но главным достоинством военного городка был свежий воздух! За этим к нам часто приезжали из Ленинграда бабушка с бабушкой Олей и бабушка Наташа.

В 1955 году, в возрасте шести лет, я дебютировал на большой сцене. В преддверии праздника Великого Октября в полковом клубе, как обычно, состоялся большой концерт художественной самодеятельности. Сначала выступал хор, в котором пели все жены офицеров и сверхсрочнослужащих, в том числе и моя мама. Потом шли различные номера: пляски, сольное пение, дуэты, декламация, интермедии и т.д. Не помню, кто меня сосватал в программу, но я, дошкольник, должен был читать большое и серьёзное стихотворение Сергея Михалкова «В музее В.И.Ленина», которое потом учили в школе: «В воскресный день с сестрой моей мы вышли со двора. «Я поведу тебя в музей», – сказала мне сестра....» Кто из бывших советских детей не помнит хотя бы первые строчки этого стихотворения?! Видимо, и я помнил, и неплохо декламировал, иначе не попал бы в программу концерта.

Но случился конфуз. Выйдя на большую сцену и увидев переполненный зрительный зал, все взоры которого были устремлены на меня, я испытал такой ужас, что забыл все слова. Напрочь. Молчал, переминаясь с ноги на ногу, пауза затягивалась, и тут услышал из-за кулис властный голос конферансье: «Читай! Читай!» Что делать? И с испугу я прочёл «на автомате»: «Идёт бычок, качается, вздыхает на ходу. Вот доска кончается – сейчас я упаду!»

После этого я, как учили, поклонился и скорым шагом покинул сцену. Дебют оказался провальным.

Первый раз – в первый класс!

Летом мы с мамой поехали в город Выру – устраиваться в школу. Мама предъявила мои документы, и меня без проблем зачислили в первый класс. После этого пошли по магазинам, купили школьную форму, портфель, тетради, карандаши, пенал и прочее для школы.

Итак, 1 сентября 1956 года я пошёл в первый класс русской средней школы города Выру Эстонской ССР. Точнее, не пошёл, а поехал, так как от нашего военного городка до Выру было целых одиннадцать километров. И потому в школу и обратно нас доставляли на большом автобусе, переделанном в дивизионном рембате из грузового американского студебеккера, оставшегося с войны от поставок нам бывшими союзниками по ленд-лизу. По дороге в школу мы обычно все дружно и самоабвенно распевали песни: пионерские, «По долинам и по взгорьям», «Орлёнок», «Песню о Щорсе» и много чего ещё, хорошего и патриотического.

В другом регионе СССР меня в пятьдесят шестом в школу вряд ли бы взяли, так как на 1 сентября мне не исполнилось семи. А в Эстонии – взяли. Таким образом, в 1957 году я успешно окончил первый и осенью пошёл во второй класс, где даже успел начать изучать эстонский язык. И упорно постигал его всю первую четверть.

Впервые – «за кордон»

Едва я успел окончить первую четверть второго класса и уйти на каникулы, как папа сообщил нам, что получил новое назначение: в ГСВГ (Группу советских войск в Германии). Даже проститься с одноклассниками и первой моей учительницей – Марией Дмитриевной, имя и образ которой я храню в памяти всю свою жизнь, возможности я не получил. Родители без меня забрали из Выруской школы мои документы.

Мы опять сдали на склад заинвентаризованную убогую армейскую мебель, собрали самые личные вещи, а остальное или продали, или просто отдали друзьям. После чего всей семьёй перебрались в Ленинград. Папа, оперативно попрощавшись со всеми, уехал в Германию, а мы с мамой остались у бабушки и бабушки ждать вызова, который папа должен был прислать с нового места службы.

Вторую четверть, после отшумевшего по всей стране сорокалетия Великого Октября, я начал и закончил в 182-й средней школе города Ленинграда, что на улице Пестеля, рядом со Спасо-Преображенским собором.

В конце декабря мама получила вызов из

ОВИРа. В ближайшем фотоателье мы с мамой и сестрой сфотографировались на заграничный паспорт и сразу же после Нового года отправились к папе в загадочную Германию.

В пограничном Бресте была пересадка, и я с нетерпением стал ждать момента, когда мы пересечём государственную границу СССР с Польшей. Мне казалось, что, как только мы переедем по железнодорожному мосту через пограничную реку Буг, за окном вагона что-то обязательно должно кардинально измениться. Другими должны быть деревья, небо, снег, птицы, дома и даже люди. Но поезд так быстро преодолел мост, что я едва успел заметить пограничные вышки, контрольно-следовую полосу и проволочные заборы. Мелькнул полосатый пограничный столб с польским орлом. За окном поплыла чужая, польская земля. Но в окружающем пейзаже почему-то ничего не изменилось. НИЧЕГО! Я был глубоко разочарован. Тоже мне, заграница называется. Польша меня не впечатлила.

Поезд замедлил ход и вскоре остановился. По вагону прошла проводница: «Пограничная станция Тересполь! Зайдите в купе и приготовьте документы!» Вскоре в вагоне показались польские пограничники. Да, они отличались от наших. В четырёхугольных фуражках-конфедератках, на погонах коричневых шинелей свободного покроя непонятные знаки различия. И хотя они пытались говорить по-русски, очень заметный акцент выдавал в них иностранцев. Я успокоился. Вот она такая, заграница!

Проверка прошла быстро, поляки покинули поезд, и он вновь тронулся, быстро набирая скорость. Какое-то время за окном были видны покрытые снегом поля, но вскоре и их, после коротких сумерек, скрыла опустившаяся на польскую землю ночная мгла. Мама отправила нас с Танькой спать.

Guten Tag, Германия!

Утром мы вновь пересекли государственную границу. На этот раз между Польшей и ГДР. Сначала проверяли поляки, потом – немцы. Я впервые видел живых немцев. Причём в ГДР почти полностью сохранили форму, которую носили солдаты вермахта. Такая преемственность не вызвала у меня уважения. Скорее наоборот.

В Германии, во Франкфурте-на-Одере, нас встречал радостный папа. Правда, в этот раз без оркестра. Немного отдохнув в гостинице, где папа успел показать нам немецкие деньги – марки и пфенниги, мы поели в железнодорожном ресторане (все ж/д рестораны в ГДР назывались одинаково: «Митропа»). Папа чувствовал себя уверенно. Он общался с официантом на немецком!

Во всяком случае, я считал, что на немецком, так как русскими произносимые им слова точно не были. Да и официант его понимал.

Потом, забрав из гостиничного номера свои вещи, мы сели в грохочущий, воняющий угольной гарью, сильно визжащий на поворотах жесткий и очень неудобный немецкий поезд. Очень отдаленно (больше по комфортности) этот поезд напоминал нашу пригородную электричку, но движим был большим дымящим и чадящим паровозом. Мы отправились в часть, где служил папа. За вагонным окном проплывала Германия, которую я тогда воспринимал исключительно как вражескую страну и тайно её люто ненавидел.

Нойвельцов

Третью четверть второго класса я учился в школе военного городка гарнизона советских войск Нойвельцов. Никаких немцев там и близко не было. Основным контингентом Нойвельцовского гарнизона были лётчики. Они были заметны издалека, так как, в отличие от других военных, носили фуражки с голубыми околышами и золотистыми крылышками на тулье, а также голубые петлицы на кителях и шинелях с красивыми эмблемами – парой маленьких золотистых крылышек с пропеллером посередине. Многие лётчики вместо шинелей щеголяли в куртках из тёмно-бурой кожи. В городке были свои магазины, в которых работали русские продавщицы, по улицам ходили русские женщины, на некоторых домах висели вывески и объявления – тоже на русском.

В компании мальчишек я любил бегать к аэродрому и через забор, преграждающий проход посторонним лицам к взлётно-посадочной полосе, заворожённо рассматривал самолёты. В солнечную погоду они ярко блестели плексигласом фонарей и серебром фюзеляжей. В выходные и праздничные дни полётов не было, и потому все самолёты ровными рядами стояли на серых бетонных плитах под бдительной охраной часовых.

Нойвельцовская школа запомнилась тем, что там меня приняли в октябрята, хотя произошло это как-то обыденно. Учительница объявила, что отныне мы все – внучата Ильича, а потому завтра должны прийти в школу с красными звёздами на рукавах, и сообщила, какого размера должна быть звезда. Мама указания учительницы выполнила аккуратно, и на следующий день я явился в школу как комиссар военной поры – с красной звездой. Вот и всё торжество.

Но окончить второй класс в этой школе мне не довелось.

Авиационный полк, аэродром которого прикрывал отдельный зенитно-артиллерийский дивизион, где папа командовал батареей, выводился в Союз. А дивизион, где служил папа, просто-напросто расформировывался. И папа получил новое назначение – командиром батареи в зенитно-артиллерийский полк танковой дивизии.

Нойштрелитц

Полк располагался в городе Нойштрелитц, где я в 1958 году и окончил заключительную, четвёртую, четверть второго класса – в восьмилетней школе №31 гарнизона советских войск. Средних школ в ГСВГ тогда не было. Они появились значительно позже, только в 1969 году.

Так и пошло: первое полугодие третьего класса я учился в небольшой школе на полуострове, носившем название Вустров, где в течение полугода папа проходил переподготовку на каких-то шестимесячных курсах. Там же, на Вустрове, меня приняли в пионеры. Правда, перед этим потрепали нервы. В классе было всего четыре ученика. Троица к началу учебного года, как и положено, уже исполнялось девять лет (пионерский возраст), и их стали готовить к торжественному приёму в пионеры, который был приурочен к Дню Великой Октябрьской социалистической революции. После уроков моих одноклассников оставили учить торжественное обещание: «Вступая в ряды Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю горячо любить свою Родину, жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия...», а мне учительница сказала: «Тебя принимать не будем, тебе ещё нет девяти. Иди домой!»

Было очень обидно, но в школе я сдержался. А дома дал волю слезам. Глядя на мои моральные страдания, папа пообещал поговорить с учительницей. И поговорил. Видимо, «на палочках» он доказал учительнице, что на момент приёма в пионеры мне исполнится полноценных девять лет и повода для моей дискриминации нет. Учительнице не оставалось ничего, кроме как изменить первоначальное решение. К моей огромной радости, 7 ноября при переполненном зрительном зале, на сцене гарнизонного Дома офицеров вместе с остальными одноклассниками меня торжественно приняли в пионеры!

После зимних каникул учёба снова продолжилась в Нойштрелитце.

Понятно, помотало меня в школьные годы изрядно – вслед за папой. Такова, наверное, кочевая судьба всех детей из семей военнослужащих того времени. Четвёртый класс – опять две шко-

лы: №31 в Нойштрелитце и №182 в Ленинграде. Пятый и шестой классы – школа №31, седьмой класс – снова №182, а потом опять №31. Восьмой класс – первая четверть в школе №31 и три последующих – в школе №33 в Фогельзанге, куда папу перевели осенью 1963 года.

Конечно же, основной в эти годы, так сказать – базовой, была школа в Нойштрелитце. В четвертом классе я впервые принял там участие в школьном спектакле: в пьесе Маршака «Петрушка-иностронец» мне была доверена главная роль, с которой я справился успешно и потому был приглашен в школьный драматический кружок.

В драмкружке я неизменно получал главные роли: в спектакле Аркадия Гайдара «Дым в лесу» играл главного героя – Володьку, в спектаклях Михаила Львовского «Димка в открытом море», «Димка-невидимка» и «Димка и чудо» – Димку. Все спектакли проходили на сцене гарнизонного Дома офицеров в г. Нойштрелитце.

Из игр у мальчишек того времени наиболее популярной была игра в войну. Оружие для этого не приобреталось в магазинах и не мастерилось из подсобного материала, а приносилось нами с городской свалки металлолома. Кроме ржавых винтовок, автоматов и пулеметов, там в изобилии находили и фашистские каски. Всё это «вооружение» с помощью керосина и наждачной бумаги заботливо очищалось нами от ржавчины, красилось и потом использовалось «в боях».

Жизнь в военном городке имела свои особенности. В каждой воинской части был свой клуб, где по выходным крутили кино. У нас, мальчишек, был выбор – в какой клуб пойти и что посмотреть. Иногда нас гоняли, но чаще позволяли проходить в кинозал, и мы располагались прямо на полу перед самым экраном. Сидячие же места закреплялись за ротами и батареями. Если же оставались свободные места, солдаты не возражали против нас.

В летние каникулы мы сами себе придумывали занятия. В хорошую погоду с утра до вечера пропадали на озёрах. В окрестностях военного городка их было целых три. Озеро Циркер, самое большое по площади, располагалось на окраине Нойштрелитца. Именно там, в компании своих друзей, я научился плавать. Два других озера, немецкие названия которых нам были неизвестны, мы называли по месту их расположения: Лесное (находилось в сосновом лесу, километрах в двух от военного городка) и Домо-офицеровское. Столь длинное название объяснялось тем, что на высоком берегу этого озера, в самом городе, в большом старинном здании, располагался гарнизонный Дом офицеров. Озеро было небольшое, но очень глубокое. Дно понижалось так

круто, что буквально в трёх метрах от берега даже взрослый человек уходил под воду с головой. Такая глубина органично вписывалась в легенду о том, что во времена фашистской Германии в здании ДО располагалась школа немецких подводников, а на дне озера якобы до сей поры покоится затопленная нашими войсками при взятии Нойштрелитца подводная лодка, на которой курсанты школы проводили практические занятия.

В Доме офицеров тоже демонстрировались художественные фильмы, куда без билетов уже не пускали. Но для школьников билеты были дешёвые – всего 50 пфеннигов. Причем там не нужно было, как в солдатском клубе, сидеть на полу и слушать пересыпаемые ненормативными лексическими оборотами комментарии бойцов к отдельным эпизодам фильма. Также в Доме офицеров проводились концерты, торжественные мероприятия, смотры художественной самодеятельности, новогодние ёлки и т.д. Там же игрались школьные спектакли. На одном из этажей располагались детская музыкальная школа, бильярдная, столы для настольного тенниса. Прокат стола стоил недорого, и я, чаще всего со своим одноклассником Сашкой Портянченко, ходил туда играть в настольный теннис.

А ещё мы с ребятами любили ходить на стрельбище, и, когда там не было боевой стрельбы, мы собирали пули, из которых дома на газовой плите выплавляли свинец – он потом шел на отливку всяких интересных штукун с помощью песчаных форм.

Но больше всего я любил ходить на «точку». Нет, это не «точка», где в нынешние времена собираются «жрицы любви». «Точкой» называлась расположенная в полутора километрах от городка оборудованная в инженерном отношении огневая позиция зенитно-артиллерийской батареи, которая находилась на боевом дежурстве. Поскольку мой папа был командиром батареи, то, когда возглавляемая им батарея на месяц заступала на боевое дежурство, я часто приходил на «точку». Там было очень интересно! Солдаты разрешали мне посидеть на местах наводчиков орудия и покрутить механизмы вертикальной и горизонтальной наводки. При вращении механизма горизонтальной наводки пушка вращалась, как карусель! На «точке» солдаты научили меня разбирать и собирать автомат АК-47, заводить АТЛ (артиллерийский тягач легкий). Там я узнал, что такое ПУАЗО (прибор управления артиллерийским зенитным огнем) и что такое СОН (станция орудийной наводки). На «точке» была своя столовая, и иногда меня приглашали там отобедать. Солдатская пища мне, мягко говоря, не слишком нравилась, но ржаной хлеб, выпекаемый хлебозаводом дивизии, шел за деликатес. И компот из сухофруктов, кисель из

брикетов тоже были вкусные, потому что варились тут же, в столовке, и весь положенный сахар честно закладывался в котёл. А ещё на «точке» подвизались собаки! Нет, не породистые караульные, а простые дворняги. Крупные и злобные по отношению к чужим и добрые и ласковые к своим. Я у них быстро стал своим и любил с ними повозиться.

Закалка характера, или Русские не сдаются!

Яучился уже в седьмом классе в Нойштрелитце, когда школу облетела сногсшибательная новость: в танковом городке (а мы жили именно там) организуется секция бокса!

Более трёх десятков мальчишек побежали записываться в создаваемую секцию. Я почему-то не очень любил, когда бьют по морде, но сработал присущий большинству стадный инстинкт, и я тоже записался. Возглавлял секцию сержант срочной службы, чемпион Сибири по боксу, перворазрядник Терёшин. Следует отдать должное командованию, кандидатура тренера была подобрана очень удачно. Терёшин был не только хорошим спортсменом, но и хорошим человеком, и воспитателем от бога.

Первые полгода всё шло отлично. Было много общефизической подготовки: мы бегали кроссы, прыгали через скакалку, поднимали штангу, подтягивались на перекладине. Остальное время уходило на разучивание ударов, отработку стойки, приёмов защиты, «бой с тенью» и так далее. Никаких контактов, никакого мордобоя. И вот настал день, когда тренер будничным голосом объявил, что на следующей тренировке начнётся боевая практика, и пояснил: будем работать в парах и проводить бои-спарринги. Не в полную силу, но всё-таки бои!

Объявление тренера было воспринято эмоционально, многие выражали радость по поводу того, что наконец-то займёмся делом. Правда, человек десять-двенадцать на следующую тренировку не пришли. И на последующие тоже. И у всех нашлись какие-то серьёзные причины. Я их прекрасно понимал. Мне тоже не хотелось, чтобы меня били по лицу и по печени. Но больше всего я боялся, что обо мне будут говорить, что я струсил. И я мужественно продолжал ходить на тренировки и получал как по морде лица, так и по печени. Правда, и сам тоже бил и иногда попадал...

Наконец тренер объявил, что через десять дней будут проведены соревнования на первенство школы по боксу. Внешне я солидаризировался с теми, кто изобразил бурную радость по этому поводу, но в душе моей появился неприятный холодок. Стало страшно. Спарринги спаррингами, а

настоящие бои в полную силу как-то не настраивали меня на оптимистический лад.

В спортивном зале мотострелкового полка установили настоящий боксёрский ринг, и несколько спаррингов мы смогли провести на нём. Ещё половина нашей секции под различными предложениями перестала ходить на тренировки. Осталось человек двенадцать-четырнадцать. И тут уж заботливый внутренний голос стал мне настойчиво нащёптывать: «да не ходи ты на эту секцию, побьют ведь». Но я опять испугался прослыть трусом и упорно продолжал ходить.

Мама выделила мне деньги на экипировку, и я купил синие боксёрские трусы с широкой белой резинкой на поясе, синюю майку с белой окантовкой, специальные бинты для рук и высокие белые носки.

В последний момент у меня реально появилась спасительная возможность красиво уклониться от участия в зубодробительных соревнованиях: по результатам взвешивания выяснилось, что я на пять с половиной кило легче ближайшего ко мне по весу соперника, и тренер предложил мне отказаться от участия в боях. При этом меня ещё и провозгласят чемпионом школы в своей весовой категории ввиду отсутствия соперников. Ух, как это было соблазнительно! Но если бы тренер не предложил, а просто объявил свое решение. А так... Короче, я не согласился стать чемпионом без участия в соревнованиях. И за три дня соревнований провёл три боя. Все три – с восьмиклассниками, которые превосходили меня физически. Прежде всего по мышечной массе. Первый бой я проводил против Колотова. С незначительным преимуществом, после довольно продолжительного совещания судей, победу отдали Колотову. При этом я пропустил удар по лицу, из моего выдающегося носа (выдающегося в том смысле, что он выдавался вперед больше, чем у других, и поэтому попасть по нему не составляло особого труда) сочилась кровь. Но я сумел продолжить бой и продержался до конца.

Дома, увидев окровавленное полотенце, мама стала настойчиво уговаривать, даже требовать, чтобы я прекратил участвовать в соревнованиях. Но – русские не сдаются!

Второй бой, с восьмиклассником Кошаниным, я тоже проиграл по очкам. И вновь принёс домой окровавленное полотенце. За сутки нос просто не успевал зажить.

На третий день соревнований, в присутствии одноклассников и, что немаловажно, одноклассниц (в этом же спортзале занималась секция спортивной гимнастики, и девчонки наблюдали за соревнованиями), в бою с восьмиклассником Якуниным мною наконец-то была одержана долгожданная победа!

На следующий день весь класс поздравлял меня с этой победой, а я был горд, что прошёл все соревнования до конца и не уступил, прежде всего сам себе.

На этом мои занятия боксом прекратились. В носу началось какое-то нагноение, и летом, когда семья проводила в Ленинграде очередной папин отпуск, мама повела меня к ЛОР-врачу. Врач, внимательно осмотрев меня, поинтересовалась, не били ли меня по носу? Не успел я открыть рот, как мама подробно рассказала доктору о моей неудачной спортивной карьере. После чего был объявлен диагноз – трещина в носовой перегородке с искривлением (нос слегка сдвинут в сторону) – и озвучены мои дальнейшие перспективы. Хорошо поставленным голосом врач поведала, что продолжение занятий боксом приведет к необходимости делать операцию по удалению носовой перегородки, после чего я останусь со своим «выдающимся» носом, и новый нос у меня будет как у негра – плоский и широкий. На все лицо. Меня подобная перспектива не прельстила. Я никогда не обольщался насчёт своей внешности, но нос негроидного типа на белокожем лице мне показался неуместным, хотя я и не расист. И я под давлением родителей и поддерживавших их бабушек и дедушки принял решение расстаться с боксом и остаться, в буквальном смысле, с носом. С тем «выдающимся» носом, каким меня наградила природа и к которому я как-то уже привык.

Быстро пролетели летние каникулы, начался восьмой класс. Секция бокса захирела как-то сама собой. Все бывшие восьмиклассники уехали продолжать учёбу в Союз, а из восьмиклассников нынешних остались только трое: я, Коля Семёнов и Валера Королёв. Ну какая тут секция?

В разведывательном батальоне дивизии (разведбате) одна из рот по штату имела на вооружении мотоциклы. Более того, там базировалась сборная нашей танковой армии по мотоциклетному спорту, в которую входили опытные спортсмены-мотоциклисты, выступавшие на групповых и всеармейских соревнованиях (в те годы в армию призывали с девятнадцати лет, а служили в ней три года).

И вот, чтобы занять чем-то офицерских деток, там неожиданно объявили набор в мотоциклетный кружок. Я, конечно же, записался в числе первых, тем более что разведбат находился буквально в каких-то двух сотнях метров от дома, где мы жили.

На занятиях кружка мы изучали устройство мотоцикла, правила дорожного движения, а в конце октября начались занятия по вождению мотоцикла К-750! Мотоцикл тяжёлого класса, с коляской. Пулемёты с мотоциклов предусмотрительно носили. Мало ли что...

Вождение мне нравилось больше всего, но счастье моё было недолгим.

Фогельзанг

Как всегда, пришёл домой папа и сообщил, что его переводят в 25-ю тяжёлую танковую дивизию, местом дислокации которой является Фогельзанг.

Засим папа откланялся и уехал к новому месту службы, пожелав нам с Татьяной успехов в учёбе и дав завершить первую четверть в 31-й школе Нойштрелитца. А в осенние каникулы папа приехал за нами на грузовой машине, мы погрузили в неё весь свой нехитрый скарб и переехали в Фогельзанг, где я продолжил учёбу в восьмилетней школе №33. А там самым популярным видом спорта был баскетбол. И я, имея к тому времени рост 185 сантиметров, занялся баскетболом.

В Фогельзанге я, самым последним в классе (опять же из-за возраста), был принят в ряды Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза молодежи, чем очень гордился.

Класс был дружным, встретили меня хорошо, что неудивительно. Все ученики, как и в других школах ГСВГ, были детьми военнослужащих и, как и я, привыкли к переездам родителей и связанной с ними сменой школ. Так что появление в классе новенького не являлось событием вселенского масштаба.

Для проживания папе выделили целый коттедж! На первом этаже были две смежные комнаты, ванная, туалет, кухня и веранда, а на втором – какие-то кладовки и одна маленькая комната (чуть больше вагонного купе по площади). Эту комнатку отделили мне. Я был счастлив, так как это была первая в моей жизни отдельная жилплощадь!

Рядом с нашим коттеджем располагался пруд, где разводили карпов, далее – спортзал и за ним, на окраине леса – свинарник одного из полков. Свинарник был примечателен тем, что при нём обитал конь. Да, настоящий живой конь, на котором возили отходы из солдатской столовой для пропитания свинюшек, хряков и их детей – поросят. У меня возникли дружеские отношения с обслуживающими эту свиноферму солдатами, и в один из выходных дней мне предоставили коня для верховой прогулки по лесу.

Взобраться на пожилого мерина мне помогли солдаты, и я, гордый и счастливый, направил коня на грунтовую дорогу, уходящую в лес. Из всей упряжи на морде коня были только уздечка и повод, который я держал в руках. Седла не было, я сидел непосредственно на спине мерина, и мои ноги свободно свисали вдоль его упитанных боков. Всё шло замечательно: конь спокойно шагал по лесной до-

роге, пели птички (Фогельзанг в переводе с немецкого – птичье пение). Через четверть часа я уже почувствовал себя классным наездником и смело решил прибавить ходу. Но поскольку пришпорить коня из-за отсутствия шпор я не мог, то воспользовался инструкцией, полученной от солдат: покрутил над ухом чинно вышагивающей лошади повод. Реакция коня была удивительно быстрой. От мерного шага он перешёл на бег. Затрудняюсь сказать, что это было: аллюр три креста, рысь, галоп, намёт или ещё что-то, но очень скоро я почувствовал, что сползаю с лошади набок. Натянув повод и закричав «Тпру!», я несколько замедлил ход моего «транспортного средства», но не скорость своего падения. Одновременно с полной остановкой коня я свалился с него на землю. Глаза у немало пожившего мерина были добрые, умные и печальные. Он снисходительно смотрел на меня, и немой вопрос «ну что же ты, дурачок?» читался в этом взгляде. Я взялся за повод и, увидев неподалёку пень, подвёл к нему коня. Взобравшись на пень, я попытался вновь усестись на его широкую и тёплую спину, но это никак мне не удавалось. Конь старался отойти в сторону, и мне после каждой неудачной попытки приходилось вновь подводить его к пню. Наконец животному это надоело и он, как только я слегка ослабил повод, мотнув головой, вырвал его из руки и бодренько потрусил в лес.

На свинарник я возвращался пешком в расстроенных чувствах. А вдруг конь сбежал в лес навсегда? Как я буду объясняться с добрыми солдатами, предоставившими мне возможность прокатиться верхом на лошади? Но, к моей радости, старый мерин как ни в чём не бывало стоял возле корыта и бессовестно жрал какие-то пищевые отходы. Тогда я понял, что кавалерия – это не моё...

Именно в восьмом классе я принял самое главное в своей жизни решение. Я твёрдо решил, что стану офицером Советской армии. И никем другим! Не было ещё ясности с родом войск, но главное было определено: только военная служба.

Наиболее запомнившимся событием моей фогельзангской жизни стало окончание восьмого класса. По двум причинам.

Причина первая. Прекрасным апрельским утром я в компании Юрки Чувашова и Игоря Люпы шёл в школу. Чудесная погода никак не настраивала на учёбу, и мы после короткого совещания единогласно приняли решение в школу не ходить, а пойти на Хафель. Хафель – это судоходный канал, который протекал через всю Германию, соединяя между собой десятки озёр. У одного из шлюзов проживал пожилой немец, у которого была лодка. Как и большинство пожилых немцев в те годы, он был

участником войны и после её окончания проходил перевоспитание в советских лагерях для военнопленных. Видимо, применяемая в тех лагерях методика перевоспитания была эффективной, поскольку прошедшие через эти лагеря граждане новой Германии, во-первых, очень хорошо относились к русским вообще и к русским детям в частности, а во-вторых, они неплохо знали русский язык. Короче, перевоспитанный немец охотно предоставил нам вёсельную лодку, и мы, счастливые и довольные, отправились в увлекательное путешествие по Хафелю.

Домой я пришёл позже обычного, а на мамин вопрос: «Что так поздно?» ответил, что после уроков мы возле школы играли в волейбол. «Что так лицо у тебя загорело?» – продолжила допрос мама. И этот вопрос меня не смутил: «Так я сижу у окна, а сегодня оно было открыто. Напекло».

На этом, как я решил, всё и закончится. Папы ведь уже несколько недель не было дома. Вместе с полком он был на полигоне на практических стрельбах. Но мама сумела-таки испортить мне настроение, сообщив, что папа приехал, полк выгружается на железнодорожной станции и папа скоро будет дома. Я понял, что попался.

Несмотря на незаконченное педагогическое образование (папа учился уже на пятом курсе Ленинградского пединститута им. Герцена), в моём воспитании он не использовал современных педагогических приёмов, а довольствовался старыми, но хорошо проверенными. Проще говоря, порол меня и в качестве воспитательного средства, как потомственный военный, использовал портупею. Не буду подробно описывать эту осуждаемую нынешней демократической общественностью практику, дабы не быть обличённым в пропаганде насилия.

Основные события развернулись на следующий день. Оказывается, наше отсутствие было замечено классной дамой, и не успел прозвенеть звонок на первый урок, как она повела нас всех троих к директору. На вопрос, почему нас не было в школе, мы ответили домашней заготовкой: «Мы были в медсанбате на медицинской комиссии, так как хотим поступать в Суворовское училище».

Не прокатило. Директор школы, опытный мужик, прямо при нас позвонил в медсанбат, где ему сказали, что медкомиссия работает только два дня в неделю и что как раз вчера её и не было. И тогда директор снова начал звонить и вызывать в школу наших отцов.

Отец у Игоря Люпы был не родной. Отчим. И, может быть, именно поэтому его не пороли. А у нас с Юркой отцы были родные. И папин педагогический лозунг был очень старорежимным: «Или убью, или человеком сделаю!» Наверное, он перенял его у деда

Каширина, который подобным образом воспитывал своих внуков, не щадя даже самого Алёшу Пешкова. Правда, второго Горького из меня не получилось.

В общем, вечером нас с Юркой выдрали как сидоровых коз. Чем же примечателен этот случай? Тем, что на этом практика экзекуций в отношении меня прекратилась. Нет, вовсе не потому, что папа перешёл на шестой курс и узнал что-то новое в своём педагогическом институте. А потому, что я вырос. И когда в очередной раз папа замахнулся на меня, чтобы ударить, я перехватил руку и, крепко сжимая его запястье, твёрдо сказал: «Хватит! Больше ты меня бить не будешь!» И в оставшиеся два года моей «домашней» жизни физические наказания были отменены.

Второе запомнившееся событие – прощание с детством. После выпускного вечера командование дивизии организовало для нас трёхдневную экскурсионную поездку в Дрезден. Были выделены два автобуса «Прогресс», и по автобану (автострада по-нашему) мы отправились в этот, тогда ещё полуразрушенный войной, город. Никакой другой город Германии не подвергался таким жестоким бомбардировкам, как Дрезден. Наши славные «союзники», уничтожая мирное население этого старинного города, скорее всего старались запугать (на будущее) нас, демонстрируя мощь своей авиации. В 1964 году, почти через два десятилетия после окончания войны, в Дрездене не было ни одной целой улицы. Разрушенные стены домов с пустыми глазницами окон, с торчащей ржавой арматурой вызывали жалость.

За два дня мы посетили знаменитую Дрезденскую галерею, Музей санитарии и гигиены, Музей железнодорожного транспорта, Музей фарфора, Городской парк, ещё что-то. Две ночи мы ночевали в небольшой гостинице при военной комендатуре дрезденского гарнизона, занимая несколько больших комнат по несколько человек в каждой. Подолгу не засыпали, что-то бурно обсуждали, кричали и визжали, дрались подушками. Это уходило наше детство. Нам всем предстояло расстаться – практически навсегда. Кого-то отправляли в Союз в интернат, кого-то к родственникам, кто-то поступал в средние учебные заведения.

Меня же после окончания восьмого класса папа, который ехал на очередную летнюю сессию в свой пединститут, отвёз в Ленинград и оставил там для продолжения учёбы у бабушки Наталии Владимировны, дяди Владимира Владимировича и тётки Елены Илларионовны Бузик.

Так закончились мои многолетние скитания по военным городкам.

Сиротско-ленинградский период

По Сергею Ивановичу Ожегову, сирота – это несовершеннолетний, у которого умер один или оба родителя. Мои, слава богу, были живы. Но находились от меня через две государственные границы, за тысячи километров. Даже позвонить не было возможности. Чем моё положение отличалось от сиротского? Бабушка Наташа меня очень любила и заботилась. Но родителей-то рядом не было.

Большую часть лета я занимался тем, что осваивал игру на семиструнной гитаре. Несколько аккордов мне показал дядя Володя (папин старший брат), а дедушка, Евгений Фёдорович Соколов, тоже игравший на семиструнной гитаре, научил исполнять маленькую музыкальную пьесу. В июле семья Бузиков переехала с Литейного проспекта, где прожила почти двадцать лет, в новенькую отдельную трёхкомнатную квартиру в «хрущёвке» на улице Костюшко. Таким образом, я оказался в Московском районе. Чем мог, я помогал бабушке и дяде с тётей: вешал люстры, бра, зеркала и полки, врезал замок во входную дверь, установил вентилятор на кухне и сделал ещё много разных мелких, но необходимых дел. Ходил в магазин за продуктами.

Все считали меня достаточно взрослым и самостоятельным, поэтому устраиваться в школу я должен был сам. Прихватив своё школьное личное дело, аттестат о восьмилетнем образовании, я отправился в РОНО Московского района Ленинграда, где мне выдали направление в школу, которая была расположена за Московскими воротами. Это очень далеко от улицы Костюшко, где обжигали только что полученную квартиру Бузики. В Московском районе было много школ, расположенных гораздо ближе, но разве я мог спорить с большими дядями и тётями? Что дали, то дали.

С направлением из РОНО я отправился в школу, где собирался учиться. Но на выходе из школы, прямо в вестибюле, меня встретила разнокалиберная группа подростков численностью более десяти человек и, не тратя время на прелюдию, просто-напросто меня избила. К счастью, до начала избиения я стал спиной к стене, и, наверное, это позволило мне не упасть, но помутнение сознания было. Когда заслаивший глаза туман рассеялся, я увидел своих обидчиков, которые что-то мне говорили, а потом вложили в руку листок с направлением на медкомиссию, который я получил минутами ранее в канцелярии школы, и, выведя на крыльцо, пожелали счастливого пути.

Добравшись до ближайшего туалета я как мог привёл себя в порядок, смыв кровь с разбитого ли-

ца и одежды, и вернулся на Костюшко. Желание учиться у меня пропало. Надолго. А учиться в этой школе – навсегда. Даже номер этой поганой школы моя память не сохранила. Наверное, выбили.

1 сентября, наряженные и наглаженные, с букетами и портфелями, со счастливыми улыбками на загорелых лицах, все советские дети дружно пошли в школу. Все, кроме меня. Я лежал на диване, ощупывал покрытое лилово-жёлтыми синяками лицо, вспоминал находящуюся за тысячи километров от Ленинграда семью и проклинал свою нелегкую сиротскую долю.

Через пару дней Елена Илларионовна Бузик, или просто тётя Ляля, взяла отгул на работе и солнечным осенним утром вместе с племянником отправилась в РОНО Московского района.

Довольно быстро она оказалась в кабинете какого-то чиновника от образования и изложила ему суть проблемы. В качестве доказательств были предъявлены успевшие пожелтеть следы побоев на моём лице и выданный в школе бланк со следами моей же крови. Несмотря на очевидные улики, с головой изболбавшие хулиганов, ровновский дядечка начал выстраивать свою версию происшествия: я наверняка, и в этом он был глубоко убежден, пристал к какой-нибудь девочке, а хорошо воспитанные местные мальчики просто заступились за объект моих откровенных домогательств. То есть – я сам виноват. А потому я должен отправляться в ту школу, куда направили, так как в других школах мест нет. Тяга детей Московского района к знаниям так велика, что все средние школы переполнены.

Но тётя Ляля не для того отпрашивалась с работы, чтобы уйти ни с чем. Разгорелась полемика по поводу будущего места учёбы племянника, в ходе которой ни одна из сторон не желала уступать. И тогда тётя Ляля достала из рукава последний козырь: «Если вы не хотите решить мой вопрос, то я обращаюсь в соседнее здание. Может быть, там меня поймут и помогут». А в соседнем здании, на которое очень толсто намекнула тётя Ляля, располагался Московский районный комитет КПСС. Видимо, дядечке это было хорошо известно, потому что он как-то очень быстро сник и со словами: «Ну зачем вы так?» написал бумажку-направление в другую школу.

Школа для «ненормальных»

Несколько позже выяснилось, что тёти Лялина победа была пиррова. Вместо того чтобы дать направление в обычную школу, дядечка из РОНО направил меня в школу для «ненормальных». Если

за норму считать способности, присущие подавляющему большинству учеников, то любое отклонение в ту или иную сторону от нормы – ненормально. Если бы он направил меня в школу для умственно отсталых (сейчас говорят – «корректирующую»), то я бы там, несомненно, стал круглым отличником. Но моей новой школой оказалась 366-я образцово-показательная, физико-математическая средняя школа Московского района. Там меня встретили хорошо. В том смысле, что никто ни разу не избил и даже не обругал. Но название «физико-математическая» оказалось далеко не пустым звуком. Эти дисциплины изучались там по специальным программам, включавшим в себя уже с первой четверти элементы высшей математики из программы технических вузов. В этой странной школе не было классов с первого по восьмой. Только девятые, десятые и одиннадцатые. Количество классов было непривычно большим. Меня направили в 9«к» класс, который не был последним, так как были еще и 9«л» и 9«м» классы. Учениками школа комплектовалась из выпускников восьмых классов всех районов города. В неё отбирались имеющие математические способности, призёры городских олимпиад по физике и математике, участвующие в занятиях математических кружков. И вот в такое окружение попал я, у которого по алгебре за восьмой класс была твёрдая тройка с плюсом. Нет, я не был слабым учеником, и тройка по алгебре была чуть ли не единственной, но математическими способностями я точно не блистал и в обычной школе. Мне легко давались гуманитарные дисциплины, а из точных я любил и хорошо знал геометрию, неплохо разбирался в физике, но алгебра...

В этой заумной школе у учащихся не было даже дневников. Вместо них выдавались зачётные книжки, где на каждый предмет отводилось несколько страниц, на которых фиксировалась текущая успеваемость. Итоговые оценки выводились не за четверть, а за полугодие. Кроме того, как и во всех средних школах СССР того времени, в 366-й существовало производственное обучение. Один день в неделю был отведён исключительно под производственную практику, где без различия по полу все учащиеся овладевали профессией токаря. А ещё, как и все школьники того времени, по воскресеньям учащиеся выезжали на природу, где занимались уборкой картофеля. Свой пятнадцатый день рождения, который пришёлся на воскресенье, я встретил на картофельном поле.

А ещё я записался в секцию баскетбола, регулярно посещал тренировки и был включён в сборную школы по баскетболу, в основном составе которой выступал на первенстве Московского района Ле-

нинграда. Попастъ в сборную этой школы было не сложно, так как большинство физиков-математиков были слабо развиты в физическом отношении. Словом, «ботаники».

Я сумел отличиться по литературе. Моё сочинение было зачитано перед всем классом, учительница объявила его лучшим, поставила пятёрку. Потом, уже наедине, попросила переписать сочинение начисто, так как в нём было две ошибки, и сказала, что оставит его в школе в качестве образца, как нужно писать сочинения. Конечно, это было приятно, но не ново. Я и раньше отлично писал сочинения и удостаивался публичных похвал от учителей, но школа-то была физико-математической. По физике и математике к началу ноября у меня были одинаковые результаты. Стабильность – признак мастерства. Но это в спорте. А в школе по каждому из этих предметов я имел по четыре двойки!

И ещё одну двойку я имел по немецкому языку. А подвела меня слепая вера в науку. В свой сиротско-ленинградский период я не забывал и дедушку с бабушкой, которые по-прежнему проживали на Литейном. Дедушка выписывал журнал «Наука и жизнь», и в одном из номеров я прочитал жутко интересную статью об успехах отечественных учёных в области обучения во сне. Поэтому, когда я получил на дом задание выучить басню «Гусь и Соловей» на немецком языке, то долго не напрягал свою память, а просто трижды подряд записал её на магнитофон и проинструктировал тётю Лялю, которая работала во вторую смену, что нужно сделать. Тётушка выполнила всё так, как я её просил. Однако у магнитофона «Альдас» было клавишное управление, и когда с грохотом включилось воспроизведение, я проснулся. Трёх прослушиваний мне хватило как раз на двойку... С тех пор моя вера в науку была несколько подорвана, и опыты обучения во сне были прекращены навсегда.

Избавление от школы для «шибко умных» пришло неожиданно. В первых числах ноября вся наша семья появилась на Костюшко, так как папа получил очередное новое назначение – в город Сортавалу Карельской Автономной Советской Социалистической республики.

Что меня ждало за очередным поворотом?

Часть вторая «Долго будет Карелия сниться»

Сортавала

В Сортавале я вышел на финишную прямую школьного марафона.

Поначалу Сортавала нас не впечатлила. С ноябрьского неба, затянутого непроницаемыми серыми облаками, уныло и нудно лил дождь. И вообще всё вокруг было серо, сыро и сыкотно. Да нам было и не до красот – нужно было обустроиваться на новом месте. У папы имелся адрес, где нам предоставили жильё, и вскоре мы оказались на улице Горького, в квартире с двумя небольшими комнатами, маленькой кухней и с печным отоплением.

В последующие два дня наша необъятная страна активно и «всенародно» праздновала очередную годовщину Великого Октября, и по этому случаю мы всем семейством отправились на прогулку – знакомиться с городом, тем более что дождь наконец прекратился.

Впервые мне предстояло жить не в закрытом военном городке, как в предыдущие 15 лет, а в городе. Пусть и в небольшом, но городе, где были нормальные магазины, несколько школ, три техникума, где вместо парков с боевой техникой, откуда нас постоянно гонял суточный наряд, был большой живописный городской парк, а вместо солдатских клубов – гарнизонный Дом офицеров и два кинотеатра: «Заря» и «Родина». Здорово!

Да и сам город при хорошей погоде показался довольно симпатичным. С интересом мы всматривались в фасады домов в центральной части города, отличавшихся по архитектурному стилю не только от родных, ленинградских, но и от немецких домов, которых мы повидали предостаточно, пытались понять смысл вывесок на непонятном (финском) языке на магазинах, столовых и административных зданиях. Эти вывески были тем более удивительными, что за всё время наших довольно продолжительных прогулок мы ни разу не услышали чужой речи. Вокруг все говорили на «великом и могучем», что радовало.

Девятый класс

После окончания коротких осенних каникул в сопровождении мамы я пошёл устраиваться в 1-ю среднюю школу города Сортавалы. В отличие от Ленинграда, всё прошло легко и быстро. И чему я больше всего обрадовался, так это тому, что никто не спросил меня о зачётной книжке, которую ну очень не хотелось показывать. Определили меня в

9«б» класс. И этот класс, и эта школа стали последними в моей школьной жизни. В этой школе у меня появились друзья, с которыми я не терял связь и поддерживал отношения всю свою жизнь.

Занимались девятые классы во вторую смену, и потому, сдав в канцелярию документы, я сразу же пошёл на уроки. Когда прозвенел последний звонок и все стали собираться домой, меня кто-то спросил, где я живу. Выяснилось, что мне по пути с двумя ребятами: Лёвой Гольденбергом и Юрой Кожиним.

Весь путь от школы до дома прошёл в оживлённой беседе. Правда, хотя я далеко не молчун, говорить мне практически не пришлось. Большую часть пути к дому солировал мой новый одноклассник Юра Кожин.

Перескакивая с одной темы на другую, он говорил и говорил, не очень интересуясь мнением собеседников. И этим мне не понравился. Я не мог тогда предположить, что пройдет совсем немного времени, и Юрка, или, как его называли в классе – Кожа, станет не только моим лучшим школьным другом, но и останется им на всю жизнь. Как и Лёвка, первое впечатление о котором было очень хорошим. Спокойный, аккуратный мальчик из приличной, интеллигентной семьи, с прекрасным чувством юмора и музыкальным образованием, умеющий не только говорить, но и слушать. А последнее очень важно для общения.

Попав в школу для нормальных детей, от которых не требовались какие-то особые способности в освоении точных наук, я очень быстро освоился в новом классе и стал своим. На занятиях стал получать хорошие оценки.

В нашей школе, как и во всех школах СССР того времени, осуществлялось производственное обучение: все мальчики 9«б» овладевали профессиями шофёров 3 класса и автослесарей, а девочки – швей-мотористок. Один день в неделю мы не приходили в школу, а собирались в полуподвальном помещении рядом с автобазой, где изучали устройство автомобиля и правила дорожного движения. В ленинградской школе я учился на токаря, но тут быстро догнал своих новых одноклассников, поскольку память моя хорошо сохранила знания, полученные в восьмом классе в мотоциклетном кружке дивизионного разведбата. Все двигатели внутреннего сгорания работают по одним физическим законам.

Из Северной столицы в Сортавалу я привёз популярную среди будущих токарей-математиков из «ненормальной» школы командную настольную игру «Доп-Доп». Ребятам «Доп-Доп» понравилась настолько, что они уже не могли ограничиваться перерывами между занятиями на практике и стали

заполнять ею перемены в школе в обычные учебные дни. Это была сугубо мужская игра, требовавшая физической силы, ума, наблюдательности, спортивной наглости и ряда других качеств, которыми мы обладали сполна. Девочки в эту игру, понятно, не играли. Однако некоторые из них стояли рядом и наблюдали за увлекательным спортивным поединком, другие же презрительно поджимали губы и выходили на перемену из класса.

Закончилось всё тем, что учительский стол (судя по его виду, переживший не только финскую оккупацию, но и Первую мировую войну) не выдержал многочисленных мощных ударов по столешнице крепких рук добрых молодцев и однажды развалился. Его стройные ножки неожиданно подломились, и он, саморазобравшись на составные части, полностью утратил свои потребительские качества. В аккурат перед уроком физики. Кое-как стол до звонка на урок под дружное хихиканье класса установили вертикально и возбуждённо-радостно затаили на своих местах в ожидании Василия Максимовича Винниченко (за глаза – Васи-Маси). Физик вошёл в класс и, не дойдя до стола-ветерана, небрежным, но точно выверенным движением бросил классный журнал на смертельно раненную школьную мебель. В результате давления классного журнала проекция центра тяжести стола начала стремительно перемещаться и вышла за площадь опоры. Повинуясь объективно существующим законам физики, стол с грохотом рухнул. А класс зашёлся в приступе безудержного смеха... Позже специально обученные люди стол отремонтировали, а игра в «Доп-Доп» в классе прекратилась.

Всё шло хорошо, но гром с ясного неба неожиданно грянул перед приближающимся Новым 1965 годом, когда классный руководитель 9«б», учитель истории Иван Семёнович Иванов, спросил, есть ли у меня оценки из ленинградской школы? Я не стал врать (от этой нехорошей привычки папа, применив радикальные средства, избавил меня ещё в раннем детстве, за что я ему очень благодарен) и ответил честно что есть. Ну, тогда принеси их в школу, сказал учитель.

Вернувшись домой, я заявил родителям, что в школу больше не пойду, а буду устраиваться на работу (в пятнадцать лет это уже допускалось трудовым законодательством).

Но папа решительно не согласился с моими творческими планами и на этот раз сам, прихватив мою злосчастную зачётную книжку, пошёл в школу на встречу с классным руководителем. Классный руководитель Иван Семёнович Иванов был не только классным руководителем, но и классным человеком. Переговоры прошли в конструктивном ключе.

До сведения педагога была доведена информация о моей сиротской доле в Ленинграде, о суровых требованиях 366-й школы «для ненормальных», и до слёз расчувствовавшийся Иван Семёнович принял решение, устроившее всех: оценки по физике и математике с этого момента официально считаются безнадёжно утраченными, а по остальным предметам будут доведены до сведения учителей.

Вечером того же дня результаты переговоров «на высшем уровне» дошли до меня, и мои планы по трудоустройству были благополучно похоронены – учёба в школе продолжилась. А вскоре меня на альтернативной основе избрали старостой класса. В комсомольские руководящие органы я не избирался, а вот по административной линии неожиданно попёрло – сразу стал старостой класса. Удивительным было то, как же всю первую четверть и начало второй класс обходился без старосты? Правда, Лёвка утверждает, что в начале учебного года старостой был избран Володя Козлов, чьё назначение Кожа прокомментировал как избрание «козла отпущения». Володя был умным, скромным и малоразговорчивым парнем. Видимо, его кандидатура перестала устраивать Семёныча и роль «козла отпущения» он, умело манипулируя общественным сознанием руководимого им класса, решил отвести мне.

Учёба девятых классов, а их в школе было четыре, проходила во вторую смену, так что свободного времени практически не было. На общение с друзьями оставалось только воскресенье. У Лёвки был настольный футбол, и они с братом Мишкой часто устраивали турниры, принять участие в которых было предложено и мне, особенно с учётом того, что и у меня был точно такой же настольный футбол. Появилась возможность проводить двухкруговые турниры, которые включали игры как на своём поле («своё поле» я приносил с собой в квартиру Гольденбергов), так и на поле соперника. Эти футбольные сражения продолжались до тех пор, пока нас не разгоняли родители.

Ещё до Нового года я успел испортить отношения с физиком Васей-Масей. В тот день мой сосед по парте Женя Козлов не пришёл в школу. На освободившееся место (а мы с Женкой сидели на последней парте возле стены) я на перемене принёс из гардероба и, аккуратно свернув, положил своё пальто. Сделал я это, чтобы уберечь свою самую верхнюю одежду от варваров, которые чуть ли не каждый день в клочья рвали вешалки своим товарищам.

Лежало себе моё пальтишко и лежало. Тихо так лежало и никому не мешало. Уроки подходили к концу, оставалась одна физика. Тут и произошёл конфликт. Васе-Масе моё пальто чем-то не понравилось, и он потребовал, чтобы я отнёс его в гардероб. Я

вежливо объяснил, что там обрывают вешалки, а здесь, в классе, оно никому не мешает. Но учитель закусил удила и стоял на своём, требуя, чтобы я немедленно отнёс пальто. И тогда я, собрав свои вещи и прихватив злополучное пальто, торжественно произнес на прощание: «Прогоняя моё пальто, вы прогоняете меня!», покинул класс. Отношения с Васей-Масей были безнадёжно испорчены. Несмотря на то, что в физике я неплохо разбирался, итоговая оценка по этому предмету была выставлена в аттестат задолго до государственного экзамена.

Отношения с Юркой и Лёвкой крепили и постепенно превратились в дружбу.

Однажды, придя ко мне домой, Кожа увидел коробку с шахматами, и глаза его загорелись азартным блеском. Он предложил сыграть. Я не очень любил шахматы, редко и весьма посредственно в них играл, но отказываться не стал. Сработал закон гостеприимства. Расставили фигуры, и игра началась. Видимо из-за того, что обдумывая очередной ход, я старательно делал умное лицо и при этом не использовал названия фигур, часто употребляемые новичками и дилетантами (королева, тура, офицер), Юрка ошибочно принял меня за достойного соперника. И стал глубоко задумываться, вспоминая шахматную теорию. Я же, не будучи знаком с теорией древнейшей игры, «ходил» так, как диктовала обстановка на доске. И неожиданно для самого себя выиграл. Юрка очень расстроился и тут же предложил сыграть ещё. И опять я выиграл. И тогда Кожа вскипел и стал мне выговаривать, что я неправильно играю, делаю нелогичные ходы и т.д. и т.п. Он скороговоркой сыпал незнакомыми мне шахматными терминами, из которых мне, в основном по «Двенадцати стульям», был известен только «дебют» и «эндшпиль». Оказывается, он разыгрывал какую-то иностранную партию, какой-то там гамбит, а я, дрянная такая, своими неправильными ходами ему всё испортил. И поэтому он проиграл. После этого мы с ним ещё не раз играли в шахматы, и больше мне, несмотря на все старания, выиграть у него не удавалось. А затем я и вовсе перестал его интересоваться как партнёра по шахматам. Оказывается, он ходил в какой-то шахматный клуб и там доигрался до какого-то разряда. А меня папа научил играть в шахматы ещё в дошкольном возрасте, но я к этой игре как-то не прикипел. То ли дело с Лёвкой играть в настольный футбол!

Бывал в нашем доме и другой мой одноклассник-шахматист – Толя Хусу. И с ним мне тоже пришлось играть. Не знаю, может, он хуже Юрки знал теорию, но у Хусика я не выиграл ни разу. После этого я убирал шахматы с видного места, и в этой связи новых шахматных партнёров у меня не появлялось.

Окончание девятого класса ознаменовали два важных события: производственная практика и школьная спартакиада.

Производственная практика

Производственную практику мужская половина класса проходила на автобазе. Нам выдали комбинезоны и распределили по цехам. Не помню, куда попал Лёвик, но мы с Юркой были назначены в токарный цех. И это практически разлучило нас на две недели, поскольку работа там была в две смены и, работая попеременно на одном станке, мы виделись только при пересменке. Параллельно с работой на автобазе нас обучали практическому вождению на грузовом автомобиле отечественного производства марки ГАЗ-51.

В один из дней, придя на работу к началу второй смены, я почувствовал в цеху жуткую вонь и услышал недовольный голос токаря автобазы Бориса. Тот ругал Юрку всякими нехорошими словами за то, что он, дрянь такая, obtачивал на наждачном круге часть оленьего рога – отсюда и возникла эта жуткая вонь. Оказалось, Юрка, используя учебную практику в личных целях, изготавливал охотничий нож. На лезвие пошёл старый напильник, а воняющая кость, принадлежащая раньше какому-то парнокопытному, – будущая ручка ножа.

Через день у меня опять была вторая смена, а Юрка на работе с утра не появлялся, и наш с ним общий станок простаивал. Сотовой связи в те времена ещё и в проекте, наверное, не было, да и обычные, домашние телефоны редко у кого в Сортавале имелись. На мой вопрос об отсутствующем друге токарь Борис поведал следующее (ненормативная лексика не сохранена): накануне, работая во вторую смену, Кожа завершил сборку охотничьего ножа и принял решение о необходимости проведения испытаний изделия. Фантазия юноши подсказала ему только один вариант, который он тут же и реализовал: на белоснежном капоте припаркованного в центре гаража новенького автомобиля «Москвич-408» острием лезвия Юрка крупно выцарапал слово из трех букв, которое с русского на латынь переводится как «пенис» и считается у нас нецензурным. Не успел он порадоваться высоким потребительским свойствам изготовленного лично им ножа, как был схвачен должностными лицами автобазы и, как токарь-вредитель, сдан школьному завучу по производственному обучению по прозвищу Мишка-Япончик.

Закрутился маховик репрессий. Естественно, что руководство автобазы, дабы сохранить товарный вид оставшихся на её балансе автомобилей, потре-

бовало прекратить практику для Кожина, а также обязать его родителей возместить стоимость предстоящего ремонта.

Как всегда, в школу была приглашена Анна Григорьевна, Юркина мама, а сам Юрка подвергся домашнему аресту. К практике его, правда, через пару дней допустили.

Спартакиада

Водин из солнечных дней на сортавальском городском стадионе была намечена спартакиада школы. Участие в ней было обязательным. К десяти часам класс собрался на стадионе, но никого из учителей, в том числе главного организатора – физрука Владимира Ильича Лисина, не было. После пятнадцати минут томительного ожидания одноклассники стали громко выражать недовольство. Назревала революционная ситуация: «верхи» не прибыли, а «низы» не хотели ждать, и посыпались предложения разойтись. На «разойтись» я, кстати, забыв о своей почётной роли «козла отпущения», тоже согласился, и класс в полном составе покинул стадион.

В ближайшие же дни было созвано чрезвычайное комсомольское собрание класса. Виновный был найден быстро. Им, естественно, оказался я. Как староста класса (а с момента избрания мне практически первый раз об этом напомнили) я выступил в роли того самого «козла». Звучали обличительные выступления, в первую очередь сознательных девочек. Собрание прошло быстро, по-деловому. Никому не хотелось торчать в школе после окончания практики. В итоге мне быстренько объявили какой-то выговор: то ли простой, то ли строгий. Правда, без занесения в учётную карточку, и все резво побежали по своим делам. А мой табель за девятый класс украсила тройка по поведению.

Последнее лето детства

И наступили долгожданные, последние в моей жизни школьные летние каникулы.

Юрку, чтобы он ещё чего-нибудь не исцарапал, родители отправили в Саратов. Лёвку – на Украину к бабушкам, чтобы он там надышался свежим воздухом и наелся сала с галушками.

Папа поехал в Ленинград на сдачу госэкзаменов в своём ЛГПИ, и я поехал с ним.

Папа много занимался, я даже не знаю, когда он спал. А вот у меня была масса свободного времени. Я любил прогулки по городу и часами бродил по историческому центру. Как-то ноги привели меня на площадь Мира, а оттуда я вышел на Московский проспект и оказался у старинного здания,

где у парадного входа стояли старинные пушки. А рядом на стене висела табличка с надписью золотыми буквами: «Ленинградское артиллерийское ордена Ленина Краснознамённое училище имени Красного Октября». В моей голове что-то щёлкнуло, и я понял, что именно в это военное училище я хочу поступить. И ни в какое другое!

Мои родители по-разному относились к моим дальнейшим жизненным планам. Мама, с детства наездившаяся по гарнизонам, сначала со своим отцом, а потом, в зрелом возрасте, и с мужем, хотела видеть меня гражданским человеком. Чаще всего я представлялся ей инженером, и она настойчиво советовала поступать в технический вуз. Папа же мне ничего не советовал, но когда я ознакомил его со своим решением, то он не только одобрил и поддержал, но и предложил помощь, порекомендовав поступать в Ленинградское зенитно-артиллерийское училище, где у него был хороший знакомый, командир дивизиона курсантов. Мама же довела до моего сведения, что проректор Ленинградского института советской торговли Константин Коровин – папин двоюродный дядя и они с папой в очень хороших отношениях. Это гарантирует мне стопроцентное поступление. Но я упрямо твердил своё: «Буду поступать в артиллерийское училище! Во-первых, я хочу всего добиться сам, а служба в одном роде войск с отцом лишит меня самостоятельности. Во-вторых, артиллерия – бог войны, а зенитная артиллерия – сравнительно молодой и сугубо оборонительный род войск. Не хочу быть зенитчиком». Ну, а представить себя торгашом... Нет, это было явно не моё. Хотя, может быть, уже давно (ещё до перестройки) отсидел бы и сейчас был бы уважаемым человеком, бизнесменом средней руки.

Папа успешно окончил ЛГПИ и, прикрутив на китель институтский ромб, вернулся к исполнению своих служебных обязанностей. Вместе с папой вернулся в Сортавалу и я. Было скучно. Юрка и Лёвка по-прежнему находились в ссылке.

От тоски я устроился на временную работу. Местом приложения моих сил стала Сортавальская тарная база. Основная работа заключалась в ремонте старых и сколачивании из досочек новых ящиков. Иногда приходил вагон с большими деревянными бочками, и нас, несовершеннолетних пацанов, в нарушение Трудового кодекса, ставили на разгрузку. Папа настаивал, чтобы я уволился: «Последние в твоей жизни каникулы, а ты занимаешься ерундой. Ты что, голодный ходишь? Увольняйся! Мне перед людьми стыдно».

Платили копейки. За десять дней работы я заработал семь рублей с мелочью. Потратил их на книги. Точно помню, что купил двухтомник графа Игнатье-

ва «Пятьдесят лет в строю», томик стихов Владимира Морозова и что-то ещё из фантастики.

Решив, что и в самом деле остаток последних каникул нужно посвятить отдыху, я скооперировался с Юркой Каширским, проживавшим в соседнем доме, и стал ходить с ним на рыбалку. Рыбы много домой не приносил, но ноги стаптывал почти до колен и физически уставал прилично. Зато наша кошка Мурка была всегда сыта.

Однажды Каширский предложил поехать на охотничью базу Министерства обороны, куда нас пригласил отставной сверхсрочник, обладавший охотничьим билетом. Я согласился. По прибытии на базу наш старший товарищ взял напрокат лодку, и мы на вёслах углубились в Ладожские шхеры. Облюбовав небольшой островок, густо заросший соснами, разбили лагерь. На вечерней зорьке наловили рыбы, развели костёр и сварили уху. Поужинав, устроились поудобней у костра, и старый воин начал травить нам свои байки. Пока мы с Юркой не уснули.

Самая низкая температура суток, как правило, приходится на время рассвета. Костёр прогорел, и мы проснулись от холода. На дворе стоял август, и белые ночи уже закончились. Начинался удивительный по своей красоте рассвет. Никогда больше в своей жизни я не видел подобной красоты, хотя рассветов встречал сотни, если не тысячи. Это было что-то бесподобное. Островок окружала зеркальная, без единой морщинки, водная гладь, которая казалась застывшей вулканической лавой. За водной гладью серыми громадами возвышались мрачные силуэты гранитных скал, вершины которых покрывали неведомо как зацепившиеся за голые скалы и стоящие вертикально сосны, стройные стволы которых всё отчётливее угадывались в предрассветном сумраке на фоне медленно светлеющего неба. И над всем этим красочным великолепием стояла звенящая тишина.

Небо над скалами постепенно розовело, и цвет его плавно перетекал из нежно-розового в ярко-алый. Наконец появились первые лучи восходящего солнца, окрасившие верхнюю часть сосен в золотой цвет, и вся эта необыкновенная красота отразилась в водной глади. Мы молча любовались нарождающимся на наших глазах днём, боясь нарушить очарование красоты ладожских фьордов сказанным вслух словом. Вот уж поистине, как в знаменитой песне о Карелии: «И не понять, то ли небо в озёра упало, и не понять, то ли озеро в небе плывёт...»

Солнце поднималось всё выше и выше. И вот, когда его раскалённый огненный диск полностью появился над линией горизонта, по водной глади пробежал первый легкий ветерок, отчего безупречно

гладкая зеркальная водная поверхность, покрывшись мелкой рябью, как волшебное зеркало Снежной королевы, рассыпалась на множество мелких осколков. Как по команде невидимого дирижёра, приветствуя очередной день, звонкоголосо запели птицы. День родился, и очарование утра исчезло. И мы пошли ловить рыбу.

С тех пор, слыша песню «Долго будет Карелия сниться», я всегда вспоминаю тот удивительный фантастичный рассвет и мечтаю хотя бы ещё разок получить возможность увидеть подобное...

Последнее лето детства плавно и неумолимо катилось к своему неизбежному завершению. Скоро в школу, последний – десятый класс. Из ссылки вернулись Лёвка с Юркой, и жизнь стала заметно веселее.

Десятый класс

Десятый класс у нас, мальчиков и девочек 1949 года рождения, получился каким-то необычным, неправильным. Эта необычность объяснялась тем, что, с одной стороны, мы были выпускными классами, а с другой – в школе были и одиннадцатые классы, и многим обучающимся в них было уже по восемнадцать лет. Нет, одиннадцатиклассники нас не подавляли, не унижали и не оскорбляли. Но они составляли основу практически всех спортивных команд школы, выступавших на первенство города, и нам пробиться туда было сложно, т.к. они были лучше развиты физически. Они были раскованнее и более конкурентноспособны во всех разнообразных вопросах школьной жизни. Таким образом, вследствие очередной школьной реформы судьба отвела нам роли второго плана. Мы находились на перепутье: уже не дети, но ещё и не взрослые.

1 сентября мы с Лёвкой, по предварительномуговору, сели за одну парту – третью в первом ряду, у окна. Я устроился у окошка с видом на магазин «Динамо», а Лёвушке досталось место рядом с проходом, что давало ему преимущество в случае экстренной эвакуации.

В десятом классе наша школьная жизнь забила, что называется, ключом. Учились мы уже в первую смену, и свободного времени стало несравненно больше. Хватало и на учёбу, и на спорт, и на самостоятельность, и даже на отдых.

На первой же неделе состоялось организационное классное собрание. Нужно было избрать старосту, и на голосование опять была выставлена моя кандидатура, причём на безальтернативной основе. Я взял слово и заявил самоотвод, объясняя свою позицию тем, что недостойн занимать такую ответственную и важную должность по своим морально-деловым качествам. Я покрыл себя

несмыслимым позором, у меня комсомольское взыскание и тройка за поведение в девятом классе. Но Семёныча так просто с толку не собьёшь! Он взял слово и выступил в поддержку моей кандидатуры. Говорил он, как всегда, артистично и несколько пафосно. Не помню за давностью лет его речь дословно, но смысл свелся к тому, что и он, и класс мне верят и очень надеются на то, что прошлогодний урок мною усвоен, сделаны правильные выводы и я своим образцовым исполнением обязанностей старосты класса сумею не только искупить свою вину, но и заслужу полное прощение и вечную славу! Было предельно ясно, кто решал мою судьбу. Проголосовали подавляющим большинством за меня. Против был только один человек, и этим человеком был я.

А вскоре комитет комсомола школы делегировал меня своим представителем в городской молодёжный клуб при сортавальском райкоме комсомола, который носил красивое название «Северное сияние».

Я продолжил заниматься баскетболом, регулярно ходил на тренировки и играл сначала за класс на первенство школы, а через некоторое время и на первенство города за сборную своей школы. Правда, место в основном составе мне гарантировано не было, так как основу сборной составляли одиннадцатиклассники. Поэтому чаще всего я выходил на замену и играл не так много, как мне хотелось.

Звёздный час

К ноябрьским праздникам Иван Семёнович решил поставить для школьного вечера, за подготовку которого отвечал наш 10«б» класс, отрывок из спектакля Бориса Лавренёва «Разлом», где сам же и выступил в качестве режиссёра-постановщика. Главные роли достались Лёвке и мне. Лёвка играл матроса-большевика Артёма Годуна, а я какую-то контру – эсера Успенского, представителя Временного правительства. Остальные ребята были массовой: матросами революционного кронштадтского крейсера «Заря», на бронированной палубе которого происходило действие выбранного Семёнычем отрывка.

В Сортавале в те годы дислоцировался погранотряд, куда входило и небольшое подразделение пограничных катеров. Там Семёныч, который был не только режиссёром, но по совместительству ещё и реквизитором, и пиротехником (об этом позже), разжился тельняшками, бушлатами, бескозырками. Главный герой и его революционная братва (в те годы слово «братва» ещё не имело ярко выдержанного криминального содержания) были экипированы.

А вот «эсеру» пришлось одеваться и гримироваться самому, так как отряда эсеров в Сортавале тогда, как говорится, и рядом «не стояло». Выручили родители. У папы я попросил шляпу и пальто, так как у меня было только зимнее, с воротником из мутона, и на одежду представителя Временного правительства никак не годилось. С восьмого класса, с Германии, у меня сохранились очки, точнее оправа очков, к которым на тонкой проволоке были прикреплены чёрные усы и маленькая козлиная бородка (покупал к Новому году для прикола). Таким образом, и с моим рекевизитом вопрос был решён.

До дня школьного вечера прошло несколько репетиций, результатами которых, в конечном итоге, режиссёр остался доволен. Как пиротехник, Семёныч раздобыл у химички горстку бертолетовой соли и самолично соорудил «бомбу» для имитации выстрела другого революционного крейсера – «Авроры». Накануне премьеры в спортивном зале установили сцену, и мы провели генеральную репетицию.

Наконец настал наш звёздный час. Спортзал наполнился старшеклассниками и учителями. На сцене всё шло так, как написал Лавренёв. Перед матросами выступил эсер Успенский (я), который пообещал матросам всё, что они пожелают, и предложил за это поддержать Временное правительство. Однако матрос Годун (Лёвка) спутал Успенскому (мне) все карты, ловко перетянув матросов на сторону большевиков. В итоге Успенский (я) под свист и улюлюканье распоясавшихся до предела матросов, окончательно забывших о воинской дисциплине и данной ими присяге, под аплодисменты зала (спортивного) ушёл со сцены и спрятался за задник. За задником я (бывший Успенский) снял пальто и, схватив баян, сел на стул, ожидая выстрела «Авроры». Матросы заканчивали митинг и рвались в бой с целью осуществить социалистическую революцию. Семёныч дождался своего часа! Палкой он ударил по пакету с бертолетовой солью, и раздался взрыв! Зрительный зал мощно, единым организмом, охнул и вздрогнул от неожиданности. Я по этому сигналу заиграл «Варшавянку», а массовка, ведомая Годуном (Лёвкой), с диким топотом отправилась делать революцию.

Аплодисменты! Клуб весёлых и находчивых

Сортавальский райком ВЛКСМ стал инициатором организации в городе игр Клуба весёлых и находчивых, по которым в то время сходил с ума вся страна, игры транслировались по телевидению. Поскольку наш город телевидения был лишён (не

было приёма сигнала), то играть в КВН мы должны были сами по себе, так сказать, «без подсказок».

На заседании городского молодёжного клуба «Северное сияние» определили состав участников. Ими стали команды: мсд (мостострелковой дивизии), ПО (пограничного отряда), сельскохозяйственного техникума, медицинского училища, торгового техникума, 1-й средней школы и 3-й средней школы. Составили календарь встреч, определили даты проведения и т.д. Все встречи должны были проходить в гарнизонном Доме офицеров. Я получил персональное поручение: заказывать в типографии билеты на КВН и получать готовую продукцию.

Закипела подготовка к состязаниям. Основу команды, как и в спорте, составили одиннадцатиклассники. Однако я вместе с Лёвкой и Юркой тоже был включён в «основу» сборной КВН школы.

Перед первой встречей я пошёл в типографию получать заветные билеты на КВН. Тугую пачку напечатанных на тонком картоне и приятно пахнущих типографской краской билетов я принёс домой. Сев за письменный стол, я дважды внимательно пересчитал билеты, и оба раза подсчёты показали излишек. Я боялся, что будет меньше, чем заказано, а здесь излишек, причём около двадцати билетов. Эти билеты, чтобы не нарушать отчётности, я изъём. При последующих заказах общая картина не менялась: двадцать-тридцать лишних билетов я изымал в личный резерв, а заказанное количество относил в райком, где билеты распределялись между участниками, причём те команды, которые непосредственно выясняли отношения на сцене, получали больше билетов, а те, которые в конкретной встрече не участвовали, – меньше.

Полученные в райкоме билеты я приносил в комитет комсомола школы, и мы их делили между классами: выпускные классы получали больше, девятые меньше, а остальным не доставалось ничего. Игры КВН в Сортавале пользовались большим успехом у молодёжи. Со мной на улице даже незнакомые парни стали здороваться при встрече. Билеты на КВН пользовались повышенным спросом. Свой «личный резерв» я распределял сам. В первую очередь «обилечивал» своих друзей, а потом раздавал всем желающим по мере обращения. Таким образом, нашей команде всегда была обеспечена активная поддержка зрителей.

На одну встречу КВН, когда наша команда не играла, я вместе с парнем из 3-й школы был назначен ведущим. Мы неплохо справились, об этом даже написали в районной газете.

Победно обойдя нескольких соперников, обыграв в полуфинале пограничников, мы добрались до финала.

На приветствие мы вышли под знамёнами «золотой орды». Выход команды осуществлялся через зрительный зал, а капитана команды Юру Степанова из 11«б» класса несли на носилках под шикарным балдахином. Всё было хорошо продумано и прикольнo, к финалу мы готовились как никогда. Но после приветствия за кулисы пожаловала дама из райкома и стала нас энергично «регулировать». «Что это за название? Что за обращение к аллаху? А еще комсомольцы!» И т.д. «Если не снимете эти дикие одежды, не получите больше ни одного балла».

Пришлось срочно переодеваться, прямо по ходу править заранее подготовленные репризы, а что-то просто убирать. Домашнее задание отрабатывали хорошо, получили максимальную оценку и сравнялись по очкам с соперником. Сосредоточились на выполнении заданий, подготовленных для нас ведущими. Паники не было, все успокоились, подбадривали друг друга. В итоге мы победили! Команда нашей школы заняла первое место в городе Сортавале и получила главный приз, а все члены команды были награждены грамотами Сортавальского райкома ВЛКСМ.

Трио «Ритм»

В начале второй четверти мы организовали инструментальный квартет, который стал выступать практически на всех школьных вечерах, на смотрах художественной самодеятельности, на праздничных концертах. Весь квартет, который мы называли «Ритм», состоял из учеников 10«б»: Лев Гольденберг – руководитель, аранжировщик, композитор и баянист, Валерий Власов – ударные, Виктор Мошников и Михаил Бузик – гитара. Правда, вскоре квартет трансформировался в трио, так как Мошников, ссылаясь на отсутствие свободного времени, отказался продолжать публичную музыкальную деятельность. Вокалистов хватало: Юра Степанов, Юра Кожин, Валерий Свинцицкий, Юрина сестра Лиля Кожина, девочки из параллельных классов...

Баян и гитара у нас были. Малый барабан и тарелку нам дали в школе, где был комплект инструментов для духового оркестра, который только создавался. Щёточки для ударника мы изготовили сами из стальной проволоки и двух медных трубок, которые искали по всему городу. Тарелку вешали на стойку складного пюпитра, который у меня был ещё с Германии. Из акустической гитары сделали электрогитару. Для этого на кузов приклеили наушники, которые подключали к усилителю 8-мм киноаппарата.

Во время весенних каникул нам дважды довелось выступить в Москве: сначала в сборном кон-

церте во Дворце пионеров на Ленинских горах, а затем – на Весеннем балу старшеклассников Москвы, проходившем в телевизионном театре (в то время на весь СССР оттуда транслировались КВНы). К поездке в Москву мы подготовили свою, фирменную песню. Она была «страдательная», про любовь, и называлась «Ты приди, приди ко мне». Слова написал наш основной солист Юра Степанов, а музыку подобрал Лёвка. Сказать «написал» рука не поднялась, так как Лёвушка, хоть и окончил музыкальную школу и знал ноты, музыку подбирал исключительно на слух. «Слухачом» он был отменным, а записывать ноты ему было лень.

Весенний бал старшеклассников Москвы принял наш ансамбль прекрасно. Десятиклассница душевно исполнила «Карелию», потом Юра Степанов спел «Осторожно, листопад». После чего какая-то тётка стала энергично подавать из-за кулис знаки освободить сцену. Но было поздно, Степанов уже произнёс в микрофон: «А сейчас мы исполним песню, которая родилась в нашем коллективе! «Ты приди, приди ко мне». И запел. Песня была принята залом отлично, нам начали бисировать. Но злая тётка выскочила на сцену и начала по-змеиному шипеть: «У нас профессионалы столько не выступают. Освободите сцену немедленно!»

Концерт закончился, и в фойе начались танцы. Все скакали под «Летку-Енку», было радостно от того, что мы нормально выступили. К Лёвке подошли девушки, попросили ноты нашей песни. Лёвка сказал, что у него с собой их нет. Ему стали писать адреса и просили выслать ноты. И Лёвка, что характерно, всем обещал. Потом, в Сортавале, я ему неоднократно напоминал: «Запиши ноты и вышли, ты же обещал». Ноты он шлёт до сих пор.

Нашей поездке в Москву предшествовал ряд важных для истории событий.

Драматическая медицина

Жажда познания заставляет учёных ставить на себе смертельно опасные опыты, ведь результаты опыта на животных можно лишь условно применить к человеку. И это в полной мере понимал мой друг Юра Кожин. Несмотря на то что в их семье была охотничья собака по кличке Ирма, он решил отказаться от опыта на добром, ласковом животном, любимце семьи Кожиных, и подверг нешуточной опасности непосредственно себя.

В книге «Драматическая медицина» австрийский врач Гуго Глязер отмечает: «Каждый, кто выделяется из массы, должен быть отмечен особо, каждый из тех, готовых принести себя в жертву великих героев и мучеников, которые проделывали опыты на самих

себе. Забыв о них ... история человечества вообще поступила бы несправедливо».

Английский врач Антуан Клот в 1802 году в Египте взял некоторое количество бактериальной флоры с рубашки больного чумой и сделал себе прививки в шесть мест. Потом облачился в одежду больного чумой, а когда тот умер, лёг в его постель. Короче, он сделал всё, чтобы заразить себя, но это ему не удалось. Главной целью опыта, поставленного на себе, было показать, что бессмысленный страх перед чумой, приводивший к параличу всей экономической жизни, необоснован, т. к. не каждый заболел, даже когда свирепствовала эпидемия.

Нобелевский лауреат Пьер Кюри, исследуя радиацию, десять часов облучал свою руку. В результате чего появилась язва и вместе с ней – новая область медицины, названная радиотерапией. Сам Пьер умер от того, что попал под лошадь.

Основатель российской трансфузиологии Александр Богданов после многочисленных опытов по переливанию крови «обменялся» кровью с больным туберкулёзом, надеясь передать ему свой иммунитет. В итоге больной остался жив, а сам экспериментатор умер.

Таких примеров в книге «Драматическая медицина» множество. Мой друг Юрий Кожин вполне мог встать в один ряд с учёными, ставившими на себе опасные опыты, рискуя своими жизнями во имя человечества. Но обо всём по порядку.

Каюсь, но в десятом классе мы уже пробовали спиртное. Это были дешёвые красные вина типа «Кавказское», «777», «Волжское», болгарская «Варна» и т.п. Нам очень хотелось казаться взрослыми, а какой же взрослый без вина и табака? Перед школьными вечерами прятали в классе по бутылке вина. По ходу вечера периодически навещали заветные бутылки и прикладывались к ним по чуть-чуть. К концу мероприятия оставалась только стеклотара.

Как-то Юрий Павлович доверительно сообщил мне и Лёвке, что вино его уже «не берёт» и он решил перейти на более крепкий русский народный напиток – на водку. Но вначале он намерен провести эксперимент, целью которого ставит испытать на своём юном организме действие напитка, авторство которого долгое время приписывалось великому русскому учёному Менделееву, и определить оптимальную дозировку. Для чего герой-экспериментатор намерен купить 500 мл напитка под названием «Московская», и на это ему необходимо 2 рубля 87 копеек, а также еще 33 копейки на закуску. Итого – 3 рубля 20 копеек. Наши с Лёвкой уговоры отказаться от рискованного эксперимента или, на худой конец, удешевить его за счет снижения экспери-

ментальной дозы до 250 мл услышаны не были. Уж если Юрка что решил...

В школу нам обычно давали 20 копеек, на которые мы покупали в школьной столовке пару пирожков с повидлом и чай. И Юрка, не предавая свои намерения широкой огласке, начал упорно (а этого качества ему было не занимать) готовить материальную базу для эксперимента. Через пару недель набралась искомая сумма, и в одну из суббот, ставшую роковой, он осуществил свой героический замысел.

Как-то мы с Лёвкой встретились у «девятки» (продовольственного магазина № 9 на первом этаже жилого дома), где проживал Юрка, и поднялись к нему, чтобы пригласить на совместную прогулку. На звонок в квартиру под номером «8» дверь открыла Анна Григорьевна, мама нашего друга, работавшая судьёй в народном суде Сортавальского района. Упредив наш вопрос, она сказала, что Юры нет дома, так как он после школы пошёл на хор и пока не вернулся. Оказавшись на улице, мы стали строить версии, почему так затянулся хор? Юра действительно пел в хоре, но время репетиции уже давно прошло. Мы подошли к школе, но она уже была закрыта. Лёва высказал версию, что Юрка где-то осуществляет свой смелый эксперимент. Но где? Стоял лёгкий морозец, и пить где-то на улице (например, в городском парке) было крайне некомфортно. Начали рассматривать самые фантастические версии. И тут Лёвушка вспомнил, что у Славы Бабчика, учившегося в параллельном классе и дружившего с нашим одноклассником Вовкой Власовым, на выходные родители куда-то уехали. Лёвка, старожил Сортавалы, знал, где проживает Бабчик, и мы направились к нему. Дверь открыла Эльвира, сестра Славы, и поведала нам, что Слава с Вовкой Власовым ушли гулять. Мы уже хотели попроситься с девушкой, но что-то подтолкнуло нас спросить, а не заходил ли к ним Юра Кожин? Эльвира несколько не удивилась нашему вопросу и будничным голосом сообщила, что Юрка сейчас в их квартире – спит на диване. Пьяный. Спросив разрешения, мы осторожно, на цыпочках, чтобы не потревожить ненароком сон друга, вошли в квартиру.

На диване в гостиной в неудобной позе лежало бездыханное Юркино тело. С первого взгляда стало ясно, что потревожить тяжёлый сон этого человеческого организма не смог даже тысячетрубный сводный духовой оркестр московского гарнизона. Стало как-то страшно за Юрку. Первым пришёл к себе Лёвка. Хотя в то время он еще только мечтал стать врачом, но кое-какие познания в медицине, неожиданно для меня, обнаружил. Он взял Юркину руку и, с трудом нащупав нитевидный пульс, спокойным голосом констатировал: «Жив. Спит, собака».

По сути, Кожа, сам не осознавая важности происходящего, стал его первым пациентом.

Лёвка принялся расспрашивать единственного свидетеля алкогольного отравления Кожи. Свидетель показала, что потерпевший появился в квартире, ещё когда её старший брат Славка и его друг Вовка были дома. Потерпевший принес с собой бутылку водки «Московская» объёмом пол-литра, а также плавленый сырок неизвестной торговой марки и четвертинку чёрного хлеба. Сначала ребята что-то обсуждали, затем Славка дал потерпевшему чистый стакан, и эксперимент начался. Наливая огненную воду в стакан с интервалами в пять-семь минут, Кожа при свидетелях в несколько приемов употребил напиток и съел нехитрую закуску. После чего все трое быстро оделись и пошли гулять.

Дополнительные подробности удалось выяснить значительно позже, почти через пятьдесят лет непосредственно от Славы Бабчика. Юрка не был в своём благородном порыве таким уж бескорыстным. Он на что-то с ними поспорил. По условиям спора, после употребления «Московской особой» Кожа должен был ещё пройти до торгового техникума и обратно. И именно туда и направилась вся троица. Кожа на собственных ногах дошёл до «торгухи», но на обратном пути ноги стали ему отказывать. Наверное, закуски было мало. Но группа поддержки (в буквальном смысле слова) не позволила будущей гордости советской дальней авиации замерзнуть в ближайшей подворотне и бережно доставила его в квартиру Бабчика. К этому моменту смелый экспериментатор начал непроизвольно закрывать глазки, бормотать что-то нечленораздельное и в конце концов замолк. Расстроенные проигранным пари Вовка со Славкой уложили окончательно потерявшего сознание Юрку на диван и, посчитав на этом свою миссию выполненной, ушли гулять. Юрка пока не просыпался.

Выслушав подробный рассказ свидетельницы, Лёвка напрягся и решительно выдал: «Надо Юрку вытрезвлять! Нужен нашатырный спирт». Нашатырный спирт нашёлся.

Пока готовился водный раствор нашатырного спирта, из динамиков радиолы, стоящей рядом с диваном, раздался знакомый голос Луи Армстронга, душевно исполнявший любимую песню потерпевшего «Шестнадцать тонн», повествующую о тяжёлых условиях труда и бедственном положении шахтёров-угольщиков США во время «Великой депрессии». И Юрка, не приходя в сознание, вполголоса стал подпевать знаменитому американцу. Звучало это так себе, наверное потому, что Юрка пел на не очень внятном русском, а ничего не подозревавший Луи – на внятном английском.

Лёвка всегда был и остаётся добрым человеком и потому нашатыря не жалел. Раствор получился хорошим, насыщенным. Запах стоял по всей квартире. Дождавшись окончания песни, мы потащили Кожу в ванную комнату и там с огромным трудом, открыв ему рот, заставили выпить целительный раствор. Поддерживая обмякшее тело друга своими плечами (помните слова из популярной в те годы песни: «друг мой – третье моё плечо?»), переговариваясь вполголоса, ждали начала действия приготовленного Лёвкой эликсира. И действие проявилось! Внутри потерпевшего что-то стало громко булькать, и едва мы успели наклонить его над ванной, как из Кожи полилось. Трудно сказать, какой объем жидкости вышел наружу, но после прекращения судорожных движений Юркиной диафрагмы Лёвка объявил: «Всё. Он пустой». И мы отволокли тело друга на успевший полюбовиться ему диван.

Юрка опять забылся тяжёлым сном, но сейчас он хотя бы походил на полуживого. Выждав примерно полчаса, мы решили, что больному необходим свежий воздух. Извинившись перед Эльвирой за доставленное ей беспокойство и испорченный субботний вечер, а также сердечно поблагодарив за оказанное содействие, мы одели Юрку и вывели на воздух.

Вопреки нашим ожиданиям, морозец, характерный для начала марта, Кожу не отрезвил. Он по-прежнему был пьян, хотя уже слышал и даже мог самостоятельно издавать звуки, но лишь отдалённо походившие на человеческую речь. Больше эти звуки напоминали призывный рев молодого самца гиббона, предвещающего начало периода сезонного спаривания. Но передвигаться на двух ногах без посторонней помощи он либо ещё не мог, либо элементарно не хотел. Движимые инстинктом самосохранения, в стремлении уйти с центральной улицы, мы с Лёвкой, бережно поддерживая тело друга, свернули в сквер перед школой. И очень даже зря, так как навстречу нам попался Вася-Мася. Естественно, мы с Лёвкой не обрадовались встрече с физиком, а он и сам не стал к нам приближаться. Ему всё было ясно и без наших объяснений.

К счастью, мы без приключений и уже без нежелательных встреч добрались до Юркиного дома и завели больного в кочегарку. В кочегарке у нас были друзья. Одного звали дед Иван, а имя второго я не помню. Зимними вечерами мы все трое частенько заходили в кочегарку в гости. Покурить, погреться, послушать байки из взрослой жизни. В тот вечер дежурил дед Иван. Трезво оценив ситуацию, он разрешил положить Юрку на жёсткий армейский топчан, предварительно постелив на него свой ватник. Пристроив Юрку, мы с Лёвкой вышли на улицу.

Стрелки часов неумолимо приближались к 22.00. Для Лёвки это было контрольное время, установленное родителями. Начинаясь комендантский час! Во избежание санкций Лёвушка направился домой заниматься физикой и химией. Я же забежал домой, предупредил маму, что буду поздно, так как нахожусь у Юры Кожина, и вернулся в кочегарку. Юрка спал тревожным сном. Жизнь медленно возвращалась к нему. Лицо начало розоветь. Дыхание прослушивалось.

И вдруг Юрка запел свою концертную песню: «Ну что тебе сказать про Сахалин...» После нескольких повторов одного и того же куплета, исполнение песни завершилось. На какое-то время певец затих. Но потом всё же зашевелился. Верхние и нижние конечности его двигались в странных конвульсиях. Однако вскоре я начал замечать в его движениях систему. Так, например, когда собаке снится, что она бежит, её лапы двигаются именно так, как при беге. Я это хорошо знал по Джеку, нашей немецкой овчарке, которую мы держали в Нойштрелитце. Но Юрка никуда не бежал. Это были совсем другие движения. И тут он, не открывая глаз, четко заговорил: «Вася, «фокеры» слева! Прикрой, атакую!» Видимо, Вася надёжно прикрыл Юрку, потому что вскоре тот радостно доложил: «Так, один готов!» В паре с совершенно неизвестным мне Васей Кожа вёл бой с фашистами! Я решил ему не мешать. То есть не будить. Пусть себе сбивает фрицев, раз ему так хочется. Жалко мне этих фрицев, что ли? Попросив деда Ивана присмотреть за славным сталинским соколом, я побежал к нему домой.

В моей юной голове созрел соответствующий возрасту совершенно идиотский план: я должен дожидаться момента, когда родители друга лягут спать. Тогда я тихонько приведу Юрку домой, и он, пройдя с моей помощью в свою комнату, быстро разденется и тоже ляжет. Мне казалось, план хорош. Я не мог догадаться тогда, что нормальные родители не смогут спокойно лечь спать, пока ребёнка нет дома. Это я узнал гораздо позже, когда сам дважды испытал радость отцовства. Но тогда у меня родительского опыта не было. Совсем.

На мой звонок дверь открыла Анна Григорьевна, а из-за её плеча в дверном проёме гостинной хорошо была видна кряжистая фигура Павла Васильевича.

«А Юра не пришёл?» – спросил я. «Мы уже и не знаем, что думать», – с тревогой в голосе сказала Анна Григорьевна. Мне стало жалко всех, а особенно Юрку. Он такой славный! Самолёты вон вражеские сбивает. А тут... Юрке грозила суровая кара. В отличие от моего отца, исключившего ещё после восьмого класса из арсенала воспитательных средств экзекуцию, Павел Васильевич (может, по-

тому, что у него не было, как у моего, высшего педагогического образования) всё ещё медлил с введением моратория на телесные наказания.

Пытаясь спасти ситуацию, я начал врать. Я крайне редко врал. Но эта ложь была во благо. Я ведь спасал друга! А как учил Александр Васильевич Суворов? Сам погибай, а товарища выручай! Ну, не говорить же им, что их единственный сын (остальные двое детей, на их счастье, были девочками) сейчас лежит мертвецки пьяный в вонючей кочегарке их же дома? И просить их не волноваться. Типа – он проспит и придёт? Нет, так не пойдёт.

«Значит, мы с ним разошлись. Ребята из параллельного класса были на вечере в третьей школе и сказали, что Юра тоже там был и уходил вместе с ними и ребятами из общаги. Я сейчас туда сбегаю. Так что вы не волнуйтесь, с Юрой всё в порядке». Общагой мы называли интернат на улице Горького, где жили дети пограничников, проходивших службу на заставах. Успокоив, как мне казалось, родителей Кожи, я вернулся в кочегарку. Воздушный бой завершился нашей убедительной победой, поскольку Юрка был жив и лежал на спине с мутным взглядом уже открытых глаз. «Сколько сбил?» – кивнув в сторону Юрки, задал я вопрос деду Ивану. «Точно не скажу, но пять-семь штук точно», – улыбаясь, ответил дед Иван.

Растормошив Юрку, вывел его на улицу. Мороз усилился, это было мне на руку. Поддерживая друга, повёл его на улицу Горького. Улица была пустыня, и мы, в свете фонарей уйдя с заваленных снегом тротуаров, спокойно перемещались посередине дороги. Юрка трезвел!

Посмотрев при тусклом свете уличного фонаря на часы и сообразив, что именно сейчас в далёкой Москве часы на Спасской башне бьют полночь, я решил: пора! И повёл Юрку домой. По дороге я инструктировал его, как нужно себя вести. Повторял для лучшего усвоения одно и то же многократно: «Войдём в квартиру – молчи. Не делай резких движений. В глаза не смотри. Говорить за тебя буду я». В ответ Юрка промывчал, что всё понял.

Мне почему-то казалось, что дверь откроет Лилька, которая училась на год старше нас, и я сдам брата ей на руки, а уж она тихонько уложит его спать. Но сработал худший вариант. Дверь открыл сам Павел Васильевич. Со всей своей хорошо развитой мускулатурой. Забыв все мои наставления, Кожа бодро шагнул навстречу родному отцу, и его повело в сторону. Я только успел ухватить его за рукав и, стоя сзади, удерживал в вертикальном положении.

Павел Васильевич включил свет в прихожей, и его опытный взгляд быстро оценил состояние сына. «Так ты ещё и пьян!» – раздался зычный голос,

и вслед за этой фразой правая рука Юркиного отца нанесла ему удар в лицо. Юрка непременно упал бы, но я, получивший за этот злополучный вечер большую практику в обращении с телом друга, почти автоматически поймал его под мышками и вновь поставил вертикально. Может быть, и зря, так как Павел Васильевич размахивался для второго удара. Не знаю, как я среагировал, но второй удар пришёлся по кисти моей левой руки, которую я инстинктивно выставил вперед, прикрыв Юркино лицо. «Павел Васильевич, не бейте Юру, пожалуйста!» – взмолился я. Меня поддержала вышедшая вслед за мужем Анна Григорьевна. Не помню, что говорила она, но экзекуция прекратилась. Анна Григорьевна поблагодарила меня, что я нашёл сына, и пожелала мне спокойной ночи, намекая, что аудиенция окончена. И я ушёл.

В воскресенье мы все трое должны были идти на день рождения к Злобину из 11«б». С подарками для именинника мы с Лёвкой позвонили в Юркину квартиру. Дверь открыла Анна Григорьевна. На наш вопрос, пойдёт ли Юра на день рождения, она категорично ответила: «Нет! Он под домашним арестом». – «А можно нам поговорить с ним?» – «Поговорите».

Кожины занимали трёхкомнатную квартиру. На пятерых. Кроме Лилки и Юрки, у них была еще одна дочь – Нина, которая в то время пребывала в счастливом пионерском возрасте. Поскольку Юрка отличался от своих сестёр по гендерной принадлежности, он проживал в маленькой, но отдельной комнате. Туда мы с Лёвкой и прошли.

Кожа сидел за столом, подперев голову руками, и тупо смотрел в окно. На наши шаги он повернул голову, и мы увидели большой красивый синяк под левым глазом и в замутнённом взгляде прочитали неимоверное страдание. Да, Юрка первым из нас узнал, что такое похмелье, в этом он опередил нас с Лёвкой на несколько лет. Юрка поведал, что утром, гонимый неимоверной жадой, он выпил залпом три стакана воды и снова запьянел. Да, бесценный опыт передал нам Юрка, отважно прочувствовав на себе всю пагубность злоупотребления алкоголем.

На этом беседа была прервана напоминанием Анны Григорьевны о том, что Юра наказан, а нам пора идти на день рождения.

В понедельник, как и ожидалось, меня подозвал Иван Семёнович и напрямую спросил: «Правда ли, Миша, что вечером в субботу ты, Лёва Гольденберг и Юра Кожин ходили по городу пьяными?» Откуда у него появилась эта информация, догадаться было несложно – Вася-Мася постарался. И хотя информация было достоверной только на 33%, я ответил, что все это не так. Мы просто дурачились. Юра изображал из себя пьяного, а мы с

Лёвой его поддерживали. Опровергнуть мои слова не мог даже Вася-Мася, так как он, то ли из чувства такта, то ли из боязни связываться с пьяными (как ему показалось), близко к нам не подходил и на предмет алкогольного опьянения не тестировал. Семёнович в мою легенду поверил. Или, что наиболее вероятно, сделал вид, что поверил. У нас был замечательный классный руководитель, не только великолепно знавший свой предмет – историю, но и понимавший нас, совсем ещё молодых и порою глупых, но уже пытавшихся вести себя по-взрослому. Светлая ему память.

Следует заметить, что для Юры Кожина данный опыт не прошёл даром. Когда в июле 2011 года Юру провожали в последний путь, один из его друзей, с которым он «крыло в крыло» не раз и не два бороздил воздушный океан, за поминальным столом заметил: «Юрий Павлович никогда не игнорировал компаний, но никто из нас никогда не видел его пьяным». Думаю, что опыт глупого эксперимента со спиртным помог ему раз и навсегда определиться с нормой и никогда её не превышать. Юра был волевым и целеустремлённым человеком. Во всём.

Битва за Москву и психрометр Августа

Педагогический коллектив нашей школы хлеб ел недаром. Движимые стремлением воспитать из нас настоящих строителей коммунизма, педагоги постоянно искали для достижения этой великой цели всё новые и новые стимулы. Одним из таких стимулов стало широко развернувшееся соревнование между старшими классами за суммарное первое место, занявшему которое классу, в качестве морковки, была обещана поездка в Москву. Занявшим же два других призовых места полагались «утешительные призы» по пять мест на поездку от каждого класса. Всех ознакомили с условиями соревнования, и оно началось.

Критерии определения победителей были многогранны. Это и успеваемость, и дисциплина, и качество уборки классных помещений, и участие класса или его отдельных представителей в общественной и спортивной жизни школы, и т. д. и т. п. За всё начислялись баллы.

В первые же недели вырвался 11«б» класс. Они лидировали в первую очередь за счёт учёбы (Аркаша Микичук окончил школу с золотой, а Наташа Михеева с серебряной медалью). Да и класс у них был очень дружный. За последующие места развернулась борьба между нашим 10«б» и 11«в», который в народе называли 11«ж», так как в их классе учились только девочки. Девочки в 11«ж» были

странные. Настолько откровенно стали делать нам мелкие пакости, что это повлекло за собой ответные действия с нашей стороны.

Каждый из старших классов в соответствии с графиком неделю дежурил по школе. Дежурные следили за тем, чтобы младшие школьники на переменах не бегали, не галдели, не дрались. А в конце каждого учебного дня проверяли качество уборки всех старших классов, так как там убирали по очереди сами старшеклассники, а не технички, как у малышей. Классы убирали два человека, попарно. Поскольку мы с Лёвкой сидели за одной партой, то и убирали класс вдвоём. В одно из наших дежурств, когда мы буквально вылизали всё, что только можно было вылизать, к нам заявила авторитетная комиссия от дежурного класса, которым на той неделе был 11«ж», в составе трёх человек под председательством старосты класса. Они тщательно проверили качество нашей работы и, не найдя, к чему придраться, заявили: «В классе холодно!» И на этом основании поставили нам тройку.

Было обидно до зелёных соплей. Мы так старались, а эти кикиморы... Ну, ладно. Мы не стали жаловаться на произвол Семёнычу, а задумались над тем, как мы отомстим «жешницам». И план был выработан. Нужно было только дожидаться условий для его реализации.

И вот настал час мести! Наш класс дежурил по школе, и я, как староста класса, должен был проверять и оценивать качество уборки. Ещё на перемене мы с Лёвкой отправились в кабинет физики и одолжили у лаборантки Нади Капустиной психрометр Августа (если кто забыл – это прибор для измерения влажности воздуха). Надя регулярно просила у меня билеты на КВН, и я ей в этом не отказывал, выдавая из «своего резерва». Поэтому Надя отказать нам не смогла. Спрятав арендованный прибор в шкаф для тряпок, вёдер и швабр, мы затаив дыхание ждали заветного часа икс. Привлекать к акту возмездия Юрку мы не стали. В 11«ж» училась его сестра Лилька, и было решено лишний раз не накалять атмосферу в семье Кожиных.

Держа под мышкой психрометр, мы с Лёвкой важно вошли в кабинет химии, где «квартировал» 11«ж». Девчонки явно постарались, кабинет был убран на совесть. И тогда мы безжалостно развернули психрометр товарища Августа и начали замер. Хотя психрометр Августа и уступал психрометру Асмана, мы произвели замер, а затем, используя формулу Ренью, рассчитали абсолютную влажность воздуха. Не важно, что показывал прибор и показывал ли он что-нибудь вообще. Для нас был важен процесс, осуществляя который мы обращались друг к другу подчеркнуто вежливо, исключительно

как «коллега», и по завершении которого констатировали: «В классе повышена влажность. В таких условиях здесь вредно заниматься». И объявили оценку: «Тройка!», которую я тотчас занёс в специальный оценочный лист. И так же важно, как пришли, мы чинно удалились, игнорируя возмущённые вопли бурно протестующих «жешниц».

Изощённо-издевательская месть состоялась! Упиваясь чувством восстановленной справедливости, мы отправились возвращать прибор Наде Капустиной.

В отличие от нас, девичий класс был начисто лишён благородства. На следующий же день они пожаловались своей классной даме – нашей «химичке». И мы с Лёвкой, сами того не желая, предстали перед светлыми очами Семёныча. «Ну, что вы там проверяли в кабинете химии?» – спросил он, сурово сдвинув брови. Мы объяснили, начав с событий почти двухнедельной давности, когда нам поставили тройку за низкую температуру воздуха, и закончили вопросом: почему температура воздуха может иметь значение в оценке такого важного мероприятия, как уборка класса, а влажность того же воздуха – нет? И Семёныч все понял и, чуть заметно усмехнувшись, нас отпустил. Похоже, он взял нас на поруки. Он не раз демонстрировал нам, ученикам вверенного ему для руководства класса, свою поддержку и, как мог, уберегал от лишних неприятностей.

Лыжня зовёт!

Третья четверть завершилась, и по этому поводу в школе состоялся очередной тематический вечер для старшеклассников. Всё было замечательно, настроение отличное. Итоги социализации подведены, лауреаты определены, и на каникулах предстояла вождённая поездка в столицу нашей Родины – город-герой Москву. Занявший первое место 11«б» ехал в полном составе, а от нашего класса, занявшего второе место, ехали пять человек.

Неожиданно в фойе, где по завершении официальной части вечера зазвучала музыка и начались танцы, появился Иван Семёнович, жестом подозвал меня к себе и сразу взял «быка за рога»: «Миша, твоя поездка в Москву может не состояться. Владимир Ильич (наш преподаватель физкультуры и главный тренер сборной школы по баскетболу В.И. Лисин) поставил тебе двойку по физкультуре, так как ты не был ни на одном занятии по лыжам. Иди домой к Владимиру Ильичу прямо сейчас и договаривайся о сдаче зачета по лыжам». И с этими словами Семёныч протянул мне бумажку с адресом Лисина.

А на следующий день мы должны были принимать участие в городском смотре художественной само-

деятельности, который проводился в гарнизонном Доме офицеров. Я попросил Лёвку зайти ко мне утром, забрать гитару и отнести её прямо в Дом офицеров, а сам тут же отправился к Лисину. Владимир Ильич был дома и совсем не удивился моему появлению. Похоже, они с Семёнычем заранее всё обговорили и действовали по единому замыслу. Мне была назначена встреча в школе в 10.00. Лыжи мне пообещали выдать.

Надо сказать, мой задушевный друг Лёвушка, страдая язвой желудка, от уроков физкультуры был освобождён. А посему, когда в расписании стояла лыжная подготовка, он со спокойной совестью шел домой. Коренные сортавальцы в то время рождались прямо с лыжами. И бегать на них начинали раньше, чем ходить. А мне лыжи были как-то в диковинку. В первом классе, в Эстонии, лыж у нас не было. А в Германии и снег-то видели крайне редко, лыжной подготовки не то что в школе, в воинских частях не было. Вместо лыжных кроссов воины Советской армии мужественно изнуряли себя маршбросками. Нет, на лыжах я несколько раз в жизни стоял. И даже мог неторопливо на них передвигаться. Но это было за десять лет до описываемых событий. И потому каждый раз, когда Лёвка предлагал мне идти вместе с ним домой, я легко соглашался. Не знаю, почему Лисин не сигнализировал об этом Семёнычу, но мои пропуски лыж никого не интересовали. И вот на тебе!

Утром физрук выдал мне лыжи с полужёсткими креплениями и палками, после чего мы вышли на покрытый снегом лёд залива с труднопроизносимым названием Ляппярви. Учитель всем своим видом показывал, что в мыслях у него только одно: научить меня бегать на лыжах. Используя свои прекрасные беговые лыжи, он показал, как нужно бежать, как работать палками, как поворачивать, и потом попросил меня повторить. Убедившись после нескольких повторов, что я уже не падаю, он достал секундомер и одновременно с командой «Марш!» запустил его. Легко выйдя вперёд, он прокладывал мне лыжню, а я, стараясь изо всех сил не отставать, шёл следом. Физрук передвигался легко, совершенно не напрягаясь. Казалось, он летит над заснеженной равниной. Но равнина быстро закончилась, и лыжня пошла вверх. От моих неимоверных усилий по лицу и по всему телу ручьями тек пот. Он заливал глаза, и мне периодически, чтобы не потерять лыжню, приходилось протирать глаза руками. Лисин подбадривал меня незнакомыми мне словами. Наверное, это было что-то из лексикона алеутских каюров, погоняющих ездовых собак. Я старался как мог, но всё больше и больше отставал от учителя. Больше всего меня терзала одна мысль: когда же

мы повернём назад? Компас в моей голове показывал, что мы всё больше удаляемся от залива и школы. Под ложечкой стало колоть, а второе дыхание, о котором я когда-то слышал, всё не приходило. Но остановиться я не мог и продолжал двигаться вслед за увеличивающим отрыв Лисиным. Я завидовал Лёвке с его язвой, ненавидел себя за то, что пропускал занятия, и терпеливо ждал, когда же это всё закончится. Наконец мой ведущий повернул в обратном направлении. Забрехала надежда на скорое окончание моих мучений, да и лыжня пошла вниз, что позволяло немного передохнуть.

Оставалось не более километра, я уже видел крышу нашей школы, как вдруг появился допинг в виде большой, неистово лающей собаки с оскаленной пастью. Повинуясь природному охотничьему инстинкту, собака выбрала в качестве потенциальной жертвы меня. Ведь давно известно, что представители семейства псовых нападают в первую очередь на ослабленных и больных животных. С точки зрения злобного пса, я и был ослабленным и вполне годился на съедение. На моё счастье, собака была не на лыжах и её лапы вязли в глубоком снегу, мешая ей развить крейсерскую скорость. Плюс к этому собачка сумела наконец-то открыть у меня второе дыхание! И я прибавил в скорости настолько, что расстояние между мной и собакой оставалось постоянным. Бешеный лай наконец-то привлёк внимание Ильича, он остановился, пропуская меня вперёд, а затем отогнал одичавшего пса.

И вот наконец долгожданный финиш!

«Для начала не так уж и плохо. Тройку я тебе в четверти поставлю, скажи об этом Ивану Семёновичу», – подвёл итог завершившемуся истязанию Владимир Ильич.

А в это время Лёвка с товарищами из окна гарнизонного Дома офицеров наблюдали мои мучения и упражнялись в остроумии по поводу продемонстрированной мною высокой спортивной подготовки.

Сам себе дирижёр

Недавно из музыкальной энциклопедии я узнал, что дирижирование является одним из сложнейших видов музыкального искусства. Дирижёр обеспечивает ансамблевую стройность и техническое совершенство исполнения. В основе исполнительского плана дирижёра лежит тщательное изучение и максимально точное, бережное воспроизведение текста авторской партитуры... Ну и так далее. А ведь в десятом классе мне казалось, что это так просто.

Весной 1966 года в Сортавальском районе проходила избирательная кампания по выбору народных

судей. И одним из кандидатов была Анна Григорьевна – мать Юрки Кожина.

Весь наш небольшой город был завешан портретами кандидата на переизбрание с лозунгами: «Голосуйте за Анну Григорьевну Кожину!» В погоне за голосами избирателей учащиеся нашей школы давали концерт художественной самодеятельности в посёлке Мелиоратор. Наше трио прибыло в небольшой поселковый клуб, до отказа забитый избирателями. Программа была построена таким образом, что мы стояли где-то в конце, а потому без дела слонялись за кулисами, пока младшие и средние школьники, сменяя друг друга, откалывали на сцене номера. И тут к нам подошёл парнишка из школьного духового оркестра и проникновенным голосом обратился с нижайшей просьбой: «Ребята! Наш дирижёр не пришёл, а мы без него не можем одновременно начать играть. Может, кто-то из вас выйдет на сцену и подаст сигнал руками, чтобы мы начали вместе, а там мы сами... У нас всего два марша».

С одной стороны, ребятам нужно было помочь, а с другой... Короче, все начали перепихивать дирижирование друг на друга. Я не отвечал ни за весь концерт в целом, ни за оркестр в частности, но как-то не хотелось, чтобы наша школа, которую я уже давно стал воспринимать как родную, опростоволосилась. Короче, когда все взоры устремились на меня – я согласился.

Многие современные концертные дирижёры дирижируют наизусть, без партитуры и пульта. Некоторые даже обходятся без такого обязательного атрибута, как дирижёрская палочка. А тогда, в середине шестидесятых годов прошлого века, это было в диковинку. И я могу гордиться, что в этом деле был одним из первопроходцев! Тем более, что я просто НЕ ЗНАЛ ни партитуры, ни музыкантов оркестра. Зато, прожив большую часть своей жизни в военных городках, я не однажды наблюдал на различных мероприятиях и воинских ритуалах, как дирижируют оркестрами военные дирижёры.

Пацаны полукругом расселись на стульях и напряжённо ждали сигнала. И тут на сцену уверенным шагом, стараясь не сутулиться, вышел я. Встав лицом к зрителям, я объявил имя композитора и название исполняемого произведения, после чего повернулся к оркестру. Ребятыня внимательно следила за моими руками. Я поднял обе руки вверх, на уровень лица, и по этому сигналу музыканты поднесли к губам инструменты. Убедившись, что все готовы, я резко опустил руки, и оркестранты дружно начали играть. Играли они неплохо, каждый хорошо знал свою партию, а я, чтобы не стоять истуканом, взмахивал руками в такт марша. Затем, когда мелодия подошла к концу, я воспроизвёл движение, похожее на движе-

ния рук рефери на ринге, символизирующее нокаут. Пацаны одновременно прекратили дуть в трубы и бить в барабаны. Сделав несколько шагов в сторону, чтобы не закрывать музыкантов, подал им руками команду встать. И они встали. Я дал им знак поклониться – и они поклонились. Держа правую руку на сердце, поклонился и я. Зал бурно аплодировал, а мои соратники за кулисами с трудом сдерживались, чтобы не заржать во весь голос.

Насладившись своим дирижёрским успехом, я жестом показал, что оркестр может сесть, и объявил второй номер, который прошёл не менее успешно, чем первый. Вот так триумфально завершился мой дирижёрский дебют. Правда, в дальнейшем мой неожиданно открывшийся талант так и не был востребован. Впрочем, я об этом ничуть не жалею. Каждому своё!

История с географией, или Индийские мотивы

Географичка как предметник пребывала в школе в единственном лице и потому чувствовала себя незаменимой. Удивительно для учителя средней школы, но она не любила детей. И не просто не любила. Она их ненавидела. Ей, на мой взгляд, очень подошла бы работа в системе исполнения наказаний в качестве надзирателя, а не «сеять разумное, доброе, вечное» в обычной школе. Ученики отвечали ей взаимностью и наградили прозвищем Жаба.

Уже не молодая, не привлекательная внешне старая дева применяла довольно странную методику преподавания. Вызвав к доске ученика, она предлагала ему рассказать новый материал, который сама должна была объяснить нам на уроке. Целью этого, мягко говоря, оригинального методического приёма было желание показать нам всем, какие мы тупые и что только с её помощью мы способны получить определённый объём знаний по предмету.

В тот злополучный день, завершив опрос, она вызвала к доске Кожу. «Расскажи-ка нам, Юра, что ты знаешь об Индии».

Надо сказать, что Юрка был очень начитан, причём его интересовало множество различных тем. Он обладал феноменальной памятью, особенно ему удавалось точно запоминать цифры. А прочитав что-то, он мог воспроизвести прочитанное почти дословно. Сонеты Шекспира (а их 154!) Юрка знал наизусть и в двух переводах: Пастернака и Маршака! «Старика Хоттабыча» Кожа тоже читал. И помнил. А потому вдруг решил приколоться: «Индия расположена на самом краю земного диска, который покоится на трёх слонах, стоящих на трёх китах. В Индии живут плешивые люди...»

Жаба не была бы Жабой, если бы просто рассме-

ялась вместе с классом и, посадив Юрку на место, начала бы объяснять новый материал. Но она командовала: «Кожин! Выйди вон из класса!» Юрка молча покинул класс. И тогда поднялся я и задал географичке вопрос: «За что вы удалили Кожина? Он ведь не обязан знать новый материал. Может, у него такие древние представления об Индии». – «Бузик, ты тоже вон из класса!» Я подчинился.

По окончании уроков в классе появился Иван Семёнович с каменным лицом, что не предвещало ничего хорошего. Он сказал, чтобы мы с Юркой следовали за ним, и привел нас в учительскую, где уже находились ряд учителей и наши родители: Анна Григорьевна и мой папа. Это мероприятие называлось малым педсоветом. Суло Абрамович Тойкка, директор школы, предоставил слово географичке. Захлёбываясь слюной от негодования, Жабба начала плести о нас такое!.. Не знаю, как у Юрки, а у меня была лишь одна мысль: «Только бы не расстреляли». На условный срок я уже даже не рассчитывал.

Эстафету перехватила химичка и стала обвинять меня чуть ли не в разврате. Дескать, когда мы занимались в кабинете химии, она попросила, чтобы мы не прикасались к стенгазете, которую выпустили её девочки, а я, мол, на эту просьбу цинично рассмеялся и сказал: «Ха! Девочки! Да это уже целые женщины!» Я хорошо помнил этот эпизод, так же, как и то, что «цинично» смеялся и обзывал девочек женщинами Толя Хусу (в миру – Хусик), а я, как говорится, и рядом не стоял. В том смысле, что не сидел. Потому я заявил, что таких слов не произносил, их сказал кто-то другой. «А кто? – взвилась химичка. – Я хорошо помню, что это ты сказал!» – «Не помню, кто сказал, я на такую ерунду внимания не обратил. Мало ли кто и что говорит. Знаю точно, что я этого не говорил». Неожиданно, в первую очередь для меня, в разговор вмешался мой молчаливый до того папа: «Я вас не понимаю. Зачем вы акцентируете внимание на этой теме? И так уж это и важно, кто это сказал? Ребята, в отличие от вас, ещё не понимают разницу между девочкой и женщиной, а вы разжигаете у них к этому деликатному вопросу интерес. Вы же учитель, педагог! Если вас эта фраза возмутила, то почему вы не подняли этот вопрос перед классным руководителем сразу же, а молчали несколько недель, а теперь раздуваете из мухи слона». Химичка промолчала, и данная тема угасла. Скажу честно, я такого выступления от папы не ожидал! Завершив наш допрос и попросив удалиться, педсовет продолжил за закрытыми дверями.

А через пару дней Семёныч довел до нас решение педсовета. Жабба выдвинула ультиматум: либо нас отчисляют из школы, либо она увольняется с работы. Компромисс всё же был найден. Мы с Юркой до

конца школы не будем посещать Жаббы уроки, а географию изучим самостоятельно, экстерном. В результате до выпуска мы на географию не ходили, а в аттестат нам выставили по тройке. Так мы с Юркой и не узнали, что же это за удивительная страна такая – Индия... А жаль.

Слепая материнская любовь

Однажды по-летнему тёплым майским днём мы с Юркой отправились в городской парк. И не только погулять, но и потренировать Юркин вестибулярный аппарат путём совершения вращательных движений в двух плоскостях одновременно на спортивном тренажёре, называемом лопингом. Уж больно Юрка был охоч до этого снаряда. В мои же функции ассистента входило привязать верхние и нижние конечности будущего лётчика к снаряду специальными, придать первоначальное ускорение и, в случае чего, вызвать скорую помощь.

Выйдя на улицу Ленина, мы одновременно закурили. Курение к концу десятого класса из обычного для подростков баловства уже переросло у нас во вредную стойкую привычку. Мирно беседуя, мы не спеша шли по правой стороне улицы к парку и вовремя не заметили приближающуюся опасность. А опасность исходила от чинно двигавшейся по противоположной стороне навстречу нам супружеской четы Кожиных – Анны Григорьевны и Павла Васильевича. Мы обратили на них внимание только тогда, когда прозвучал зычный голос Павла Васильевича: «Юра, иди сюда!» Услышав строгий родной голос, Юрка избавился от сигареты быстрее молнии. Пока я соображал, что к чему, Юрка уже завершал переход улицы, носящей имя вождя мирового пролетариата. Меня никто не звал, и я, оставаясь на противоположной стороне, спокойно продолжал курить. «Дай закурить!» – чётко произнёс Павел Васильевич и, услышав в ответ лепет сына: «Я не курю», вновь повторил свое требование: «Дай закурить!» Тогда Юра сказал, что у него нет сигарет.

В это время я, спокойно докурив сигарету и выбросив окурочек, подошел к Юре и, вежливо поздоровавшись с его родителями, встал с ним рядом. С моим появлением в разговор вмешалась Анна Григорьевна. Она была милейшим человеком. Интеллигентная, умная, добрая. В своём уже взрослом будущем, изредка бывая в Сортавале, я всегда заходил к ней, пока она была жива, и мы по несколько часов проводили с ней время в интереснейших беседах.

Итак, с моим появлением слово взяла Анна Григорьевна: «Как тебе не стыдно! Брал бы пример с Миши. Вот он идёт рядом с тобой и не курит. Почему тебя всегда тянет на что-то плохое?» Добавить

было нечего. А ведь я вовсе не прятал сигарету в рукав, спокойно докуривая её на противоположной стороне, но это осталось вне поля зрения матери. Её материнское внимание было целиком сосредоточено только на родном сыне, а его друг, то есть я, просто выпал из поля зрения. Оказался в «мёртвой», не просматриваемой матерью зоне. Далее, посмотрев на часы, слово вернул себе Павел Васильевич: «Через десять минут ты должен быть дома, и пусть Лиля засечёт время, когда ты пришёл. Из дома – ни шагу!» На этом наша прогулка была завершена. По кратчайшей дороге, ускоренным шагом, мы пришли к Юркиному дому и попрощались до следующего дня. А Юркин вестибулярный аппарат так и остался в тот день нетренированным.

Последнее выступление

Подсчитано совершенно точно, что всего за десятилетний класс нашим инструментальным трио было дано 22 выступления. Больше половины из них составляли школьные вечера. В школе был установлен порядок, при котором каждый старший класс готовил тематический вечер к какой-либо дате. Этими датами, помимо государственных праздников, являлись и дни рождения поэтов, писателей и других известных в стране и за её пределами достойных людей.

Любой вечер заканчивался танцами. Поскольку наше трио было единственным в школе, а пригласить эстрадный оркестр наших шефов из пограничного отряда удавалось не всегда и не всем, то организаторы вечеров часто обращались к нам с просьбой поиграть на их мероприятии в порядке дружеской помощи. И мы никому не отказывали. Нам нравилось играть! Правда, сами мы почти не танцевали, за исключением небольших перерывов, когда Злобин включал магнитофонные записи. В период «битвы за Москву» наше участие в проведении «чужих» вечеров давало классу дополнительные баллы. Кроме того, мы выступали в концертах художественной самодеятельности на торжественных вечерах, проводимых в Доме офицеров к особым датам. Хорошо помню, как во время исполнения Юрой Степановым песни Джордже Марьяновича «Баллада об отце» сидящие в зале на праздничном концерте в честь Дня Победы ветераны войны не стесняясь плакали. И эту популярную тогда песню мы исполняли для них «на бис».

О двух выступлениях в Москве, как и о выступлении в клубе ММС, я упоминал выше. Все наши выступления через пятьдесят лет после окончания школы вспомнить трудно. Но то, что их было ровно 22, не преувеличение, так как цифра эта хранится в памяти

со школы не только у меня, но и у нашего бессменного руководителя, аранжировщика, композитора и замечательного баяниста Лёвушки Гольденберга. Все наши выступления, кроме последнего, приносили нам моральное удовлетворение и удовлетворение жажды творчества. Кроме последнего, двадцать второго, о котором я и хочу поведать.

В 1965 году в нашем славном городе открылась ещё одна школа – №6. И в этой молодой тогда школе случился первый выпуск – восьмых классов. Восьмиклассники тоже любили «живую» музыку, и руководство школы пошло им в этом навстречу. Поскольку и пограничники, и эстрадный ансамбль мотострелковой дивизии были заняты (может быть, уже «халтурили» в других школах), то вопрос, что называется, повис в воздухе.

А в этой школе работала библиотекарем мама Лёвушки, Анна Исааковна, которая добровольно стала нашим продюсером. Анна Исааковна как бы невзначай довела до сведения заинтересованных в «живой» музыке лиц, что, мол, в 1-й школе есть небольшой ансамбль, который с успехом выступал даже в Москве. И она могла бы попытаться уговорить ребят выступить на выпускном, невзирая на продолжающиеся у этих «молодых артистов» государственные экзамены. Только их нужно немножечко заинтересовать. На «заинтересовать» администрация школы отреагировала с пониманием и пообещала каждому члену ансамбля по 10 рублей советских денег наличными по окончании выступления.

В указанное время группа исполнителей из пяти человек прибыла в школу и приступила к работе. Мы играли и пели весь вечер, с небольшими перерывами, в ходе которых выходили покурить. Счастливые выпускники подходили к нам, благодарили за выступление. И не только на словах, но и на деле. Во втором перерыве нас жёсткими позвали в какой-то закуток, где щедро угостили вином и бутербродами. Выступать в лёгком подпитии нам рекомендовал Лёвушка, которого приучили к этому вполне взрослые дяди ещё тогда, когда он играл в городском ансамбле баянистов. Искусство требует жертв.

В СССР было не принято обманывать детей. Поэтому после выступления мы получили новенькие, хрустящие десятки. Каждому по одной. Это был первый такой большой заработок в нашей жизни.

Выпускной

К выпускному вечеру в нашей школе мы готовились заранее. Нет, мы не думали о новом костюме или модных полуботинках. Мы были выше этого. Правда, с учётом того, что мой единственный чёрный костюм покупался к окончанию восьмого клас-

са, родители намеревались сшить мне новый костюм, для чего планировалось перекрасить в радикальный чёрный цвет папин отрез на китель и брюки. Учитывая, что за два года я практически не вырос, а костюм не успел существенно износиться, я отказался. Папа в то время был майором, мама, получая небольшую зарплату, работала на почте, где я её периодически посещал и учился печатать на пишущей машинке. Так что семья наша жила достаточно скромно, и бананы у нас с Танькой из ушей не торчали. Исходя из этих соображений, я предложил мне костюм не шить, так как если я поступлю в военное училище, то на ближайшие три года костюм мне будет не нужен. А если не поступлю, то пойду работать и смогу сам заработать на костюм. Лучше, считал я, купите Татьяне, девочка, как-никак, ей нарядное платье нужнее. С моей точкой зрения согласились.

Заработанные честным трудом деньги мы отложили на выпускной, который ждали с нетерпением. Прошли последние экзамены, и мы, приодевшись во всё лучшее, пусть и не новое, с сумкой, где лежало несколько бутылок хорошего и по такому случаю дорогого болгарского вина, в последний раз пришли в школу. Для сохранности сумку с вином сдали уже упоминавшейся выше Наде Капустиной из лаборатории физики.

Прошла официальная акция с яркими и содержательными выступлениями ряда уважаемых должностных лиц, которые от имени и по поручению, и от себя лично наговорили нам массу пожеланий и напутствий. Завершилась официальная часть вручением аттестатов о полном среднем образовании. Потом были танцы, играла музыка, но мы свою жизнь в искусстве уже завершили и потому отдыхали, как и все остальные выпускники. По хорошей русской традиции, всякое жизненно важное событие полагалось отметить, для чего и было припасено вино. Однако вина у Капустиной не оказалось. «Кто-то украл», – констатировала она, бесстыже глядя нам в глаза. Разочарованные и кристально трезвые, мы уныло потянулись к выходу.

Где-то на лестнице меня перехватил отец нашей одноклассницы Зои Мачневой, который уже стал бывшим председателем родительского комитета класса: «Миша, пойдём со мной». Я, решив, что ему требуется какая-то помощь, послушно пошёл за ним, и мы оказались в классе, где уже завершили празднование наши родители. Класс был пуст, но на столах осталось много недопитого и недоеденного. Я понял, что тов. Мачневу хотелось ещё добавить, но он был глубоко порядочным человеком и потому не мог пить один. Я должен был составить ему компанию. Налив мне и себе водки, он душевно произнёс тост, и мы, чокнувшись, выпи-

ли. Потом ещё раз. И ещё. Потом я, несмотря на то, что тостов у экс-председателя припасено было ещё на несколько выпускных, сказал, что мне уже хватит. На этом мы обнялись и расстались.

Внизу меня ждали трезвые и потому злые Лёвка и Юрка. Я им объяснил причину задержки. Они меня поняли и простили.

Потом мы троём гуляли всю ночь напролёт. Я только заглянул домой за гитарой. Это была ночь, когда мы должны были проститься с Лёвушкой. Утром 3 июля он покидал Сортавалу навсегда. Его отец уже несколько месяцев находился в Петрозаводске, куда был переведён по службе и где ему была предоставлена квартира. Ждали только момента, когда старший сын получит аттестат. Вот и дождались.

Перед посадкой в поезд мы крепко обнялись. Лёвушка даже немножко всплакнул, он всегда был сентиментальным. Да и у нас с Юркой глаза были на мокром месте. Было ужасно грустно и оттого, что мы расставались, и оттого, что закончилась школа, а вместе с её окончанием закончилось и наше радостное, беспечное и беззаботное детство.

Впереди ждала манящая и вместе с тем страшная своей неизвестностью взрослая жизнь.

Долгое прощание

Мы крепко сдружились за два года учёбы в школе. Расставаться было очень тяжело. Могли ли мы вместе поступать в какой-нибудь один вуз? Наверное, могли бы. Теоретически. Но для этого кто-то должен был отказаться от своих жизненных планов, от своего призвания и пойти вслед за другом туда, куда его совсем не тянуло. Лёвка не мог стать военным. Ни лётчиком, ни артиллеристом – из-за язвы желудка. Я не мог стать лётчиком из-за зрения (один глаз у меня был в то время 0,8, а требовалась «единица» на оба глаза). А становиться врачами у нас с Юркой не было никакого желания, с таким настроением в медицине от нас было бы вреда больше, чем пользы. Однако самым главным было всё-таки то, что у каждого из нас были свои устремления. И мы, подчиняясь этим устремлениям, покинули Сортавалу и разъехались в разные стороны. Тогда, 50 лет тому назад, нам казалось, что это навсегда.

В начале августа 1966 года завершились проводившиеся в учебном центре училища, что под Лугой, вступительные экзамены, и на мандатной комиссии мне объявили о зачислении на первый курс. Уже к вечеру нас коротко остригли, помыли в бане и переодели в тщательно выстиранное, отремонтированное, но старое обмундирование. Зато курсантские погоны выдали новенькие. Я ликовав – моя заветная мечта исполнилась!

Начались суровые будни. Погода изобиловала дождями, старые сапоги протекали, отчего в кровь стиравшие ноги портянки были постоянно мокрые. Правда, стало заметно меньше комаров – наверное, потянулись в жаркие страны. Кормили нас регулярно, питательно, но невкусно. После завтрака мы по шесть часов проводили в поле на занятиях, проходя так называемый «курс молодого бойца». Ликование в душе плавно переросло в уныние.

Не подумайте только, что воскресенье у нас был выходной. В воскресенье не было физзарядки и занятий, но была работа. После завтрака первокурсники направлялись на строительство топографического полигона. Работа была предельно проста: выносить с просеки стволы спиленных деревьев и грузить их на лесовозы. Естественно, на своих плечах и по щиколотку в воде.

В один из редких перерывов я устроился на пенёчке и, закулив сигарету, предавался отдыху. Ветер дул со стороны палаточного лагеря и хорошо было слышно музыку, которую транслировали по натянному вдоль передней линейки громкоговорителем. И вдруг до моего слуха донёсся голос Лидии Клемент, которая пела «Карелию»: «Долго будет Карелия снится, будут снится с этих пор...» Эта песня всколыхнула в душе воспоминания о доме, родителях, о школьных друзьях. По щекам невольно потекли слезы. Смертельно захотелось домой, в уютную Сортавалу, где в квартире тепло и сухо, где мама готовит вкусненькое на обед, где не нужно одеваться за 45 секунд и, задыхаясь, бегать по утрам на длинные дистанции в мокрых портянках и дырявых сапогах.

К тому моменту человека три с нашего взвода уже разочаровались в профессии офицера и уехали домой. Никто и не удерживал. Выживали сильнейшие, а в училище, как говорил нам командир взвода, должны были остаться «твёрдые искровцы». И в душу мою закралась, заползла мерзкой и скользкой змеей мыслишка: «Может, тоже написать рапорт? Уже вечером буду в Ленинграде, а на следующий день – в Сортавале. Может, ну её к черту, эту армию, с её суровыми порядками и грубыми командирами? И на «гражданке» люди живут».

И тут ясно и отчётливо я представил себе картину, как в старом, застиранном х/б без погон я пробираюсь к дому. Как встречаю по дороге кого-нибудь из одноклассников и как объясняюсь, почему вернулся домой. И все будут говорить: «Мишка Бузик – слабак и трепач! Все его прежние разговоры об армии, об училище, как и курсантские песни под гитару, – пустая болтовня. Поступил в училище, но, испугавшись первых же трудностей, сбежал».

Мне стало стыдно за свою минутную слабость.

Бросив в песок и растоптав каблук сапога окурки, я вернулся на просеку таскать брёвна.

Впереди меня ждало ещё много трудностей. Караулы, суточные наряды, наряды на работу, разгрузка картофеля на овощебазе, изнурительные легкоатлетические и лыжные кроссы, маршброски и тренировки к параду и многое другое. Но никогда больше меня не посещала мысль уйти из училища. Спасибо моим дорогим одноклассникам за то, что их гипотетическое осуждение уберегло меня тогда от опрометчивого шага.

Жизнь показала, что в выборе профессии никто из нас троих не ошибся.

Юрий Кожин успешно окончил Тамбовское высшее военное авиационное училище лётчиков имени Марины Расковой, стал прекрасным военным лётчиком, о котором сослуживцы говорили: «лётчик божьей милостью». В 1983 году с отличием окончил командный факультет Военно-воздушной академии имени Ю. А. Гагарина. Много лет успешно командовал полком, выполняя ответственные учебно-боевые задания командования, за что был награжден орденом Красной Звезды. В 1991 году приказом министра обороны СССР Юрию Кожину была присвоена высшая для военного лётчика квалификация «Лётчик-снайпер».

В 1992 году полковник Кожин отказался принимать присягу на верность Украине, где его застал развал СССР. В обмен на благоустроенную, с мягким климатом Украину он получил назначение на Мыс Шмидта Чукотского автономного округа Магаданской области. На должность командира базы ВВС РФ. Военную службу он закончил в звании полковника, занимая должность начальника штаба – заместителя командующего группировкой Военно-воздушных сил РФ в Арктике. В пгт Тикси, Республика Саха (Якутия).

Лев Гольденберг, успешно окончив медицинский факультет Петрозаводского государственного факультета, стал замечательным врачом-терапевтом. Пройдя различные медицинские должности в карельской глубинке, вплоть до главного врача поселковой больницы в посёлке Спасская Губа, должность участкового врача в Ленинграде, он стал заместителем главного врача поликлиники по экспертизе. Лёвушка прекрасный диагност! Отменное знание профессии позволяет ему ставить правильный диагноз по признакам, которые не замечают многие его коллеги. Но лучше всего о результатах его работы говорят люди, которые у него лечились. Несмотря на то что с 2010 года он не работает, к нему на улице подходят люди и с радостными лицами рассказывают о своих делах и благодарят за

избавление от недугов. Уверен, что к плохому врачу никто и никогда не подойдёт.

Лёва на всю жизнь сохранил оптимизм, деликатность, великолепное, искромётное чувство юмора, любовь и уважение к окружающим его людям. Он пишет замечательные стихи и эпиграммы (некоторые даже опубликованы), принимает участие в поэтических конкурсах, где неоднократно становился победителем и удостоивался ценных призов.

Моя жизнь в избранной с юных лет профессии военного сложилась следующим образом. Окончив в 1969 году Ленинградское артиллерийское ордена Ленина Краснознамённое училище имени Красного Октября, я одиннадцать лет проходил службу на различных командно-штабных должностях в войсках, пройдя путь от командира огневого взвода до командира дивизиона реактивных систем залпового огня «Ураган». В 1983 году окончил с отличием командный факультет Военной артиллерийской ордена Ленина Краснознамённой академии имени М. И. Калинина, после чего продолжил учёбу в адъюнктуре. По окончании адъюнктуры успешно защитил кандидатскую диссертацию. Преподавал в академии, в 1991 году получил учёное звание «доцент». Военную службу закончил в воинском звании полковник и в должности начальника командно-инженерного факультета академии.

И все эти годы мы, школьные друзья, продолжали дружить и встречаться. Когда обзавелись семьями – встречались и семьями. За десятилетия службы и работы у каждого из нас появилось много товарищей и друзей из числа однокурсников, сослуживцев, соседей и прочих встретившихся на жизненном пути категорий граждан. Но школьная дружба была, для меня во всяком случае, приоритетной. Это потому,

что школьная дружба – самая чистая, самая искренняя! Она лишена меркантильности, расчета с какой-либо стороны. Мы сохранили в нашей дружбе ту непосредственность, которая была присуща нам в годы юности. Может быть, поэтому, когда мы снова и снова встречались, то вновь превращались в тех легкомысленных больших детей, которыми много лет назад были в старших классах школы.

Последний раз мы все трое встречались в первых числах августа 2008 года в Сортавале. И на этот раз нам удалось попасть в родную 1-ю среднюю школу.

P.S. Я очень благодарен судьбе за то, что она занесла меня в своё время в Сортавалу, о существовании которой до ноября 1964 года я даже не подозревал. За то, что я обрёл там своих самых лучших, самых замечательных, самых верных и преданных друзей. Настоящих друзей. На всю жизнь. И за других одноклассников своих, умных и не очень, открытых, коммуникабельных или скромных, застенчивых, отличников и троечников – и в школе и по жизни, веселых и грустных – всяких! – я благодарен судьбе и этому городу. И нашей средней школе № 1 г. Сортавалы.

Впервые за пятьдесят лет после окончания школы мы встретились вновь нашим классом в этом прекрасном городе 25 июня 2016 года, те, кого удалось разыскать – так сказать, остатки былой роскоши. Ряды наши, конечно, поредели – не все дожили до этого дня, мы не помолодели, но, несмотря на морщины и лишние килограммы, несмотря на седины и зубные протезы – мы ещё живы! И есть ещё порох в пороховницах!

Михаил Юрьевич БУЗИК

родился в 1949 г. на Камчатке в семье потомственного военного.

После окончания Ленинградского артиллерийского училища служил на командно-штабных должностях в войсках ГСВГ.

В 1980 году поступил на командный факультет Военной артиллерийской ордена Ленина Краснознамённой академии, после окончания которой с отличием был зачислен в адъюнктуру, преподавал, был начальником командно-инженерного факультета академии.

Кандидат военных наук, доцент, полковник.

После увольнения в запас работал в вузах Санкт-Петербурга на педагогических и руководящих должностях.

Живёт в Санкт-Петербурге.

В журнале «Север» публикуется впервые.

Сергей ПЫЛЕВ

г. Воронеж

Пёс с золотыми зубами

(документальная повесть)

Однажды в конце восьмидесятых годов
прошлого века пришёл к нам
в Воронежский Дом литератора незнакомый
мужчина: высокий,
ещё не утративший впечатление человека
выносливого, хваткого,
но явно с давно не улыбавшимся,
как навсегда замершим лицом.

«Алексей Павлович Данильченко, —
представился он первому,
кто оказался у него на пути.

Этим первым стал я.

— Мне есть что тебе рассказать.

Ведь я Сталина одолел. И ты напишешь книгу.

Я из крестьян. Родился в 1907 году.

В слободе Велико-Михайловской.

Была Курской, потом Воронежской,
теперь Белгородской области.

В тридцать седьмом сподобился сесть
по известной пятьдесят восьмой статье.

В итоге у меня за плечами двадцать лет
колымских «санаториев».

Я единственный из всех колымских зэков,
кто бежал на Большую землю».

Он передал мне выдавшие виды
карандашные записки, в которых старательно
поведал, на что способен так называемый
простой человек, если тоталитарное
государство наступит на него своим
безжалостным казённым сапогом.

Тогда, в годы перестройки,
вновь писать о сталинских репрессиях
показалось мне запоздалым занятием.

Особенно после А. Солженицына,
В. Шаламова, А. Жигулина...

Все были уверены, что отныне и навсегда
в России тема беспредельного,
самоубийственного обожествления власти
канула в Лету.

Через четверть века я с тяжёлым чувством
решил дать ход залежавшейся рукописи:
стал всё чаще встречать людей, заражённых
ожившим вирусом сталинизма,
людей, яростно затосковавших
по расправе с инакомыслящими.

В сравнении с последствиями
всего этого лихорадка Эбола
покажется не страшнее насморка.

«Бежать с Колымы невозможно».

В. Шаламов. «Зелёный прокурор»

После смены принял я дома свои законные сто граммов и жду Маринку ужинать: она что-то на рынке задержалась. А тут ещё дети по своим кроваткам дружно взялись плакать. Только я занялся ими, как в комнату кто-то настойчиво постучал. Оказалось, незнакомый мужчина. Как видно, спешил, даже запыхался. Я решил, что это один из тех новосёлов, кому или электричество надо срочно подвести, или радио подключить. По этой заботе дорогу ко мне в общежитие все в округе знали.

Только мой гость незваный вместо магарыча сунул мне под нос документы энкавэдэшника:

– Хочу, Данильченко, пройтись с тобой.

Я растерялся.

– Жены нет... Как я детей одних оставлю?

Стали вдвоём ждать Маринку. Не теряя времени даром, энкавэдэшник порылся в наших вещах. Их было не так много. Само собой, на место он ничего не клал. Потом, чтобы как-то занять себя, сел возле детских кроваток и принялся газетой старательно отгонять мух от наших малышей.

Я через такую его неожиданную заботливость даже несколько поуспокоился. Да и авторитет у меня в наших вагоноремонтных мастерских немалый: передовик, рационализатор, спортсмен. Прошлой зимой участвовал в лыжном переходе. Шли несколько дней. Через плечо у всех красные ленты. Провожали и встречали нас с оркестром. На финише состоялся митинг. Сам товарищ Варейкис, член ЦК ВКП (б), наш воронежский первый секретарь обкома партии, пожал всем лыжникам руки. И ещё назвал нас под аплодисменты «гонцами коммунизма». Я рабочий человек, одним словом! Какие могут быть вопросы ко мне у органов?

Когда Маринка вернулась, так сразу и засуетилась с ужином: гость в доме.

– У нас срочное дело! – остановил я её. – Нам с человеком надо пойти потолковать...

За порогом я остановился:

– Говори, чего хотел!

– Не здесь, – сказал энкавэдэшник. – Для этого есть более подходящее место. Там тебя ждёт один человек.

По дороге я совсем успокоился. Если бы меня собирались арестовать, так уже втолкнули в «воронку». Слышал я, как берут органы врагов народа. И делают это в основном по ночам. Значит, что-то здесь другое.

В райотдел НКВД вошёл я без всяких задних мыслей. Дежурный записал меня в журнал и повёл через внутренний двор к каким-то длинным кирпичным сараям в глубине. Там отобрали у меня ремень, сняли с туфель шнурки, вытащили из кармана монтерский нож и плоскогубцы – инструмент, с которым я никогда не расставался.

Перед железной дверью камеры я было упёрся:

– Погодите, меня здесь один человек ждёт! Который привёл меня. Где он? Нам поговорить надо!

Дежурный усмехнулся:

– Он занят.

– Всё равно передайте ему, что я тут!

– Обязательно передам...

Заступив порог камеры, я безрадостно огляделся. На одной из коек, согнувшись, сидел бледный полный мужчина.

– Здравствуйте! – сказал я, ещё не теряя оптимизма.

Толстяк тупо взглянул на меня:

– За что угодил сюда?

– Сам не пойму...

– Дурак! Ляпнул что-нибудь?

– Кто его знает. Я человек простой.

Принесли ужин. Принюхавшись к еде, я отодвинул свою миску.

– На такой харч у меня аппетита нет. Лучше поголодаю до завтра. К обеду меня, наверное, уже отпустят.

– Эх, ты! – чуть не взвизгнул сосед. – К обеду! А может быть, к завтраку? Они поторопятся... Тебя, небось, жена ждёт, детишки?..

– Ждут... – вздохнул я.

– Так вот пусть наберутся терпения... Лет на десять!..

– Не пугай! Я не уркаган и не враг народа!

– Дело говорю. Я здесь уже шестой месяц и кое-что понял. У нас на мехзаводе авария произошла, – меня и арестовали. Теперь хотят, чтобы я себя оговорил... По их логике, если я из бывших, то, выходит, самый что ни на есть вредитель.

«А может, ты и в самом деле враг народа?..» – мрачно подумал я и с той минуты уже рта с ним не раскрыл: и когда он попытался расспрашивать меня, какие новости на воле, и когда среди ночи вдруг ни с того ни с сего расплакался по-бабьи.

Все дни, которые мне пришлось провести с ним в камере, отношения между нами оставались натянутыми. Позже я очень пожалел о таком своём отношении к нему, но что-либо поправить было поздно. Мой сосед тоже замкнулся. Он теперь не заговаривал не только со мной, но и с теми двумя, которых через неделю посадили в нашу камеру.

К этому времени я уже привычно ел из тюремной

миски. Только вот со своим положением арестанта по-прежнему не смирился. Напротив, день ото дня в моей голове всё прибавлялось убедительных слов в доказательство произошедшей в отношении меня ошибки. Только выслушать их было некому. Про меня точно навсегда забыли. Допросы начались лишь на десятый день.

В полночь разбудили и повели к следователю. Тот сидел на втором этаже в большом сумрачном кабинете. Горела только одна лампа – настольная, под синим абажуром. Рядом на серебряном подносе – человеческий череп.

Слова, которыми я собирался защищаться, напрочь вылетели из головы.

Следователь спросил фамилию, имя, сухо поинтересовался годом рождения.

И вдруг перешёл на крик:

– В какой организации состоишь?! Троцкист?! Сколько вас?! Где храните оружие?! Какие инструкции получал от Варейкиса? Отпирательство бесполезно!

Я попытался что-то сказать. Он замахнулся наганом.

– Знаешь, куда попал? От нас живым не уйдёшь!

И рукояткой – в лоб. Кровь так и поплыла.

– В камеру! – слышу. Как видно, пожалел следователь свой кабинет. У него там персидский ковёр во весь пол лежал. Мне же того и надо: хоть какой-то перерыв, чтобы собраться с мыслями, понять, чего от меня добиваются.

И понял, когда мне пересчитали все зубы. Понял, тупо глядя на череп, похожий на дырявый булыжник...

...Недавно в октябре на заводе собрали митинг. Оказывается, наш Варейкис арестован. Будто бы он создал в Черноземье контрреволюционную правотроцкистскую организацию. Все возмущённо потребовали расстрелять этого врага народа как бешеную собаку. Я хорошо помнил этого человека, когда-то пожавшего мне руку. Взгляд глубокий, острый, но не колкий, располагающий к себе. Говорил без начальственного напора. И одет был скромно. Потом же все мы знали, что Варейкис награждён орденом Ленина. Вот и выкрикнул я с места: «А вдруг человека оговорили?! Партия разберётся!!!»

Только никто на мои слова не отозвался. Как не расслышали их за общим гвалтом.

...Но кому надо, оказывается, слушал.

Поняв в изоляторе, что из меня хотят сделать опасного государственного преступника, я не подписал ни одного пункта обвинения.

В конце концов меня передали другому следователю. Этот с первого дня разрешил передачи и свидания. Не знаю, делал ли он так, потому что работал

в органах недавно, а до того учительствовал, или применял особую тактику?

Как бы там ни было, но и у него я ни в чём не признал за собой вины. Более того, я не сдержался и популярно объяснил ему, что мне ясней ясного, почему они взялись за это липовое дело с таким рвением: настоящий враг им не по зубам.

И меня отправили в общую тюрьму.

В камере на шесть коек оказалось четырнадцать человек, в основном уголовники. Всё лучшее по здешним меркам было для них.

Поэтому четверо политических: я, ещё бывший секретарь Варейкисовского райкома Воронежа, священник и бывший красный партизан, – на ночь укладывались попеременно вдвоём на одной койке и укрывались одним одеялом. Его нам не хватало на обоих, но чаще всего не хватало как раз партийному секретарю – батюшка, его сосед по койке, во сне изо всех сил тянул одеяло на себя. По этому поводу у нас среди ночи часто вспыхивали скандалы.

– Эй, интернационал поповский! – кричали тогда уголовники. – Не мешайте дрыхнуть!

Беспредел в камере продолжался до тех пор, пока один из блатарей не проиграл в карты глаз дежурного. Он взял деревянную ложку и начал стучать в дверь.

– Дежурный! В шестую! Скорей!

– Что надо? – спросонья отозвался тот и глянул в волчок.

Уголовник черенком ложки с вывертом ударил его в глаз. Тот выскочил и повис луковицей на ниточке.

Блатных отправили в карцер. Мы почувствовали себя почти вольготно, если не считать, что время от времени продолжались однообразные допросы. Следователи часто менялись, но методы оставались прежние: кто бил, кто прикармливал.

...Через полгода я что-то там несуразное подписал про призывы к ослаблению Советской власти, – сопротивляться больше не мог.

Меня судили в декабре тридцать седьмого.

Посторонних на заседании никого не было, но Маринку с детьми пропустили. Она пришла, чтобы показать судьям, с какими крохами остаётся одна.

Само собой, на приговоре это не сказалось.

Тяп-ляп, и за полчаса мне впаяли десять лет.

– Обвинение против меня вздорное! Никак не могу я быть врагом народа, потому что я сам – народ! Я ни в чём не виноват, и никакие ваши запоры меня не удержат! – сказал я в последнем слове.

Так в моём формуляре появилась предупредительная красная полоса: склонен к побегу.

На суде мне объяснили, что я имею право в пятидневный срок подать кассационную жалобу. Но я так и не смог выпросить у тюремного началь-

ства бумагу и чернила. Отчаявшись, написал жалобу огрызком карандаша на клочке газеты. Ответ, понятно, не получил.

В конце марта была подготовлена к этапу большая группа. Утром нас, человек четыреста, вывели во двор. Когда распахнули ворота, у меня волосы дыбом встали: толпа женщин возле тюрьмы разом взвыла. Они бросились к нам. Мелькнуло исхудавшее лицо Маринки. Солдаты окружили этап, раздалось несколько предупредительных выстрелов.

Около часа конвою не удавалось навести порядок. Женщин было не оттащить. Они падали и хватались за наши ноги, за ноги солдат. Плач и мат перемешались. Воспользовавшись суматохой, двое блатарей смогли бежать.

В конце концов нас затолкали в товарные вагоны.

Маринка всё-таки нашла меня и подняла на руках старшенького.

Увидев отца за решёткой, он весело потянулся:

– Папа, это твоя хата?

– Ага, сынок... – отозвался я, стараясь не замечать мёртвый взгляд жены.

В это время подали паровоз, состав тронулся.

Женщины закричали в последний раз. И чем громче был этот вопль, тем тише становилось в вагонах. Самые матёрые уголовники и те уронили головы.

Где-то через неделю в соседнем вагоне уголовники доской от нар подважили дверь. Она упала. Люди стали прыгать на ходу. Поезд остановился. Открыв огонь, конвой бросился в погоню за беглецами. Только никого задержать не удалось: они уже ушли далеко в лес.

Стояли часа два.

Время от времени из щели доносились выстрелы.

Нам раздали обед: постный перловый суп с затхлыми солёными помидорами.

...Наконец солдаты вернулись. Оказывается, они всё-таки убили одного из тех, за кем гнались.

В назидание нам труп пронесли на жердях вдоль эшелона. Мы с тревожным любопытством всматривались в забрызганное кровью лицо. Мне показалось, что на губах беглеца была дерзкая улыбка, словно ему удалось даже нечто большее, чем просто побег...

Теперь на каждой остановке охрана била деревянными молотками по стенам вагонов, проверяя их надёжность. Раз в ночь нас пересчитывали, перегоняя с одного места на другое. Если замешкаешься, попадало прикладом по спине.

За Уралом стало по-настоящему морозно, и в вагоны поставили буржуйки, дали нам немного угля.

На одной из остановок возле какого-то посёлка

мой сосед по нарам сладил из гвоздя крючок и поймал на него любопытную курицу.

Под хохот конвоя затянул её в вагон. В итоге мне тоже перепал и горячий бульон, и кусок крыла. Чистоту в ресторане побывал.

А по пути всё чаще стали попадаться лагеря, как один украшенные кумачовыми лозунгами. Всё чаще обгоняли друг друга составы с арестантами. Это было великое переселение народов, только в обратную сторону.

В Новосибирске в одночасье сошлись семь таких эшелонов.

– Откель, мужики? – кричат из одного.

– С Донбасса! А вы?

– Минск!

– Ташкент!

– Ленинград!

– Воронеж!

– Сталино!

– Москва!

И следом из «московского» мощное, дружное:

– Хлеба! Воды!!!

Утихомирить такое невозможно. Так что начальство начало поспешно отправлять самые беспокойные эшелоны. Тронулись и мы. Кстати, мой шустрый сосед, который недавно подрыбачил курицу, всё это время преспокойно лежал на нарах, закрыв глаза, и напевал сквозь шум: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек...» Пел он искренне, без подначки. Просто очень нравилась ему эта песня, её раздольная мелодия.

В Красноярске нас впервые за месяц сводили в баню, остригли наголо наши завшивевшие головы и наспех обрили физиономии. Попы, которых среди нас было немало, поначалу не давались, но их умело валяли, как баранов, держали за руки и ноги, придавив к полу. Блатных эта процедура вволю развеселила. А улыбнуться у эзков повод нечасто находился... Так что никто на них не обиделся.

Кстати, у многих политических в бане под шумок уркаганы увели деньги и одежду.

Наконец мы добрались до Иркутска. Это, считай, половина пути.

Когда проезжали по-над Байкалом, многие видели на высокой скале вырубленный человеческий череп, а под ним большими красными буквами печальная истина: «Я был таким, как ты... Ты будешь таким, как я».

Но живой думает о живом. Я всё время помнил, что впереди Уссурийск, куда уже почти закончены вторые пути так называемого БАМа, и там меня ждёт Маринка. Перед расставанием она обещала, что переберётся из Воронежа сюда к матери. Так что последние дни я особенно часто бросал через решётку

письма жене – сообщал примерный день и час, когда эшелон остановится в Уссурийске.

Там были мы за полночь.

Я пробрался в темноте к окну.

– Маринка... – поначалу негромко позвал я.

А потом уже крикнул настойчивей:

– Маринка!!!

– Чего орёшь, дурак?.. – сказал кто-то у меня за спиной. – Она о тебе давно забыла и уже в постели с другим.

Я сник: что возразишь этому человеку? Только на смех поднимут...

Стояли в Уссурийске час, но наше свидание с женой так и не состоялось. Возможно, Маринка не получила мои письма. Возможно, ещё что. Мало ли какая причина могла помешать ей прийти на станцию?

До самого утра, пока не прибыли во Владивосток, я не отходил от окна.

На новом месте туманно и сыро. Тепло пахнет морем.

Медленно, как больные, вылезали мы из вагонов. За полтора месяца разучились толком ходить. С непривычки болели и спина, и ноги. И бока. Болело даже то, что, казалось бы, болеть не должно. Однако от одной хвори эта долгая дорога через всю страну кое-кого излечила – от пьянки.

Пересыльный лагерь находился за скалой. На его воротах на самом видном месте висел плакат: «Добро пожаловать!» И жаловали сюда эшелон за эшелон.

Принимали на Ванинской пересылке строго по формулярам. Потом баня, прожарка одежды, и только тогда вели в переполненные бараки.

Четыре раза в месяц отсюда пароходами возили арестантов на Колыму.

Я попал в первую партию.

На пристань шли строем по десять человек в ряду. Конвой усиленный. Наша колонна из пятнадцати тысяч человек растянулась на целых два километра.

Вдруг в третьем ряду от меня какой-то зэк вёртко скинул свой прорезиненный плащ, а под ним у него – матросский бушлат. На повороте, где поглазеть на нас собрались любопытные из местных, он мигом припечтатал на голову бескозырку и шмыгнул в толпу зевак.

Ещё и пошутить успел на прощание:

– А то и меня посчитают за арестанта!

Я невольно ждал, что сейчас раздадутся выстрелы. Но ни одного не было. Конвой побег не заметил. Оставалось только восхищаться такой находчивостью. Я до головокружения позавидовал «морячку».

В трюмы парохода мы опускались как в пропасть. Там уже через полчаса люди начали задыхаться.

Поднялся гвалт:

– Умираю! Пить! Капитана!..

Молчали те, кто потерял сознание.

Дышать становилось всё трудней. Лицо моё набрякло, словно я висел вниз головой.

– Товарищи! – подал голос врач из заключённых. – Кто может, срочно несите наверх тех, кому особенно плохо!

Я взялся помогать. Так у меня появилась возможность хотя бы время от времени полной грудью вдыхать свежий морской воздух.

Он сразу прибавил мне сил. Я решил что-нибудь придумать, но только не возвращаться в ад под палубой. Вижу: открыта дверь в машинное отделение. Я сунулся туда.

– Чего тебе?! – закричали на меня со всех сторон моряки.

– Как найти судового электрика?.. – глухо сказал я. Мне показали.

Он был на месте и играл в шахматы с механиком.

– Послушай, товарищ... – сказал я. – Мы задыхаемся в трюме. Помоги хоть мне. Я уверен, что у тебя много работы. Возьми в подручные!

– Я тут не распоряжаюсь... – нахмурился электрик. – Как механик решит.

Тот как раз думал над очередным ходом. В общем, ответ ждал я долго.

Очень долго.

Наконец ход был сделан. Он оказался удачным.

– Мат! – вдохновенно улыбнулся механик. – Ладно, возьми его... Хрен с ним. Всё равно отсюда никуда не сбежит.

Так я поселился в каюте электрика. Мне даже оформили свободный пропуск.

Вскоре я сидел перед миской наваристого флотского борща. Рядом стояла тарелка с жареной картошкой и гусятиной. Электрик достал из шкафчика бутылку спирта. Мне налил щедро, полкружки.

– Тяни! Если не справишься, можешь сразу уходить в свой трюм!

Я растерялся:

– Как же мне после такой дозы работать?

Электрик и себе щедро плеснул.

– Мне твоя работа не нужна. Поешь как следует и ложись спать. Тебя в Магадан не к теще на блины везут. Жалко мне вас всех...

Следующей ночью проходили пролив Лаперуза. Я, как фон-барон, мылся в душе.

Вдруг резкий свет ударил в иллюминатор.

Я кинулся на палубу: военный корабль, бдительно вперив в темноту огонь прожекторов и стволы орудий, решительно приближался к нам.

Дико вскрикивала сирена. А вдалеке у горизонта виднелось множество переливчатых огней. Явно берег... Чей?..

– Просим капитана! – крикнули в рупор с боевого корабля.

– Капитан слушает! – отозвались на нашем пароходе.

– Что везёте?

– Стройматериалы!

– Следуйте за нами на малом ходу! Вы оказались в японских территориальных водах!

Тотчас по команде капитана все трюмы с заключёнными были задраены брезентом. Если люди задыхались и до этого, то можно представить их теперешнее положение. Позже я узнал, что трое там зажмурились навсегда.

«Что если японцы приведут наш пароход в свой порт?.. – с надеждой задумался я. – Они обязательно начнут осматривать его, найдут нас и освободят!»

Я огляделся.

«А если нет?.. Конвоя не видно! Попрятались... Может быть, не ждать и прыгнуть в море? Никто не решится стрелять в чужих водах!»

Японский берег казался таким близким...

– Ты что задумал?! – вдруг наскочил на меня электрик. – Смотри, Алёшка, влипнешь! И я заодно с тобой! Не шустри!!!

Пока я мешкал, огни военного корабля скрылись в неожиданно накатившем плотном тяжёлом тумане. Под его прикрытием наш пароход, раскрутив машины на всю мощь, поспешно сбежал в нейтральные воды. На двенадцатые сутки прибыли в Нагаево.

Когда нас встречали, на берегу бодро играл духовой оркестр. Однако у меня при виде голых, безрадостных сопков с редкими уродливыми берёзками сжалось сердце.

На второпях сколоченный помост забрался какой-то зэк из местных старожилов. Над ним пузырился размашистый кумачовый лозунг: «Труд в СССР дело чести, дело доблести и героизма!»

– Прошу десять минут внимания! – крикнул оратор, встав за трибуну. – Товарищи! Вас привезли сюда искупать вину! Будете хорошо работать – получите неплохую еду, добротную одежду, обувь и даже приличное денежное вознаграждение. Хлеб с маслом с обеих сторон и сладкий чай, считайте, обеспечены вам ежедневно! Но если вздумаете уваливать от работы или вообще от неё откажетесь – пеняйте на себя! Таким век свободы не видать!

– А какая здесь работа, дядя? – раздалось из толпы.

– Золото откапывать!

– А если я его тут не закапывал?.. Значит, и вы-

капывать не обязан! – заключил остряк под обший хохот.

– Такие мудрецы здесь были и будут! – усмехнулся оратор. – Но жизнь их всегда заканчивалась печально... Я уверен, что вы в большинстве выберете для себя честный труд! А теперь – в столовую! Там для вас приготовлен хороший обед. И не толпитесь! Всем хватит!

Обед в самом деле оказался отменный. Даже после сытного флотского камбуза лагерное меню порадовало: мясо, каша с маслом, консервированные овощи и вдоволь солёная треска, кета.

Одним словом, не сразу обухом по голове.

В Магадан отправили пешком: тут пути километра три. Конвоя было заметно меньше, чем во Владивостоке. Оно и понятно – бежать отсюда некуда...

По весне многих из нас отправили ещё дальше на север, на прииски: трое суток везли на машине, потом мы плыли на барже. Я впервые увидел реку Колыму – полноводная, с красивыми берегами. И тянутся по ней один за другим пароходы с баржами.

Удивило: столько ехали – край света! – а кругом люди, техника...

И, конечно же, опутанные колючей проволокой лагеря. В одном, как я узнал позже, осуждённые с тридцать второго года за колоски без амнистии, в другом – в Сеймчане – женщины, жёны «врагов народа». Отбывала тут срок и жена Тухачевского. И для них основная работа – лесоповал.

Когда мы ненадолго сошли на берег, женщины обступили нас и молчат... Как-то страшно молчат...

За Сеймчаном пароход напоролся на подводную мель – после бурного весеннего паводка сменился фарватер Колымы. Я и ещё трое поплыли на баркасе к берегу, чтобы зацепить трос за листовенницы. Шкипер рассчитывал стащить пароход с мели лебёдкой. Только трос, натянувшись, захлестнул шкипера и утянул на дно. Пока ныряли за утопленником, развязывали петлю, уровень воды упал настолько, что мель, на которую налетел наш пароход, успела оголиться. Теперь нечего было и думать, чтобы освободиться самим.

Три дня ждали буксир. Паёк для зёков урезали, пришлось поголодать. Кое-кто безуспешно пытался ловить рыбу. Я всё приглядывался, как бы отсюда бежать? Однако вид бурной реки отменил все мои сумасбродные планы.

Только на десятые сутки ночью прибыли на место – Новая Зырянка. Но и здесь на берег сошли не сразу. Ещё дня два жили на баржах, потому что не были готовы бараки. Арестантов в этих краях и без нас хватало.

Я попал в бригаду, которая тянула через лес линию связи в Верхнеколымск. Кстати, он меня разо-

чаровал. Только одно название что город: десятка два рубленных домов без крыш, – сверху на доски насыпана земля, уже давно поросшая бурьяном.

Работать выходили без конвоя. В первый же день нас так искушали комары, что мы перестали узнавать друг друга. За месяц бригада едва дотянула до города шесть пар проводов: мы часто отвлекались ловить в протоках рыбу – штанами и рубашками. Ловили удачно и ели досыта: варёную, жареную, вяленую. Куда ни ступи – ежевика, голубика, брусника. Много куропадок. Зайцев целые стада. И медведи встречались. Как-то один залез в продуктовую палатку – охранники убили его, а мясо сдали на кухню. Вообще поначалу нас кормили хорошо. После работы получали ещё и по семьдесят пять граммов спирта – от цинги. Помогало и от тоски, но не очень.

Кстати, деньги нам раз в месяц исправно платили. Мне, как монтеру радиостанции, было назначено восемьсот семьдесят пять рублей. Кое у кого из старых лагерников скопилось в матрацах тысяч до ста.

Радиоцентр устроили на берегу в церкви. Отсюда из окна мой начальник Столяров бил уток и гусей. После каждого удачного выстрела я в высоких резиновых сапогах лез в воду за добычей. Остальные птицы невозмутимо плавали рядом со мной. То ли ещё не научились бояться людей, то ли ослабели после перелёта. Сколько я их потом ощипывал, все тушки были тощие. И только однажды попался лебедь на полпуда. Он разбился насмерть, сам, после того как Столяров подстрелил его худосочную подругу.

В июне началось наводнение. Колыма быстро, в одну ночь разлилась километров на шестьдесят. По посёлку плавали лодки и катера.

Зсков снова переселили на баржи.

Мы со Столяровым остались в церкви, при радиостанции. У нас была лодка. Однажды Столярову удалось поймать в реке бочку с растительным маслом. Мука нашлась. Мы жарили на примусе оладьи и не знали голода.

Как-то вечером мимо радиостанции пронесло на льдине человека.

– Товарищи! Братцы!! Спасите!! Сволочи! На помощь!!! – кричал он, стоя на четвереньках.

Однако никто не рискнул поплыть к нему. Колыма кишла убойными льдинами. Вскоре они напористо сжали у затона наш пароход. Их пробовали взрывать и повредили его днище. Пароход стал тонуть. К нему подвели, как подпорки, две пустые баржи, установили на них насосы, чтобы наложить на пробину брезентовый пластырь. Но среди команды не нашлось охотников лезть в ледяную воду.

Тогда нырнул я. Потом меня обтёрли спиртом,

дали выпить. К этому времени вода в трюмах начала заметно убывать.

– Моряки зачуханные! – с досадой обратился капитан к своей команде. – И не стыдно вам? Зэк ради народного имущества рискнул жизнью, а вы? Последний раз хожу с вами!

Наконец Колыма вернулась в своё русло. Когда в посёлке подсохло, лагерники стали прокладывать узкоколейку к угольному карьеру. Прорезая дорогой небольшую сопку, наткнулись на мамонта. Тысячи лет пролежал он в вечной мерзлоте, но мясо оказалось свежим. Всю тушу скормили нартовым собакам. Ели они охотно.

...Из бивней я в свободное время вытачивал шахматы, домино, игральные кубики, веера для жён начальников. Недостатка в заказах не было. Спасибо нашему деревенскому фельдшеру дворянину Льву Максимовичу Руженцеву: он и грамоте меня выучил, и ремёслам всяким. В том числе разным фокусам. Его во всей округе, между прочим, побаивались. А меня он выделил, к себе приблизил. Загадочный был человек, невероятные опыты физические делал. Будто бы даже дирижабль изобрёл, чтобы на нём до Луны полететь. Голову электрическую собрал и в шахматы с ней состязался. Когда Лев Максимович напротив неё за стол садился, то меня ставил рядом вращать ручку динамо-машины. Однако уже после первого хода голова начала чадить из ноздрей и ушей, искрить из глаз и, наконец, ярко, взрывчато вспыхивала. Как бы там ни было, но я благодаря ей накоротке освоился с электричеством. Ко всему прочему, сад Руженцева, внешне неухоженный, без тропок, с ядовитыми крапивными куртинами, во всей губернии славился невиданными сортами яблок, груш и всякими заморскими плодами вроде ореха грецкого, черешни и даже инжира. При всём при том этих грозных зарослей многие в округе побаивались. Дурная слава за ними водилась. Говаривали, что люди в его саду порой безвозвратно исчезали, если с нехорошими намерениями приходили. Вроде Руженцев построил тоннель в какую-то другую неведомую жизнь. Как бы там ни было, но когда в восемнадцатом нагрянул за ним революционный отряд, так обратно уже из сада не появился. По крайней мере, никто из местных красноармейцев больше не видел. Сам же Лев Максимович тоже куда-то исчез. Как и его усадьба. Ни следа от неё не осталось. Словно по воздуху в неведомые дали перенеслась.

Я как узнал от соседских ребятишек про красноармейцев, так хотел сразу бежать на выручку Руженцеву, но отец меня не пустил, а чтобы я не ослушался, привязал во дворе к дубу вожжам.

Только Лев Максимович меня таким уловкам обу-

чил, что я легко на раз извернулся от пут, но нарушить родительский запрет не рискнул.

... В тридцать восьмом колымская вольница закончилась. В тот год взяли начальника Управления Мовсесяна, потом моего Столярова, следом – главбуха. Его жена успела покончить с собой: перерезала вены. Арестовывали одного за другим инженеров, капитанов кораблей, партработников, а в конце концов взяли попившего зэковской кровушки самого начальника Дальстроя Эдуарда Петровича Берзина. Будто бы японским шпионом оказался. А начальник здешнего НКВД Фёдоров застрелился в своём кабинете.

Для вновь арестованных стали спешно строить тюрьму, а до того долго держали в палатках в энкавэдэшном дворе.

Однако новый казённый дом первыми заняли зэки из крестов Зелёного Мыса, что возле Нижнеколымска. Привезли их оттуда человек двести, но они здесь долго не задержались: ежедневно на вечерней поверке зачитывались приказы о расстреле всё новых и новых зелёномысцев. Да и на какую пощаду им можно было рассчитывать? Несколько месяцев назад, в феврале, они подняли в своём лагере восстание: начальника охраны убили, солдат заперли в изоляторе. На Зелёный Мыс нагрянула военная экспедиция...

Порядки и быт в лагерях резко изменились. Пайки урезали. Не стало для нас и продуктовых ларьков. Мы забыли о зарплате.

Вместо спирта от цинги стали давать хвойный отвар, от которого лагерники ещё больше болели. Если раньше поверки делались в бараках и палатках, то теперь нас после десятичасового рабочего дня поздним вечером по звону рельса созывали во двор.

Уставшие и голодные, мы еле выползали на эту длинную, изнурительную процедуру, которую не отменяли ни нередкий семидесятиградусный мороз, ни сумасшедшая метель.

Построит нас лагерное начальство и начинает выкликать фамилии. А их почти тысяча. И каждый должен в ответ чётко назваться, выкрикнуть свою статью и срок. Продолжалось это часа по два.

Но только разойдутся лагерники и улягутся, как снова их зовёт рельс: малограмотная охрана запуталась в своих талмудах. Что-то у них там не сошлось. И процедура проверки повторяется. Порой эти мучения растягивались далеко за полночь. А подъём – в пять... Некоторые на такой поверке умирали.

Но ещё делались попытки сохранить видимость сносных условий в лагерях. Был у нас организован кружок самодеятельности. Руководил им какой-то народный артист. Само собой, из зэков.

Зрителей в клубе всегда собиралось много. На первых рядах начальство с жёнами, за ними охранники, дальше – вольнонаёмные, «вольняшки». А на сцене – тощие, полубморочные зэки с неестественно длинными из-за худобы шеями что есть мочи тянут песню о том, как весело и привольно живётся в нашей стране.

Да и как не тянуть, как не стараться, если артистов после концерта ждёт спасительный гононар – двести дополнительных граммов хлеба и рыбная котлета каждому.

Я не был мастак петь, а вот фокусы, каким меня фельдшер Руженцев обучил, показывал. Я их сотни две знал. Спичечный коробок словно сам собой поднимался у меня по руке. Носовой платок то становился на угол, то ложился плашмя на стол. Моне-та проваливалась сквозь стол в кружку.

Между прочим, как-то ещё до лагерей эти фокусы даже подвели меня. Мы тогда с Маринкой стояли на квартире. В один из вечеров я под настроение кое-что из них показал хозяину с хозяйкой.

Сам глядел на меня с восхищением, а вот жена – подозрительно.

И вдруг тихо так говорит:

– Ты, Алёшка, колдун! Я тебя боюсь... Ты не обижайся, но, пожалуйста, ищи для себя другую квартиру...

И ушла ночевать к соседям.

На другой день мы с женой съехали.

...Осенью тридцать восьмого я впервые получил от Маринки письмо и фото (его вскоре украсили: Маринка у меня красивая).

К этому времени начальника Управления Мовсесяна сменил Белоцерковский, а Белоцерковского – Шубин. Через месяц и его арестовали вместе с женой. Я видел, как их водили на допрос: лица перекошенные, лилово-синие, икры ног отёчно распухли, так что голенища сапог разрезаны чуть ли не до самых каблуков.

После Шубина наше управление возглавил Жданов. И сразу же посадил лагерников на тощую баланду, чтобы его за экономию высокое начальство отметило.

Однажды вызвал меня, сунул два больших куса мамонтового бивня и велел выточить шахматы. За работу пообещал восемь красненьких тридцаток, масло, сахар, консервы и две бутылки спирта. Божеская цена! И было ясно – не обманет. Одно только условие поставил: никому ничего не говорить и продукты в зону не заносить.

Но словно сорвалось что-то у меня в душе. Ты никто, и звать тебя никем. Такой же, как я. Как все мы тут. Даже стреляют вас чаще. Но почему ты барином передо мной стоишь, щёки надуваешь? Наш Ружен-

цев не в пример тебе был родовитый дворянин, а и то во мне человека видел, учил грамоте, физике, задачки геометрические решать.

– Насчёт шахмат не смогу... Руки уже не те стали... – глухо выдохнул я. – И не просите!

– Скотина неблагодарная... – сдержанно сказал Жданов. – Ну, Данильченко, считай, отхавался ты и чёрного, и белого!

На следующий день я уже не был электриком. После развода меня под конвоем отправили загружать углём баржи. Здесь ко мне придрались, что на телогрейке нет пуговицы, а вечером на проходной мне дали прочитать наскоро состряпанный приказ: «За демонстративное появление в непопозволенном виде водворить в штрафной изолятор сроком на пять суток с выводом на работы».

После ужина за мной в столовую пришёл дежурный, чтобы отвести ночевать в холодный «шизо».

– Пока не поговорю с начальником лагеря – никуда не пойду! – упёрся я, вдруг ощутив решимость постоять за себя. – С места не стронусь! Это произвол!

– Смотри, хуже будет... – сказал дежурный, но отступился.

Через некоторое время открылась дверь палатки и меня окружили трое: староста, нарядчик и воспитатель.

– Ты почему не пошёл в изолятор?

– Требую начальника лагеря!

Нарядчик бросился мне под ноги. Меня попытались свалить.

Кричу что есть силы:

– Начальника!!!

А он тут и входит. Как видно, за дверью стоял. И с ним ещё двое энкавэдэшников.

– Я здесь, – говорит. – В чём дело?

– Данильченко оказал сопротивление! – доложил староста.

– Зря я, значит, белым хлебом вас кормлю? – усмехнулся Жданов своим холуям. – Арестанту шею обломать не можете?!

Он ловко ухватил меня за шиворот и потащил к двери.

– Гражданин начальник! – закричал я у него из-под руки. – Брось! Выслушай меня! Дай пять слов сказать!

А он ещё больше пыжится:

– Ничего не хочу слушать! Я про тебя, гнида, и так всё знаю!

И тут мне стало не по себе. Такое недавно было со мной, когда я отказался делать Жданову шахматы. В общем, не заметил я, как перешагнул черту: отшвырнул от себя начальника лагеря в угол палатки и замахнулся на него невесть как оказавшимся у меня в руках бачком от умывальника.

И вдруг слышу откуда-то из-под ног его вопль:

– Применить оружие!!!

Один из энкавэдэшников, Негадов, выдернул наган из кобуры. Выстрел был прямо мне в лицо. Но я – невероятное везение – на миг раньше поскользнулся, и пуля пролетела в пустоту. Правда, своё дело она в какой-то мере исполнила: пробила ухо подходившему к палатке кочегару. Но об этом я узнал потом, а сразу после выстрела – потерял сознание. Не у всякого выдержат нервы, когда в него в упор палят.

– Доигрался! Тащите труп из палатки! – раздалось надо мной.

Воспитатель и нарядчик ухватили меня за ноги. Когда поволокли, я пришёл в себя и машинально попытался вырваться. Они отскочили.

– Жив!..

– Встать! Руки вверх! – скомандовал Негадов.

Я покорно выполнил приказ.

– Следуй вперёд!

Мы пошли. Негадов громко сказал у меня за спиной:

– Первый раз я промазал! Только заруби себе на носу: не жалец ты! Я тебя всё равно теперь прикончу!

Я знал, что это говорилось не для красного словца.

И стал я искать возможность поскорей распрощаться с Новой Зырянкой и Негадовым. Как никогда начали томить меня мысли о побеге... Не раз с тоской вспоминался мне лунный дирижабль Льва Максимовича. Но да что теперь об этой фантастике рядить-городить.

А тут и конкретный случай подвернулся: из нашего лагеря должны были передать в бухту Амбарчик четыреста человек для выгрузки пароходов. Я попросил знакомую телефонистку Быкову, чтобы она убедила своего мужа, начальника учётно-распределительной части, включить меня в список для отправки этапом. Я горько признался ей, что если она этого не сделает, то Негадов в самое ближайшее время застрелит меня. Быкова пообещала уговорить мужа и слово сдержала.

Вскоре погрузили нас на две баржи и потянули вниз по Колыме.

Сопровождали этап только два конвоира. Так что в пути мы чувствовали себя вольными людьми. В Среднеколымске сделали остановку и запаслись у якутов юколой. Дорогой ели её вдоволь.

Наконец показалось вдали мрачное Восточно-Сибирское море. Правда, по незнанию мы считали, будто видим перед собой сам Ледовитый океан. Я представлял его себе с плавающими айсбергами, но ничего подобного не было: только серо-синяя морозная хмарь.

В бухте Амбарчик наши баржи пришвартовались у пристани. Нам велели побыстрее выгрузиться и идти в зону спать. Было двенадцать часов ночи, но ещё достаточно светло. Размытый шарик северного солнца как застрял над горизонтом. Конец июля, а погода день ото дня холодней. Чудна наша планета! Чего только нет на ней...

Утром нас разбили по бригадам и повели на работу. Без конвоя! Я понял, что правильно поступил, напросившись сюда. Меня и ещё девять человек поставили разгружать баржу с продуктами. Я такого харча уже давно не видел: копчёности, сало, сыры, соки. И для кого только?.. В общем, не удержались мы и кое-что стали потихоньку брать. Десятник заметил. Реакция его была самая неожиданная:

– Кушайте, ребятки, что хотите, открыто! – щедро улыбнулся он. – Вот тут колбаса, там – масло, конфеты «Мишка на Севере»... Лучшего пока нет. Только в зону ничего не берите. Иначе у меня и вас будут большие неприятности...

Никто не ослушался. При всём при том я понимал, что наше удовольствие очень даже временное. Сегодня как сыр в масле катаемся, а завтра пошлют разгружать уголь или соль.

Осмотревшись, я начал украдкой заготавливать самое необходимое для побега. Удобней момент придумать было нельзя: на работу и с работы мы ходили по посёлку свободно. Если тебе хотелось побродить по здешним улочкам, то и это не возбранялось. Правда, особенно здесь не находишься: всего-то с десяток халуп, конюшня, баня – вот и весь посёлок Амбарчик.

Первый мой план побега был таким: идти вверх по Колыме до реки Омолон. Омолоню подняться километром на триста пятьдесят, перевалить хребет и выйти к реке Анадырь. Сделав плот, по ней и её притокам углубиться в сторону Чукотского полуострова. Уже оттуда, в тумане, дойти по льду до Аляски.

Под сопку, неподалёку от лагерной конюшни, я стал прятать в снег краденое: полмешка белой муки, мешок риса, соль, спички, маленькую палатку, два полушубка, ящик сливочного масла, болотные сапоги...

Оставалось самое сложное – подыскать подходящего напарника. Одному побег по такому плану, какой был у меня, – верная смерть.

Как-то наш тракторист вёз сани с дровами и подсадил меня. Рядом, недолго думая, пристроились два блатаря. По дороге они поссорились. В итоге один другого хватил поленом по голове. Раненый обмяк и захрипел. Недолго думая, второй толкнул его в снег, а меня предупредил:

– Смотри, помалкивай. Не то сам знаешь, что с тобой будет.

Однако через два дня ко мне подошёл арестант, которого я уже считал мёртвым.

– Тебя скоро вызовет следователь. Ты скажешь всю правду. Иначе гляди, мужик...

Итак, за спиной у меня Негадов, а впереди уголовники, из которых не один, так другой однозначно расправится со мной.

Первым делом я подошёл к своему соседу по нарам Грише Нечепуренко:

– Есть, друг мой, возможность драпануть. Как ты на это смотришь?

– С тобой – согласен!

– Тогда не станем тянуть. Сегодня отваливаем.

– Что так сразу?

– У меня всё на мази.

Гриша наконец сообразил, что разговор не шуточный.

– Надо подумать... – замялся он.

Я всё понял:

– Ладно, друг мой, я тебе ничего не говорил.

– Зуб даю!

Я отошёл и присел на нары возле нашего лагерного конюха:

– Ванюша... Не пора ли нам с тобой на волю? Ведь обидно: ни за что срок тянем! Ни урки мы, ни политические.

У него даже слёзы на глазах выступили. Иван согласился безо всякого, только план мой существенно подправил – бежать предложил на лошадях. Он их подготовит, и мы весь груз, припрятанный мной возле сопки, навьючим на лошадиные спины.

Конечно, заманчивый у Вани вариант оказался, но не без изъяна. В тундре с лошадьми нас могут легко заметить местные и поймать. Им за это хорошо платят: деньгами, мукой, порохом...

В конце концов мы с Иваном решили, что нам нужен человек, который знает здесь все пути-дорожки. Искать долго не пришлось.

В лагерь на днях определили старика чукчу: этот большой умник будто бы пытался перебраться на Аляску стадо оленей, а на самом деле просто заблудился в пургу.

Я сразу решил – он будет нашим проводником. Но как и где договориться с ним без посторонних глаз? Из зоны старика не выпускали. Он работал при столовой, дрова пилил.

Понимая, что рискую многим, я подошёл к нему:

– Здорово, отец!

– Здравая, санок! – засмеялся старик, резко дёргая пилу.

– Ты и я – айда тайга! – ломаю язык.

– Ты и я айда тайга! – весело повторил он за мной.

– Лошади, Берингов пролив...

– Гы-гы! Лошадка Беринга!..

Стало ясно, что старик ничего не понимает и вряд ли поймёт. Я помог ему допилить дрова и ушёл, но из своих планов его окончательно не вычеркнул. Заставить меня отказаться от мысли о побеге было уже невозможно. А тут ещё Маринка приснилась... Плачет, что детишки наши вроде как умерли... Чёрт знает что прибудет арестанту!

Накануне побега я ещё раз проверил запасы. Иван приготовил лошадей. Между прочим, мы с ним, собравшись на волю, даже курить бросили! Во-первых, чтобы лишний раз проверить твёрдость характера. Во-вторых, курящий даже в бегах, заведя чью-нибудь лодку или палатку, обязательно полезет спросить табачку, а это лишний шанс ни за что погубить себя.

В тот день мы с трудом дождались темноты...

И вот наконец я захожу в палатку, где спит старик чукча. Решил вывести его наружу: он не глупей нас и, оглядевшись под звёздами, быстро всё поймёт про лошадей и Берингов пролив. Если, конечно, он не хитрит. Но как его найти на норах? Народу в палатке немало. Я заволновался и стал искать нашего «проводника», тормоза всех подряд. Одно одеяло сбросил, другое... Это никому не понравилось.

В палатке поднялся шум, и мне пришлось уйти ни с чем.

На другой день все мои планы, к огорчению Ивана, поменялись. После развода начальник лагеря приказал нарядчику срочно собрать дополнительную бригаду и послать на пароход «Мироныч»: тот в полдень отходил на Ленинград, и надо было успеть вовремя разгрузить трюмы.

Я загорелся попасть в эту бригаду.

И вот что значит – удача! Когда её строили, мне удалось встать в шеренгу. А под бушлатом у меня – хлеб, колбаса из моих «беглых» запасов.

У пирса нас ждал катер. Взяв бригаду, двадцать семь человек, – он сразу отчалил и пошёл в море к «Миронычу».

Было десять часов утра двадцать девятого августа одна тысяча девятьсот тридцать девятого года. Пароход стоял на рейде в двенадцати километрах от берега.

В пути несколько раз успела поменяться погода: то наваливался грузный туман, то вдруг ударял дождь или принимался падать комьями сырой снег.

Я сидел на корме за перегородкой и, нахохлившись, судорожно обдумывал новый план побега.

Метров за сто от «Мироныча» с него крикнули в рупор:

– На катере! На катере!!!

– На катере слушают!! – бодро отозвался старший.

– Бригаду везёте?!

– К вам!!

– Вы здесь уже не нужны! Ночная бригада скоро всё сама закончит. Идите назад!!

– Лево на борт! – радостно скомандовал старший. Отворачивая, наш катер оказался рядом с баржей, пришвартованной к «Миронычу».

Я прыгнул на неё. Не раздумывая. Я прыгнул, когда мы поравнялись с рулевой рубкой. Словно кто-то невидимый меня подхватил и мигом перенёс с одного места на другое.

Прыжок – и сразу за дверь.

Уже из рубки тайком глянул в сторону уходившего катера. С него мне помахал рукой Гриша Нечепуренко. Удачи пожелал.

Я взял палец в зубы: мол, помалкивай, друг мой!

Он улыбнулся.

Набирая скорость, катер скрылся за снежными комьями.

Я настороженно осмотрелся. На барже как будто никого, хотя на подоконнике каюты лежали свежие газеты. Я машинально прихватил их с собой.

С «Мироныча», приманывая, свисал верёвочный трап. Я мигом поднялся по нему. Помахивая газетами как ни в чём не бывало, направился по палубе к угольной яме. Она оказалась засыпана под самый потолок: дорога «Миронычу» предстояла дальняя.

Я полез наверх и почти полчаса разбирал угольные завалы. Свой проход, чтобы сделать его незаметным, старательно забросал. Но у борта вырыл небольшое углубление и улёгся. Лишь теперь я заметил на руках кровь и почувствовал боль. Пробираясь сюда, я посбивал ногти и изрезался. Но да всё это не беда. Главное – свобода!

Только свобода ли?..

Вот уже колокол ударил двенадцать часов, а пароход стоит. Слышно, как работает кран. Кто-то пробежал по палубе.

Я лежу, зализываю кровь.

Опять звякает колокол. Это два часа. Кран, кажется, наконец остановился.

«Ну, – думаю, – пора бы отходить!..»

Но нет.

Бьёт шестнадцать часов.

Пароход стоит.

В голову полезли очень даже невесёлые мысли: может быть, старший уже хватился меня? Или Нечепуренко проговорился ради дополнительной пайки?..

Колокол насчитал десять вечера.

Пароход стоит. Теперь-то он будет стоять... Как видно, уже начались поиски, сейчас придут и сюда. Наверняка «Мироныч», как полагается, получил приказ задержаться до прибытия опергруппы. Эти станут искать с собаками. Ясней ясного, чем с минуты

на минуту закончится мой побег. Особенно если здесь окажется кто-то вроде Негадова.

Истерзавший мою душу колокол отметил полночь.

Я окончательно убедился, что «Мироныч» не уйдёт, пока не будет сделан тщательный обыск.

В это время на пароходе, подтверждая худшие мои опасения, взвыла сирена.

Тревога?..

Я уныло подумал: «Опера прибыли...» И стал прислушиваться: с собаками или нет? Хотя, в принципе, какая разница. В любом случае меня разыщут. Даже лучше, если быстрее.

Но не прошло и десяти минут, как «Мироныч» вдруг дал гудок. Ему откликнулись другие пароходы. Я не поверил своим ушам. Это же прощальная перекличка!

«Мироныч» ещё раз солидно прогудел, – и заработала машина.

Стали со скрежетом поднимать якоря.

«Чур, чур!» – горячо пронеслось в голове.

Я перекрестился и тихо проговорил арестантскую молитву: «Господи! Вынеси меня из этого ада! Пошли мне в пути пищу и возможность драпануть в первом попавшемся порту!»

Теперь можно было и заснуть. И я заснул.

...К утру руки-ноги задеревенели от холода. Я понял, что долго здесь не выдержу. Надо перебираться поближе к кочегарке. Стал делать ещё один проход. Копал уголь, пока не долез до тепла над кочегаркой. Здесь согрелся и немного поел из своих запасов. А потом снова уснул. Спал лучше, чем дома на перине.

Через сутки мне впервые захотелось пить. Этого я по неопытности не предвидел. Считал, что от недоедания жажда долго не будет. Но с каждым часом она становилась всё сильнее. И наконец сделалась невыносимой. А тут ещё я нашёл в металлической стенке отверстие от выпавшей заклёпки и через него теперь мог видеть коридор, дверь в кают-компанию, а возле неё бачок с водой, кружку на цепочке. Над бачком – шкафчик, из которого матросы время от времени брали хлеб, колбасу, сыр и сахар.

В общем, обзор мне открылся что надо...

Не глядеть бы в эту дырку, да только глаза сами тянутся.

И я отчаянно решил ночью сходить к заветному бачку, а заодно сделать ревизию шкафчика.

Дождался темноты.

Вот уже никого нет на палубе. Пусто в коридоре. Я быстро проделал ход к двери, встал на ноги. Озираясь, прошёл по трапу, открыл железный люк.

И не ошибся. За ним в углу висел тот самый заветный бачок.

Я вылил в себя две литровых кружки благодат-

ной холодной воды, добавил третью и прихватил немного пилёного сахара и колбасы. Хотелось взять больше, но я опасался, что это будет заметно.

Выпив через силу ещё одну кружку, я осторожно направился в свою угольную берлогу. По дороге спохватился, что не взял воды про запас. Ведь мог же найти какое-нибудь ведро. В конце концов, банку. Однако возвращаться показалось мне рискованно.

На вторые сутки у меня после колбасы и сахара снова разгорелась нестерпимая жажда. Стало трудно дышать. Слюны не было.

Я никогда ничего подобного не испытывал. Стало ясно, что я или сойду с ума, или сдамся...

Надо мной через угольную яму тянулась водяная труба, и я попытался проковырять её перочинным ножом на фланцевом соединении. Возился долго и старательно.

Наконец вода закапала! Но моя радость была огорчена: она оказалась морской.

А среди дня в угольную яму вдруг вошли двое.

– Подай переноску! – сказал один.

И слышу – лезет в том самом месте, где я пробирался первый раз.

Сомнений не было: ищут меня.

– Ну что там, Саша? – донеслось. – Есть какие-нибудь признаки?

– Вроде есть, а вроде нет... Погоди, попытаюсь ещё немного пробраться вперёд.

Моя яма была достаточно надёжно забаррикадирована кусками угля. Затаив дыхание, смотрю в щель. Видно свет лампы. Он приближается. Саша, почти добравшись до моего укрытия, поднял переноску и стал куда-то глядываться. Я хорошо видел его руку с татуировкой.

– Какие дела? – опять раздалось от двери.

Я напрягся. Чтобы обнаружить меня, Саше оставалось пролезть под балку. Однако он то ли не догадался, то ли не захотел этого делать.

Лампочка отодвинулась. Переговорив о чём-то, эти двое наконец ушли.

Теперь я снова не отрывался от дырки, через которую был виден бачок. Он подтекал, и это удесятерило мою жажду. К вечеру я был готов умереть за глоток воды. Мысли копошились в голове, словно черви на солнцепёке. Порой я плакал, но без слёз. Откуда им было взяться?..

Минута за минутой, час за часом отчаянно ждал, пока команда разойдётся спать. Но у матросов сегодня, как назло, был какой-то праздник. Они допоздна гуляли в кают-компании: играли на баяне, пели песни, потом заспорили. Один всё время задиристо бросался в драку. Его уговари-

вали, удерживали, а потом скрутили руки морским узлом и силой уволокли в каюту.

Далеко за полночь я выполз из своей берлоги, но встать на ноги сразу не смог – меня заваливало. Обессилел без воды.

Держась за стенки, кое-как направился к бачку.

Ночь. На мачте горит слабый топовый огонь. Шатаясь, добрался до той двери, которая мне нужна.

Бачок пуст.

Я упал на колени. Рядом увидел помойное ведро и радостно вцепился в него. Хотелось поскорей наглотаться хоть какой-нибудь жижицы. Не чувствуя безразличия, судорожно зачмокал губами, но впустую. В ведре тоже ни капли. Одни отходы.

Тогда я решил пройти на корму. Знал, что там есть рулевая паровая лебёдка и, значит, должен течь конденсат.

Приоткрыл дверь в небольшой узкий коридор. Справа и слева ещё двери. Заглянул в одну, а там на крючьях вдоль стены висят огромные серебристые нельмы. В каждой пуда по два жирного сочного мяса. За другой дверью – олени туши. Только мне сейчас было не до этого богатства. Даже прошёл равнодушно мимо большого плавающего компаса, хотя слышал, что он на спирту. Я искал воду и больше ничего не хотел.

Наконец увидел паровую лебёдку. Она вдруг заработала, и тотчас забежали два поршневых шатуна. Через сальник зашипел пар. Я нетерпеливо попытался уловить ртом хоть немного влаги. И обжёг губы. Ещё раз попытался и теперь едва не ошпарил всё лицо.

И вдруг бросился мне почему-то в глаза иллюминатор, задраенный чугуновой крышкой. Я кое-как открыл его и, потянувшись рукой, нащупал стеклянные банки. Ухватил одну: компот яблочный консервированный! Засмеялся – и лезу за второй. Виноградный сок! Периковый! Сливовый!

Я обставил себя банками – не унести. Сел между ними и стал мечтать, как сейчас найду мешок, утяну всё это море питья к себе в угольную яму и нахлебаюсь до рвоты!

Хотел тут же сорвать хоть с одной банки металлическую крышку, но только дёсны порезал. Крови не было, загустела без воды.

И вдруг открывается входная дверь. Вначале показалась чья-то рука, а в ней гаечный ключ и молоток.

Вошёл матрос в рабочей робе. Увидев меня, ошалело ахнул. Молоток и ключ попадали на пол.

– Не пугайся, браток... – шепнул я.

Он скакнул обратно за дверь и с воплем бросился по палубе. Я пригнулся. Что делать?.. Куда деваться? Вот уж попался так попался!

Только теперь я обратил внимание, что свет здесь был от переноски. Как я сразу не догадался на этот счёт. Значит, кто-то тут работает, но отошёл. Наверное, слесарь ходил за инструментом и так не вовремя вернулся. По небольшой лесенке я вылез через отверстие в потолке на кормовой мостик. Там стоял большой деревянный канатный ящик. В него я и спрятался. Через некоторое время вижу в слабом свете, что в мою сторону бегут человек восемь с винтовками. Завыла тревожная сирена.

Кто-то настойчиво крикнул:

– Выходи по-хорошему! Иначе стрелять будем!

Я промолчал.

Тогда мне повторили приказание уже несколько голосов:

– Сдавайся! Последний раз предупреждаем!!

Легко сказать. Ведь если я сейчас встану из ящика, они могут выстрелить. Нервы просто возьмут и не выдержат напряжения момента.

И пошёл я тогда на хитрость.

– Сейчас! – отвечаю, и, взяв лежавшую под ногами метлу, надел на неё свою шапку. Медленно поднял «заманку» над ящиком. А для себя уже решил: если выпалят по ней, то останется одно – прыгать за борт.

Прыгать не пришлось.

Увидев мою шапку, мне крикнули:

– Слезай!

И я повиновался...

Мне крепко заломили руки. Матросы гурьбой шли за мной. Наверное, проснулась вся команда. Боцман цыкнул на них, – зеваки нехотя отступили.

Меня привели к капитану.

В его каюте изысканная корабельная чистота и порядок. Резкий свет яркой фарфоровой люстры и блеск больших, ёмких зеркал на мгновение ослепили.

Посыпались вопросы: «Кто такой? Как попал на пароход?»

Я вздохнул:

– Ничего сейчас не скажу.

Все в каюте затихли.

– Почему ты не хочешь говорить?.. – сдержанно спросил капитан.

– Дайте пить...

– Водки? Вина?

– Воды... – прохрипел я.

Капитан шагнул к большому буфету красного дерева, вынул оттуда бутылку боржоми, откупорил и стал медленно наливать в тяжёлый хрустальный стакан. Я лихорадочно следил, чтобы он не пролил ни капли. У меня всё тело тряслось. Я не верил, что мне дадут хоть глоток.

И когда капитан протянул стакан, я схватил тот обеими руками.

Выпил залпом, с обморочным азартом.

– Не спеши, успокойся, – сказал капитан. – Ещё хочешь?

– Ох, как хочу! – вскрикнул я.

Я выпил три бутылки прекрасного горного боржоми.

– Теперь сможешь говорить?

– На любой вопрос отвечу! – взбодрённо выдохнул я.

– Ладно, потом... – смягчился капитан. – А сейчас ступай, отмойся. На тебя страшно смотреть! Живой чёрт! Слесарь перепугался так, что до сих пор не может прийти в себя!

В душ меня сопровождали механик и боцман.

– Глядите, чтобы за борт не прыгнул! – строго крикнул им вслед капитан.

Меня цепко взяли за руки. И снова за нами увязались матросы. Кое-кого из любопытных я «знал» – видел у того самого бачка в дырку. Когда они подступили к нам слишком близко, боцман разбросал их как ценят.

– Ты куришь?.. – спросил по дороге механик.

– Курю, – сказал я, – но у меня угостить нечем.

– Я не в том смысле, – усмехнулся он и протянул пачку «Беломора». – Между прочим, я тоже сидел в тюрьме... Так что ты меня не бойся и скажи откровенно, кто тебя посадил к нам на пароход? Доверься: так будет лучше для всех нас.

Я прикурил и после первой же затяжки всё в голове у меня поехало-понеслось. Чувствую, ноги не держат. Я упал.

Меня подняли.

– Ничего страшного... – усмехнулся механик. – Это бывает. Ну, мойся от души!

И я помылся и постирал своё бельё жидким зелёным мылом, которого в душевой оказалось более чем достаточно.

Мне дали новую льняную матросскую робу. Я аккуратно надел её, и мы снова направились к капитанской каюте. На этот раз провожатые уже не держали меня за руки, шли рядом. Наверное, я стал более-менее похож на человека. Хотя было бы неплохо ко всему, скажем, и побриться. Я оброс, глаза ввалились, волосы взлохмачены.

При моём появлении капитан невесело улыбнулся. В каюте был ещё один человек. Я узнал его. Он искал меня с лампой в угольной яме, да не рискнул пролезть под балку. Это оказался помощник капитана по политчасти, помполит.

– Фамилия? Чётко!

– Кузнецов, – почему-то соврал я.

– Отвечай честно и откровенно.

– Кузнецов... – тупо повторил я.

Капитан взял со стола радиogramму и прочитал: «На вашем пароходе из бухты Амбарчик бежал заключённый Данильченко Алексей Павлович. Просим задержать и возвратить для привлечения».

– В кармане вашей телогрейки мы нашли столовскую лагерную карточку на то же самое имя... – устало отметил помполит. – Отпирательство бесполезно.

– Да, всё верно... – вздохнул я. – Я Данильченко.

– Кто посадил тебя на пароход?

– Сам пробрался.

– Опять врёшь.

– Истинная правда!

– А где отсиживался?

– В угольной яме.

Капитан достал из сейфа пачку паспортов и стал показывать мне фотографии.

– Узнаёшь своего сообщника?

– Первый раз вижу этого человека.

– Гляди дальше.

– Никого не знаю.

– Сам ты сесть никак не мог!

– А вот сел же!

– Мы зря теряем время... – вздохнул помполит.

– У заключённых в понятиях закон не выдавать тех, кто им помогает.

Капитан отмахнулся.

– Алексей Павлович, хорошо подумайте над моим вопросом. Нам, комсоставу, нужен на него честный ответ. Мы ходим в заграничания, и каждый из команды должен быть для нас предельно прозрачен. Уверяю, что не стану наказывать вашего сообщника, а только спишу его на другое судно.

– Я десятый раз говорю вам, что всё сделал сам! – с досадой вскрикнул я. – С катера перепрыгнул на баржу. С баржи по верёвочному трапу залез на пароход.

– Если вы сейчас чистосердечно признаетесь, то в первом же порту, обещаю, отпущу на все четыре стороны... – тихо проговорил капитан. – В противном случае вам будет очень плохо. Вы в наших руках. Что захотим, то с вами и сделаем. Запру в канатном ящике и буду выдавать в сутки двести граммов хлеба и стакан воды.

– В таком случае я сейчас укажу на любого из вас! – набылся я. – И пусть он попробует потом доказать, что не содействовал мне!

После таких слов все, кроме капитана, отскочили от меня.

– Что ты за человек, Данильченко?.. – вздохнул он.

– Ты сорвал нам навигацию. Из-за тебя придётся идти обратно!

– Если бы все пароходы возвращались из-за беглецов, то связь с материком уже давно прервалась! – усмехнулся я.

– Так много вашего брата развелось?

– Больше, чем вы думаете! – заверил я, однако насторожился: неужели они действительно вздумают повернуть? Для меня это было бы самое худшее. Возможно, конец.

– Товарищ капитан! – сказал помполит. – Разрешите я заберу Данильченко к себе? Я его разговарю. У меня такой опыт есть.

Капитан посмотрел на него, потом на меня.

– Только под вашу личную ответственность.

Мы вышли из каюты. Возле двери стоял кок в белой куртке. Я набрался нахальства и попросил, чтобы мне дали поесть.

– Там у тебя что осталось? – спросил помполит у кока.

– Горячего ничего нет. Всё потрескало! – с явным удовольствием за аппетит команды улыбнулся кок.

– Ладно, принеси мне чего-нибудь в каюту. Сообщишь!

И кок сообразил головку сыра, сёмгу, нарезанную прозрачными алыми лепестками, кусок ароматного сливочного масла и буханку белого, ещё тёплого хлеба.

– Попить бы! – вырвалось у меня.

Кок принёс графин с водой. И я начал с того, что осушил его.

Между тем помполит приступил расспрашивать, есть ли у меня жена, дети, кем работал раньше, за что попал в лагерь. Вопросы были самые человеческие. Я охотно отвечал. Наконец он поглядел на часы.

– Время позднее. Ты, Алексей Павлович, ложись вот на эту кушетку. Если хочешь почитать, вон на столе газеты и журналы. А я пойду спать к механику. Только дверь, не обижайся, закрою на замок. И прошу без лагерных выходок. Я в тебя верю!

Этой ночью заснуть у меня не получилось. Я тревожился: повернул «Мироныч» или всё-таки нет?

На стене висела карта. Я долго вглядывался в чёрточки, обозначающие Северный морской путь. И вдруг меня осенило: если мы идём по-прежнему на запад, солнце взойдёт со стороны кормы, если взяли курс на восток к бухте Амбарчик, оно появится нам навстречу.

Утром солнце встало за кормой.

Мимо каюты прошёл матрос, и я попросил его достать воды. И опять пил и не мог напиться.

В семь часов помполит снял замок.

– Доброе утро! Как спалось?

– Так и не уснул... – признался я.

– Понимаю. Сейчас пойдём к доктору. Он тебе чем-нибудь поможет.

Судовой врач, осмотрев меня, растерянно сказал:

– Такое впечатление, Данильченко, что ты живёшь вторую жизнь! Полнейший износ организма!

– Значит, не тот курорт мне предписали граждане судьи, – попробовал улыбнуться я.

– Что тебя беспокоит?

– Вроде ничего.

– Никаких жалоб? Странно...

– Из дёсен кровь идёт, – вспомнил я и тотчас получил пузырёк с таблетками шиповника.

Помполит повёл меня завтракать. За столами уже сидело несколько матросов. Официантка подала им на подносе куриный бульон и бифштексы.

– Ты, Катя, вот его накорми сперва, – сказали они, кивнув в мою сторону. – Он голодный. А мы успеем.

И передо мной появились забытые тарелки. Я с них не ел уже много лет. И вилок, оказывается, разучился пользоваться. Едва удержался, чтобы по лагерьной привычке не выдуть бульон прямо из тарелки через край.

Обслужив матросов, Катя под села ко мне.

– Скажите, вы правда заключённый?..

– Да... – нахмурился я.

– А где вы были? На Колыме?

– Родные места...

– А как вас там кормили? Как одевали? По сколько часов вы работали? Зимой на Колыме очень холодно?

– Зачем вам всё это знать, Катя? – сдержанно сказал я.

– У меня там родной брат в лагере. В прошлом он матрос. За границу ходил. Только придумали, что Николай – шпион! И вот давно уже не пишет... Чистяков его фамилия. Вы такого случайно не знали?

– А в каком он управлении?

– Где-то очень далеко под Магаданом.

– Ваш брат на каких работах?

– Вроде бы в шахте...

– Встречал такого... – неожиданно придумал я. – Жив он. Конечно, ездили на нём. Однако держится парень. А вообще там не до писем!

Катя поцеловала меня и заплакала. Теперь настал мой черёд задавать вопросы.

– Куда мы сейчас плывём?

– Как куда? По курсу идём...

– Это для меня неясно.

– Мы идём в Ленинград с заходом в два порта: Дудинку и Игарку. Там возьмём лес и после Ленинграда повезём его во Францию.

Так мы проговорили почти до обеда. Потом Катя ушла, а я задремал прямо за столом.

Но вдруг чувствую – будят. Наверное, подумал

я, спохватились, что оставили без надзора. Пора под замок.

А это Катя.

– Пора ужинать! – заглядывает мне в лицо. – И обедать заодно!

– Вначале бы попить! – улыбнулся я.

Между прочим, всю дорогу она не отходила от меня, всё выспрашивала, прижав ладони к щекам: как там да что за колючкой? В конце концов матросы подтрунивать надо мной стали: «Везёт тебе, мужик! Ты у нас один подженился на Катюхе, а с командой у неё разговор короткий!»

Когда я первый раз поднялся на верхнюю палубу, «Мироныч» шёл полным ходом. Кое-где в море виднелись тяжёлые пласты льдин. На мачте лохматилась густая изморозь, похожая на седой мох. Увидев, что матросы перебрасывают уголь с палубы в яму, я тоже взялся за лопату. Работал наравне.

– Что, нагулял уже силу? – засмеялся боцман.

– Есть кое-чего... – кивнул я.

К вечеру за усердие он «наградил» меня двумя пачками отличных папирос «Звёздочка». Я почувствовал, что ем здесь хлеб не даром.

Настроение поднялось.

Со временем я научился и кое-каким матросским работам. Скажем, сращивать троса.

От боцмана я узнал, что была радиограмма нашего пароходу вернуться в бухту Амбарчик. Получили её на шестые сутки после выхода в море. Капитан на свой страх и риск ответил, что не может так поступить, иначе не уложится в сроки навигации. А теперь переживает, места себе не находит.

– Так я с вами до Ленинграда? – радостно вырвалось у меня.

– Тебя скоро заберут... – нахмурился боцман. – Уже есть договорённость. Больше ничего сказать не могу. Не имею права.

И для меня началось тягостное ожидание. Кажется, даже в угольной яме было спокойней.

...Дней через двадцать подошли к Дудинке.

Первое, что я тут увидел, были знакомые до боли лагерные вышки.

– Здесь высадите?.. – спросил я боцмана.

– В Игарке. – Он отвернулся. – А сейчас велено посадить тебя под замок.

Меня отвели в самодельную камеру. Я попросил себе хоть какую-нибудь работу. Боцман принёс позеленевший медный рупор. Я драил его до блеска мелом и суконкой. Я драил рупор час за часом, но в конце концов эта работа мне надоела. Я постелил на пол пару овчинных полушубков и устроился спать. Мне были нужны силы. В Игарке я решил бежать. Уловлю момент – и вперёд, друг мой.

В полночь боцман открыл замок.

– Извини, Алексей, надо идти. Приехали за тобой...

В капитанской каюте меня ждали двое в голубых фуражках. Надели наручники, обыскали. Боцман расстроено курил в стороне. Явно не по себе было и капитану.

– Следуйте вперёд! – услышал я привычные энкавэдэшные интонации.

Возле борта «Мироныча» сонно покачивался катер. Как только мы сели, он, словно спохватившись, быстро пошёл к берегу. Меня доставили в дежурную часть НКВД. Почувствовав под ногами после шаткой палубы твёрдую почву, я невольно приободрился.

Дежурный с длинной, чуть ли не поповской шевелюрой похабно крикнул в мою сторону:

– А эта сука ещё откуда?

Он шагнул ко мне из-за стойки и замахнулся наганом.

– Товарищ начальник, это не наш человек! – сказал конвоир.

– Как не наш?

Конвоир подал ему пакет.

– Он с Колымы.

Теперь дежурный с любопытством оглядел меня.

– Ах ты, хрен моржовый! Сюда-то как попал?

– Правду говорить?

– Попробуй только соврать!

Наган снова поднялся над моей головой.

– Да загружали пароход углём. Я выпил и уснул. А он как раз отправился. Вот и привезли меня сюда. Раньше посадить было негде.

– Так ты вольняшка или заключённый?

– Ээк... – доложил я.

Дежурный спрятал наган в кобуру.

– Залётный гусь! Расскажи, как там у вас живут? Какое снабжение? Хорошо ли платят?

– Сыр в масле катаемся! – стал я заливать. – Зарабатываем тысячи по две. Снабжение – только птичьего молока нет.

– И надо было тебе напиться! – с искренним сожалением воскликнул дежурный. – Ты хоть догадываешься, куда попал? Пропадёшь здесь! Холод, голод, работа каторжная, от зари до зари!

– А вы отпустите меня... – вздохнул я. – Зачем вам нужно со мной возиться?

Дежурный усмехнулся:

– Такого шустрого парня я бы, может, и отпустил! Да поздно – уже в журнале за тебя расписался.

– Тогда ведите в камеру. Спать хочу!

– Ложись здесь, – кивнул дежурный. – В камере собачий холод, а у нас натоплено.

– Ведите! – с вызовом сказал я.

И меня подзатыльниками вытолкали в коридор.

Камера действительно оказалась с разбитым стеклом. Так что на полу через решётку намело снег. Постели на нарах не было.

Я прилёг, но уже скоро почувствовал, что долго здесь не продержусь. Час-другой, и начал я стучать в дверь.

– Чего ещё? – не сразу, но отозвался надзиратель.

– Переведите меня куда-нибудь к людям. Там, наверное, теплей. Есть же здесь люди?

– Свято место пусто не бывает! Только ты с ними не захочешь.

– Я с самим чёртом усижу!

– Тогда пошли!

Он отвёл меня в конец коридора.

В новой камере действительно оказалось тепло, но света не было.

– Здравствуйте, живые люди! – как можно бодрей сказал я от порога, шагнул вперёд и споткнулся. На полу лежал человек.

– У вас что, мест не хватает?! – вскрикнул я с досадой.

И услышал из темноты то ли голос, то ли стон:

– Его померла...

Я тогда снова к двери кинулся стучать.

– Дежурный! Дежурный!!

Чуть погодя он подошёл.

– Опять ты бузишь? Если будешь беспокоить по пустякам, я тебе сам быстро место найду. Тёплое-е! Даже горячее!

– Тут мёртвый человек!

– Ну и что? Он уже вторые сутки лежит и ничего плохого никому не делает. Привыкай. Людей у нас не хватает. Может, завтра и унесём жмура.

Я забрался на верхнюю полку, и на меня с потолка градом посыпались клопы-парашютисты.

«Это они на свежего так...» – успел подумать я, прежде чем уснул.

Где-то с полмесяца пробыл я в этой тюрьме. Наконец меня и ещё человек тридцать погрузили на пароход «Спартак». Он уходил в последний рейс на Красноярск. Все были рады, что нас везут на Большую землю. Я был рад вдвойне. Там бежать легче. О другом и не думал. Заразить остальных этой идеей не составило труда.

В первую же ночь мне удалось открыть иллюминатор, задраенный чугунной крышкой. Я легко просунул голову наружу и крикнул в темноту: «Свобода, братва!»

Бежать решили возле Красноярска. Пути оставалось дней двадцать. Готовиться начали заранее. Ведь через иллюминатор придётся прыгать в ледяную реку, по которой местами уже шла тёмно-серая шуга. Однако главное во всём этом было – не попасть под лопасти парового колеса. Так что мы

не раз бросали что-нибудь за борт и высчитывали, сколько секунд будет у нас, чтобы успеть отплыть от «Спартака». В крайнем случае, станем глубоко нырять под плицы. А вынырнешь потом?..

– Хочешь свободы – умеи рисковать! – подбадривали мы друг друга.

Пока было время, я обклеил спичечные коробки тремя слоями бумаги. Ведь спички, когда мы выплывем на берег, – единственное спасение от обморожения.

Возле Енисейска наше терпение кончилось.

Ночью я снова открыл иллюминатор.

– Кто хочет первым?..

Все молчат.

– Тогда я.

И лезу. А на мне телогрейка, под ней кофта и гимнастёрка. Так что просунуться не удалось. Я кое-что скинул с себя – результат тот же.

Я разделся догола, намылился и снова лезу со спичками и одеждой в зубах.

С мылом помогло!

Я уже почти вывалился наружу, когда вдруг что-то с грохотом ударило в борт «Спартака». Потом узнали – баржа.

Надстройки парохода полетели. Рухнули трубы. Повалил пар, обжигая пассажиров верхней палубы. Дети завизжали, истошно закричали женщины.

Дверь нашей каюты при столкновении вышибло. Мы мигом выскочили наружу и хотели в этой суматохе спустить за борт лодку.

Только слышим – выстрел. Один и другой.

– Эй вы, шустряки!!! Полное спокойствие! – крикнул в рупор внушительный командирский голос. – Всем заключённым немедленно вернуться на свои места! В противном случае будет применено оружие!

Через два часа полуразвалившийся «Спартак» был в Красноярске.

Утром в нашу арестантскую каюту зашёл начальник конвоя:

– Ребята, нужно помочь выгрузить бочки с оленьим мясом. А я за это дам каждому по булке хлеба и по пачке махорки.

Для тех, кто всерьёз настроился бежать, такое предложение было заманчивым. Я воспринял.

Бочки оказались тяжёлые. А выкатывать их предстояло на крутой берег.

Я налёг первым. На берегу приглядел узкий проход между мешками с ячменём, лежавшими в несколько ярусов. Он вёл во двор склада, где, как я заметил, не было охраны. На обратном пути я ещё раз пригляделся к проходу. За ним свобода?..

И вот я толкаю вторую бочку. Чувствую, что снова охватил меня уже знакомый азарт, как в тот

раз, когда я, голый, намылившись, лез в узкий проём иллюминатора.

Возвращаясь, кинулся в проход между мешками. И вдруг два из них вывалились и преградили мне путь. Лезвие всегда при мне. Под ноги зернисто брызнул ячмень. Проход освободился, и я юркнул во двор. А там, как по договорённости, метрах в десяти от меня стоит машина. Мотор работает. Только я перемахнул в кузов и распластался на брезенте, как она тронулась.

Машина вывезла меня за ворота. В городе у перекрёстка водитель затормозил, и я спокойно слез. Мне всё ещё не верилось, что так легко можно получить свободу...

Я направился на вокзал, но вовремя спохватился: вот уж куда мне сейчас никак нельзя! И вообще надо поскорей уходить из города.

Я зашагал прочь.

К обеду добрался до пригородного совхоза и в тот же день устроился на уборку картофеля. Документов не спросили: работа торопила.

И я торопился. Так торопился, что накопил картофеля больше всех. Директор и парторг объявили мне благодарность. Деньжат немного подбросили.

Однажды в столовой совхоза высмотрела меня старая, строгая на вид цыганка. Только я сел за стол выпить стакан вина, как она наклонилась надо мной:

– Давай погадаю...

– Не приставай, – нахмурился я. – Иди отсюда!

– Не говори так, мученик... – придвинулась цыганка. – Всю правду тебе открою и ничего с тебя не возьму!

– Мне погадай! – заёрзал мой сосед. – Двадцать пять рублей дам!

– Тебе не стану...

– Ну, говори... – решил я.

– Наедине надо, – кивнула цыганка на соседа.

Мы вышли на улицу. Она внимательно посмотрела на меня.

– Ты, мил человек, долго был в казённом доме. А сейчас из него топ-топ...

Я не подал вида.

– Трудно тебе... – шепнула она. – Только не горюй! Семейку найдёшь. И вы будете вместе. Правда, недолго. Как бы ты ни ловчил, опять окажешься под замком. Но после заживёшь счастливо.

Я засопел, как перед слезами, и полез под теплогреюку достать деньги.

– Ничего не надо!.. – оттолкнула меня цыганка.

– Выпей со мной вина!

– Эх, душа наболевшая! У тебя в кармане вошь на аркане! На хлеб себе оставь.

Она обняла меня за шею:

– А вот меня помни всю жизнь до чёрного гро-

ба. Алмаза я... – Она сощурилась и пропела, откинув голову: «Если б я была цыганкой и умела я гадать, нагадала б всем легавым век свободу, не видать!»

С первой же полочки я купил билет до Москвы, чтобы там пересест на воронежский поезд. В вагон сел довольный и счастливый. Однако удаче радовался всего ничего... Возле Новосибирска, за два пролёта до него, началась проверка документов.

Я услышал, как в соседнем купе кого-то спрашивают:

– Фамилия?

– Шевченко. Иван Назарьевич.

– Год рождения?

– Одна тысяча девятьсот восьмой.

– Где отбывал срок?

– На Колыме. Вот справка об освобождении.

Я попытался выйти в тамбур, но там стоял милиционер.

– Вернись на место!

Конечно, я вернулся. Следом в купе вошли двое в синих шинелях.

– Предъявите документы.

Мне от досады захотелось заплакать, но слёз не было...

В Новосибирске меня и ещё человек восемь таких же неудачников посадили в «чёрный ворон». На допросе в областном уголовном розыске я назвал себя Иваном Назарьевичем Шевченко. После отбытия срока следую из Магадана на местожительство в город Воронеж. По дороге украл деньги и документы.

А дежурный мне на это:

– По всем данным, ты бежал из Слюдянского лагеря и будешь туда этапирован! Если это не подтвердится, тебя освободят.

Я несколько приободрился. В Слюдянке, которая располагалась на берегу Байкала вдалеке от моих отсидочных мест, никто не мог меня знать. Вдруг и в самом деле отпустят?..

В Слюдянке были ночью. До утра я воевал в изоляторе со вшами. После подъёма вызвали в учётно-распределительную часть. В комнате меня ждали староста и нарядчик.

– Это не наш! – сказали они в один голос.

Я облегчённо рассмеялся.

– Погоди скалиться! – предупредили меня.

Вечером на поверке я был поставлен перед строем заключённых.

– Кто знает этого человека? – обратился к арестантам начальник лагеря.

Вот когда я упал духом. Вдруг найдётся такой, что нарочно оговорит меня, чтобы выслужиться

перед начальством. Такое в лагерях очень даже приветствовалось.

Шеренги молчали.

– Я жду!

Никто ни слова. А у меня слёзы на глазах.

В тот вечер я благополучно вернулся в изолятор. Надежда, что меня могут освободить, продолжала теплиться.

А вскоре приехал прокурор. После короткого допроса меня отправили в Иркутск для дальнейшего направления справок. И хотя мне не удалось оправдаться перед прокурором, однако голову я ему, как видно, забил. В итоге у моего конвоя не оказалось санкции от него. Он запомнил про эту бумагу.

В иркутской тюрьме без санкции прокурора меня не приняли.

Чертыхаясь на чём свет стоит, конвой повёз меня обратно.

Однако на этом неразбериха не кончилась. К прибытию поезда в Слюдянку встречный конвой почему-то не пришёл. Делать нечего, я прокатился до Хабаровска. Ехали несколько суток: в тесноте, полуголодные и завшивевшие. Я терпел всё это, обманываясь надеждой, что в Хабаровске исхитрюсь бежать.

Когда были на месте, всех эков построили и увели, а я один остался у вагона. Мою фамилию так и не назвали.

– Вот что, Шевченко! – угрюмо сказал начальник конвоя. – Прокатимся ещё раз! Если снова в Слюдянке за тобой не придут – отпущу своей властью! Иркутская тюрьма без санкции прокурора не берёт, Слюдянка не высылает за тобой конвой. Чертовня какая-то! Надоело, б...!

Меня посадили в пустой вагон. Я лёг на нары и окаменел. Два дня до еды не дотрагивался. Боялся спугнуть близкую свободу.

Возле Слюдянки в вагон заглянул старший конвой и с восторгом сказал:

– Хорошая новость, Шевченко! Я наконец созвонился с лагерем. На станции тебя ждут. Так что приготовься. Через час будем на месте!

– Спасибо, гражданин начальник... – мёртво сказал я.

Да и что ещё можно было ответить?..

...В тот же день мне оформили прокурорскую санкцию, однако тюрьма и на этот раз меня не приняла: я тяжело заболел. Словно какая-то резья сорвалась во мне.

Вместо камеры меня поместили в палату тюремной больницы.

Отдыхался лишь через неделю. Как водится, стал помаленьку интересоваться новостями. Сосед слева тоже оказался колымский, копал золо-

то в Сусумане. Он месяц назад освободился и был вскоре снова арестован за откровенные разговоры насчёт колымского житья-бытья.

Я рассказал ему, как уже второй месяц меня везут по Сибири и Дальнему Востоку. Этот человек поверил про кражу моих документов и стал возмущаться бездушными здешними порядками. Я даже почувствовал себя неловко, что обманул его. Однако нет худа без добра. На следующий день к нам в палату зашла комиссия во главе с областным прокурором. Стали интересоваться, как с нами обращаются, хорошо ли кормят и лечат. Спросили, кто и за что попал в заключение. Конечно, никто из нас за собой вины не признал. Так уж водится в этих краях.

Прокурор рассмеялся:

– Вот вы твердите, что не совершили никаких преступлений! Но стоит заняться проверкой дела – и факты оказываются далеко не в вашу пользу!

Тут мой сосед не вытерпел:

– Для вас все преступники! За ерунду сажаете! Мало того, вы даже тому, кто освободился, не даёте возможность вернуться к семье!

– Вы себя имеете в виду?.. – пригляделся прокурор.

Сосед толкнул меня в плечо.

– Ничего подобного: вот его! Отбыл Иван Назарьевич срок, ехал честь по чести домой и ничем не нарушал ваши законы. Вся его вина в том, что у него украли документы! И теперь вы его мучаете! А ведь перед вами живой человек!

Прокурор подсел ко мне. Мы поговорили. Он что-то записал в блокнот и, уходя, угостил нас с соседом хорошими папиросами.

Через неделю, когда я уже почти выздоровел, дежурная медсестра как бы между прочим сказала:

– Шевченко, а у вас здесь есть родственники?

– Нет... – вздохнул я.

– А что если вас сегодня освободят? – она перешла на шёпот. – Куда вы тогда пойдёте?..

И тут её срочно вызвали в другую палату. Она убежала, заставив меня крепко задуматься.

А часа через два к нам вошёл надзиратель.

– Кто Шевченко?

Я так разволновался, что забыл свою новую фамилию. Тупо гляжу на него и молчу. Первым спохватился сосед:

– Ваня, тебя спрашивают!

Я вскочил.

– Ты Шевченко? – нахмурился надзиратель.

– Да, я.

– А чего не отзываешься? Имя? Отчество?

– Шевченко Иван Назарьевич.

– Быстро на выход!

Я ухватился за койку. У меня дрожали ноги. Сосед со слезами на глазах пожал мне руку.

За дверью надзиратель сказал кладовщице:

– Этого человека освобождают. Выдайте ему его вещи.

Она открыла кладовку, порылась, но там почему-то ничего моего не оказалось.

– Найди ему что-нибудь! И поживей! – прикрикнул надзиратель.

Мне дали с умершего старый бушлат, рваные штаны, фуражку без козырька и стоптанные сапожные опорки. Я не стал возражать и с радостью переоделся.

В канцелярии получил справку, и надзиратель вывел меня за ворота...

Таким жалким я ещё никогда не выглядел. На мне была не одежда, а самые настоящие лохмотья. Я быстро почувствовал силу сибирского мороза. И всё же даже такую свободу я не согласился бы променять на самую тёплую камеру.

Я бежал по улице прочь от тюрьмы, зажав в кулаке справку об освобождении.

На перекрёстке меня окликнула какая-то старушка:

– Ах ты, бедненький... Пойдём со мной. Я тебя переодену в старенькое, но тёплое. И валенки хорошие найду!

Она завела меня в коридор какого-то большого дома.

– Обожди чуток.

Я жадно прислонился к горячей батарее и закрыл глаза.

Неожиданно сверху по лестнице спустился милиционер.

– Ты зачем здесь? – бдительно сказал он. – Документы есть?

Я разжал кулак и подал ему справку.

– Сейчас же уходи! Чтобы духу твоего тут не было!

В общем, не пришлось мне дожидаться добрую старушку.

Через некоторое время на улице возле меня притормозил грузовик.

– Что, браток, плохи твои дела? Колотун бьёт?! – крикнул шофёр. – Лезь в кабину, подвезу. Тебе куда?

– Всё равно... – пробормотал я.

– Только освободился?

Я кивнул.

– Тогда едем на вокзал.

Там я сразу бросился к печке. Расположившиеся было около неё пассажиры тотчас забрали свои вещи и отошли подальше от меня.

Вскоре появился дежурный милиционер.

– Уезжай отсюда первым же поездом! – потребовал он.

Я еле сдержался, чтобы не ответить ему как следует.

– Мне не на что купить билет. Лучше помогите подработать.

Милиционер усмехнулся и ушёл.

Скоро ко мне пристроились двое бродяг не лучшего, чем я, вида.

– Керя, – сказал один из них, – только что на двери какой-то фраер приклеил объявление: в роддом срочно требуется кочегар. Там тебе будет и тепло, и шамовка.

Я бросился к выходу. Объявление было написано простым карандашом и очень неразборчиво. Я запомнил адрес и пошёл искать нужную улицу. Снова промёрз насквозь, но её разыскал. Только никакого роддома там не было. И никакой кочегарки. Надо мной просто посмеялись.

Я едва добрался обратно и упал возле печки.

Надо мной снова навис милиционер.

– Идём со мной...

С самыми худшими предчувствиями пошёл я за ним. Он завёл меня в дежурку. Там покуривал какой-то солидный мужчина в волчьем полушубке. Поверх на нём был ещё надет брезентовый плащ.

Милиционер подмигнул:

– Привёл тебе ещё одного лесоруба. Возьми его. Этот будет работать.

– Буду! – с готовностью закивал я.

Мужчина осмотрел меня с ног до головы.

– Не внушает доверия.

– Ты на его одежду не гляди! – построжел милиционер. – А так он здоровый как лось, и работяга из него получится отличный. Накормишь досыта, оденешь – и будешь вполне доволен новым кадром!

Милиционер расхваливал меня, как цыган лошадь. Наверное, ему очень хотелось, чтобы я исчез с вокзала куда подальше. Перечитав раз пять мою справку об освобождении, «волчий полушубок» дал мне подписать договор о найме на шесть месяцев.

Через час подошла машина. В ней было ещё человек шестнадцать.

Нас накрыли брезентом и повезли.

Доехали быстро, но всё равно успели окриветь от холода. К счастью, в бараке оказалось хоть и темно, но жарко. В углу стояла от души раскопегаренная печка из железной бочки. Нам дали по большому куску хлеба, селёдину и чай. Подкрепившись, мы уснули на соломенных матрацах.

Утром каждого снабдили добротным обмундированием: новые телогрейки, ватные брюки, тугие валенки и шапки-малахаи.

В лесу я давно не работал, и поначалу было тяжело. Но зато аппетит объявился невероятный.

Чем загасить его, имелось в достатке. Я стал быстро прибавлять в весе.

Недели через две меня вызвал начальник лесозаготовок. Оказывается, он случайно узнал, что я электромеханик, и очень этому обрадовался.

– Вот что, Шевченко! К нам скоро должны привезти газогенератор, а установить некому. Если справишься, выхлопочу тебе паспорт. И ты тогда человеком уедешь к своей семье. А пока назначаю тебя кладовщиком. Отъедайся, но не злоупотребляй! Иначе дружба врозь.

На складе моё положение намного облегчилось. А вскоре прибыло электрооборудование. Монтаж оказался несложный. Через несколько дней я запустил небольшую электростанцию: лампочки живо зажглись, циркулярная пила вёртко закрутилась. Начальник даже пригласил меня к себе домой и хорошо угостил.

Весь вечер он на разные лады вспоминал, каким доходягой взял меня на вокзале, и они с женой от души насмеялись.

А к маю «волчий полушубок» сдержал слово и привёз паспорт. Я к этому времени собрал две с половиной тысячи и по-человечески оделся. Меня просили остаться, но я взял расчёт – домой, в родной Воронеж.

Ночью в Челябинске была пересадка на поезд до Харькова, который отправлялся только вечером. Я проспал до утра на вокзальной скамейке, а потом всех пассажиров попросили выйти на улицу, чтобы не мешать уборке.

Был отличный солнечный денёк. Я сел возле столба на чемодан и размышлял, как мы встретимся с Маринкой и моими повзрослевшими ребятами, для которых я поначалу буду чужим «дяденькой». Невольно вспомнилось одно лагерное стихотворение:

*Запорошенной пылью дорожкой
я вернусь на себя не похож.
Чем ты душу развеешь тревожную,
как тогда ты ко мне подойдёшь?*

...И вдруг вижу, что в мою сторону идёт в белой парадной форме и хромовых, играющих блеском сапогах знакомый оперативник с Зырянского лагеря. Он знал меня как облупленного.

Сердце остановилось, я опустил глаза.

Может быть, не признает?.. Всё-таки я сейчас выглядел более-менее и никак не походил на зэка.

Шикарные сапоги как споткнулись возле моих ног.

– Здорово, Данильченко! Какими путями сюда попал?

Делать нечего: я поднял голову и даже хотел

улыбнуться, но лучше бы не пытался. Вышла жалкая гримаса.

– Освободился... К семье еду...

– При сроке в десять лет тебе крупно повезло! – усмехнулся оперативник.

Я по тону этого человека почувствовал, что у него отличное настроение и он по-своему рад встрече в такой дали со знакомым человеком. И хотел только одного: чтобы я поскорей убедил его в законности моего здешнего местопребывания. Я это и попытался сделать из последних сил.

– Писал в Москву... Там пересмотрели дело... И вот освободили...

– Документы есть?

– Конечно...

– Это хорошо! – улыбнулся оперативник и машинально добавил. – Предъяви, Алёшка. Так нам обоим спокойней будет жить.

Я полез в потайной карман и вместе с паспортом подал пачку денег: была припасена тысяча на всякий случай. Оперативник догадливо сунул её в карман и развернул паспорт.

– Хо! Так ты стал Шевченко?

– Какая тебе разница?.. – тихо сказал я. – Езжай к своей семье, купи хороший подарок. А я поеду к своей. И мы – квиты.

– Какое ты мне настроение испортил! – поморщился оперативник и осторожно, не спуская с меня глаз, положил руку на кобуру. – Встать!

Я ещё раз попытался его уговорить. Он обнажил наган.

– Чекисты не продаются! Следуй вперёд!

И он привёл меня в здешний уголовный розыск.

– Вот я вам между делом поймал даже не гуся, а целого лебедя!

Оперативник рассказал всё, что знал про мой побег из бухты Амбарчик. Не стану говорить про моё тогдашнее состояние. Оно и так понятно.

Поначалу меня после допроса посадили в КПЗ, а чуть позже отправили на пересылку. Здесь сформировали этап, и снова начались уроки практической географии: Курган, Омск, Новосибирск, Красноярск...

По пути меня, как видавшего виды арестанта, многие расспрашивали про Колыму: что там за работа, какая кормёжка, платят ли деньги и сколько?

На все вопросы я отвечал односложно: «Вас везут на каторгу».

В одной клетке со мной ехал бывший военспец Вронский, осуждённый особым совещанием. Кстати, благородной дворянской внешностью он очень напоминал мне нашего фельдшера Льва Максимовича.

Однажды Вронский не выдержал и вспыхнул

после моих очередных популярных объяснений народу про лагерное житьё-бытьё:

– Каторга?!.. Это ложь! За такие слова вас расстрелять мало. Разве в нашей советской стране может быть такое? Вы – клеветник!

– Ты ещё вспомнишь меня... – отвернулся я.

Я не рассердился на него: жить этому человеку оставались считанные месяцы. Ведь у него нет никакой нормальной специальности. Он только командовать умеет. А там, куда его сейчас везут, это никак не поможет. Разве что навредит.

В Канске нас на время высадили из вагонов и разместили по палаткам в отдельной зоне. С пересылки многих выводили на работу, хотя это и не полагалось. Однажды я ухитрился выйти в ночную смену на пилораму. Там мне поручили отвозить опилки. Катая тачку, я прикидывал планы побега, но конвой от меня не отходил.

Вскоре я и ещё восемь человек попытались сделать подкоп под зону из сапожного цеха. И так увлеклись, что опоздали на вечернюю поверку.

Нас хватились, разыскали и выкурили из подземелья дымом.

Я ждал самого худшего, но дело ограничилось карцером.

Начальник пересылки поставил нас перед строем арестантов.

– Что, кроты, хорошего скажете своим товарищам?

Мы молчали.

– Говорите смелей!

– Дорогие друзья! – крикнул я. – Очень хотелось подышать свободой! Но на этот раз ничего не вышло. Впредь будем умней.

– Воюющий карцер вам, а не свобода! – усмехнулся начальник пересылки.

Через три дня нас опять погрузили в эшелон и повезли во Владивосток. В пути многие через люки и решётки бросали письма. «Отправил» и я для Маринки два треугольника. И вот однажды снится мне она и говорит: «Я, Алёша, твои весточки получила!» Позже я узнал, что так оно и было. Маринка даже приезжала с детьми на Владивостокскую пересылку, но меня, как беглеца, держали за тройным проволочным ограждением. Мне не только не дали свидания, но даже не разрешили передачу.

В конце мая за нами с Колымы пришёл пароход «Дальстрой». Весь день к нему тянулись партии эзков.

Меня и ещё шестнадцать заядлых беглецов повели последними уже ночью под усиленным конвоем. На пароходе посадили в отдельный трюм. Однако мы через это только выиграли. У нас было достаточно просторно, и никто не задыхался, как в прежний

мой рейс в сторону ненавистного северо-востока.

Не успел «Дальстрой» отойти от причала, как к нам бросили двух человек, мокрых с головы до ног. Оказывается, в самый последний момент они попытались бежать и прыгнули за борт. Само собой, план их был далеко не лучший, но есть в арестантской судьбе минуты, когда не до здравых размышлений.

Когда прибыли в порт Нечаево, всех повели в Магадан строєм, а нас, беглецов, как белых людей, повезли на машине. Однако на этом наши сомнительные привилегии закончились.

Я попал в камеру пересыльной тюрьмы особо усиленного режима. Июль, жара, а нас здесь на двадцати квадратных метрах сорок семь человек. В соседях у меня оказалась «знаменитая» банда Королёва почти в полном составе: он сам, потом некто Голубев, Карпач, Федька по кличке Собака, ещё племянник донского Подтелкова Василий – всего человек пятнадцать.

Во Владивостоке эти люди открыто занимались лагерным бандитизмом. Скажем, заходили в барак, где заключённых человек триста, и подавали команду: «Всем лежать! Кто поднимет голову – мозги на стенку!» А в руках у них при этом убедительно поблёскивают ножи и топоры.

В общем, прижухнут зэки все до одного, а «королёвцы» начинают наводить шмон. Заберут вещи, какие поновей да попрличней, иногда найдут припрятанные деньги.

И здесь они свои замашки не оставили: воду дают два раза в день по ведру, а они её сами почти всю нагло выдувают. Мы же хоть и раздеты до кальсон, обливаемся потом и чуть ли не бесимся от жары. А я после «Мироныча» на всю жизнь стал бояться жажды пуще нагана. Даже когда освободился, у меня дома всегда потом стояла под кроватью бутылка воды.

Не выдержав, я застучал в дверь.

– В чём дело? – подошёл надзиратель.

– Воды, начальник! Воды дай! Пить хотим!!

– Не полагается больше.

– Будь человеком! Мы не хлеба просим. Воды!

– Сказал, что не дам, значит, не дам. И не стучите больше, урки!

Я не удержался и с возмущением сказал:

– Не давай, не давай! Ещё недавно сам Гаранин тоже эзкам житья не давал!

Гаранин не так давно был начальником Управления Северо-Восточных лагерей. За его подписью расстреляны десятки тысяч заключённых. Только и Гаранин, в конце концов, попал как кур в ощи́п – во враги народа. Говорили про него, будто он японский шпион, уничтоживший настоящего полковника Гаранина и по его документам пробравшийся в начальники УСВИТЛага. Лично я

в это не верил. Просто Гаранина кому-то наверху потребовалось убрать, вот и пустили утку насчёт японского шпиона, чтобы отвлечь внимание.

Дверь камеры распахнулась. Надзиратель угрюмо оглядел нас.

– Кто вякнул?..

Все молчали. Молчал и я.

– Кто?!

Мы опустили головы.

– Ладно, вам же хуже будет!

В пять часов вечера дневные надзиратели сдавали смену ночным. Теперь их собралось вместе человек десять, и они решили общими силами отыгаться за мой намёк про Гаранина. Дознались...

– Данильченко, встать! Выходи!

Бить начали не сразу. Дали сделать шагов пять, а потом огрели. Я бы упал, но меня поддержали встречным ударом в живот. Никто из надзирателей не остался в стороне. Таких, чтобы не умели бить, не оказалось. Охаживали во все двадцать кулаков один другого резвей и тяжелей. Я вертелся под их полновесными, проломными ударами как волчок.

Так и довертелся до дверей канцелярии.

– Кто такой Гаранин?! – крикнул старший, рванув меня за волосы.

– Враг народа...

– Значит, и я враг народа? – чуть ли не взвизгнул наш дневной надзиратель, у которого я не допросился воды.

– Надевай рубаху! – приказали мне.

Я уже примеривал такую: крепкого холста, рукава метра по два. Намочили они их из чайника, закрутили жгутом и стали утягивать у меня на животе.

Я из последних сил набрал в лёгкие как можно больше воздуха.

– Он, гад, дуется! – крикнул один из надзирателей.

Меня свалили на пол. Двое упёрлись сапогами в бока, третий стал на спину. Он по команде подпрыгивал, а они подтягивали и подтягивали рукава.

Лицо у меня набрякло, глаза полезли из орбит...

Врач долго отливал меня холодной водой. За столом, ожидая, пока я очнусь, курил следователь.

– Бить будете?.. – прошамкал я, разлепив глаза.

– Хватит с тебя на сегодня, – сказал он.

– Если тронете, оставлю безносой нерпой... – простонал я.

– Ладно, не дёргайся. Давай поговорим по-хорошему, – улыбнулся следователь. – Моя фамилия Петухов. О тебе я знаю, что ты арестант политический, бывалый. Значит, фокусы выкидывать не станешь. Пусть ими воры и бандиты зарабатывают авторитет. Поэтому я за свой нос не боюсь!

Петухов рассказал, что, пока я лежал без сознания, в моей камере объявили протест против

того, что нас морят жаждой. С этой целью нашлось из уголовников девять добровольцев резать себе вены и пороть животы. Всех надзирателей забрызгали кровью...

И всё же еду и воду стали выдавать сколько полагается. И камеру несколько разгрузили.

Следователь проглядел мой формуляр.

– А ну-ка докажи, что ты электрик! Исправь мой телефон.

Я проверил аппарат.

– Нужен нож.

Петухов полез в стол и безбоязненно подал финку. Лезвие было коротковато, но я прилачился.

– Знаешь, сколько по Колыме числится беглецов? – поглядывая за мной, сказал он. – Двадцать пять тысяч! Но чтобы кто выбрался на материк – тебя первого встречаю! Большинство погибает в тайге, или их выдают местные. Мы за это даём неплохое вознаграждение. Остальные отсиживаются в землянках, а продукты добывают грабежом. Обычно колымские бегут по весне, а к зиме идут сдаваться.

Когда телефон заработал, Петухов налил мне полкружки спирта.

– Вот и закуска, – подал он отменные домашние пирожки с ливером.

Я быстро опьянел.

Так что когда мой конвоир привёл меня в тюрьму, ему попало за отсутствие нужной бдительности. Однако никто не мог понять, где я напился. Вроде бы всё время был на глазах.

Ночевать пришлось в карцере.

Там на цементном полу лежал уголовник, которого обвиняли в убийстве конвоиров. Он это отрицал и семнадцатый день держал голодовку. Я догадливо устроился спать так, чтобы дышать в сторону от него. Мало ли как на голодного, отчаявшегося зэка мог подействовать могучий запах спирта и пирожков с ливером и луком.

Через месяц следствие закончилось, и меня повели в суд. Там за побег мне от души прищёпали три года с отбыванием срока на центральном ШИЗО 56-14.

Это было в конце сентября одна тысяча девятьсот сорокового...

Мы проехали от Магадана пятьдесят шесть километров, а остальные четырнадцать шли пешком.

Уже держался небольшой мороз и срывался сухой, игольчатый снег. Я достаточно насиделся в тесных камерах следственной тюрьмы, так что шагал охотно. Правда, на ногах были всего-навсего войлочные тапочки, и я изрядно замёрз.

Конвой то и дело покрикивал, чтобы мы выдерживали строй, но из-за бездорожья ничего не получалось: кругом ямы да кочки. В конце концов

солдаты примирились и лишь требовали, чтобы мы шли кучно.

Стемнело, и мысли о побеге снова стали меня волновать.

Возможность рискнуть была, но я после долгого перехода с непривычки ослаб. К тому же, когда на пути встретился ручей, я сорвался с бревна. Воды оказалось по пояс. Надо мной прокатился громкий смех. Хохотали и конвоиры, и мои товарищи.

Я не обиделся. Их можно понять.

Вскоре мы были на месте: я увидел над воротами знакомый колымский лозунг: «Труд в СССР дело чести, дело доблести и героизма!»

Это оказался лагерь строгого режима. Сверху над высоким забором на обе стороны наклонились ряды колючей проволоки. Она же ограничивала предзонники. Внутри лагеря тоже забор между подсобными помещениями и бараками штрафников, которые в свою очередь обнесены «колючкой». На окнах решётки. Внутри сплошные двухъярусные нары из сырых досок на двести пятьдесят человек и одна печь – большая железная бочка из-под солянки. Барак за нами закрыли на замок. Не успели уснуть – уже пять часов...

...Подъём.

Нас разбили по бригадам и повели в столовую, больше похожую на конюшню, перегороденную пополам. В одной части длинные столы, в другой бригады, которые уже поели, и теперь стоя поджидали остальных, прежде чем идти на работы.

У дверей столовой каждому на завтрак давали по триста граммов хлеба. Потом мы шли между перил к раздаточному окну и получали свою миску постной овсяной баланды. Ложек не было. Да и не до них: оголодав, баланду единым духом вытягивали через край.

Первые две недели нас водили делать железнодорожную насыпь. Позже перекинули на лесоповал – заготовка дров и строевого леса для Магадана.

Вот тут-то мы тяпнули горюшко.

А когда при случае пожаловались высокому залётному начальству, от нас только отмахнулись:

– На то он и штрафной лагерь! Вас сюда не на курорт везли.

Действительно, таких строгостей я ещё не видел: утром на поверке считают, выводят из барака или со двора – то же самое. Поведут ли к воротам хоззоны, у дверей столовой – опять пересчёт. А когда вытаскивают из неё полуголодных штрафников, так снова вертухаи упражняются на живых людях в математике. А когда идём за зону и нас принимает конвой, так тут по десять раз устраивается считалка.

До леса девять километров через сугробы. Утром

протопчем дорогу, вечером снова стоят на пути снежные увалы. Норма на одного человека – шесть кубов. Да ещё обрубить сучья, порезать стволы поперечной пилой на двухметровые брёвна: комель, другач и третьяк. Если попадётся матёрая осина, так дух выскакивает, пока с ней справишься. Складывать брёвна в штабель не легче: почти все они до метра толщиной, а носить далеко. Пока доволочёшь, нападаешься в снег от души и не раз проклянёшь всё на свете. Только и отдыха – жечь сучья. Потом же у костра и одежда оттаёт.

Через десять часов построят побригадно, посчитают и ведут обратно колонной по пять человек в шеренге. У каждого из нас в руках полено – несём в зону отапливать барак и столовую. Если у начальника конвоя хорошее настроение, так разрешит идти по протоптанной утром дорожке, но обычно нас ведут по сугробам, чтобы штрафная жизнь мёдом не казалась.

И хорошо, если ты выполнил норму. Тогда в столовой хоть мало-мальски подкрепишься известными лагерными деликатесами: хлебом и кашей из неолущённой овсянки. Однако если замерщик определит, что ты не сделал свои шесть кубов, то сразу ведут в барак, а то и в холодный изолятор.

Я был крепче многих, но и то всё чаще, как ни упирался, напилить норму не удавалось. Тогда и мне выпадал сон на голодный желудок. Понятно, с каким настроением в таком случае ложишься в обледенелой одежде на голые нары. Обсушиться у печи невозможно, так как её уже облепили уголовники. Правда, из-за нечеловеческой усталости всё равно засыпаешь. Вернее, как в обморок проваливаешься. Где-то к полночи одежда оттаивает, а утром, полусырая, с первых минут на сорокаградусном морозе снова лубенеет.

Через пару недель в таких условиях человек становится доходягой: и тогда эти смертельно изнурённые люди в отчаянии рубят себе пальцы. Только сделают такому перевязку и снова выгоняют в лес.

Смертность в лагере была до шестнадцати зэков в день.

Я кое-как держался, пока однажды не разбил ногу бревном. К утру ступня опухла так, что я не мог надеть ботинок – и пришлось вместо него натянуть рукав старой телогрейки.

С трудом дошёл до столовой, чтобы показаться фельдшеру. Но его столько больных окружило, что не подступиться. Все жаловались и просили освобождение от работы. Фельдшер еле вырвался от нас и убежал. Конечно, это был далеко не Руженцев.

Бригады вывели на развод, однако в столовой осталось человек семьдесят больных. И я с ними. Мы решили в лес сегодня не идти.

После развода появился комендант лагеря.

– Что за самовольство?! Выходите и стройтесь в сборную бригаду. Так и быть, на сегодня вам послабление: пойдёте носить шпалы.

– Мы больные люди, гражданин начальник... – сказал я.

Он крикнул обслугу. Вышло человек пять: повара, кочегар и кладовщик. Все с палками. Нам досталось без разбора. Лечили нас дубьём куда попало, но больше старались огреть по голове.

На мороз выгнали полураздетыми. Сгрудились, хлюпаем кровью.

– Строиться и подойти к воротам для выхода на работу! – крикнул комендант.

Семь человек не могли идти. Их поволокли за ноги, оставляя на шершавом снегу размазы крови. Я хромал следом.

– Вышвырнуть всех за ворота! – приказал комендант.

Там нас ждал конвой. Мы перешли в его распоряжение, и теперь за непослушание могло быть применено оружие.

– Встать! – скомандовал начальник конвоя тем семи арестантам, которых вертухаи волокли за ноги.

Они не пошевелились. Конвой взял винтовки на изготовку. Две овчарки по команде бросились вперёд. Заработали собачьи клыки. Четверо скоро не выдержали и кое-как, вперевалку, пошатываясь, но встали.

Остальных собаки рвали, пока не запалились, однако поднять не смогли.

– Этих тащите в изолятор! – сказал комендант. – Остальным носить шпалы!

В тот день я встретил за зоной человека, с которым до моего побега мы жили в Зырянке в одной палатке. Иван Иванович, бывший комдив. Он, как и я, работал тогда на электростанции. Статьи у нас были одинаковые, но сроки разные. У него лишь три года, и они уже вышли. Только Ивана Ивановича почему-то всё не отпускали на материк, а послали сюда якобы по вольному найму строить узкоколейку до Магадана.

– А ты как здесь?! – удивился он. – Мы все считали, что тебе удалось бежать. Начальство утверждало обратное, но ему никто не верил.

Я кратко рассказал о своём плавании на «Мирныче», а закончил просьбой:

– Ты можешь дать мне хоть немного хлеба?

Бывший комдив побледнел:

– Извини, Алексей Павлович. Нет. Меня строго предупредили на этот счёт. Вот разговариваю с тобой, а сам, скажу откровенно, трясусь за свою шкуру...

– А ну не стой! – крикнул в это время на меня конвой.

И снова на моём плече тяжелая шпала.

К вечеру нога распухла ещё больше. Положение стало критическое. Я понял, что не выживу.

А когда после вечерней поверки лежал, приходя в себя, на нарах, сосед шёпотом признался, что и он уже не в силах работать и специально отморозил левую руку. Он на глазах у меня отломил один палец.

Я позавидовал ему... Если за саморубство от леса не освобождали, то с отморожением на это можно было рассчитывать. Тем более что теперь соседу наверняка удалят кисть, а то и по локоть оттяпают руку.

Бежать?.. С моей ногой бесполезно.

Хотя если достать лошады!..

Кстати, недавно один арестант хотел ускакать, но его застрелили, и теперь он в назидание уже какой день лежит на снегу возле проходной...

И всё-таки я кое-что придумал этой ночью.

Правда, риск в моём замысле был смертельный. А задачу я себе поставил такую: любой ценой попасть в магаданскую тюрьму! Там условия более-менее сносные. Это и есть моё спасение.

Но как такого добиться? Ведь здесь за малейшее нарушение могут застрелить без суда и следствия. А чтобы попасть в тюрьму, мне придётся совершить преступление. Значит, оно должно быть таким, чтобы меня не только не шлёпнули на месте, а отправили бы в Магадан в «Дом Васькова» на следствие.

Засветло я разорвал наволочку и на этом самодельном полотнище написал огрызком химического карандаша: «Долой рабство в СССР!» Но я понимал, что если поднять его над собой на разводе, то пуля, считай, уже моя. Тут же.

Значит, надо действовать иначе.

Я разбудил товарища по бригаде водопроводчика Васю Рябых. Вора-домушника по блатным понятиям.

– Вот что, друг мой: до завтрака сбегай к куму и настучи на меня. Мол, Данильченко затевает беспорядки! Тебе зачтётся. Может, махорки пачку-другую дадут или нальют лишнюю миску баланды.

– Лафа... – мечтательно согласился Вася и, вздохнув, пропел: «Баланда, баланда, баланда – тюремная отрада! Баланда, мне лучшего не надо – ты чудо из чудес, ты наш деликатес, баланда!» Эх, только, мужик, кончат меня свои за донос... Уж такая у нас воровская самооборона. Одним словом, и хочется, и колется, и мамка не велит!

– Если законники узнают – убьют, – согласился я.

– Так что же делать?.. – растерялся он. – Так жалко с фартом распрощаться. Придумай отмаз!

Мы подошли к авторитетным вора по кличкам Полтора Ивана, Сашка Бомба и Цапля. Я показал им лозунг и объяснил свою затею. Про Васю Рябых тоже объяснил, что он по моей просьбе пойдёт с доносом к куму.

– Дело хорошее, – согласились паханы без долгих раздумий. – Может быть, через всё это и нам здесь какое-никакое послабление выйдет? Рябого не тронем.

И они сделали ему такое наставление:

– Встанешь в бригаду последним. Когда будете проходить через хоздвор в столовую, скажешь надзирателю, что тебе нужно к коменданту по очень важному делу. Он тебя отведёт. А там заявишь, будто в нашем бараке готовится что-то серьёзное!

После подъёма вначале всё хорошо складывалось. Готовые и на горе, готовые и на муки, вышли мы из барака. Рябых, озираясь, шагал последним. Проходя калитку, он задержался возле надзирателя.

Когда мы ввалились в столовую, Васи с нами уже не было.

Я ухватил свои триста граммов хлеба, выдул из миски пустую баланду.

А лозунг у меня в кармане...

Проходит десять минут, пятнадцать...

Вот уже начали выкрикивать номера бригад – пора на развод.

Я решил ещё чуть подождать. Должны же меня, в конце концов, арестовать! Ведь не до ветра пошёл Вася... В таких делах шуток быть не может.

...И вдруг вот они, голубчики!!!

Вначале я увидел в дверях хитроватого и довольного Рябых, шагавшего по-матросски вразвалочку. За ним, оголтело напирая, спешили комендант и два оперативника.

Вася кивком указал им в мою сторону.

– Руки вверх!!! – заорал комендант, а оперативники для пущей важности сунули мне в лицо дула наганов.

Повели на проходную. А там уже поджидает меня чуть ли не взвод с винтовками на изготовку. У коменданта, вижу, явно праздничное настроение: как-никак разговор раскрыли! Он был готов чуть ли не расцеловать меня за такой отменный шанс выслужиться:

– Выкладывай, братишка, всё, что есть в карманах! И не дёргайся: мы в курсе твоих вражеских намерений. Тебя за кусок хлеба продали с потрохами!

Спасибо, Вася...

Я вынул «лозунг».

– Грамотные у нас, оказывается, завелись! – радостно усмехнулся комендант и приказал мне. – В угол!

Я сел на корточки. Было тут жарко, густо накурено.

Мимо нас конвоиры по четыре человека выходили за ворота, уводя бригады на лесоповал. Примерно через час не у дел остался только я один.

– Что с этим делать? – крикнул в мою сторону вахтёр.

– Вывести за зону и расстрелять! – предложил кто-то.

– Отставить расстрел! – подошёл политрук. – Головой надо думать, стреляльщики хреновы. Отведите Данильченко в изолятор. И предупреждаю: не вздумайте бить! Он ещё пригодится следствию. Дело тут серьёзное... Наверх докладывать будем! Может быть, не одна голова скоро полетит!

Меня заперли в камере с небольшим окном у потолка. Нар не было. На полу лёд и ещё «кое-что» замёрзшее, как зимой в общественной уборной на краях очка.

Встал я на колени и закрыл глаза: ничего, жить, как жется, буду. Смерть только холодком повеяла...

Часа в три камера открылась, и меня повели в контору. А там начальник лагеря, которого мы прозвали Последний Номер.

...Как-то Ваську Жернова после работы задержали: пьяный! Так этот начальник завёл его в свой кабинет и стал интересоваться, где он мог напиться. Режим строжайший. Конвой и obsлуга закурить не дадут, не то что налить чего покрепче.

– Тебя наказывать не стану, – миролюбиво сказал начальник лагеря, – но ты должен честно признаться, где нажрался.

– Ну да... Признаться... А ты их!.. – пьяно проговорил Жернов.

– Им тоже ничего не будет! – подмигнул хозяин.

– Мне важно пресечь на дальнейшее подобные нарушения режима.

– А какой мне толк признаваться? – вздохнул Васька.

– Проси, что нужно. Я дам.

– Вот это другое дело! – оживился тот. – Давай хлеба буханок пять, десять пачек махорки и килограмм сахара. Расколуюсь!

Начальник послал рассыльного с запиской на склад. Тот вскоре всё доставил. И даже сверх того три банки тушёнки по собственной инициативе.

Жернов на миг растерялся от такого неожиданного богатства.

– Я своё слово сдержал... – усмехнулся начальник лагеря. – Теперь говори, кто тебя напоил!

А Васька опять за своё:

– Скажу, а ты жратву себе в шкаф запрёшь и ещё всех нас накажешь!

– Чёрт упрямый! Я всё тебе отдам. Слово!

– Лучше вызови с третьего барака Гришку Кулятьного, – сказал Васька. – Пусть он весь харч и курево заберёт от греха подальше. Тогда ты меня не объегоришь!

Привели Кулятьного. Он еле смог унести всё, что лежало на столе в кабинете.

– Говори! – прикрикнул начальник лагеря на Жернова.

Тот ещё помедлил. Но ровно столько, чтобы не получить между глаз.

– Эх, ты, следователь... – наконец покивал он. – Я трезвый как ангел! А языком еле ворожаю от голода. Ноги заплетаются сами собой от каторжной усталости!..

Начальник лагеря побледнел. Его, надо сказать, уже не раз обманывали арестанты.

– Это ваш последний номер! – сквозь зубы заключил он и тотчас отправил Ваську напрямик в карцер.

Но с тех пор за хозяином так и осталось прозвище Последний Номер...

В общем, он посадил меня на табурет и дал закурить.

– Что произошло, Данильченко? – сказал с фальшивой дружелюбностью. – Расскажи честно и подробно. Может быть, я смогу избавить тебя от суда и неизбежного расстрела. Добавлю своей властью месяца три штрафной и суток двадцать карцера: этим ты свою вину и искупишь! Так сказать, малой кровью.

Я знал, что говорить и как держаться, чтобы избежать этой милости. И я ухнул:

– Ни фуя ты от меня не услышишь!

Однако Последний Номер с ходу мои слова в толк не взял.

– Что ты подготавливал? – снова попытался он вызвать меня на откровенность. – Сколько вас? Кто ещё замешан в этом деле?

– Отвечать буду только на вопросы органов! – твёрдо сказал я.

– Ладно... – поморщился начальник лагеря. – А пока иди погрейся в карцере.

Там, само собой, ни прилечь, ни присесть, – разве что на голый лёд. А льдом стала вода, которую и летом, и зимой льют здесь на пол, чтобы штрафнику карцер на всю жизнь запомнился. И хлеба мне теперь давали в день лишь по двести семьдесят граммов. Так полагалось по инструкции. С таким провиантом на голом льду долго не прокукуешь...

Через неделю меня повели в посёлок, и я нако-

нец оказался у следователя. В его маленьком кабинете было тоже холодно, но уже горела, набирая силу, железная печурка.

За столом сидел военный лет тридцати пяти, вполне приличный с виду и чем-то даже по-человечески симпатичный.

– Я ваш следователь. Моя фамилия Кислицин, – нормальным голосом сказал он, точно новый учитель, представляясь в классе. – Давайте, как положено, заполним протокол, а уже потом вы будете отвечать на мои вопросы.

Я кивнул.

– Фамилия, имя, отчество?

– Данильченко Алексей Павлович...

– Год рождения?

– Одна тысяча девятьсот седьмой.

– Место рождения?

– Слобода Велико-Михайловская Курской области...

– Почему вы еле говорите? Больны? – оторвался следователь от бумаг.

– Честно сказать, я сильно отошал...

– Вы хотите есть?

– Очень хочу...

Кислицин пошёл за перегородку и принёс миску, полную замёрзшей вермишели с тушёнкой.

– Это будете?

– Буду!..

– Разогрейте на печке и поешьте.

Он потом внимательно смотрел, как я жадно хватаю вермишель.

И вдруг негромко заметил:

– Не спешите, Алексей Павлович. Никто у вас эту миску не отнимет.

Вот тут-то я и решил воспользоваться расположением следователя.

– Гражданин начальник! – сказал я, давась вермишелью. – У меня есть три рубля. Если можно, пошлите дневального купить мне булку хлеба.

Он вышел за дверь. Я слышал, как Кислицин кому-то там говорит: «Я отдал эку твою вермишель. Надеюсь, не будешь обижаться? Он человек крайне истощённый. Да ещё с его двухметровым ростом! В общем, купи ему буханку свежего белого хлеба. Принесёшь сюда».

Кислицин вернулся, и начался допрос.

– В какой партии состояли?

Я решил продать себя дорого.

– С тридцать первого – в подпольной левобухаринской. А позже она вошла в правотроцкистскую партию...

– Как независимое крыло?

– Да... – сказал я, точно глухо кашлянул.

Следователь пристально посмотрел на меня:

– Левобухаринская? Интересно... Первый раз слышу о такой... Каковы были её цель и программа?

Я почувствовал, что он всё-таки не верит мне. Это было опасно. Я растерялся: вдруг Кислицин отправит меня назад в штрафную, пока я не успею тут как следует оклематься?

Несмотря на свою пятьдесят восьмую статью, я в политике не понимал ни бельмеса. Правда, в камерах да бараках левым ухом кое-что слышал о Троцком и Бухарине. Из того, что в газетах, само собой, про них не писали. Арестанты поговаривали, будто Бухарин был за частную собственность на землю и, значит, как бы против колхозов. А я в своё время оттого и перебрался в Воронеж из родной Велико-Михайловской слободы, что шепнули мне добрые люди, будто за моё тогдашнее хозяйство (лошадь, две коровы, три свиньи) мне не миновать Сибири.

– Наша цель... – начал я, с трудом подбирая слова, – вооружённая борьба против коллективизации и раскулачивания. Программа – земля крестьянам. Как было обещано нам самим товарищем Лениным...

В это время дневальный принёс большую булку белого тёплого хлеба. Однако Кислицин всю её мне не дал. Отрезал граммов четыреста, а остальное положил на окно и накрыл газетой.

Такого вкусного хлеба я никогда не ел. Я не променял бы его ни на какие деликатесы. Этот хлеб я не столько кусал, сколько целовал. Он таял во рту. Всего несколько раз отведая его, а в руках уже ничего нет.

Недоумённо поглядел на Кислицина.

– Повремени немного... – улыбнулся следователь. – Иначе заболеешь. Когда закончим, я отдам тебе весь хлеб. А сейчас ещё вопрос: в вашем деле указано про побег на пароходе «Миронич» из бухты Амбарчик в тысяча девятьсот трид-

цать девятом году. С какой целью вы его совершили? И куда хотели бежать?

Я понимал, что мне необходимо наговорить на себя как можно больше, не ограничивая ни в чём свою фантазию. Каждая минута в тёплом кабинете следователя была спасением. Я вовремя вспомнил загадочного выдумщика фельдшера Льва Максимовича Руженцева и с ходу развернулся на полную катушку:

– После Ленинграда «Миронич» должен был доставить лес во Францию, – строго сказал я. – Этот факт вы можете проверить. Таким образом, я по поручению партии собирался пробраться за границу. Для получения инструкций, денег и подложных советских документов.

– Куда конкретно? – сдержанно заметил Кислицин.

– В этот... Париж!

– С кем вы там должны были встретиться?

– Этого говорить не имею права.

Следователь усмехнулся:

– Хорошо, я подожду, пока вы его получите от своей партии...

Он вызвал конвоира и отдал мне остальной хлеб, а в придачу пачку махорки, коробку спичек и сдачу с моих трёх рублей. В ту минуту я был до глубины души благодарен этому человеку. И пусть он простит меня за наивную ложь.

После допроса я оказался в тёплой и просторной камере. Правда, здесь, как это часто случалось, не было света, так что арестанты били вшей по очереди возле маленького мутного оконца.

Вызовами к следователю меня больше не тревожили.

(Окончание в следующем номере)

Сергей Прокофьевич ПЫЛЕВ

родился в 1948 году в городе Коростене Житомирской области.

Окончил отделение журналистики филологического факультета

Воронежского государственного университета.

Служил в Советской армии, работал в различных СМИ Воронежа.

С 1983 по 1992 г. – заместитель председателя правления

Воронежского отделения Союза писателей СССР.

Член Союза писателей СССР (ныне России) с 1984 года.

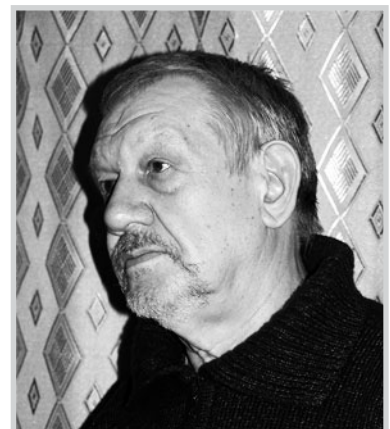
Прозаик.

Автор 10 книг рассказов и повестей.

В воронежском литературно-художественном журнале «Подъём»

с повестями и рассказами публикуется с 1977 года.

В журнале «Север» публикуется впервые.

Вадимир ТРУСОВ

г. Мончегорск

Этот ласковый «Северный ветер»

Да-да, именно так, и никакого парадокса тут нет. Оказывается, традиционно столь суровое и грозное атмосферное явление, мифологический античный Борей, ледяной пронизывающий аквилон, несущий во все времена неисчислимые беды роду человеческому на суше и на море, так вот именно он одновременно может быть ласковым и даже нежным. Вы сами убедитесь в справедливости моих слов, едва откроете книгу стихов моей землячки Ирины Рогозиной, именно так и названную – «Северный ветер».

Это первая книга Ирины, путь к её изданию оказался довольно долгим и очень непростым, и оттого я вдвойне рад, что она, сумев одолеть все житейские и временные препоны, сумела выпустить в свет поэтический сборник, бесспорно заслуживающий внимания самого взыскательного читателя.

*Как могли глаза такие вырасти?
Для таких – нет подходящих лиц.
Словно у небес купил ли, выпросил
Две звезды светить из-под ресниц.*

*Я смотрю, и сердце трепыхается
Серебристой рыбкой на крючке.
Я смотрю, и мне все больше нравится
Просто отраженьем быть в зрачке.*

Ну что, убедились? Неподдельная искренность и тонкий, порой даже нарочито изысканный и поэтому несколько наивный и незащищенный, но такой трогательный лиризм вторгается в сердце читающего стихи Рогозиной с первых строк. Стихи несуетливы и далеко не суетны, лишены крикливости, истеричности и пустого фанфаронства, до боли откровенны, ибо автор пишет только о том, что ему знакомо и близко, безо всякой надуманности и намеренных «красивостей» кружевного рукоделия. Сказывается явное влияние на творчество Ирины поэтов «кожиновского круга»: Николая Рубцова, Владимира Соколова, несомненно близкой им Ольги Фокиной. И отсюда еще одна причина столь удивительного нрава «Северного ветра», это ветер Родины, в нем дыхание России.

*Моя Россия спряталась в глубинке,
Подальше от асфальтовых дорог,
Где, уходя из дома, по старинке
Ключ от замка кладется под порог.*

*Моя Россия в ситцевом платочке
Идёт с ведром к колодцу-журавлю.
Она – где варят брюкву, солят в бочке,
Где знают пост не по календарю.*

.....

*Моя Россия там, где топят печи,
Где дымоход не стал для птиц гнездом,
Где в чугуне грибы томятся с гречей,
Где хлебным духом пахнет старый дом.*

*Моя Россия, ты жива деревней,
Церквушкой деревянной на горе.
Я помолюсь перед иконой древней,
Чтоб лаяла собака во дворе.*

Ирина Рогозина коренная северянка, родилась и выросла в заполярном Мончегорске, окончила отделение журналистики филфака Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, вернулась на малую родину, работает в городской газете. Как поэт она заявила о себе далеко не сразу, стихи свои, точно детишек, нянчила и растила, будто оберегая от порчи и сглаза, являя их очень узкому кругу доверенных лиц. И вот:

*Сотни лет прошло с последней встречи...
Не осталось ни стихов, ни чувств.
Не осталось? Почему же вечер
Так невыносимо тих и пуст?*

*Не прольется лунным светом в душу,
На бумаге плача и скорбя.
Будет лампочка качаться грушей,
Освещая годы без тебя...*

Первая книга на самом деле явление не только радостное, но и весьма коварное. Очень многим начинающим авторам она застит весь белый свет, сбивая не вполне состоявшегося поэта или прозаика с единственно верного пути – дороги постоянного труда и бесконечного совершенствования. И её выпуском обольщаться не стоит вовсе. Я глубоко убежден, что любому автору она нужна не для самолюбования, дескать, вот я ка-

кой гениальный, но прежде всего для отстраненного и весьма критического взгляда на свои творения со стороны, дабы суметь сразу же разглядеть недочеты, а порой и откровенные ляпы, прорвавшиеся на страницы первенца, и продолжить совершенствоваться на литературном поприще уже с учетом сделанных выводов от «работы над ошибками». Не стану скрывать, в этом смысле «Северный ветер» дает автору самые широкие возможности. Запутанная метафора, неоправданно неточная рифма, возможно не вынужденно нелогичная инверсия, уход от темы стихотворения ради эффектной концовки... Да, в книге все это встречается, но подобные разовые огрехи вполне устранимы и ни в коем случае не перечёркивают достоинств большинства стихотворений.

Справится автор с недочетами, повысив уровень своего мастерства, или нет, сие только от него зависит и только со временем прояснится. Главное, о чем я хочу сказать сейчас, – книга состоялась, ибо в ней есть стихи, настоящие, от сердца, от души, от крови и плоти автора. А это, согласитесь, не столь уж частое явление в современном литературном, особенно поэтическом, пространстве. С чем я и поздравляю Ирину Рогозину. Итак, читайте «Северный ветер», ведь возможность читать ветер (помните у Стругацких – «думать туман») выпадает крайне редко.

**Рогозина И. Северный ветер:
стихотворения. Мурманск:
Борей, 2015. – 84 с., с илл.**

**Владимир
КОРКУНОВ**

г. Москва

Поэзия Виталия Молчанова зарождается там, где сходятся народные поверья и православные предания, где Россия возвращает имперский лик, а история раз за разом утверждает себя в качестве ориентира для будущих поколений. Автор ищет Россию в ней самой и – в себе; его книга «Фрески» – скорее, не плод вдохновения, а ума, и мысль здесь главенствует над чувством. Точнее: мысль порождает чувство и управляет им.

Композиционно книга включает разделы «Замурчанный храм», «Обереги на извёстке», «Питая малое большим», «Табынская поэма» и «Бельгия». Уже по первому из них становится понятно, что основная задача Молчанова – воцерковление читателя и разговор с Богом. Однако этим поэт не ограничивается. Для него неразрывны Русь и вера, и это единение – на его взгляд – способно уберечь душу перед лицом тлетворных соблазнов, даже под нарядной обложкой. Эта тема поднимается в стихотворном цикле «Нагой» (он же Василий Блаженный; святой ходил без одежды круглый год, отсюда его прозвище) и восходит к легенде о том, как старец камнем разбил якобы чудотворный лик Божьей Матери, под которой скрывалась «дьявольская харя».

Образы юродивых, канонизированных и нет (как, скажем, Иван Кореиша), подчёркивают народную сущность веры и традиционную набожность сирых и убогих, многие из которых становились целителями и ясновидцами. При этом Молчанов не просто рифмует предания о них; но – пе-

реосмысливает, поэтически преобразует хрестоматийные образы. Так, легенда о Ксении воплотилась в стихотворение о старике. Его облик – а несчастный, подражая юродивой, нацепил женскую одежду – не имел сакральной силы. А потому старик стал лишь жалкой пародией на блаженную.

Молчанов высказывается максимально внятно и конкретно. Порой здесь не хватает собственно поэзии как искусства – однако поэта «Фресок» предполагает иной путь воздействия на читателя. Автор предпочитает историческую точность и литературную прозрачность, когда художественные приёмы используются дозированно и прорастают отдельными яркими сравнениями, аллюзиями, образами, как сказал автор вступления Пётр Краснов, «метафорическими вбросами»: «Где покрыты щёки поля первым пухом вешних трав», «Свечной наплыв растёт до потолка/ Зубастой тенью – тучей с рваным краем», «В глазах незрячих алый жар камина/ Цветочком стал» и др. Периодически Молчанов сталкивает разные формы искусства, показывая единоначалие культуры – и её беспредельный конец. Так, в диптихе «Богомаз» сближаются образы рассказчика и художника-иконописца. Оба в известной степени рисуют, и какой образ Бога подлиннее: созданный словом или краской, остаётся в области художественной убедительности.

Единственное стихотворение, контрастирующее с остальными в книге, – «Мирное время». В нём Молчанов демонстрирует поэтический инструментальный и – многомерную образность, несколько чуждую основному (патриотически-православному) посылу книги, но отчасти даже более убедительную: «В избе тепло. Привычно пахнет бражкой,/ И остро – свежеструганной сосной./ Сынок родился, говорят, в рубашке,/ У Марьюшки под самый выходной.// Когда дома к земле давила стужа/ И к тёплой печке жалась баюны,/ Раздался крик, стряхнув лепнину кружев/ Со стёкол в отражённый свет луны.// Как бисером расшитая дорожка –/ Небесный самотканый рушничок,/ Чтоб по нему прошли босые ножки,/ Не обморозясь, в облачный чертог.// «Родимчик», – рот прошамкал повитухи:/ «В рай полетела детская душа»./ При тусклой лампе свёкор шил подпруги,/ Дырявя кожу остриём ножа.// Не чахнуть внуку в царской каталке,/ Не гнить в окопах Первой мировой.../ У Марьюшки родился сын в рубашке/ И умер в ночь под самый выходной.// Где от полозьев чёрные полосы/ Морщинами легли на ровный снег,/ Метель морозно-ветряной двухвосткой/ С плеча хлестала уходящий век».

Время стихотворения – начало XX века. Подтекст христианский – смерть принимается за благо: душа отправляется к Богу. Вот только понимание текста

идёт не напрямую, а через образ, и это уже требует иного уровня восприятия. В чём удача мертворождённого младенца? Разумеется, не в мгновенном воссоединении с Богом – это-то само собой. Но больше в том, что ребёнок не станет свидетелем войн и революций, участником антирелигиозных кампаний, что априори отдаляет от облачного чертога. Так человеческое несчастье оборачивается показной благостью, и Молчанов на лексическом уровне подчёркивает двусмысленность и трагизм ситуации: «чёрные полозья», «морщины на снегу» и др.

Поиск пути (не только с оглядкой на высшие силы) считается в стихотворении «Храм». Слепая вера здесь становится антитезой вере осознанной, и следование течению, пусть даже Божьему, воспринимается как безволие или – шаг к обретению себя; во всяком случае, сдвиг в характере происходит – путь от безверия к вере показан через метафору, которая окантовывает текст: «Ты вёслами машешь на месте... <...> И тихо меня понесло по спокойному руслу/ Без вёсел и паруса плавное Божье течение».

Трудно понять, какие стихи лучшие не у автора, а для автора. В разных текстах Молчанов решает различные художественные задачи, и, пожалуй, стоит принять публицистику или рассказы в стихах («Рыбалка», «Фингал» и др.) как форму наиболее наглядную. Следует отметить и чётко выстроенную оппозицию Россия/Запад, в которой эволюция лирического героя неизбежно связана с отказом от ценностей, навязанных извне. Для этого Молчанов прибегает к метафоре. Так, в стихотворении «Сердце-осень» автор вырывает прозападное сердце, чтобы заменить его русским, и даже описания природы (он соотносит душевные метания с изменениями в окружающей среде) – не случайны, это тоже возможность показать отношение к миру и таящимся в нём дивинациям.

Одним из ключевых стихотворений книги назовём тождественное названию – «Фрески». Им открывается раздел «Обереги на извёстке». Молчанов намеренно выбирает метрику текста, максимально приближённую к живой речи, наговору или шёпоту. Это шуршание слов от строфы к строфе только усиливается: вначале до непонятного гула, затем – отчаянно-яростной, с трудом сдерживаемой боли.

*В помощь только добрый лемех
и собак дворовых кости.
Жарче-жарче, ближе-ближе
верховой огонь горячий.
«Мама, душно! Мама, слышишь балок треск», –
сынишки плачут.*

<...>

*...За минуту до спасенья
Кровля пала, погружая в огневое погребенье.*

<...>

*Матерь Божья тёплым светом –
нежным ласковым покровом –
Промокает капли лета на челе земли просторном.*

<...>

*Русь, Россиюшка, Расея,
сколько горького страданья
От лихих междоусобиц, от измен, братоубийства?
<...>*

*Быль живёт под слоем красок.
Пишет дед. Скрипят подмостки...
Не жалей желтков для красок
в берегах на извёстке.*

В очередном историческом полотне Виталий Молчанов частично раскрывает историю Новгорода-Северского, частично – подчёркивает роль художника (здесь выбраны фрески), который становится историком, но на христианский манер («Верой в Бога взгляд утроен сотворяющего фрески»). С позиции автора подобная интерпретация духовно-документальна («Поразит Георгий змея супостатам в назиданье»). Однако насколько религиозный взгляд отражает действительность – не сказано.

Хотя, вероятно, художник наделён пророческими способностями, как и юродивые из первой части книги; как и Шаман (раздел «Питая малое большим») из одноимённого стихотворения. Это своеобразная форма единения высокого с низким (юродивый/пророк, дурак/пророк) свойственна отечественному сказко- и мифотворчеству.

На другом полюсе «емелиного прекраснотворения» – Маруся, сорокалетняя деревенская дурочка, которая мечтает о «своём» Ванюше (местном Эрасте). Неграмотная и недалёкая (сама себя называет «Венерой из пены»), она оказалась нужна на одну ночь безвестному столичному ловеласу. А теперь – беременна. Молчанов живописует её душевное состояние, в любви беспутное, и видит единственную дорогу – к вере: «теплеет Марусино сердце –/ С иконы в углу смотрят ласково мама с младенцем».

Пожалуй, Молчанов единственный раз расходится с православным мировосприятием в стихотворении «Эвтаназия». Он говорит о праве на смерть, как бы оправдывая добровольный уход из жизни – во всяком случае, призывая не судить.

– Спешу, дюймовочка моя,
беги по проводам до кнопки,
Нажатой докторской рукой,
косой о позвонки греми.

К этому стихотворению примыкает и другое, «Авессалом, или Эффект плацебо». Оно основывается на мифе о третьем сыне Давида и утверждает веру в исцеление – через собственно веру и покаяние, которые способны – по мнению лирического героя – заврачевать если не тело, то, во всяком случае, душу: «В церковь схожу, покаюсь,/ Дело пойдёт на лад,/ Смерти тиски разжались...»

«Табынская поэма» повествует о потере и обретении оренбургской святыни; сюжет накладывается на исторический фон – дело происходит в годы Гражданской войны. Большевики противопоставлены православным: революция у Молчанова бессильна перед верой. Так, демонстранты, встретив крестный ход, примыкают к церковному «стаду». И хотя икона способна карать за надругательства, она же способна и миловать, даже – исцелять. Таким образом, автор не только наделяет Одигитрию чудодейственными свойствами («Трижды с матушкой-Иконой обошли весь град вокруг:/ Прекратились смерти, стоны, вытер слёзы Оренбург»; таковы и реальные легенды), он очеловечивает её, оживляя.

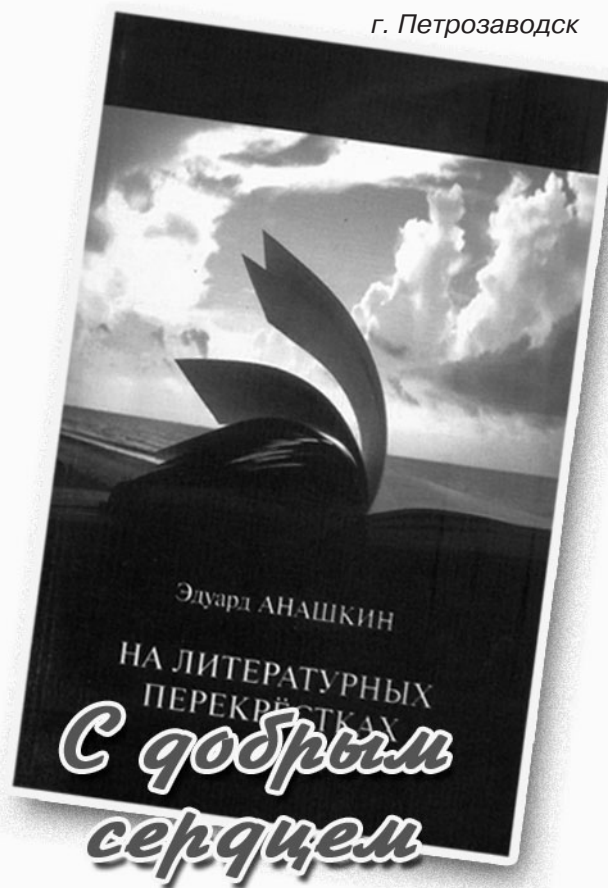
Завершает книгу венок метасонетов «Бельгия». И если «Табынская поэма» итожит первый посыл книги: «Русь без веры немыслима», то льежский цикл утверждает вторую мысль: «Русскому вне России – тоска». Вот и протагонист цикла, оказавшийся на поэтическом фестивале, пусть и впитывает окружающую среду («Мне бы Jack'a успокоить нервы,/ Daniel's – фамилия врача»), но отыскивает русское и русскость буквально во всём («Русский бренд на бренде из ненаших»), а это уже имперский мотив.

В конечном счёте, книга Виталия Молчанова – о русских и для русских. Причём именно для ортодоксальных соотечественников, для которых «глобализация» и «мультикультурализм» – слова с негативным коннотационным значением. Отчасти оренбуржец пытается убедить в позиции напрямую, отчасти делает это литературными методами. Ну а принять ли взгляды Молчанова – дело за читателем.

Виталий Молчанов, «Фрески».
М.: ИПО «У Никитских ворот»,
2015

Вениамин СЛЕПКОВ

г. Петрозаводск

В прежние годы выпускалось достаточно много книг, авторы которых делились литературными воспоминаниями, писали мемуары и очерки о своих коллегах-писателях, о том, как приходили к читателю их произведения, как эти произведения рождались.

Многие такие книги пользовались неизменной любовью, читались и перечитывались. На моих книжных полках до сих пор стоит, например, книга Константина Ваншенкина «Поиски себя», в которой замечательный поэт рассказывает о своих друзьях – поэтах, чьи стихи помнятся многими. В книге много теплоты, много юмора, перечитывать её – сплошное удовольствие.

Но я не о Ваншенкине. Это только пример. Сейчас время изменилось, ужесточилось. И писатели, в том числе те, чьи новые книги мы раскупаем в оставшихся редких книжных магазинах, все больше говорят о себе. Достижение успеха за-

частую требует мощной раскрутки, самопиара, где уж тут прочитать книгу товарища по перу, тем более найти время откликнуться на нее! Да и зачем? Вдруг читатель в следующий раз купит книгу товарища, а не твою?

Конечно, я несколько преувеличиваю, но тем не менее литературные воспоминания, да еще написанные с искренней симпатией к героям, мы видим реже. Тем интереснее было прочесть книгу Эдуарда Анашкина «На литературных перекрестках».

Имя этого автора встречалось во многих литературных журналах и газетах, наверняка читатели знакомы с его рассказами и повестями. Эта же книга содержит воспоминания о встречах, я бы сказал – о дружбе со многими известными писателями, и не так давно ушедшими от нас, и, слава богу, еще творящими.

Предисловие к книге написала известный поэт Диана Кан: «...как найти книги, достойные прочтения? А не те расхваленные «новинки», которые хуже всех «воров», ибо их чтение похитит у вас одновременно и время, и настроение?.. Нужен какой-то навигатор в процессе чтения. И вот для меня, например, таким «навигатором» стал мой давний друг, замечательный прозаик и эссеист Эдуард Анашкин. Помимо многих других своих творческих и человеческих достоинств этот человек обладает даром книго-чая», – пишет Диана Кан.

И с ней нельзя не согласиться. Нынешнее время характерно и тем, что множество наименований книг мы можем встретить. И далеко не каждая «раскрученная» книга доставит удовольствие. Не зря многие литературные критики стали такими «навигаторами», о которых говорит Диана Кан. Для читателя важно найти своего критика, свой «навигатор», которому будешь верить, на мнение которого можно будет положиться.

В этом смысле важную роль играет отношение человека, пишущего о книгах и об авторах, к тому, о чем и о ком он пишет. Мне кажется, что это отношение Эдуарда Анашкина к людям, к литературе, к миру замечательно выразил Валентин Распутин в автографе на подаренной Анашкину книге: «... писателю и человеку, талантливому самым ценным талантом – добрым сердцем».

Воспоминания и очерки Эдуарда Анашкина преисполнены добрым отношением к своим героям. На мой взгляд, важно, что пишет он о тех, с кем дружил, с кем встречался и не раз беседовал. И вот вслед за автором мы оказываемся на семинаре молодых писателей в Чите, где полу-

чил «путевку» в литературу Валентин Распутин, затем перемещаемся на дачу Михаила Алексева в Переделкино или же в уютный кабинет в Союзе писателей России к Светлане Вьюгиной... Перед нами в очерках Эдуарда Анашкина встают живые люди, решающие насущные вопросы, радующиеся своим детям и внукам, общающиеся с друзьями, не бегущие от дружеских посиделок. И тогда, узнавая этих людей, мы начинаем лучше воспринимать их романы, повести, стихи, начинаем острее чувствовать их заботы, понимать их размышления. Герои книги становятся для нас ближе, а потому с большим интересом обращаясь к их творчеству.

География книги Эдуарда Анашкина широка – здесь жители Сибири и Москвы, Самары и Карелии... Наверное, это не случайно. Не зря Эдуард Анашкин, анализируя творчество своих героев, обращает внимание на их любовь к Родине – большой и малой. А еще – на их отношение к людям, на взгляд на мир. Перед нами проходят стихи и судьбы названных выше писателей, а еще – Евгения Семичева, Елены Пиетилийнен, Ивана Тертычного, Ольги Полухиной, Николая Дорошенко и многих других – тех, чьи имена сейчас горят на литературной карте России. Немало в последние годы говорилось о том, что российская литература не ограничивается выходящими в столице книгами, имеющими коммерческий успех. Замечательные писатели есть практически в каждом регионе России, и, хоть не стремятся издатели рисковать, издавая их произведения, все же, пусть не всегда большими тиражами, доходят они до читателя, пробуждают в душах отклик, заставляя разыскивать новые книги полюбившихся авторов. И книга Эдуарда Анашкина поможет читателю открыть для себя новые достойные имена, а также позволит ближе познакомиться с теми писателями, чьи книги уже с удовольствием прочитаны.

Эдуард Анашкин.
На литературных перекрестках.
Москва,
Редакционно-издательский дом
«Российский писатель», 2015.

П О Э З И Я

Владимир	«ВЕЧНОСТЬ –	
АЛЕЙНИКОВ	ДЛЯ РУССКОГО СЛОВА...»	5-6
Борис	«НЕЛЬЗЯ БЕЗ РОДИНЫ,	
БУРМИСТРОВ	КАК ПТИЦАМ...»	9-10
Александр		
ВОРОНИН	РУБАИ	5-6
Татьяна	«Я ОБРАЩАЮСЬ	
КАНОВА	К СОЛНЦУ И ЛУНЕ...»	3-4
Борис	«И ВЫДЕЛЕНА МНЕ	
ИЛЬЮТИК	БЫЛА СУДЬБА...»	11-12
Любовь	«ЗЕМЛЕЙ ВОСКРЕСШЕЙ	
КОЛЕСНИК	СНОВА ПАХНЕТ...»	7-8
Наталья	«ПАХНЕТ ПАМЯТЬ	
ЛАЙДИНЕН	СОСНОВЫМИ ИГЛАМИ...»	1-2
Константин	«С ЛЮБОВЬЮ	
ЛУКЬЯНЕНКО	ПОЧТИ НЕЗЕМНОЙ...»	1-2
Эмма	«И ПЕЧАЛЬНО	
МЕНЬШИКОВА	И БЛАГОСТНО...»	1-2
Надежда	«РАЗВЕ ОБЪЯСНИШЬ	
МИРОШНИЧЕНКО	СЕРДЦА РАЗГОВОР?...»	9-10
Олег	«К НЕБУ	
МОШНИКОВ	ВЗДЫБИЛАСЬ ВОЛНА...»	11-12
Леонид	«КУДА НАМ ИДТИ	
ПАЩЕНКО	ЗА ПЕЧАЛЬЮ?...»	5-6
Елена	«ПУСТЬ НАС НИКОГДА	
ПИЕТИЛЯЙНЕН	НЕ ПОКИНЕТ ЛЮБОВЬ...»	3-4
Валерий	«ПОВЕРЮ В ПОЗАБЫТУЮ	
ПОЛАНД	ПРИМЕТУ...»	7-8
Андрей	«И Я УЧИЛСЯ	
ПОПОВ	ПОНИМАТЬ И ПЛАКАТЬ...»	11-12
Елена		
РОДЧЕНКОВА	«Я – РУССКАЯ ВЬЮГА...»	3-4
Владимир		
СКИФ	«И УДЛИНЯЕТСЯ ДЕНЬ...»	3-4
Анатолий	«СНОВА ВРЕМЯ	
СМИРНОВ	ПАХНЕТ СОСНАМИ...»	3-4
Владимир	«И ШУМИТ ЗДЕСЬ	
СОРОКАЖЕРДЬЕВ	БЕРЕЗОВЫЙ САД...»	7-8

П О Э З И Я

Вадимир	«РАСПАХНЕТСЯ	
ТРУСОВ	НОВЫЙ ВЕК...»	7-8
Ольга	«МЧУ ПО ВСТРЕЧНОЙ	
ФЕДОРОВА	Я ПОЛОСЕ...»	5-6
Валерий	«ОТЗЫВАЕТСЯ	
ЧЕРКЕСОВ	ПЛАЧЕМ ДУША...»	11-12
Владимир	«ПОЗЕМКА	
ШЕМШУЧЕНКО	ПИШЕТ АКВАРЕЛИ...»	1-2
Владимир	«УЖЕ ОТ ЛЕТА	
ЮРИНОВ	ПОДУСТАЛИ ТРАВЫ...»	9-10

П Р О З А

	ОТКРОЙТЕ ФОРТОЧКУ,	
Людмила	ГОСПОДА!,	
БАСОВА	<i>психологический детектив</i>	1-2
Владислав		5-6
БАХРЕВСКИЙ	СТОЛПНИК, <i>повесть</i>	7-8
Марина	СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ,	
ВОРОНИНА	<i>повесть</i>	11-12
Константин	ХОЗЯЙКА УРОЧИЩА	
ГНЕТНЕВ	ВЕТРА, <i>рассказ</i>	3-4
Константин	ЗА ТИХОЙ РЕКОЙ В БЕРЕ-	
ГНЕТНЕВ	ЗОВОЙ РОЩЕ, <i>рассказ</i>	9-10
Георгий		
ГОРЬКИЙ	АМЕРИКА, <i>рассказ</i>	1-2
Борис	МУЗЕЙНОЕ ТАНГО,	
ГУЩИН	<i>рассказ</i>	1-2
Ирина	БЕЛКА; БУМАЖНЫЙ	
ИВАСЬКОВА	САКСОФОН, <i>рассказы</i>	7-8
Александр	ОТГОЛОСКИ (<i>Из незабытого</i>),	
КОЗИН	<i>повесть</i>	7-8
Виктор	ПОД ЗНАКОМ ВЕЧНОСТИ,	
КУТКОВОЙ	<i>рассказ</i>	1-2
	ПРОЩАЙ – ЗДРАВСТВУЙ;	
Наталья	Я ТЕБЯ НИКОГДА НЕ ЗАБУ-	
ЛАВРЕЦОВА	ДУ, ЕСЛИ ТЫ..., <i>рассказы</i>	5-6
Галина		
ЛАХМАН	ХИП-ПА, <i>рассказ</i>	5-6

ПРОЗА

Александр	ХРОНИКА УХОДЯЩИХ	
ЛОМТЕВ	ВРЕМЕН, <i>рассказы</i>	11-12
Антон	ПОВЕРИТЬ В ЧУДО...,	
ЛУКИН	<i>повесть</i>	5-6
Ирина	СОН И СНОВИДЕНИЕ,	
ЛЬВОВА	<i>повесть</i>	1-2
	МАЗЕГА; ПАРАСИН КРЕСТ;	
Наталья	ЦИРК МАЛИНОВЫЙ;	
МЕЛЕХИНА	И ПАДАЛИ ЛИСТЬЯ..., <i>рассказы</i>	11-12
	БОГОМАТЕРЬ ВСЕХ СПЯЩИХ;	
	СЧАСТЬЕ СРЕДНЕЙ ТЯЖЕСТИ;	
Виктор	АНАТОЛИЙ КОНСТАНТИНО-	
НИКИТИН	ВИЧ, <i>рассказы</i>	5-6
Игорь		
ПАНАСЕНКО	СПАСАТЕЛЬ, <i>повесть</i>	9-10
Елена		
ПИЕТИЛЯЙНЕН	НЕ ВСЕ ПОТЕРЯНО, <i>рассказ</i>	3-4
Алексей		
ПОЛУБОТА	БАБУШКИН ОСТРОВ, <i>повесть</i>	3-4
Сергей	НАДЬКА, НАДЕЖДА;	
ПУПЫШЕВ	ВСЕ В ГРАФИКЕ, <i>рассказы</i>	9-10
Наталья	ЦЫГАНСКАЯ ДОЧЬ; СВАДЕБ-	
РОМАНОВА	НЫЙ КОСТЮМ, <i>рассказы</i>	1-2
Владимир	ГОЛУБАЯ ЖЕМЧУЖИНА,	
РУДАК	<i>рассказ</i>	5-6
Виктор		
СБИТНЕВ	ДИВА, <i>повесть</i>	9-10
Надежда		9-10
СЕРЕДИНА	ГДЕ МОЙ ОТЕЦ?... , <i>роман</i>	11-12
Наталья		
СТОМОНАХОВА	СЕВЕРНАЯ ЮДОЛЬ, <i>рассказ</i>	3-4
Елена	У БАБУШКИ В ДЕРЕВНЕ,	
СЧАСТЛИВЦЕВА	<i>рассказ</i>	7-8
Иван	ВЛЕЧЕНИЕ; А БЫЛА ЛИ?;	
ТЕРТЫЧНЫЙ	СКВОЗНЯК, <i>рассказы</i>	5-6

ПРОЗА

	НОВЫЕ ВРЕМЕНА;	
	СМЕРТЕЛЬНАЯ ВРАЖДА;	
	ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ	
Александр	ФИЛОСОФА ФЕДОРОВА;	
ТИТОВ	КРЫЛЬЯ, <i>рассказы</i>	7-8
	ВО ИМЯ ТВОЁ, <i>историко-</i>	
Андрей	<i>этнографический роман</i>	1-2
ФАРУТИН	(<i>журнальный вариант</i>)	3-4
	ТРЕТИЙ ГЛАЗ; ФАТУМ;	
Александр	МИНЗДРАВ ПРЕДУПРЕЖ-	
ЮДИН	ДАЕТ, <i>рассказы</i>	5-6
Тимофей	НОСТАЛЬДЖИЯ-КАНАЛЬЯ,	
ЮРГЕЛОВ	<i>рассказ</i>	11-12

Литературный конкурс журнала «Север»
СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА

Денис	«ПОЖАР ЗВЕЗДЫ ОКНО	
БАЛИН	МОЕ СОГРЕЕТ...», <i>стихи</i>	7-8
Алексей	«ВЕСНА, КАК ПТАХА, ВЫ-	
ГУШАН	ПОРХНЕТ ИЗ РУК...», <i>стихи</i>	3-4
Екатерина	«ВОДОЮ ТАЛОГО СНЕГА...»,	
ЕВСЕЕВА	<i>стихи</i>	11-12
Анна		
СОСНОВА	ЗА БУГРОМ, <i>рассказ</i>	9-10
Александр		
ТИХОНОВ	ПО ВЕСНЕ, <i>рассказ</i>	5-6
Елена		
ТУЛУШЕВА	ЧУДЕС ХОЧЕТСЯ, <i>рассказ</i>	1-2

2016-Й – ГОД РОССИЙСКОГО КИНО

	СТРАНА ЧУДЕС	
	ИЛИ СТРАНА ОБМАНА:	
Максим	ОБРАЗ ОТЧИЗНЫ	
МАРКОВ	В РОССИЙСКОМ КИНО	1-2
	СЕМЬЯ... КАК МНОГО	
	В ЭТОМ ЗВУКЕ ДЛЯ ФИЛЬМА	
	РУССКОГО СЛИЛОСЬ	
Максим	(<i>Образ семьи в современном</i>	
МАРКОВ	<i>русском кино</i>)	9-10

ДЕБЮТ В «СЕВЕРЕ»

Галина	«УБЕГАТЬ ОТ ЛЮБВИ –	
ГОРБАЧЕВА	ПРЕСТУПЛЕНИЕ...», стихи	5-6
Владимир	«ОЖЕРЕЛЬЕ ИЗ БРЕВЕНЧА-	
МИЩЕНКО	ТЫХ МОСТОВ...», стихи	11-12
Марина	«ЛЬЕТСЯ МУЗЫКА	
КАКСИМКОВА	УСТАЛАЯ...», стихи	1-2
Александр	«ГРОЗДЬЯМИ РЯБИНЫ	
КОГАН	ОДИНОКОЙ...», стихи	9-10
Людмила	«ПРИШЛО РОМАШКОВОЕ	
ЛАД	ЛЕТО...», стихи	7-8
Мария	ГОРА; НЕПОСЛУШАНАЯ,	
ТОВИЧ	рассказы	3-4
Екатерина	«БЕЗОГЛЯДНО ВЕРЬ	
ЯКОВЛЕВА	И ДОЖДЮ, И САДУ...», стихи	3-4

МОНПАНСЬЕ

Леонид	ПРО ВОВКУ СИДОРОВА,	
МЕДВЕДЕВ	рассказы	11-12
Елена	ТИМКА; КТО КОМУ НУЖЕН,	
ПИЕТИЛЯЙНЕН	рассказы для детей	3-4
Вениамин		
СЛЕПКОВ	БАЙКИ ПАККАЙНЕ	3-4

НАЦИОНАЛЬНОМУ МУЗЕЮ
РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ – 145 ЛЕТ

Михаил	«НАШИ ФОНДЫ –	
ГОЛЬДЕНБЕРГ	ЭЛЬДОРАДО»	9-10

ПУБЛИЦИСТИКА

	«ЗАГОВОР ФИНСКОГО ГЕН-	
	ШТАБА» – ПОЛИГОННОЕ	
	ИСПЫТАНИЕ	
Константин	ПРИ ПЕРЕХОДЕ К	
БЕЛОУСОВ	«МАССОВЫМ ОПЕРАЦИЯМ»	1-2
	ГОДЫ ОЛОНЕЦКОЙ СЛУЖБЫ	
Константин	ШТАБ-ОФИЦЕРА КНЯЗЯ	
БЕЛОУСОВ	АЛЕКСАНДРА МЫШЕЦКОГО	11-12
Владимир	ГОРЖУСЬ ТЕМ,	
БОНДАРЕНКО	ЧТО Я СЕВЕРЯНИН	1-2
Владимир		
БОНДАРЕНКО	ГЕНИЙ СЕВЕРА	1-2

ПУБЛИЦИСТИКА

Виктор	«ПО ГОЛГОФСКИМ	
БОЧЕНКОВ	РУССКИМ ПРИГОРКАМ...»	7-8
Михаил		
БУЗИК	С НОСТАЛЬГИЕЙ ПО ДЕТСТВУ	11-12
	ЕСТЬ МАТЕРИ СЧАСТЛИВЫЕ	
Константин	МОЛОЖЕ, ИЛИ В КАКИЕ ГОДА	
ВАСИЛЬЕВ	ДЖУЛЬЕТТЫ ДЕТЕЙ РОЖДАЮТ	3-4
Константин	УБИЙСТВО	
ВАСИЛЬЕВ	МИКЛУХИ-МАКЛАЙ	7-8
	БОРЬБА ВОЕННОЙ КОНТРРАЗ-	
	ВЕДКИ КАРЕЛЬСКОГО ФРОНТА	
Сергей	ПРОТИВ ФИНСКОЙ РАЗВЕДКИ	
ВЕРИГИН	В 1941–1944 гг.	5-6
Валерий		
ВЕРХОГЛЯДОВ	АВАНТЮРИСТ ПОНЕВОЛЕ	3-4
Олег		
ВОРОПАЕВ	ПАРАЛЛЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ	7-8
Михаил	САТИРА	
ГОЛУБКОВ	ЮРИЯ ПОЛЯКОВА	1-2
Дмитрий	«СИНИЕ ГОРЫ КАВКАЗА,	
ГОРОХ	ПРИВЕТСТВУЮ ВАС!»	5-6
Юрий		
ДАВЫДОВ,		
Юрий		
РЫБАКОВ	СО СТОЛЕТИЕМ, ЧУПА!	5-6
	ОНЕЖСКИЕ ЧЕРТОГИ ЦАРЯ	
Михаил	(О тайнах «попутного» дворца	
ДАНКОВ	Петра Алексеевича)	1-2
	МИСТИКА	
Михаил	КАРЕЛЬСКОГО ГОРОДА,	
ДАНКОВ	РОЖДЕННОГО В ШВЕЦИИ	7-8
Юрий	МИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ	5-6
ДЮЖЕВ	НИКОЛАЯ РУБЦОВА	7-8
Александр		
ЕРШОВ	АРМЯНСКИЕ ДНИ	9-10
Вадим		
ИЗМАЙЛОВ	КОМАНДИРОВКА В США	11-12
Роберт	БЕСЦЕННЫЙ ДАР	
КОЛОМАЙНЕН	ВЕСЕЛОГО ЖИВОГО СЛОВА	7-8

ПУБЛИЦИСТИКА

Николай	
КОНЯЕВ, СВЯТОЙ СРЕДИ ПИРАТОВ	
Марина (Адриан Ондрусовский	
КОНЯЕВА в контексте истории)	3-4
«СИРОТСКИЙ СМЫСЛ	
Артем СЕМЕЙНЫХ ФОТОГРАФИЙ»	
КУЛЯБИН (война в лирике Н. Рубцова)	1-2
Юрий	
ЛИННИК СЕВЕРНЫЙ ТРИПТИХ	3-4
Юрий ОЛЖАС СУЛЕЙМЕНОВ	
ЛИННИК (диптих)	5-6
Александра	
МАРИНИНА, АЛЕКСАНДРА МАРИНИНА:	
Елена Я НЕ ПИСАТЕЛЬ,	
ПИЕТИЛЯЙНЕН Я – АВТОР КНИГ»	9-10
ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ПИСА-	
Елена ТЕЛЬ В ЗЕРКАЛЕ НАРОДНОЙ	
МАРКОВА КРИТИКИ	3-4
Олег «НЕРУКОТВОРНЫЙ ПАМЯТ-	
МОШНИКОВ НИК» НИКОЛАЯ АБРАМОВА	5-6
Маркку	
НИЕМИНЕН ЭПИЛОГ	3-4
Елена СТИХИ (К 80-летию карельской	
НИКОЛАЕВА поэтессы Елены Николаевой)	5-6
Илья «ТАК ПОЛЮБИЛ Я	
НИЧИПОРОВ ДРЕВНИЕ ДОРОГИ...»	11-12
Николай РУССКАЯ ПОЭЗИЯ	
ПЕРЕЯСЛОВ НА ФОНЕ ХХІ ВЕКА	9-10
Николай ИЗ ЗАМЕТОК О МИХАИЛЕ	
ПЕРЕЯСЛОВ АФАНАСЬЕВИЧЕ БУЛГАКОВЕ	11-12
Сергей	
ПЫЛЕВ ПЕС С ЗОЛОТЫМИ ЗУБАМИ	11-12
Семен МАТЬ,	
РАБОТНИКОВ документальная повесть	9-10
Иван	
РОГОЩЕНКОВ СОХРАНЯТЬ ЗАВЕЩАННОЕ	3-4
«И КОМИССАРЫ В ПЫЛЬНЫХ	
Вячеслав ШЛЕМАХ» (революция и Гражданская	
САВАТЕЕВ война в русской прозе 1920–30-х годов)	1-2

ПУБЛИЦИСТИКА

ПОКЛОН РОДНОЙ ЗЕМЛЕ	
(От «колхозного романа» к новой «дере-	
Вячеслав венской прозе»: социальные проблемы и	
САВАТЕЕВ человеческое измерение)	9-10
СВЯЗЬ ЧЕЛОВЕКА С ДРУГИМИ	
Вера ЛЮДЬМИ, ПОИСКИ ПУТИ	
СЕРАФИМОВА К СЧАСТЬЮ	9-10
Вениамин В КРАЮ ВОДОПАДОВ	
СЛЕПКОВ И ЛЕБЕДЕЙ	1-2
Карл	
СУММАНЕН, «ПАПА ВСЕГДА ЖИЛ В ДВУХ	
Наталья МИРАХ» (К 85-летию со дня	
ЛАЙДИНЕН рождения Тайсто Сумманена)	5-6
Станислав	
УМАНЕЦ «ОТКРЫТУЮ ДУШУ – КОМУ?...»	7-8
Любовь СЕНТЯБРЬ В БЕЛОЙ СЛУДЕ;	
ШАПОВАЛОВА ХОЗЯИН ДЕРЕВНИ ЗАРИЧЬЕ	9-10

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Владимир КНИГА О РУССКИХ	
КОРКУНОВ И ДЛЯ РУССКИХ	11-12
Борис «ОТЧЕСТВОВЕДЕНИЕ», ИЛИ	
ПОДОПРИГОРА ПРИГЛАШЕНИЕ К ДОВЕРИЮ	5-6
Вениамин СКАЗОЧНЫЕ ИСТОРИИ	
СЛЕПКОВ ТАТЬЯНЫ КОПЫЛЕНКО	5-6
Вениамин	
СЛЕПКОВ С ДОБРЫМ СЕРДЦЕМ	11-12
Вадимир ЭТОТ ЛАСКОВЫЙ	
ТРУСОВ «СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР»	11-12
Олег	
ЦЕЛЕБРОВСКИЙ ОГЛЯДЫВАЯСЬ НА ЭПОХУ	5-6

Елена Пиетилäinen
главный редактор

Елена Бермус
**редактор отдела
прозы**

Евгений Кудрявцев
дизайн, верстка

Вениамин Слепков
**редактор отдела
очерка и публицистики**

Александр Воронин
**редактор
отдела поэзии
и сайта журнала**

Людмила Шанина
корректор

Наталья Евдокимова
секретарь

Редакционный Совет

Большакова Надежда (Мурманская обл.)

Васильева Надежда (Петрозаводск)

Востряков Игорь (Петрозаводск)

Гнетнев Константин (Петрозаводск)

Крапивин Владислав (Тюмень)

Ковалев Александр (Санкт-Петербург)

Лемесов Валерий (Швеция)

Маркова Елена (Петрозаводск)

Миккола Мария-Леена (Финляндия)

Минеева Инна (Петрозаводск)

Мустонен Раиса (Петрозаводск)

Переяслов Николай (Москва)

Пиетилäinen Елена (Петрозаводск)

Попов Андрей (Сыктывкар)

Пронин Сергей (Петрозаводск)

Соломещ Илья (Петрозаводск)

Журнал зарегистрирован Министерством РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № 77-3570 от 31.05.2000 г.

Цена договорная